

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Я слышал, что однажды Благословенный пребывал в Шравасти, в роще Джеты, монастыре Анатхапиндики. И в то время почтенный Гиримананда был тяжело болен и страдал от боли. Тогда почтенный Ананда пошел к Благословенному, и придя к нему, поклонившись, сел рядом. Сидя рядом, он сказал Благословенному:

-- Господин, почтенный Гиримананда тяжело болен и страдает от боли. Было бы хорошо, если бы Благословенный навестил почтенного Гиримананду, из сочувствия к нему.

-- Ананда, если ты сам пойдешь к монаху Гиримананде и расскажешь ему десять восприятий (саннья), то возможно, когда он выслушает десять восприятий, его болезнь смягчится. Какие именно десять? Восприятие непостоянства, восприятие безличности, восприятие непривлекательности, восприятие недостатков, восприятие оставления, восприятие бесстрастия, восприятие прекращения, восприятие отказа от любых миров, восприятие нежелательности всех конструкций (санкхара), осознанность вдыхания и выдыхания.

[1] И что такое восприятие непостоянства? При этом монах, – уйдя в лес, под крону дерева, или в пустое жилище, – думает так: "Форма непостоянна, чувство непостоянно, восприятие непостоянно, конструкции непостоянны, сознание непостоянно". Так он сохраняет сосредоточение на непостоянстве по отношению к пяти группам привязанности (кхандха). Это, Ананда, называется восприятием непостоянства.

[2] И что такое восприятие безличности? При этом монах, – уйдя в лес, под крону дерева, или в пустое жилище, – думает так: "Глаз безличен, формы безличны; ухо безлично, звуки безличны; нос безличен, запахи безличны; язык безличен, вкусы безличны; тело безлично, ощущения безличны; интеллект (манас) безличен, идеи безличны". Так он сохраняет сосредоточение на безличности по отношению к шести внутренним и внешним сферам чувств. Это называется восприятием безличности.

[3] И что такое восприятие непривлекательности? При этом монах размышляет над самым этим покрытым кожей и заключающим в себе множество нечистот теле, снизу вверх, начиная со стоп, и сверху вниз, начиная с волос головы, думая следующим образом: "В этом теле есть волосы головы, волосы тела, ногти, зубы, кожа; мускулы, сухожилия, кости, костный мозг, почки; сердце. Печень, диафрагма, селезенка, легкие; кишки, брыжейка, глотка, фекалии, мозг; желчь, слизь, гной, кровь, сало, пот, жир; слезы, слюна, носовая слизь, синовиальная жидкость, моча". Так он сохраняет сосредоточение на непривлекательности по отношению к самому этому телу. Это называется восприятием непривлекательности.

[4] И что такое восприятие недостатков? При этом монах, – уйдя в лес, под крону дерева, или в пустое жилище, – думает так: "В этом теле много болей, много недостатков. В этом теле возникают много болезней, например болезни зрения, болезни слуха, болезни носа, болезни языка, болезни тела, болезни головы, болезни уха, болезни рта, болезни зубов, кашель, астма, простуда, катар, жар, старение, зубная боль, обмороки, дизентерия, грипп, холера, проказа, фурункулы, стригущий лишай, туберкулез, эпилепсия, заболевания кожи, зуд, чесотка, псориаз, желтуха, диабет, геморрой, свищи, язвы; болезни, происходящие от желчи, от слизи, от элемента ветра, от сочетания телесных жидкостей, от изменений погоды, от неправильного ухода за телом, от приступов, от результатов кармы; холод, жара, голод, жажда, испражнение, мочеиспускание". Так он сохраняет сосредоточение на недостатках по отношению к телу. Это называется восприятием недостатков.

[5] И что такое восприятие оставления? При этом монах не терпит возникшей мысли о чувственности. Он оставляет ее, уничтожает ее, рассеивает ее, и искореняет ее. Он не терпит возникшей мысли о недоброжелательности. Он оставляет ее, уничтожает ее, рассеивает ее, и искореняет ее. Он не терпит возникшей мысли о нанесении вреда. Он оставляет ее, уничтожает ее, рассеивает ее, и искореняет ее. Он не терпит возникших порочных, неумелых качеств ума (дхамм). Он оставляет их, уничтожает их, рассеивает их, и искореняет их. Это называется восприятием оставления.

[6] И что такое восприятие бесстрастия? При этом монах - уйдя в лес, под крону дерева, или в пустое жилище - думает так: "Это покой, это непревзойденное - остановка всех конструкций, отказ от всей собственности, конец пристрастия, бесстрастие, Освобождение (нирвана)". Это называется восприятием бесстрастия.

[7] И что такое восприятие прекращения? При этом монах - уйдя в лес, под крону дерева, или в пустое жилище - думает так: "Это покой, это непревзойденное - остановка всех конструкций, отказ от всей собственности, конец пристрастия, прекращение, Освобождение (нирвана)". Это называется восприятием прекращения.

[8] И что такое восприятие отказа от любых миров? При этом монах отказывается от любых привязанностей,

пристрастий, навязчивостей сознания, предубеждений и скрытых склонностей по отношению к любому миру, воздерживается от них и не вовлекается. Это называется восприятием отказа от любых миров.

[9] И что такое восприятие нежелательности всех конструкций? При этом монах испытывает чувство ужаса, унижения и отвращения по отношению ко всем конструкциям (санкхара). Это называется восприятием нежелательности всех конструкций.

[10] И что такое осознанность вдыхания и выдыхания?

При этом монах уходит в лес, под крону дерева, или в пустое жилище, садится, скрестив ноги, держит тело прямо и поддерживает осознанность (букв. устанавливает осознанность перед грудью). Только осознанно он вдыхает, и осознанно он выдыхает.

(1) Делая длительный вдох, он распознает, что делает длительный вдох;

делая длительный выдох, он распознает, что делает длительный выдох;

(2) делая короткий вдох, он распознает, что делает короткий вдох;

делая короткий выдох, он распознает, что делает короткий выдох.

(3) Он тренируется вдыхать, восприимчивый ко всему телу,

и выдыхать, восприимчивый ко всему телу.

(4) Он тренируется вдыхать, успокаивая телесное конструирование,

и выдыхать, успокаивая телесное конструирование.

(5) Он тренируется вдыхать, восприимчивый к восторгу,

и выдыхать, восприимчивый к восторгу.

(6) Он тренируется вдыхать, восприимчивый к удовольствию,

и выдыхать, восприимчивый к удовольствию.

(7) Он тренируется вдыхать, восприимчивый к умственному конструированию,

и выдыхать, восприимчивый к умственному конструированию.

(8) Он тренируется вдыхать, успокаивая умственное конструирование

и выдыхать, успокаивая умственное конструирование.

(9) Он тренируется вдыхать, восприимчивый к уму,

и выдыхать, восприимчивый к уму.

(10) Он тренируется вдыхать, удовлетворяя ум,

и выдыхать, удовлетворяя ум.

(11) Он тренируется вдыхать, стабилизируя ум,

и выдыхать, стабилизируя ум.

(12) Он тренируется вдыхать, освобождая ум,

и выдыхать, освобождая ум.

(13) Он тренируется вдыхать, сосредоточиваясь на непостоянстве,

и выдыхать, сосредоточиваясь на непостоянстве.

(14) Он тренируется вдыхать, сосредоточиваясь на бесстрастии (букв. на затухании),

и выдыхать, сосредоточиваясь на бесстрастии.

(15) Он тренируется вдыхать, сосредоточиваясь на прекращении,

и выдыхать, сосредоточиваясь на прекращении.

(16) Он тренируется вдыхать, сосредоточиваясь на оставлении,

и выдыхать, сосредоточиваясь на оставлении.

Это, Ананда, называется восприятием вдыхания и выдыхания.

Теперь, Ананда, если ты пойдешь к монаху Гиримананде и расскажешь ему эти десять восприятий, то возможно, когда он выслушает эти десять восприятий, его болезнь смягчится.

Тогда почтенный Ананда, узнав эти десять восприятий в присутствии Благословенного, пошел к почтенному Гиримананде и рассказал их ему. Когда почтенный Гиримананда выслушал эти десять восприятий, его болезнь смягчилась. И почтенный Гиримананда выздоровел от своей болезни. Вот так ушла болезнь почтенного Гиримананды.

Ангуттара Никая 11.16

Метта сутта

Дружелюбие

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

"Монахи, тот, чье освобождение сознания с помощью дружелюбия проработано, развито, выполнено, обеспечено средствами перенесения, обосновано, уравновешено, объединено, и хорошо предпринято, может ожидать одиннадцати выгод. Каких именно одиннадцати?"

Он легко спит, легко пробуждается, ему не снятся плохие сны. Его любят люди, любят остальные существа. Его защищают боги. Его не затрагивает ни огонь, ни яд, ни оружие. Его ум быстро сосредотачивается. Он приятен на вид. Он умирает без замешательства и - если не проникает выше - направляется в миры Брахмы.

Таковы одиннадцать выгод, которые может ожидать тот, чей освобождение сознания с помощью дружелюбия проработано, развито, выполнено, обеспечено средствами перенесения, обосновано, уравновешено, объединено, и хорошо предпринято".

Ангуттара Никая 2.118-129

Асадуппадажа вагга

Группа сутт

"О предвкушениях, от которых трудно избавиться"

(Перевод с пали Д.А. Ивахненко)

Монахи, трудно избавиться от двух предвкушений. Каких двух? Предвкушения получения и предвкушения жизни. От этих двух предвкушений, монахи, трудно избавиться.

"Dvema, bhikkhave, asa duppajaha. katama dve? labhasa ca jivitasa ca. ima kho, bhikkhave, dve asa duppajaha"ti.

(О типах личностей)

Монахи, две личности редко встречаются в мире. Какие две? Тот, кто первым делает одолжение, и тот, кто признателен и благодарен за это. Такие две личности, монахи, редко встречаются в мире.

"Dveme, bhikkhave, puggala dullabha lokasmi.m. katame dve? yo ca pubbakari, yo ca katannu katavedi. ime kho, bhikkhave, dve puggala dullabha lokasmin"ti.

Монахи, две личности редко встречаются в мире. Какие две? Тот, кто удовлетворен, и тот, кто приносит другим удовлетворение. Такие две личности, монахи, редко встречаются в мире.

"Dveme, bhikkhave, puggala dullabha lokasmi.m. katame dve? titto ca tappeta ca. ime kho, bhikkhave, dve puggala dullabha lokasmin"ti.

Монахи, двух личностей трудно удовлетворить. Каких двух? Того, кто всё полученное кладет на сохранение, и того, кто всё полученное растрчивает и раздает кому попало. Таких двух личностей, монахи, трудно удовлетворить.

"Dveme, bhikkhave, puggala duttappaya. katame dve? yo ca laddha.m laddha.m nikkhipati, yo ca laddha.m laddha.m vissajjeti. ime kho, bhikkhave, dve puggala duttappaya"ti.

Монахи, двух личностей легко удовлетворить. Каких двух? Того, кто не кладет на сохранение всё полученное, и того, кто не растрчивает и не раздает кому попало всё полученное. Таких двух личностей, монахи, легко удовлетворить.

"Dveme, bhikkhave, puggala sutappaya. katame dve? yo ca laddha.m laddha.m na nikkhipati, yo ca laddha.m laddha.m na vissajjeti. ime kho, bhikkhave, dve puggala sutappaya"ti.

(О предпосылках возникновения)

Монахи, есть две предпосылки возникновения страсти. Какие две? Перцептивный образ привлекательности и неосновательное внимание. Таковы, монахи, две предпосылки возникновения страсти.

"Dveme, bhikkhave, passaya ragassa uppadaaya. katame dve? subhanimittanca ayoniso ca manasikaro. ime kho, bhikkhave, dve passaya ragassa uppadaaya"ti.

Монахи, есть две предпосылки возникновения неприязни. Какие две? Перцептивный образ раздражения и неосновательное внимание. Таковы, монахи, две предпосылки возникновения неприязни.

"Dveme, bhikkhave, passaya dosassa uppadaya. katame dve? pa.tighanimittanca ayoniso ca manasikaro. ime kho, bhikkhave, dve passaya dosassa uppadaya"ti.

Монахи, есть две предпосылки возникновения ошибочных взглядов. Какие две? Слова, услышанные от других, и неосновательное внимание. Таковы, монахи, две предпосылки возникновения ошибочных взглядов.

"Dveme, bhikkhave, passaya micchadi.t.thiya uppadaya. katame dve? parato ca ghoso ayoniso ca manasikaro. ime kho, bhikkhave, dve passaya micchadi.t.thiya uppadaya"ti.

Монахи, есть две предпосылки возникновения правильных взглядов. Какие две? Слова, услышанные от других, и основательное внимание. Таковы, монахи, две предпосылки возникновения правильных взглядов.

"Dveme, bhikkhave, passaya sammadi.t.thiya uppadaya. katame dve? parato ca ghoso, yoniso ca manasikaro. ime kho, bhikkhave, dve passaya sammadi.t.thiya uppadaya"ti.

(О видах проступков)

Монахи, бывают два вида проступков. Какие два? Мелкий проступок и тяжелый проступок. Таковы, монахи, два вида проступков.

"Dvema, bhikkhave, apattiyo. katama dve? lahuka ca apatti, garuka ca apatti. ima kho, bhikkhave, dve apattiyo"ti.

Монахи, бывают два вида проступков. Какие два? Глубоко безнравственный проступок и не глубоко безнравственный проступок. Таковы, монахи, два вида проступков.

"Dvema, bhikkhave, apattiyo. katama dve? du.t.thulla ca apatti, adu.t.thulla ca apatti. ima kho, bhikkhave, dve apattiyo"ti.

Монахи, бывают два вида проступков. Какие два? Проступок с оставлением в Сангхе и проступок с изгнанием из Сангхи. Таковы, монахи, два вида проступков.

"Dvema, bhikkhave, apattiyo. katama dve? savasesa ca apatti, anavasesa ca apatti. ima kho, bhikkhave, dve apattiyo"ti.

Ангуттара Никая 2.29

Виджджа-бхагия сутта

Слагаемые высшего знания

Перевод с пали Д. А. Ивахненко

Монахи, есть два умственных качества, которые приводят к высшему знанию. Какие именно два? Спокойствие (саматха) и проникновение (vipassana).

К какому результату, монахи, приводит развитое спокойствие? Развивается ум. К какому результату приводит развитый ум? Отбрасывается какая бы то ни было страсть.

К какому результату, монахи, приводит развитое проникновение? Развивается мудрость. К какому результату приводит развитая мудрость? Отбрасывается какое бы то ни было неведение.

Монахи, загрязненный страстью, ум не освобождается, загрязненная неведением, мудрость не развивается. Таковы, о монахи, освобождение ума через угасание страсти, и освобождение мудрости через угасание неведения.

Ангуттара Никая III.39

Сукхамала сутта

Роскошь

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

"Монахи, я жил в роскоши, в предельной роскоши, в полной роскоши. У моего отца в нашем дворце были даже лотосовые пруды: в одном из них цвели красные лотосы, в другом белые лотосы, в третьем голубые лотосы, все ради меня. Я использовал сандаловое дерево только из Бенареса. Мой тюрбан был из Бенареса, моя туника, нижняя одежда, и накидка тоже. Надо мной днем и ночью держали белый зонт, чтобы защищать меня от холода, жары, пыли, грязи, и росы.

У меня было три дворца: один для холодного сезона, один для жаркого сезона, и один для дождливого сезона. Во время четырех месяцев дождливого сезона меня развлекали во дворце для дождливого сезона музыканты, среди которых не было ни одного мужчины, и я ни разу не выходил из дворца. В других домах прислугу, работников и дворецких кормили чечевичной похлебкой и дробленным рисом, а в доме моего отца слуг, работников и дворецких кормили пшеницей, рисом и мясом.

Хотя я и был одарен таким богатством, такой полной роскошью, ко мне пришла мысль: "Когда необразованный, заурядный человек, который сам подвержен старению, не преодолел старения, видит другого человека, который стар, он испытывает страх, презрение и отвращение, забывая о том, что он сам подвержен старению, не преодолел старения. Если я, подверженный старению, не преодолевший старения, буду испытывать страх, презрение и отвращение при виде другого старого человека, это будет неподобающим для меня". Когда я заметил это, свойственная молодым людям опьяненность юностью полностью прошла.

Хотя я и был одарен таким богатством, такой полной роскошью, ко мне пришла мысль: "Когда необразованный, заурядный человек, который сам подвержен болезням, не преодолел болезней, видит другого человека, который болен, он испытывает страх, презрение и отвращение, забывая о том, что он сам подвержен болезням, не преодолел болезней. Если я, подверженный болезням, не преодолевший болезней, буду испытывать страх, презрение и отвращение при виде другого больного человека, это будет неподобающим для меня". Когда я заметил это, свойственная здоровым людям опьяненность здоровьем полностью прошла.

Хотя я и был одарен таким богатством, такой полной роскошью, ко мне пришла мысль: "Когда необразованный, заурядный человек, который сам подвержен смерти, не преодолел смерти, видит другого человека, который мертв, он испытывает страх, презрение и отвращение, забывая о том, что он сам подвержен смерти, не преодолел смерти. Если я, подверженный смерти, не преодолевший смерти, буду испытывать страх, презрение и отвращение при виде другого мертвого человека, это будет неподобающим для меня". Когда я заметил это, свойственная живущим людям опьяненность жизнью полностью прошла.

***

Монахи, есть такие три формы опьяненности. Какие именно три? Опьяненность молодостью, опьяненность здоровьем, опьяненность жизнью.

Пьяный опьяненностью молодостью, необразованный, заурядный человек ведет себя неправильно телом, речью и умом. Ведя себя неправильно телом, речью и умом, он, - после разрушения тела, после смерти, – возрождается в сфере обездоленности, с плохой участью, в нижних мирах, в аду.

Пьяный опьяненностью здоровьем, необразованный, заурядный человек ведет себя неправильно телом, речью и умом. Ведя себя неправильно телом, речью и умом, он, - после разрушения тела, после смерти, – возрождается в сфере обездоленности, с плохой участью, в нижних мирах, в аду.

Пьяный опьяненностью жизнью, необразованный, заурядный человек ведет себя неправильно телом, речью и умом. Ведя себя неправильно телом, речью и умом, он, - после разрушения тела, после смерти, – возрождается в сфере обездоленности, с плохой участью, в нижних мирах, в аду.

Пьяный опьяненностью молодостью, монах бросает обучение и возвращается к низшей жизни. Пьяный опьяненностью здоровьем, монах бросает обучение и возвращается к низшей жизни. Пьяный опьяненностью жизнью, монах бросает обучение и возвращается к низшей жизни.

Подверженные рождению, подверженные старению,
подверженные смерти, заурядные люди смотрят с отвращением на страдающих
от того, чему они сами подвержены.

И если бы я испытывал отвращение
к существам, подверженным этим вещам,
это бы не подобало мне,
живущему так же, как они'.

Придерживаясь такого отношения, --
зная Дхарму
без имущества, --
я преодолел всю опьяненность
здоровьем, молодостью и жизнью
как тот, кто видит

покой в отрешении.
У меня возникла энергия,
стало ясно видно Освобождение.
Я уже никак не мог
вовлекаться в чувственные удовольствия.
Последовав праведной жизни,
я не вернусь".

Ангуттара Никая IV.125

Пуггала сутта

Личности

(отрывок)

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Нанамоли Тхеры)

...

"При этом, монахи, этот человек живет с сердцем, наполненным дружелюбием, распространяющимся на восток, юг, запад и север, вверх, вниз, повсюду, и ко всем, как к себе самому; он живет с сердцем, изобилующим, возвышенным, безмерным по дружелюбию, без враждебности и недоброжелательности, охватывая весь мир.

Он радуется этому, стремится к этому, и надеется на это ради своего благополучия; прочно и решительно он пребывает в этом, и если умирает, не потеряв этого, то появляется вновь среди богов в свите Шакры (царя богов).

Срок жизни богов из свиты Шакры – одна эра. Обычный человек (который не достиг благородного восьмеричного пути) остается там на одну жизнь; но использовав весь срок жизни, которым обладают эти боги, он уходит оттуда, и (в соответствии со своими прошлыми поступками) может попасть даже в ад, или в утробу животного, или в царство призраков (пета). Но тот, кто прислушивался к Совершенному, остается там (на небесах) в течение жизни, а использовав весь срок жизни, которым обладают эти боги, в конце концов достигает полного искоренения пристрастия, ненависти и заблуждения в этой же небесной жизни.

Именно это отличает и выделяет умного слушателя, который облагорожен (достижением Благородного пути) от неумного обычного человека, когда его судьба - возродиться снова (после смерти, а Архат завершил рождения)".

...

Ангуттара Никая IV.170

Юганнадха сутта

В одной упряжке

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Однажды досточтимый Ананда остановился в Косамби, в монастыре Гхоситы. Там он обратился к монахам:

– Друзья!

– Да, друг, – ответили монахи.

Досточтимый Ананда сказал:

– Друзья, каждый раз, когда кто-то объявляет в моем присутствии о достижении архатства, – будь то монах или монахиня, – все они достигают этого с помощью того или иного из четырех путей. Каких именно четырех?

Бывает, что монах развивает видение-как-есть (vipassana) после успокоения (саматха). По мере того, как он развивает видение-как-есть после успокоения, рождается путь. Он идет по этому пути, развивает его, придерживается его. И когда он идет по этому пути, развивая его и придерживаясь его, – его пороки отбрасываются, его скрытые склонности устраняются.

Кроме того, бывает, что монах развивает успокоение после видения-как-есть. По мере того, как он развивает успокоение после видения-как-есть, рождается путь. Он идет по этому пути ... его пороки отбрасываются, его скрытые склонности устраняются.

Кроме того, бывает, что монах согласованно развивает успокоение и видение-как-есть. По мере того, как он согласованно развивает успокоение и видение-как-есть, рождается путь. Он идет по этому пути ... его пороки отбрасываются, его скрытые склонности устраняются.

Кроме того, бывает, что неугомонность по отношению к Дхамме (Комм.: пороки видения-как-есть) в уме монаха находится вполне под контролем. Приходит время, когда его ум становится внутренне устойчивым, успокаивается, объединяется и сосредоточивается. В нем рождается путь. Он идет по этому пути ... его пороки отбрасываются, его скрытые склонности устраняются.

Каждый раз, когда кто-то объявляет в моем присутствии о достижении архатства, – будь то монах или монахиня, – все они достигают этого с помощью того или иного из этих четырех путей.

Ангуттара Никая IV.41

Самадхи сутта

Сосредоточение

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Монахи, есть четыре способа развития сосредоточения. Какие именно четыре? Есть способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании, ведет к приятному пребыванию в здесь и сейчас. Есть способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании ведет к достижению знания и видения. Есть способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании ведет к памятованию и осознанности. Есть способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к прекращению влечений (асава).

(1) И каков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к приятному пребыванию в здесь и сейчас?

При этом, о монахи, монах, – уединившись таким образом от чувственных желаний (kama), уединившись от неумелых умственных качеств (akusala dhamma), – входит и пребывает в первой дхьяне: в восторге (piti) и счастье (sukha), рожденных уединением, сопровождаемых рассуждением (vitakka) и изучением (vicara).

С остановкой рассуждения и изучения, он входит и остается во второй дхьяне: восторг и счастье, рожденные сосредоточением (самадхи-дхам), объединение сознания (четасо экодиххам), свободным от рассуждения и изучения, внутренняя уверенность (адджхаттам-сампасаданам).

С угасанием восторга (пити), он пребывает в беспристрастии (упекха), с памятованием (сати) и осознанностью (сампаджанна); и испытывает физическое счастье (сукха). Он входит и остается в третьей дхьяне, и о нем благородные говорят: "В счастье живет тот, кто беспристрастен и осознает".

С отбрасыванием счастья и страдания, – так же, как перед этим исчезли радость и горе, – он входит и остается в четвертой дхьяне: памятовании, очищенном безмятежным наблюдением (упекха-сати-парисуддхи), ни счастье, ни страдании (адукхам-асукха).

Таков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании ведет к приятному пребыванию в здесь и сейчас.

(2) А каков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к достижению знания и видения?

При этом монах обращается к восприятию света и твердо решается воспринимать день (в любое время суток). День (для него) – то же самое, что и ночь, ночь – то же самое, что и день. С помощью открытого и беспрепятственного осознания, он развивает просветленный ум.

Таков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к достижению знания и видения.

(3) И каков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к памятованию и осознанности?

При этом монах осознает, как возникают чувства, как они присутствуют, и как они стихают. Он осознает, как возникают распознавания, как они присутствуют, и как они стихают. Он осознает, как возникают мысли, как они присутствуют, и как они стихают.

Таков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к памятованию и осознанности.

(4) И каков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к прекращению влечений?

При этом монах постоянно отслеживает возникновение и исчезновение пяти совокупностей привязанности: "Такова форма, таково ее возникновение, таково ее исчезновение. Таково чувство ... Таково распознавание ... Такова воля ... Таково сознание, таково его возникновение, таково его исчезновение".

Таков способ развития сосредоточения, который при применении и совершенствовании приводит к прекращению влечений.

Таковы четыре способа развития сосредоточения.

И именно в связи с этим я сказал в ответ на вопрос Панняки в "Пути к дальнему берегу" [1]:

"Тот, кто постиг
дальнее и ближнее в мире,
для кого в мире
нет ничего беспокоящего, —
чьи пороки исчезли,
ничего не жаждущий, невозмутимый,
умиротворенный, —
он, я говорю тебе, преодолел рождение и старение".

Примечания

1. "Вопрос Панняки" — третья сутра "Параянавагги", "Пути к дальнему берегу", пятой книги "Сутта-Нипаты".
[Обратно]

Ангуттара Никая IV.94

Самадхи сутта

Сосредоточение

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Монахи, в мире есть четыре типа личностей. Какие именно четыре?

Есть те, кто достиг успокоения ума (четасо-саматха), но не достиг видения-как-есть явлений (дхамма-випассана) с помощью высшей мудрости (адхипання). Есть те, кто достиг видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости, но не достиг успокоения ума. Есть те, кто не достиг ни успокоения ума, ни видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости. И есть те, кто достиг и успокоения ума, и видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости.

Тот, кто достиг успокоения ума, но не достиг видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости, должен обратиться к тому, кто достиг видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости ... с вопросом: "Как нужно рассматривать конструкции (санкхара)? Как их нужно исследовать? Как их нужно видеть-как-есть?" Тот должен ответить в соответствии с тем, что он увидел и пережил: "Конструкции нужно рассматривать таким образом ... исследовать таким образом ... видеть-как-есть таким образом". В результате (первый) достигнет и успокоения ума, и видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости.

А тот, кто достиг видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости, но не достиг успокоения ума, должен обратиться к тому, кто достиг успокоения ума ... с вопросом: "Как нужно стабилизировать ум (читта)? Как его нужно успокаивать? Как его нужно объединять? Как его нужно сосредоточивать (самадха-таббам)?" Тот должен ответить в соответствии с тем, что он увидел и пережил: "Ум нужно стабилизировать таким образом ... успокаивать таким образом ... объединять таким образом ... сосредоточивать таким образом". В результате (первый) достигнет и успокоения ума, и видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости.

А тот, кто не достиг ни успокоения ума, ни видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости, должен обратиться к тому, кто достиг и успокоения ума, и видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости, ... с вопросом: "Как нужно стабилизировать ум (читта)? Как его нужно успокаивать? Как его нужно объединять?

Как его нужно сосредоточивать? Как нужно рассматривать конструкции (санкхара)? Как их нужно исследовать? Как их нужно видеть-как-есть?" Тот должен ответить в соответствии с тем, что он увидел и пережил: "Ум нужно стабилизировать таким образом ... успокаивать таким образом ... объединять таким образом ... сосредоточивать таким образом. Конструкции нужно рассматривать таким образом ... исследовать таким образом ... видеть-как-есть таким образом". В результате (первый) достигнет и успокоения ума, и видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости.

А тот, кто достиг и успокоения ума, и видения-как-есть явлений с помощью высшей мудрости, должен только приложить усилия, чтобы еще больше упрочить эти умелые качества, и прекратить влечения (асава).

Таковы четыре типа личностей, которые есть в мире.

Ангуттара Никая V.28

Самадханга сутта

Факторы сосредоточения

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Так я слышал.

Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, в роще Джеты, монастыре Анатхапиндики. Там он обратился к монахам:

— Монахи, я научу вас пятифакторному благородному правильному сосредоточению. Слушайте внимательно. Я буду говорить.

— Как скажешь, господин, — ответили монахи.

Благословенный сказал:

— Так что такое, монахи, пятифакторное благородное правильное сосредоточение?

При этом, о монахи, монах, — уединившись таким образом от чувственных желаний (кама), уединившись от неумелых умственных качеств (akusala dhamma), — входит и пребывает в первой джхане: в восторге (pīti) и счастье (sukha), рожденных уединением, сопровождаемых рассуждением (vitakka) и изучением (vicāra).

Он пропитывает и насыщает, заливают и наполняют само это тело восторгом и счастьем, рожденными уединением. Во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено восторгом и счастьем, рожденными уединением.

Точно так же как мойщик или ученик мойщика бросает моющий порошок в медный таз и замешивает его, много раз сбрызгивая водой, так что этот шарик моющего порошка, — пропитанный, насквозь насыщенный, наполненный влагой внутри и снаружи, — все же не капает; так и монах пропитывает ... само это тело восторгом и счастьем, рожденными уединением.

Во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено восторгом и счастьем, рожденными уединением. Это первый способ развития пятифакторного благородного правильного сосредоточения.

Далее, с остановкой рассуждения и изучения, он входит и остается во второй джхане: восторг и счастье, рожденные сосредоточением (самадхи-джам), объединение сознания (четасо экодихавам), свободным от рассуждения и изучения, внутренняя уверенность (адджхаттам-сампасаданам).

Он пропитывает и насыщает, заливают и наполняют само это тело восторгом и счастьем, рожденными сосредоточением. Во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено восторгом и счастьем, рожденными сосредоточением.

Точно так же как озеро с бьющей изнутри ключевой водой, не имея никакого притока ни с востока, ни с запада, ни с севера, ни с юга, которому небо регулярно дает изобильные ливни, так что прохладный источник воды, бьющий внутри озера, пропитывает и насыщает, заливают и наполняют его прохладной водой, и во всем озере не остается ничего, что не было бы наполнено прохладной водой; так и монах пропитывает ... само это тело восторгом и счастьем, рожденными сосредоточением. Во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено восторгом и счастьем, рожденными сосредоточением. Это второй способ развития пятифакторного благородного правильного сосредоточения.

И далее, с угасанием восторга (пити), он пребывает в беспристрастии (упекха), с осознанностью (сати) и бдительностью (сампаджанна); и испытывает физическое счастье (сукха). Он входит и остается в третьей джхане, и о нем благородные говорят: "В счастье живет тот, кто беспристрастен и осознает".

Он пропитывает и насыщает, заливают и наполняют само это тело счастьем, лишенным восторга. Во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено счастьем, лишенным восторга.

Точно так же как в пруду с голубыми, белыми или розовыми лотосами, некоторые из этих голубых, белых, или розовых лотосов могут, родившись и растя в воде, остаются погруженными в воду и цветут, не высовываясь из воды, так что они пропитываются и насыщаются, заливаются и наполняются прохладной водой от корней до верхушек, и во всех этих голубых, белых, или розовых лотосах не остается ничего, что не было бы наполнено прохладной водой; так и монах пропитывается ... само это тело счастьем, лишенным восторга. Во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено счастьем, лишенным восторга. Это третий способ развития пятифакторного благородного правильного сосредоточения.

И далее, с отбрасыванием счастья и страдания, – так же, как перед этим исчезли радость и горе, – он входит и остается в четвертой джхане: осознанности, очищенной беспристрастием (упекха-сати-парисуддхи), ни счастье, ни страдания (адукхам-асукха).

Он сидит, наполняя свое тело чистым, ярким осознанием, так что во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено чистым, ярким осознанием.

Точно так же как человек, который сидит, обернутый с головы до ног в белую ткань, так что нет ни одной части его тела, которую бы не покрывала белая ткань; так и монах сидит, наполняя свое тело чистым, ярким осознанием, так что во всем его теле не остается ничего, что не было бы наполнено чистым, ярким осознанием. Это четвертый способ развития пятифакторного благородного правильного сосредоточения.

И далее, монах хорошо овладевает своей настройкой (нимитта) созерцания, хорошо следит за ней, хорошо созерцает ее, хорошо настраивает ее (хорошо постигает ее) с помощью распознавания (паннья).

Точно так же как один человек созерцает другого, или стоящий человек созерцает сидящего, или сидящий созерцает лежащего; так, монахи, и монах хорошо овладевает своей настройкой (нимитта) созерцания, хорошо следит за ней, хорошо созерцает ее, хорошо настраивает ее (хорошо постигает ее) с помощью распознавания (паннья). Это пятый способ развития пятифакторного благородного правильного сосредоточения.

Когда монах таким образом развил и усовершенствовал пятифакторное благородное правильное сосредоточение, то на какое бы из шести высших знаний он ни обратил свой ум, чтобы постичь и осознать его, он может пережить это знание на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Предположим, что на подставке стоит кувшин с водой, наполненный до краев водой, так что из него может пить ворона. Если сильный человек наклонит его в любую сторону, вода выльется?

– Да, господин.

Аналогично, когда монах таким образом развил и усовершенствовал пятифакторное благородное правильное сосредоточение, то на какое бы из шести высших знаний он ни обратил свой ум, чтобы постичь и осознать его, он может пережить это знание на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Предположим, что на ровной земле, ограниченный по сторонам плотинами, установлен прямоугольный резервуар с водой, доверху наполненный водой, так что из него может пить ворона. Если сильный человек ослабит плотины в любом месте, вода выльется?

– Да, господин ...

Предположим, что на перекрестке четырех дорог на ровной земле стоит колесница, запряженная чистокровными лошадьми, ждущая с лежащими наготове кнутами, так что умелый возница, объездчик укрощаемых лошадей, может войти на нее, и взяв поводья в левую руку, а кнуты в правую, поехать куда угодно и обратно, в любое место и по любой дороге, которая ему нравится; аналогично, когда монах таким образом развил и усовершенствовал пятифакторное благородное правильное сосредоточение, то на какое бы из шести высших знаний он ни обратил свой ум, чтобы постичь и осознать его, он может пережить это знание на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, он владеет сверхъестественными способностями. Бывши одним, он становится многими; бывши многими, он становится одним. Он появляется. Он исчезает. Он беспрепятственно проходит через стены, валы и горы, как будто через пространство. Он ныряет и выныривает из земли, как будто это вода. Он ходит по воде, не погружаясь, как будто это суша. Сидя скрестив ноги, он летает по воздуху, как крылатая птица. Своей рукой он касается и гладит даже солнце и луну, так он силен и могуществен. Своим телом он осуществляет воздействие даже вплоть до миров Брахмы. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, он слышит – с помощью божественного слуха, очищенного и превосходящего человеческий, – оба вида звуков: божественные и человеческие, будь то близко или далеко. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, он знает сознание других существ, других людей, охватив его своим сознанием. Он распознает ум со страстью как ум со страстью, и ум без страсти как ум без страсти. Он распознает ум с отвращением как ум с отвращением, и ум без отвращения как ум без отвращения. Он распознает ум с заблуждением как ум с заблуждением, и ум без заблуждения как ум без заблуждения. Он распознает сдержанный ум как сдержанный ум, и разбросанный ум как разбросанный ум. Он распознает расширенный ум как расширенный ум, и нерасширенный ум как нерасширенный ум. Он распознает несовершенный ум как несовершенный ум, и совершенный ум как совершенный ум. Он распознает сосредоточенный ум как сосредоточенный ум, и несосредоточенный ум как несосредоточенный ум. Он распознает освобожденный ум как освобожденный ум, и неосвобожденный ум как

неосвобожденный ум. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность. Если он хочет, он вспоминает свои многочисленные прошлые жизни (букв. предыдущие дома), то есть одно рождение, два рождения, три рождения, четыре, пять, десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, сто, тысячу, сто тысяч, много эр сужения вселенной, много эр расширения вселенной, много эр сужения и расширения вселенной, (вспоминая): "Там у меня было такое-то имя, я принадлежал к такому-то роду, имел такую-то внешность. Такой-то была моя еда, таким-то мой опыт счастья и боли, таким-то конец моей жизни. Перейдя из этого состояния, я снова возник там-то. Там тоже у меня было такое-то имя, я принадлежал к такому-то роду, имел такую-то внешность. Такой-то была моя еда, таим-то мой опыт счастья и боли, таким-то конец моей жизни. Перейдя из этого состояния, я снова возник там-то." Так он вспоминает свои многочисленные прошлые жизни в их видах и подробностях. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность. Если он хочет, он видит – с помощью божественного зрения, очищенного и превосходящего человеческого, – как существа умирают и возрождаются, и он распознает, как они бывают низшими и высшими, прекрасными и уродливыми, счастливыми и несчастными в соответствии с их кармой: "Эти существа, – которые были наделены плохим поведением тела, речи и ума, которые оскорбляли благородных личностей, придерживались неверных взглядов и предпринимали действия под влиянием неверных взглядов, – с разрушением тела, после смерти, возродились в сфере обездоленности, с плохой участью, в нижних мирах, в аду. Но те существа, – которые были наделены хорошим поведением тела, речи и ума, которые не оскорбляли благородных личностей, которые придерживались верных взглядов и предпринимали действия под влиянием верных взглядов, – с разрушением тела, после смерти, возродились с хорошей участью, в небесном мире". Так – с помощью божественного зрения, очищенного и превосходящего человеческого, – он видит, как существа умирают и возрождаются, и он распознает, как они бывают низшими и высшими, прекрасными и уродливыми, счастливыми и несчастными в соответствии с их кармой. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность. Если он хочет, то через прекращение умственных пороков (асава), он остается в беспорочной свободе сознания (четас) и свободе распознавания (паннья), узнав и проявив их для себя прямо здесь и сейчас. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность".

Вот что сказал Благословенный. Радостные сердцем, монахи восхитились его словам.

Ангуттара Никая V.78

Анагата-бхаяни сутта

О будущих опасностях (вторая часть)

Монахи, пяти будущих опасностей вполне достаточно, если их учитывать, чтобы монах бдительно, пылко и решительно, постоянно стремился к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного. Каких именно пяти?

При этом монах напоминает себе: 'Сейчас я молод, черноволос, одарен благами молодости на первом этапе жизни. Но придет время, когда это тело будет страдать от старости. Когда человека одолевают старость и увядание, ему нелегко уделять внимание учениям Будды. Нелегко жить в уединенных жилищах в лесу или дикой местности.

Прежде чем произойдет это нежелательное, неприятное, огорчительное событие, пусть я сначала приложу усилия к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного, с тем чтобы – одаренный этой Дхаммой – я жил в покое даже в старости.'

Такова первая будущая опасность, которой вполне достаточно, если её учитывать, чтобы монах бдительно, пылко и решительно, постоянно стремился к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного.

Кроме того, монах напоминает себе: 'Сейчас я свободен от болезней и недугов, одарен хорошим пищеварением: не слишком холодным, не слишком жарким, средней силы и выносливости. Но придет время, когда это тело будет страдать от болезни. Когда человека одолевает болезнь, ему нелегко уделять внимание учениям Будды. Нелегко жить в уединенных жилищах в лесу или дикой местности.

Прежде чем произойдет это нежелательное, неприятное, огорчительное событие, пусть я сначала приложу усилия к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного, с тем чтобы – одаренный этой Дхаммой – я жил в покое даже во время болезни.'

Такова вторая будущая опасность, которой вполне достаточно, если её учитывать, чтобы монах бдительно, пылко и решительно, постоянно стремился к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного.

Кроме того, монах напоминает себе: ‘Сейчас еда в изобилии, легко даются пожертвования. Легко содержать себя за счет сбора пожертвований и покровительства. Но придет время, когда будет голод: еды будет недостаточно, пожертвования будут даваться с трудом, и будет нелегко содержать себя за счет сбора пожертвований и покровительства. Во время голода люди соберутся там, где есть изобилие еды. Они будут там жить в тесноте и давке. Когда человек живет в тесноте и давке, ему нелегко уделять внимание учениям Будды. Нелегко жить в уединенных жилищах в лесу или дикой местности.

Прежде чем произойдет это нежелательное, неприятное, огорчительное событие, пусть я сначала приложу усилия к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного, с тем чтобы – одаренный этой Дхаммой – я жил в покое даже во время голода.’

Такова третья будущая опасность, которой вполне достаточно, если её учитывать, чтобы монах бдительно, пылко и решительно, постоянно стремился к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного.

Кроме того, монах напоминает себе: ‘Сейчас люди живут в согласии, как друзья, не ссорясь, как молоко, смешанное с водой, относясь друг к другу с расположением. Но придет время, когда будет опасность и вторжение варварских племен. Захватывая власть, они обступят сельскую местность. Во время опасности люди соберутся там, где безопасно. Они будут там жить в тесноте и давке. Когда человек живет в тесноте и давке, ему нелегко уделять внимание учениям Будды. Нелегко жить в уединенных жилищах в лесу или дикой местности.

Прежде чем произойдет это нежелательное, неприятное, огорчительное событие, пусть я сначала приложу усилия к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного, с тем чтобы – одаренный этой Дхаммой – я жил в покое даже во время опасности.’

Такова четвертая будущая опасность, которой вполне достаточно, если её учитывать, чтобы монах бдительно, пылко и решительно, постоянно стремился к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного.

Кроме того, монах напоминает себе: ‘Сейчас Сангха живет в мире и согласии, без ссор, безмятежно, с одним учением. Но придет время, когда в Сангхе произойдет раскол. Когда Сангха расколота, нелегко уделять внимание учениям Будды. Нелегко жить в уединенных жилищах в лесу или дикой местности.

Прежде чем произойдет это нежелательное, неприятное, огорчительное событие, пусть я сначала приложу усилия к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного, с тем чтобы – одаренный этой Дхаммой – я жил в покое даже во время раскола Сангхи.’

Такова пятая будущая опасность, которой вполне достаточно, если её учитывать, чтобы монах бдительно, пылко и решительно, постоянно стремился к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного.

Таковы пять будущих опасностей, которых вполне достаточно, если их учитывать, чтобы монах бдительно, пылко и решительно, постоянно стремился к достижению еще не достигнутого, исполнению еще не выполненного, осуществлению еще не осуществленного.

Ангуттара Никая VIII.26

Дживака сутта

К Дживаке (о мирских последователях)

Я слышал, что однажды Благословенный пребывал в Раджахе в Манговой роще Дживаки. Тогда Дживака Комарабхачча приблизился к Благословенному, и подойдя, поклонившись, сел сбоку. Сев сбоку, он спросил Благословенного:

– Почтенный, когда человек является мирским последователем (упасака)?

– Дживака, когда человек приходит к Будде как к прибежищу, приходит к Дхамме как к прибежищу, приходит к Сангхе как к прибежищу, тогда он является мирским последователем.

– А когда, почтенный, человек является нравственным мирским последователем?

– Дживака, когда он воздерживается от лишения жизни, от взятия того, что не дано, от прелюбодеяния, от лжи, от произведенных брожением и перегонкой напитков, приводящих к беспечности, тогда он является нравственным мирским последователем.

– А когда, почтенный, человек является мирским последователем, практикующим для собственного блага, но не для блага других?

– Дживака, когда мирской последователь сам совершенен в вере, но не побуждает других к совершенству в вере; когда он сам совершенен в нравственности, но не побуждает других к совершенству в нравственности; когда он

сам совершенен в щедрости, но не побуждает других к совершенству в щедрости; когда он сам желает видеть монахов, но не побуждает других видеть монахов; когда он сам желает слушать истинную Дхамму, но не побуждает других слушать истинную Дхамму; когда он сам часто вспоминает услышанную Дхамму, но не побуждает других вспоминать услышанную Дхамму; когда он сам исследует смысл услышанной Дхаммы, но не побуждает других исследовать смысл услышанной Дхаммы; когда он сам, зная Дхамму и ее смысл, практикует Дхамму в соответствии с Дхаммой, но не побуждает других практиковать Дхамму в соответствии с Дхаммой, тогда он является мирским последователем, практикующим для собственного блага, но не для блага других.

— А когда, почтенный, человек является мирским последователем, практикующим и для собственного блага, и для блага других?

— Дживака, когда мирской последователем сам совершенен в вере и побуждает других к совершенству в вере; когда он сам совершенен в нравственности и побуждает других к совершенству в нравственности; когда он сам совершенен в щедрости и побуждает других к совершенству в щедрости; когда он сам желает видеть монахов и побуждает других видеть монахов; когда он сам желает слушать истинную Дхамму и побуждает других слушать истинную Дхамму; когда он сам часто вспоминает услышанную Дхамму и побуждает других вспоминать услышанную Дхамму; когда он сам исследует смысл услышанной Дхаммы и побуждает других исследовать смысл услышанной Дхаммы; когда он сам, зная Дхамму и ее смысл, практикует Дхамму в соответствии с Дхаммой, и побуждает других практиковать Дхамму в соответствии с Дхаммой, тогда человек является мирским последователем, практикующим и для собственного блага, и для блага других.

Ангуттара Никая IX.34

Ниббанасукха сутта

Счастье Ниббаны

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Я слышал, что однажды досточтимый Сарипутта жил недалеко от Раджагахи в Бамбуковой роще, Беличьем заповеднике. Там он сказал монахам:

— Это Освобождение (ниббана) приятно, друзья. Это Освобождение приятно.

Когда это было сказано, досточтимый Удайин сказал досточтимому Сарипутте:

— Но мой друг, что приятного там, где ничего не чувствуется?

— Именно это здесь и приятно, мой друг: что ничего не чувствуется. Есть пять составляющих чувственности. Какие именно пять? Формы, создаваемые с помощью зрения - милые, приятные, очаровательные, привлекательные, вызывающие желание, соблазнительные; звуки... запахи... вкусы... тактильные ощущения, создаваемые с помощью тела - милые, приятные, очаровательные, привлекательные, вызывающие желание, соблазнительные. Какое бы удовольствие или радость ни возникали на основе этих пяти составляющих чувственности, это чувственное удовольствие.

И при этом монах, — совершенно непривязанный к чувственности (кама), непривязанный к неумелым качествам (акусала-дхамма), — входит и остается в первой джхане... Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным с чувственностью (кама), это несчастье для него. Точно так же, как боль возникает как несчастье для здорового человека, точно так же внимание к связанным с чувственностью восприятиям - это несчастье для него. А Благословенный сказал, что любое несчастье - это страдание (дуккха). Так что с помощью таких умозаключений можно понять, насколько приятно Освобождение (ниббана).

Далее монах, с остановкой направленного мышления (витака) и аналитического мышления (вичара), входит и остается во второй джхане: восторг и удовольствие, рожденные сосредоточением (самадхи-дхамма), объединение сознания (четасо экидхамма), свободным от направленной мысли и анализа, внутренняя уверенность (адджхаттам-сампасаданам). Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным с направленным мышлением (витака), это несчастье для него...

Далее монах, с угасанием восторга (пити), пребывает в беспристрастии (упеккха), с осознанностью (сати) и бдительностью (сампаджанна); и испытывает физическое удовольствие (сукха). Он входит и остается в третьей джхане, и о нем благородные говорят: "В удовольствии живет тот, кто беспристрастен и осознает". Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным с восторгом (пити), это несчастье для него...

Далее монах, с отбрасыванием удовольствия и страдания, — так же, как перед этим исчезли радость и горе, — входит и остается в четвертой джхане: осознанности, очищенной беспристрастием (упеккха-сати-парисуддхи),

ни удовольствия, ни страдания (адуккхам-асуккха). Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным с беспристрастием (упеккха), это несчастье для него...

Далее монах, полностью выйдя за пределы восприятий (физической) формы, с исчезновением восприятий сопротивления, и не обращая внимания на восприятия разнообразия, думая: "Бесконечное пространство", входит и пребывает в сфере бесконечности пространства. Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным с формой (рупа), это несчастье для него...

Далее монах, полностью выйдя за пределы сферы бесконечности пространства, думая: "Бесконечное сознание", входит и пребывает в сфере бесконечности сознания. Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным со сферой бесконечности пространства, это несчастье для него...

Далее монах, полностью выйдя за пределы сферы бесконечности сознания, думая: "Ничего нет", входит и пребывает в сфере отсутствия. Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным со сферой бесконечности сознания, это несчастье для него...

Далее монах, полностью выйдя за пределы сферы отсутствия, входит и пребывает в сфере ни восприятия, ни не-восприятия. Если, когда он пребывает там, его одолевает внимание к восприятиям, связанным со сферой отсутствия, это несчастье для него... любое несчастье - это страдание (дуккха). Так что с помощью таких умозаключений можно понять, насколько приятно Освобождение (ниббана).

Далее монах, полностью выйдя за пределы сферы ни восприятия, ни не-восприятия, входит и остается в прекращении восприятия и чувства. И, когда он видит (это) с помощью распознавания, его влечения (асава) полностью прекращаются. Так что с помощью таких умозаключений можно понять, насколько приятно Освобождение (ниббана).

Ангуттара Никая IX.35

Гави сутта

Корова

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Предположим, что одна горная корова – глупая, неопытная, незнакомая со своим пастбищем, не умеющая бродить по скалистым горам – подумала бы: "Что, если я пойду в направлении, в котором я никогда не ходила, чтобы поесть траву, которой я еще никогда не ела, попить воду, которую я еще никогда не пила!". Она подняла бы заднее копыто, не поставив твердо переднее, и (в результате) не отправилась бы в направлении, в котором она никогда не ходила, чтобы поесть траву, которой она еще никогда не ела, попить воду, которую она еще никогда не пила. А что касается места, где она стояла, когда к ней пришла мысль: "Что, если я пойду в направлении, куда я еще никогда не ходила ... чтобы попить воду, которой я еще никогда не пила", она не возвратилась бы туда благополучно. Почему? Потому что она глупая, неопытная горная корова, незнакомая со своим пастбищем, не умеющая бродить по скалистым горам.

Аналогично бывает, что монах – глупый, неопытный, незнакомый со своим пастбищем, не умеющий ... входить и пребывать в первой джхане: восторге и удовольствии, рожденными непривязанностью, сопровождаемыми направленной мыслью и оценкой – не улавливает перцептивного образа этой джханы, не развивает его, не занимается им, не закрепляется в нем. К нему приходит мысль: "Что если я, с успокоением направленной мысли и оценки, войду и останусь во второй джхане: восторге и удовольствии, рожденными собранностью, объединении осознания, свободном от направленной мысли и оценки – внутренней уверенности". Он оказывается неспособен ... входить и оставаться во второй джхане ... К нему приходит на ум: "Что если я ... войду и останусь в первой джхане ... Он оказывается неспособен ... войти и остаться в первой джхане. Его называют монахом, который соскользнул и упал с обеих сторон, как горная корова, глупая, неопытная, незнакомая со своим пастбищем, не умеющая бродить по скалистым горам.

Но предположим, что одна горная корова – мудрая, опытная, знакомая со своим пастбищем, умеющая бродить по скалистым горам – подумала бы: "Что, если я пойду в направлении, в котором я никогда не ходила, чтобы поесть траву, которой я еще никогда не ела, попить воду, которую я еще никогда не пила!". Она подняла бы заднее копыто, обязательно сначала поставив твердо переднее, и (в результате) отправилась бы в направлении, в котором она никогда не ходила, чтобы поесть траву, которой она еще никогда не ела, попить воду, которую она еще никогда не пила. А что касается места, где она стояла, когда к ней пришла мысль: "Что, если я пойду в направлении, куда я еще никогда не ходила ... чтобы попить воду, которой я еще никогда не пила", она возвратилась бы туда благополучно. Почему? Потому что она мудрая, опытная горная корова, знакомая со

своим пастбищем, умеющая бродить по скалистым горам.

Аналогично бывает, что монах – мудрый, опытный, знакомый со своим пастбищем, умеющий ... входить и пребывать в первой джхане ... улавливает перцептивный образ этой джханы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем. К нему приходит мысль: "Что, если я ... войду и останусь во второй джхане ..." Не перескакивая ко второй джхане, он – с успокоением направленной мысли и оценки – входит и остается во второй джхане. Он улавливает перцептивный образ этой джханы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем. К нему приходит мысль: "Что, если я ... войду и останусь в третьей джхане" ... Не перескакивая к третьей джхане, он ... входит и остается в третьей джхане. Он улавливает перцептивный образ этой джханы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем. К нему приходит мысль: "Что, если я ... войду и останусь в четвертой джхане" ... Не перескакивая к четвертой джхане, он ... входит и остается в четвертой джхане. Он улавливает перцептивный образ этой джханы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем.

К нему приходит мысль: "Что, если я, полностью выйдя за пределы распознавания (физической) формы, с исчезновением распознавания раздражения чувств, и не обращая внимания на распознавание разнообразия, думая: "Бесконечное пространство", войду и останусь в сфере бесконечности пространства". Не перескакивая в сферу бесконечности пространства, он ... входит и остается в сфере бесконечности пространства. Он улавливает перцептивный образ этой сферы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем.

К нему приходит мысль: "Что, если я, полностью выйдя за пределы сферы бесконечности пространства, думая: "Бесконечное сознание", войду и останусь в сфере бесконечности сознания". Не перескакивая в сферу бесконечности сознания, он ... входит и остается в сфере бесконечности сознания. Он улавливает перцептивный образ этой сферы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем.

К нему приходит мысль: "Что, если я, полностью выйдя за пределы сферы бесконечности сознания, думая: "Ничего нет", войду и останусь в сфере несуществования". Не перескакивая в сферу несуществования, он ... входит и остается в сфере несуществования. Он улавливает перцептивный образ этой сферы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем.

К нему приходит мысль: "Что, если я, полностью выйдя за пределы сферы несуществования, войду и останусь в сфере ни распознавания, ни отсутствия распознавания". Не перескакивая в сферу ни распознавания, ни нерасознавания, он ... входит и остается в сфере ни распознавания, ни нерасознавания. Он улавливает перцептивный образ этой сферы, развивает его, занимается им, и прочно закрепляется в нем.

К нему приходит мысль: "Что, если я, полностью выйдя за пределы сферы ни распознавания, ни нерасознавания, войду и останусь в прекращении распознавания и чувствования". Не перескакивая к прекращению распознавания и чувствования, он ... входит и остается в прекращении распознавания и чувствования.

Когда монах вступает в это знание и проходит через него, его ум становится пластичным и податливым. С пластичным, податливым умом, хорошо развивается безграничное сосредоточение. С хорошо развитым, безграничным сосредоточением, на какое бы из шести высших знаний он ни обратил свой ум, чтобы узнать и осознать их, он может засвидетельствовать их сам при каждой удобной возможности.

Если он хочет, он владеет сверхъестественными способностями. Бывши одним, он становится многими; бывши многими, он становится одним. Он появляется. Он исчезает. Он беспрепятственно проходит через стены, валы и горы, как будто через пространство. Он ныряет и выныривает из земли, как будто это вода. Он ходит по воде, не погружаясь, как будто это суша. Сидя скрестив ноги, он летает по воздуху, как крылатая птица. Своей рукой он касается и гладит даже солнце и луну, так он силен и могуществен. Своим телом он осуществляет воздействие даже вплоть до миров Брахмы. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, он слышит – с помощью божественного слуха, очищенного и превосходящего человеческий, – оба вида звуков: божественные и человеческие, будь то близко или далеко. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, он знает сознание других существ, других людей, охватив его своим сознанием. Он распознает ум со страстью как ум со страстью, и ум без страсти как ум без страсти. Он распознает ум с отвращением как ум с отвращением, и ум без отвращения как ум без отвращения. Он распознает ум с заблуждением как ум с заблуждением, и ум без заблуждения как ум без заблуждения. Он распознает сдержанный ум как сдержанный ум, и разбросанный ум как разбросанный ум. Он распознает расширенный ум как расширенный ум, и нерасширенный ум как нерасширенный ум. Он распознает несовершенный ум как несовершенный ум, и совершенный ум как совершенный ум. Он распознает сосредоточенный ум как сосредоточенный ум, и несосредоточенный ум как несосредоточенный ум. Он распознает освобожденный ум как освобожденный ум, и неосвобожденный ум как неосвобожденный ум. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, он вспоминает свои многочисленные прошлые жизни (букв. предыдущие дома), то есть одно рождение, два рождения, три рождения, четыре, пять, десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, сто, тысячу, сто тысяч, много эр сужения вселенной, много эр расширения вселенной, много эр сужения и расширения вселенной, (вспоминая): "Там у меня было такое-то имя, я принадлежал к такому-то роду, имел такую-то внешность. Такой-то была моя еда, таким-то мой опыт удовольствия и боли, таким-то конец моей жизни.

Перейдя из этого состояния, я снова возник там-то. Там тоже у меня было такое-то имя, я принадлежал к такому-то роду, имел такую-то внешность. Такой-то была моя еда, таим-то мой опыт удовольствия и боли, таким-то конец моей жизни. Перейдя из этого состояния, я снова возник там-то." Так он вспоминает свои многочисленные прошлые жизни в их видах и подробностях. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, он видит – с помощью божественного зрения, очищенного и превосходящего человеческого, – как существа умирают и возрождаются, и он распознает, как они бывают низшими и высшими, прекрасными и уродливыми, счастливыми и несчастными в соответствии с их кармой: "Эти существа, – которые были наделены плохим поведением тела, речи и ума, которые оскорбляли благородных личностей, придерживались неверных взглядов и предпринимали действия под влиянием неверных взглядов, – с разрушением тела, после смерти, возродились в сфере обездоленности, с плохой участью, в нижних мирах, в аду. Но те существа, – которые были наделены хорошим поведением тела, речи и ума, которые не оскорбляли благородных личностей, которые придерживались верных взглядов и предпринимали действия под влиянием верных взглядов, – с разрушением тела, после смерти, возродились с хорошей участью, в небесном мире". Так – с помощью божественного зрения, очищенного и превосходящего человеческого, – он видит, как существа умирают и возрождаются, и он распознает, как они бывают низшими и высшими, прекрасными и уродливыми, счастливыми и несчастными в соответствии с их кармой. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Если он хочет, то через прекращение умственных пороков (асава), он остается в беспорочной свободе сознания (четас) и свободе распознавания (паннья), узнав и проявив их для себя прямо здесь и сейчас. Он может пережить это на собственном опыте, как только есть такая возможность.

Ангуттара Никая IX.36

Джхана сутта

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Я говорю вам, прекращение влечений (асава) основывается на первой джхане... второй джхане... третьей... четвертой... сфере бесконечности пространства... сфере бесконечности сознания... сфере отсутствия (акинча). Я говорю вам, прекращение влечений основывается на сфере ни восприятия, ни не-восприятия.

"Я говорю вам, прекращение влечений основывается на первой джхане". Так было сказано. По отношению к чему это было сказано? При этом, о монахи, монах, – уединившись таким образом от чувственных желаний (кама), уединившись от неумелых умственных качеств (akusala dhamma), – входит и пребывает в первой джхане: в восторге (piti) и счастье (sukha), рожденных уединением, сопровождаемых рассуждением (vitakka) и изучением (vicāra). Он рассматривает любые происходящие в ней явления, связанные с формой, чувством, восприятиями, конструкциями, и сознанием, как непостоянные, приносящие страдание, как болезнь, бедствие, стрелу, как болезненные, как несчастье, как чуждые, как разрушение, как пустые, как безличные. Он отвлекает свой ум от этих явлений, и тогда направляет свой ум на бессмертный элемент (амата-дхату): "Это покой, это совершенство – демонтаж всех конструкций; отказ от всего приобретенного; прекращение пристрастия; бесстрастие; прекращение; Освобождение (ниббана)".

Представьте, что лучник или ученик лучника тренируется на соломенном чучеле или гряде глины, чтобы вскоре научиться стрелять на далекое расстояние, быстро и точно выпускать одну стрелу за другой, и пробивать большие предметы. Аналогично монах... входит и остается в первой джхане: восторг (пити) и счастье (сукха), рожденные уединением, сопровождаемые рассуждением (витака) и изучением (вичара). Он рассматривает любые происходящие в ней явления, связанные с формой, чувством, восприятиями, конструкциями, и сознанием, как непостоянные, приносящие страдание, как болезнь, бедствие, стрелу, как болезненные, как несчастье, как чуждые, как разрушение, как пустые, как безличные. Он отвлекает свой ум от этих явлений, и тогда направляет свой ум на бессмертный элемент: "Это покой, это совершенство – демонтаж всех конструкций; отказ от всего приобретенного; прекращение пристрастия; бесстрастие; прекращение; Освобождение (ниббана)".

Оставаясь там же, он достигает прекращения влечений. А если нет, то благодаря пристрастию и восхищению к этому элементу и полному искоренению первых пяти оков (представление о себе, привязанность к правилам и практикам, неуверенность, чувственное желание, и раздражение) – он переродится (в "чистых землях"), чтобы там полностью освободиться, больше не возвращаясь из того мира.

"Я говорю вам, прекращение влечений основывается на первой джхане". Так было сказано, и вот по отношению к чему это было сказано.

(Аналогично с остальными уровнями джханы вплоть до сферы отсутствия чего бы то ни было (акинча).)

До этой сферы доходят достижения восприятия, то есть до этой сферы доходит проникающее познание. Что касается следующих двух сфер, — достижение сферы ни восприятия, ни не-восприятия, и достижение прекращения чувства и восприятия, — я говорю вам, что их должны правильно объяснять медитирующие монахи, искусные в достижении, искусные в достижении и выходе, которые достигали и выходили из этих сфер.

ДХАММАПАДА

Приводится по изданию:

«Дхаммапада»: Перевод с пали, введение и комментарии В.Н.Топорова.

Памятники литературы народов Востока.

Bibliotheca Buddhica XXXI.

Издательство восточной литературы. — М., 1960.

(для отображения букв с диакритическими знаками необходимо установить шрифт Times Ext Roman или подобный шрифт с кодировкой Уникод, и использовать браузеры Mozilla Firefox, Opera версии 6.01 или Internet Explorer версии 5.01 или выше)

Памяти В. С. Воробьёва-Десятовского

Дхаммапада и буддийская литература

I. Глава парных строф

II. Глава о серьезности

III. Глава о мысли

IV. Глава о цветах

V. Глава о глупцах

VI. Глава о мудрых

VII. Глава об Архатах

VIII. Глава о тысяче

IX. Глава о зле

X. Глава о наказании

XI. Глава о старости

XII. Глава о своем Я

XIII. Глава о мире

XIV. Глава о просветленном

XV. Глава о счастье

XVI. Глава о приятном

XVII. Глава о гневе

XVIII. Глава о скверне

XIX. Глава о соблюдающем дхамму

XX. Глава о пути

XXI. Глава о разном

XXII. Глава о преисподней

XXIII. Глава о слоне

XXIV. Глава о желании

XXV. Глава о бхикшу

XXVI. Глава о брахманах

Список сокращений

Дхаммапада и буддийская литература

У царя родился сын, желанный и долгожданный. Он рос окружённый любовью и заботами ближних, пользуясь всеми преимуществами своего положения. Первые два десятилетия жизни были завершены женитьбой. И казалось, что и в дальнейшем жизнь будет столь же безоблачна и исполнена того, что обычно называют счастьем: любимая жена и опора в старости — дети, верные друзья, славные воинские подвиги, пиршества, сладостная музыка, завораживающие танцы, увлекательные легенды. Но случилось иначе, и на первый взгляд случайные события изменили привычный ход жизни. Конечно, случайным было то, что царский сын увидел ветхого старика, несчастного больного, изнурённого лихорадкой, или мертвеца, но не случайно жизнь врывалась в этот индийский "соловьиный сад" и ставила вопросы, на которые нельзя было не отвечать, особенно если они были обращены к

человеку пытливому и легко ранимому при виде страданий и зла. Понятно, эти вопросы волновали тогда многих, и действительность, как это нередко случается, услужливо подсовывала готовые ответы в виде старых догм исчерпавшей себя ведийской мифологии, в виде ритуальных клише, жестоких жертвоприношений, изнуряющего аскетизма, в котором истинное подвижничество переплеталось с фокусничеством и саморекламой. Однако человек глубокого и самостоятельного ума, широких взглядов, беспримечной внутренней честности, Гаутама (таково было его фамильное имя) не захотел довольствоваться известными рецептами: он должен был всё обдумать сам и дать свой ответ. Поэтому он не спешил с практическими выводами. Кончалось третье десятилетие его жизни. По видимости всё было как прежде. Но скрытая работа ума не останавливалась. Картины человеческих страданий, столь неотразимо подействовавшие на юношу, стали предметом кропотливого анализа. И однажды стало ясно, что желания, любовь, привязанность немислимы без страдания: как прочная цепь, связывают они человека со страданием и злом. Если продолжать прежнюю жизнь, если бездействовать, не будет конца этим путам и страдание не прекратится. Остаётся один выход — разорвать путы. Гаутама так и сделал: когда у него самого родился сын и возникла ещё одна новая цепь, глубокой ночью он ушел из дома, чтобы искать истину. Так началось Великое Отречение, дни и годы скитальческой жизни, тяжких искушений, долгих бесед с мудрецами, умерщвления плоти, мучительных сомнений и поисков. Прошло шесть лет, прежде чем жаждущий истины и ненавидящий страдание понял, что до сих пор не было подлинных ответов на мучившие его вопросы. Просветление наступило неожиданно. Однажды ночью, отдыхая под деревом и размышляя, Гаутама стал просветленным — Буддой. Он понял "четыре благородные истины": есть страдание, есть причины страдания, есть прекращение страдания и есть восьмеричный благородный путь к прекращению страдания, к нирване. Эти простые истины и стал проповедовать Будда народу: ясно, без метафизических ухищрений, без ораторских приёмов философа-эрудита, простым языком, на котором говорил народ. Так было приведено в движение «Колесо дхаммы». Сорок с лишним лет продолжалось странствование Будды и его учеников по Индии с проповедью нового учения. Их жизнь шла спокойно и размеренно; редкие разногласия почти не нарушали её течения. Члены общины не только не преследовались, но охотно принимались как населением, так и правителями; число приверженцев постоянно росло. Сам Будда дожил до глубокой старости и умер, когда им было совершено всё, что он собирался сделать.

Так говорит предание.

А потом началась посмертная история Будды, история распространения и искажения его учения, история обожествления Будды и превращения его в целый легион будд.

В Индии рассказывают о деревьях, покинутых жителями и в скором времени поглощённых джунглями. Примерно то же случилось с учением Будды. В Индии уже к середине I тысячелетия до н. э. существовала вполне определённая, сильно развитая и до деталей разработанная религиозная и философская традиция. Именно она поглотила учение Будды, сначала постепенно вытесняя из него то, что ей противоречило, и вводя в него то, что было уже известно и привычно. Вскоре появились легенды о чудесном рождении, о предсказании мудрецов, заявивших, что родился Чакраварти — всемирный монарх; предания о тридцати двух затмениях, о прозрении слепых и исцелении увечных, о торжестве всей природы и о прекращении мучений в преисподней по случаю рождения Будды. Рассказывают, что, едва родившись, младенец восклицает львиным голосом: "Я глава мира; это моё рождение — последнее". И далее вся жизнь Будды излагается на фоне фантастических подвигов и чудесных явлений, точнее, они и составляют главную цель его земного пути. Со временем оформляется учение о бодхисаттвах — избранных или будущих буддах, начинают поклоняться Манджушри, олицетворявшему мистическое познание, и Авалокитешваре — символу могущества. И уже почти ничего не остаётся от первоначального учения Будды, когда его последние чисто формальные приметы смешиваются с культом Шивы и с магией в тантрическом буддизме 1, с местными примитивными верованиями в тибетском и монгольском ламаизме, с даосизмом и отчасти конфуцианством в Китае 2, с культом предков в японской разновидности буддизма 3. Даже южный буддизм, несравненно более точно отражающий учение Будды, как показали исследования последних десятилетий, во многом отошёл от первоначального буддизма; разница между северным буддизмом (махаяной) и южным (хинаяной) лишь в темпах и в степени эволюции. Причина забвения многих принципов первоначального учения или даже их искажения кроется в особенностях этого учения. Строго говоря, оно не было ни религиозным, ни философским. Будду не интересовали метафизические спекуляции, он уклонялся от дискуссий на тему об абсолютном, о боге, о душе и не столько потому, что он считал эти темы недостойными или не знал, как на них ответить, сколько из-за того, что цель его учения была сугубо практическая — помочь избавиться от страдания, а рассуждения на указанные выше темы не могли помочь в деле освобождения. Будда выступал против догм, авторитетов, слепой веры; он говорил, что истин так же много, как листьев в лесу, и истина, возвещённая им, не более, чем горсть листьев; он слишком часто отвечал молчанием на вопросы людей, которые считали его всезнающим или знающим-во-что-бы-то-ни-стало.

Кант писал о том, что достоянием всякой религии являются три главные идеи — бытие Бога, бессмертие души и свобода воли, ибо без них не может быть построено учение о нравственности. Эту мысль великого немецкого философа любил вспоминать Ф.И. Щербатской в связи с буддизмом, характерными чертами которого он считал "мироздание без бога, психологию без души, вечность элементов материи и духа, причинность, наследственность, жизненный процесс вместо бытия вещей, отрицание частной собственности, национальной ограниченности,

всеобщее братство людей, движение к совершенствованию" 4. Вероятно, буддизм и не стал бы религией, если бы он не отказался от ряда указанных черт. Вместе с тем присутствие их в первоначальном буддизме определило не только его дальнейшую эволюцию, но и способствовало развитию поразительной способности к симбиозу, к ассимиляции, к компромиссу, столь характерной для буддизма как религии и философии, а также для буддийского искусства и литературы. Этим объясняется и греко-буддийское искусство Гандхары, и изображения будд с лицами китайских императоров, и мультиплицированные формы северобуддийской иконографии. 5

Но ещё более удивительна последующая судьба образа самого Будды. Общеизвестно, что в течение веков его почитали или продолжают почитать в Индии, в Центральной Азии, Тибете, Китае, Монголии, Корее, Японии, на Цейлоне, в Бирме, Индокитае, Индонезии, в ряде областей Сибири, в Калмыкии. Менее известно, хотя и не менее интересно, что в качестве святого Будда проник в христианскую, манихейскую, зороастрийскую, мусульманскую религии. Ещё в конце XVI в. под именем святого Иоасафата он появляется в «Римском мариологе». Православная церковь 19 ноября отмечает память Иоасафа, царевича индийского, вместе с памятью преподобного Варлаама. О них же, и прежде всего об Иоасафе Прекрасном, пели в России раскольники и странники. Можно думать, что сказание об Иоасафе проникло к нам не только благодаря древнерусскому переводу с греческого (как случилось и с другой знаменитой повестью индийского происхождения — «Стефанит и Ихниллат»), но и благодаря непосредственным связям Руси с Востоком, о которых, может быть, свидетельствует «Стих о Голубиной книге», сопоставляемый с древнеиндийским мифом о сотворении мира из членов Первого человека Пуруши 6, или история распространения шахмат на Руси (непосредственно с Востока и через Западную Европу), восточные мотивы в древнерусском искусстве и в народном творчестве. К сожалению, этот первостепенной важности вопрос об отношениях России к Востоку, дебатировавшийся начиная с «Повести временных лет» до Владимира Соловьёва, до сих пор не только не получил синтетического разрешения, но по существу ещё не поставлен вполне научно.

Если превращение Будды в христианского святого Иоасафа стало возможным благодаря «Повести о Варлааме и Иоасафе», проникшей в Европу через иранскую, арабскую, сирийскую и грузинскую среду 7, то его появление в мусульманской литературе (ср. эпизод о "Субботнике" — ас-Сабти, сыне знаменитого Харун ар-Рашида, в сказках «Тысячи и одной ночи») произошло раньше и непосредственнее. В ещё большей степени сказанное относится к манихейской литературе (ср. древнетюркский перевод гимна к Мани, найденного в Турфане, «Мой отец Мани-Будда», 14, 21). 8

Исследователи указывают и другое направление в эволюции образа Будды: он становится магом, злым духом, который предаётся анафеме.

Не мудрено, что подобные далеко идущие трансформации личности Будды, особенности его жизнеописания, расцвеченные необузданной фантазией ещё на индийской почве, полное равнодушие к истории и хронологии в древней Индии и ряд других обстоятельств крайне неблагоприятно сказались на изучении первоначального буддизма, на попытках реконструкции раннего этапа в учении Будды. Более того, остроумный французский индолог Э. Сенар подверг сомнению реальность существования Будды и предлагал рассматривать его жизнь как отражение солнечного мифа. 9 И хотя соображения Сенара были единодушно отвергнуты и было даже показано, что, пользуясь его методами, можно было бы и жизнь Наполеона представить как солнечный миф, некоторые наши историки, плохо знакомые с проблемами буддизма, продолжают высказывать (без всяких доказательств) необоснованные сомнения в реальности исторического существования Будды.

Разумеется, было бы неправильно, рассматривая историю учения Будды и позднейшего буддизма, ограничиться лишь указанием основных направлений в развитии буддизма как религии и не упомянуть о замечательных достижениях в области построения неаристотелевской логики, по-настоящему понятой и оцененной лишь в XX в., психологии, философии, художественной литературы и искусства. Эти непреходящие ценности, связанные с именами Дигнаги и Дхармакирти, Нагасены и Нагарджуны, Васубандху и Буддхагхоши, Ашвагхоши и Арья Шуры, делают необходимым изучение буддизма с самых различных сторон.

*

Буддийская литература, как и буддийское искусство, представляет собой уникальное в своём роде явление. Она поражает своими масштабами — хронологическими, географическими и этническими. Её история охватывает более чем двухтысячелетний период и огромные пространства от Японии и островов Индонезии до Калмыкии, от Монголии, Тибета и Китая до Индии и Цейлона. Буддийская литература многоязычна: произведения, написанные не на одном десятке языков, составляют её.

Разумеется, буддийская литература не оставалась однородной и неизменной на протяжении всей её истории и в разных странах. Ведь она возникла из скрещения местных литературных и фольклорных традиций (некоторые из них, как, например, древнеиндийская или китайская, были уже достаточно мощными и давними) с учением Будды, возникшим в эпоху одного из величайших духовных кризисов в истории древнего мира и предлагавшим индийский вариант освобождения от трагических противоречий жизни. Этот вариант оказался весьма привлекательным из-за своей широты, отсутствия догматизма и национальной ограниченности, из-за гуманности устремлений и практической направленности, из-за впечатляющей красоты просто и серьёзно выраженных

мыслей. Именно этим, видимо, нужно объяснять совершенно исключительную судьбу учения Будды, пытавшегося ответить примерно на те вопросы, которые приблизительно в это же время волновали других великих учителей — Конфуция в Китае, основателя джайнизма Махавиру в Индии, Заратуштру в Персии, Сократа в Афинах.

На этом пересечении буддийского морально-этического и религиозно-философского учения с местными традициями и возникла великая литература буддизма. Конечно, местная традиция производила известный отбор и вносила часто очень существенные изменения. История сравнительного литературоведения знает целый ряд удивительных примеров трансформации первоначальных литературных форм буддизма и почти полного поглощения их туземной традицией. Поэтому точнее было бы говорить о разных местных вариантах буддийской литературы. Но, несмотря на это, есть все основания говорить и о её единстве, которое заключается в общности многих сюжетов, разрабатываемых буддийской литературой разных стран, в ряде жанровых особенностей, в значительной общности идейных проблем и их оценок, отчасти даже в сходстве некоторых художественных приёмов, по крайней мере тех, которые некогда были элементами содержания.

Весьма существенную часть буддийской литературы, в той или иной степени отражающей махаянистскую трактовку буддизма, составляют произведения, написанные на санскрите (классическом или гибридном). С их помощью или благодаря переводам их на разные языки махаяна проникла в Тибет, Китай, Японию, в Центральную Азию. В свою очередь уже в наше время эти переводы помогают судить об оригинале, а иногда и восстанавливать первоначальный санскритский текст произведений, давно утраченных в Индии, но сохранившихся в китайских или тибетских переводах. Именно так обстоит дело со значительной частью канонической буддийской литературы, принадлежащей разным махаянистским сектам. Однако в целом каноническая литература на санскрите известна недостаточно и представлена чаще всего фрагментами. Таковы отрывки канона сарвастивадинов — последователей учения плюралистического реализма, отдельные части канона муласарвастивадинов, наконец, важнейшая часть канона махасангхиков — Махавасту, изображающая Будду как сверхъестественное существо, совершающее чудеса (одно почитание его может помочь достичь нирваны). Отчасти близка к Махавасту и Аваданашатака, содержащая наряду с примерами того, как можно стать буддой или архатом, и легенды, отдельные из которых впоследствии стали знаменитыми. Примерно эта же линия находит отражение в одном из самых знаменитых произведений буддийской литературы на санскрите — Лалитавистаре, представляющей собой мифологизированное жизнеописание Будды, выраженное в прозе со вставленными в неё стихами. Русский читатель может составить себе представление об этом произведении по переводу (с английского) поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» 10.

В центре буддийской санскритской литературы и одновременно в преддверии расцвета классической литературы на санскрите стоит великое имя Ашвагхоши (видимо, II в. н. э.), автора двух больших поэм: Саундарананды — образца буддийской агиографии, повествующего об обращении в буддизм сводного брата Будды — Нанды (эпизод, известный из целого ряда других произведений, в том числе Джатак и из комментариев к Дхаммападе), и Буддхачариты — «Жизнеописания Будды». Последняя поэма особенно знаменита. Она написана в возвышенном и изобилующем словесными украшениями стиле кавья; но изощрённость образов, игра слов, аллитерации, изысканные редкие слова, разнообразие метра, известные условности в изображении Будды, присущие махаяне, перекрываются мощным дыханием истинно поэтического чувства" 11. Не случайно, что влияние Ашвагхоши вышло далеко за пределы индийской литературы. Как о великом мудреце рассказывает о нём тибетская версия его биографии ("не было вопроса, который он не мог бы решить; не было аргумента, которого он не мог бы опровергнуть; он побеждал противника так же легко, как буйный ветер, сокрушающий гнилое дерево").

Конец XIX — начало XX в. принесли много неожиданных открытий в области древнеиндийской литературы. Среди них одно из самых поразительных — находка в 1911 г. в Турфане фрагментов трёх драм, принадлежащих перу Ашвагхоши, из которых лучше других сохранилась Шарипутрапракарана, в которой рассказывается о том, как Будда обратил в своих последователей двух юношей и предсказал им славный путь. Если вспомнить, что Бхаса, которого называют "отцом индийской драмы" (13 его пьес были найдены лишь в 1912 г. в Траванкоре), жил около III в. н. э., а Калидаса, чьё творчество знаменует высший расцвет индийской драматургии, — ещё позже, то станет очевидной историческая роль Ашвагхоши в создании индийского театра, а также роль буддийской литературы в развитии новых для Индии жанров.

Из школы Ашвагхоши вышел другой выдающийся поэт буддизма — Арья Шура (вероятно, IV в. н. э.), автор Джатакамалы — «Гирлянды джатак» (джатака — рассказ о перерождениях Бодхисаттвы; буддийские джатаки были одним из самых первых и во всяком случае самым развитым образцом повествовательного жанра, оказавшим исключительное влияние на повествовательную литературу на классическом санскрите). О популярности Джатакамалы, может быть, лучше всего свидетельствует тот факт, что многие джатаки, входящие в её состав, отражены в настенной живописи Аджанты.

Среди махаянических сутр особое место занимает Саддхармапундарика («Лотос Благого Закона»), относящаяся, видимо, к концу II в. н. э. и известная во многих частях буддийского мира. Её историко-литературное значение определяется прежде всего многочисленными притчами, ставшими достоянием всей индийской литературы, а также тем, что эта сутра одна из первых зафиксировала тот этап в развитии махаяны,

когда человеческая личность Будды почти полностью была вытеснена божественным ликом вечного Будды. Ту же линию в буддийской литературе продолжают многочисленные произведения, переходные между махаяническими сутрами и тантрической литературой. В них выступают уже не Будда, а Авалокитешвара, Амитабха, Манджу-шри. Эти произведения часто носят сложные и претенциозные названия. Художественные достоинства этих памятников постепенно уменьшаются, и они представляют интерес почти исключительно для историка религии.

Однако и в это время существовала область, в которой создавались на санскрите произведения первостепенной важности, во многом сохранившие своё значение и для нашего времени. Прежде всего речь идет об учёных трактатах по философии и логике. Нагарджуна, великий учёный и тонкий писатель, последовательно развил некоторые основные положения махаяны и, исследуя категорию причинности, пришёл к отрицанию реальности бытия внешнего и внутреннего миров, к отрицанию веры в бога, к созданию весьма стройной и законченной теории об относительности (см. Мадхьямика-шастру). Ученики и последователи Нагарджуны в течение нескольких столетий развивали отдельные стороны его учения (Арьядева, Шантидева, Буддхапалита, Чандракирти). Не менее напряжённой была работа философской мысли в других школах буддизма, особенно среди виджнянавадинов (или йогачаров), выступавших против учения Нагарджуны в той его части, которая отрицала реальное существование ума. Оппоненты мадхьямиков справедливо указывали, что, приняв положение о нереальности, следовало бы считать, что все рассуждения ложны или, во всяком случае, их истинность не может быть доказана. Единственный выход из противоречия — признать реальность внутреннего мира (ума). Так считали Асанга и Васубандху — крупнейшие представители направления, основные черты которого были определены Ф.И. Щербатским следующим образом: "Оно объявляет всякое метафизическое познание невозможным, ограничивает область познаваемого исключительно сферой возможного опыта и задачу философии полагает не в исследовании сущности и начала всех вещей, а в исследовании достоверности нашего познания" 12.

Усиленные поиски объективных критериев достоверности познания и необходимость теоретической защиты тех или иных положений в сочетании со взглядами, сложившимися в некоторых школах буддийской философии в предшествующий период, привели к созданию особой логической школы, лучше всего представленной трудами Дигнаги и Дхармакирти, живших в середине I тысячелетия н. э. (их труды, написанные на санскрите, дошли до нашего времени, как правило, в тибетских или — в меньшем числе — в китайских переводах).

Понятно, что, анализируя познание, индийские логики, подобно некоторым направлениям современной математической логики, не могли не столкнуться с проблемой языка науки ("теория наименований"), с теорией отношений и отрицательных характеристик соотносимых сущностей, с вопросами, связанными с разбиением познания в соответствии с категориями, различаемыми мышлением. В этой связи становится понятным расцвет грамматической мысли в Индии спустя тысячелетие после Панини.

Буддистами были лучший лексикограф своего времени Амарасинха, известный специалист в области грамматики и поэтики Чандрагомин и блестящий языковед-философ Бхартрихари, изучавший вопросы отношения слова и предложения, принципы определения значения слов (по существу, дистрибутивные), правила сочетаемости слов друг с другом, в пределах которой фраза не становится бессмысленной (ср. некоторые современные учения об обусловленности возможности сочетания слов их логической природой). Созвучность мыслей Бхартрихари многим идеям, возникшим уже в наши дни, становится всё более осознанной и ясной. 13

Уже не раз отмечалось, что буддийская литература на санскрите оказала могучее влияние не только на многие области традиционной для Индии литературы и науки (ср., например, влияние буддийской философии на Шанкару, виднейшего представителя философии веданты, 14 и на Кумарилу, развивавшего идеи мимансы), но и далеко за пределами Индии 15. Так, в Тибете переводы индийских текстов образуют два больших собрания весьма различного содержания — знаменитые Ганджур и Данджур и очень популярный сборник сутр, не говоря уже о многочисленных переводах художественной и научной литературы, повлиявших на местную традицию. В Китае сохранилось огромное количество буддийской литературы Индии. Более того, она была дополнена неоценимыми в качестве источников описаниями путешествий китайских паломников в Индию и выдающимися произведениями, принадлежащими к своеобразному направлению в развитии китайской буддийской лирики. В японской литературе — в стихах и прозе — с давних пор нашёл отражение сплав буддийских идей, прошедших, как правило, через призму китайской традиции, с китайскими формами и местными образцами. В Монголии скрещивались буддийские влияния, шедшие через Тибет (ср., например, «Сутру Золотого Блеска», проникшую далеко на Запад к уйгурам и калмыкам 16, джатаки и т. п.), с буддийской литературой, переводимой с китайского (как, например, знаменитая «Сутра Белого Лотоса»). В Восточном Туркестане за последние десятилетия обнаружены ценнейшие фрагменты буддийской художественной и религиозной литературы иранских, тюркских и тохарских народов. Особое направление получила буддийская литература в странах Юго-Восточной Азии, где, однако, влияние литературы на санскрите уступает место влиянию буддийских произведений на пали.

*

Основное ядро палийской литературы — буддийский Канон. Именно палийская версия, созданная сектой

тхеравадинов, отличается наибольшей полнотой и, как правило, аутентичностью. Произведения, входящие в Канон, образуют Типитаку («Три корзины [закона]»). Хронология её едва ли может быть сейчас определена с достаточной точностью, как, впрочем, и большинство других дат в истории древней Индии. Очевидно, что составление Канона не могло иметь места раньше смерти Будды и, по-видимому, позже Третьего собора в Паталипутре в середине III в. до н. э. Поэтому эти крайние вехи являются весьма существенными. Что касается даты смерти Будды, то существуют довольно значительные расхождения между цейлонской традицией (поддержанной недавно П. Ч. Сенгуптой 17), которая считает, что нирвана была в 544 г., и более распространённым и, нужно думать, более верным взглядом, относящим эту дату примерно к 80-м годам V в. до н. э. 18 Как известно, предание сообщает, что уже на Первом соборе в Раджагрихе, состоявшемся вскоре после смерти Будды, между его учениками и последователями возникли разногласия по ряду вопросов. Ближайшие сподвижники Будды изложили основные принципы его учения: Упали говорил о правилах поведения, Кашьяпа — о метафизических взглядах, а Ананда сообщил притчи и рассказы, слышанные им из уст Будды. Можно думать, что эти выступления и послужили основой и первым наброском будущей Типитаки. Однако целый ряд конкретных соображений из истории первоначального буддизма заставляет предполагать, что окончательный свой вид Канон приобрёл века на два с лишним позже, хотя записан он был лишь в 80 г. до н. э. на Цейлоне при царе Ваттагамани.

В связи с этим возникает вопрос о существовании доканонической литературы или, точнее, доканонического предания, бытовавшего с тех пор, как Будда начал проповедь и до окончательного оформления Канона. Если существование доканонической литературы представляется, по-видимому, бесспорным, то по вопросу о возможности её реконструкции и, тем более, об источниках реконструкции мнения ученых решительно расходятся и в ближайшее время едва ли можно надеяться на примирение разноречивых взглядов на отношение Канона к доканонической литературе и на вопрос о значении махаяны для исследования первоначального буддизма. Вопреки старой точке зрения, поддерживаемой (правда, скорее по традиции) и сейчас большинством специалистов, особенно немецких, можно думать, что палийский Канон отражает уже результаты весьма значительной и, главное, видимо, вполне сознательной 19 редакторской работы, направленной к тому, чтобы первоначальное учение было интерпретировано в духе школы тхеравадинов (такой точки зрения придерживались представители франко-бельгийской школы Л. де ля Валле Пуссэн, Ж. Пшылуски, а также Ф. Веллер в Германии, А.Б. Кейф в Англии, В. Лесны в Чехословакии) 20. Поэтому значение Канона, как и ряда других хинаянистских источников, для восстановления первоначального буддизма оказалось несколько поколебленным. Одна из трудностей в использовании источников, относящихся к «Малой Колеснице», состоит, как это ни парадоксально, в последовательном изгнании из них противоречий, в весьма большой стройности и монолитности излагаемой концепции; кроме того, исследователь нередко находится в неведении относительно существования разной трактовки тех или иных сутр в пределах хинаяны. А ведь именно противоречия, наличие разных отражений или интерпретаций одной и той же идеи дают основания для внутренней реконструкции первоначального буддизма методом последовательной регрессии. Чем больше расхождений в понимании одного и того же места Канона, тем больше возможностей для реконструкции, причем реконструируемое состояние можно отнести тем дальше вглубь, чем существеннее эти расхождения. Конечно, и на этот метод наложены серьёзные ограничения. Выдающийся польский буддолог, безвременно скончавшийся С. Шайер, убедительно показал, что в настоящее время невозможно и нецелесообразно из массы канонических текстов выделять личное учение Будды. 21 Самое большее, что можно пока сделать, это восстановить с некоторой вероятностью те доканонические элементы, которые легли в основу позднейшей системы буддийской схоластики. К сожалению, Шайер, так много успевший сделать для разработки методологии реконструкции первоначального буддизма, в ряде случаев не смог преодолеть едва ли верных взглядов на "примитивность" доканонического предания и слишком "атомизирующего" взгляда на возможности восстановления этого предания. В этой связи кажется сомнительным его утверждение, что различия между буквальным смыслом (nitārtha) и символическим (neyārtha) были выдумкой специалистов в области буддийской экзегезы и что в первоначальном буддизме все тексты и утверждения имели лишь однозначный, прямой и буквальный смысл. Согласиться с таким утверждением значит игнорировать тот факт, что буддизм возник не на пустом месте и что Будда в выборе своего учения не обладал полной свободой воли; наоборот, буддизм возник в определённую эпоху в широком "поле" уже существовавших философских и религиозных учений как реализация одной из предоставленных этим "полем" возможностей. А если дело обстояло именно так, то уже первые буддийские тексты не могли обладать всегда лишь однозначным смыслом, поскольку они, помимо чисто внутренних целей, были ориентированы и на существовавшие в обществе того времени взгляды (в положительном или негативном смысле). С другой стороны, Шайеру можно предъявить упрёк в излишней осторожности, когда он утверждает, что восстановлению подлежат лишь доканонические и "досистематические" размышления. Что касается того, что доканоническое учение не было и в условиях Индии не могло быть несистематическим, то это очевидно. Возможность же реконструкции первоначальной системы или, по крайней мере, её элементов, а не отдельных разрозненных черт зависит целиком от умения выбрать в исходной засвидетельствованной системе противоречия, относящиеся к системе, а не к внешней реализации её. Шайер, видимо, иногда смешивал факты, относящиеся к системе, и факты, внешние по отношению к ней. Именно этим, вероятно, объясняется мнение польского учёного, что противоречия, содержащиеся в Каноне, не

были исключены из него в силу их древнего происхождения и, следовательно, высокой степени авторитетности. Здесь не предусмотрено как раз наиболее вероятное решение, заключающееся в том, что противоречия, рассматриваемые Шайером, являются мнимыми с синхронной точки зрения. Они существенны лишь с генетической точки зрения; для времени же, когда Канон оформился и стал священной книгой буддистов, неверно говорить о противоречиях Канона. Напротив, определяя систему взглядов, изложенных в Типитаке, нужно иметь в виду, что эти кажущиеся противоречия вплетались в общую массу идей и представлений этого памятника.

В связи с переоценкой роли хинаянистских источников в реконструкции первоначального буддизма изменился и взгляд на значение памятников северного буддизма (махаяны), столь высоко оценивавшихся ещё В.П. Васильевым и Г. Керном. После работ Ф. И. Щербатского, Л. де ля Валле Пуссэна и особенно Ж. Пшылуцкого стало более или менее ясно, что и тексты различных сект "Великой Колесницы" содержат остатки доканонических представлений, причем и таких, которые бесследно исчезли в памятниках южного буддизма. 22 Особое значение махаянистских источников в выявлении комплекса идей и представлений доканонического буддизма заключается, по нашему мнению, ещё и в том, что в этих источниках, принадлежащих многочисленным и часто сильно разошедшимся во взглядах сектам, даётся отражение одного и того же учения с разных точек зрения, причём иногда довольно хорошо известно, в соответствии с какими правилами происходила обработка, интерпретация или приспособление первоначального ядра буддийского учения. 23 Поскольку же наслоившийся элемент часто известен, то даже сильно эволюционировавшие системы махаяны, почти полностью заглушившие первоначальное ядро (как, например, в тантрическом буддизме), оказываются полезными для реконструкции доканонического учения, так как трудности заключаются, пожалуй, не столько в степени расхождения между начальной и данной системами, сколько во внутренних возможностях к ретроспективной реконструкции, предоставляемых тем или иным текстом.

Высказанные выше соображения следует иметь в виду при рассмотрении палийского Канона Типитаки и при оценке её роли в реконструкции доканонического учения, с одной стороны, и её роли в утверждении буддизма на Цейлоне 24 и в странах Юго-Восточной Азии — с другой.

Буддийский Канон состоит из трех частей 25. Первая из них — Виная-питака содержит правила поведения, которые обязательны для членов буддийской общины, правила приёма в общину, исповеди, предписания, относящиеся к жизни во время сезона дождей, правила, касающиеся жилища, одежды и т. д. В свою очередь, Виная-питака состоит из трёх отделов. В первом, называемом Сутта-вибханга, содержится изложение и объяснение Пратимокши, являющейся, по существу, дисциплинарным кодексом; здесь же интересно перечисление 227 ошибок, совершаемых членами буддийской общины. Эта часть представляет собой первостепенный интерес для историка раннего буддизма, изучающего организацию общины. Есть серьёзные основания считать, что Сутта-вибханга принадлежит к числу весьма древних частей Канона. Второй отдел Виная-питаки, известный под названием Кхандхаки, интересен прежде всего тем, что он содержит ряд отрывков исторического и легендарного характера (в частности, здесь есть и рассказы о жизни Будды), иллюстрирующих правила поведения. Некоторые исследователи полагают, что в Кхандхаках содержатся фрагменты старой, не дошедшей до нас хроники. Третий — Паривара наименее существен. В форме вопросов и ответов он вкратце резюмирует некоторые положения предыдущих частей Винаи. Позднее происхождение Паривары (она сложилась, видимо, уже на Цейлоне) сейчас считается общепризнанным.

Особую часть Канона составляет Абхидхамма-питака, в которой рассматривается та же проблема дхаммы (см. ниже), что и в Сутта-питаке (о ней ниже), но в метафизическом и этико-психологическом ракурсах. Абхидхамма-питаку иногда называют Саттапакараной («Семь трактатов») по числу составляющих её отделов. Самым знаменитым из них является Дхаммасангани — «Перечисление (классификация) дхамм», психологический трактат исключительной важности, обычно относимый к IV в. до н. э. Именно Дхаммасангани заложил основы буддийской психологии, известной своими замечательными достижениями. В этом трактате, по существу, перечисляется всё то, что есть во вселенной, которая рассматривается не как внешний по отношению к человеку объект, а как совокупность представлений, создаваемых человеком, к которой присоединяются психические элементы.

Следующий отдел Абхидхамма-питаки — Вибханга менее интересен. В нём рассматриваются некоторые психологические категории, как встречающиеся в Дхаммасангани, так и отсутствующие в ней. Однако метод рассмотрения здесь иной, чем в предыдущем трактате.

Третий отдел, Каттхаваттху, посвящён изложению спорных вопросов буддийской философии и приписывается Тиссе, который председательствовал на Третьем соборе в Паталипутре.

Четвёртый отдел, Пуггала-паньятти, рассматривает различные типы людей в зависимости от их состояний или поведения. Это самая короткая часть Абхидхамма-питаки. Менее интересны и недостаточно известны последние три отдела — Дхатукатха, излагающая вопросы, связанные с психическими явлениями и с их отношением к соответствующим категориям; Ямака, одна из сложнейших частей Абхидхамма-питаки, исследующая вопросы прикладной логики; и, наконец, последний отдел Паттханап-пакарана, в которой исследуется понятие причинности.

Между Виная-питакой и Абхидхамма-питакой в Каноне находится одна из самых знаменитых и интересных

частей — Сутта-питака («Собрание текстов»), обращённая к мирянам не в меньшей степени, чем к членам сангхи. Во всяком случае, для самых широких слоев общества и в древности и теперь Сутта-питака заменяла и Винаю и Абхидхамму, являясь собранием буддийской мудрости и источником эстетических радостей, подлинной энциклопедией буддизма. Именно Сутта-питака представляет в наиболее полном виде «Учение» — дхамму. Эта часть Канона содержит в себе и прозаические диалоги, и стихотворные отрывки, и легенды, и афоризмы. Основное место здесь занимают высказывания Будды или его учеников, обычно вставленные в какой-нибудь эпизод. Сутта-питака состоит из пяти собраний сутр (никая), объединённых и в плане содержания и в плане стилистических и языковых характеристик.

Дигха-никая («Собрание пространных поучений») открывает Сутта-питаку. Она состоит из 34 сутр, каждая из которых раскрывает суть того или иного положения в учении Будды. Из входящих в состав Дигха-никаи частей наиболее известны Брахмаджала-сутта, в которой эпизод об аскете, хулившем Будду, и ученике аскета, хвалившем Будду, дал повод для важной в философском отношении дискуссии о правилах морали, о различных философских взглядах и т. д.; и Махапариниббана-сутта, повествующая с большой конкретностью и впечатляющей силой о последних днях жизни Учителя. Другие сутры в той или иной степени излагают взгляды Будды на отношение к кастам, к брахманизму, об обязанностях последователей буддийского учения, об аскетах, о причинности и т. д.

В следующей никае — Маджджхима-никае («Собрание средних поучений») 152 сутры, излагающие принципы буддизма как религии. Некоторые из них во многом напоминают соответствующие места из Дигханикаей.

Третья часть Сутта-питаки представлена Самьютта-никаей («Собрание связанных поучений»), сложившейся, видимо, несколько позже, чем предыдущие два "собрания". Наибольший интерес среди многочисленных сутр этого текста вызывает, конечно, Дхаммачаккаппаваттана-сутта, рассказывающая о том, как было приведено в движение «Колесо Закона». Здесь же содержится знаменитая Бенаресская проповедь Будды (она встречается и в Винае-питаке), которой начался проповеднический путь Будды.

Четвёртую часть Сутта-питаки, образующую с тремя предыдущими частями известное единство, составляет Ангуттара-никая («Собрание поучений, большее на один член»). Этот сборник — самый обширный в Сутта-питаке: он содержит около 2300 сутр, разделённых на 11 частей в зависимости от количества качеств, присущих тому или иному предмету (о пяти добродетелях ученика, о семи сокровищах этики и т. д.). Некоторые отрывки Ангуттара-никаи интересны по сообщаемым ими историческим сведениям, относящимся к первоначальной сангхе, к непосредственным ученикам Будды и т. д.

Несколько особое положение по сравнению с четырьмя предыдущими собраниями занимает последняя, пятая часть Сутта-питаки 26 — Кхуддака-никая («Собрание коротких поучений»). В её состав входят шедевры буддийской прозы и поэзии, равных которым нет во всей Типитаке. То что окончательное оформление этого "собрания" относится к наиболее позднему периоду в создании Канона, кажется довольно очевидным: помимо ряда внутренних данных, об этом свидетельствует также различный объём и существенно различный состав Кхуддака-никаи на Цейлоне, в Бирме или в Сиаме. Однако отдельные части этой книги, без сомнения, принадлежат к самому древнему слою в Типитаке и, вероятно, наиболее точно отражают представления, свойственные первоначальному буддизму. Поэтому такие части представляют первостепенный интерес для историка буддизма.

Кхуддака-никая открывается «Собранием кратких уроков (или афоризмов)» — Кхуддака-патха, которая пользуется на Цейлоне непререкаемым авторитетом и популярностью. В ней содержится знаменитое кредо буддизма (см. прим. к строфе 190 нашего перевода), 10 предписаний (воздержание от убийства, воровства, нечестивого образа жизни, лжи, употребления горячительных напитков, пения, танцев и музыки, украшений, роскоши, золота и серебра, принятия пищи в неурочное время), перечисление 32 частей тела, 10 вопросов для новообращённого, забавные в своих "пифагорейских" установках, а также пять сутр несколько больших размеров, из которых наиболее одушевлённой и проникновенной считают Ратана-сутту — хвалебный гимн, исполненный высоких поэтических достоинств.

К числу наиболее известных частей Кхуддака-никаи принадлежит также Удана — сборник из 82 коротких лирических стихотворений, написанных просто и сильно. Традиция приписывает их авторство Будде, произносившему те или иные стихотворения во время важных событий его жизни. Ближе к Удане стоит Итивуттака, содержащая в прозе и в стихах высказывания Будды преимущественно по вопросам этики и морали.

Тхера-гатха и Тхери-гатха приписываются выдающимся ученикам Будды (мужчинам и женщинам). Они представляют собой собрание взволнованных излияний, проникнутых высоким религиозным чувством. Несмотря на времена усложнённый стиль и неясности в языке, их литературные достоинства чрезвычайно высоки. Если добавить, что эти две части важны для изучения жизни ближайших сподвижников Будды и уделяют немало внимания проблеме нирваны, выступающей здесь как одна из центральных тем, то станет понятным значение этих сочинений в истории буддийской литературы.

Буддхаванса, содержащая жизнеописание Будды и 24 предшествующих ему будд, обнаруживает несомненные следы позднего происхождения.

Однако среди всех произведений, составляющих Кхуддака-никаю, самыми значительными считаются три: Дхаммапада, о которой речь пойдет ниже, Сутта-нипата и Джатаки.

Джатаки — около 550 рассказов, легенд и сказок о предшествующих существованиях Будды — необычайно популярны в Индии и за её пределами на протяжении многих веков. Впитав в себя лучшие соки древнеиндийского фольклора из эпох, предшествующих зарождению буддизма, Джатаки сумели традиционную для Индии тему метампсихоза представить как серию эпизодов из жизни Гаутамы и предшествовавших ему будд. Не случайно, что из Джатак были заимствованы многочисленные сюжеты, разрабатывавшиеся в индийском искусстве и литературе. Конечно, не всегда можно сказать с уверенностью, что было заимствовано из Джатак, а что взято из того же источника, из которого черпали материал составители Джатак, но остаётся хорошо известным фактом, что ряд историй из этого сборника повторяется в Панчатантре или Катхасаритсагаре, а отдельные параллели между Джатаками, с одной стороны, и Пуранами, Махабхаратой, Рамаяной, джайнской литературой — с другой, столь убедительны, что предполагают, помимо некоторых общих источников, взаимное влияние этих двух родов древнеиндийской литературы. Популярность Джатак подтверждается и наличием многочисленных пересказов их на пракритах, на буддийском смешанном санскрите (ср. Махавасту) и т. д.

Каждый рассказ в Джатаках начинается с введения, сообщающего об обстоятельствах жизни Будды, которые заставили рассказать очередную историю о рождении. В рассказах использованы традиционные для индийской литературы приёмы: сочетание стихов и прозы, принцип обрамления, участие животных, говорящих и действующих, как люди, и т. п. В уже упоминавшейся Саддхармапундарике указывается, что Будда, прекрасно понимавший разницу в способностях и умственном уровне людей, часто рассказывал истории и притчи, в которых поучительность и серьёзный тон сочетались с увлекательным изложением (SBE, XXI, 1884, стр. 120). Несомненно, что Джатаки отражают эти же особенности стиля, и они во многом определяют их популярность и в наши дни, когда к Джатакам обращаются даже те, кто ничего не знает о буддизме.

Сутта-нипата — одна из самых старых частей Канона, что выясняется из анализа её языка и содержания. Она отражает тот период в развитии буддизма, когда на первом месте стояли этические проблемы, а вполне разработанной системы философских взглядов ещё не существовало; когда в памяти живы были проповеди Будды о тщетности суетности и метафизики, далёкой от задач облегчения жизни, когда споры последователей Будды с их идейными противниками были сосредоточены на относительно простых и общих вопросах; когда понятие "дхамма" обозначало едва ли что-нибудь иное, чем простое следование правилам поведения и некоторым моральным принципам. Уже этих особенностей достаточно для того, чтобы Сутта-нипата стала в центре внимания историков буддизма. Её значение становится ещё более важным потому, что в ней достаточно широко и подробно отражены темы, содержащие сведения об общественной и религиозной жизни Индии во второй половине I тысячелетия до н. э., о жизни самого Будды, об этической стороне его доктрины, не затемненной напластованиями позднейших философских учений. Поэтические достоинства Сутта-нипаты, в которой чередуются повествовательные строфы с диалогическими, способствовали её широкому распространению.

За пределами Канона также существовала обширная литература на пали. Часть её была весьма тесно связана с канонической литературой и иногда даже представляла собой нечто вроде антологий из канонических текстов, приспособленных для определённых целей, как, например, Паритта — собрание канонических текстов для заклинаний и магических действий (церемония паритта до сих пор существует на Цейлоне). Другая часть была вполне самостоятельной; она-то и представляет особый интерес для изучающих буддийскую литературу. Именно с ней связано возникновение некоторых новых жанров в истории древнеиндийской словесности.

Среди произведений послеканонической литературы на пали выделяется своими литературными достоинствами и первостепенным философским значением книга Милинда-паньха («Вопросы царя Милинды»), шедевр индийской прозы. Первоначально Милинда-паньха была написана, видимо, на санскрите или на одном из североиндийских пракритов. Однако первоначальный текст был потерян; зато сохранился перевод на пали, сделанный на Цейлоне, вероятно, в начале нашей эры. Милинда-паньха представляет собой беседу, которая велась между греческим царём Менандром (Милинда), правившим в Северной Индии во II в. до н. э., и буддийским мудрецом-философом Нагасеной. Первый задавал вопросы, связанные с основными положениями буддийского учения, а второй с удивительной последовательностью отвечал на вопросы, доводя до логического конца и окончательной ясности то, что было сказано Буддой лишь в виде намёка или просто недостаточно определённо. Более того, нужно думать, что во многих случаях интерпретация буддийского учения в Милиндапаньхе противоречила первоначальному пониманию буддизма, который в устах Нагасены получил последовательно негативное объяснение. Тем не менее, любая из проблем, затронутых в этой книге, получала блестящее и всегда оригинальное решение (будь то вопрос о несуществовании души или учение о я как о потоке понятий, абстрагированных от конкретных состояний этого я). Остаётся сожалеть, что этот выдающийся памятник до сих пор не переведён на русский язык.

В дальнейшем развитии буддийской литературы на пали бесспорное первенство принадлежало цейлонским авторам. Именно на Цейлоне в IV — V вв. н. э. были составлены две исторические хроники — по существу первые в своём роде образцы этого жанра из известных до сих пор — Дипаванса и Махаванса — причудливое сочетание важных исторических фактов с легендами и мифологией. Примерно в то же время начался блистательный период расцвета литературы на Цейлоне, отмеченный гигантской работой комментаторов Канона. Этот период прежде всего связан с именем Буддхагхоши, непревзойдённым авторитетом в области

буддизма и плодовитым автором, написавшим Висуддхимаггу («Путь очищения»), энциклопедию буддийского учения, и составившим многочисленные комментарии на канонические тексты (правда, в последние десятилетия неоднократно высказывались сомнения в авторстве ряда приписываемых ему комментариев). Среди других комментаторов наибольшие заслуги принадлежат Буддхадатте и Дхаммапале, жившим примерно в то же время, что и Буддхагхоша.

С конца V в. н. э. начался закат палийской литературы на Цейлоне, хотя и в дальнейшем продолжали появляться исторические хроники, комментарии, научные сочинения и художественные произведения, которые, впрочем, уже никогда не играли столь значительной роли 28. Наряду с палийской литературой Цейлона следует отметить и во многих отношениях связанную с ней литературу на сингалезском языке, продолжавшую разработку буддийских тем, 29 а также буддийскую литературу Бирмы (на пали), не имевшую, однако, такого значения, как цейлонская 30.

Общий фон буддийской литературы, прежде всего палийской, помогает лучше определить место и значение Дхаммапады, её источники и круг памятников, на которые она оказала влияние.

*

Дхаммапада — знаменитый буддийский сборник изречений, составленный на пали. Он входит в качестве составной, но вполне самостоятельной части в буддийский Канон и помещается обычно в пятой части Сутта-питаки, называемой Кхуддака-никаей.

Название Дхаммапада состоит из двух слов, каждое из которых многозначно. О слове "дхамма" будет подробнее сказано ниже; сейчас же стоит только заметить, что оно могло значить "добродетель", "закон", "учение" (в частности, буддийское), "религия", "элемент", "качество", "вещь", "явление" и т. д. Слово "пада" в равной степени означало "стезя", "путь", "место", "средство", "причина", "основа", "слово", "стих", "нога", "след" и т. д. (см. объяснение значения слова "пада" в Абхидханападипике). Поэтому теоретически существует очень большое количество возможностей для объяснения названия Дхаммапады. Они определяются сочетаемостью слов одного (дхамма) и другого (пада) ряда. "Стезя добродетели", "Стезя закона", "Стезя учения", "Стезя религии", "Основа добродетели", "Основа закона", "Основа учения", "Слово о добродетели", "Слово о законе", "Слово об учении", "Стихи о добродетели", "Стихи о законе" и т. д. — все эти переводы слова Дхаммапада, а также ряд других, почти в одинаковой степени удачны или, напротив, неудачны. (Следует упомянуть, что С.Ф. Ольденбург, имея в виду очевидную игру слов в названии памятника, предлагал переводить его как "Стопы закона".) Едва ли целесообразно пытаться выбрать из них лучший вариант. И дело здесь, конечно, не столько в том, что сейчас уже трудно добраться до первоначального значения древнего слова, сколько в принципиальной многозначности названия Дхаммапада, которое, нужно думать, по-разному понималось в зависимости от эпохи и от школы.

Древним индийцам было присуще творческое отношение к слову. Оно проявлялось двояко: с одной стороны, к определённому слову пристраивались длинные синонимические ряды, придумывались изощрённые "изобразительные" слова (часто сложные) для обозначения простейших понятий; с другой стороны, в Индии хорошо понимали знаковую природу слова, осознавали огромные потенциальные возможности формально одного и того же слова для выражения самых различных понятий; знали, что значение слова в большой степени определяется целой системой, в состав которой входит данное слово. Именно поэтому для индийской литературы, философии или религии характерно использование примерно одного и того же набора слов и терминов, которые, однако, в разных направлениях и в разные периоды означали существенно различные понятия. Из сказанного следует, что определить первоначальное значение слова Дхаммапада можно было бы лишь в том случае, если бы в точности был известен культурно-исторический контекст, в котором возник этот памятник. Впрочем, и в этом случае значение расшифровки названия оказалось бы весьма небольшим, так как оно объясняло бы лишь один из эпизодов в общей теме функционирования Дхаммапады как художественного, религиозного, философского, догматического памятника. Рассматривать же Дхаммападу только в генетическом или в узко синхронном плане (например, III в. до н. э., секта тхеравадинов и т. д.) едва ли целесообразно: нужно помнить, что она была живым, современным словом и в эпоху её создания и в каждый из последующих периодов вплоть до настоящего времени. Да и само понятие "эпоха создания" в данном случае весьма неопределённо. Можно говорить о создании данного текста, буквы, но важно не забывать, что более чем две тысячи лет почти непрерывно возникают всё новые и новые концепции и представления, опирающиеся на один и тот же старый текст 31. Буква текста остаётся, изменяется его дух.

По этим же соображениям вопрос о хронологии Дхаммапады в абсолютной датировке (видимо, III или даже IV в. до н. э.) не имеет первостепенного интереса, тем более что одна точная дата в том хронологическом хаосе, который характеризует историю индийской литературы в древности, почти ничего не даёт. Важнее было бы определить относительную хронологию оформления Дхаммапады как единого целого. Но, к сожалению, нам не известна в достаточной мере система идей и представлений предшествующего периода, отражённая, возможно, в первоначальном Каноне или в текстах, промежуточных между ним и дошедшим до нас текстом Типитаки. Естественно, что обычно проводимые наблюдения по относительной хронологии Дхаммапады 32 или очень расплывчаты или касаются лишь отдельных мест памятника, которые, принадлежа, как правило, к "общим" местам буддийской или, — даже шире, — индийской литературы, могли кочевать из одного текста в другой 33.

Особое положение Дхаммапады и её исключительная популярность, помимо ряда других данных, подтверждается многочисленностью рецензий и вариантов этого памятника.

Наиболее известной и авторитетной рецензией является палийская, состоящая из 423 стихотворных сур, разделённых на 26 глав. Именно по ней и сделан публикуемый в этой книге перевод.

Существуют и другие рецензии Дхаммапады, частично связанные с палийским текстом, а в большинстве случаев довольно значительно отличающиеся от него, но восходящие вместе с ним в конечном счёте к одному общему источнику.

Одним из оригинальных вариантов этого общего источника является санскритская версия, связываемая с именем Дхарматраты (что подтверждается также китайской и тибетской традицией). Санскритская версия отражена в одном из вариантов китайской Дхаммапады, представляющем скорее комментарий, чем собственно текст памятника, а также более непосредственно в так называемой Уданаварге, рукописи на брахми, найденной впервые во время третьей Турфанской экспедиции Грюнведела и Ле-Кока 34. Уданаварга, принадлежащая к школе сарвастивадинов, содержит в себе не только ряд глав, одноимённых с соответствующими палийскими (главы о серьёзности, о приятном, о желании, о пути, о цветах, о гневе, о разном), но и дополняет их рядом новых, отсутствующих в палийской версии (ср. Удана). С санскритской Уданаваргой связан тибетский вариант, опубликованный почти полвека назад 35 и ещё раньше переведённый, 36 а также перевод на тохарский В, найденный в начале XX в. в Восточном Туркестане 37.

Предполагают также существование особой рецензии на гибридном санскрите, легшей в основу другой китайской версии.

Китайские разновидности Дхаммапады представлены четырьмя основными вариантами списков, восходящими к разным источникам. Из этих разновидностей наиболее известна та, которая теснее всего связана с палийской версией 38. Тем не менее различия между ней и Дхаммападой на пали достаточно велики. Китайская версия содержит 39 глав вместо 26 в палийском тексте; при этом кое-что из китайской версии не находит никакого отражения в палийской и наоборот.

Из всех рецензий Дхаммапады, обнаруженных в конце XIX — начале XX в., наибольший интерес вызвала, пожалуй, находка в Хотане рукописи на кхароштии, содержащей фрагменты Дхаммапады. Эта рукопись, написанная на одном из северозападных пракритов, была приобретена французской экспедицией Дютрёй де Рэна и русским генеральным консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским, чьё имя неразрывно связано с ценнейшими приобретениями центральноазиатских рукописей. Э. Сенар во Франции и С.Ф. Ольденбург в России издали найденные фрагменты, вокруг которых сразу же разгорелись научные споры, продолжающиеся до сих пор 39. Они были вызваны тем, что пракритская рецензия на кхароштии, как и другие, несомненно существовавшие, пракритские версии Дхаммапады 40, были важнейшим связующим звеном между различными известными до тех пор версиями. Она окончательно подорвала старое мнение о том, что палийская версия точнее всего передаёт первоначальный текст и является самой древней. Кроме того, открытие пракритской Дхаммапады существенно продвинуло вперёд наши познания в области соотношения пракритов и их использования для проповеди буддизма, подтвердив тем самым знаменитый отрывок из Чуллавагги (5, 33), излагающий слова Будды ("Вы не должны перекладывать слова Будды на ведийский язык. Кто делает так, тот совершает грех. Я говорю вам, бхикшу, учите слова Будды каждый на своём собственном диалекте"). Наконец, пракритская Дхаммапада дала новый импульс к исследованию вопроса о языке первоначального буддийского канона 41. Последние по времени публикации фрагментов пракритской Дхаммапады дают более надёжный материал для дальнейших поисков и решений 42. Теперь стало окончательно ясно, что исследователь, собирающийся работать в области первоначального буддизма, не может ограничиться только палийскими текстами. Пример Дхаммапады, может быть, один из наиболее показательных; он лишний раз подтверждает правоту слов Ф. Веллера о том, что "работы, опирающиеся исключительно на палийский Канон, бесплодны и бесцельны" 43.

В связи с наличием довольно большого числа версий Дхаммапады на разных языках встаёт проблема реконструкции первоначального текста этого памятника, к сожалению, до сих пор ещё не поднятая. Это обстоятельство затрудняет конкретную реконструкцию хотя бы отдельных фрагментов текста. Несомненно, что первоочередной задачей является критическое издание всех версий и вариантов Дхаммапады и составление словаря соответствий (подобного «Pali Tipitakam concordance» 44), в котором были бы отражены все текстуальные варианты разночтений. В дальнейшем следовало бы определить, какие рецензии обнаруживают между собой преимущественные связи и каков характер этих связей: эта чисто филологическая работа должна бы была быть подкреплена тщательным лингвистическим анализом связанных между собой списков независимо от того, на каком языке они написаны (в этом отношении первые шаги уже сделаны в работах Г. Людерса). После предварительной работы, связанной с критикой текста, оценкой источников и анализом языка, можно было бы попытаться восстановить первоначальный текст Дхаммапады, прежде всего в ряде ключевых мест, по-разному и противоречиво отражённых в различных рецензиях. Однако было бы неверно думать, что подобная реконструкция приведёт к чему-либо большему, чем к установлению некоторой сети соответствий, в той или иной степени характеризующей некоторые звенья системы представлений первоначального текста. Дело в том, что при реконструкции такого рода, по существу, использовались бы отдельные элементы, лишь формально соотнесённые друг с другом, но вырванные из контекста тех частных систем, в которые они входят. Более

эффективной представляется "внутренняя" реконструкция первоначального текста, основанная на том, что каждый вариант Дхаммапады можно рассматривать как отражение (прямое или косвенное: первой, второй и т. д. степеней) исходного текста. При реконструкции такого рода у исследователя есть гарантия, что он в своей работе оперирует не отдельными элементами, а целыми системами или подсистемами, обеспечивающими надёжность восстанавливаемой картины; понятно, что такой метод наиболее точно выявит зависимость и производность одних рецензий от других и степень их авторитетности и аутентичности. В высшей степени полезным было бы установление признаков, по которым данная система противопоставлена сосуществующим с ней другим системам представлений. Лишь после такой работы, позволяющей рассматривать каждый текст Дхаммапады как своего рода зеркало, отражающее с разной степенью точности особенности первоначального текста, должен начаться решающий этап реконструкции, основанной на сопоставлении полученных "отражений" первоначального текста. Понятно, что учёный, занимающийся такой работой, должен знать некоторые положения, важные в методологическом плане (чем больше расхождений и противоречий между разными текстами, восходящими к одному и тому же источнику, или внутри одного и того же текста, тем более глубокой и обоснованной оказывается реконструируемая часть; монолитность и унифицированность текста, как и большая его распространённость, чаще всего свидетельствуют о позднем происхождении текста; среди различных элементов текста наиболее важны те, которые слабее всего мотивированы или не мотивированы вовсе; для восстановления первоначального состояния, как правило, существенны не те тексты, которые формально стоят ближе к этому состоянию, а те — пусть очень несходные с ним, которые являются результатом хотя бы и многочисленных, но закономерных, по возможности одно-однозначных, преобразований, и т. д.).

Разумеется, пути и средства реконструкции могут уточняться или даже изменяться; сейчас же важнее подчеркнуть принципиальную возможность восстановления первоначального текста Дхаммапады или её фрагментов. Однако возможность восстановления еще ни в коей мере не предreshает вопроса о целесообразности реконструкции. Он решается исключительно в зависимости от того, насколько ценным источником для истории раннего буддизма следует считать Дхаммападу, в данном случае — палийский текст её.

Выше были высказаны сомнения относительно того, что палийская рецензия в целом точнее или полнее других отражает первоначальный буддизм, и поэтому сразу же следует расстаться с мыслью о том, что она ближе других к праканоническим представлениям. К тому же есть все основания думать, что палийский текст в генетическом плане весьма неоднороден: наиболее древними являются, видимо, те части, где представлена ещё довольно простая по форме, не осложнённая философскими рассуждениями морально-этическая концепция буддизма 45, где слово "дхамма" выступает в значении, предельно близком к его употреблению в направлениях индуизма, и не имеет тех сложных оттенков, которые встречаются, например, в начале Дхаммапады; наиболее поздние отрывки характеризуются философскими тонкостями, словоупотреблением "дхаммы", во многом перекликающимся с Абхидхармакошей Васубандху, отражением роста и расширения буддийской сангхи и буддийской доктрины, становящейся официальным учением. И тем не менее палийская рецензия Дхаммапады — совершенно уникальный источник по истории раннего буддизма, и её значение в этом отношении едва ли можно переоценить.

Палийская Дхаммапада — самая авторитетная и освящённая традицией версия этого текста. Её место и отношение к идейному содержанию всех других произведений, входящих в Канон, достаточно хорошо известно, и поэтому Дхаммападу можно исследовать не только изнутри, но и извне, негативно. Палийский текст был священным и наиболее оберегаемым. Он был источником буддийской мудрости в течение тысячелетий, и нам более или менее полно известна эволюция в понимании тех или иных мест палийской версии и в их интерпретации 46, а это дает возможность понять динамическое равновесие представлений в древнем палийском тексте. Наконец, палийская рецензия вышла далеко за пределы хинаяны, и идеи этого текста получили ещё одно отражение в призме махаянистской традиции. Можно сказать, что, продолжая своё существование во времени, текст на пали приобрёл дополнительную функцию — вневременную, став определённым символом буддизма в одном ряду с соответствующими памятниками индуизма и джайнизма. Ничего подобного нельзя сказать о других рецензиях Дхаммапады 47.

Каждый, кто читал Дхаммападу, как бы он ни был увлечён и пораждён оригинальностью этого памятника, обнаружит, что многие мысли, содержащиеся в этом тексте, он встречал уже раньше, в других великих произведениях. Существует огромная литература, посвящённая таким сопоставлениям (иногда текстуальным). Отдельные мысли, отражённые в Дхаммападе, находят в индийской литературе разных народов 48, времён, направлений, в диалогах Платона, в раннехристианских произведениях, у мистиков средневековья. Тема человека и смерти находит точнейшие аналогии в «Мыслях» Паскаля и у Тютчева, в книгах современных экзистенциалистов. Некоторые места напоминают соответствующие высказывания Канта, Ницше, Рассела и других философов. Чаще всего в таких случаях, конечно, не может быть и речи о заимствованиях или влияниях. Просто в Дхаммападе поднято много "вечных" вопросов, всегда волновавших человека. И как бы ни были поразительны аналогии с другими произведениями, едва ли следует им придавать столь большое значение, как это принято делать до сих пор, ибо специфика Дхаммапады определяется не этими внесистемными сходствами, а той единственной конфигурацией идей, которая свойственна только этому памятнику, и признаками, по которым система представлений Дхаммапады противопоставлена другим, частично пересекающимся с ней

системам идей 49. Отсюда можно сделать один чрезвычайно важный вывод: текст Дхаммапады нужно рассматривать прежде всего синхронно и считать его — для определённого периода и для определённой среды — единым, не имеющим противоречий. То же, что кажется противоречивым сейчас, не было таковым для исследуемого периода; и если все части текста и не образовывали идеально гармоничного сплава, то, во всяком случае, все противоречия оказывались нейтрализованными. Такой подход объяснил бы мнимость противоречий между призывами быть энергичными и одновременно смириться, стать выше добра и зла 50 и не причинять зла (т. е. быть добрыми) и т. д. С его помощью хотя бы отчасти можно было бы сделать более понятным факт употребления в этом памятнике слова "дхамма" в очень большом числе значений (явление, почти беспрецедентное для священного текста, рассчитанного на огромное количество последователей буддизма).

Прежде чем перейти к анализу художественных особенностей Дхаммапады, следует сказать несколько слов о двух центральных понятиях, занимающих ключевые позиции в системе представлений буддизма и отражённых в нашем памятнике, — о дхамме и о нирване.

Слово дхамма, как уже говорилось выше, чрезвычайно многозначно. Оно происходит от глагола *dhar* — "держатель", "поддерживать" и задолго до первых буддийских текстов совершило длинный путь развития. Во всяком случае в Ригведе в качестве эпитета Индры встречается слово *dharmaṁ* (VIII, 87, 1), обозначающее "творящий дхарму". Не считая ряда других слов того же корня, особенно следует отметить наличие в Ригведе слов *dharmaṁ* ("носитель", "распорядитель", "опора") и *dharma* ("защита", "опора", "крепкое установление", "закон", "порядок" и т. д.). Некоторые гимны ещё достаточно наглядно дают почувствовать первоначально конкретный характер слова *dharma* и его отличия от более абстрактного слова *ṛta*, в дальнейшем иногда смешиваемого с ним (см.: Ригведа, IX, 97, 22 — 23 и т. д.). В Атхарваведе встречается уже и слово *dharma*, обозначающее "правило" или "обычай". В брахманической литературе это слово приобретает некоторые новые оттенки значения — "добродетель", "закон", "моральный долг"; появляются сочетания со значением "хранитель дхармы", "дхарма есть истина", "дхарма и истина" и т. д. В период Упанишад слово дхарма всё более отождествляется с понятиями "истина", "истинная мораль", "истинная религия". Наряду с этим существуют и другие значения, иногда более специализированные: возникает целая литература, охватывающая дидактические, политические, юридические и т. п. произведения и называемая дхармашастро. Скорее всего первоначальный буддизм и усвоил слово "дхарма" (на пали — "дхамма") именно в том немного расплывчатом, недостаточно терминологичном и широко известном значении, которое оно имело в период Упанишад. Возможно, такое предположение оправдывается и употреблением слова дхамма в надписях Ашоки. Такова предыстория этого слова в древнеиндийском языке, подробно описанная в статье Е. Вильман-Грабовской 51. Дальнейшая его судьба не менее богата и значительна; здесь нет необходимости вдаваться в детали, так хорошо и полно проанализированные в буддологической литературе и прежде всего в трудах О.О. Розенберга 52 и Ф. И.

Щербатского 53. Достаточно лишь сказать, что в махаяне последующее развитие теории дхармы определялось общей идеей, согласно которой существование — это переплетение множества тончайших предельных элементов материи, разума и сил, причем эти элементы и представляют собой единственную реальность, а сочетание их — не более чем название, покрывающее множество элементов, или дхарм. Целые направления в буддийской философии занимались изучением дхарм, определением их свойств и качеств. Несмотря на существенные различия между школами буддизма и на трансцендентный характер дхарм (по крайней мере, так считали многие авторитеты в области буддизма), понимание их как элементов существования выделяет буддизм среди всех других направлений. Однако такое значение слово дхарма приобретает в несравненно более поздний период, чем время оформления Дхаммапады и, главное, в несколько иной среде. Единственным исключением является, кажется, употребление этого слова в первых строфах Дхаммапады, отражающее махаянистское понимание дхармы. Можно думать, что эти строфы были включены в основной текст позднее (ср. их особое положение в 1-й главе). Что же касается первых веков существования этого памятника, то они не знали ещё дхаммы, отличной от дхармы индуизма, и поэтому едва ли теория дхаммы была тогда центральной концепцией буддизма и противопоставляла его по этому признаку другим направлениям в истории развития древнеиндийской мысли.

Точно так же едва ли можно говорить о разработанной теории нирваны применительно к раннебуддийской литературе и вообще о нирване как важном признаке именно буддийской концепции. Как и дхарма, нирвана стала одним из фундаментальных понятий буддизма значительно позже, чем период сложения Дхаммапады. Заблуждения исследователей XIX и первой четверти XX в. как раз и состояли в том, что понятие нирваны осложнялось ассоциациями, возникшими при чтении относительно поздней литературы, и надуманным противопоставлением нирваны паринирване, ещё более запутывавшим вопрос о сущности термина 54. Исследования Валле Пуссэна и Ф.И. Щербатского 55, а за ними и ряда других исследователей, показали, что разработка теории нирваны относится к более позднему времени и связана прежде всего с именами великих философов северного буддизма (ср., например, Мадхьямикашастру — глава 25 об анализе нирваны). В эпоху же первоначального буддизма теория нирваны едва ли существовала (сам Будда избегал прямых ответов на вопрос о сущности и природе нирваны).

Усвоив это слово в значении "затухание", "остывание", раннебуддийские тексты применяют его для обозначения состояния, когда прекращаются желания, ненависть и мрак невежества. Не случайно поэтому, что в Буддхавансе три огня страсти, ненависти и заблуждения противопоставлены нирване, а существование — несуществованию;

такой взгляд опровергает до сих пор распространённую (особенно в популяризаторских работах) точку зрения, согласно которой нирвана — противоположность существования и синоним уничтожения и пассивного покоя. На самом же деле нирвана является состоянием покоя только в смысле отсутствия страстей; во всём же остальном она — проявление высшей деятельности и энергии духа, свободного от оков низменных привязанностей. Такое понимание нирваны находилось бы в соответствии с личным опытом Будды, который, достигнув нирваны, в течение нескольких десятилетий продолжал свою проповедь.

Нет никаких оснований полагать, что в Дхаммападе понимание нирваны отличалось от только что изложенной раннебуддийской точки зрения. Во всяком случае ещё Макс Мюллер указывал, что ни в одном месте Дхаммапады не встречается такой ситуации, в которой слову нирвана нужно было бы придать значение уничтожения 56.

*

Дхаммапада относится к числу тех произведений, которые, как говорит традиция, составлены из изречений, приписываемых Будде и произносившихся им по поводу того или иного случая (комментаторы подробно излагают их). Если же учесть, что в Дхаммападе весьма полно и широко изложены основные принципы морально-этической доктрины раннего буддизма, то станет понятным авторитет, которым она пользовалась и пользуется до сих пор у последователей буддизма, справедливо видящих в ней компендиум буддийской мудрости, произведение, претендующее на роль учебника жизни.

Для нашего времени значение Дхаммапады состоит, пожалуй, прежде всего в том, что она является одним из самых высоких достижений древнеиндийской и мировой художественной литературы. Прелесть Дхаммапады заключается в необыкновенном изяществе её сутр, каждая из которых представляет собой законченный афоризм, поражающий ёмкой краткостью и образностью. Этот лаконизм достигается не только благодаря строгой строфической форме сутр (Дхаммапада написана стихами двух размеров — одиннадцатисложным *triṭṭubh* и восьмисложным *anuṭṭubh*), но и в силу исключительной чёткости мысли, выраженной с искусной простотой, часто в виде тезиса и антитезы. Этой же цели служат и некоторые специальные приёмы, относящиеся как к построению отдельных частей произведения, так и к стилю. Несмотря на то что каждый афоризм может рассматриваться как самодовлеющий, обычно целый ряд их связывается друг с другом цепью малозаметных переходов, плавно развивающих основную мысль данной части. Такое построение каждой главы позволяет в отдельных строфах опускать некоторые детали, иногда даже важные, поскольку читатель или слушатель, знающий эстетический код главы, самостоятельно сумеет извлечь необходимую дополнительную информацию из целого, т. е. из всей главы, и компенсировать тем самым эллиптичность той или иной строфы. Точно так же система образов, используемых в Дхаммападе, чаще всего предполагает знание определённого эстетического кода древнеиндийской художественной литературы, интерпретированного с буддийской точки зрения. Отсюда образы потока, сметающего спящую деревню; прекрасного лотоса, родившегося из грязи; вьющегося растения, душащего дерево; пламени, не прекращающегося до тех пор, пока не перестают подкладывать топливо; терпеливого слона и т. п. Эти образы, даже если они едва намечены и предельно кратко выражены, вызвали у читателя целую картину или серию картин, для изображения которых потребовалось бы много места. В этой же связи следует отметить простой и непретенциозный язык, которым написана Дхаммапада, прозрачность строения недлинных фраз и почти полное отсутствие синтаксических идиоматизмов и неправильностей, выпренности и украшения, свойственных высокому стилю махакавы, в котором были написаны произведения Ашвагхоши.

Будучи сборником изречений и преследуя, разумеется, и дидактические цели, Дхаммапада тем не менее лишена сухого рационализма, поучающего тона и следов догматизма, характеризовавших целый ряд буддийских дидактических сочинений. Каждая сутра Дхаммапады — это маленькое рассуждение на заданную тему, в котором тот или иной штрих из древнеиндийской повседневной жизни или необыкновенно конкретное сравнение, поясняя определённую мысль, переводят её в план житейского комментария, притчи, отбрасывая дидактическую сторону на задний план. Может быть, именно в таких случаях и следует в первую очередь видеть фольклорные связи Дхаммапады, впитавшей в себя и лучшие традиции древнеиндийского народного творчества (о них можно судить по их отражению в литературе) и многие достижения чисто литературных жанров. Вероятно, за пределами собственно литературных форм следует искать причины столь распространённого в Дхаммападе (как, впрочем, и в других произведениях буддийской и индуистской литературы) явления, как разного вида повторы, которые наряду с чисто художественной функцией выполняли и прагматическую — помогали пониманию и запоминанию текста и делали ясной его структуру. Правда, в известном тексте Дхаммапады повторы обычно сосредоточиваются в пределах одной и той же главы; повторы же, встречающиеся по всему тексту, относительно немногочисленны и объясняются, видимо, недостаточно последовательной редакторской правкой первоначальной версии, более богатой повторами такого рода. Если бы первоначальный текст Дхаммапады был восстановлен и в нём действительно были отражены такие повторы, то можно было бы понять точный смысл этого памятника так, как его понимали тогда, когда он был создан. Для этого потребовалось бы только прочитать текст не в той линейной последовательности, как это делается обычно, а сначала все повторы, относящиеся к первой теме, затем — относящиеся ко второй, к третьей и т. д. 57.

Повторы иного рода лучше всего представлены в 1-й главе Дхаммапады — «Главе парных строф». В ней

использован один из самых излюбленных в старой индийской литературе композиционно-стилистических приёмов, заключающийся в соединении двух парных строф. Основа такого соединения — и смысловая (парные строфы посвящены одной и той же теме, хотя обычно она предусматривает два варианта — положительный и отрицательный), и формальная (использование одинаковых конструкций или сходных в обеих парных строфах). Идеальной редуцированной схемой парных строф можно было бы считать построение следующего вида:

I

a – b

II

a – b?

c – d

c – d?

где каждая буква символизирует отдельное утверждение, а знак (-) над буквой — отрицание данного утверждения. Но практически отдельные противопоставления внутри парных строф могут нейтрализоваться или, наоборот, расширяться за счет факультативных. Разумеется, подобные повторы несут очень небольшое количество информации обычного типа или даже вовсе её не несут, являясь целиком избыточными. Однако эта избыточность оказывается полезной не только по тем соображениям, которые существенны для языка, но и потому, что она имеет определённую "сакральную" функцию, с одной стороны, и экспрессивную, чисто художественную — с другой.

Высокие поэтические достоинства 3-й главы Дхаммапады — «Главы о мысли» — могут отвлечь внимание читателя от некоторых существенных тонкостей психологической терминологии буддизма, если не будет объяснено одно из самых существенных понятий буддийской психологии и философии — читта (citta). Это слово едва ли поддаётся однозначному переводу. В разных контекстах оно может означать и "мысль", и "ум", и "сердце", и "волю", и "намерения", и "эмоции" и т. д. Тем не менее в буддийских текстах во всех случаях, когда упоминается читта, речь идёт о вполне определённом и, по существу, едином понятии. Если же в европейских переводах нет вполне удачных образцов передачи этого термина, то это объясняется не столько его сложностью, сколько отсутствием в европейских языках понятий такого же объема. Значение этого слова в пали, помимо многочисленных его определений в буддийских сочинениях (см. Дх. А, I, 228; Кхуддакапатха-аттхакатха, 153; Неттипакарана, 54; Дхаммасангани, 6 и т. д. 58), объясняется в зависимости от тех более общих классов явлений, в которые входит читта, и от того, каким понятиям оно противопоставлено в этих классах. В частности, особенно важно, что читта входит в число духовных факторов (нама) наряду с виджняной ("сознанием") и манасом ("умом"), с одной стороны, и в класс объектов мысли — с другой; внутри последнего читта входит уже в новый ряд противопоставлений: четасика ("духовные качества"), пасада рупа ("чувственные качества тела"), сукхума рупа ("тонкие качества тела"), паньнятти ("имя, идея, представление"), нирвана. Объем понятия читта уточняется употреблением этого слова 59. Всё это полезно иметь в виду при чтении «Главы о мысли».

«Глава о цветах» — одна из наиболее совершенных в книге. Рассказывают, что в одном местечке жили 500 женщин из брахманской касты. Они имели обыкновение приходить к дереву с красивыми цветами; они срывали их и жертвовали Брахме в надежде, что он поможет им избежать царства владыки смерти Ямы и что они снова родятся на небе Брахмы. Однажды этих женщин увидел Будда и обратился к ним со словами, содержащимися в этой главе. Обращаясь к женщинам, чей кругозор был ограничен брахманскими представлениями и насущными заботами, Будда использует знакомый им круг образов (боги, Яма, Мара; пчела, цветы, названия известных деревьев и т. д.). Простые, но поразительные по образности сравнения, яркая метафоричность способствуют созданию убедительной и высокохудожественной картины. В центре её — образ цветов, данный во всём многообразии ассоциаций и всесторонне обыгранный. Благодаря этому цветы выступают не только как символ греховных желаний, тем более опасный, что он прекрасен (тема бодлеровских «Fleurs du mal», но и в ином значении (как у женщин-брахманок), предполагающем традиционное для фольклора понимание 60.

Некоторые формальные особенности этой главы сближают ее с «Главой парных строф» (ср. 44—45, 47—48, 51—52, 55—56), хотя, конечно, степень связанности соседних строф здесь гораздо меньшая.

Этот же приём использован в «Главе о зле» (ср. 117—118, 119—120, 121—122, 127—128), в которой получает дальнейшее разъяснение начатая в предыдущей главе важная мысль о необходимости постоянных усилий на пути к просветлению, а также указывается, что малейшая уступка злу ведёт к гибели.

«Глава о старости» принадлежит к числу самых замечательных мест в буддийской литературе. В ней дано глубоко впечатляющее изображение старости, разрушения, бренности всего живущего. Наряду с этими картинками здесь приводятся слова Будды, направленные против тех, кто легкомысленно и беспечно относится к жизни, не задумываясь о её смысле.

«Глава о своём я» останется непонятной без объяснения одного из наиболее сложных и изменчивых понятий древнеиндийской философии и психологии — атта (atta). В анимистических теориях добуддийского периода, а отчасти и позже под атта понималась душа, описание которой подробно дано в Упанишадах 61. Подобные

представления, как и понимание атта в значении "сознание", отвергались буддизмом. У Будды были серьёзные основания сомневаться в существовании души, поскольку это противоречило бы закону кармы 62. В буддийской литературе атта чаще рассматривалось не как душа, а как я, которое также составляет проблему, волновавшую буддийских мыслителей. Будда, как известно, боролся с ложным и поверхностным взглядом на сущность я и отвергал реальность индивидуального я и, главное, его постоянство. Видимо, он считал недопустимыми метафизические спекуляции вокруг атта, выходявшие за границы опыта. То, что он говорил о я, всегда имело прагматическую направленность и предполагало феноменальное я, данное в опыте. Однако подлинный взгляд Будды едва ли известен. Возможно, что некоторый свет на него проливает эпизод с Ваччхаготтой и последующий разговор с Анандой, содержащиеся в Аггиваччаготтасутте. При выяснении взглядов Будды на я очень важно не пойти по тому пути, который избрали позднейшие буддийские авторитеты (Нагасена, Буддхагхоша и др.).

В «Главе о своем я» нет философских рассуждений на тему я. Будда, как бы принуждённый участвовать в дискуссии об этом понятии, переводит её в совершенно иной, сугубо практический план. По его мнению, уж если стоит говорить о я, о себе, то только для того, чтобы определить, какое зло или добро может быть связано с я и какую роль играет это я на пути к просветлению. Такой прием снижения высоких понятий, незаметной замены метафизических рассуждений конкретными практическими советами, нежелание вести чисто теоретические споры, которые не могут помочь человеку, характерен для проповедей Будды.

В «Главе о мире» выражен взгляд Будды на мир, порождающий новые желания и привязанности, увеличивающий существование (т. е. способствующий продолжению цепи рождений). Здесь же содержатся предписания относительно жизни в этом мире и противопоставление ему другого мира, к которому нужно стремиться.

В «Главе о счастье» привлекают внимание наиболее оптимистические строфы, представляющие резкий контраст с полными безнадёжности и отчаяния мыслями «Главы о старости» и других мест Дхаммапады. Важно подчеркнуть, что многие исследователи склонны умалчивать о подобных настроениях в раннебуддийских текстах и рассматривают буддизм в плане позднейших аналогий, как традиционно и исключительно пессимистическое учение. «Глава о счастье» интересна и тем, что на её основании в известной мере можно представить себе положительные идеалы, одушевлявшие последователей Будды в ранний период развития буддизма.

К этой главе примыкает другая, связанная с ней, — «Глава о приятном», в которой дан критический разбор традиционного понятия "приятного" и выдвигается новое его понимание, соответствующее принципам буддизма. Как и в предыдущей главе, здесь исходным является старое понятие, наполняемое новым содержанием.

В свою очередь эта глава отчасти связана с выдающейся по своим художественным достоинствам «Главой о скверне», в которой речь идет о грязи желаний, заблуждений, невежества, о необходимости борьбы за духовную чистоту каждого человека.

Последние, завершающие, главы Дхаммапады менее интересны в художественном отношении, зато они знакомят читателя с некоторыми положениями раннебуддийской догматики и отчасти повторяют ряд мыслей, выраженных в предыдущих главах. Есть веские основания полагать, что некоторые из этих завершающих глав возникли позже, чем основное ядро Дхаммапады.

*

Приведем перечень основных изданий и переводов палийской Дхаммапады:

1. Dhammapadam, ed. V. Fausbøll, Hauniae, 1855 (повторные издания: The Dhammapada, London, 1885 и 1900).
2. A. Weber, Das Dhammapadam. — ZDMG, XIV, 1860 (перепечатано в «Indische Streifen», Bd I, Berlin, 1868).
3. F. Max Müller, The Dhammapada. A collection of verses. — SBE, X, Oxford, 1881 (второе издание — 1898; еще ранее, в 1870 г., в Лондоне появился английский перевод М. Мюллера под названием «Buddha's Dhammapada, or Path of virtue»).
4. Fernand Hu, Le Dhammapada, Paris, 1878.
5. J. Gray, Dhammapada, Rangoon, 1881 (2-е изд.: Calcutta, 1887).
6. L. v. Schroeder, Worte der Wahrheit, Leipzig, 1892.
7. K. E. Neumann, Der Wahrheitspfad, Leipzig, 1893 (2-е изд.: München, 1921; 3-е изд.: München, 1949, также «Reden Gotama Buddhas», Bd III, 1959).
8. Н. Герасимов, Путь к истине (Dhammapada). Изречения буддийской нравственной мудрости, М., 1898 (перевод с английского перевода М. Мюллера).
9. A.J.E. Edmunds, Hymns of the faith (Dhammapada), Chicago, 1902.
10. P.E. Pavolini, Le Dhammapada, Mailand, 1908.
11. W.D.C. Wagiswara and K.J. Saunders, The Buddha's way of virtue, New York, 1912.
12. Suriyagoda Sumangala Thera, The Dhammapada. — PTS, 1914.
13. Dhammapada, Der Pfad der Lehre. Die älteste buddhistische Spruchsammlung, Zehlendorf — west bei Berlin, 1919 (2-е изд.: 1922).
14. Dhammapada, Poona, 1923.
15. F.L. Woodward, The Buddha's Path of virtue, Madras, 1929.
16. C.A.F. Rhys Davids, The minor anthologies of the Pali Canon, pt I, Dhammapada (Verses on Dhamma) and Khuddakaputha (the text of the minor sayings), London, 1931.

17. R. et M. Maratray, Le Dhammapada, Paris, 1931.
18. P.L. Vaidya, Dhammapada, 1934.
19. I. Babbitt, The Dhammapada, 1936.
20. Chos-kyi tshigs-su-bcad-pa, Dhammapada, Transl. Byd. Ge-Aun-chos-'plel, with a foreword by G. Roerich, Gangtok, 1946.
21. S. Radhakrishnan, The Dhammapada with introductory essays, Pali text, English translation and notes, Oxford, 1950 (2-е изд.: 1954).
22. Narada Maha Thera, The Dhammapada (text and translation), Calcutta, 1952.
23. Dhammapada (Holy text of the Buddhist). Pali text in Sanskrit with English translation by Dr. C. Kunhan Raja. With a foreword by Shri Sri Prakasa, Madras, 1956.
24. Dhamma-Worte. Dhammapada des sudbuddhistischen Kanons, Herausgegeben von R. Otto Franke, Dьsseldorf—Kцln, 1957.

Комментарии к Дхаммападе изданы «Обществом по изданию палийских текстов»: Dhammapada Commentary, vol. I, 1906 (ed. H.C. Norman), vol. II—IV, 1911—1914; vol. V, 1915 (индексы; ed. L.S. Tailang). См. также новое издание: H. Smith, Dhammapada Commentary, pt I, 1925. Легенды, содержащиеся в комментариях к Дхаммападе, были переведены Бурлингэмом: E.W. Burlingame, Buddhist Legends, translated from the original Pali text of the Dhammapada Commentary, Cambridge, Mass., 1921 (Harvard Oriental Series, vol. 28-30).

Настоящий перевод сделан с текста, помещенного в книге S. Radhakrishnan, The Dhammapada, Oxford, 1954; кроме того, учитывались разночтения, указанные в других изданиях.

В заключение я приношу благодарность Т.Я. Елизаренковой и П.А. Гринцеру, прочитавшим перевод Дхаммапады в рукописи и сделавшим много ценных замечаний.

В. Топоров

I. Глава парных стрóf

I. Yamakavaggo

1. Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. 1. Manopubba?gama dhamma, manose??ha maпomaуа;

Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, Manasa се padu??hena, bhasati va karoti va.

то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего 63. Tato na? dukkhamanveti, cakkha?va vahato pada?.

2. Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. 2. Manopubba?gama dhamma, manose??ha maпomaуа;

Если кто-нибудь говорит или делает с чистым разумом, Manasa се pasannena, bhasati va karoti va.

то за ним следует счастье, как неотступная тень. Tato na? sukhamanveti, chayava anapayini.

3. «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». 3. Akkocchi ma? avadhi ma?, ajini ma? ahasi me;

У тех, кто таит в себе такие мысли, ненависть не прекращается. Ye са ta? upanayhanti, vera? tesa? na sammanti.

4. «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». 4. Akkocchi ma? avadhi ma?, ajini ma? ahasi me;

У тех, кто не таит в себе такие мысли, ненависть прекращается. Ye са ta? nupanayhanti, vera? tesupasammanti.

5. Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, 5. Na hi verena verani, sammantidha kudacana?;

но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма. Avera са sammanti, esa dhammo sanantano.

6. Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. 6. Pare са na vijananti, mayamettha yamamase;

У тех же, кто знает это, сразу прекращаются ссоры 64. Ye са tattha vijananti, tato sammanti medhaga.

7. Того, кто живет в созерцании удовольствий, необузданного в своих чувствах, 7. Subhanupassi? viharanta?, indriyesu asa?vuta?;

неумеренного в еде, ленивого, нерешительного, — Bhojanamhi camattaccu?, kusita? hinaviriya?.

именно его сокрушает Мара, как вихрь — бессильное дерево. Та? ve pasahati maro, vato rukkha?va dubbala?.

8. Того, кто живет без созерцания удовольствий, сдержанного в своих чувствах 8. Asubhanupassi? viharanta?, indriyesu usa?vuta?;

и умеренного в еде, полного веры и решительности, – Bhojanamhi ca mattaccu?, saddha? araddhaviriya?. именно его не может сокрушить Мара, 65 как вихрь не может сокрушить каменную гору. Та? ve nappasahati maro, vato sela?va pabbata?.

9. Кто облачается в желтое одеяние, сам не очистившись от грязи, 9. Anikkasavo kasava?, yo vattha? paridahissati; не зная ни истины, ни самоограничения, тот недостоин желтого одеяния. Apeto damasaccena, na so kasavamarahati.

10. Но кто избавился от грязи, кто стоек в добродетелях, 10. Yo sa vantakasavassa, silesu susamahito; исполнен истины и самоограничения, именно тот достоин желтого одеяния 66. Upeto damasaccena, sa ve kasavamarahati.

11. Мнящие суть в несути 67 и видящие несут в сути, 11. Asare saramatino, sare casaradassino; они никогда не достигнут сути, ибо их удел – ложные намерения. Te sara? nadhigacchanti, micchasa?kappagocara.

12. Принимающие суть за суть и несут за несут, 12. Saracca sarato catva, asaracca asarato; они достигнут сути, ибо их удел – истинные намерения 68. Te sara? adhigacchanti, sammasa?kappagocara.

13. Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, 13. Yatha agara? ducchanna?, vu??hi samativijjhati; так в плохо развитый ум просачивается вожеление. Eva? abhavita? citta?, rago samativijjhati.

14. Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, 14. Yatha agara? suchanna?, vu??hi na samativijjhati. так в хорошо развитый ум не просачивается вожеление 69. Eva? subhavita? citta?, rago na samativijjhati.

15. В этом мире сетует он и в ином – сетует. В обоих мирах злочинец сетует. 15. Idha socati pecca socati, papakari ubhayattha socati; Он сетует, он страдает, видя зло своих дел. So socati so vihaccati, disva kammakili??hamattano.

16. В этом мире радуется он и в ином – радуется. В обоих мирах творящий добро радуется. 16. Idha modati pecca modati, kataruppo ubhayattha modati; Он радуется – не на радуется, видя непорочность своих дел. So modati so pamodati, disva kammavisuddhimattano.

17. В этом мире страдает он и в ином – страдает, в обоих мирах злочинец страдает. 17. Idha tappati pecca tappati, papakari ubhayattha tappati; «Зло сделано мной», – страдает он. Еще больше страдает он, оказавшись в беде. 70 "Papa? me katan"ti tappati, bhiyyo tappati duggati? gato.

18. В этом мире ликует он и в ином – ликует, в обоих мирах творящий добро ликует. 18. Idha nandati pecca nandati, kataruppo ubhayattha nandati; «Добро сделано мной!» – ликует он. Еще больше ликует он, достигнув счастья. "Pucca? me katan"ti nandati, bhiyyo nandati suggati? gato.

19. Если даже человек постоянно твердит Писание, 71 но, нерадивый, не следует ему, 19. Bahumpi ce sa?hita bhasamano, na takkaro hoti naro pamatto. он подобен пастуху, считающему коров у других. Он непричастен к святости. 72 Gopova gavo ga?aya? paresa?, na bhagava samaccassa hoti.

20. Если даже человек мало повторяет Писание, но живет, следуя дхамме, 20. Appampi ce sa?hita bhasamano, dhammassa hoti anudhammacari. освободившись от страсти, ненависти и невежества, обладая истинным знанием, свободным разумом, Ragacca dosacca pahaya moha?, sammappaajano suvimuttacitto. не имея привязанностей ни в этом, ни в ином мире, – он причастен к святости. Anupadiyano idha va hura? va, sa bhagava samaccassa hoti.

II. Глава о серьезности 73

II. Appamadavaggo

21. Серьезность – путь к бессмертию. Легкомыслие – путь к смерти. 21. Appamado amatapada?, pamado maccuno pada?;

Серьезные не умирают. Легкомысленные подобны мертвецам 74. Appamatta na miyanti, ye pamatta yatha mata.

22. Отчетливо понимая это, мудрые – серьезные. 22. Eva? visesato catva, appamadamhi pa??ita;
В серьезности они черпают радость. На ниве благородных 75 радуются они. Appamade pamodanti, ariyana? gocare rata.

23. Вдумчивые, упорные, всегда стойкие и мудрые, 23. Te jhayino satatika, nicca? da?haparakkama;
они достигают нирваны, свободной от привязанностей и несравненной 76. Phusanti dhira nibbana?, yogakkhema? anuttara?.

24. У энергичного, полного мыслей, действующего осмотрительно, 77 ограничивающего себя, серьезного, 24. U??hanavato satimato, sucikammassa nisammakarino;
того, чьи дела чисты и кто живет, следуя дхамме, – у того возрастает слава. Saccatassa dhammajivino, appamattassa yasobhiva??hati.

25. Пусть мудрец усилием, серьезностью, самоограничением и воздержанием 25. U??hanenappamadena sa? yamena damena sa;
сотворит остров, который нельзя сокрушить потоком 78. Dipa? kayiratha medhavi, ya? oghe nabhikirati.

26. Невежды, глупые люди привержены к легкомыслию. 26. Pamadamanuyucjanti, bala dummedhino jana;
Мудрец же хранит серьезность, как драгоценное сокровище 79. Appamadacca medhavi, dhana? se??ha?va rakkhati.

27. Избегайте легкомыслия, чуждайтесь страсти и наслаждения, 27. Ma pamadamanuyucjetha, ma kamaratisanthava?;
ибо лишь серьезный и вдумчивый достигнет великого счастья. Appamatto hi jhayanto, pappoti vipula? sukha?.

28. Когда мудрый серьезностью прогоняет легкомыслие, 28. Pamada? appamadena, yada nudati pa??ito;
он, беспечальный, подымаясь на вершины мудрости, смотрит на больное печалью человечество,
Рассарасадатаруа, асоко сокони? ража?.
как стоящий на горе на стоящего на равнине, как мудрый на глупого. Pabbata??hova bhuma??he, dhiro bale avekkhati.

29. Серьезный среди легкомысленных, многободрствующий среди спящих, 29. Appamatto pamattesu, suttesu bahuja?ago;
мудрец выделяется, как скакун, опередивший клячу. Abalassa?va sighthasso, hitva yati sumedhaso.

30. Серьезностью достиг Магхаван 80 первенства среди богов. 30. Appamadena maghava, devana? se??hata? gato;
Серьезность хвалят, легкомыслие же всегда проклинается. Appamada? pasa?santi, pamado garahito sada.

31. Бхикшу, 81 находящий удовольствие в серьезности или со страхом взирающий на легкомыслие, 31. Appamadaratato bhikkhu, pamade bhayadassi va;
пролагает путь, как огонь, пожирающий 82 узы, 83 большие или малые. Sa?yojana? a?u? thula?, ?aha? aggiva gacchati.

32. Бхикшу, находящий удовольствие в серьезности или со страхом взирающий на легкомыслие, 32. Appamadaratato bhikkhu, pamade bhayadassi va;
неспособен к падению: ведь он близок к нирване 84. Abhabbo parihanaya, nibbanasseva santike.

III. Глава о мысли 85

III. Cittavaggo

33. Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, 33. Phandana? capala? citta?, durakkha? dunnivaraya?;
мудрец направляет, как лучник стрелу 86. Uju? karoti medhavi, usukarova tejana?.

34. Как рыба, вырванная из своей стихии и брошенная на сушу, 34. Varijova thale khitto, okamokata-ubbhato;
дрожит эта мысль: лишь бы вырваться из-под власти Мары. Pariphandatida? citta?, maradheyya? pahatave.

35. Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, – благо. 35. Dunniggahassa

lahuno, yatthakamanipatino;

Обузданная мысль приводит к счастью. Cittassa damatho sadhu, citta? danta? sukhavaha?.

36. Пусть мудрец стережет свою мысль, труднопостижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся где попало.

36. Sududdasa? sunipu?a?, yatthakamanipatina?;

Стереженная мысль приводит к счастью. Citta? rakkhetha medhavi, citta? gutta? sukhavaha?.

37. Те, которые смиряют свою мысль, блуждающую вдалеке, бредущую в одиночку, 37. Dura?gama? ekacara?, asarira? guhasaya?;

бестелесную, скрытую в сердце, освободятся от Мары 87. Ye citta? sa?yamessanti, makkhanti marabandhana.

38. У того, чья мысль нестойка, кто не знает истинной дхаммы, 38. Anava??hitacittassa, saddhamma? avijanato; чья вера колеблется, – мудрость не становится совершенной. Pariplavapasadassa, passa na paripurati.

39. В непорочной мысли, 88 в невосполненной мысли, 39. Anavassutacittassa, ananvatacetaso; отказавшейся от добра и зла, 89 в бодрствующей нет страха. Pussapapahinassa, natthi jagarato bhaya?.

40. Зная, что это тело подобно скудели, превратив эту мысль в подобие крепости, 40. Kumbhupama? kayamima? veditva, nagarupama? cittamida? ?hapetva.

пусть он с оружием мудрости нападет на Мару, и да сохранит он победу и да будет он свободен от привязанностей. Yodhetha mara? rassavudhena, jitassa rakkhe anivesano siya.

41. Увы! Недолго это тело проживет на земле, 41. Acira? vataya? kayo, pathavi? adhissati; отверженное, бесчувственное, бесполезное, как чурбан. Chuddho apetavicca?o, nirattha?va kali?gara?.

42. Что бы ни сделал враг врагу или же ненавистник ненавистнику, 42. Diso disa? ya? ta? kayira, veri va pana verina?;

ложно направленная мысль 90 может сделать еще худшее. Micchapa?ihita? citta?, piya na? tato kare.

43. Что бы ни сделали мать, отец или какой другой родственник, 43. Na ta? mata pita kayira, acce vapi ca cataka; истинно направленная мысль может сделать еще лучшее 91. Sammapa?ihita? citta?, seyyaso na? tato kare.

IV. Глава о цветах

IV. Pupphavaggo

44. Кто победит эту землю и мир Ямы и этот мир богов? 44. Ko ima? pathavi? vicissati, yamalokacca ima? sadevaka?.

Кто найдет хорошо преподаемую стезю дхаммы, 92 как мудрец – цветок? Ko dhammapada? sudesita?, kusalo pupphamiva passati.

45. Ученик 93 победит землю, мир Ямы и этот мир богов. 45. Sekho pathavi? vicissati, yamalokacca ima? sadevaka?;

Ученик найдет хорошо преподаемую стезю дхаммы, как мудрец – цветок. Sekho dhammapada? sudesita?, kusalo pupphamiva passati.

46. Знающий, что это тело подобно пене, понимающий его призрачную природу, 46. Phe?upama? kayamima? veditva, maricidhamma? abhisambudhano.

сломавший украшенные цветами стрелы 94 Мары, пусть он пройдет невидимый для царя смерти. Chetvana marassa pupphakani, adassana? maccurajassa gacche.

47. Человека же, срывающего цветы, чей ум в шорах, 47. Pupphani heva pacinanta?, byasattamanasa? nara?; похищает смерть, как наводнение – спящую деревню. Sutta? gama? mahoghova, maccu adaya gacchati.

48. Человека же, срывающего цветы, чей ум в шорах, 48. Pupphani heva pacinanta?, byasattamanasa? nara?; ненасытного в чувственных утех, смерть делает подвластным себе. 95 Atittacceva kamesu, antako kurute vasa?.

49. Как пчела, набрав сока, улетает, не повредив цветка, 49. Yathapi bhamaro puppha?, va??agandhamahē?haya?; его окраски и запаха, так же пусть мудрец поступает в деревне. 96 Paleti rasamadaya, eva? game muni care.

50. Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и несделанное другими, 50. Na paresa? vilomani, na paresa? katakata?;
но на сделанное и несделанное им самим. Attanova avekkheyya, katani akatani ca.

51. Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, 51. Yathapi rucira? puppha?, va??avanta? agandhaka?;
столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата. Eva? subhasita vaca, aphala hoti akubbato.

52. Хорошо сказанное слово человека, следующего ему, 52. Yathapi rucira? puppha?, va??avanta? sugandhaka?;
плодоносно, как прекрасный цветок с приятной окраской и благоухающий. Eva? subhasita vaca, saphala hoti kubbato.

53. Как из вороха цветов можно сделать много венков, 53. Yathapi puppharasimha, kayira malagu?e bahu;
так и смертный, когда он родится, может совершить много добрых дел. Eva? jatena maccena, kattabba? kusala? bahu?.

54. У цветов аромат не распространяется против ветра, также – у сандалового дерева, у тагары 97 или жасмина.
54. Na pupphagandho pa?ivatameti, na candana? tagaramallika.
Аромат же добродетельных распространяется и против ветра. Благой человек проникает во все места. 98
Satacca gandho pa?ivatameti, sabba disa sappuriso pavayati.

55. Сандаловое дерево или тагара, лотос или вассика 99 – 55. Candana? tagara? vapi, uppala? atha vassiki;
среди их ароматов аромат благих дел – непревзойденнейший. Etesa? gandhajatana?, silagandho anuttaro.

56. Слаб этот аромат, испускаемый тагарой и сандаловым деревом. 56. Appamatto aya? gandho, uvaya? tagarasandana?;
Аромат же благих дел, веющий среди богов, – самый лучший. Yo ca silavata? gandho, vati deveesu uttamo.

57. Мара не находит тропы тех, кто благороден, 57. Tesa? sampannasilana?, appamadaviharina?;
кто живет исполненный серьезности и кто свободен благодаря совершенному знанию. Sammadacca vimuttana?, maro magga? na vindati.

58-59. Как на куче мусора, выброшенного на большую дорогу, 58. Yatha sa?kara?hanasmi?, ujjhitasmi? mahapathe;
может вырасти лотос, 100 сладкопахнущий и радующий ум, Paduma? tattha jayetha, sucigandha? manorama?;
так ученик поистине просветленного выделяется мудростью 101 59. Eva? sa?karabhutesu, andhabhute puthujjane;
среди слепых посредственностей, среди существ, подобных мусору. Atirocati passaya, sammambuddhasavako.

V. Глава о глупцах

V. Balavaggo

60. Длинна ночь для бодрствующего, длинна йоджана 102 для уставшего, 60. Digha jagarato ratti, digha? santassa uojana?;
длинна сансара 103 для глупцов, не знающих истинной дхаммы. Digho balana? sa?saro, saddhamma? avijanata?.

61. Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, 61. Caracce nadhigaccheyya, seyya? sadisamattano;
пусть он укрепится в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы. Ekacariya? da?ha? kayira, natthi bale sahayata.

62. «Сыновья – мои, богатство – мое», – так мучается глупец. 62. Putta matthi dhanammatthi, iti balo vihaccati;
Он ведь сам не принадлежит себе. Откуда же сыновья? Откуда богатство? 104 Atta hi attano natthi, kuto putta kuto dhana?.

63. Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, 63. Yo balo maccati balya?, pa??ito vapi tena so;
а глупец, мнящий себя мудрым, воистину, как говорится, «глупец». Balo ca pa??itamani, sa ve "balo"ti vuccati.

64. Если глупец связан с мудрым даже всю свою жизнь, 64. Yavajivampi ce balo, pa??ita? payirupasati;
он знает дхамму не больше, чем ложка – вкус похлебки. Na so dhamma? vijanati, dabbi suparasa? yatha.

65. Если хотя бы мгновение умный связан с мудрым, 65. Muhuttamapi ce viccu, pa??ita? payirupasati.
быстро знакомится он с дхаммой, как язык с вкусом похлебки. 105 Khippa? dhamma? vijanati, jivha suparasa?
yatha.

66. Не имея разума, глупцы поступают с собой, как с врагами, 66. Caranti bala dummedha, amitteneva attana;
совершая злое дело, которое приносит горькие плоды. Karonta rapaka? kamma?, ya? hoti ka?ukapphala?.

67. Нехорошо сделано то дело, совершив которое раскаиваются, 67. Na ta? kamma? kata? sadhu, ya? katva
anutappati;
чей плод принимают с заплаканным лицом, рыдая. Yassa assumukho roda?, vipaka? pa?isevati.

68. Но хорошо сделано то дело, сделав которое не раскаиваются, 68. Tacca kamma? kata? sadhu, ya? katva
nanutappati;
чей плод принимают радостно и удовлетворенно. Yassa patito sumano, vipaka? pa?isevati.

69. Пока зло не созреет, глупец считает его подобным меду. 69. Madhuva maccati balo, yava papa? na paccati;
Когда же зло созреет, тогда глупец предается горю. 106 Yada ca paccati papa?, balo dukkha? nigacchati.

70. Пусть глупец месяц за месяцем ест пищу с кончика травинки куса, 107 70. Mase mase kusaggena, balo
bhucceyya bhojana?;
все-таки он не ступит и шестнадцатой части тех, кто знает дхамму. 108 Na so sa?khatadhammana?, kala? agghati
so?asi?.

71. Ибо, как не сразу свертывается молоко, так содеянное злое дело не сразу приносит плоды; 71. Na hi papa?
kata? kamma?, sajju khira?va maccati;
тлея подобно огню, покрытому пеплом, оно следует за этим глупцом. 109 ?ahanta? balamanveti,
bhasmacchannova pavako.

72. Когда же глупец на свое несчастье овладеет знанием, 72. Yavadeva anattaya, catta? balassa jayati;
оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову. Nanti balassa sukka?sa?, muddhamassa vipataya?.

73. Он может возжелать неподобающего ему положения и первенства среди бхикшу, 73. Asanta?
bhavanamiccheyya, purekkharacca bhikkhusu.
и власти в монастырях, и почитания среди других родов. Avasesu ca issariya?, puja parakulesu ca.

74. «Пусть думают и миряне, и отшельники, что это сделано мной. 74. Mameva kata maccantu, ghipabbajita ubho;
Пусть они зависят от меня во всех делах», – Mamevativasa assu, kiccakicesu kismici.
таково намерение глупца; его желание и гордость возрастают. Iti balassa sa?kappo, iccha mano ca va??hati.

75. Ибо одно средство ведет к приобретению богатства, другое – к нирване. 75. Acca hi labhupanisa, acca
nibbanagamini;
Зная же это, бхикшу, ученик Будды, Evameta? abhiccaya, bhikkhu buddhassa savako.
не возрадуется почестям, но возлюбит одиночество. 110 Sakkara? nabhinandeyya, vivekamanubruhaye.

VI. Глава о мудрых 111

VI. Pa??itavaggo

76. Если кто увидит мудреца, указывающего недостатки и упрекающего за них, 76. Nidhina?va pavattara?, ya?
passe vajjadassina?;
пусть он следует за таким мудрецом, как за указывающим сокровище. Niggayhavadi? medhavi?, tadisa? pa??ita?
bhaje.

Лучше, а не хуже будет тому, кто следует за таким. Tadisa? bhajamanassa, seyyo hoti na papiyo.

77. Пусть он советует, поучает и удерживает от зла. 77. Ovadeyyanusaseyya, asabbha ca nivaraye;
Он ведь приятен доброму и неприятен злему. Satachi so piyo hoti, asata? hoti appiyo.

78. Пусть никто не соединяется с плохими друзьями, пусть никто не соединяется с низкими людьми. 78. Na
bhaje rapake mitte, na bhaje purisadhame;
Привяжитесь к хорошим друзьям, привяжитесь к благородным людям. 112 Bhajetha mitte kalya?e, bhajetha

purisuttame.

79. Вкушающий дхамму живет счастливо; с чистым умом, 79. Dhammapiti sukha? seti, vipprasannena cetasa. мудрец всегда восхищается дхаммой, возвешенной Благородным. 113 Ariyappavedite dhamme, sada ramati pa?? ito.

80. Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, 80. Udakachi nayanti nettika, usukara namayanti tejana?. плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя. 114 Daru? namayanti tacchaka, attana? damayanti pa?? ita.

81. Как крепкая скала не может быть сдвинута ветром, 81. Selo yatha ekaghano, vatena na samirati; так мудрецы непоколебимы среди хулений и похвал. 115 Eva? nindapasa? sasu, na samicjanti pa?? ita.

82. Услышав дхаммы, мудрецы становятся чистыми, 82. Yathapi rahado gambhiro, vipprasanno anavilo; как пруд, глубокий, чистый и незамутненный. Eva? dhammani sutvana, vipprasidanti pa?? ita.

83. Добродетельные продолжают свой путь при любых условиях. 116 Благие, даже томясь желанием, 117 не болтают. 83. Sabbattha ve sappurisa sajanti, na kamakama lapayanti santo. Тронутые счастьем или же горем, мудрецы не показывают ни того, ни другого. 118 Sukhena phu?? ha atha va dukhena, na ussavaca? pa?? ita dassayanti.

84. Ни ради самого себя, ни ради другого не возжелает он ни сына, ни богатства, ни царства. 84. Na attahetu na parassa hetu, na puttamicche na dhana? na ra?? ha?. На незаконной стезе не возжелает он себе успеха. Да будет он благороден, мудр и справедлив. Na iccheyya adhammena samiddhimattano, sa silava passava dhammiko siya.

85. Немногие среди людей достигают противоположного берега. 85. Appaka te manussesu, ye jana paragamino; Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу. 119 Athaya? itara paja, tiramevanudhavati.

86. Те же люди, которые, действительно, следуют дхамме, когда дхамма хорошо возвешена, 86. Ye ca kho sammadakkhate, dhamme dhammanuvattino. достигнут противоположного берега, минуя царство смерти, хотя его и трудно избежать. Te jana paramessanti, massudheyya? suduttara?.

87-88. Покинув темную дхамму, пусть мудрец пестует светлую. 120 87. Ka? ha? dhamma? vipphaya, sukka? bhavetha pa?? ito; Уйдя из дома в бездомность, в одиночестве, казалось бы, малоподходящем для радости, пусть ищет он удовлетворения. Oka anokamagama, viveke yatha durama?.

Отказавшись от желаний, избавившись от собственности, 88. Tatrabhiratimiccheyya, hitva kame akiccana; пусть мудрец очистит от скверны 121 свой ум. Pariyodapeyya attana?, cittaklesehi pa?? ito.

89. Те, чей ум должным образом опирается на начала просветления, 122 89. Yesa? sambodhiya? gesu, samma citta? subhavitā; отказавшиеся от привязанностей, радующиеся освобождению, Adanapa? inissagge, anupadaya ye rata. с уничтоженными желаниями, 123 полные блеска, они в этом мире достигли нирваны. Khi? asava jutimanto, te loke parinibbuta.

VII. Глава об архатах 124

VII. Arahantavaggo

90. У совершившего странствие, у беспечального, у свободного во всех отношениях, 90. Gataddhino visokassa, vipramuttassa sabbadhi; у сбросившего все узы 125 нет лихорадки страсти. Sabbaganthappahinassa, pari? aho na vijjati.

91. Мудрые удаляются; 126 дума для них нет наслаждения. 91. Uyyujjanti satimanto, na nikete ramanti te; Как лебеди, 127 оставившие свой пруд, покидают они свои жилища. Na? sava pallala? hitva, okamoka? jahanti te.

92. Они не делают запасов, у них правильный взгляд на пищу, 92. *Yesa? sannicayo natthi, ye pariccatabhojana.* их удел освобождение, лишённое желаний и необусловленное. 128 *Succato animitto ca, vimokkho yesa? gocaro.* Их путь, как у птиц в небе, труден для понимания. *Akase va sakuntana?, gati tesa? durannaya.*

93. У него уничтожены желанья, и он не привязан к пище; 93. *Yassasava parikkhi?a, ahare ca anissito;* его удел — освобождение, свободное от желаний и условий. *Succato animitto ca, vimokkho yassa gocaro.* Его стезя, как у птиц в небе, трудна для понимания. 129 *Akase va sakuntana?, pada? tassa durannaya?.*

94. Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. 130 94. *Yassindriyani samatha?gatani, assa yatha sarathina sudanta.* Он отказался от гордости и лишен желаний. Такому даже боги завидуют. *Pahinamanassa anasavassa, devapi tassa pihayanti tadino.*

95. Подобный земле, он не знает смятения; такой добродетельный подобен столпу Индры; 131 95. *Pathavisamo no virujjhati, indakhilupamo tadi subbato.* он как пруд без грязи. У такого нет сансар. *Rahadova apetakaddamo, sa?sara na bhavanti tadino.*

96. У него спокойная мысль, и слово спокойно и деяние. 132 96. *Santa? tassa mana? hoti, santa vaca ca kamma ca;* У такого спокойного и освобожденного — совершенное знание. *Sammadacca vimuttassa, upasantassa tadino.*

97. Человек, который не верует 133 и знает несозданное, 134 разорвал привязанности, 97. *Assaddho akataccu ca, sandhicchedo ca yo na;o;* положил конец счастью, отказался от желаний, — поистине благороднейший человек. *Hatavakaso vantaso, sa ve uttamarisio.*

98. В деревне или в лесу, в долине или на холме, — 98. *Game va yadi varacce, ninne va yadi va thale;* где бы ни жили архаты, любая земля там приятна. *Yattha arahanto viharanti, ta? bhumirama?eeyaka?.*

99. Приятны леса. Где не радуются прочие люди, 99. *Rama?iyani araccani, yattha na ramati jano.* возрадуются лишённые страсти, ибо они не ищут чувственных удовольствий. 135 *Vitaraga ramissanti, na te kamagavesino.*

VIII. Глава о тысяче 136

VIII. Sahassavaggo

100. Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, 100. *Sahassamapi ce vaca, anattapadasa? hita;* лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов. 137 *Eka? atthapada? seyyo, ya? sutva upasammati.*

101. Одно полустихие, услышав которое становятся спокойными, 101. *Sahassamapi ce gatha, anattapadasa? hita;* лучше тысячи стихов, составленных из бесполезных слов. *Eka? gathapada? seyyo, ya? sutva upasammati.*

102. Одно полустихие, услышав которое становятся спокойными, 102. *Yo ca gatha sata? bhase, anattapadasa? hita.* лучше чем если бы кто-нибудь продекламировал сто стихов, составленных из бесполезных слов. *Eka? dhammapada? seyyo, ya? sutva upasammati.*

103. Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, 103. *Yo sahassa? sahassena, sa?game manuse jine;* то именно этот другой — величайший победитель в битве. 138 *Eka? jeyyamattana?, sa ve sa?gamajuttamo.*

104. Поистине, победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смирившего себя, 104. *Atta have jita? seyyo, ya? ca? itara pa;a;* лучше, чем победа над другими людьми. *Attadantassa posassa, nicca? saccatacarino.*

105. Ни Мара с Брахмой, 139 ни гандхарва, 140 ни даже сам бог 105. *Neva devo na gandhabbo, na maro saha brahmuna;* не смогут превратить у такого человека победу в поражение. 141 *Jita? apajita? kayira, tatharupassa jantuno.*

106. Пусть некто месяц за месяцем тысячекратно в течение ста лет совершает жертвоприношения, 106. Mase mase sahassena, yo yajetha sata? sama?.

и пусть другой воздаст честь, — хотя бы на одно мгновение, — совершенствующему себя. Ekacca bhavitattana?, muhuttamari piyaе.

Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений. Sayeva pujana seyyo, yacce vassasata? huta?.

107. Пусть человек сто лет ухаживает за огнем в лесу 107. Yo sa vassasata? jantu, aggi? paricare vane;

и пусть он воздаст честь, — хотя бы на одно мгновение, — совершенствующему себя. Ekacca bhavitattana?, muhuttamari piyaе.

Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений. 142 Sayeva pujana seyyo, yacce vassasata? huta?.

108. Что бы ни пожертвовал в течение года добродетельный как милостыню или приношение, все это не стоит и ломанного гроша. 108. Ya? kicci yi??ha? va huta? va loke, sa?vacchara? yajetha puccapekkho.

Уважение к ведущим праведную жизнь — лучше. Sabbampi ta? na catubhagameti, abhivadana ujjigatesu seyyo.

109. У того, кто почителен и всегда уважает старых, 143 109. Abhivadanasilissa, nicca? vu??hapacayino.

возрастают четыре дхаммы: жизнь, красота, счастье, сила. 144 Cattaro dhamma va??hanti, ayu va??o sukha? bala?.

110. Один день жизни добродетельного и самоуглубленного 110. Yo sa vassasata? jive, dussilo asamahito;

лучше столетнего существования порочного и распущенного человека. Ekaha? jivita? seyyo, silavantassa jhayino.

111. Один день жизни умудренного и самоуглубленного 111. Yo sa vassasata? jive, duppacco asamahito;

лучше столетнего существования невежественного и распущенного человека. Ekaha? jivita? seyyo, paccavantassa jhayino.

112. Один день жизни обладающего кипучей энергией 112. Yo sa vassasata? jive, kusito hinaviriyo;

лучше столетнего существования ленивого и лишённого энергии человека. Ekaha? jivita? seyyo, viriyamarabhato da?ha?.

113. Один день жизни видевшего начало и конец 113. Yo sa vassasata? jive, apassa? udayabbaya?;

лучше столетнего существования человека, не видящего начала и конца. 145 Ekaha? jivita? seyyo, passato udayabbaya?.

114. Один день жизни видевшего бессмертную стезю 114. Yo sa vassasata? jive, apassa? amata? pada?.

лучше столетнего существования человека, не видящего бессмертной стези. Ekaha? jivita? seyyo, passato amata? pada?.

115. Один день жизни видевшего дхамму 115. Yo sa vassasata? jive, apassa? dhammamuttama?;

лучше столетнего существования человека, не видящего высшей дхаммы. 146 Ekaha? jivita? seyyo, passato dhammamuttama?.

IX. Глава о зле

IX. Papavaggo

116. Пусть он торопится совершить благое; от зла пусть он удерживает свой ум. 116. Abhittharetha kalya?e, para citta? pivayaе;

Ибо ум того, кто не спешит делать добро, находит удовольствие в зле. Dandhachi karoto pucca?, papasmi? ramati mano.

117. Если даже человек сделал зло, пусть он не делает его снова и снова, 117. Papacce puriso kayira, na na? kayira rinappuna?;

пусть не строит на нем свои намерения. Накопление зла — горестно. Na tamhi chanda? kayiratha, dukkho papassa issaуо.

118. Если даже человек сделал добро, пусть он делает его снова и снова, 118. Puccacce puriso kayira, kayira na? rinappuna?.

пусть строит на нем свои намерения. Накопление добра — радостно. Tamhi chanda? kayiratha, sukho puccassa issaуо.

119. Даже злой видит счастье, пока зло не созрело. 119. Papopi passati bhadra?, yava papa? na paccati;
Но когда зло созреет, тогда злой видит зло. Yada sa paccati papa?, atha papo papani passati.

120. Даже благой видит зло, пока благо не созрело. 120. Bhadropi passati papa?, yava bhadra? na paccati.
Но когда благо созреет, тогда благой видит благо. Yada sa paccati bhadra?, atha bhadro bhadrani passati.

121. Не думай легкомысленно о зле: «Оно не придет ко мне». 121. Mavamaccetha papassa, na manta? agamissati.
Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Udabindunipatena, udakumbhopi purati.
Глупый наполняется злом, даже понемногу накапливая его. Balo purati papassa, thoka? thokampi acina?.

122. Не думай легкомысленно о добре: «Оно не придет ко мне». 122. Mavamaccetha puccassa, na manta? agamissati;
Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Udabindunipatena, udakumbhopi purati.
Умный наполняется добром, даже понемногу накапливая его. Dhiro purati puccassa, thoka? thokampi acina?.

123. Пусть избегает он зла, как купец, без спутников, но с большим богатством, – опасной дороги, 123. Va?ijova bhaya? magga?, appasattho mahaddhano;
как желающий жить – яда. Visa? jivitukamova, papani parivajjaye.

124. Если рука не ранена, можно нести яд в руке. 124. Pa?imhi se va?o nassa, hareyya pa?ina visa?;
Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу. Nabba?a? visamanveti, natthi papa? akubbato.

125. К тому, кто обижает безвинного человека, чистого и безупречного человека, 125. Yo appadu??hassa narassa dussati, suddhassa posassa ana?ga?assa.
именно к такому глупцу возвращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра. 147 Tameva bala? rasseti papa?, sukhumo rajo pa?ivata?va khitto.

126. Одни возвращаются в материнское лоно, 148 делающие зло попадают в преисподнюю, 126. Gabbhameke upparjanti, niraya? rapakammino;
праведники – на небо, лишённые желаний достигают нирваны. Sagga? sugatino yanti, parinibbanti anasava.

127. Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, 127. Na antalikkhe na samuddamajjhe, na rabbatana? vivara? ravissa.
не найдется такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел. Na vijjati so jagatippadeso, yattha??hito musseyya rapakamma.

128. Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, 128. Na antalikkhe na samuddamajjhe, na rabbatana? vivara? ravissa.
не найдется такого места на земле, где бы живущего не победила смерть. Na vijjati so jagatippadeso, yattha??hita? nappasaheyya massu.

Х. Глава о наказании 149

Х. Da??avaggo

129. Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти – 129. Sabbe tasanti da??assa, sabbe bhayanti maccuno;
поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству. 150 Attana? upama? katva, na haneyya na ghataye.

130. Все дрожат перед наказанием, жизнь приятна для всех – 130. Sabbe tasanti da??assa, sabbesa? jivita? piya?;
поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству. Attana? upama? katva, na haneyya na ghataye.

131. Кто, ища счастья для себя, налагает наказание на существа, желающие счастья, 131. Sukhakamani bhutani, yo da??ena vihi?sati;
тот после смерти не получит счастья. 151 Attano sukhamesano, pecca so na labhate sukha?.

132. Кто, ища счастья для себя, не налагает наказания на существа, желающие счастья, 132. Sukhakamani bhutani, yo da??ena na hi?sati.

тот после смерти получит счастье. Attano sukhamesano, pecca so labhate sukha?.

133. Ни с кем не говори грубо; те, с кем ты говорил грубо, ответят тебе тем же. 133. Mavoca pharusa? kacci, vutta ra?ivadēyū ta?.

Ведь раздраженная речь – неприятна, и возмездие может коснуться тебя. 152 Dukkha hi sarambhakatha, pa?ida??a phuseyū ta?.

134. Если ты успокоился, подобно разбитому гонгу, 134. Sace neresi attana?, ka?so upahato yatha; ты достиг нирваны; в тебе нет раздражения. Esa pattosi nibbana?, sarambho te na vijjati.

135. Как пастух палкой гонит коров на пастбище, 135. Yatha da??ena gopalo, gavo pajeti gocara?; так старость и смерть гонят жизнь живых существ. Eva? jara ca massu ca, ayu? pajenti pa?ina?.

136. Совершая злые дела, глупец не понимает этого. 136. Atha papani kammani, kara? balo na bujjhati; Неразумный мучается из-за своих дел подобно сжигаемому огнем. 153 Sehi kammehi dummedho, aggida??hova tappati.

137. Кто налагает наказание на безвинных и неиспорченных, 137. Yo da??ena ada??esu, appadu??hesu dussati; тот быстро приходит к одному из десяти состояний. 154 Dasannamaccatara? ?hana?, khippameva nigacchati.

138-139-140. Его может постигнуть: острое страдание, повреждение тела 138. Vedana? pharusa? jani?, sarirassa ca bhedana?.

и тяжелое мучение или же болезнь, безумие; Garuka? vapi abadha?, cittakkhepacca papu?e.

или царская немилость, или тяжкое обвинение, 139. Rajato va upasagga?, abbhakkhanacca daru?a?.

или потеря родных, или утрата богатств, Parikkhayacca catina?, bhoganacca pabha?gura?.

или же домб его спалит пламенный огонь. 140. Atha vassa agarani, aggi ?ahati pavako;

Когда разрушается тело, глупый попадает в преисподнюю. Kayassa bheda duppacco, niraya? sopapajjati.

141. Ни хождение нагим, ни спутанные волосы, ни грязь, ни пост, ни лежание на сырой земле, ни пыль и слякоть, 141. Na naggacariya na ja?a na pa?ka, panasaka tha??ilasayika va.

ни сидение на корточках не очистят смертного, не победившего сомнений. 155 Rajojalla? ukku?ikappadhana?, sodhenti macca? aviti??aka?kha?.

142. Пусть он даже украшен, но если он живет в мире, спокойный, смиренный, воздержанный, ведущий праведную жизнь, 142. Ala?kato cepi sama? careyūa, santo danto niyato brahmacari.

отвергающий применение наказания ко всем существам, – он брахман, 156 он отшельник, 157 он бхикшу. 158 Sabbesu bhutesu nidhaya da??a?, so brahma?o so sama?o sa bhikkhu.

143. Найдется ли в мире какой-либо человек, смиривший себя скромностью, 143. Hirinisedho puriso, koci lokasmi vijjati;

который не нуждался бы в понукании, как хорошо тренированная лошадь – в кнуте? Yo nidda? apabodheti, asso bhadro kasamiva.

144. Подобно хорошо тренированной лошади, тронутой кнутом, будьте энергичными и одушевленными. 144. Asso yatha bhadro kasanivi??ho, atapino sa?vegino bhavatha.

С помощью веры, добродетели и энергии, самоуглубления и изучения дхаммы Saddhaya silena ca viriyena ca, samadhina dhammavinicchaena ca

вы, вдумчивые, исполненные знания и безупречные в поведении, освободитесь от этого великого зла. 159 Sampannavijjacara?a patissata, jahissatha dukkhamida? anappa?a?.

145. Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, 145. Udakachi nayanti nettika, usukara namayanti tejana?;

плотники подчиняют себе дерево, добродетельные смиряют сами себя. 160 Daru? namayanti tacchaka, attana? damayanti subbata.

XI. Глава о старости 161

XI. Jaravaggo

146. Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? 146. Ko nu haso kimanando, nicca? pajjalite sati. Покрытые тьмой, почему вы не ищите света? 162 Andhakarena onaddha, padipa? na gavesatha.

147. Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, 163 болезненное, 147. Passa cittakata? bimba?, arukaya? samussita?; исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства. Atura? bahusa?kappa?, yassa natthi dhuva? ?hiti.

148. Изношено это тело, гнездо болезней, брренное; 148. Pariji??amida? rupa?, rogani?a? pabha?gura?. эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом – смерть. 164 Bhijjati putisandeho, mara?antachi jivita?.

149. Что за удовольствие видеть эти голубоватые кости, 149. Yanimani apatthani, alabuneva sarade. подобные разбросанным тыквам в осеннюю пору? 165 Kapotakani a??hini, tani disvana ka rati.

150. Из костей сделана эта крепость, 166 плотью и кровью оштукатурена; 167 150. A??hina? nagara? kata?, ma? salohitalepana?; старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней. Yattha jara ca maccu ca, mano makkho ca ohito.

151. Изнашиваются даже разукрашенные царские колесницы, также и тело приближается к старости. 151. Jiranti ve rajaratha sucitta, atho sarirampi jara? upeti. Но дхамма благих не приближается к старости, ибо добродетельные поучают ей добродетельных. Satacca dhammo na jara? upeti, santo have sabbhi pavedayanti.

152. Малознающий 168 человек стареет, как вол: 152. Appassutaya? puriso, balibaddhova jirati. у него разрастаются мускулы, знание же у него не растет. Ma?sani tassa va??hanti, pacca tassa na va??hati.

153. Я прошел через сансару многих рождений, ища строителя дома, но не находя его. 153. Anekajatisa?sara? sandhavissa? anibbisa?. Рожденье вновь и вновь – горестно. Gahakara? gavesanto, dukkha jati punappuna?.

154. О строитель дома, 169 ты видишь! Ты уже не построишь снова дома. 154. Gahakaraka di??hosi, puna geha? na kahasi; Все твои стропила разрушены, конек на крыше 170 уничтожен. Sabba te phasuka bhagga, gahaku?a? visa?khata?. Разум на пути к развеществлению достиг уничтожения желаний. 171 Visa?kharagata? citta?, ta?hana? khayamajjhaga.

155. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, 172 155. Acaritva brahmacariya?, aladdha yobbane dhana?; гибнут, 173 как старые цапли на пруду, в котором нет рыб. Ji??akoccava jhayanti, khi?amaccheva pallale.

156. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, 156. Acaritva brahmacariya?, aladdha yobbane dhana?; лежат, как сломанные луки, вздыхая о прошлом. Senti capatikhi?ava, pura?ani anutthuna?.

XII. Глава о своем Я 174

XII. Attavaggo

157. Знающий, что свое я – приятно, пусть бдительно охраняет себя. 157. Attanacce piya? jacca, rakkheyya na? surakkhita?; Мудрец должен бодрствовать в течение одной из трех страж. 175 Ti??a? accatara? yama?, pa?ijaggeyya pa??ito.

158. Пусть он сначала себя приведет в надлежащее состояние. 158. Attanameva pa?hama?, patirupe nivesaye; Потом можно поучать и другого. Мудрый не собьется с пути. 176 Athaccamanusaseyya, na kilisseyya pa??ito.

159. Как он поучает другого, так пусть поступает и сам. 159. Attana? ce tatha kayira, yathaccamanusasati. Полностью смилив себя, он может смирить и других. Поистине, смирение самого себя – трудно. Sudanto vata dametha, atta hi kira duddamo.

160. Ведь свое я – господин себе. Кто же еще может быть господином? 160. Atta hi attano natho, ko hi natho paro siya;

Полный смирением своего я человек находит господина, которого трудно найти. 177 Attana hi sudantena, natha? labhati dullabha?.

161. Самим сделано зло, саморожденное, самовозникшее. 161. Attana hi kata? papa?, attaja? attasambhava?; Оно побеждает глупца, как алмаз – драгоценный камень. Abhimatthati dummedha?, vajira? vasmamaya? ma?i?.

162. Тот, у кого совсем дурной нрав, поступает с собой так, как мог бы пожелать ему враг. 162. Yassa accantadussilya?, maluva salamivotthata?;

Он напоминает малую, 178 обвивающую дерево сал. 179 Karoti so tathattana?, yatha na? icchati diso.

163. Плохие и вредные для себя дела – делать легко. 163. Sukarani asadhuni, attano ahitani ca; То же, что хорошо и полезно, – делать в высшей степени трудно. 180 Ya? ve hitacca sadhuca, ta? ve paramadukkara?.

164. Глупец, который из-за порочного взгляда 164. Yo sasana? arahata?, ariyana? dhammajivina?; презирает учение архатов, благородных, живущих согласно дхамме, Pa?ikkosati dummedho, di??hi? nissaya rapika?.

приносит плоды, как каттхака, 181 лишь уничтожая себя. Phalani ka??hakkasseva, attaghataya phallati.

165. Ибо сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя. 165. Attana hi kata? papa?, attana sa?kilissati; Не совершает зла он тоже сам, и сам очищает себя. Attana akata? papa?, attanava visujjhati.

Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить. Suddhi asuddhi paccatta?, nacco acca? visodhaye.

166. Пусть он не пренебрегает своим собственным благом, 182 как бы ни было велико благо другого. 166. Attadattha? paratthena, bahunari na haraye;

Познав свое благо, пусть он будет привержен высшему благу. Attadatthamabhicaya, sadatthapasuto siya.

XIII. Глава о мире

XIII. Lokavaggo

167. Не следуй низменной дхамме! Не живи легкомысленно! 167. Hina? dhamma? na seveyya, pamadena na sa? vase;

Не следуй фальшивым взглядам! Не увеличивай существования! Micchadi??hi? na seveyya, na siya lokava??hano.

168. Встань! Не будь легкомысленным! Следуй добродетельной дхамме! 168. Utti??he nappamajjeyya, dhamma? sucari? care;

Соблюдающий дхамму живет счастливо в этом мире и даже в ином. Dhammacari sukha? seti, asmi? loke paramhi sa.

169. Следуй добродетельной дхамме, но не следуй порочной! 169. Dhamma? care sucari?, na na? ducari? care; Соблюдающий дхамму живет счастливо в этом мире и даже в ином. 183 Dhammacari sukha? seti, asmi? loke paramhi sa.

170. Кто смотрит на мир, как смотрят на пузырь, 170. Yatha pubbu?aka? passe, yatha passe maricika?; как смотрят на мираж, того не видит царь смерти. 184 Eva? loka? avekkhanta?, maccuraja na passati.

171. Идите, смотрите на сей мир, подобный пёстрой царской колеснице! 171. Etha passathima? loka?, citta? rajarathurama?;

Там, где барахтаются глупцы, у мудрого нет привязанности. Yattha bala visidanti, natthi sa?go vijanata?.

172. Кто, прежде будучи легкомысленным, потом стал серьезным, 172. Yo sa pubbe pamajjitva, paccha so nappamajjati.

тот освещает этот мир, как луна, освобожденная от облаков. Soma? loka? pabhaseti, abbha muttova candima.

173. Кто добрым делом искупает сделанное зло, 173. Yassa papa? kata? kamma?, kusalena pidhiyati.

тот освещает этот мир, как луна, освобожденная от облаков. Soma? loka? pabhaseti, abbha muttova candima.

174. Слеп этот мир. Немногие в нем видят ясно. 174. Andhabhuto aya? loko, tanukettha vipassati;
Подобно птице, освобожденной из сети, лишь немногие попадают на небеса. Saku?o jalamuttova, appo saggaya gacchati.

175. Лебеди путешествуют тропой солнца; они путешествуют по небу с помощью иддхи. 185 175. На? sadiccarathe yanti, akase yanti iddhiya;
Мудрые уходят из мира, победив Мару с его воинством. Niyanti dhira lokamha, jetva mara? savahini?.

176. Нет зла, которое не мог бы совершить человек, говорящий ложь, 176. Eka? dhamma? atitassa, musavadissa jantuno;
отказывающийся от иного мира, пренебрегший единой дхаммой. 186 Viti??aparalokassa, natthi papa? akariya?.

177. Истинно, скаредные не попадают в мир богов; 177. Na ve kadariya devaloka? vajanti,
глупцы, действительно, не восхваляют даяния. Bala have nappasa?santi dana?.
Мудрый же, давая, радуется: Dhiro ca dana? anumodamano,
ведь благодаря этому он счастлив в другом мире. 187 Teneva so hoti sukhi parattha.

178. Плод сотапатти 188 лучше, чем земное единовластье 178. Pathabya ekarajjena, saggassa gamanena va;
или восхождение на небо, чем власть над всем миром. Sabbalokadhipaccena, sotapattiphala? vara?.

XIV. Глава о просветленном 189

XIV. Buddhavaggo

179. Какой тропой поведете вы этого бестропного, 190 просветленного, владеющего безграничными сферами,
179. Yassa jita? navajiyati, jita? yassa no yati koci loke.
у которого победа не превращается в поражение и чья побежденная страсть уже не продолжается в этом мире?
Та? buddhamanantagocara?, apada? kena padena nessatha.

180. Какой тропой поведете вы этого бестропного, просветленного, обладающего безграничными сферами, 180.
Yassa jalini visattika, ta?ha natthi kuhicci netave.
у которого нет увлекающей в ловушку привязанности, желанья, сбивающего с пути? Та? buddhamanantagocara?,
apada? kena padena nessatha.

181. Даже боги завидуют тем просветленным, исполненным глубоких мыслей, 181. Ye jhanapasuta dhira,
nekkhammapasame rata;
которые наслаждаются спокойствием освобождения, преданы размышлениям, мудры. Devapi tesa? pihayanti,
sambuddhana? satimata?.

182. Трудно стать человеком; трудна жизнь смертных; 182. Kiccho manussapa?ilabho, kiccha? maccana jivita?;
трудно слушать истинную дхамму; трудно рождение просветленного. Kiccha? saddhammassavana?, kiccho
buddhanamuppadado.

183. Неделание зла, достижение добра, 183. Sabbapapassa akara?a?, kusalassa upasampada.
очищение своего ума – вот учение просветленных. 191 Sacittapariyodapana?, eta? buddhana sasana?.

184. Выдержка, долготерпение – высший аскетизм, высшая нирвана, говорят просветленные, – 184. Khanti
parama? tapo titikkha, nibbana? parama? vadanti buddha.
ибо причиняющий вред другим – не отшельник, обижающий другого – не аскет. Na hi pabbajito parupaghati, na
sama?o hoti para? vihe?hayanto.

185. Неоскорбление, непричинение вреда и воздержанность в согласии с Пратимокшей, 192 185. Anupavado
anupaghato, patimokkhe ca sa?varo;
и умеренность в еде, и уединенное существование, Mattaccuta ca bhattacha?, pantacca sayanasana?.
и преданность возвышенным мыслям – вот учение просветленных. Adhicitte ca ayogo, eta? buddhana sasana?.

186. Даже ливень из золотых монет не принесет удовлетворения страстям. 186. Na kahapa?avassena, titi kamesu vijjati.

Мудр тот, кто знает: страсти болезненны и мало от них радости. Appassada dukha kama, iti viccaya pa??ito.

187. Он не находит удовлетворения даже в небесных удовольствиях. 187. Api dibbesu kamesu, rati? so nadhigacchati;

Полностью просветленный ученик радуется только уничтожению желания. 193 Ta?hakkhayarato hoti, sammāsambuddhasavako.

188. Ко всякому прибежищу обращаются люди, мучимые страхом: 188. Bahu? ve sara?a? yanti, pabbatani vanani sa;

к горам и к лесам, к деревьям в роще, к гробницам. 194 Aramarukkhacetyani, manussa bhayatajjita.

189. Но ведь и такое прибежище не безопасно, и такое прибежище не из лучших. 189. Neta? kho sara?a? khema?, neta? sara?amuttama?;

Достигший такого прибежища не освобождается от всех горестей. Neta? sara?amagamma, sabbadukkhā pamuccati.

190. Тот же, кто нашел прибежище в Будде, в Дхамме и в Сангхе, 195 190. Yo sa buddhacca dhammacca, sa? ghacca sara?a? gato;

кто владеет подлинным знанием, – видит четыре благородные истины. 196 Cattari ariyasaccani, sammāpaccaya passati.

191. Зло, происхождение зла и преодоление зла, 191. Dukkha? dukkhasamuppada?, dukkhassa ca atikkama?;

и Благородный восьмеричный путь, ведущий к прекращению зла. 197 Ariya? ca??ha?gika? magga?, dukkhuṇasamagamina?.

192. Вот такое прибежище безопасно, такое прибежище – лучшее. 192. Eta? kho sara?a? khema?, eta? sara? amuttama?;

Достигший такого прибежища освобождается от всех горестей. Eta? sara?amagamma, sabbadukkhā pamuccati.

193. Трудно найти благородного человека: не везде он рождается. 193. Dullabho purisajacco, na so sabbattha jayati;

Но где рождается такой мудрый, там процветает счастливый род. Yattha so jayati dhiro, ta? kula? sukhamedhati.

194. Благословенно рождение просветленных, благословенно ученье истинной дхаммы, 194. Sukho buddhanamuppado, sukha saddhammadesana;

благословенно согласие сангхи, благословен аскетизм живущих в согласии. 198 Sukha sa?ghassa samaggi, samaggana? tapo sukho.

195-196. Никому невозможно перечислить достоинства («такие, мол, да этикие») 195. Pujarahe pujayato, buddhe yadi va savake;

того, кто почитает достойных почтения (будь то просветленные или ученики), Парассасаматикканти, ti?? asokaṇariddave.

преодолевших препятствия, освободившихся от печали и жалоб, 196. Te tadise pujayato, nibbuta akutobhaye;

того, кто почитает таких достигших освобождения и не знающих страха. Na sakka pucca? sa?khatu?, imettamapi kenaci.

XV. Глава о счастье

XV. Sukhavaggo

197. О! Мы живем очень счастливо, невраждующие среди враждебных; 197. Susukha? vata jivama, verinesu averino;

среди враждебных людей живем мы, невраждующие. Verinesu manussesu, vihārama averino.

198. О! Мы живем очень счастливо, небольшие среди больных; 198. Susukha? vata jivama, aturesu anatura;

среди больных людей живем мы, небольшие. 199 Aturesu manussesu, vihārama anatura.

199. О! Мы живем очень счастливо, нетомящиеся среди томящихся; 199. Susukha? vata jivama, ussukesu anussuka;

среди томящихся людей живем мы, нетомящиеся. *Ussukesu manassesu, viharama anussuka.*

200. О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет. 200. *Susukha? vata jivama, yesa? no natthi kiccana?*; Мы будем питаться радостью, как сияющие боги. 200 *Pitibhakkha bhavissama, deva abhassara yatha.*

201. Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. 201. *Jaya? vera? pasavati, dukkha? seti parajito*; В счастье живет спокойный, отказывающийся от победы и поражения. 201 *Upasanto sukha? seti, hitva jayaparajaya?*.

202. Нет огня большего, чем страсть; нет беды большей, чем ненависть; 202. *Natthi ragasamo aggi, natthi dosasamo kali*; нет несчастья большего, чем тело; 202 нет счастья, равного спокойствию. *Natthi khandhasama dukkha, natthi santipara? sukha?*.

203. Голод 203 – величайший недуг, санкхары 204 – величайшее зло; 203. *Jighacchaparama roga, sa?kharaparama dukha.* для того, кто доподлинно знает об этом, нирвана – величайшее благо. *Eta? catva yathabhuta?, nibbana? parama? sukha?*.

204. Здоровье – величайшая победа; удовлетворение – величайшее богатство; 204. *Arogyaparama labha, santu?? hiparama? dhana?*; доверие – лучший из родственников; нирвана – величайшее благо. *Vissasaparama cati, nibbana? parama? sukha?*.

205. Вкусив сладость одиночества и сладость успокоения, 205. *Pavivekarasa? pitva, rasa? upasamassa ca*; освобождается от страха и от греха тот, кто вкушает сладость блаженства дхаммы. 205 *Niddaro hoti nippapo, dhammapitirasa? piva?*.

206. Приятно смотреть на благородных; быть в их обществе – благо. 206. *Sahu dassanamariyana?, sannivaso sada sukho*; Да будет всегда счастлив тот, кто не видит глупцов. *Adassanena balana?, niccameva sukhi siya.*

207. Ибо странствующий в обществе глупцов страдает долгое время. 207. *Balasa?gatacari hi, dighamaddhana socati*; Пребывание с глупцами, как с врагом, всегда приносит несчастье, *Dukkho balehi sa?vaso, amitteneva sabbada.* а пребывание с мудрыми – счастье, как встреча с родственниками. 206 *Dhiro ca sukhasa?vaso, catina?va samagamo.*

208. Поэтому: 208. *Tasma hi* – как луна следует звездным путем, так нужно следовать за мудрым, знающим и многоученным, *Dhiracca rassacca bahussutacca, dhorayhasila? vatavantamariya?*. многоперенесшим, благочестивым, благородным – за таким хорошим и умным человеком. *Ta? tadisa? sappurisa? sumedha?, bhajetha nakkhattapatha?va candima.*

XVI. Глава о приятном

XVI. *Piyavaggo*

209. Посвятивший себя суете и не посвятивший себя размышлению, 209. *Ayoge yucjamattana?, yogasmicca auojaya?*; забывший цель, цепляющийся за удовольствие завидует самоуглубленному. *Attha? hitva piyaggahi, pihetattanuyogina?*.

210. Не привязывайся к приятному и никогда – к неприятному. 210. *Ma piyehi samagacchi, appiyehi kudacana?*. Не видеть приятное и видеть неприятное – зло. 207 *Piyana? adassana? dukkha?, appiyanacca dassana?*.

211. Поэтому не делайте приятного, ибо расставание с приятным болезненно. 211. *Tasma piya? na kayiratha, piyaya? hi para?*; Нет уз для тех, у которых нет приятного или неприятного. *Gantha tesa? na vijjanti, yesa? natthi piyappiya?*.

212. Из приятного рождается печаль, из приятного рождается страх; 212. *Piyato jayati soko, piyato jayati bhaya?*;

у того, кто освободился от приятного, нет печали, откуда страх? 208 Piyato vipparamuttassa, natthi soko kuto bhaya?.

213. Из склонности рождается печаль, из склонности рождается страх; 213. Pemato jayati soko, pemato jayati bhaya?;

у того, кто освободился от склонности, нет печали, откуда страх? Pemato vipparamuttassa, natthi soko kuto bhaya?.

214. Из привязанности рождается печаль, из привязанности рождается страх; 214. Ratiya jayati soko, ratiya jayati bhaya?;

у того, кто освободился от привязанности, нет печали, откуда страх? Ratiya vipparamuttassa, natthi soko kuto bhaya?.

215. Из страсти рождается печаль, из страсти рождается страх; 215. Kamato jayati soko, kamato jayati bhaya?;

у того, кто освободился от страсти, нет печали, откуда страх? Kamato vipparamuttassa, natthi soko kuto bhaya?.

216. Из желания рождается печаль, из желания рождается страх; 216. Ta?haya jayati soko, ta?haya jayati bhaya?;

у того, кто освободился от желания, нет печали, откуда страх? Ta?haya vipparamuttassa, natthi soko kuto bhaya?.

217. Исполненного добродетели и проницательности, стойкого в дхамме, 217. Siladassanasampanna? dhamma?? ha? saccavedina?;

говорящего правду, исполняющего свой долг – такого считает народ приятным. Attano kamma kubhana?, ta? jano kurute piya?.

218. Тот, у кого мысль не привязана к удовольствиям, в ком родилось желание неизреченного 218. Chandajato anakkhate, manasa sa phu?o siya;

(и пусть он исполнен разума), зовется уддхамсота. 209 Kamesu sa appa?ibaddhacitto, uddha?sototi vuccati.

219. Родственники, друзья и доброжелатели радуются, приветствуя человека, 219. Cirappavasi? purisa?, durato sotthimagata?;

долго отсутствующего и пришедшего издалека невредимым. Catimitta suhajja ca, abhinandanti agata?.

220. Добрые дела встречают добродетельного человека, ушедшего из этого мира в другой, 220. Tatheva katarussampi, asma loka para? gata?.

как родственники – своего близкого при его возвращении. Puccani pa?iga?hanti, piya? cativa agata?.

XVII. Глава о гневе 210

XVII. Kodhavaggo

221. Пусть он откажется от гнева, пусть он оставит самодовольство, пусть он превозможет все привязанности.

221. Kodha? jahe vipparaheyya mana?, sa?uojana? sabbamatikkameyya;

Никакие несчастья не случаются с тем, кто не привязан к имени и форме. 211 Ta? namarupasmimasajjamana?, akiccana? nanupatanti dukkha.

222. Кто сдерживает пробудившийся гнев, как сошедшую с пути колесницу, 222. Yo ve uppatita? kodha?, ratha? bhanta?va varaye.

того я называю колесничим; остальные – просто держат вожжи. 212 Tamaha? sarathi? brumi, rasmiggaho itaro jano.

223. Да победит он гнев отсутствием гнева, недоброе – добрым, 223. Akkodhena jine kodha?, asadhu? sadhuna jine;

да победит он скупость щедростью, правдой – лжеца. 213 Jine kadariya? danena, saccenalikavadina?.

224. Говори правду, не поддавайся гневу; если тебя просят, – пусть о немногом, – дай. 224. Sacca? bha?e na kujjheyya, dajja appampi yasito.

С помощью этих трех условий можно приблизиться к богам. Etehi tihi ?hanehi, gacche devana santike.

225. Мудрецы, которые никого не обижают, чья плоть всегда смирена, 225. Ahi?saka ye munayo, nicca? kayena sa?vuta.

идут в неизменяемое место, и, придя туда, они не страдают. Te yanti accuta? ?hana?, yattha gantva na socare.

226. У тех, кто постоянно бодрствует, денно и ночью учится 226. Sada jagaramanana?, ahorattanusikkhina?; и стремится к нирване, исчезают желания. Nibbana? adhimuttana?, attha? gacchanti asava.

227. Старо это присловье, о Атула, 214 и в ходу оно не только в наше время: 227. Pora?ameta? atula, neta? ajjatanamiva;
«Они порицают сидящего спокойно, они порицают многоречивого, и того, кто говорит в меру, порицают они». Nindanti tu?himasina?, nindanti bahubha?ina?.
Нет ничего в мире, что бы они не порицали. Mitabha?impi nindanti, natthi loke anindito.

228. И не было, и не будет, и теперь нет человека, 228. Na cahu na ca bhavissati, na cetaahi vijjati; который достоин только порицания или только похвалы. Ekanta? nindito poso, ekanta? va pasa?sito.

229. Кто безупречен в поведении, мудр, исполнен знания и добродетели, 229. Ya? ce viccu pasa?santi, anuvicca suve suve;
того, наблюдая его день за днем, восхваляют мудрые. Acchiddavutti? medhavi?, paccasilasamahita?.

230. Кто решится порицать того, кто подобен монете, сделанной из золота реки Джамбу? 230. Nikkha? jambonadasseva, ko ta? ninditumarahati;
Даже боги восхваляют его: самим Брахмой прославлен он. Devapi na? pasa?santi, brahmunapi pasa?sito.

231. Остерегайся грехов тела, будь сдержан во всем, что касается тела; 231. Kayappakopa? rakkheyya, kayena sa?vuto siya;
избавившись от грехов тела, будь безгрешен телом. Kayaduccarita? hitva, kayena sucarita? care.

232. Остерегайся грехов слова, будь сдержан во всем, что касается слова; 232. Vacipakopa? rakkheyya, vacaya sa?vuto siya;
избавившись от грехов слова, будь безгрешен словом. Vaciduccarita? hitva, vacaya sucarita? care.

233. Остерегайся грехов ума, будь сдержан во всем, что касается ума; 233. Manopakopa? rakkheyya, manasa sa?vuto siya;
избавившись от грехов ума, будь безгрешен умом. Manoduccarita? hitva, manasa sucarita? care.

234. Мудрые сдержаны телом; они также сдержаны в слове; 234. Kayena sa?vuta dhira, atho vacaya sa?vuta;
мудрые сдержаны умом; они поистине во всем сдержаны. Manasa sa?vuta dhira, te ve suparisa?vuta.

XVIII. Глава о скверне

XVIII. Malavaggo

235. Как увядший лист, ты теперь, и посланцы Ямы 215 пришли за тобой. 235. Pa??upalasova danisi, yamapurisapi ca te upa??hita.

И ты стоишь у порога смерти, и у тебя нет даже запаса на дорогу. Uyyogamukhe ca ti??hasi, patheyyampi ca te na vijjati.

236. Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым. 236. So karo hi dipamattano, khippa? vayama pa??ito bhava;

Очищенный от скверны, безупречный, ты достигнешь небесного царства благородных. 216 Niddhantamalo ana? ga?o, dibba? ariyabhumi? upehisi.

237. И вот твоя жизнь подошла к концу. Ты приблизился к Яме, 237. Upanitavayo ca danisi, sampayatosi yamassa santike;

а между тем у тебя нет даже дома, и нет у тебя даже запаса на дорогу. Vaso te natthi antara, patheyyampi ca te na vijjati.

238. Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым! 238. So karo hi dipamattano, khippa? vayama pa??ito bhava;

Очищенный от скверны, безупречный, ты не придешь больше к рождению и старости. Niddhantamalo ana?ga?o, na puna? jatijara? upehisi.

239. Постепенно, мало-помалу, время от времени, 239. Anupubbena medhavi, thoka? thoka? kha?e kha?e; мудрец должен стряхивать с себя грязь, как серебряных дел мастер – с серебра. 217 Kammaro rajatasseva, niddhame malamattano.

240. Как ржавчина, появившаяся на железе, поедает его, хотя она из него и возникла, 240. Ayasava mala? samu?? hita?, tatu??haya tameva khadati.

так и собственные поступки приводят к несчастью того, кто преступил дхону. 218 Eva? atidhonacarina?, sani kammani nayanti duggati?.

241. Писание загрязняется, если его не повторять: дома загрязняются, если за ними не следить; 241. Asajjhayamala manta, anu??hanamala ghara.

красота загрязняется ленью; легкомыслие у бдительного – грязь. Mala? va??assa kosajja?, pamado rakkhato mala?.

242. Плохое поведение женщины – грязь; скаредность дающего – грязь; 242. Malitthiya duccarita?, macchera? dadato mala?;

и в этом и в том мире злые дхаммы – грязны. Mala ve papaka dhamma, asmi? loke paramhi ca.

243. Но грязнее всего грязь невежества, худшая грязь; 243. Tato mala malatara?, avijja parama? mala?; избавившись от этой грязи, вы, о бхикшу, будьте свободными от грязи! Eta? mala? pahantvana, nimmala hotha bhikkhavo.

244. Легко жить тому, кто нахален, как ворона, 244. Sujiva? ahirikena, kakasurena dha?sina; дерзок, навязчив, 219 безрассуден, испорчен. Pakkhandina pagabbhena, sa?kili??hena jivita?.

245. Но трудно жить тому, кто скромн, кто всегда ищет чистое, 245. Hirimata ca dujjiva?, nicca? sugigavesina; кто беспристрастен, хладнокровен, прозорлив, чья жизнь чиста. Alinenappagabbhena, suddhajivena passata.

246-247. Кто разрушает жизнь и произносит ложь, 246. Yo pa?amatipateti, musavadacca bhasati; хватает то, что не дано ему в этом мире, и ходит к жене другого, Loke adinnamadiyati, paradaracca gacchati.

человек, который предается пьянству, – 247. Suramerayapanacca, yo naro anuyucjati; подрывает себе корень здесь, в этом мире. 220 Idhevameso lokasmi?, mula? kha?ati attano.

248. Знай это, о человек! Злые дхаммы не имеют границ. 248. Eva? bho purisa janahi, papadhamma asaccata; И пусть скаредность и отсутствие дхаммы не сделают тебя надолго подвластным злу. 221 Ma ta? lobho adhammo ca, cira? dukkhaya randhayu?.

249. Люди дают в согласии со своей верой и столько, сколько они считают нужным. 249. Dadati ve yathasaddha?, yathapasadana? jano;

А кто завидует еде и питью, полученным другими, Tattha yo ma?ku bhavati, paresa? panabhojane. тот ни днем ни ночью не может достичь сосредоточенности. Na so diva va ratti? va, samadhimadhigacchati.

250. А у кого зависть уничтожена, с корнем вырвана, устранена, 250. Yassa ceta? samucchinna?, mulaghacca? samuhata?.

тот и днем и ночью может достичь сосредоточенности. Sa ve diva va ratti? va, samadhimadhigacchati.

251. Нет огня подобного страсти, нет спазмы 222 подобной гневу, 251. Natthi ragasamo aggi, natthi dosasamo gaho;

нет сети подобной обману, нет реки подобной желанию. Natthi mohasama? jala?, natthi ta?hasama nadi.

252. Легко увидеть грехи других, свои же, напротив, увидеть трудно. 252. Sudassa? vajjamaccesa?, attano pana duddasa?;

Ибо чужие грехи рассеивают, как шелуху; Paresa? hi so vajjani, opunati yatha bhusa?.

свои же, напротив, скрывают, как искусный шулер несчастливую кость. Attano pana chadeti, kali?va kitava sa?ho.

253. У того, кто высматривает чужие грехи и постоянно раздражен, 253. Paravajjanupassissa nicca? ujjhanasaccino;

увеличиваются желания; он далек от уничтожения желаний. Asava tassa va??hanti, ara so asavakkhaya.

254. В небе нет пути; нет отшельника вне нас. 254. Akaseva pada? natthi, sama?o natthi bahire;
Люди находят радость в иллюзиях, татхагаты 223 свободны от иллюзий. Papaccabhirata paja, nipparacca
tathagata.

255. В небе нет пути; нет отшельника вне нас. 255. Akaseva pada? natthi, sama?o natthi bahire;
Нет вечной санкхары; у просветленных нет непостоянства. Sa?khara sassata natthi, natthi buddhanamicjita?.

XIX. Глава о соблюдающем дхамму 224

XIX. Dhamma??havaggo

256. Не тот соблюдает дхамму, кто с поспешностью преследует свою цель. 256. Na tena hoti dhamma??ho,
yenattha? sahassa paue.

Мудрый же взвешивает и то и другое: правое и неправое. Yo sa attha? anathacca, ubho niccheyya pa??ito.

257. Он ведет других, не прибегая к насилию, в соответствии с дхаммой, бесстрастно. 257. Asahasena dhammena,
samena paupati pare;

Охраняющего дхамму, мудрого называют «соблюдающим дхамму». Dhammassa gutto medhavi, "dhamma??ho"ti
pavuccati.

258. Не потому он мудр, что много говорит. 258. Na tena pa??ito hoti, yavata bahu bhasati;
Спокойного, свободного от ненависти, не знающего страха называют «мудрым». Khemi averi abhayo, "pa??ito"ti
pavuccati.

259. Не потому он сведущ в дхамме, 225 что много говорит. 259. Na tavata dhammadharo, yavata bahu bhasati;
Кто не пренебрегает дхаммой, кто – пусть он малоучен – ощущает ее всем своим телом, 226 Yo sa appampi
sutvana, dhamma? kayena passati.

тот поистине, сведущ в дхамме. Sa ve dhammadharo hoti, yo dhamma? nappamajjati.

260. Не потому он старший, 227 что его голова седе. 260. Na tena thero so hoti, yenassa palita? siro;
Он в преклонном возрасте, но называют его «состарившимся напрасно». 228 Paripakko vayo tassa, "moghaji??o"ti
vuccati.

261. Тот, в ком истина и дхамма, ненасилие, самоограничение, смирение, 261. Yamhi saccacca dhammo ca, ahi?sa
sa?yamo damo;

кто безупречен и мудр, того называют «старшим». Sa ve vantamalo dhiro, "thero" iti pavuccati.

262. Завистливый, жадный, изворотливый человек 262. Na vakkara?amattena, va??apokkharataya va;
не становится привлекательным только из-за красноречия или красивого лица. Sadhurupo naro hoti, issuki
macchari sa?ho.

263. Тот, у кого это уничтожено, с корнем вырвано, устранено, 263. Yassa ceta? samucchinna?, mulaghamma?
samuhata?;

кто мудр и отказался от ненависти, того называют «привлекательным». Sa vantadoso medhavi, "sadhurupo"ti
vuccati.

264. Непослушный им лживый не становится отшельником только благодаря бритой голове. 264. Na mu??akena
sama?o, abbato alika? bha?a?;

Что это за отшельник, если он скареден и исполнен желаний?! Icchalobhasamapanno, sama?o ki? bhavissati.

265. Но кто полностью подчиняет зло, – большое или малое, – 265. Yo sa sameti papani, a?u? thulani sabbaso.
того называют «отшельником», 229 ибо он успокоил зло. Samitatta hi papana?, "sama?o"ti pavuccati.

266. Не потому он бхикшу, что просит у других милостыню. 266. Na tena bhikkhu so hoti, yavata bhikkhate pare;
Бхикшу становятся не иначе, как усвоив всю дхамму. Vissa? dhamma? samadaya, bhikkhu hoti na tavata.

267. Кто стоит в этом мире выше добра и зла или ведет праведную жизнь, 267. Yodha puccacca papacca, bahetva
brahmacariyava;

кто живет здесь, обладая знанием, именно такого называют «бхикшу». Sa?khaya loke carati, sa ve "bhikkhu"ti
vuccati.

268-269. Глупый, невежественный не становится муні, даже если он соблюдает молчание. 268. Na monena muni hoti, mu?harupo aviddasu;

Тот же мудрец, который, как бы имея весы, Yo sa tula?va paggayha, varamadaya pa??ito.

отбирает хорошее и избегает плохого, и есть муні; поэтому-то он муні. 269. Papani parivajjeti, sa muni tena so muni;

Кто взвешивает в этом мире и то и другое, тот как раз называется «муні». 230 Yo munati ubho loke, "muni" tena pavuccati.

270. Он не благороден, 231 если совершает насилие над живыми существами. 270. Na tena ariyo hoti, yena pa?ani hi?sati;

Его называют благородным, если он не совершает насилия ни над одним живым существом. Ahi?sa sabbapa?ana?, "ariyo"ti pavuccati.

271-272. Только послушанием и ритуалами или также многоученостью, 271. Na silabbatamattena, bahusaccena va pana;

или же достижением самоуглубления 232, или одиноким ночлегом – Atha va samadhibhena, vivittasayanena va.

я не достигну счастья архатства, недостижимого для простых мирян! 272. Phusami nekkhammasukha?, aruthujjanasevita?;

О бхикшу! Разве вы были довольны, не достигнув уничтожения желаний? Bhikkhu vissasamapadi, appatto asavakkhaya?.

XX. Глава о пути

XX. Maggavaggo

273. Лучший из путей – восьмеричный, 233 лучшая из истин – четыре слова; 234 273. Maggana??ha?giko se??ho, saccana? saturo pada.

лучшая из дхамм – уничтожение страстей; лучший из двуногих – тот, кто прозорлив. Virago se??ho dhammana?, dvipadanassa cakkhuma.

274. Вот путь, и нет другого для очищения зрения. 274. Eseva maggo natthacco, dassanassa visuddhiya;

Следуйте по нему. Все иное – наваждение Мары. 235 Etachi tumhe pa?ipajjatha, marasseta? pamohana?.

275. Следуя по нему, вы положите конец страданию. 275. Etachi tumhe pa?ipanna, dukkhassanta? karissatha;

Это путь был провозглашен мной, когда я узнал, как удалять тернии. 236 Akkhato vo maya maggo, accaya sallakantana?.

276. Вы сами должны сделать усилие. Татхагаты – единственные учителя. 276. Tumhehi kiccamatappa?, akkhataro tathagata;

Те, кто следует этим путем и самоуглублен, освободится от оков Мары. Pa?ipanna pamokkhanti, jhayino marabandhana.

277. «Все санкхары преходящи». Когда мудро смотрят на это, 277. "Sabbe sa?khara anicca"ti, yada paccaya passati;

тогда испытывают отвращение к злу. Вот путь к очищению. Atha nibbindati dukkhe, esa maggo visuddhiya.

278. «Все санкхары горестны». Когда мудро смотрят на это, 278. "Sabbe sa?khara dukkha"ti, yada paccaya passati;

тогда испытывают отвращение ко злу. Вот путь к очищению. Atha nibbindati dukkhe, esa maggo visuddhiya.

279. «Все дхаммы лишены души». Когда мудро смотрят на это, 279. "Sabbe dhamma anatta"ti, yada paccaya passati;

тогда испытывают отвращение ко злу. Вот путь к очищению. 237 Atha nibbindati dukkhe, esa maggo visuddhiya.

280. Кто не встает, когда время вставать; кто исполнен лени, несмотря на молодость и силу; 280. U?? hanakalamhi anu??hahano, yuva bali alasiya? upeto;

у кого решимость и мысль подавлены, – тот, беспечный и ленивый, не найдет пути к мудрости. Sa?sannasa? kappamano kusito, paccaya magga? alaso na vindati.

281. Внимательный к слову, вполне смиливший свой ум, пусть он не делает ничего дурного телом, 281.

Vacanurakkhi manasa susa?vuto, kayena sa nakusala? kayira.

пусть он очистит эти три пути действия, пусть он достигнет тропы, указанной мудрецами. Ete tayo kammapathe visodhaye, aradhaye maggamisippavedita?.

282. Истинно: из размышления рождается мудрость; из отсутствия размышления – уничтожение мудрости. 282.

Yoga ve jayati bhuri, ayoga bhurisa?khayo;

Зная этот двойной путь к жизни и к уничтожению жизни, Eta? dvedhpatha? catva, bhavaya vibhavaya sa.

пусть он сделает так, чтобы мудрость увеличивалась. Tathattana? niveseyya, yatha bhuri pava??hati.

283. Вырубите лес, а не одно дерево. Из леса рождается страх. 283. Vana? chindatha ma rukkha?, vanato jayate bhaya?;

Вырубив и лес, и чащу, вы, о бхикшу, станете свободными. 238 Chetva vanacca vanathacca, nibbana hotha bhikkhavo.

284. Пока у мужчины не искоренено желание к женщинам, – пусть даже самое малое, – 284. Yava hi vanatho na chijjati, a?umattopi narassa narisu.

до тех пор его ум на привязи подобно теленку, сосущему молоко у матери. Pa?ibaddhamanova tava so, vaccho khipapakova matari.

285. Вырви свое желание, как вырывают рукой осенний лотос. 285. Ucchinda sinehamattano kumuda? saradika?va;

Следуй по пути спокойствия к нирване, указанной Сугатой. 239 Santimaggameva bruhaya, nibbana? sugatena desita?.

286. «Здесь я буду жить во время дождей, здесь – зимой и летом», – 286. Idha vassa? vasissami, idha hemantagimhisu;

так рассуждает глупец. Он не думает об опасности. Iti balo vicinteti, antaraya? na bujjhati.

287. Такого человека, помешавшегося на детях и скоте, исполненного желаний, 287. Ta? puttapasusammatta?, byasattamanasa? para?;

похищает смерть, как наводнение – спящую деревню. 240 Sutta? gama? mahoghova, maccu adaya gacchati.

288. Ни дети, ни отец, ни даже родственники не могут быть защитой тому, 288. Na santi putta ta?aya, na pita napi bandhava.

кого схватила смерть. У родных не найти защиты. Antakenadhipannassa, natthi catisu ta?ata.

289. Зная эту истину, пусть мудрец, внутренне сдержанный, 289. Etamatthavasa? catva, pa??ito silasa?vuto;

быстро очистит себе путь, ведущий к нирване. Nibbanagamana? magga?, khippameva visodhaye.

XXI. Глава о разном

XXI. Paki??akavaggo

290. Если отказ от маленького счастья позволяет увидеть большое счастье, 290. Mattasukhapariccaga passe se vipula? sukha?;

пусть мудрый откажется от маленького счастья, размышляя о большом счастье. Caje mattasukha? dhiro, sampassa? vipula? sukha?.

291. Тот, кто ищет себе счастье, причиняя страдания другим, 291. Paradukkhupadhanena, attano sukhamicchati;

запутавшись в тенетах ненависти, не освобождается от ненависти. Verasa?saggasa?sa??ho, vera so na parimuccati.

292. Ведь что должно быть сделано, откладывается; что не нужно делать, наоборот, делается. 292. Yachi kicca? araviddha?, akicca? pana kayirati;

У таких беспечных и заносчивых увеличиваются желания. Unna?ana? pamattana?, tesa? va??hanti asava.

293. Но те, чей вполне сосредоточенный ум постоянно направлен на тело, 293. Yesacca susamaraddha, nicca? kayagata sati;

не следуют за тем, что не должно быть сделано, упорно делая то, что должно быть сделано. Akicca? te na sevanti,

kicce sataccakarino.

У таких мудрых и внимательных желания исчезают. Satana? sampajanana?, attha? gacchanti asava.

294. Убив мать и отца и двух царей из касты кшатриев, 294. Matara? pitara? hantva, rajano dve ca khattiye.
уничтожив царство вместе с его подданными, брахман идет невозмутимо. Ra??ha? sanucara? hantva, anigho yati
brahma?o.

295. Убив мать и отца и двух царей из касты брахманов, 295. Matara? pitara? hantva, rajano dve ca sotthiye;
убив пятым человека-тигра, брахман идет невозмутимо. 241 Veyagghapaccama? hantva, anigho yati brahma?o.

296. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. 296. Suppabuddha? pabujjhanti,
sada gotamasavaka;

И днем и ночью, все время их мысль устремлена к Будде. Yesa? diva ca ratto ca, nicca? buddhagata sati.

297. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. 297. Suppabuddha? pabujjhanti,
sada gotamasavaka;

И днем и ночью, все время их мысль устремлена к дхамме. Yesa? diva ca ratto ca, nicca? dhammagata sati.

298. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. 298. Suppabuddha? pabujjhanti,
sada gotamasavaka;

И днем и ночью, все время их мысль устремлена к сангхе. Yesa? diva ca ratto ca, nicca? sa?ghagata sati.

299. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. 299. Suppabuddha? pabujjhanti,
sada gotamasavaka;

И днем и ночью, все время их мысль направлена на тело. Yesa? diva ca ratto ca, nicca? kayagata sati.

300. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. 300. Suppabuddha? pabujjhanti,
sada gotamasavaka;

И днем и ночью их ум радуется ненасилию. Yesa? diva ca ratto ca, ahi?saya rato mano.

301. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. 301. Suppabuddha? pabujjhanti,
sada gotamasavaka;

И днем и ночью их ум радуется размышлению. Yesa? diva ca ratto ca, bhavanaya rato mano.

302. Трудно оставить мирской уклад, трудно радоваться; трудна и несчастна жизнь в доме, трудно жить с
иными, чем ты. 302. Durrabbajja? durabhirama?, duravasa ghara dukha;

Несчастье преследует странника. Dukkhosamanasa?vaso, dukkhanupatitaddhagu.

Поэтому не будь странником и пусть несчастье не преследует тебя. 242 Tasma na caddhagu siya, na ca
dukkhanupatito siya.

303. Того, кто исполнен веры 243 и добродетели, наделен славой и богатством, 303. Saddho silena sampanno,
yasobhogasamappito;

в каком бы месте он ни оказался, чтут повсюду. Ya? ya? padesa? bhajati, tattha tattheva pujito.

304. Благие сияют издалека, как Гималайские горы. 304. Dure santo pakasenti, himavantova pabbato;

Злых же вблизи не видно, как не видно стрел, пущенных ночью. Asantettha na dissanti, ratti? khitta yatha sara.

305. Тот, кто сидит в одиночестве, спит в одиночестве, бродит в одиночестве, 305. Ekasana? ekaseyya?, eko
caramatandito;

тот, кто деятелен и сдерживает себя сам, пусть радуется в лесной чаще. 244 Eko damayamattana?, vanante ramito
siya.

XXII. Глава о преисподней 245

XXII. Nirayavaggo

306. Кто говорит ложь, а также тот, кто, сделав, говорит: «Я не делал», – попадают в преисподнюю. 306.
Abhutavadi niraya? upeti, yo vari katva na karomi saha.

Ведь и тот и другой после смерти равны; люди низких деяний равны в том мире. Ubhopi te pecca sama bhavanti,
nihinakamma manuja parattha.

307. Многие из тех, чьи шеи укутаны в желтое, плохо соблюдают дхамму и невоздержаны. 307. Kasavaka??ha bahavo, rapadhamma asaccata;
Низкие из-за своих низких деяний, они рождаются в преисподней. Pāra rapēhi kammehi, niraya? te upapajjare.

308. Лучше проглотить раскаленный железный шар, подобный огненному пламени, 308. Seyyo ayogu?o bhutto, tatto aggisikhupamo;
чем нечестивому и невоздержанному воспользоваться благотворительностью страны. 246 Yacce bhucceyya dussilo, ra??hapi??amasaccato.

309. Беспечный человек, желающий чужую жену, получит четыре вещи: 309. Cattari ?hanani nāro pamatto, apajjati paradarupasevi;
достижение бесчестия, нарушенный покой, в-третьих, осуждение, в-четвертых, преисподнюю. Apuccalabha? na nikamaseyya?, ninda? tatiya? niraya? catuttha?.

310. И достижение бесчестия, и плохая судьба у него; и кратковременна любовь испуганного с испуганной, 310. Apuccalabho sa gati sa rapika, bhittassa bhittaya rati sa thokika.
и царь налагает тяжелое наказание. Поэтому пусть человек не ищет связи с чужой женой. 247 Raja sa da??a? garuka? pa?eti, tasma nāro parādara? na seve.

311. Как трава куса, если за нее неумело ухватиться, режет руку, 311. Kuso yatha duggahito, hatthamevanukantati;
так и отшельническая жизнь, если ее неверно вести, увлекает в преисподнюю. Samacca? dupparama??ha?, nirayayupaka??hati.

312. Что-либо сделанное небрежно, погранный долг, 312. Ya? kicci sithila? kamma?, sa?kili??hacca ya? vata?;
сомнительное благочестие – все это не приносит большого вознаграждения. Sa?kassara? brahmacariya?, na ta? hoti mahapphala?.

313. Если что-либо должно быть сделано, – делай, совершай с твердостью. 313. Kayira se kayirathena?, da? hamena? parakkame;
Ибо расслабленный странник только больше поднимает пыли. 248 Sithilo hi paribbajo, bhiyyo akirate raja?.

314. Несделанное лучше плохо сделанного; ведь плохо сделанное потом мучит. 314. Akata? dukka?a? seyyo, paccha tappati dukka?a?;
Но лучше сделанного хорошо сделанное, ибо, сделав его, не испытываешь сожаления. Katacca sukata? seyyo, ya? katva nanutappati.

315. Как пограничный город, охраняемый изнутри и снаружи, 315. Nagara? yatha pacchanta?, gutta? santarabahira?;
так охраняй себя. Не упускай же времени, Eva? gopeṭha attana?, kha?o vo ma upaccaga.
ибо упустившие время предаются печали, обреченные на жизнь в преисподней. Kha?atita hi socanti, nirayamhi samappita.

316. Придерживающиеся ложный взглядов, стыдящиеся того, чего не должно стыдиться, 316. Alajjitaye lajjanti, lajjitaye na lajjare;
и не стыдящиеся того, что постыдно, такие люди идут дурной тропой. Micchadi??hisamadana, satta gacchanti duggati?.

317. Придерживающиеся ложных взглядов, видящие опасность, когда не должно бояться, 317. Abhaye bhayadassino, bhaye sabhayadassino;
и не видящие опасности, когда должно бояться, эти люди идут дурной тропой. Micchadi??hisamadana, satta gacchanti duggati?.

318. Придерживающиеся ложных взглядов, различающие зло там, где зла нет, 318. Avajje vajjamatino, vajje cavajjadassino.
и не видящие зла там, где зло есть, эти люди идут дурной тропой. Micchadi??hisamadana, satta gacchanti duggati?.

319. Придерживающиеся правильных взглядов, 319. Vajjacca vajjato catva, avajjacca avajjato;
знающие, что зло – зло, а незло – незло, эти люди идут хорошей тропой. Sammadi??hisamadana, satta gacchanti sugati?.

XXIII. Nagavaggo

320. Многие люди порочны, и я буду терпеть оскорбления, 320. Aha? nagova sa?game, sapato patita? sara?;
как слон в битве – стрелу, выпущенную из лука. Ativakya? titikkhissa?, dussilo hi bahujjano.

321. Укрощенного ведут в бой; царь поднимается на укрощенного. 321. Danta? nayanti samiti?, danta?
rajabhiruhati;
Укрощенный, который терпит оскорбления, – лучший из людей. Danto se??ho manussesu, yotivakya? titikkhati.

322. Укрощенные мулы, и благородные синдхские лошади, и большие слоны благо. 322. Varamassatara danta,
ajaniya sa sindhava;
Но лучше этого тот, кто смирил себя. Kucjara sa mahanaga, attadanto tato vara?.

323. Ибо с этими животными не достичь недоступной страны, 250 323. Na hi etehi yanehi, gaccheyya agata? disa?;
куда придет человек, смиривший себя самоограничением и упражнением. Yathattana sudantena, danto dantena
gacchati.

324. Слона по имени Дханапалака трудно сдержать, когда у него из висков выделяется едкая жидкость. 251 324.
Dhanapalo nama kucjaro, ka?ukabhedano dunnivarayo.
Связанный, он не ест ни куска: слон грезит о слоновом лесе. 252 Baddho kaba?a? na bhucjati, sumarati
nagavanassa kucjaro.

325. Если кто лентяй, обжора и соня, если кто, лежа, вертится, 325. Middhi yada hoti mahagghaso ca, niddayita
samarivattasayi.
как большой боров, накормленный зерном, – тот, глупый, рождается снова и снова. Mahavarahova nivapapu??ho,
ruparuppa? gabbhamupeti mando.

326. Этот ум бродил прежде, блуждая, как ему хочется, как ему нравится, как ему угодно. 326. Ida? pure
cittamasa? carika?, yenicchaka? yatthakama? yathasukha?.
Теперь я его полностью сдержу, как погонщик – взбесившегося слона. Tadajjaha? niggahessami yoniso,
hatthipabbhinna? viya a?kusaggaho.

327. Радуйтесь серьезности, охраняйте свой ум! 327. Appamadarata hotha, sacittamanurakkhatha;
Выбирайтесь с плохого пути, как слон, застрявший в грязи. Dugga uddharathattana?, pa?ke sannova kucjaro.

328. Если найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, 328. Sace labhetha
pipaka? sahaya?, saddhi? cara? sadhuviharidhira?;
превозмогающего все невзгоды, – иди с ним, радостный и вдумчивый. Abhibhuyya sabbani parissayani, careyya
tenattamano satima.

329. Если не найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, – 329. No ce
labhetha pipaka? sahaya?, saddhi? cara? sadhuviharidhira?.
иди один, как царь, отказавшийся от завоеванного царства, или как слон в слоновом лесу. 253 Rajava ra??ha?
vijita? pahaya, eko care mata?garasseva nago.

330. Лучше жить одному. Нет дружбы с дураком. 330. Ekassa carita? seyyo, natthi bale sahayaata;
Ты, имеющий мало желаний, иди один и не делай зла, как слон в слоновом лесу. Eko care na ca papani kayira,
appossukko mata?garasseva nago.

331. Друзья приятны, когда в них возникает потребность. Приятно удовольствие, если оно взаимно. 331.
Atthamhi jatamhi sukha sahaya, tu??hi sukha ya itaritarena.
В смертный час приятна добродетель. Отказ от всех зол – приятен. Pucca? sukha? jivitasa?khayamhi, sabbassa
dukkhassa sukha? pahana?.

332. Приятно материнство 254 в этом мире; отцовство также приятно; 332. Sukha matteyyata loke, atho petteyyata
sukha.
приятно отшельничество в этом мире; также приятно брахманство. Sukha samaccata loke, atho brahmaccata
sukha.

333. Добродетель приятна вплоть до старости; приятна стойкая вера; 333. Sukha? yava jara sila?, sukha saddha pati??hita;
приятно достижение мудрости; приятно воздержание от зла. Sukho passaya pa?ilabho, pappana? akara?a? sukha?.

XXIV. Глава о желании 255

XXIV. Та?havaggo

334. Желание беспечно живущего человека растёт, как малува. 334. Manujassa pamattacarino, ta?ha va??hati maluva viya;
Он мечется из существования в существование, как обезьяна в лесу, ищущая плод. So plavati hura hura?, phalamiccha?va vanasmi vanaṇṇa.

335. Как плодовая трава бирана, 256 растут печали 335. Ya? esa sahate jammi, ta?ha loke visattika;
у того, кого побеждает это несчастное желание – привязанность к миру. Soka tassa pava??hanti, abhiva??ha?va bira?a?.

336. Кто в этом мире побеждает это несчастное, трудно победимое желание, 336. Yo ceta? sahate jammi?, ta?ha? loke durassaya?;
у того исчезают печали, как капли воды с листа лотоса. 257 Soka tamha papatanti, udabinduva pokkhara.

337. Вот что говорю я вам: «Благо вам, сколько вас здесь ни собралось! 337. Та? vo vadami bhadda? vo, yavantettha samagata;
Вырывают корень желания, как вырывают бирану, чтобы найти благовонный корень усьиру! 258 Та?haya mula? kha?atha, usiratthova bira?a?.

И да не сможет победить вас Мара, как поток – тростник». Ма vo na?a?va sotova, maro bhacji punappuna?.

338. Как дерево, хотя и вырванное, продолжает расти, если корень его не поврежден и крепок, 338. Yathapi mule anupaddave da?he, chinno?i rukkhoma punareva ruhati.
так и страдание рождается снова и снова, если не искоренена склонность к желанию. Evampi ta?hanusaye anuhate, nibbattati dukkhamida? punappuna?.

339. У кого сильны тридцать шесть потоков, 259 устремленных к удовольствиям, и мысли направлены на страсть, 339. Yassa chatti?sati sota, manasavana bhusa;
того, отклонившегося от правильных взглядов, уносят потоки. Maha vahanti duddi??hi?, sa?kappa raganissita.

340. Потоки текут везде. Лата 260 буйно разрастается. 340. Savanti sabbadhi sota, lata uppajja ti??hati.
Увидев эту расцветшую лату, вырежьте ее корень с помощью мудрости. Tassa disva lata? jata?, mula? passaya chindatha.

341. Бывает, что на человека нахлынут плотские вожделения. 341. Saritani sinehitani ca, somanassani bhavanti jantuno.
Привязанные к удовольствиям, ищущие счастья, такие люди, поистине, подвержены рождению и старости. Te sata?ita sukhesino, te ve jati?arupaga nara.

342. Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. 342. Tasi?aya purakkhata paja, parisappanti sasova bandhito.
Связанные путами и узами, они снова и снова в течении времени возвращаются к страданию. Sa?yojanasa? gasattaka, dukkhamupenti punappuna? ciraya.

343. Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. 343. Tasi?aya purakkhata paja, parisappanti sasova bandhito.
Поэтому бхикшу, если он хочет уничтожить страсть, пусть изгонит желание. Tasma tasi?a? vinodaye, aka?khanta viragamattano.

344. Он свободен от желаний, свободен от страстей, предан жизни в лесу – и все-таки бежит в чащу желаний. 344. Yo nibbanatho vanadhimutto, vanamutto vanameva dhavati;
Смотрите на этого человека: свободный, он бежит в ярмо. 261 Та? puggalametha passatha, mutto bandhanameva

dhavati.

345. Мудрые не говорят: крепки эти путы, сделанные из железа, дерева или травы бабба. 345. Na ta? da?ha? bandhanamahu dhira, yadayasa? darujarabbajassa.

Ведь страстная-страстная привязанность к женщинам, детям или серьгам из драгоценных камней – крепче. 262 Sarattaratta ma?iku??alesu, puttesu daresu sa ya arekkha.

346. Мудрые говорят: крепки эти путы, тянущие вниз, коварные, из которых трудно освободиться. 346. Eta? da? ha? bandhanamahu dhira, oharina? sithila? dupparamussa?.

Разрубив их, они странствуют, отказавшись от страсти и удовольствия, без желаний. Etampi chetvana paribbajanti, anapekkhino kamasukha? pahaya.

347. Возбужденные страстью попадают в поток, как паук в сотканную им самим паутину. 347. Ye ragarattanupatanti sota?, saya?kata? makka?akova jala?;

Мудрые же, уничтожив поток, отказавшись от всех зол, странствуют без желаний. 263 Etampi chetvana vajanti dhira, anapekkhino sabbadukkha? pahaya.

348. Пересекая поток существования, откажись от прошлого, откажись от будущего, откажись от того, что между ними. 348. Mucca pure mucca pacchato, majjhe mucca bhavassa paragu;

Если ум освобожден, то, что бы ни случилось, ты не придешь снова к рождению и старости. 264 Sabbattha vimuttamanaso, na puna? jatijara? upehisi.

349. У человека со смущенной мыслью, с сильной страстью, видящего лишь удовольствие, – 349.

Vitakkamathitassa jantuno, tibbaragassa subhanupassino;

желание все возрастает: поистине, он делает путы крепкими. Bhiyyo ta?ha pava??hati, esa kho da?ha? karoti bandhana?.

350. Кто находит удовлетворение в спокойной мысли, постоянно размышляет, думает о неприятном, 350.

Vitakkupasame sa yo rato, asubha? bhavayate sada sato.

именно тот положит конец желаниям, тот уничтожит путы Мары. Esa kho byanti kahiti, esa checchati marabandhana?.

351. Он достиг совершенства, он бесстрашен, и у него нет желаний; 351. Ni??ha?gato asantasi, vitata?ho ana?ga?o. безупречный, он уничтожил тернии существования; это его тело — последнее. Acchindi bhavasallani, antimoya? samussayo.

352. У него нет желаний, он свободен от привязанностей, искусен в словах и в их объяснении; 352. Vitata?ho anadano, niruttipadakovidho;

он знает порядок букв (какие идут прежде и какие потом); Akkharana? sannipata?, jassa pubbaparanī sa.

его называют великим мудрецом и великим человеком. Это его тело – последнее. Sa ve "antimasariro, mahapaccō mahapuriso"ti vuccati.

353. Я все победил, я все знаю; при любых дхаммах я не запятнан. 353. Sabbabhibhu sabbaviduhamasmi, sabbesu dhammesu anupalitto.

Я отказался от всего, с уничтожением желаний я стал свободным. Учась у самого себя, кого назову я учителем? 265 Sabbacajaho ta?hakkhaye vimutto, saya? abhicaya kamuddiseyya?.

354. Дар дхаммы превосходит всякий дар; сладость дхаммы превосходит всякую сладость; 354. Sabbadana? dhammadana? jinati, sabbarasa? dhammaraso jinati.

радость дхаммы превосходит всякую радость; уничтожение желаний побеждает любую печаль. 266 Sabbarati? dhammarati jinati, ta?hakkhaya sabbadukkha? jinati.

355. Богатства убивают глупого, а не тех, кто ищет другого берега. 355. Nananti bhoga dummedha?, no sa paragavesino;

Желая богатства, глупый убивает себя, как других. Bhogata?haya dummedho, hanti acceva attana?.

356. Плевелы портят поля, страсть портит этих людей. 356. Ti?adosani khattani, ragadosa aya? paja;

Поэтому то, что дано освободившимся от страсти, приносит великий плод. Tasma hi vitaragesu, dinna? hoti mahapphala?.

357. Плевелы портят поля, ненависть портит этих людей. 357. Ti?adosani khattani, dosadosa aya? paja;
Поэтому то, что дано освободившимся от ненависти, приносит великий плод. Tasma hi vitadosesu, dinna? hoti mahapphala?.

358. Плевелы портят поля, глупость портит этих людей. 358. Ti?adosani khattani, mohadosa aya? paja;
Поэтому то, что дано освободившимся от глупости, приносит великий плод. Tasma hi vitamohesu, dinna? hoti mahapphala?.

359. (ti?adosani khattani, icchadosa aya? paja.
Tasma hi vigaticchesu, dinna? hoti mahapphala?.)

359. Плевелы портят поля, желание портит этих людей. Ti?adosani khattani, ta?hadosa aya? paja.
Поэтому то, что дано освободившимся от желания, приносит великий плод. Tasma hi vitata?hesu, dinna? hoti mahapphala?.

XXV. Глава о бхикшу 267

XXV. Bhikkhuvaggo

360. Сдержанность зрения – хороша, сдержанность слуха – хороша, 360. Cakkhuna sa?varo sadhu, sadhu sotena sa?varo;
сдержанность обоняния – хороша, сдержанность языка – хороша. Ghanena sa?varo sadhu, sadhu jivhaya sa?varo.

361. Сдержанность тела – хороша, сдержанность речи – хороша, 361. Kayena sa?varo sadhu, sadhu vacaya sa?varo;
сдержанность мысли – хороша, сдержанность во всем – хороша. Manasa sa?varo sadhu, sadhu sabbattha sa?varo.
Бхикшу, сдержанный во всем, освобождается от всех печалей. Sabbattha sa?vuto bhikkhu, sabbadukkha pamuccati.

362. Кто управляет рукой, управляет ногой, управляет речью, управляет в совершенстве, 362. Natthasa?yato padasa?yato, vacasa?yato sa?yatuttamo;
ибо внутренне радостен, сосредоточен, одинок и удовлетворен, – вот такого называют бхикшу. Ajjhatarato samahito, eko santusito tamahu bhikkhu?.

363. У бхикшу, который сдержан в слове, мудро рассуждает, 363. Yo mukhasa?yato bhikkhu, mantabha?i anuddhato;
не надменен и объясняет значение 268 и дхамму, речь сладка. Attha? dhammacca dipeti, madhura? tassa bhasita?.

364. Бхикшу, который находит удовольствие в дхамме, восхищен дхаммой, 364. Dhammaramo dhammarato, dhamma? anuvicintaya?.
размышляет о дхамме, помнит дхамму, – не отпадет от истинной дхаммы. Dhamma? anussara? bhikkhu, saddhamma na parihayati.

365. Пусть он не презирает то, что он сам получил; пусть он не завидует другим. 365. Salabha? natimacceyya, naccesa? pihaya? care;
Ибо не достигает сосредоточенности бхикшу, завидующий другим. Accesa? pihaya? bhikkhu, samadhi? nadhigacchati.

366. Если бхикшу не презирает то, что он сам получил (пусть даже малое), 366. Appalabhopi ce bhikkhu, salabha? natimaccati;
его, ведущего чистую жизнь и усердного, прославляют боги. Ta? ve deva pasa?santi, suddhajivi? atandita?.

367. У кого совсем нет отождествления себя с именем и формой 269 367. Sabbaso namarupasmi?, yassa natthi tamayita?;
и кто не печалится, не имея ничего, именно такого называют бхикшу. Asata ca na socati, sa ve "bhikkhu"ti vuccati.

368. Пусть бхикшу, живущий в дружбе, верящий в учение Будды, 368. Mettavihari yo bhikkhu, pasanno buddhasasane;
достигнет спокойного места, 270 счастья, прекращения санкхар. Adhigacche pada? santa?, sa?kharupasama? sukha?.

369. О бхикшу! Опорожни этот корабль; 271 опорожненный тобой, 369. Sicca bhikkhu ima? nava?, sitta te lahumessati;

он будет легко двигаться. Уничтожив страсть и ненависть, ты достигнешь нирваны. Chetva ragacca dosacca, tato nibbanamehisi.

370. Отсеки пять, откажись от пяти, стань выше пяти! 272 370. Расса chinde расса jahe, расса cuttari bhavaye; Бхикшу, преодолевший пять привязанностей, 273 называется «пересекшим поток». Расса sa?gatigo bhikkhu, "oghati"?o"ti vuccati.

371. Размышляй, о бхикшу, и не будь легкомыслен; не давай мысли возвращаться в потоках чувственных удовольствий, 371. Jhaya bhikkhu ma pamado, ma te kamagu?e ramessu citta?. чтобы тебе, беспечному, не пришлось глотать железный шар и, горя в огне, кричать: «Вот страдание!» 274 Ma lohagu?a? gili pamatto, ma kandi "dukkhamidan"ti ?ayhamano.

372. Нет размышления 275 у того, кто не знает; нет знания у того, кто не размышляет. 372. Natthi jhana? arassassa, расса natthi ajhayato. У кого же и размышление и знание, тот, действительно, близок к нирване. 276 Yamhi jhanacca расса са, sa ve nibbanasantike.

373. Бхикшу с успокоенным умом, удалившийся в одиночество, 373. Succagara? pavi??hassa, santacittassa bhikkhuno. испытывает сверхчеловеческое наслаждение: он отчетливо видит дхамму. Amanusi rati hoti, samma dhamma? vipassato.

374. Всякий раз, когда он во всей полноте познает возникновение и разрушение элементов, 374. Yato yato sammāsati, khandhana? udayabbaya?; он, знающий это бессмертие, достигает радости и счастья. Labhati pitipamojja?, amata? ta? vijanata?.

375. Здесь вот начало для мудрого бхикшу; 375. Tatrāyamaḍi bhavati, idha paṇṇassa bhikkhuno; наблюдение за чувствами, удовлетворение и воздержанность в согласии с Пратимокшей. Indriyagutti santu??hi, patimokkhe sa sa?varo.

376. Следуй за благородным другом, ведущим чистую жизнь и усердным. 376. Mitte bhajassu kalya?e, suddhajive atandite; Пусть он будет благосклонен в жизни и праведен в поведении. Pa?isantharavutyassa, acarakusalo siya. Тогда, исполненный радости, он положит конец страданию. Tato pamojjabahulo, dukkhassanta? karissati.

377. Как вассика сбрасывает увядшие цветы, 377. Vassika viya pupphani, maddavani pamuccati. так и вы, о бхикшу, должны освободиться от страсти и ненависти. Eva? ragacca dosacca, vipamuccetha bhikkhavo.

378. Бхикшу называют спокойным, если его тело спокойно, речь спокойна, ум спокоен, 378. Santakayo santavaco, santava susamahito. если он сосредоточен и отказался от мирских благ. Vantalokamiso bhikkhu, "upasanto"ti vuccati.

379. Сам себя побуждай, сам себя проверь. 379. Attana codayattana?, pa?ima?setha attana. Такой бхикшу, следящий за собой, сосредоточенный, будет счастливо жить. So attagutto satima, sukha? bhikkhu viyahisi.

380. Ибо ты сам себе господин, 380. Atta hi attano natho, (ko hi natho paro siya) ибо ты сам себе путь. Atta hi attano gati. Поэтому смири себя, как купец хорошую лошадь. 277 Tasma sa?yamamattana?, assa? bhadra?va va?ijo.

381. Пусть бхикшу, исполненный счастья, верящий в учение Будды, 381. Pamojjabahulo bhikkhu, pasanno buddhasasane; достигнет спокойного места, счастья, прекращения санкхар. Adhigacche pada? santa?, sa?kharupasama? sukha?.

382. Бхикшу, который, хотя он и молод, обращается к учению Будды, 382. Yo have daharo bhikkhu, yucjati buddhasasane. освещает этот мир, как луна, освободившаяся от облака. Soma? loka? pabhaseti, abbha muttova candima.

XXVI. Brahma?avaggo

383. Прекрати поток, 279 иди вперед, гони прочь желания, о брахман! 383. Chinda sota? parakkamma, kame panuda brahma?a;

Познавая уничтожение санкхар, ты узнаешь несозданное, о брахман! Sa?kharana? khaya? catva, akataccusi brahma?a.

384. Когда брахман в двух дхаммах 280 достигает другого берега, 384. Yada dvayesu dhammesu, paragu hoti brahma?o;

тогда с него, знающего, спадают все путы. Athassa sabbe sa?yoga, attha? gacchanti janato.

385. Я называю брахманом того, для кого не существует ни этого берега, ни того берега, 385. Yassa para? apara? va, paragara? na vijjati;

ни этого и того вместе, кто бесстрашен и свободен от привязанностей. 281 Vitaddara? visa?yutta?, tamaha? brumi brahma?a?.

386. Я называю брахманом того, кто размышляет, свободен от страстей, спокоен, 386. Jhayi? virajamasina?, katakiccamanasava?;

кто делает свое дело, преодолевает желания, кто достиг высшего блага. Uttamatthamanuppatta?, tamaha? brumi brahma?a?.

387. Солнце сияет днем, луна светит ночью. 387. Diva tapati adicco, rattimabhati candima;

Воин сияет в доспехах, брахман сияет при размышлении. Sannaddho khattiyo tapati, jhayi tapati brahma?o.

Но день и ночь напролет ярким блеском сияет просветленный. Atha sabbamahoratti?, buddho tapati tejasa.

388. Тот, кто отбросил зло, зовется брахманом; тот, кто живет в покое, – отшельником; 388. Bahitapapoti brahma?o, samasariya sama?oti vuccati.

отбросивший свою грязь называется «очистившимся». 282 Pabbajayamattano mala?, tasma "pabbajito"ti vuccati.

389. Нельзя ударить брахмана, но и брахман пусть не изливает свой гнев на обидчика. 389. Na brahma?assa pahareyya, nassa mucchetha brahma?o;

Позор тому, кто ударил брахмана, и еще больший позор излившему гнев на обидчика. Dhi brahma?assa hantara?, tato dhi yassa mucchati.

390. Для брахмана нет ничего выше, чем удерживать свой ум от приятного. 390. Na brahma?assetadakicci seyyo, yada nisedho manaso piyehi.

Где исчезает желание уничтожать, там прекращается страдание. Yato yato hi?samano nivattati, tato tato sammatimeva dukkha?.

391. Я называю брахманом того, кто не совершил зла ни телом, ни словом, ни мыслью – 391. Yassa kayena vasaaya, manasa natthi dukka?a?;

кто сдерживает себя в трех вещах. Sa?vuta? tihi ?hanehi, tamaha? brumi brahma?a?.

392. От кого бы мы ни узнали дхамму, указанную совершенно просветленным, 392. Yamha dhamma? vijaneyya, sammāsambuddhadesita?;

с благодарностью нужно почтить его, как брахман жертвенный огонь. Sakkacca? ta? namasseyya, aggihutta?va brahma?o.

393. Брахманом становятся не из-за спутанных волос, родословной или рождения. 393. Na ja?ahi na gottena, na jassa hoti brahma?o;

В ком истина и дхамма, тот счастлив и тот брахман. 283 Yamhi saccacca dhammo ca, so suci so ca brahma?o.

394. Что за польза тебе в спутанных волосах, о глупец! Что за польза тебе в одежде из шкуры! 394. Ki? te ja?ahi dummedha, ki? te ajinasa?iya;

Ведь внутри тебя – джунгли, ты заботишься только о внешности. 284 Abbhantara? te gahana?, bahira? parimajjasi.

395. Человека, который носит пыльные одежды, истощенного, с просвечивающими венами, 395. Pa?sukuladhara? jantu?, kisa? dhamanisanthata?;

одинокого, размышляющего в лесу, я называю брахманом. Eka? vanasmi? jhayanta?, tamaha? brumi brahma?a?.

396. Но я не называю человека брахманом только за его рождение или за его мать. 396. Na saha? brahma?a? brumi, yonija? mattisambhava?.

У кого есть привязанности, имя тому «говорящий бхо». 285 Bhovadi nama so hoti, sace hoti sakiccana.

Я же называю брахманом того, кто свободен от привязанностей 286 и лишен благ. 287 Akiccana? anadana?, tamaha? brumi brahma?a?.

397. Я называю брахманом того, кто разорвал путы и кто, действительно, не дрожит от страха, 397. Sabbasa? uojana? chetva, yo ve na paritassati;

кто преодолел привязанности и отрешился от мира. Sa?gatiga? visa?yutta?, tamaha? brumi brahma?a?.

398. Я называю брахманом того просветленного, 398. Chetva naddhi? varattacca, sandana? sahanukkama?.

который устранил препятствия и разорвал ремень, плетъ и цепь с уздой. 288 Ukkhittapaligha? buddha?, tamaha? brumi brahma?a?.

399. Я называю брахманом того, кто, не будучи виноватым, 399. Akkosa? vadhbandhacca, adu??ho yo titikkhati; сносит упреки, наказания, заточение, у кого терпение – сила, а сила – войско. Khantibala? balanika?, tamaha? brumi brahma?a?.

400. Я называю брахманом того, кто, свободен от гнева, соблюдает свои обязанности, 400. Akkodhana? vatavanta?, silavanta? anussada?;

добродетелен и лишен похоти, кто сдержан и для кого это тело – последнее. Danta? antimasarira?, tamaha? brumi brahma?a?.

401. Я называю брахманом того, кто не льнет к чувственным удовольствиям, 401. Vari pokkharapatteva, araggeriva sasaro;

подобно воде на листе лотоса или горчичному зерну на острие шила. 289 Yo na limpati kamesu, tamaha? brumi brahma?a?.

402. Я называю брахманом того, кто отрешился от мира и сбросил ношу, 402. Yo dukkhassa pajanati, idheva khayamattano;

кто даже в этом мире знает уничтожение своего страдания. Pannabhara? visa?yutta?, tamaha? brumi brahma?a?.

403. Я называю брахманом того, кто достиг высшего блага, 403. Gambhirapacca? medhavi?, maggamaggassa kovida?;

кто знает правый путь и ложный путь, мудреца, чьи знания глубоки. Uttamatthamanuppatta?, tamaha? brumi brahma?a?.

404. Я называю брахманом того, у кого мало желаний, 404. Asa?sa??ha? gaha??hehi, anagarehi cubhaya?;

кто не имеет дома и не связан ни с домовладельцами, ни с бездомными. Anokasarimappiccha?, tamaha? brumi brahma?a?.

405. Я называю брахманом того, кто не убивает и не заставляет убивать, 405. Nidhaya da??a? bhutesu, tasesu thavaresu sa;

кто не поднимает палку на живые существа, трусливые они или храбрые. Yo na hanti na ghateti, tamaha? brumi brahma?a?.

406. Я называю брахманом того, кто среди взволнованных остается невзволнованным, 406. Aviruddha? viruddhesu, attada??esu nibbuta?;

среди подымающих палку – спокойным, среди привязанных к миру – свободным от привязанностей. Sadanesu anadana?, tamaha? brumi brahma?a?.

407. Я называю брахманом того, с кого страсть, и ненависть, и гордыня и лицемерие 407. Yassa rago ca doso ca, maṇo makkho ca ratito;

спадают столь же легко, как горчичное зерно с острия шила. Sasaporiva aragga, tamaha? brumi brahma?a?.

408. Я называю брахманом того, кто говорит правдивую речь, 408. Akakkasa? viccapani?, gira? saccamudiraye;

поучительную, без резкостей, никого не обижающую. Yaṃ nabbhisaje kacci, tamaha? brumi brahma?a?.

409. Я называю брахманом того, кто здесь, в этом мире не берет того, что не дано, 409. Yodha digha? va rassa?

va, a?u? thula? subhasubha?;

будь оно длинным или коротким, малым или большим, добрым или злым. Loke adinna? nadiyati, tamaha? brumi brahma?a?.

410. Я называю брахманом того, у кого ни в этом мире, ни в том нет желаний, 410. Asa yassa na vijjanti, asmi? loke paramhi sa;

кто отрешен и не имеет склонностей. Nirasasa? visa?yutta?, tamaha? brumi brahma?a?.

411. Я называю брахманом того, у кого нет желаний, 411. Yassalaya na vijjanti, accaya akatha?kathi;

кто с помощью знания освободился от сомнений и достиг погружения в бессмертие. Amatogadhamanuppatta?, tamaha? brumi brahma?a?.

412. Я называю брахманом того, кто здесь избежал привязанности и к доброму и к злему, 412. Yodha puccassa parassa, ubho sa?gamiparassaga;

кто беспечален, бесстрастен и чист. Asoka? viraja? suddha?, tamaha? brumi brahma?a?.

413. Я называю брахманом того, кто, как луна без пятен, 413. Canda?va vimala? suddha?, vipprasannamanavila?;

чист, безмятежен, невзволнован, у кого угасла радость существования. Nandibhavaparikkhi?a?, tamaha? brumi brahma?a?.

414. Я называю брахманом того, кто преодолел эту грязную, трудную дорогу, сансару, обман, 414. Yoma? palipatha? dugga?, sa?sara? mohamassaga.

кто переплыл и достиг другого берега, кто вдумчив, свободен от желаний и лишен сомнений, Ti??o paragato jhayi, anejo akatha?kathi.

не имеет привязанностей и спокоен. Anupadaya nibbuta, tamaha? brumi brahma?a?.

415. Я называю брахманом того, кто здесь, отказавшись от страсти, 415. Yodha kame pahantvana, anagaro paribbaje;

бездомный, бродит вокруг, в ком угасло желание существовать. Kamabhavaparikkhi?a?, tamaha? brumi brahma?a?.

416. Я называю брахманом того, кто здесь, отказавшись от желания, 416. Yodha ta?ha? pahantvana, anagaro paribbaje;

бездомный, бродит вокруг, в ком угасло желание существовать. Ta?habhavaparikkhi?a? tamaha? brumi brahma?a?.

417. Я называю брахманом того, кто, оставив привязанность к человеческому, 417. Hitva manusaka? yoga?, dibba? yoga? uparassaga;

преодолел и небесные привязанности, кто отрешился от всех привязанностей. Sabbayogavisa?yutta?, tamaha? brumi brahma?a?.

418. Я называю брахманом мужа, победившего все миры, того, 418. Hitva raticca araticca, sitibhuta? nirupadhi?;

кто отказался от приятного и неприятного, кто хладнокровен и отсекает себе путь к новому рождению. Sabbalokabhibhu? vira?, tamaha? brumi brahma?a?.

419. Я называю брахманом того, кто знает все о смерти и рождении живых существ, 419. Cuti? yo vedi sattana?, uparatticca sabbaso;

кто свободен от привязанностей и просветлен, кто сугата. 290 Asatta? sugata? buddha?, tamaha? brumi brahma?a?.

420. Я называю брахманом того, чью стезю не знают ни боги, ни гандхарвы, ни люди; 420. Yassa gati? na jananti, deva gandhabbamanusa;

архата, у которого исчезли желания. Khi?asava? arahanta?, tamaha? brumi brahma?a?.

421. Я называю брахманом того, кто свободен от привязанностей и ничего не имеет, 421. Yassa pure sa paccha sa, majjhe sa natthi kiccana?;

для кого ничего нет ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем. Akiccana? anadana?, tamaha? brumi brahma?a?.

422. Я называю брахманом того, кто мощен, как бык, благороден, мужествен, победоносен, 422. Usabha? pavara? vira?, mahesi? vijitavina?;

обладает великой мудростью, свободен от желаний, совершенен и просветлен. 291 Aneja? nhataka? buddha?, tamaha? brumi brahma?a?.

423. Я называю брахманом того, кто знает свое прежнее существование и видит небо и преисподнюю; 423.
Pubbenivasa? yo vedi, saggapayaacca passati,
кто, будучи мудрецом, исполненным совершенного знания, достиг уничтожения рождений; Atho jatikkhaya?
patto, abhiccavosito muni.
кто совершил все, что возможно совершить. Sabbavositavosana?, tamaha? brumi brahma?a?.

Список сокращений

Ann. — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire. Orientales et Slaves. Bruxelles
AOOr — Archiv Orientalni, Praha
BEFEO — Bulletin de l'Ecole Francaise de l'Extreme Orient, Paris — Sangon
Beobacht. — H. Liders, Beobachtungen über die Sprache des buddhistischem Urkanons, Berlin, 1954
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London
Childers. Notes — R. C. Childers, Notes on Dhammapada. — JRAS, 1871
Dict. — The Pali Text Society's Pali-English Dictionary, ed. by Th. W. Rhys Davids and W. Stede, pt 1-8, London, 1952
Дх. — Дхаммапада (Dhammapada)
Дх. А. — Dhammapada-Atthakatha
Джатаки — V. Fausbøll (ed.). The Jatakas together with its commentary, vol. I-VI, London, 1877-896
IHQ — Indian Historical Quarterly, Calcutta
JAOS — Journal of American Oriental Society, New Haven
JA — Journal Asiatique, Paris
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London
JPTS — Journal of the Pali Text Society, London
Изв. РАН — Известия Российской Академии Наук, Петроград
NGWG — Nachrichten von der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
Phil. Ind. — H. Liders, Philologica Indica. Ausgewählte kleine Schriften, Göttingen, 1940
PTS — Pali Text Society, London
Радхакришнан — S. Radhakrishnan, The Dhammapada. Oxford, 1954
Рагхаван — V. Raghavan. The Dhammapada. — «The Aryan Path», vol. XXVIII, 1957
Ror — Rocznik Orientalistyczny, Lwów — Warszawa
S. Beal — S. Beal, Texts from the buddhist canon, commonly known as Dhammapada, London, 1878
SBE — The sacred books of the East, Oxford
SBPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin
TPS — Transactions of the Philological Society, London
Up. — Упанишады
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, Leipzig — Wiesbaden

1 См. недавнюю работу S.B. Dasgupta, An introduction to tantric buddhism, Calcutta, 1950

2 Блестящий пример аккомодации буддизма на китайской почве иллюстрирует статья: P. Demiéville, La penetration du bouddhisme dans la tradition philosophique chinoise. — «Cahiers d'histoire mondiale», vol. III. 1956, p. 19-38.

3 Ср. О.О. Розенберг, Проблемы буддийской философии. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам, Пг., 1918, и, особенно, многочисленные труды Д. Т. Сузуки.

4 Ф.И. Щербатской, Философское учение буддизма, Пг., 1919, стр. 48.

5 См. P.H. Pott, Plural forms of Buddhist iconography. — «India Antiqua», Leiden, 1947, p. 284-290. — В статье дается новое объяснение проблеме, волновавшей Макдонелла, Хокарта, Грюнведела, Фуше и других специалистов в области буддийского искусства.

6 См. S. Schayer, A note on the old Russian variants of the Purushasukta. — AOOr, VII, 1935, p. 319-323.

7 Роль последней в создании греческого романа о Варлааме и Иоасафе, а следовательно, и в возникновении его европейских версий была показана в книге Ш.И. Нуцубидзе «К происхождению греческого романа о Варлааме и Иоасафе» (Тбилиси, 1956), подведшего итог полемике, происходившей между Ф. Длльгером, Ф. Алькэном, Р.Л. Вольфом, Д.М. Лангом и другими учеными за последние 20 лет.

8 См. Annemarie von Gabain, Werner Winter, Türkische Turfantexte IX. Ein Hymnus an den Vater Mani auf «Tocharisch B» mit Alttürkische Übersetzung, Berlin, 1958.

9 E. Senart, Essai sur la legende du Buddha. Son caractere et ses origines (ed. 2), Paris, 1882.

10 Э. Арнольд, Свет Азии, СПб., 1890; СПб., 1893; М., 1895.

11 См. Асвагоша, Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта, М., 1913.

12 Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. I, СПб., 1903, стр. VII.

13 См. J. Brough, Theories of general linguistics in the Sanskrit grammarians. — TPS, 1951, p. 27-46; Some Indian theories of meaning. — TPS, 1953, p. 161-176.

14 См. H. von Glasenapp, Vedanta und Buddhismus, Wiesbaden, 1950; J.G. Jennings, The Vedantic buddhism of the Buddha, Oxford, 1947.

15 В самой Индии буддийская литература продолжала своё существование на бенгали, непали, гуджарати и других языках.

16 См. Suvarnaprabhasa, Uigurische Fassung, hrsg. von W. Radlow und S. Malow, St. Petersburg, 1913-1917 (Bibliotheca Buddhica, XVII); Altan Gerel, Die westmongolische Fassung des Goldglanzsutra, hrsg. von Erich Haenisch. — «Asia Maior», Leipzig, 1929; E. Haenisch, Kapitel XVII von Jalavahana aus dem. Kalmückischen Text des Altan Gerel. — «Asiatica», 1954, S. 198-213.

17 См. P.C. Sengupta, Ancient Indian chronology illustrating some of the most important astronomical methods, Calcutta, 1947; Dates of principal events in the Buddha's life. — IHQ, vol. XXXIII, 1956, p. 124-129.

18 A. Bureau, La date du Nirvana. — JA, 1953, p. 27-62; R. Morton Smith, On the ancient chronology of India. — JAOS, vol. 77, 1957, p. 270. См. также H. Jacobi, Buddhas und Mahaviras Nirvana und die politische Entwicklung Magadhas zu jener Zeit. — SBPAW, 1930, S. 557-568; E. J. Thomas, Theravadin and sarvastivadin dates of the Nirvana. — B. Ch. Law volume, pt. II, Poona, 1946, p. 18-22; «L'Inde Classique. Manuel des etudes indiennes», t. II, Paris, 1953, p. 491. — Как исключение можно упомянуть мнение о смерти Будды в 386 г. (см. Tokumyo Matsumoto, Die Prajnaparamita-Literatur. — «Bonner Orientalistische Studien», Stuttgart, 1932).

19 Об этом, может быть, свидетельствует и то, что знаменитые стихи, которым раньше придавали столь существенное значение (Дипаванса, XX, 200 и след, и Махаванса, XXXIII, 100 и след.: Текст Типитаки, а также и комментарий к нему, Устным путём передавали вначале многомудрые бхикшу. Увидев упадок душ, собравшиеся тогда бхикшу Записали дхамму в книги, чтобы она надолго осталась), теперь целым рядом учёных рассматриваются как позднейшие вставки, преследующие вполне определённые цели (Ф. Веллер, В. Лесны и др.).

20 Современное состояние проблемы нашло отражение в полемике, которая велась после первой мировой войны между Винтерницем, Рис-Дэвидсом, Кейфом, Валле Пуссэном, Пшылуским, Щербатским, Шайером, Людерсом, Лесным и другими. См. недавнюю статью К. Регамэ (C. Regamey, Le probleme du bouddhisme primitif les derniers travaux de Stanislaw Schayer. — ROr, XXI, 1957, p. 37 — 58). Справедливость требует указать, что одним из первых (если не первым), кто утверждал, что окончательная редакция Канона является поздней, был И.П. Минаев.

21 St. Schayer, Precanonical buddhism. — AOr, X, 1935, p. 121-132.

22 Показательна перемена взглядов на аутентичность палийского Канона и на роль северобуддийских источников в работах В. Лесного. Ср. V. Lesny, Buddhismus des Palikanons, [S.I.], 1921; Zur Frage nach dem Wert des Palikanons für die Lehre des Buddha. — AOr, VII, 1935, S. 324-327.

23 Под правилами преобразования первоначальной концепции нужно понимать не только принципы эволюции, действовавшие в махаяне, и присущие ей тенденции, но и принципы интерпретации текста (ср. правила,

содержащиеся в Чатухпратисарана-сутре — «Сутре четырех прибежищ»: 1) закон — прибежище, а не человек; 2) дух — прибежище, а не буква; 3) сутра точного смысла — прибежище, а не сутра, смысл которой следует ещё определить; 4) прямое знание — прибежище, а не знание, добываемое посредством рассуждений), а также принципы установления аутентичности текста, принадлежности его самому Будде (характерный признак этого заключается в том, что слово находится в Сутре, появляется в Винае и не противоречит природе вещей — ср. Махаянасутраланкара). См. E. Lamotte, *La critique d'interpretation dans le bouddhisme*. — *Ann. IX*, 1949, p. 341-361; *La critique d'authenticite dans le bouddhisme*. — «*India Antiqua*», Leiden, 1947, p. 212-222.

24 Ср. S. Paranavitana, *Mahayanism in Ceylon*. — «*Ceylon Journal of Science*», section G, vol. II, p. 35 — 71; *Boddhisattva Avalokitesvara in Ceylon*. — B. Ch. Law volume, pt. II, Poona, 1946, p. 15-18 а. о.

25 У южных буддистов существуют и некоторые другие, более формальные, принципы деления Типитаки, например, на пять никай (собраний) или на девять анг (частей), или, наконец, на 84 тысячи дхаммаккханд (отдельных отрывков или поучений).

26 Некоторые школы буддизма относят ее к Абхидхамма-питаке.

27 B.C. Law, *A history of Pali literature*, vol. I. London, 1933, p. 238-240.

28 Помимо общих курсов буддийской литературы на пали Гейгера, Винтернитца, Б. Ч. Лоу и других, см. книгу G. P. Malalasekera, *The Pali literature of Ceylon*, London, 1928, подробно излагающую историю палийской литературы на Цейлоне со времени введения на нем буддизма до наших дней.

29 См. M. Wickremasinghe, *Sinhalese literature*, Colombo, 1949; C.E. Godakumbara, *Sinhalese literature*, Colombo, 1955.

30 См. M.H. Bode, *The Pali literature of Burma*, London, 1909.

31 Некоторые полагают, что особое значение для объяснения слова Дхаммапада имеют стихи 44 и 45 из этого памятника.

32 Время создания памятника определяется временем создания Типитаки, с одной стороны, и хронологией Милинда-паньхи, Каттхаваттху, Махавансы, в которых уже упоминается Дхаммапада или содержатся цитаты из неё, и, конечно, временем появления комментариев на Дхаммападу — с другой.

33 В силу сказанного едва ли следует, например, полностью полагаться на то место в цейлонской хронике Махаванса, где говорится о том, что Аппамадавагга (2-я глава Дхаммапады) излагалась Ашоке, поскольку нет достаточной уверенности, что автору Махавансы была известна вся Дхаммапада в ее современном виде.

34 R. Pischel, *Die Turfan-Recension des Dhammapada*. — *SBPAW. Bd XXX-XXXI*, Berlin, 1908, S. 968-985. См. также S. Levi, *Textes sanscrits de Touen-houang*. — *JA*, 1910, p. 444-450 (экспедиция Пеллио); *L'Apramada-varga, Etude sur les recensions des Dharmapadas*. — *JA*, 1912, p. 203-294; L. De la Vallée Poussin, *Documents sanscrits de la seconde collection M. A. Stein*. — *JRAS*, 1912, p. 355-378; N. P. Chakravarti, *L'Udanavarga Sanscrit. Texte Sanscrit et transcription, avec traduction et annotations, suivi d'une etude critique et de planche. Tome premier (chapitres I a XXI)*, Paris, 1930 (экспедиция Пеллио) и др.

35 H. Beck, *Udanavarga. Eine Sammlung buddhistischer Spröche in Tibetischer Sprache*, Berlin, 1911.

36 W.W. Rockhill, *Udanavarga. A Collection of Verses from the Buddhist Canon. Compiles by Dharmatrata*, London, 1892.

37 см. E. Sieg, W. Siegling, *Udanavarga-bbersetzungen in «Kucischer Sprache» aus den Sammlungen des India Office in London*. — *BSOS*, vol. VI, 1931, p. 483. — 499; их же: *Bruchstücke eines Udanavarga-Kommentars (Udanalamkara?) im Tocharischen*. — «*Festschrift für Moritz Winternitz*», Leipzig, 1933, S. 167. — 173; их же: *Tocharische Sprachreste. Sprache B. Heft 1. (Die Udanalamkara -Fragmente)*, Göttingen, 1949; см. также Н. Миронов, *Из рукописных материалов экспедиции М.М. Березовского в Кучу*. — «*Известия Императорской Академии наук*», 1909, стр. 547-560.

38 См. S. Beal, *Texts from the Buddhist Canon, commonly known as Dhammapada, with accompanying narratives*, London, 1878 (ср. также издание 1902 г.).

39 См. E. Senart, *Le manuscrit kharoṣṭhi du Dhammapada. Les fragments Dutreuil de Rhins*. — JA, 1898, p. 193-308; С.Ф. Ольденбург, Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами kharoṣṭhi. Издание факультета Восточных языков Императорского Санкт-Петербургского Университета ко дню открытия XI Международного съезда ориенталистов в Париже, СПб., 1897; Н. Лъders, *Bemerkungen zu dem Kharoṣṭhi Manuscript des Dhammapada, Dutreuil de Rhins*. — NGWG, 1899, 4, S. 474-494 (ср. также Th.W. Rhys Davids, *The Govinda kharoṣṭhi MS*. — JRAS, 1899, p. 426); R. O. Franke, *Zum Manuskript Dutreuil de Rhins*. — ZDMG, Bd LX, 1906, S. 477 — 511; S. Levi, *L'Apramada-varga...*, — JA, 1912, p. 203-294 (здесь есть страницы, посвященные и пракритской версии); J. Bloch, *Le dialecte des fragments Dutreuil de Rhins*. — JA, 1912, p. 331-337; S. Konow, *Die Kharoṣṭhi-Handschrift des Dhammapada*. — «Festschrift E. Windisch», [S. b.], 1914; E.J. Rapson, *The Kharoṣṭhi Alphabet from Chinese Turkestan* (в кн. «Kharoṣṭhi inscriptions discovered by Sir Aurel Stein, in Chinese Turkestan», 1929), p. 295-322 и другие работы.

40 См. S. Levi, *L'Apramada-varga ...*, — JA, 1912, p. 211.

41 См. M. Winternitz, *A history of Indian literature*, vol. II, Calcutta, 1933, p. 604 ff; J. Bloch, *Asoka et la Magadhi*. — BSOS, vol. VI, 1931, p. 291-295; его же: *Asoka et l'Ardhamagadhi*. — BEFEO, XLIV, 1951, p. 46 et suiv.; Lin Li-Kouang, *L'Aide Memoire de la Vraie Loi*, vol. 2, Paris, 1949; S. Levi, *Sur une langue precanonique du bouddhisme*. — JA, 1912, p. 495-514; Н. Лъders, *Beobachtungen über die Sprache des buddhistischen Urkanons*, Berlin, 1954 (ему же принадлежат многочисленные работы на эту тему, написанные раньше); F. Edgerton, *The Buddha and language*. — IHQ, vol. XXXIII, 1956, p. 129-135; Н. Berger, *Sprache und Überlieferung des buddhistischen Urkanons*. — ZDMG, Bd 106, 1956, S. 43-45 (особой пагинации) и другие сочинения.

42 См. B. Barua, S. Mitra, *Prakrit Dhammapada based upon M. Senart's Kharoṣṭhi Manuscript*, Calcutta, 1921; H.W. Bailey, *The Khotan Dharmapada*. — BSOAS, vol. XI, 1945, p. 488-512.

43 F. Weller, *Die Überlieferung des älteren buddhistischen Schrifttums*. — «Asia Maior», V, 1930, S. 149ff.

44 F.L. Woodward, *Pali Tipitakam concordance*, pt 1-8, London, 1952-1956.

45 Ср., например, «Главу о серьезности», древность которой могла бы, видимо, быть подтверждена и чисто филологическими аргументами.

46 В первую очередь речь идет, конечно, о большом комментарии на палийскую Дхаммападу, называемом Дхаммападаттхакатха и по традиции приписываемом Буддхагхоше (V в. н. э.), хотя против этого уже выступил целый ряд ученых, наиболее энергично Бурлингэм. — E. W. Burlingame, *Buddhist legends translated from the original Pali text of the Dhammapada commentary*, Cambridge Mass., 1921 (Harvard Oriental Series, vol. 28-30); *Buddhaghosha's Dhammapada commentary*. — «Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences», XLV, p. 467-550. Тенденция к сокращению текстуальных глосс и увеличение числа поясняющих рассказов, характерные для этого комментария, дополнительно обрисовывают понимание Дхаммапады последователями буддизма спустя несколько веков после создания Канона.

47 Значение палийской рецензии становится еще большим, поскольку предложенный недавно К. Леви-Штраусом метод исследования позволяет игнорировать вопрос о первоначальной версии, столь беспокоивший прежних исследователей (см. C. Levi-Strauss, *The structural study of myth*. — «Journal of American folklore», vol. 68, 1955, p. 428-444).

48 Ср., например, недавно появившееся сопоставление идей Дхаммапады и известнейшего тамильского памятника — Тируккурала (B. C. Law, *Tirukkural et Dhammapada, Etude comparative*. — JA, 1952, p. 37-52).

49 В этой связи следует отметить единственно правильный подход к проблеме соотношения раннего буддизма и современных ему систем, отраженный в недавнем исследовании Уордера (A.K. Warder, *On the relationships between early buddhism and other contemporary systems*. — BSOAS, vol. XVIII, 1956, p. 43-63). Эта работа вплотную подводит нас к вопросу о возможности строгого отнесения той или иной концепции к раннему буддизму и к возможности построения своего рода матрицы противопоставлений между раннебуддийской системой и другими, с ней соперничавшими системами.

50 Что касается раннего буддизма, то это, может быть, уникальная морально-этическая концепция, игнорирующая в принципе противопоставление добра и зла и ориентированная на другие исходные положения.

51 Н. Willman-Grabowska, *Evolution sémantique du mot "dharma"*. — ROr, X, 1934, p. 38-50. — Автор статьи остроумно замечает (стр. 45): "Для удобства языка не всегда нужно, чтобы слова обладали точным смыслом. Неясность также может оказать услугу. Она — как форма с пустой сердцевинкой: каждый может её заполнить по своему желанию".

52 См. О.О. Розенберг, *Проблемы буддийской философии*, Пг, 1918.

53 См. Th. Stcherbatsky, *The central conception of buddhism and the meaning of the word "Dharma"*, London, 1923. — В 1958 г. было объявлено о защите диссертации В. Шуманна «Теория дхармы в палийском буддизме». Ср. раздел «II Dharmo» в кн. «Le civilta dell'oriente», vol. 3, Roma, 1958; послесловие Г. Глазенаппа к книге Г. Ольденбурга о Будде (13-е изд. — Stuttgart, 1958), также ст. F. Edgerton, *Did the Buddha have a system of metaphysics*. — JAOS, vol. 79, 1959, p. 81-85. — где дхарма определяется как "state of existence" и "condition of being".

54 Мнимая значительность этого противопоставления была недавно разоблачена Томасом, доказавшим, что различие между этими двумя терминами чисто грамматическое: нирвана выражает состояние, а паринирвана — достижение состояния (E.J. Thomas, *Nirvana and Parinirvana*. — «India Antiqua», Leyden, 1947, S. 294-295).

55 см. L. De la Vallée Poussin, *Etudes sur l'histoire des religions*, V. Nirvana, Paris, 1925; Th. Stcherbatsky, *The conception of Buddhist Nirvana*, Leningrad, 1927 (см. критику С. Шайера. — AOr, VII, 1935, p. 123).

56 См. также раздел «Идея нирваны в Дхаммападе» в цитированной выше книге Б.Ч. Лоя (B.C. Law, *A history of Pali literature*, vol. I, London, 1933, p. 222-223).

57 См. C. Lévi-Strauss, *The structural study of myth*. — «Journal of American folklore», vol. 68, 1955, p. 432-435.

58 См. также C.A.F. Rhys Davids, *A buddhist manual of psychological ethics*, London, 1900; *Buddhist psychology* (2nd ed.), London, 1924.

59 См. Dict., III, p. 96-99. — В ряде строф этой главы читта вполне можно было бы перевести и как "ум". Иногда именно такой перевод кажется предпочтительным; однако необходимость сохранить противопоставление citta-mānas или citta-vīssana заставила нас всюду передавать это слово как "мысль".

60 Образ цветов вообще был очень популярен в индийской поэзии (ср. Шантипарва, 6540-6541 и др.).

61 См. Th.W. Rhys Davids, *Theory of soul in the Upanishads*. — RAS, 1899.

62 См. M. Walleser, *Das Problem des Ich*, Heidelberg, 1903; Th. Stcherbatsky, *The soul theory of the buddhists*. — «Изв. РАН», т. 13, 1919, стр. 823-854, 937-958; Н. Гэнтер, *Das Seelenproblem im älteren Buddhismus*, Konstanz, 1949; Mahatma Gandhi and Swami Vivekananda, *Buddha's Denial of God and the Self*. — «Indo-Asia Culture», vol. V, 1956; С. Радхакришнан, *Индийская философия*, т. I, М., 1956, стр. 324 и след., и др. соч.

63 1-2. Эти две строфы довольно трудны для понимания. В связи с их интерпретацией и переводом возникла дискуссия, кратко освещенная М. Мюллером (SBE, X, p. 3 — 4) и продолженная в трудах многочисленных учёных вплоть до нашего времени. Суть разногласий — в различном понимании термина "дхамма", одного из центральных в буддийской философии и догматике (об этом см. во вступительной статье; там же указана литература). "Дхамма" в разбираемом месте переводилась очень различно: naturae [a mente principium ducunt] (Фаусбёль), action (Годжерли), die Pflichten (Вебер), all faculties [of mind] (д'Альвис), mental faculties (Чайлдерс), things (Рис-Дэвидс), Dinge (Нейманн, Дальке), [mental] natures (Радхакришнан), all conditions (Нарада Маха Тхера), religious life (Кунхан Раджа); особенно показателен перевод М. Мюллера — all that we are. Попытка однозначного перевода в данном случае пока едва ли оправдана. Несомненно, что разные направления внутри буддизма понимали этот термин в соответствии с общей системой их взглядов, а позднейшие интерпретаторы (как в Европе, так и в Азии), — как правило, в зависимости от тех ассоциаций из области античной или современной философии, которые возникали у них при анализе "дхаммы". Разумеется, можно было бы попытаться выяснить первоначальное значение этого слова в буддизме. Однако это ни в коей мере не решило бы проблемы понимания его в Дхаммападе и, тем более, его перевода, так как, во-первых, "дхамма" имеет целый ряд значений уже в Дхаммападе и, во-вторых, разные направления и разные эпохи связывали с этим словом неодинаковые значения (обстоятельство, которое, по-видимому, делает маловероятным точное определение этого термина).

Одна из возможностей разного толкования слова "дхамма" тесно связана с многочисленными попытками

осмыслить его в плане индуизма. Кажущаяся простота такой интерпретации соблазняла многих учёных, однако сейчас такой путь должен быть признан порочным. Разумеется, это не значит, что внимание исследователя не должно останавливаться на случаях поразительных аналогий с предшествующими или современными буддизму учениями: выявление таких аналогий важно, но не столько для изучения структуры буддизма, сколько в относительно второстепенном плане его генетических связей. Из индуистских аналогий к мыслям, выраженным в первых двух строках Дхаммапады, наиболее показательны отмеченные Радхакришнаном и Рагхаваном в Упанишадах. Ср. *Am?tabindu Up.*, 2; *Maitraya?i Up.*, VI, 34; *B?hadaranyaka Up.*, 4, 5. Впрочем, некоторые из таких сопоставлений не вполне состоятельны. Ср. критику Б. Баруа и С. Митры, сравнивавших Дх. I, 1-2 с *Chandogya Up.*, VII, 3, I (B. Barua, S. Mitra, *Prakrit Dhammapada...*, Calcutta, 1921), со стороны Рис-Дэвидс, предположившей в данном случае влияние философии Капила — санкхьи (C. A. F. Rhys Davids, *The minor anthologies...*, London, 1931. — см. комментарий к соответствующей строфе).

Относительно значений слова "разум" (*mano*) см. *Dict.*, VI, p. 144 — 146; индуистская трактовка этого понятия, помимо ряда других трудов, представлена и в Мокшадхарме.

О этих двух строках см.: В. К. Sengupta, *Buddhist psychology*. — *INQ*, vol. 32, 1956, p. 267.

64 5-6. Самые известные строфы, многократно повторяемые в буддийской литературе. Формальная их связь между собой чрезвычайно слаба, потому они стоят несколько обособленно среди других в «Главе парных строф». Никким образом нельзя отождествлять сказанное в 5-й строфе с христианским положением о любви, прекращающей ненависть, так как понятие любви (*metta*) в буддизме и его направленность совершенно иные, чем в христианском учении.

65 7-8. Мара (*Mara*) — владыка смерти, злой дух (часто олицетворение страстей), искуситель, пытавшийся соблазнить Гаутаму, покинувшего свой дом и семью, обещанием ему всемирного владычества над четырьмя великими материками за отказ от своего предприятия. Несмотря на неудачу, Мара не оставляет своих надежд. В Джатаках рассказывается о мыслях Мары: "Рано или поздно в душе его (т. е. Будды) должна возникнуть какая-либо вредная, коварная или злая мысль; в этот момент я стану его повелителем." — И с этого часа он (т. е. Мара) следовал за ним, выжидая какой-либо ошибки, приросши к нему, подобно тени, идущей за предметом, отбрасывающим её.» (См. Rhys Davids, *Buddhist birth stories*, vol. I, London, 1880, p. 84). В Дхаммападе Мара упоминается довольно редко, здесь он лишён сколько-нибудь конкретных черт. Более определённо выступает он в Сутта-нипате и особенно в позднейших буддийских текстах. Народная этимология связывает имя Мары со словом "смерть". См., однако: S. Sen, *Pali "maraji": Sanskrit "smarajit"*. — *INQ*, vol. 32, 1956, p. 139-140. О Маре см. E. Windisch, *Mara und Buddha*. — «*Abhandlungen der philologisch — historische Klasse der königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*», 1895; A. Wayman, *Studies in Yama and Mara*. — «*Indo-Iranian Journal*», vol. III, 1959, p. 44-73, 112-131.

66 9-10. Жёлтая одежда была отличительным признаком членов буддийской сангхи. Эта одежда состояла из старых выброшенных тряпок из белой ткани, пожелтевшей от ветхости. Первоначальный выбор такого цвета объясняется, видимо, тем, что он считался самым низким и презренным. Буддийским подвижникам не разрешалось снимать жёлтую одежду. Не случайно выражения "надеть жёлтое платье" или "снять жёлтое платье" означали вступление в сангху или выход из неё.

Обе строфы содержат труднопереводимую игру слов: *kasava* — "желтая одежда", *akasava* — "нечистота, грех" (ср. *anikkasava* — "не свободный от нечистоты, от греха"). Кроме того, *arahati* — "он достоин" — напоминало об архатах (см. прим. к главе VII). Игра слов такого же рода была использована в Махабхарате, XII, 568 (*ani?ka?aye ka?ayam* — "желтая одежда на том, кто не свободен от нечистоты").

67 Суть (*sara*) и несуть (*asara*) — весьма сложные понятия, по-разному переводимые: *truth* — *untruth*, *real* — *unreal*, *core* — *not-core*, *echt* — *unecht* и т. д.

68 11-12. Рассказывают, что эти слова были сказаны Буддой в небольшой деревушке около Раджагрихи, где жили брахманы, изложившие ему основы своей веры. Ср. сходное место в арабской версии «Повести о Варлааме и Иоасафе» (М.-Л., 1947, с. 26). В китайской версии прибавлено несколько весьма существенных фраз: "Всюду в мире смерть, и нет убежища ни в одном из миров. Правда, боги наслаждаются в период блаженства, но и их счастье также должно кончиться, и они также должны умереть!" — и т. д.

69 13-14. Услышав слова, сказанные Буддой, брахманы решили стать его последователями и отправились в обитель (вихару). Однако в пути мысль о жёнах и близких, покинутых ими, причиняла брахманам мучение. Начавшаяся гроза заставила их укрыться в домах. В одном из них была ветхая крыша, пропускавшая влагу. Имея это в виду и зная настроение брахманов, Будда обратился к ним со словами, содержащимися в этих двух строках.

70 17-18. Беда (*duggati*) и счастье (*suggati*) — эти слова часто заменяются при переводах через противопоставление ада и рая, с чем трудно согласиться. По существу речь идёт здесь о нижнем и верхнем мирах, в которые люди попадают после смерти в зависимости от их поступков.

71 19-20. Писание (*sahita*) объяснено комментатором как название Типитаки (Дх. А. I, 157), хотя, кажется, она больше нигде не называется термином *sahita*.

72 Слово "святость" передает *saṃassa* палийского текста и в известной степени противопоставляется термину *brahma*?а в индуизме (об этом слове в буддизме см. ниже).

В этих строфах достаточно ярко рисуется отношение Будды к суетности и показной набожности.

Об этих строфах см.: В. К. Sengupta, *Buddhist psychology*. — *INQ*, vol. 32, 1956, p. 267.

73 Перевод слова *appamado*, выражающего центральное понятие этой главы, довольно сложен. Наиболее точно это слово можно было бы передать как "нелегкомыслие", "отсутствие легкомыслия (беззаботности)". В таком случае стал бы ясным структурный параллелизм ряда строф 2-й главы (ср. 21), однако точный перевод *appamado* сделал бы многие места неудобочитаемыми. Поэтому в согласии с традицией пришлось переводить это слово как "серьёзность" и тем самым нарушить формальные особенности этой главы.

74 21. Прежде всего обращает на себя внимание исключительно высокая звуковая организация этой строфы:

appamado amataṇṇam, paṇṇam amataṇṇam

appamatta na miyaṇṇa, ye amatta yatha mata.

Весьма любопытно, что *amata* ("бессмертие") объяснено Буддхагхошей как "нирвана" (именно так переведено *amata* Р. и М. Маратрэ. — R. et M. Maratray, *Le Dhammapada*, Paris, 1931). Однако Лесны (V. Lesny, *Dhammapada in the light of Turkestan discoveries*. — *AO*, XVII, 1949, стр. 26 — 27) сомневается в возможности такого понимания, указывая, что ни в одной версии Дхаммапады в этом месте не упоминается нирвана, причём неверно утверждение, будто бы это слово нарушает размер. Исходя из параллелизма обеих частей первого стиха и из некоторых сходных мест (Дх. 168 — 169; 6-й наскальный эдикт Ашоки; Самьютта-никая, I, 4, 2, 6; Уданавагга — см. N. P. Chakravarti, *L Udanavarga*, Sanskrit, Paris, 1930, p. 63), Лесны настаивает на том, что *amataṇṇam* — "место вечной жизни (бессмертия)". В Дх. А, I, 228 *amataṇṇam* интерпретировано как "путь достижения бессмертия". Эта строфа была, видимо, широко известна. Во всяком случае, она встречается в Дипавансе, VI, 53 и в Махавансе, 25 (ср. «*Sanatsujatiya*», II, 4, — *SBE*, VIII, 138). См. также Рагхаван, стр. 59. Сравнение с *Chandogya U*, VII, 4, 1 — 3 теперь поставлено под сомнение.

75 22. Благородный (*ariya*) — тот, кто вступил на путь, ведущий к бессмертию. Следовательно, это понятие нельзя смешивать с соответствующим индуистским.

76 23. Здесь речь идёт об архатах. Относительно нирваны (*nibbana*) см. во вступительной статье. Поскольку это понятие принадлежит к числу важнейших в буддизме, литература, посвящённая ему, огромна. Особое значение имеет работа Ф. И. Щербатского: «*The conception of Buddhist nirvana*», Leningrad, 1927.

"Несравненная нирвана" (*yogakkhema nibbana*) — распространённое клише буддийской литературы. Ср. Мокшадхарма, гл. 245, 8935.

77 24. Осторожно (*nisamma*) — об этом слове и его тибетском соответствии из Уданавагги см. H. W. Bailey, *A problem of the Indo-Iranian vocabulary*. — *RO*, XXI, 1958, p. 62.

78 25. Образ потока (*ogha*), увлекающего за собой всё, что ему по падается на пути, и безопасного острова (*dīpa*) или берега, против которого бессилен поток, относится к числу наиболее популярных в индийской литературе (ср. Мокшадхарма, гл. 249, 9031; Шантипарва, 9939). Традиционное для буддизма переносное толкование этой символики отождествляет поток с вождением, грехом, переселением душ и заблуждением, а остров — с нирваной или архатством. В Дхаммападе эти образы используются в строфах 47, 251, 287, 370. В ряде случаев (например, в Махапариниббанасутте) очевидна ассоциация *dīpa* — "остров" с *dīpa* — "свет, светильник".

79 26. См. *Veobacht.*, 161.

80 30. Магхаван (*Maghavan*) — собственно "щедрый", эпитет, как правило, относящийся к Индре ещё в Ведах и исключительно к нему — в послеведийскую эпоху. В буддизме несколько одиозный Индра был вытеснен Саккой (*Sakka*), предводителем 33 богов (числовая символика восходит к Ведам, ср. Ригведа, I, 45, 2). Тем не менее следует остерегаться отождествления Индры и Сакки: их связь только генетическая. Символическое значение числа 33 (*tavati*?sa) в буддийской литературе, видимо, утрачивается; точно так же ограничиваются функции Сакки и его окружения, однако они продолжают играть некоторую роль в религиозных представлениях

буддизма. Так, люди, не достигшие высшего знания, но ведущие праведную жизнь, могли снова родиться в мире этих богов.

81 31. Бхикшу (bhikkhu) — посвящённый в духовный сан последователь Будды, собственно нищенствующий.

82 Пожирающий — первые европейские переводчики исходили не из *daḥam* — "пожирающий" (об огне), "сжигающий", а из *saḥam* — "побеждающий" (Фаусбёль, Вебер). Теперь принято чтение *daḥam*, как у Буддхагоши (эта традиция была возобновлена М. Мюллером).

83 Узы (*saṃyojana*) — речь идёт об узах, привязывающих человека к колесу новых рождений (излюбленный образ буддийской литературы). Насчитывали десять родов уз: самообман (заблуждение относительно собственного я); сомнение; вера в ложные обряды и церемонии; чувственные желания; ненависть; привязанность к миру форм (к земному существованию); привязанность к миру, лишённому форм (желание небесной жизни); гордыня; самооправдание и невежество.

84 32. Буддхагоша указывает, что достигший этого положения не может выйти из состояния покоя, созерцания, не может уклониться с четырёх путей: "Если он достиг их, он не может потерять их; если он их ещё не достиг, он непременно достигнет их".

85 О специфике термина *citta* ("мысль") см. во вводной статье.

86 33. Взгляд, согласно которому мысль — нечто трепещущее, дрожащее, с трудом контролируемое, очень характерна для буддизма, а отчасти и для индуизма. Обуздать мысль, придать ей правильное направление — долг каждого последователя Будды. (Ср. Джатаки, т. I, стр. 400). Из индуистских параллелей ср. Бхагавадгита, VI 35; образ лучника и стрелы использован в *Muṇḍaka Uṇ.*, II, *Bhagavata Uṇ.*, XI.

87 37. Аналогии из индуистских сочинений недавно были указаны Рагханом. Согласно буддийским представлениям, вместилище и центр мысли находится в сердце (ср. *citta* — "мысль" и "сердце").

88 39. Непорочная мысль (*anavassutacitta*). См. рассуждения М. Мюллера об этом сочетании (*SBL*, vol. X, 1881, p. 12 — 14).

89 Отказ от добра и зла (ср. нищенские идеи такого рода), по мнению Будды, необходим в силу того, что добро, всегда связанное со злом, способствует новым рождениям; лишь отказ от добра и от зла поможет прекратить поток рождений.

90 Ложно направленная мысль, истинно направленная мысль — имеются в виду мысли, направленные к десяти недобродетелям (убийство, воровство, прелюбодеяние, клевета, болтовня и т. д.) или к десяти добродетелям (благородство, почтительность, размышление и др.).

91 40-43. Эта часть отражена и в китайской Дхаммападе (гл. XI). Сказанное здесь приписывается Будде (в эпизоде с черепахой). Относительно Дх. 41 см. *Beobacht.*, 164. Дх. 43 иногда сравнивается с *Chandogya Uṇ.*, VII, 5, 1 (*B. Barua, S. Mitra. Prakrit Dhammapada...*).

92 44. Хорошо преподанную стезю дхаммы (*dhammapadam sudesitam*) — в этом стихе обыгрывается название Дхаммапады (то же в строфе 45). Комментатор указывает, что здесь *dhammapada* обозначает 37 факторов просветления.

93 45. Словом "ученик" переводится здесь гораздо более конкретный термин *sekha* (*sekha*), обозначавший ученика, достигшего первой стадии совершенствования (*sotapatti*). Уничтожив все привязанности, *sekha* мог достичь архатства и стать уже *asekha* (*asekha*).

94 46. Украшенные цветами стрелы — один из атрибутов Мары. Стрела, пронзающая сердце, порождает страсть. Не случайно уже в ведийской мифологии Кама (персонифицированное желание, страсть) был снабжён стрелами (ср., например, *Атхарваведа*, III, 25), позднее цветочные стрелы стали признаком бога любви Кандарпы. Более того, очень рано сама стрела стала предметом поклонения как оружие богов (см. *Ригведа*, VI, 516). Эти примеры помогают уяснить и смысл буддийской символики.

95 48. Интересная параллель к этому месту из Шантипарвы приведена Радхакришнаном.

96 49. Популярное в буддийской литературе сравнение. Смысл его заключается в том, что нищенствующий берёт лишь то, что ему дают, и никому не наносит ущерба.

97 Тагара — кустарник *Tabernaemontana coronaria*; из этого растения делается ароматная пудра.

98 54. Подобное сравнение встречается и в более древних текстах. Ср. Таиттирия Араньяка, X, 9.

99 55. Вассика — род жасмина с крупными цветами (*Jasminum Sambac*).

100 58-59. Лотос является одним из самых употребительных образов индийской литературы. Рождённый в грязи (в иле) и чудесно расцветающий под лучами солнца, лотос символизирует неограниченные возможности развития.

101 Мудрость (расса) — в буддизме одна из основных форм познания, достигаемая скорее с помощью интуиции и духовного прозрения, чем с помощью наблюдения и анализа.

102 60. Йоджана (yojana) — мера длины, около 11 км.

103 Сансара (samsara) — цепь рождений и смерти, от которой можно освободиться, познав истинную дхамму и достигнув нирваны.

104 62. Слова Будды относятся к эпизоду с восьмидесятилетним старцем-брахманом, воздвигнувшем себе большой дом и вскоре умершим.

105 65. Ср. Махабхарата, X, 178.

106 69. Аналогичный мотив отмечен и в Самъютта-никае.

107 Трава куса — *Poa cynosuroides*.

108 70. Комментатор объясняет, что здесь идёт речь о тех, кто понял четыре благородные истины (saṅkhatadhammanam).

109 71. Ср. «Законы Ману», IV, 172. Об этой строфе см. Phil. Ind., 184.

110 75. Термин "одиночество" предполагает разные виды ухода из мира и изоляции: уединение в лесу, отказ от праздных мыслей, высшая форма одиночества и свободы — нирвана. Аналогию к этой строфе видят в Kaṇha Uṇ., I, 2, 1-2.

111 Эта глава обнаруживает связь, как с предыдущей, так и с последующей главами.

112 78. Ср. 61.

113 79. Как указывает комментатор, эпитет "Благородный" (āriya) относится к Будде и к приверженцам его взглядов.

114 80. Эта строфа в известной степени напоминает 33-ю строфу и полностью (за исключением одного слова) повторяется в 145-й. Сказанные в этой строфе слова по традиции приписываются Будде, обратившемуся с ними к человеку, который путешествовал по разным странам и изучил профессии лучника, строителя и т. д. Узнав, что Будда может управлять своим телом, этот человек попросил объяснить ему, что это такое. Далее следует ответ Будды.

115 81. Отчасти сходный мотив представлен и в Бхагавадгите, II, 66-67.

116 При любых условиях — имеются в виду так называемые восемь земных условий (lokadhamma), из которых два (счастье — sukha и горе — dukha) перечислены в этой строфе.

117 Томясь желанием — ср. Бхагавадгита, II, 70 и IX, 21. Об этом отрывке см. R. Morris, Notes and queries. On a passage in the Dhammapada. — JPTS, 1893, p. 39-41.

118 83. Перевод первой фразы не вполне понятен (в частности, из-за имеющихся здесь разночтений).

119 85. Противоположный берег и этот берег — обычные в буддийской литературе обозначения для ниббаны и сансары. Достичь "противоположного берега" значит, избежать царства смерти (см. 86).

120 87-88. Тёмная дхамма — тёмный путь (состояние, деяние), насчитывающий десять родов злых дел; светлая — предполагает десять родов добрых дел. Фигурально противопоставление тёмной и светлой дхаммы следует понимать как различие между злом и добром. Этот же образ встречается и в Сутта-нипате. Человек в состоянии одиночества изменяет свой взгляд на сущность удовлетворения и находит его там, где раньше не замечал, и наоборот. Ср. 99.

121 Скверна (cittakilesa) — пять зол (страсть, гнев, невежество, высокомерие, гордыня).

122 89. Начала просветления (иначе: факторы просветления, элементы познания) — семь основ, составляющих идеал человека в буддизме (бодрствующий ум, мудрость, энергия, радость, искренность, самоуглублённость и хладнокровие).

123 С уничтоженными желаниями (khinasava). Термин асава (asava) довольно трудно переводим. Скорее всего, его следует передать как греховное желание, заблуждение. Борьба с асавами может привести к их угасанию (khaṇa), что составляет непереносимое условие архатства. Предполагалось, что асавы могут быть четырёх видов: асава чувственности, асава повторных рождений (тяга к жизни), асава ложных взглядов, асава невежества.

124 Архат (arahant) — тот, в ком угасли асавы, кто освободился от привязанностей и достиг высшей свободы. Архатство — состояние, позволяющее прервать цепь рождений и смертей, обусловленную кармой: "Некоторые снова возрождаются людьми, злочинцы — в преисподней, добродетельные — на небесах, архаты же угасают совсем" (Париниббанти Анасава). Состояние архатства красочно описано в Метта-сутте, где, между прочим, говорится, что "это состояние сердца — лучшее в мире". Любопытно сравнение с 249-й главой Мокшадхармы.

125 90. Узы (gantha) — четыре привязанности (скупость, злая воля, снисходительное отношение к ложным обрядам, приверженность чьим-либо догмам).

126 Удаляются (uyyujjanti) — это слово многие переводчики передают как "exert themselves", что согласуется с его пониманием Буддхагхошей. Предлагаемый перевод следует за указанием М. Мюллера. Ср. также Дх. 235 и Махапариниббана-сутта (SBE, vol. XI, p. 22).

127 91. Образ лебедей символизирует стремление вырваться из суесть повседневной жизни к свободе.

128 92. Освобождение, лишённое желаний и необусловленное (succato animitto ca vimokkha). Освобождение (vimokkha) — одно из названий нирваны; succata — собств. "пустой"; animitta — "необусловленный" (имеется в виду — страстями и другими причинами [nimitta]). Ср. комментарий Буддхагхоши, объясняющий значение сочетания "необусловленное освобождение". Сравнение полной свободы с полётом птиц в небе содержится и в Махабхарате, XII, 6763.

129 93. Эта строфа тесно связана с предыдущей.

130 94. ... Как кони, обузданные возницей — весьма характерное для древнеиндийской литературы сравнение (ср. Бхагавадгита, Ка?ha Ур., III, 3; Милиндапаньха, 26-28 и т. д.). Согласно буддийскому учению, достигший нирваны выше богов ("такому даже боги завидуют").

131 95. Столп Индры (indakhila) — как указывают комментаторы, такие столпы сооружались в разных местах Индии. Их делали из кирпича или прочных пород дерева. Они служили символом прочности и силы. Земля обычно рассматривалась как образ терпеливости и стойкости, а пруд — чистоты и искренности. Сочетание этих символов делает возможным вполне удовлетворительное толкование этой строфы. Однако Буддхагхоша предлагает более изощрённую интерпретацию: земля не испытывает удовольствия даже от цветов, а столп Индры не испытывает неудовольствия даже от дурнопахнущих предметов; подобно этому, мудрый равнодушен к хвале и клевете.

132 96. Триада — мысль, слово, деяние — хорошо известна не только в буддийской и индуистской (Таиттирия Араньяка, X, 1, 12; «Законы Ману», XII, 4 — 8; Махабхарата, XII, 4059, 6512, 6549, 6554; XIII, 5677 и т. д.) литературах, но и далеко за пределами Индии (в Авесте, у Платона — см. «Протагор» и проч.).

133 97. Человек, который не верует — согласно учению Будды, человек должен познавать всё на основании собственного опыта, не полагаясь слепо на авторитеты.

134 Знает несозданное — имеется в виду нирвана, никем не сотворённая. Слово *akataccu* допускает игру слов: его можно понять не только как "несозданное", но и как "неблагодарный". Последнее в сочетании с *assaddho* ("неверующий") и финалом строфы ("он поистине благороднейший человек") делает возможным понимание этого места как парадокса.

135 99. Отчасти сходный образ содержится в Бхагавадгите, II, 69.

136 Один из последователей Будды был не в состоянии выучить наизусть хотя бы один стих, содержащий поучения. Все смеялись над ним, упрекая в невежестве и неспособности. И только Будда пожалел его; отозвав в сторону, он прочитал ему стих и объяснил его значение. С тех пор этот приверженец буддийского учения помнил стих, прочитанный ему Буддой, и, главное, усвоил суть учения. Однажды в присутствии царя Будда назвал этого человека достигшим просветления. Увидев, что царь недоумевает, как мог столь неспособный человек достичь такого состояния, Будда объяснил ему это (см. следующие стихи из «Главы о тысяче»).

137 100. Этот стих цитируется в Махавасту.

138 103. Комментарий предполагает несколько иное понимание этой строфы. Ср. также перевод Нарады Маха Тхеры: *Though he should conquer a thousand thousand men...* (Narada Maha Thera, *The Dhammapada*, Calcutta, 1952).

139 Брахма — в индуистской традиции высший бог, создатель вселенной. Ряд богов ведийского пантеона признавался также и буддизмом (в частности, те, которые оказывали помощь Будде), однако, конечно, их значение было крайне невелико. Ср. Н. v. Glasenapp, *Buddhismus und Gottesidee. Die buddhistischen Lehren von den überweltlichen Wesen und Mächten und ihre religions-geschichtlichen Parallelen*. — «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen des geistes und sozial-wissenschaftliche Klasse», 1954, № 8, Mainz.

140 Гандхарва (*gandhabba*) — небесные музыканты-певцы, составляющие особый класс полубогов. Известны уже в ведийский период (в Ригведе они обычно связываются с Сомой). Поскольку они встречаются и в Авесте, есть все основания говорить об их индоиранской принадлежности. Некоторые аналогии из греческой мифологии более спорны.

141 105. Эта строфа (как и предыдущая) принадлежит к числу наиболее известных. В ней утверждается мысль о том, что в конечном итоге всё зависит от самого человека и никакие сверхъестественные силы не в состоянии помешать ему, если он победил самого себя. Усилия человека, а не благодать является причиной просветления.

142 106-107. Обращение Будды к брахманам в связи с их обрядами жертвоприношения и злоупотреблениями в аскетизме. Возможно, что эти строфы имеют в виду и тех последователей Будды, которые предавались изнурительным йогическим упражнениям не с целью духовного совершенствования, а для приобретения сверхъестественных способностей, выделяющих их среди других людей.

143 ... Уважает старых — здесь речь идёт не только о людях преклонного возраста, но и о тех, кто преисполнен добродетели.

144 109. Подобная мысль была, видимо, усвоена буддизмом из брахманической литературы. Ещё Фаусбёль указывал на поразительное совпадение с «Законами Ману», II, 121 (М. Мюллер упоминает также об Апастамба-сутре, I, 2, 5, 15). В соответствующем месте китайской Дхаммапады содержится прозаическая проповедь Будды, обращённая к брахману Ямате.

145 113. Видевшего начало и конец — т.е. рождение и смерть, становление и разрушение (*udaya-vaya*). Частое выражение в буддийской литературе для идеи непостоянства всех обусловленных вещей в мире.

146 114-115. Двукратное повторение "бессмертной стези" (*amatam padam*), т. е. нирваны, и "высшей дхаммы" (*dhammam uttamam*) должно вызвать ассоциацию с названием памятника — *Dhammapada*.

147 125. Сравнение, употребляющееся и в других памятниках. См. Суттанипата, 662; *Kathasaritsagara*, 49, 222; O. Buchtlingk, *Indische Sprüche*, Teil I, 1863, S. 1582.

148 126. Возвращаются в материнское лоно — т. е. подвержены новым рождениям, в то время как высшее благо — прекратить цепь рождений.

149 Одна из лучших частей Дхаммапады, в которой образно выражены некоторые существенные стороны морально-этической концепции буддизма.

150 129. Подобные мысли исследователи отмечают во многих памятниках древнеиндийской литературы: в Махабхарате, Рамайне, Хитопадеше и др. Ср. М. Мюллер, SBE, X, р. 36; Радхакришнан, стр. 102. То же, естественно, относится и к следующей строфе.

151 131. Ср. «Законы Ману», V, 45 и Махабхарату, XIII, 5568. По мнению некоторых (например, М. Мюллера), указанный стих из Махабхараты предполагает знакомство с Дхаммападой (131), но не наоборот.

152 133. Ср. Махабхарата, XII, 4056.

153 136. Сравнение страдания с горением широко распространено в буддийской литературе. Ср., например, слова Будды, содержащиеся в строфе 146.

154 137. Десять состояний — см. Дх. 138, 139, 140.

155 141. Сходное место было указано Фаусбёлем в Дивьявадане. Ср. также Сутта-нипата, 248: "Ни рыбе мясо, ни пост, ни обнажённость, ни тонзура, ни спутанные волосы, ни грязь, ни грубые шкуры, ни поклонение огню... не очистят смертного, не победившего сомнения". Указывают также на любопытный эпизод из Amagandha Sutta, 11. В этой строфе, как и в целом ряде других, выражается протест Будды против внешних проявлений аскетизма; он считал более важным праведный образ жизни и спокойствие (ср. Дх. 142).

156 Брахман — с этим словом в Индии связывалось представление о носителе самых высоких моральных качеств. Буддизм усвоил это понимание слова "брахман", но, разумеется, содержание этих качеств оказалось существенно изменённым. Ср. 26-ю главу Дхаммапады («О брахманах»).

157 Отшельник (sama²a) — странствующий аскет, олицетворение праведной жизни, внутреннего спокойствия. Об этой строфе см. Рагхаван, стр. 63.

158 142. В качестве комментария к этой строфе см. Т. В. Рис-Дэвидс, Буддизм, СПб., 1901, стр. 54-55.

159 144. Этот стих представляет собой опровержение многих вульгарных взглядов на сущность буддизма. Кто хочет понять её, должен непротиворечиво объединить идеал нирваны с призывом быть энергичным и одушевлённым (atarino samvegino bhavatha). С другой стороны, многим может показаться странным упоминание веры, поскольку именно Будда указывал на значение самостоятельного опыта в противоположность вере.

160 145. См. строфу 80 и отчасти 33.

161 Рассказывают, что следующие строфы были произнесены Буддой по адресу семи брахманов, которые весело болтали и смеялись, получив место для жилья.

162 146. Ср. строфу 136.

163 147. Наряду с samussitam ("составление из частей") есть вариант samu²?hitam ("возникшее, произошедшее"). В интерпретации samussita как "составление из частей" (а не как "гордое, надменное, высокомерное") убеждает объяснение комментатора, см. Дх. А. III, 109.

164 148. Фаусбёль исходил из следующего деления текста: mara²a? tamhi jivitam — "mors est vita ejus". Это было оспорено Чайлдерсом в письме к Фаусбёлю (см. SBE, X, 1881, р. 41-42). Поправка Чайлдерса была принята последующими переводчиками Дхаммапады. С этой строфой ср. Рамайна, II, 105, 16.

165 149. Ср. Джатаки, т. I, стр. 322 и особенно соответствующее место из Дивьяваданы, приводимое комментаторами.

166 Из костей сделана эта крепость — обычное в буддизме описание человека, подчёркивающее его бренность.

Ср. 147: "составленное из частей", т. е. из 300 костей. Висуддхимагга содержит любопытный эпизод об отшельнике, встретившем нарядно одетую и смеющуюся женщину и ответившем её мужу на вопрос, не видел ли он его жену, словами: "Я видел только скелет, и я не знаю, была ли это женщина или мужчина".

167 150. Плоть и кровью оштукатурена — образ, известный и в индуистской литературе. См. «Законы Ману», VI, 76 и Махабхарата, XII, 12053, 12462.

168 152. Малознающий (appassuta) — одно из клише древнеиндийской литературы.

169 Строитель дома — имеется в виду желание, жажда (ta'ha), одно из важных понятий в буддизме. Желание жить вовлекает в свою сферу всё новый жизненный материал и строит из него новые формы бытия (цепь рождений, привязывающая к колесу существования). В арсенале Мары желание (ta'ha) принадлежит к числу наиболее опасных средств.

170 Дом — тело, стропила — страсти, конёк — невежество, незнание.

171 Разум на пути к развеществлению достиг уничтожения желаний — ибо "из воображения рождается привязанность, отвращение и обман", как утверждает в Мадхьямика Карике, XXII, 1. 153-154. Слова, содержащиеся в этих двух строфах, были сказаны Буддой в момент, когда он достиг просветления (см. комментарий к Брахмаджала-сутте), хотя Лалитавистара предлагает иной вариант. Последние слова Будды содержит Махапариниббана-сутта ("жизнь подвержена старению, прилежно трудитесь для спасения"). Вокруг этих строф велась оживлённая дискуссия, особенно в XIX в. Суммарно она отражена в комментариях к переводу М. Мюллера. См. также спор Т. Д. Сузуки с Г. К. Уорреном и И. Бэббитом (T. D. Suzuki, *Mysticism: Christian and buddhist*, London, 1955, p. 44 ff.).

172 155. Богатство — речь идёт о духовных приобретениях, а не о материальных благах.

173 Гибнут (jhayanti) — об этом см. ZDMG, XVIII, S. 834.

174 О понятии atta в буддизме см. во введении.

175 157. В течение одной из трёх страж — ср. Дх. А., III, 138. Ночь делили на три стражи (yama): первую (pathama), среднюю (majjhima) и последнюю (pacchima). Здесь стражу можно понимать и как один из трёх периодов жизни.

176 158. См. Джатаки, т. II, стр. 141.

177 160. Ср. сходные мысли в Бхагавадгите, VI, 5 — 7.

178 162. Малува (maluva) — вьющееся растение, паразитирующее на дереве сал и нередко приводящее его к гибели. Образ малувы часто встречается в аллегориях (см. об этом JPTS, 1907, p. 213), особенно в изображении томящей жажды.

179 Сал (sala) — дерево, принадлежащее к виду *Shorea robusta*.

180 163. Когда Девадатта, двоюродный брат Будды, сначала его последователь, а потом противник, задумал вызвать раскол в буддийской общине, Будда сказал ему примерно следующее: добро легко сделать тому, кто добр, но трудно тому, кто плох; зло легко сделать тому, кто плох, но трудно тому, кто праведен.

181 164. Каттхака (kattthaka) — род тростника, погибающего сразу после плодоношения.

182 166. Благо — речь идёт о духовных ценностях. В связи с этой строфой ср. Бхагавадгита, III, 35.

183 168-169. Однажды во время своих странствий Будда посетил свой родной город Капилавасту, в котором жили его отец Суддходана и его семья. Наутро следующего дня Будда в сопровождении учеников отправился собирать милостыню (в виде пищи). Когда Суддходане сообщили об этом, ему стало стыдно, и он спросил сына: "Зачем ты позоришь нас?" В ответ на это Будда изложил ему основы своего учения. Указанные две строфы связываются именно с этим ответом.

184 170. Ср. Сутта-нипата, 1118: "Смотри на этот мир как на пустой! .. Царь смерти не увидит того, кто так

смотрит на мир". Ср. также: Самьюта-никая, III, 142. Одно из заблуждений, по мнению Будды, состоит в том, что верят в постоянство индивидуального начала, в реальность существующего, на самом же деле "все вещи нереальны, они — мираж; единственная правда — нирвана" (Маджджхима-никая, III, 140).

185 175. Иддхи (iddhi) — психические сверхчувственные силы (числом десять), которые якобы можно приобрести с помощью самоуглубления и мистического транса. Иддхи относится к числу понятий, заимствованных из добуддийской философии. В буддийском Каноне иддхи упоминается довольно редко, поскольку, видимо, это понятие в некоторых отношениях не укладывалось в рамки буддийского учения. В «Диалогах Будды» («Dialogues of the Buddha», transl. by T. W. and C. A. F. Rhys Davids, vol. 1, London, 1899, p. 213) встречается следующее высказывание Будды: "Так как я вижу опасность в практике этих мистических чудес, они претят мне и вызывают отвращение; я стыжусь их".

186 176..... Единой дхаммой — это место не совсем понятно.

187 177. С этой строфой ср. Рагхаван, стр. 61.

188 178. Сотапатти (sotapatti) — вхождение в поток, который приводит к нирване; первый шаг на пути к святости (всего таких шагов четыре; каждый из них связан с уничтожением пут, обременяющих человека).

189 Здесь говорится о просветлённых (buddha), которые достигли высшего знания; они были и раньше, новые просветлённые появятся и в будущем (крайний вариант этого учения связан с представлением о грядущем Будде — Меттейе). Поэтому в слове buddha, неоднократно встречаемом в этой главе, лучше видеть не собственное имя Будды, а нарицательное — просветлённый.

190 Какой тропой поведете вы этого бестропного (apada? kena padena nessatha) — игра слов. Бестропный — тот, у кого в этом мире уже нет тропы, так как ни он на мир, ни мир на него уже не могут оказывать влияния. Несколько иное объяснение в комментариях Радхакришнана, стр. 119.

Интересно объяснение Буддхагхоши: "Человека, который обладает хотя бы одним из таких условий (состояний), как гага, привязанность, и т. д., вы можете вести вперед; но у просветленного нет ни одного условия или основы для повторного существования, и поэтому какой тропой поведете вы этого необусловленного просветленного?"

Ср. также Джатаки, т. I, стр. 79, 313.

191 183. Строфа содержит знаменитое буддийское изречение, особенно популярное в махаянистской литературе. Этот стих повторяется в конце китайского перевода Пратимокши (ср. JRAS, XIX, p. 473), в тибетском переводе Гатхасанграхи (стих 14). Подробный разбор его дан Э. Бюрнуфом (E. Burnouff, Le Lotus de la bonne Loi, Paris, 1852, p. 527-528).

192 185. Пратимокша — собрание правил и этических предписаний, действовавших в сангхе. См. И. П. Минаев, Пратимокша-Сутра, буддийский служебник. СПб., 1869. Эта строфа напоминает о 337-й строфе Сутта-нипаты.

193 187. Исследователи обращают внимание на сходство этой строфы с соответствующим местом Шантипарвы, 6503.

194 188. Эта строфа, как и последующие (до 192), содержится в Пратихарья-сутре.

195 190. Будда, Дхамма и Сангха — три прибежища буддиста (trisara?a). Ср. формулу, произносимую при вступлении в общину (сангху), — так называемую Sara?agamana (в Кхуддакапатхе):

Я иду к Будде как к прибежищу,

Я иду к Дхамме как к прибежищу,

Я иду к Сангхе как к прибежищу.

Во второй раз иду я к Будде как к прибежищу,

Во второй раз иду я к Дхамме как к прибежищу,

Во второй раз иду я к Сангхе как к прибежищу.

В третий раз иду я к Будде как к прибежищу,

В третий раз иду я к Дхамме как к прибежищу,

В третий раз иду я к Сангхе как к прибежищу.

196 Четыре благородные истины — основа буддизма, сформулированная Буддой после просветления; четыре истины кратко выражены в следующей строфе.

197 191. Более развёрнуто четыре благородные истины сводятся к следующему: 1) в мире есть зло, страдания, и они не случайны (это положение разделялось многими философскими школами в древней Индии); 2) поскольку всё в этом мире причинно обусловлено, зло и страдания имеют своё происхождение: они зависят от рождения, которое в свою очередь определяется привязанностями; 3) если устранить причину, то зло и страдания прекратятся; 4) к прекращению зла и страданий ведёт благородный восьмеричный путь: правильный взгляд, правильные намерения, правильная речь, правильные поступки, правильная жизнь, правильные усилия, правильная память, правильное сосредоточенное размышление. Каждое из этих восьми звеньев препятствует возникновению условий, вызывающих страдание; уничтожает невежество и привязанности, успокаивает и приближает к просветлению. Когда цепь рождений обрывается, страдания прекращаются и начинается нирвана. Третья и четвёртая благородные истины показывают гуманистическую направленность учения Будды, его конкретный характер, отрицание фаталистического взгляда на страдание в этом мире.

198 194. Б. Г. Гокхале (B. G. Gokhale, The buddhist social ideals. — *INQ*, vol. 32, № 2 — 3, 1956) усматривает в этой строфе отражение нового этапа в развитии буддизма, когда идеал изоляции (так называемая фаза *khaggavisaṇa*) уступал место тенденции к широким связям сангхи с народными массами. Эта перемена (её кульминационный пункт связан с конфликтом между Девадаттой и Буддой) объясняется социальными изменениями внутри самой сангхи и её возросшей ролью в жизни древнеиндийского общества.

199 198. Небольные среди больших (*atiresu anatura*) — характерный приём, передающий духовное состояние через физическое.

200 200. Соответствующая глава китайской версии начинается именно отсюда, хотя содержание первой строфы существенно отличается в китайской и в палийской редакциях. Нельзя не вспомнить в связи с этой строфой слова царя Митхилы, сказанные им в то время, когда его резиденция была охвачена огнём. См. Махабхарата, XII, 9917.

201 201. Считается, что эти слова были произнесены Буддой, когда он узнал о поражении Аджаташатру. Точная санскритская передача этого стиха содержится в Аваданапатаке.

202 202. Нет несчастья равного телу — слово "тело" отражает *khandha* палийского текста (ср. санскр. *skandha*); всё, что обладает существованием, состоит из скандх, являющихся составными конституирующими элементами и одновременно факторами существования. Знаменитый афоризм гласит: "Подобно тому, как мы говорим "колесница", когда имеет место собрание частей, точно так же мы говорим слово "существо", когда имеют место скандхи". Ср. R. S. Hardy, *A manual of Buddhism*, London, 1860, p. 425. Согласно буддийскому учению, человек состоит из пяти скандх: материальные свойства или признаки (*rupa*); ощущения (*vedana*); восприятие (*sacca*); наклонности или способности (*saṅkhara*); мысль, разум (*viññāṇa*). Каждая из скандх имеет своё деление. Одной из существенных характеристик скандх является их непостоянство. См. Т. В. Рис-Дэвидс, Буддизм, с. 87 и след. О строфе 202 см. замечания Phil, Ind., 169, 175. Концепция скандх связана с учением о намарупе в Упанишадах.

203 203. Голод — намёк на *taṇha* ("жажда", "желание").

204 Санкхара (*saṅkhara*) — одно из наиболее сложных понятий философии буддизма. О его месте среди скандх см. комментарий к строфе 202. Санкхары делятся на 52 группы (прикосновение, отвлечённые понятия, мысль, память, жизненная сила, внимание, усилие, равнодушие, радость, алчность, страх, стыд, сострадание, раздражительность, веселье, гордость и т. д.). Непостоянство санкхар сравнивается с банановым деревом, лишённым устойчивости и колеблющимся. См. R. V. Childers, *Notes on Dhammapada*. — *JRAS*, 1881, p. 1.

205 205. Ср. Сутта-нипата, 256.

206 207. Уже в 1912 г. Л. Валле Пуссэн (L. De la Vallée Poussin, *Documents sanscrits de la seconde collection* M. A. Stein. — *JRAS*, 1912, p. 369) указал правильное чтение в санскритской версии последней строки этой строфы: *dhīraḥ tu sukhasamvaso...* В. Лесны обратил внимание на ту помощь, которую могут оказать туркестанские находки в интерпретации Дх. 207 (V. Lesny, *A new reading of Dhammapada*. — *PTS*, 1927, p. 235). Он же высказывает мнение, что в старой магадхской версии, на которой основаны палийская и санскритская, был инструментальный падеж множ. числа *dhīre* (V. Lesny, *Dhammapada in the light of Turkestan discoveries*. — *AOr*, XVII, № 2, 1949, p. 24). Отсюда и особенности в переводе палийского текста этой строфы.

207 210. Этот мотив (необходимость стать выше добра и зла, приятного и неприятного) уже встречался в строфе 239. Рагхаван приводит к этой и к 213 строфе сходные места из Бхагавадгиты и Рамаяны (стр. 61).

208 212. Считают, что с этими словами обратился Будда к четырём недавно обращённым бхикшу, которые, усевшись под цветущим деревом с целью предаться благочестивым размышлениям, незаметно перешли к беседе о чувственных удовольствиях, о самом приятном.

209 218. Уддхамсота (uddhamsota) — дословно: плывущий против течения, т. е. преодолевающий вождение, привязанности, заблуждения. Следовательно, здесь речь идёт об ином потоке, чем тот, который предполагается в строфе 178 (сотапатти).

210 Изложение весьма существенной стороны этического учения буддизма.

211 221. Кто не привязан к имени и форме—имя, или название (пама), и форма (гура) составляют духовное и физическое начала, определяющие индивидуума. Эти понятия рассмотрены в 1-й и 2-й книгах Дхаммасангани. Теория пама и гура берёт начало ещё в Упанишадах.

212 222. Характерное для буддийской литературы сравнение. Впрочем, оно отмечено и в эпосе (ср. Рамаяна, V, 55, 6).

213 223. Любопытны параллели из других памятников как буддийских (Джатаки), так и, особенно, индуистских (ср. Махабхарата, XII, 3550 и указанную недавно Рагхаваном, стр. 62, цитату из Самаведы).

214 227. Атула — имя ученика Будды; к нему обращён этот стих. Впрочем, некоторые переводчики (особенно в XIX в.) исходили из atula — "несравнимый".

215 235. Яма (Yama) — повелитель царства мёртвых; восходит, видимо, ещё к индо-иранскому пантеону, хотя первоначально он, кажется, не относился к числу богов (следы этого хорошо известны и позднее). Посланцами Ямы, вестниками смерти, в ведийской литературе считались сова, голубь или два пса.

216 236. См. комментарий к строфе 25. Начало стиха можно понимать и как "сделай из себя светильник", тем более что слово dīpaṃ ("остров") должно было вызвать ассоциацию с прозвищем Будды dīpaṃkaṇṇa — от dīpaṃ ("светильник").

217 239. То же сравнение содержится в 962 стихе Сутта-нипаты.

218 240. Преступил дхону — довольно сложное для истолкования место. Обычно его понимают в смысле указания на злоупотребления в использовании дхон, четырёх вещей, необходимых для бхикшу. Ср. Дх. А, III, 344. Однако в последнее время возникли некоторые сомнения в связи с соответствующим стихом Уданаваги, стр. 107, где вместо палийского atidhonaṇṇa?am стоит малопонятное aṇṇaṇṇa?am. См. H. W. Bailey, A problem of the Indo-Iranian vocabulary. — ROr, XXI, 1957, p. 63.

219 244. Навязчив (pakkhandin) — в свете комментария Буддхагхоши такой перевод кажется более целесообразным, чем передача указанного палийского слова английским slanderer в переводе Радхакришнана.

220 246 — 247. Здесь перечислены пять запретов, соблюдаемых буддистами.

221 248. Показателен контекст, в котором употребляется слово "дхамма". Ср. Дх. 307.

222 251. Спазма (gaha) — это слово толкуется Буддхагхошей в более широком смысле: всё, что хватает (злой дух, змея, крокодил).

223 254. Татхагата (tathagata) — "достигший [совершенства]" — эпитет архатов. Буддхагхоша даёт восемь объяснений этого слова, что, вероятно, свидетельствует об отсутствии прочной традиции. Эта строфа интерпретировалась и иначе, чем здесь (см. М. Мюллер, Радхакришнан и др.)

224 Следующие строфы содержат ответ Будды на вопрос пришедшего к нему старого брахмана о том, что такое истинная праведность, истинный бхикшу, истинный просветлённый, кто должен называться благородным и сведущим.

225 259. Буддхагхоша считает, что слово дхамма обозначает здесь "четыре благородные истины".

226 Ощущает её всем своим телом —некоторые комментаторы советуют "телом" (кауена) понимать как памакауена (синоним пама-гура — см. объяснение к строфе 221), т. е. "ощущает её своими духовным и физическим началами". О невозможности слово passati переводить здесь как "видит" см. Beobacht., 162.

227 Старшим (thera) назывался тот бхикшу, который нищенствует, по меньшей мере, десять лет.

228 260. Сходное место отмечается Радхакришнаном в «Законах Ману», II, 136 и в Махабхарате (Ванапарва, 133, 11 и Шальяпарва, 51, 47).

229 265. Отшельник (sama?a) — любопытный образец ложной этимологии, показывающий, что слово samana выводилось из глагола sam ("успокаивать"), а не из sam ("трудиться"). В последующих строфах (до 270) содержится ещё несколько этимологий фантастического характера.

230 268-269. Игра слов: muni ("мудрец"), mona ("молчание") и munati ("взвешивает").

231 270. Считается, что этот стих обращён к рыбаку по имени Ария (ср. ariya — "благородный").

232 271. Достижение самоуглубления (samadhi) рассматривалось не как конечная цель, а как необходимое условие на пути к уничтожению желаний.

233 273. О восьмеричном пути см. в комментариях к строфе 191.

234 Четыре слова — четыре благородных истины.

235 274. Вторая половина этой строфы допускает возможность иной интерпретации. Рагхаван напоминает известную ведийскую параллель относительно пути (стр. 61).

236 275. В Лалитавистаре Будда называется "великим удалителем терний".

237 279. Все дхаммы лишены души (sabbe dhamma anatta)— эта формула повторена в Винае, V, 86 и Самьюттаннике, III, 133; IV, 28, 401. Термин ан-атман (anatta) — лишённый души, лишённый своего я, "непостоянный" — один из сложнейших в буддизме; в известном отношении он противоположен атману (см. комментарии к «Attavagga»). Как указывал Нагарджуна, Будда иногда учил, что атман существует, а иногда, что он не существует; последний взгляд более последователен и ближе к истине, однако его Будда излагал лишь в тех случаях, когда хотел передать слушателям трансцендентальное учение; в остальных случаях, опасаясь ереси нигилизма, Будда предпочитал говорить об атмане, не придавая, однако, этим рассуждениям принципиального характера. См. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, М., 1956, стр. 330. Ср. также комментарии Радхакришнана к этой строфе Дхаммапады и С. Regamey, Le probleme du bouddhisme primitif et le travaux de S. Schayer. — ROr, XXI, p. 51.

238 283. Эта строфа содержит изощрённую игру слов, основанную на том, что слово vana обозначает и лес и желание. С другой стороны, лес можно рассматривать как символический образ тёмных и греховных желаний. Наконец, слово "нирвана" (nibbana), встречающееся здесь же, так включается в игру: нир-вана — "уничтожение желаний". Следовательно, эту строфу можно было бы переводить и так: "Искорените желание (лес желаний) ... Страх рождается из желания (из леса желаний) ... Искоренив желание (лес желаний)... вы станете свободными". Ср. также строфу 344.

239 285. Сугата — одно из названий Будды, а также вообще "просветлённых". Ср. татхагата (прим. к 254). См. строфу 419, а также Джатаки, т. I, стр. 183.

240 287. Здесь опять появляется традиционное сравнение смерти с наводнением.

241 294-295. Эти весьма необычные строфы долгое время смущали исследователей, тем более что происхождение этого отрывка остаётся неясным. М. Мюллер и Р. Чайлдс, несмотря на комментарии Буддхагхоши и на возражения д'Альвиса, готовы были предположить, что истинно благочестивый человек невинен, даже если он убьёт (случайно) отца или мать. В последнее время наиболее авторитетным считается мнение Буддхагхоши, согласно которому 294 и 295 строфы представляют собой развёрнутую аллегорию, в которой мать — желание, страсть, отец — гордыня, два царя — две ложные системы взглядов (sassatadi??hi — этернализм, вера в вечное существование души и мира, и usshedadi??hi — вера в уничтожение души), царство с подданными — чувственные удовольствия, "человек-тигр" — место, кишашее тиграми, препятствующими

достижению блаженства. Наиболее точно соответствие этой аллегории было указано С. Билом в китайской версии Ланкаватара-сутры (3-я книга). См. S. Beal., p. 5 ff.

242 302. Китайский переводчик Дхаммапады объясняет это место следующим образом. Некогда семеро бхикшу удалились в уединённое место, чтобы достичь высшей мудрости. После двенадцати лет бесплодных усилий, увидев, как трудно достичь мудрости, и вспомнив все прелести домашней жизни, они решили вернуться домой. На пути к дому они встретили Будду, который и обратился к ним со словами, содержащимися в этой строфе. Ср. также убедительный комментарий Буддхагхоши к этой строфе: "Странник на длинном пути сансары не встречает ничего, кроме печали..." Поэтому здесь, когда говорится: "несчастье преследует странника", — речь идёт не о бхикшу, а о людях, которые ещё не выбрались из потока сансары.

243 303. Кто исполнен веры — имеется в виду вера, основанная на знании, а не слепое доверие к основным догмам буддизма.

244 305. Пусть радуется в лесной чаще (*vanante*) — в оригинале здесь игра слов; эту фразу можно понимать и так: "пусть радуется уничтожению желаний". Ср. строфу 283 (комментарий).

245 Учение о преисподней (*niraya*) в буддизме занимает относительно второстепенное положение. Само понятие *niraya* в известной степени соответствует и понятию ад, и понятию чистилища. Правда, аналогия с христианским адом ограничивается, как правило, некоторым сходством во внешнем описании. По существу же различия весьма глубоки: *niraya* — место наказания, в котором искупается грех; наказание заключается в мучительном повторении новых рождений до тех пор, пока карма, вызвавшая это состояние, не окажется исчерпанной; следовательно, *niraya* преходяща. См. L. Scherman, *Materialien sur indischen Visionsliteratur*, Leipzig, 1892; W. Stede, *Die Gespenstergeschichten des Peta Vatthu*, Leipzig, 1914. Народная этимология этого слова дана в Петавадху, 53 и в Висуддхиматте, 427. В переводах слова *niraya* на европейские языки, как показывают существующие попытки передачи Дхаммапады, наблюдается значительное количество вариантов.

246 307 — 308. Ср. Винья-питака, I, 4, 1. Воспользоваться благотворительностью страны — речь идёт о милостыни, даваемой в порядке выполнения религиозного долга каждому бхикшу.

247 310. Эта строфа, по существу, содержит повторение "четырёх вещей", названных в предыдущем стихе.

248 313. Пыль (*gaṇa*) заставляет вспомнить о страсти (тоже *gaṇa*).

249 В буддийской литературе слон является символом терпения, сдержанности, самообладания (корни этой символики уходят в индуистскую древность). В Лалитавистаре сам Будда называется "слоном" (*paṇa*) или "великим слоном" (*maṇapaṇa*). Поздняя легенда утверждает, что Будда спустился на землю в виде слона. В Уданаваге этой главе соответствует Ашваварга («Глава о лошади»).

250 323. Не достичь недоступной страны — т.е. нирваны.

251 Когда у него из висков выделяется едкая жидкость — это случается в период течки. В древнеиндийской литературе часто использовался этот образ.

252 324. С этой строфой связана история о пленном слоне, рассказанная в Дх. А. См. также S. Beal, p. 144-145.

253 328 — 329. Ср. Сутта-нипата, 44 и 45.

254 332. Приятно материнство — по мнению комментатора, это место нужно понимать, как "приятно почтение, оказываемое матери".

255 Причина заблуждений — томительная жажда, танха (*taṇha*) — лихорадочное желание, порождающее привязанность к чувственным удовольствиям, к настоящей или будущей жизни; (*kāmaṭaṇha*, *bhavaṭaṇha* и *vibhavaṭaṇha*; последнее значит не только "процветание", "успех в будущей жизни", но и "несуществование", "прекращение жизни"); именно танха является причиной всех страданий. Поскольку каждое из пяти чувств и память могут вызвать её, она называется шестикратной. Три способа проявления делают её восемнадцатикратной. Когда вводят деление на внешнее и внутреннее, танха становится тридцатишестикратной, а будучи приложена к настоящему, прошедшему и будущему превращается в 108 различных родов желания, жажды, причиняющих страдание. Ср. также комментарии к строфе 154. Эпизод, в связи с которым Будда

высказал следующие в этой главе мысли, рассказан в китайской Дхаммападе. См. S. Beal, p. 147-148 (о человеке, решившем стать отшельником, но через три года попытавшемся вернуться к семье).

256 335. Бирана — ароматическая трава вида *Andropogum muricatum*.

257 336. Образ капли, спадающей с лotosового листа, один из излюбленных в индийской литературе. Ср. Дхаммика-сутта, 17; Кхаггависана-сутта, 17; также Дх. 401.

258 337. Усира — душистый корень бираны, ценимый в древней Индии.

259 339. Тридцать шесть потоков — тридцатишестикратная танха (желание). См. общее примечание к этой главе.

260 340. Лата — выходящее растение, символ желаний, проникших в человека через органы чувств и память и буйно разрастающихся в нём. См. Сутта-нипата, 1034.

261 344. Эта строфа имеет в виду рассказ из Дхаммападаттхакатхи о молодом человеке, вступившем в общину, но не сумевшем побороть соблазнов и вынужденном бежать домой. Первый стих этой строфы построен на уже встречавшейся игре слов: *vana* — "лес" и "желание". Обращает на себя внимание звуковая организация этого стиха: *yo nibbanatho vanadhimutto vanamutto vanam eva dhavati*.

262 345. Бабба — род грубой травы, употреблявшейся для изготовления домашней обуви. См. об этой строфе *Veobacht.*, 162.

263 347. Буддхагхоша пишет: "Как паук, соткав паутину, сидит в середине её и, убив внезапным наскоком бабочку или муху, попавшихся в паутину, пьёт их кровь, возвращается и снова сидит на том же месте, таким же образом существа, отдавшиеся страстям, развращённые ненавистью и обезумевшие от гнева, увлекаются потоком желаний, который они сами создали, но не могут пересечь его".

264 348. Считается, что эти слова были обращены Буддой к канатному плясуну Уггасене, принятому в общину.

265 353. Знаменитая строфа, представляющая, как считают, начиная с Буддхагхоши, ответ Будды странствующему аскету Упакке на вопрос последнего об учителе Будды. Ср. Сутта-нипата, 210.

266 354. Один из наиболее известных афоризмов в Дхаммападе.

267 В китайской редакции этой главе предшествует ещё одна, отсутствующая в палийском тексте: сама же глава о бхикшу имеет совсем другой вид по сравнению с палийской редакцией.

268 363. Объясняет значение (*attha*) — один из четырёх известных в буддизме видов знания.

269 367. У кого совсем нет отождествления себя с именем и формой — речь идёт о намарупе (см. комментарии к строфе 221); возможен и другой перевод: "у кого совсем нет привязанности к имени и форме". Ср. также имеющиеся переводы Дхаммапады, каждый из которых (за небольшим исключением) по-разному трактует эту строфу.

270 368. Достигает спокойного места (*padam santam*) — или "спокойной стези".

271 369. Этот образ несколько различно трактуется комментаторами. Скорее всего, корабль, наполненный водой, обозначает человека, обременённого желаниями. Такое же сравнение содержится в Кама-сутте, 6. Любопытно, что этот образ составляет лишь часть системы метафор такого рода (ср. *сансара* — море, *нирвана* — противоположный берег или остров, заблуждения, желания — поток и т. д.).

272 370. Отсеки пять — речь идёт об иллюзии, связанной с я (эгоизм), сомнении, приверженности к ложным обрядам и ритуалам, страсти и ненависти. Откажись от пяти — стремление к земной жизни (привязанность к форме), стремление к небесной жизни (привязанность к отсутствию формы), гордыня, суетность, невежество. Стань выше пяти — т. е. выше веры, заботливости, энергичности, сосредоточенности и мудрости. Смысл выражения заключается в том, что необходимо управлять этими качествами, стать их хозяином.

273 Преодолевший пять привязанностей — т.е. скупость, ненависть, гордыню, глупость и ложные взгляды (или:

материальные свойства или признаки, ощущения, отвлечённые понятия, наклонности или способности, мысль или разум).

274 371. Ср. строфу 308.

275 Нет размышления (jhana) — четыре джханы образуют ступени, восходя на которые человек освобождается от волнений и заблуждений.

276 372. См. S. Beal, A catena of buddhist scriptures from the Chinese, London, 1871, p. 247.

277 380. Ср. строфу 160.

278 О представлении, которое связывалось с брахманами в буддизме, см. замечания к строфе 142. Брахман для последователей Будды тот, кто познал свои заблуждения, добился их уничтожения и достиг просветлённости. Облик брахмана и правила отношения к нему описываются в этой главе. Разумеется, что здесь можно встретить многочисленные аналогии или даже текстуальные совпадения с отдельными местами из индуистской литературы (ср., например, главу 245 из Мокшадхармы). На этом основании многие учёные утверждают, что буддизм представляет собой реформированный брахманизм, что основа буддизма та же, что и в брахманизме — Брахман, безличное божественное начало, лежащее в основе всякой индивидуальности и гармонизирующее её (см. J. G. Jennings, The Vedantic buddhism of the Buddha, London, 1947, p. 573 — 574; к подобной точке зрения в той или иной степени близки многие учёные, особенно индийские, которые пишут о взаимоотношении буддизма и индуизма). Такие взгляды должны быть отвергнуты со всей категоричностью. Суть буддийского учения не только не сводится к заимствованиям из индуизма, но даже и не определяется ими в сколько-нибудь значительной степени, хотя таких заимствований в буддизме немало. Будда не только и не столько был одушевлён идеей теоретических исканий, сколько отчётливо выраженным духом практических преобразований, конкретного спасения людей, в том числе исповедующих индуизм и хорошо знакомых с его системой и способами выражения. Борясь с индуизмом, Будда использовал его материал, по-новому интерпретируя его или оставляя всё, связанное с объяснением, в стороне, если оно относилось к умозрительной сфере. Всё это, конечно, не опровергает положения о связи буддизма с индуизмом, но заставляет искать эту связь в несколько ином направлении.

279 383. Прекрати поток — собств. "отрежь (отсеки) поток", речь идёт о потоке существований.

280 384. В двух дхаммах — речь идёт о самоограничении и о духовном прозрении в результате созерцания.

281 385. Эта строфа остаётся не совсем ясной, тем более, что мнение комментатора (он полагает, что здесь имеются в виду чувства и чувственные объекты) не считается достаточно компетентным.

282 388. Тот, кто отбросил зло, зовется брахманом (bahitaparo ti brahma?o) — еще один любопытный образец индийской этимологии, отмеченный М. Мюллером; этот пример свидетельствует о произношении слова брахман, как bahma?a, ср. bahita. Ср. следующие этимологии: "отшельник" (sama?a) — "тот, кто живет в покое" (samacariya); "очистившийся" (pabbajita) — "отбросивший свою грязь" (pabbajayam attano malam).

283 393. Ср. сходные мысли в Васала-сутте, 21, 27 и в Сундарикабхарадваджа-сутте, 9.

284 394. См. Сутта-нипата (Чулавагга, 2; Амагандха-сутта).

285 Говорящий бхо (bhovadin) — так называли брахманов, поскольку в качестве приветствия Будде они употребляли междометие бхо, которое служило формой приветствия в отношении равных им по положению или даже низших. Таким образом, эта строфа содержит упрек в адрес брахманов и противопоставление им истинного брахмана — буддиста.

286 У кого есть привязанности... кто свободен от привязанностей — двоякое значение слова kiccana — "привязанность" и "богатство" — создаёт возможность для двух вариантов перевода.

287 396. Начиная с этой строфы и вплоть до 423-й текст Дхаммапады совпадает с Васиштха-Бхарадваджа-сутрой. См. также Сутта-нипата, 620.

288 398. Еще д'Альвис указал на двоякое понимание ряда слов в этой строфе: pandi — "ремень" и "вражда", "неприятель"; varatta — "плеть" и "привязанность", "танха"; sandana — "цепь" и "скепсис"; paligha —

"препятствия" и "невежество" и т. д.

289 401. См. комментарий к строфе 336.

290 419. Сугата — см. комментарий к строфе 285.

291 422. См. Рагхаван, стр. 62-63.

Палийский канон

Дигха Никая

"Собрание больших поучений"

Силаккхандхавагга

(Первый раздел, сутты I – XIII)

Перевод с пали: Александр Яковлевич Сыркин

1974 г.

Оглавление

Предисловие

I. Брахмаджала сутта

II. Саманняпхала сутта

III. Амбаттха сутта

IV. Сонаданда сутта

V. Кутаданта сутта

VI. Махали сутта

VII. Джалия сутта

VIII. Кассапа-сиханада сутта

IX. Поттхапада сутта

X. Субха сутта

XI. Кеваддха сутта

XII. Лохичча сутта

XIII. Тевиджджа сутта

Предисловие

Палийский канон, частью которого является предлагаемая здесь в русском переводе Дигха Никая, традиционно подразделяется на три группы текстов – отсюда его название Типитака (Типитака – букв. "Три корзины") [1].

Первая из них – Виная Питака (Виная – "поведение", "должное поведение" – далее – ВП) содержит наставления, призванные регулировать поведение членов буддийской общины (сангхи). Ее первый раздел – Сутта вибханга (Сутта вибханга – букв. "разъяснение сутт"), возможно, одна из наиболее старых частей канона, представляет собой комментарий к дисциплинарному кодексу Патимоккхе (Патимоккха) – здесь излагаются предписания, связанные с искуплением различных проступков, совершаемых членами общины. Следующий раздел Кхандхака (кхандхака – "Разделы") продолжает наставления Сутта вибханги (правила должного поведения, наставления в определенных церемониях и т.д.). Здесь две части: Махавагга (Махавагга – "большой"; далее – МВ) и Чуллавагга (Чуллавагга – "малый"; далее – ЧВ) – последняя содержит ряд ценных в историческом отношении сведений о I и II буддийских соборах – сведения эти, как полагают, входили в недошедшую до нас хронику. Кхандхаки весьма интересны и своими этиологическими экскурсиями – объяснениями отдельных предписаний, вставными рассказами о событиях, послуживших Будде предлогом для соответствующих поучений; подобные рассказы, по-видимому, относятся к наиболее древним легендам об основателе буддизма. Третий раздел Виная питаки – Паривара (Паривара – "сопровождение") – очевидно, более позднего цейлонского происхождения – не представляет самостоятельного интереса, являясь по сути дела пересказом отдельных частей Виная питаки.

Если первая питака посвящена в основном организационной стороне буддийской общины, то вторая – Сутта питака (Сутта Питака – "корзина сутт" далее) излагает в отличие от других питак в достаточно живой и значительно более художественной форме само учение Будды (дхамму), причем прежде всего в его этико-практическом аспекте. Основная форма изложения здесь – беседа, в ходе которой Будда (или реже – его последователь) опровергает ложные воззрения оппонента и противопоставляет им свое учение (подобная форма в значительной степени определяет жанр сутт, во всяком случае, в I-II разделах Сутта Питаки). Здесь пять разделов, никай (Никайа-"собрание"). На первом из них – Дигха никае (Дигха Никайа – "собрание больших

(поучений) – далее – Д) мы остановимся ниже.

Следующий – Маджжхима никая (Маджджхима Никайа – "собрание средних (поучений)" – далее – М) делится на три части и состоит из 152 сутт, в целом более коротких, чем сутты Дигха никаи, ряд параллелей с которыми они содержат. Это достаточно разнородные тексты – как по содержанию, охватывающему самые различные стороны буддийского учения, так и в литературно-художественном отношении. Среди наиболее интересных текстов здесь можно назвать сутту 82 (о царевиче Раттхапале), 93 (о юноше Ассалайе) т.д.

Третий раздел – Самьютта никайа (Самйутта никая – "собрание связанных (поучений)" – далее – С), очевидно, сравнительно позднего происхождения. Здесь пять частей (вагга), содержащих 2889 сутт, значительно более коротких, чем в предыдущих никаях – они разделены по 56 подразделениям (самйутта), в основу которых положена тематика поучения, характер действующих лиц и т.д. Так первое -Деватасамьютта содержит высказывания различных божеств (девата), 34-е Джханасамьютта (иначе – Самадхисамьютта) содержит наставления о ступенях созерцания и сосредоточенности (джхана; самадхи и т.д.). Сюда входит, в частности, одна из самых знаменитых буддийских сутт – Дхаммачаккапаваттана ("о приведении в движение колеса дхаммы"), содержащая известную Бенаресскую проповедь Будды.

Далее следует Ангуттара никая (Ангуттара никайа – "собрание поучений (каждое из которых) больше (предыдущего) на один член" – далее А) – также очевидно более позднего происхождения. Здесь 11 частей: Эка нипата (Ека нипата – "раздел одного"), Дука нипата (Дука нипата – "раздел двух") и т.д. до "раздела одиннадцати". Точно определить число сутт А затруднительно, во всяком случае оно не меньше 2308 (согласно одному из подсчетов – 2363). В каждой из частей последовательно перечисляются в соответствующем количестве какие-либо предметы, их качества, а также более отвлеченные понятия, существенные для буддийской догматики. Так, например, в первой части упомянуто "одно", затмевающее разум мужчин (т.е. женщина; характерный для А мотив), во второй – два основания для жизни в лесу, в третьей – три вида монахов и т.д. В целом сведения А весьма интересны в источниковедческом отношении, а принятый здесь принцип описания (находящий себе соответствия, правда не столь развернутые, и в других частях канона – например Д XXXIII, XXXIV) дает незаменимый материал для изучения древнеиндийской числовой символики, как в ее специфике, так и в типологических параллелях с другими культурами.

Несколько иной характер носит последний пятый раздел Сутта Питаки – Кхуддака никая (Кхуддака никайа – "собрание кратких (поучений)" – далее К). Достаточно близкая по содержанию к первым четырем никаям она вместе с тем значительно отличается от них по характеру изложения. Это своеобразная антология прозаических и стихотворных текстов, весьма разнородных в жанровом отношении. Сюда входит:

1. Кхуддака патха (Кхуддака патха – "краткие уроки") – своего рода молитвенник, включающий девять небольших текстов.
2. Дхаммапада (Дхаммапада – "высказывания о дхамме") из 423 строф – один из наиболее значительных канонических текстов, подлинный шедевр древнеиндийской афористики.
3. Удана (Удана – "восторженное излияние", взволнованное высказывание и т.п.) – собрание кратких высказываний Будды, распределенных по восьми разделам.
4. Итивуттака (Итивуттака – букв. "так было сказано") – также высказывания Будды в прозе и стихах.
5. Сутта нипата (Сутта нипата – "подразделение сутт") – собрание стихотворных сутт в пяти отделах; одна из самых старых частей канона.
6. Виманаваттху (Виманаваттху – "истории о небесных чертогах") – 83 рассказа (в 7 частях), описывающие пребывание на небе существ, вознагражденных за праведность в земном существовании.
7. Петаваттху (Петаваттху – "истории о духах"; скр. прета) – 51 рассказ (в 4 частях) о посмертных странствиях существ, осужденных за грехи.
8. Тхерагатха (Тхерагатха – "песнопения монахов") – 107 стихотворений в 1279 строфах (гатха), приписываемых определенным членам буддийской общины.
9. Тхеригатха (Тхеригатха – "песнопения монахинь") – аналогичный сборник из 73 стихотворений в 522 строфах.
10. Джатаки (Джатака – "история о рождениях") – около 550 рассказов, посвященных предыдущим существованиям Будды – они выходят по своему литературному значению за рамки буддийского канона и чрезвычайно важны для изучения древнеиндийского фольклора.

Наконец, в Кхуддака никаю входят еще несколько менее значительных текстов (Нидеса, Ападана, Буддхавамса и др.).

В отличие от Сутта питаки, Абхидхамма питака (Абхидхамма питака – далее АП), трактует учение Будды не в этико-практическом, а в более отвлеченном плане – тексты ее незаменимы для изучения буддийской философии и психологии. В целом она сравнительно позднего происхождения чем ВП и СП, вместе с тем отдельно ее элементы содержатся в суттах Д и А. Здесь семь трактатов: Дхаммасангани (Дхаммасангани – "перечисление дхаммы") – наиболее авторитетный и важный для буддийской психологии текст; Вибханга (Вибханга – "разделение", "классификация"), близкий по содержанию к предыдущему; Катхаваттху (Катхаваттху букв. – "предмет беседы") – приписываемый известному буддийскому авторитету Тиссе Моггалипутте (III в. до н.э.) и посвященный полемике с воззрениями его противников (III будд. собор в Паталипутре); Пуггалапаньянти

(Пуггалапаннати "описание индивидуальностей"); содержащий интересные психологические характеристики и находящие себя параллели, в частности, по принципу изложения, также в I и ; Дхатукатха (Дхатукатха – "объяснение элементов") – вопросы и ответы о различных психических феноменах; Ямака (Йамака – букв. "пары") – трактат по прикладной логике, названный так в связи с методикой рассуждений (использование тезиса и антитезиса); Паттханаппакарана (Паттханаппакарана – "книга об исходной точке"; также – Махаппакарана) – трактат о причинности.

Наряду с указанным делением существуют и другие традиционные классификации канона. Так, заслуживает внимание южная традиция, делящая канон по жанровому признаку на 9 частей (анга):

1. Сутта – собрание связанных повествований или стихов на определенный сюжет;
2. Гейя – смешение прозы со стихами;
3. Вейякарана ("объяснение") – сюда входят тексты АП., а также сутты, лишенные стихотворных строф (гатха);
4. Гатха – стихотворные строфы;
5. Удана – "восторженные излияния"; как прозаические, так и в стихах; также сутты, включающие подобные стихи;
6. Итивуттака – собрание из 101 сутты, начинающейся соответствующими словами ("так было сказано (Буддой)", см. выше);
7. Джатака – около 550 рассказов, посвященных предыдущим существованиям Будды;
8. Абххутадхамма ("сверхъестественное событие") – изложение невероятных, сказочных происшествий;
9. Ведалла (этимология неясна – ср. ПР, 648) – сутты, представляющие собой вопросы, заданные в связи с чувством удовлетворенности [2].

Согласно буддийской традиции (ср. ЧВ, XI. 56; 1,2 сл.), ВП и СП были составлены и изложены отдельными учениками на 1 буддийском соборе в Раджагрихе, состоявшемся сразу же после смерти Будды, т.е. можно полагать около 480 г. до н.э. последняя дата устанавливается отнюдь не однозначно (так, согласно цейлонской традиции, смерть Будды датируется 544 г. до н.э.), однако за единичными исключениями, почти все современные исследователи (в том числе такие, как Л.Гейгер, М. Винтерниц, Б. Лоу, Х. Глазенапп, А. Фуше, Э.Конзе, Р. Сит и др.) с незначительными вариациями датируют жизнь Будды периодом ок. 560 – ок. 480 гг. до н.э. [3].

Независимо от степени достоверности свидетельства Чуллавагги, подвергаемого сомнению рядом исследователей [4] представляется очевидным, что учение Будды начало передаваться уже непосредственно знавшими его учениками (Анандой, Кассапой и др.) и постепенно приобретало известное нам оформление в течение первых веков после Будды. Важными вехами в этом процессе явились II буддийский собор, состоявшийся в Вайшали через 100 (по другой версии – через 110) лет после смерти Будды, и III собор, состоявшийся в Паталипутре при царе Ашоке около середины III в. до н.э. По-видимому, к последнему периоду уже оформилась значительная часть канона, во всяком случае – ВП и СП; процесс этот продолжался и позже, он сопровождался борьбой различных направлений среди последователей Будды, разногласия между которыми, согласно преданию, начались уже на I соборе (полемика с монахами Пураной, Гавамгати и др.) и в скором времени привели к образованию различных сект. На 2 соборе в Вайшали в рамках Сангхи окончательно определились два направления – по-видимому, более ортодоксально настроенные тхеравадины (Тхеравадин; Стхавиравадин) и Махасангхики (Махасангхика; также ачарйявадин); каждое из них в скором времени, в свою очередь, разделилось на ряд школ. Не останавливаясь здесь на изучении отдельных буддийских сект и полемики между ними [5], отметим лишь, что отдельные черты догматики этих сект, в частности, элементы обожествления Будды, культ бодхисаттв и т.д., позволяют в известной степени проследить истоки оформившегося уже позже течения Махаяны, вместе с тем догматика тхеравадинов связана прежде всего с формированием Хинаяны. Следует иметь в виду, что отдельные течения создавали свои варианты канона – так, традиция тхеравадинов представлена именно той палийской версией канона, о которой идет речь; махасангхики выработали свою собственную версию, исключив из канона ряд текстов, признанных тхеравадинами и т.д. Что касается записи палийского канона в известном нам виде, то это произошло уже в 80 году н.э. на Цейлоне в правление царя Ваттагамани.

Неоднократно делались попытки уточнить сравнительную хронологию отдельных частей канона – как для всей его совокупности, так и в рамках отдельных составляющих его циклов, и отдельных текстов. Т. Рис.Девидс предлагает выделить по степени древности 10 групп текстов:

1. Наиболее простые, повторяющиеся формулы и положения.
2. Эпизоды, повторяющиеся слово в слово.
3. Отдельные тексты, как самостоятельные, так и включенные в произведения большего размера, например, наставления о нравственности (шила) "восьмерицы" (аттхасавагга – см. Сутта нипата, IV и др.).
4. Д, М, А, С и т.д.

Эти наиболее старые части канона были по-видимому составлены в течение 1-го столетия после смерти Будды: далее следуют другие части канона (главным образом СП) последними в данном ряду упомянуты книги АП [6].

Б.Лоу также предлагает 10 групп и выделяет для них пять периодов (483-383, 383-265, 265-230, 230-90 и 80-20 г.г. до н.э.). 1-3 группы у него совпадают с классификацией Т. Рис Дэвидса, затем, в частности следует Д (раздел

1), М, А, С (4), Д, II, III; Тхерагатха, Тхеригатха и др. (5) и т.д. Вместе с тем, по его мнению к 3 в. до н.э., по-видимому, уже функционировали первые четыре никаи. Ряд наблюдений над хронологической стратификацией канона, прежде всего СП, сделал Г. Панде [7] – анализ особенностей языка и содержания отдельных текстов позволил ему, в частности, выделить ранние и поздние фрагменты текста в рамках Д, М, С, А. Г. Панде полагает, что оформление никаи происходило между 5 и 3 в.в. до н.э. и что они практически были составлены в известном нам объеме уже к концу второго столетия после смерти Будды. Среди наиболее существенных достижений в этой области – выводы Э. Фрауваальнера, подвергнутому тщательному анализу тексты ВП во всех дошедших до нас традициях отдельных школ. Анализ этот позволяет отнести кодификацию наиболее древней части канона (старый текст Скандхака В ВП) к 1 половине 4 в. до н.э. – незадолго до или вскоре после собора в Вайшали. То же, по-видимому, относится и к 6 главе Махапариниббана сутты, сообщающей важные сведения о смерти Будды, что позволяет предположить сравнительно поздний (с промежутком не менее ста лет) характер соответствующих преданий [8]. Эти выводы могут служить отправной точкой для точной датировки ряда других текстов, в частности – Д.

В этой связи следует сказать, что работы Ф. Веллера, Э. Вальдшмидта, Э. Фрауваальднера показали, сколь важно для решения проблемы хронологии палийского канона, аутентичности и взаимозависимости отдельных его частей, привлекать другие, параллельные версии соответствующих текстов. Как известно, кроме палийской типитакки буддийская каноническая литература представлена и текстами на других языках [9]. Таковые санскритские версии отдельных произведений канона [10], в частности ряд текстов К – Удана, Виманавасту, Буддхивамса и др., в том числе Дхаммапада (Уданавагга), представленная, пожалуй, наибольшим числом версий (не только на санскрите, но и пракритской, а также четырьмя китайскими и др. версиями [11]). Ряд текстов был обнаружен в результате Турсанских раскопок в Туркестане, в том числе, помимо Дхаммапады, санскритские версии Махапариниббана сутты, также известной в ряде редакций [12], и варианты некоторых других сутт входящих в Д – Маханиданы, Саккапаньхи, Сангити, Дассуттары и др. [13].

Тексты Типитакки известны в китайских, тибетских, монгольских переводах. Китайские переводы [14], сделанные к II-III вв. н.э. включают четыре агамы, т.е. никаи (Д, М, С, А) причем ряд текстов существует в нескольких (до четырех) переводах. Китайские переводы, как и тибетские (Ганджур) интересны в текстологическом отношении и, видимо, независимы от палийской традиции версии отдельных сутт; оригиналом их мог служить неизвестный нам вариант канона (на одном из пракритов, к которому восходят и палийские тексты [15]). Следует иметь в виду, что указанные версии зачастую представляют собой не только разноязычные варианты отдельных произведений, но и одновременно – традиции разных школ. Так, если тексты СП, за немногими исключениями, известны нам в редакции тхеравадинов, то тексты ВП представлены в общей сложности традициями шести школ: палийские – тхеравадинов, китайские – сарвастивадинов (Сарвастивадин), дхармагуптаков (Дхармагуптака), Махишасаков (Махишасака), махасангхиков и, наконец, китайские, тибетские и отчасти санскритские – Муласарвастивадинов (Муласарвастивадин) [16].

Все эти версии имеют первостепенное значение не только сами по себе (в частности, для изучения северного буддизма) [17], но и для анализа палийского канона. Исследование их сыграло важную роль в оценке (и переоценке) источниковедческой значимости палийских текстов. Взгляды на палийский канон как наиболее древнее и аутентичное отражение первоначального буддизма (Т.В.Рис Дэвидс, Г. Ольденберг), были серьезно поколеблены, этому уже с конца прошлого века способствовали труды И. П. Минаева [18], а затем упомянутые выше исследования Ф. Веллера, Э. Вальдшмидта, и др. Можно полагать, например, что отдельные китайские версии не только не уступают, но подчас и превосходят палийские, отразив, по-видимому, более предпочтительные чтения оригинала (отличного от палийского), к которому они восходят [19]. Совершенно очевидно, что в дошедшем до нас виде палийская типитака носит следы значительной работы, проделанной ее кодификаторами в первые века после смерти Будды, и было бы опрометчиво видеть в ней аутентичную передачу воззрений самого основателя буддизма. Если говорить о попытках выделить в канонических текстах элементы "праканона", то подобная задача невозможна без привлечения свидетельств других традиций (в том числе, по-видимому, и представленных сравнительно поздними памятниками, например, махаянистскими), без анализа санскритских, китайских и других текстов [20].

При всем том палийская типитака сохраняет свое значение как бесспорно наиболее полное, последовательное и по-своему законченное изложение буддийских воззрений в начальный период их существования, а в отдельных своих фрагментах можно полагать, и как непосредственное свидетельство об основателе буддизма и его собственном учении. Более поздние добавления, несомненно выходящие за пределы первого века после смерти Будды, отнюдь не умаляют исторической ценности палийских текстов. Не в меньшей мере чем санскритские или китайские версии [21] они важны для изучения проблем, связанных с зарождением и ранним этапом развития буддизма, для реконструкции "праканона". В Этом отношении совершенно справедливыми представляются суждения Ж. Фильоза – попытки подобной реконструкции, основанной на выделении общих элементов в традициях различных школ носят, по его мнению, неизбежно гипотетический характер. Вместо того, чтобы искать общий субстрат, прибегая к достаточно произвольному методу соответствий, "лучше взять за образец описание учения, надежно засвидетельствованное в лучшей всего известной нам школе тхеравадинов палийской традиции" и по мере возможности сопоставлять это описание со свидетельствами других школ [22]. Если же

говорить о более широком круге вопросов, связанных с историей древнеиндийской этико-философской и научной мысли, с социальной жизнью древней Индии, с ее художественной литературой, то тексты палийской типитаки, по своей полноте и завершенности, без сомнения в целом стоят на первом месте среди всех известных нам версий канонических буддийских текстов [23].

В рамках палийского канона Д открывает собой СП – раздел, как уже говорилось, с наибольшей полнотой излагающий учение буддизма в его этико-практическом аспекте и наиболее интересный в художественном отношении. При этом жанр сутт представлен здесь образцами наиболее крупными по объему и сложными в плане сюжетно-композиционного развития. Ряд исследователей склонен считать Д одной из ранних частей канона [24] – тезис этот, в частности, достаточно обоснованно проводит Р.О. Франке, хотя и отдельные его утверждения представляются гипотетичными (например, суждение об авторе Д). Р.О. Франке обращает внимание на некоторые черты композиции и содержания Д, делающие его единым, завершенным текстом. Как полагает О. Штраус, среди частей СП Д производит впечатление текста наилучшим образом сохранившего первоначальное учение буддизма (хотя, разумеется, нельзя утверждать, что это точная передача воззрений самого Будды) – последнее, по его мнению, представлено здесь в менее искаженном виде по сравнению с другими доступными нам источниками [25].

Приведенные суждения представляются достаточно оправданными – во всяком случае это относится к ряду очевидно более старых сутт (главным образом из I раздела Д) [26]. Можно полагать, что большинство сутт получили свое оформление в период V-III вв. до н.э. и независимо от корректив, которые могут внести сюда отдельные (как уже говорилось, дошедшие до нас с меньшей полнотой) свидетельства других традиций, содержат в своей совокупности ценнейшие данные о первоначальной истории буддизма, об окружающей его идейной, социальной, политической обстановке Индии VI-V вв. до н.э. – период, к которому относится ряд реминисценций Д (см. ниже). Свидетельства эти локализуют действие районом Северо-Западной Индии (северная и средняя части долины Ганга), где к этому времени сложился ряд государственно-племенных объединений – Магадха со столицей в Раджагахе (Раджагриха) (ее цари Бимбисара и Аджатакатта традиционно упоминаются как последователи Будды), Косала со столицей в Саваттхи (Шравасти) (ср. свидетельства о ее царе Пасенади), области сакьев, личчавов и др. Именно с этими местами и лицами была связана и деятельность Будды, зарождение и развитие его общины [27]. В этом отношении Д занимает почетное место среди никак, дающих в рамках палийского канона наиболее важные сведения о социальных и политических взаимоотношениях, жизни различных сословий (кшатриев, брахманов, купцов), деталях быта и т. д.

Изучение Д в ряде отношений облегчается тем обстоятельством, что мы располагаем детальным комментарием к ней, примерно равным по объему самому комментируемому тексту. Это Сумангала-Виласини Буддхагхосы [28] (Буддхагхоса) – одного из крупнейших буддийских авторитетов первых веков н.э. Буддхагхоса родился и жил на Цейлоне в конце IV – первой половине V в. н.э. (место его рождения – Морандакхетака). Он известен прежде всего своим компендиумом Висуддхимагга (Висуддхимагга – "Путь очищения"). Кроме "Сумангала-Виласини", ему приписывают также ряд комментариев к другим частям канона (к ВП, М, С, А и др.) Его комментарии к Д, разъясняя ряд конкретных выражений и свидетельств, содержат немало сведений, важных для истории первоначального буддизма – о жизни Будды (в комментарии к I) * о происхождении сакьев (к III) и т.д. [29]. Особый интерес представляет введение (1-25), излагающее события, последовавшие за смертью Будды (ср. ЧВ, XI; Д, XVI, VI и т.д.).

Язык Д – пали (пали) [30] принадлежит к одному из среднеиндийских диалектов, по-видимому, распространенному в середине I тысячелетия до н.э. в Индии, а позже – к II-I вв. до н.э. – и на Цейлоне. Исследователи полагают, что ошибочно отождествлять его с языком магадхи – ряд магадхизмов в палийских текстах объясняется тем, что последние (как и санскритские версии канона) восходят к ярчайшему оригиналу, близкому по языку к магадхи или к литературной форме последнего (ардхамагадхи) [31]. В рамках типитаки язык Д является хорошим образцом палийской прозы, он сравнительно более однороден, упорядочен и содержит меньше архаизмов по сравнению с языком других разделов канона, в частности, Гатх. Его отличает значительное богатство словаря (например, он превосходит в этом отношении упанишады); подобно языку других прозаических текстов типитаки, его можно считать "эталоном классического пали" [32].

Дигха никая состоит из трех разделов (вагга), каждый из которых объединяет различное число сутт (13,10) по определенным принципам, как мы увидим, достаточно разнородным [33]. I раздел – Силаккхандхавагга (букв. "об относящемся к нравственности"). Сюда входят I-XIII сутты [34], объединенные по принципу общего содержания – каждая из них включает определенные этические заповеди, связанные с нравственным поведением (сила) с постижением истины (панна), со ступенями совершенства (джхана), ведущими к высшей сосредоточенности (самадхи); соответствующие поучения повторяются с незначительными сокращениями и модификациями (характер рефренов, изменения в обращении, в связи с личностью собеседника, замена соответствующих обозначений, например, сила-чарана и т. д. – см. соответствующий комментарий) во II-XIII суттах, начиная словами "Вот в мир приходит Татхагата" (Идха... Татхагато локе упадджжати II.40) и кончая: "Он постигает..." "нет ничего вслед за этим состоянием". ("... напхам иттахаттапати паджанати – II.98) [35]. Таким образом повтор этот, разбитый в разных суттах на разное число параграфов (Мы следуем изданию .1) охватывает II.40-98-III. 2-2 = IV 23 = V 27 = VI 16-19 = VII 2-5 = VIII 19-20 = IX 7-13 = X.I.7-2.36 = XI 9-66 = XII 19-77 =

ХIII 40-75. Что касается других частей этих сутт, то некоторые из них содержат также и самостоятельное повествование, включающее определенные наставления (ср. III, V, XIII), некоторые являются по сути дела лишь обрамлением указанного повтора (ср. ниже). Для большинства сутт I раздела характерна и определенная концовка – восклицание ученика (Абхиккантам бханте) содержащее традиционную формулу с просьбой о принятии его в члены общины; обычно она помещена в самом конце сутты и сравнительно реже – незадолго до конца. В то время, как в I разделе она встречается в 8 суттах из 13 (II-IV, VIII-X, XII, XIII) – все остальные сутты приводят ее лишь 3 раза (из 21) – XVI, 5.28; XXIII, 29 и XXXI, 35.

Следующий раздел – Махавагата ("Большой раздел") – XIV-XXIII, хоть и содержит меньше сутт (10), чем 1 и 3 разделы, действительно превосходит их по объему – за счет самой большой сутты сборника Махапариниббанны (XVI). Остальные сутты этой части значительно уступают ей в объеме, в то же время они в среднем примерно равны суттам других разделов Д. Названия большинства из них (7 из 10) начинаются с определения Маха (XIV-XVII, XIX, XX, XXII), отсутствующего в названии сутт I и III разделов Д. Определение это, отразившееся в названии соответствующего раздела, возможно, связано с тем обстоятельством, что эти сутты были первоначально известны в более коротком варианте, здесь же предстают в более полном [36]. Так или иначе принцип объединения сутт 2-го раздела чисто формальный. Вместе с тем здесь выступает ряд особенностей, обличающих сутты XIV-XXIII от I-XIII. Это, прежде всего, развитие повествовательной техники, внимание к мифологическим сюжетам, эволюция отдельных идей (см. ниже). Следует сказать, что здесь значительно больше стихотворных вставок (гатх), чем в I разделе (34 к 3).

Третий раздел – Патикавагга (раздел Патики – XXIV – XXXIV) также назван достаточно произвольно по имени неудачливого оппонента Будды из первой сутты этого раздела (Патика сутта) [37], не упоминаемого больше нигде в Д. Как будет сказано ниже, здесь также сравнительно развит повествовательный элемент и еще больше Гатх (146); некоторые особенности III раздела, возможно, связаны с манерой обращения к более широкой аудитории [38]. В рамках III раздела встречаются и достаточно разнородные принципы построения – так в XXXIII и XXXIV изложение основано на введении постепенно возрастающих числовых комплексов (ср. видимо сравнительно позже оформившуюся А). Ниже мы еще остановимся на отдельных стилистически – композиционных особенностях каждого из разделов Д.

Сутты Д вводятся традиционным зачином "Эвам ме сутам" (букв. "так мной услышано"). Традиция относит "ме" к Ананде (Ананда) любимому ученику Будды – но, независимо от достоверности этого утверждения, очевидно, что, во всяком случае в отношении некоторых сутт, это не так – в X повествующий ссылается на поучения не Будды, а самого Ананды, в XXIII на поучения Кассапы, другого ученика Будды, на которого Ананда вряд ли стал бы ссылаться как на своего наставника. Скорее всего под "ме" могли подразумеваться разные лица, придерживающиеся подчас соответствующей традиции, в ходе которой наставление передавалось изучению от учителя к ученику и о существовании которой, по-видимому, свидетельствует данный зачин [39].

В свое время Р.О.Франке высказал мнение, что отличающее Д внутреннее единство и завершенность (в построении текста и в тематике) свидетельствует о принадлежности ее одному автору, об определенной литературной обработке, проведенной одним лицом [40]. Эта теория встретила возражения [41], представляющиеся нам достаточно обоснованными. Выше говорилось уже о весьма разнородном (как стилистически, так и композиционно) характере изложения в 1-2-3 разделах, в частности – о совершенно разных принципах, положенных в основу членения по этим разделам, что отражалось уже в их названиях. На неоднородный характер различных частей Д и даже частей отдельных ее сутт обращали внимание разные исследователи (П.Бапат, Г.Панде и др.). Вместе с тем это не снимает вопроса об определенных чертах единства Д и в этом отношении ряд наблюдений Р.О.Франке представляет несомненный интерес. Таковы, в частности, указанные им тематические параллели между соседними суттами сборника – уже отмечавшаяся общая тематика с прямыми текстуальными повторами в 2-12, характеристика занятий и ремесел в 1-2, упоминания о Бимбисаре в 4 и 5, связь событий, упоминаемых в 16-17 (о смерти Будды) и другие более или менее точные совпадения [42]. Он же отметил ряд последовательных "скреплений" ( ) между соседними суттами, связанных с определенными формулами (1-2, 2-3, 3-4 и т.д.) [43]. Эти наблюдения вполне справедливы, хотя и следует иметь в виду, что значительная часть подобных параллелей могла быть вызвана не столько преднамеренным объединением сутт одного сборника сходными формулами, сколько некоторыми более общими чертами палийских канонических текстов, в данном случае – тенденцией к употреблению стереотипных выражений и формул к разного рода повторам (см. ниже). Тенденция эта позволяет установить многочисленные текстовые совпадения не только в рамках Д, но и, например, между отдельными никаями СП.

Среди отдельных принципов построения текста Д, объединяющих этот сборник с рядом других палийских (а подчас и санскритских) текстов, значительный интерес представляет прием описания, построенный на исчерпывающем или выборочном перечислении логических возможностей. Прием этот по своему значению выходит за рамки буддологии и ставит нас перед более общей проблемой истории научного языка. Подобное описание содержит уже I сутта, где последовательно перечисляются следующие варианты возможных вопросов: "Другой мир существует?" – "Другой мир не существует?" – "Другой мир и существует и не существует?" – "Другой мир ни существует, ни не существует?" и далее сходным образом: – "Самопроизвольно родившиеся существуют?" – "Самопроизвольно родившиеся не существуют?" и т.д. (1.2.27) – подобный перебор всех

вариантов может быть представлен в виде формулы: а, не-а, а-и-не-а, ни-а-ни-не-а. Сходные построения дают VI, 6 сл.; VIII. 4; IX.27, 31 сл. и др. [44]. Еще один пример содержит XII, 16 сл. где перечисляются различные виды учителей в зависимости от обладания или необладания двумя признаками (достижение цели отшельничества и внимание со стороны учеников), сочетающимися здесь во всех вариантах (т.е. последовательно: - - ; - + ; + - ; + +). Подобные описания, по необходимости оперирующие четырьмя вариантами, находят себе соответствие в той роли, которую играет в канонических текстах тетрада (а также числа, кратные четырем). Последнее проявляется и непосредственно в числовой символике, и в некоторых принципах композиции. Так, ряд положений, излагаемых в I, связан именно с четырьмя "основаниями", (ср. I, I.30, сл.; 2.1, сл.; 16 сл., 23 сл. и др.).

Соответственным образом классифицируемые по этим "основаниям" 62 учения, упоминаемые Буддой, разлагаются здесь следующим образом: 18 (4+4+4+2) + 16 (4+4+4+4) + 8 (4+4) + 8 (4+4) + 7+5.

Среди других примеров использования чисел, кратных четырем, можно назвать II.91 (8 пар типа а, не-а – "наделенная страстью мысль", – "свободная от страсти мысль" и т.п.); IV. 4 сл. 3; 16 (4+8+4); VI. 6-7 (четыре стороны света) – ср. XIII 76-77; XI.76 сл. (четыре "великих элемента" – земля, вода, огонь, воздух) и др. Принцип тетрады играет первостепенную роль (пожалуй, преимущественно перед другими числовыми комплексами) в традиционной буддийской догматике – ср. четыре "праведных истины" (арийя сачча) – II-97; IX 29, 33; XIII.38 и др; четыре ступени совершенства (джхана), IX 10 сл. и др; восьмичленный путь (аттхангико магго) – VI 14; VIII 13; 32 признака Будды) (ср. XXX) и т.д.

Сравнительно меньшую роль играет здесь триада. Среди наиболее характерных примеров неоднократное упоминание "трех прибежищ" (трисарана) – Будды, дхармы и сангхи – в соответствующих формулах (просьба собеседников Будды принять их в большую общину ср. II.99; III.2.22; V. 25 и др. [45] Среди триад упомянуты три вида "я" (атта) – IX.39 сл.; три свода праведных предписаний – X.1.6; три вида чудес – XI.3; три вида учителей – XII.16 и др. Встречаются троекратные повторы определенных обращений – ср. XI 1-3, троекратные вопросы – III.1. 20; XI.81-83; XIII. II и др. [46]. Другие числовые комплексы, например пятерицы (ср. XIII.30) не играют столь важной роли в догматике и тем более – композиции текста – многочисленные их примеры дают, как уже говорилось, построенные на соответствующем принципе XXXIII и XXXIV [47]. Наконец, может представить интерес анализ отдельных перечней, обнаруживающих при всей своей пестроте определенные закономерности – ср. напр. II 20 (14 x 100000 - 16 x 100 - 600 - 500 - 5 - 3 - 1 - 1/2 - 62 - 62 - 6 - 8 - 49 x 100 - 49 x 100 - 40 x 100 - 20 x 100 - 30 x 100 - 36 - 7 - 7 - 7 - 7 - 7 - 7 - 7 - 7 - 700 - 7 - 700 - 7 - 700 - 84 x 100000).

Некоторые из указанных примеров находят себе достаточно типологические соответствия в других культурах [48]. Вместе с тем, употребление их (в частности, в рамках более обширных перечней) может представлять собой и дань определенному автоматизму счета – таков, очевидно, в рамках Д принцип построения XXXV и XXXIV, где дается последовательная градация (от 1 до 10), носящая в XXXIV сравнительно более упорядоченный характер (по 10 примеров, ср. также XXXI) [49]. Отдельные примеры счетного автоматизма содержат I.1.31 сл. (1-2-3-4-5-10-20-30-40-50-100-1000-100000), XIII, 76 сл. (1-2-3-4).

Роль, которую играют отдельные числовые компоненты в организации текста Д, приводит нас к другой весьма характерной его особенности – повторам. Особенность эта отличает и многие другие памятники древнеиндийской культуры, в частности, некоторые образцы канонических текстов за пределами буддийской традиции, например, Упанишады. Ср. повторения с незначительными вариациями: Брихадараньяка, II.4 = V.5, Брихадараньяка II.1 = Каушитаки IV и т.д., не говоря о многочисленных повторах отдельных формул и выражений, анафорах, эпифорах и т.д. – ср. напр. Чхандогья [50]. Подобный прием вообще представляется характерным для культовых текстов и находит себе многочисленные аналогии в других культурах (ср. хотя бы параллельные места в синоптических евангелиях в рамках новозаветного канона). Следует сказать однако, что в текстах паллийского канона и, в частности, именно в суттах Д, прием этот достигает, пожалуй наиболее яркого выражения, придавая значительной части памятника характер клише [51]. Подобная тенденция отличает самые различные по объему фрагменты текста – от отдельных лексических и фразеологических единиц до сравнительно больших частей, охвативших десятки параграфов.

Наряду о формулами, объединяющими разные сутты (ср. упоминавшийся зачин "эвам ме сутам"), еще более многочисленны повторы внутри отдельных сутт. Таковы анафоры типа: "йатха ва панекке бхонто самана-брахмана ..." I.1.2-27; "идха бхиккхавве екаччо самано ва брахмана ва . . ." I.1., 31-34 и т.п. Многократны рефрены типа: "ити ва хи бхиккхаве путхудджано татхагатасса ваннам вадейяа ..." (I.1.8-27): "идам писса хоти силасмим ..." (II,13-63) и параллели в других суттах 1 раздела Д. Не раз повторяется стереотипная характеристика Будды, "там кхо пана Бхагавантам Готамам эвам калйано китти-садо абххуггато ...", т.е. – "и вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава ..." (II.8; III.1.2; IV.6; XIII.7 и др.). Ряд повторов носит чисто повествовательный характер, создавая своеобразную ретардацию в описании хода действия, в передаче речей, реплик, поучений действующих лиц, пересказываемых в целом или в отдельных частях снова и снова без всяких изменений и сокращений, подчас – лишь с незначительными -модификациями, ср. I.1.1-4. II.83-84, 85-86, 87-88, 89-90, 91-92, и т.д.; III.1.12-13; IV 5-6 (ср. I 6-7); V 16 сл; X.1.2-4; XI 67-81; XII 2, 4-6, 8; XIII 4-5, 8 сл., 31-32, 80 и др. При такого рода повторах, как уже говорилось, возможны определенные вариации, подчас связанные с известными стилистическими приемами – таково постепенное нарастание числа повторно перечисляемых элементов в V.24 сл. ("постоянное подаяние") "постоянное подаяние и дарение обители", "постоянное подаяние,

дарение обители и обращение к прибежищу" и т.д.). Сходным образом в VIII 22 повторяются во все более расширенном варианте (от 1 до 10), свойства проповеди Готамы. Уже отмечалось, что повторы могут охватывать значительные фрагменты текста объединения и разные сутты – ср. раздел о силах, в первой части Д (см. выше) [52], соответствия IX 35 = XIII 19; IX 37 = XIII 21 (см. сост. прим.) и др., ср. XVI. 1.15-17 – XXXIII. Не раз при воспроизведении определенного фрагмента текста вариация допускается лишь в пределах определенной группы понятий, существенных для хода поучения. Подобный прием мы уже имели возможность отметить в ранних Упанишадах – ср. напр. Брихадараньяка, IV.3.23-30, где варьируется обозначение "жизненных сил" (прана), Иша 9-14 и т. д. [53]

Он наблюдается и в других образцах палийского канона – ср. построение Дхаммасангани, где характерно членение текста на крупные блоки, причем, как отмечает В.Н. Топоров, "каждая последующая часть отличается от предыдущей на минимальный (в идеале) элемент, существенный прежде всего для плана содержания (этому элементу в плане выражения могут соответствовать как определенные сочетания слов ... так и отдельные слова или даже части слов [54]. Подобный тип изложения, характерен, по его мнению, для перехода от мифопоэтического способа выражения к научному [55]. Добавим, что по-видимому, генетически он восходит к значительно более ранним памятникам индийской литературы, нежели Дхаммасангани, прослеживаясь за пределами буддийской традиции уже в ранних Упанишадах (т.е. возможно ок. 8-9 вв. до н.э.), представляющих, кстати как и тексты, Д, прежде всего этико-практическую и в гораздо меньшей мере – "научную" дидактику. Как мы видим, подобные "блоки", построенные на чередовании дидактически значимых понятий и нередко – с исчислением логических возможностей, составляют значительную часть текста Д – при этом, естественно, в рамках подобных повторов сплошь и рядом, уже автоматически происходит дальнейшая мультипликация повторяющихся в рамках отдельного "блока" отдельных лексических единиц, формул и т.п. Можно отметить, например, I.2.17-20, где при полном совпадении текста соответственно варьируются следующие высказывания: "мир конечен", (17), "мир бесконечен" (18), "мир и конечен и бесконечен" (19), "мир ни конечен ни бесконечен" (20). В I.2.24-25 варьируются причины уклончивой речи монаха – страх перед неправильной речью (24) и страх перед "зависимостью" (25) I.3.32-44; 45-57, 58-70 дает три варианта стереотипных оценок перечисленных выше воззрений, варьируя лишь краткие характеристики этих воззрений. II.2-7 повторяет характеристики шести наставников, варьируя лишь их имена. Соответственные повторы с несколько большим разнообразием варьируемых элементов (связанным с изложением учения этих наставников) дает II.16, 18-19, 21-22, 23-24-25, 27-28, 30-31, 33-34 – более существенно различаются здесь лишь промежуточные фрагменты текста (II.17, 20, 23, 25, 26, 29, 32). Ср. также III.2.3, V.12, VI.6-7, 8-9, 10-11 (варируются страны света) VIII 6-12, 15-17, XII 16-18 и др.

Прием повтора, по-видимому, следует рассматривать в тесной связи с функцией текста, с характером его традиции. Важно помнить, что значительная часть сутт канона представляла собой проповеди, передаваемые устным путем [56]. Необходимость их запоминания ставила определенные мнемонические задачи, без сомнения обусловившие отдельные повторы, в частности, формул и положений, особо важных в дидактическом отношении. С другой стороны повторяемость отдельных фрагментов текста при их рецитации создала определенную монотонность звучания – последняя в свою очередь, могла играть определенную "фасцинирующую" роль, способствуя сосредоточенному настроению слушателя – адепта [57]. Будучи, как это уже неоднократно отмечалось, вообще характерными для канонических культовых текстов, повторы в значительной степени могут восходить и к определенным элементам магической техники – особенно это относится к случаям, когда их организация связана с числовой символикой – ср. упомянутый выше принцип троекратности некоторых вопросов и высказываний: III.1.20, XI, 1-3, 81-83, XIII, 1.1 и др.

Вместе с тем, полностью отдавая себе отчет в функциональной значимости данного приема, не следует упускать из виду, что отдельные повторы (в частности, это может относиться к различным, подчас, следующим друг за другом суттам – ср. VII, представляющую собой сокращенный вариант VI; XVI, I 15-17 и XVIII или, например, в рамках С – 124-126 и 191-192 сутты) возможно явились результатом работы редактора. Последний, стремясь к полноте сборника, мог, например, автоматически поставить рядом различные версии одного и того же текста, используя в отдельных случаях материал других сборников, – не исключено, что этим обстоятельством могут быть объяснены и некоторые параллели между различными сборниками СП, например, между Д, II и отдельными суттами М [58].

Ряд сутт Д дает образцы достаточно развитой повествовательной техники [59]. Значительную роль играет здесь диалог, подчас весьма живой. Такова, например, беседа Будды с юношей Амбаттхой (III). Общение между ними не ограничивается дидактикой – оно проходит через ряд стадий, в ходе которых гордость и заносчивость Амбаттхи сменяются страхом, а затем почтительностью, меняются и настроения учеников, реплики же Будды не исчерпываются поучениями – они достаточно эмоциональны и связаны с состояниями Амбаттхи. Разумеется, это не меняет общей направленности и основной функции диалога в Д – он прежде всего связан с наставлением в должном знании и в этом отношении опять-таки может быть сопоставлен с формой изложения в ранних упанишадах. И здесь диалог фактически переходит в монолог Будды, преподающего истину; этот момент, как уже отмечалось, до известной степени отличает буддийские сутты и упанишады от диалогических форм изложения в памятниках других традиций – античной (например, у Платона) и более поздней западно-

европейской [60].

Для сутт Д характерно чередование прозы со стихами – гатха. Последние основаны на метрико-силлабическом принципе в (при достаточно частных нарушениях в количестве слогов) в основном восходят к размерам, основанным на восьми сложных (шлока, ануштубх) или одиннадцатисложных (триштубх) частях (пада) [61]. Уже говорилось, что они почти отсутствуют в I разделе (где выступают лишь в функции резюме отдельных положений – ср. III.1.28; XI.35) и достаточно употребительны во 2-3 разделах, где выполняют также и повествовательную функцию, подчас неся ярко эмоциональный характер – ср. XIX 44,45, XXI 5 и др. Многие стихи могут составлять весьма значительную часть отдельных сутт – например, практически почти вся Махасамая (XX 5-22); Атанатия (XXXII 3-7,10) – по сути дела представляющих собой смешанный стихотворно-прозаический жанр. Особенно интересна в этом отношении Лакхана (XXX), систематически чередующая прозу и стихи, достаточно разнообразные в отношении метрики [62], ср. также Сингаловаду (XXXI). Отдельные строфы завершают и каждую из частей Д, содержа версифицированный перечень сутт, входящих в соответствующую часть. Роль стихов в Д (и еще в большей мере – в некоторых других частях типитаки) позволяет предположить, что канон возник на основе как нарративных прозаических текстов (типа брахман), так и поэтических произведений [63].

Сутты Д объединяет общий зачин (евам ме сутам) и следующие за ним сведения о пребывании Будды в определенном месте. Об отдельных различиях между разделами Д уже говорилось выше. Можно, в частности, отметить следующее, характерное для сутт I раздела, построение сюжета. Завязкой служит остановка Будды вместе с толпой монахов (обычно пятисот) в каком-либо месте (в Косале, Анге, Магадхе и т.д.). О его прибытии слышит один из местных жителей – часто это какой-нибудь брахманский авторитет или его ученик (Поккхарасади, Кассапа, Субха и т.д.), в этой роли выступает и царь Магадхи Аджатакатта – и приближается к нему, чтобы задать какой-либо вопрос, нередко выступая при этом с ошибочной точкой зрения. Поучения Будды рассеивают эти заблуждения, приносят слушателю полное удовлетворение и тот произносит традиционную формулу, прося принять его в общину. Сюжет этот допускает определенные вариации. Так, в III Будда наставляет сначала юного Амбаттху, а потом его наставника Поккхарасади. Иногда к Будде приближаются сразу два собеседника (Мундия и Джалия в VII; Васеттха и Бхарадваджа в XIII). В X наставление произносит не Будда, а Ананда, хотя в остальном канва повествования не претерпевает изменений (ср. также поучение от лица другого ученика Будды – Кассапы в XXIII). Обычно не только Будда, но и его оппоненты предстают в окружении своих учеников и приближенных, последние отнюдь не всегда играют пассивную роль – они могут живо реагировать на поучения Будды (например в III). Так, брахманы высказывают суждения об уместности приближения своего коллеги к Будде (IV, 4 сл., V, 5 сл.), причем после подобного спора брахман Сонаданда опасается осуждения своих спутников в случае, если он неправильно поведет беседу с Буддой (IV, 8 сл.).

В ходе поучения Будда нередко прибегает к вставным рассказам – например, о происхождении рода сакьев (III.1.16), о жертвоприношении царя Махавиджиты (V 10-20) и др. Иногда это воспоминание о соответствующем прецеденте в жизни Будды (например, VIII.23; ср. XXIV 1.7. сл., II сл.) Своеобразная рамочная композиция прослеживается в подаче систематически повторяющегося в II-XIII цикла поучений. В II, 40-98 этот цикл вставлен в поучения Будды царю Аджатакатте. Интересно проследить дальнейшие его повторы, обнаруживающие известные вариации в способах обрамления, связанные с задачей поучения. В III 1.2. сл., IV 23 сл., VIII 18 сл., где эта вставка характеризует состояние брахмана, достигшего совершенства, она подана сходным образом (ср. также X 1.7.-2.36, где она излагается в три приема). В V 27 она выступает уже в рамках рассказа о жертвоприношении в образе "жертвоприношения", более плодотворного чем другие традиционные виды жертв (ср. характерные мотивы в догматике ранних упанишад). В VI 16-19 (то же VII 2-5) она вставлена в рассказ Будды Махали, где Будда вспоминает об одном из своих предыдущих наставлений двум странникам, иллюстрируя с ее помощью состояние монаха, не задающегося такими неподобающими вопросами, как эти странники (т.е. о различии между жизненным началом (дживам) и телом). В IX 7-17 она вводится как описание упражнений, ведущих к достижению определенных состояний сознания, а затем – к уничтожению сознания. В XI 8 сл. это третье и высшее из чудес Будды (в рамках рассказа о трех видах чудес, на которые он способен. В XII 19 сл. это поучение наставника, принадлежащего к четвертой, наивысшей категории (в рамках учения о четырех видах наставников). Наконец в XIII 40 сл. эта вставка иллюстрирует состояние адепта, знающего путь к соединению с Брахмой и (в рамках диалога с Васеттхой, указывающего на несовершенство брахманов, "сведущих в трех ведах", и не знающих пути к Брахме).

Рамочный характер композиции сутт в целом сохраняется и во 2-3 разделах (в частности, благодаря традиционным зачинам и концовкам), однако здесь появляются новые, сравнительно с I разделом, черты. Прежде всего, значительно возрастает удельный вес повествования. Так, Махападана (XIV) содержит историю предыдущих рождений Будды (новая, по сравнению с I разделом, деталь догматики); Махапариниббана (XVI) представляет собой рассказ о последних днях жизни Будды и событиях, последовавших вскоре за его кончиной – текст этот, возникший очевидно в результате контаминации различных преданий, отчасти близок, как уже говорилось, к жанру исторической хроники (отдельные фрагменты которой он, возможно, сохранил), догматика сплетается здесь с драматическим, эмоционально насыщенным повествованием. Тесно примыкает к ней Махасудассана (XVII) – завязкой здесь служит разговор между Буддой и Анандой о месте предстоящего

погребения Будды. В ходе беседы Будда рассказывает историю одного из своих прежних существований, содержащую, в частности, элементы волшебной сказки (ср. описание города Кусавати). Подобные же элементы содержат и следующие XVIII-XXI сутты, в которых значительную роль играют мифологические персонажи [64] (в 1 части такие персонажи выступают лишь эпизодически и изредка – ср. появление якши Ваджирани перед Амбаттхой в III 1.21 или появление различных божеств в XI 68). Достаточно своеобразна Саккапанха (XXI), 1-я часть которой чередует прозу со стихами и содержит любовный эпизод (I. 6. 7.). Вообще, в рамках 2 разд. Д, пожалуй лишь XV и XXIII, содержащие к стати незначительное число стихов, в большей мере примыкают по характеру содержания к суттам I раздела.

Сутты III раздела сами по себе достаточно разнородны, как по характеру своей дидактики, так и по способу ее наложения и обрамлений. В XXIV поучения Будды сочетаются с весьма живым описанием его оппонента (Патики), содержащим, как полагают некоторые исследователи, элементы достаточно грубого юмора [65]. XXVI и особенно XXVII во многом приближаются к типу пураических легенд. Несколько отличается по характеру наставление Сингаловада (XXXI), затрагивающая обязанности домохозяина. Атанатия (XXXII) представляет собою своеобразное заклинание от злых сил. В ряде сутт этого раздела, как уже говорилось, значительную, подчас преобладающую роль играют стихи (ср., в частности, XXX, XXXI, XXXII). С другой стороны, две последние сутты XXXIII и XXXIV – почти целиком в прозе (за вычетом XXXIV 1.1.) и стоят особняком по способу изложения (числовые комплексы; ср. также XXXI 8-12; 15-19; 21-25; 28-33). Сравнительно ближе к суттам I раздела здесь XXV (ср. VIII), а XXVIII представляет собой развернутый вариант XVI, 1.15-17, 29.

Как мы видим, характер изложения, развитие сюжета, композиционные особенности сутт претерпевают значительные изменения при переходе от одного раздела к другому. В целом, пожалуй, наиболее четко выражено различие между 1 и 2 разделами при сравнительно неоднородном характере III [66]. Как уже говорилось, все это делает весьма шатким утверждение Р.Франке о гомогенном характере Д и принадлежности ее одному автору. Можно заметить, что различия между разделами Д выступают и в поэтике заглавий отдельных сутт. Если выделить два основных принципа, по которым называются сутты, по связи с тем или аспектом содержания и по имени действующего лица (более детально особенности здесь нами не рассматриваются), то в рамках I раздела 1-й принцип выдержан лишь в трех суттах: в I-Брахмаджале – с использованием образа (см. соответствующий комментарий); II-Саманьяпхале и XIII-Тевидджхе – более непосредственно. В остальных III-XII суттах в основу наименования кладутся имена собеседников Будды (Амбаттха, Сонаданда, Кутаданта и др.), при этом лишь в VIII допускается некоторое усложнение (имя+образ, связанный с проповедью Будды: Кассапасиханада – см. соответствующий комментарий). Во 2 разделе картина до известной степени обратная – большинство (6) названий здесь так или иначе связаны с содержанием (XIV-XVI, XX-XII, ср. выше о роли определения маха-) и 4 с собственными именами (XVII-XIX, XXIII – Махасудассана, Джанавасабха и т.д.). В III разделе собственные имена действующих лиц встречаются еще реже – в XXIV (Патика) и XXXI (усложненное Сингаловада), остальные названия (в XXV-XXX и XXXII-XXXIV), будучи так или иначе связаны с содержанием сутт, носят (каки сутты данного раздела) более разнообразный характер; В частности, здесь, по-видимому, используются названия местностей (ср. XXV – парк царицы Удумбари, XXXI-7 – город Атаната); более употребительны образные выражения (ср. XXV-сиханада, XXVII, XXXIII и др.) наконец, в названиях XXXIII и XXXIV (Сангити и Дасоттара) характеризуется уже собственно не содержание, а принцип изложения. Выше мы говорили и о различных принципах, положенных в основу наименования самих разделов Д.

Вместе с тем отмеченное разнообразие отнюдь не лишает нас возможности выделить ряд характерных мотивов и образов, объединяющих весь сборник, как, впрочем и более широкий круг древнеиндийской канонической литературы (включая и некоторые тексты за рамками буддийской традиции, например, ранние упанишады). Неизменно повторяется здесь мотив стремления к истинному знанию, заставляющего людей стремиться к обществу Будды. Одни из его собеседников с самого начала почтительно внимают ему (царь Аджатакатта), другие вначале упорствуют в своих заблуждениях (Амбаттха, Поккхарасади), но и те и другие в конце концов проникаются верой в его слова и обращаются с просьбой принять их в общину (с традиционной формулой – трисарана). Неизменно повторяются отдельные сцены, характерные, по-видимому, для быта той среды, например, соблюдение определенного ритуала приветствия при близком приближении к Будде, приглашение его вместе с монахами в дом собеседника для угощения (XII, 19, V 30, XVI 4.15 и др.) и т.д. Неоднократно при этом приводится стереотипная характеристика Будды (он – Блаженный, архат, всецело просветленный, ср. II.8; III.1.2.; IV.6 и др.) Будда обрисован здесь как архат, татхагата (ср. ниже, соответствующий комментарий). Он несравненный наставник людей, исполненный терпимости и сострадания. Мотив его проповеди, завершающийся обращением собеседника и всеобщим удовлетворением слушателей, пожалуй наиболее существен не только для Д, но и для значительной части текстов буддийского канона [67]. Среди отдельных черт его поведения можно отметить молчание (тунхи), как знак согласия, напр. III.2.19; IV.24 и др. При всем этом разные сутты Д рисуют образ Будды отнюдь не вполне стереотипно (что, возможно, связано с хронологическими расхождениями). Так, если в суттах I раздела образ этот носит по преимуществу "земной" характер, то уже в XIV вводится учение о его предыдущих существованиях. Неодинаково его отношение к чудесам -ср. негативную установку XI (а также VI.5 сл.) и с другой стороны – XXIV. В суттах 2-3 разделов происходит своего рода "обожествление" Будды [68]. Можно полагать, что значительное влияние на образ Будды оказали более

архаичные мифологические представления [69]. При этом мифологические сюжеты тесно переплетаются здесь с описанием повседневных будничных событий. Таким образом Д уже сама по себе является не только важнейшим источником о жизни основателя буддизма, но и свидетельством той эволюции, которую претерпел его образ в первые века существования буддизма с формированием буддийской догматики [70]. Здесь рисуется не только психологический и нравственный облик Будды, не только его отношение к ученикам и оппонентам, его манеры и привычки – внимание уделено и его физическому облику (правда, в традиционно-мифологической интерпретации) – мы имеем в виду описание тридцати двух признаков – ср. XIV.32, XXX [71]. Следует также отметить, что характер Будды в суттах Д. подчас носит следы определённой двойственности – временами он угрожает своим оппонентам, например, Амбаттхе – ср. фразу: "сагтадха муддха пхалиссати" ("голова расколется на сто частей") в III.I.20; ср. также V.21; XXIV.I.22 (со сценой унижения Патики) и др. Подобное отношение также находит себе параллели в ранних упанишадах, и, хотя выражено здесь не столь сильно (в частности, например, Амбаттха не погибает, как очевидно, лишь потому, что вовремя одумался), свидетельствует о том, что известная степень требовательности отличает и образ основателя буддизма [72].

При анализе материал Д, как и других частей палийского канона, в качестве свидетельства эволюций легенды о Будде [73], следует иметь в виду, что, говоря об "обожествлении" Будды, мы невольно оперируем противопоставлением "человек – божество", вводя таким образом, определённые теистические представления, по-видимому, чуждые буддизму. По замечанию А. Принса "Будда не в большей степени обожествлён в махаяне, чем очеловечен в хинаяне" [74] и понятие "буддичности" как комплекса свойств Будды не может быть объяснено соответствующим противопоставлением, но является специфичным для данной системы воззрением понятием. Следует вообще с крайней осторожностью прилагать к Будде, его догматике и окружению привычную для нас систему терминов – А. Принс ссылается в этой связи на употребление Э. Конзе понятия "savior" ("спаситель") в применении к Будде [75] и указывает на совершенно различный характер "спасения" в христианстве и буддизме [76].

Сутты Д содержат такие интересные характеристики других персонажей – учеников и последователей Будды (Ананда, Кассапа), мирян, обращенных Буддой и вступивших в его общину (Сонаданда, Поккхарассади) и т.д. [77] Живо нарисован образ царя Аджатакатты – его восхищение перед красотой лунной ночи, разочарование в наставниках, трепет перед Буддой, любовь к сыну, раскаяние в убийстве отца. Как уже говорилось, динамичен образ юного Амбаттхи, причем со сменой его состояний меняется и отношение к нему его спутников, переходящих от одобрения к нападкам (ср. III.I.17-22). Любопытно, что после обращения Амбаттхи сходную эволюцию в той сутте претерпевает и его наставник Поккхарассади – от недоверия к Будде и нападкам на Амбаттху – к вступлению в общину Будды; в соответствующих характеристиках прослеживается и та двойственность, о которой говорилось выше, применительно к самому Будде. Возможно, отдельные образы содержат здесь элементы юмора – ср. образ сына Патики, желающего встать с сиденья и неспособного сделать это (XXIV.I.20). [78]

Язык Д (как и в ряде других частей СП) изобилует сравнениями, придающими поучениям Будды весьма живой, образный характер. Можно условно выделить два вида сравнений, каждый из которых достаточно употребителен (грань между ними не всегда может быть четко проведена). Это, во-первых, краткие лаконичные сравнения, близкие к метафоре, во-вторых, развернутые приближающиеся подчас к типу притчи, иллюстрирующей то или иное поучение. [79] Последнее часто вводится формулой "сейятхапи ... евам ева" ("подобно тому как ... так же точно". Таковы, например, образ рыболова (I. 3. 72), последовательное уподобление человека, преодолевшего преграды чувственности, расплатившемуся с долгом, избавившемуся от недуга, освободившемуся от темницы и т. д. (II. 69 сл.), образ драгоценного камня (II, 84 ср. XIX, 47 и др.) Уже упоминались притчи XIX. 35, 37 = XIII, 19.31 – брахман, не знающий пути к соединению с Брахмой, и все же пытающийся говорить о нем, уподобляется здесь человеку, который, говоря о своей любви к самой прекрасной женщине, не может сказать, кто она родом, где ждет, где живет, как ее зовут, не знает, высокая она или низкая, светлая или темная и т.д. – т.е. иными словами любит ту, которой он не видел и не знает. Далее он же сравнивается со строителем, который начинает воздвигать на перекрестке лестницу, чтобы подняться на террасу, но при этом не знает еще, где будет расположена эта терраса и насколько она высока. Встречаются сравнения с продуктами, получаемыми от коров (IX.52), с птицей, которая помогает морякам найти землю в открытом море (XI, 85), с переправой на другой берег (XIII, 24 сл.), с драгоценным камнем, через который продевают нить (XIV, 1.21, ср. XXVII), с лотосами в пруду (XIV, 2.6), с охраной города (XVI.1.17), с сумкой, наполненной зернами (XXII, 5), с мясником, убивающим скот (XXII, 6), с человеком, погруженным в грязь (XXIII, 9 сл.), с раскаленным железным шаром (XXIII, 17), с трубачом (XXIII, 19), с большим караваном (XXIII, 23), со свинопасом (XXIII,25), с игроком, проглотившим отравленную игральную кость (XXIII, 27) и т.д. Некоторые из этих сравнений, как уже говорилось, по сути дела развертываются в небольшие рассказы типа притчи, параболы ср. XXIII, 13 – о брахмане, убившей дитя в своем чреве, XXIII, 29 о кладоискателе. Не раз последовательно приводится целый ряд подобных сравнений ср. II, 69 сл, XXIII, 9 сл. Некоторые из них коррелируются друг с другом – например, уже упомянутый образ строителя лестницы – со строителем знающим, где расположена терраса дома (IX, 37 и 46).

Среди более сжатых, "свернутых" сравнений назовем, например, образ львиного рыка, (VIII, 22, 24, XXVIII, 1), сравнение с ухаживанием нелюбящей женщины (XII, 16), с возделыванием чужого поля (XII, 17), с вереницей

державшихся друг за друга слепых (брахманы, "сведущие в трех ведах") в XIII, 15, с пересохшим бродом (XIII, 36), со звуком трубы (XIII, 77), с лотосом (XIV 1.34.сн.ср. XXI, 5), с чистой одеждой (XIV 2.11), с запутанной нитью (XV, 1), с переправой через океан (XVI.1.34), с зеркалом (XVI 2.8), со светильником (XVI 2.26), с золотым изваянием (XVIII, 17), со слиянием вод Ганга и Ямуны (XIX, 8), со слепцом, не различающим цвета (XXII,2), с различными животными (XXVI, 20), с островами (XXVI, 1.27), с бамбуком, топленным маслом, и медом, (XXVII, 14), с лунным светом (XXXI, 6), с разбойниками (XXXII, 9) и др. Ряд образов содержит традиционное описание тридцати двух признаков Будды – округлая раковина, ноги антилопы, львиная челюсть, ресницы коровы и т.д. (ср.XIV 1.32).

Помимо чисто художественного значения указанного приема, следует иметь в виду также историко-культурную значимость многих образов и сравнений буддийских сутт. Сравнения эти знакомят читателя с характерными деталями древнеиндийского быта (жизнью представителей различных сословий и занятий – брахманов, кшатриев, торговцев, ремесленников и т.д. [80] При этом сам выбор материала для сравнения представляет интерес и для изучения буддийской символики – укажем для примера на образы лотоса (II, 80, XXI, 1.5 и др.), переправы на другой берег (XIII 24,26,29), драгоценности (мани – ср. II.85 и др.), слона (XXI, 1.5) и т.д. [81]

В языке Д прослеживаются некоторые особенности, отмеченные в свое время Г.Ольдинбергом для классической буддийской прозы. [82] Отметим,то, например, последовательное употребление какого-либо слова в новых сочетаниях (дополнения при глаголе, определения при существительном и т.д.), что собственно представляет собой разновидность повтора. Таково, если обратиться к первым суттам Д, стереотипное (махата бхикку-самгхена саддхим панчаттена хи бхиккху сатехи (с большой толпой монахов, пятьюстами монахами") – I.1.1. и др. Буддхасса аваннам бхасати ... Буддхасса ваннам бхасати ("порицал Будду, порицал дхамму, порицал сангху, восхвалял Будду, восхвалял дхамму, восхвалял сангху", I.1.1; (саммагарамо самагга – рато самагга – нанди самагга-караним вачам бхасита ("удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие", I.1.9, кала-вади бхута-вади аттха-вади дхамма-вади винайя-вади ("говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем..." и т.д.) – I.1.9; ср.также I.3.74, Аттха-джалан...Дхамма-джалан...Брахма-джалан...Диттхи-джалан... II,1 Раманийя... ратти, абхирупа...ратти, дассанийя... ратти, пассадика...рати, лаккхання,...ратти II,102;Кхатайям...раджа,упахатайям...раджа и др. Встречаются синонимически близкие ряды – например, II,75, абхисандети парисандети парипурети парипхарати (наполняет, заливает, переполняет, пропитывает) (ср. XXII,18 и др.). [83] С другой стороны, употребительны антонимические пары (отчасти связанные с упомянутым выше исчислением логических возможностей) – ср. I.1.36, самудайан ча аттхагаман ча ассадан ча адинаван ча ("и возникновение, и исчезновение...") I.2.1 сл. екачча-сассатика екачча-асассатика 2.18 сл., нева абхинандим на патиккосим II.26. сукхе дуккхе II,89, диббе ча мануссе ча,йе дуре сантике ча, II.91-92: са рагам...витаурагам... и т.д. Подобные антитезы нередко предстают в развернутом виде, создавая своеобразный параллелизм отдельных параграфов и частей сутты, подчас, как уже говорилось, отличающихся друг от друга лишь соответствующими элементами (ср.IV,4-6, V,6-7 и др. – см. выше).Отмеченные здесь стилистически-композиционные особенности представляются характерными для ранней стадии научно-философского описания в древне-индийской литературе, вместе с тем отдельные отличающие ее приемы (система образов, "рамочная" композиция и т.д.) получают дальнейшее развитие в индийской литературе – как буддийской (ср. жанр джатак), так и индуистской ("обрамленная повесть", некоторые стихотворные жанры). Источниковедческая ценность Д определяется прежде всего тем объемом сведений, который она дает для изучения истории буддизма в ее ранней стадии. Как уже отмечалось, Д бесспорно входит в число старых и аутентичных текстов палийского канона, свидетельства которых, если и не вполне идентичны воззрениям самого Будды, все же представляют собой сравнительно наиболее раннее и систематическое их изложение. Содержа ряд сведений о характере раннебуддийской общины и затрагивая некоторые более отвлеченные философские проблемы, Д (в качестве части СП) излагает прежде всего этический-практический аспект буддийского учения, проясняя отношение Будды к различным сторонам современного ему быта, социальных отношений, духовной жизни. [84] Свидетельства эти находят себе многочисленные параллели в других частях палийского канона (прежде всего в СП) и ранее описание их, как общее так и более детальное, уже неоднократно давалось в буддологической литературе, [85] насчитывающей тысячи названий. Необходимо указать далее, что в значительной своей части подобный анализ затрагивает компетенцию специалистов – философов. Поэтому здесь будут лишь вкратце отмечены черты раннебуддийской доктрины (в традиции школы тхеравадинов), получившие достаточное развитие именно в рамках Д [86] (следует иметь в виду, что на отдельных понятиях мы останавливаемся ниже, в комментарии к соответствующим свидетельствам).

То обстоятельство, что воззрения, зафиксированные в Д, представляют собой очевидно сравнительно более позднюю интерпретацию раннебуддийских воззрений (тхеравадинами), и не могут быть с полной достоверностью приписаны самому Будде, а также и те, что последний не раз отказывался от решения метафизических проблем (таких, например, как конечность или бесконечность мира, его вечность или не вечность, существование после смерти и т.д. ср. I,1.30 сл; IX,25, 31 и др. XXIX,34 сл. и др; ср. также М сутта 72) – побуждает некоторых ученых сомневаться в том, что Будда вообще имел определенные философские взгляды, и полагать, что взгляды эти были, во всяком случае, далеки от законченной системы. [87] С другой же стороны, ряд исследователей говорит о системе воззрений Будды как о чем-то само собой разумеющемся – так, например, Х. Глазенапп считает

несомненным и с психологической, и с исторической точек зрения, что Будда учил определенной метафизической системе. [88] По-видимому, неясность в этом вопросе в большей мере восходит к проблеме достоверности сведений об основателе буддизма и к той известной гипотетичности, с которой мы можем приписать именно ему систему воззрений, изложенных в каноне. Это, как мы видим, представляет собой несколько иную проблему; что же касается соответствующего учения, то уже на той стадии оформления, которая нас здесь интересует (т.е. в рамках Д), ей отнюдь нельзя отказать в определенной последовательности и внутренней завершенности. Заметим, кстати, что само противопоставление "метафизического-не метафизическому" представляется нам в данном случае не вполне далее адекватным (ср. выше о замечаниях А.Принса) – если исходить из специфики содержания и функции интересующего нас текста, то важно иметь в виду, что разграничение здесь проводится исходя только из того, значимы ли соответствующие рассуждения для определенных целей практического поведения, или они не имеют для него значения – проводимое же Буддой объяснение и разграничение отдельных воззрений и проблем по этому принципу (ср. напр. IX, 24 сл.) отнюдь не вполне соответствует нашему пониманию и разграничению "метафизического" и "неметафизического". [89]

Упор на моральную, этическую значимость учения [90] определяет высокую степень его прагматичности. Учение это призвано прежде всего указывать адепту известный образ действий, основанный на определенной концепции природы человека, его связи с окружающим миром и оценкой этого мира. Подобная рекомендация, сближающая в частности тексты буддийского канона с упанишадами [91], тесно связана здесь (пожалуй, в большей степени, чем в каком-либо другом течении того периода) с анализом чувственных и мыслительных способностей человека, что определяет глубокий психологизм буддийского учения [92], направленного, как это вообще характерно для ряда древнеиндийских учений, на сознательное изменение человеком своей психики. В этой связи следует рассматривать и ярко выраженную психотерапевтическую установку буддизма, проявляющуюся как в его исходных догмах (ср. ниже, "о четырех праведных истинах") [93], так и в отдельных принципах подачи наставления (в частности, можно полагать – в отдельных повторах). Отказываясь от рассмотрения ряда проблем, связанных с существованием мира во времени и пространстве, с отношением "жизненного начала" (джива) к телу, с бытием после смерти и т. д., привлекавших внимание его современников (ср. I, 1.28 сл. II, 2 сл., 16 сл. и др.), Будда мотивирует свой отказ тем, что все "это не приносит пользы (аттха), не связано с истиной (дхамма), не относится к целомудрию (брахмачария), не ведет ни к отрешению от мира, ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к познанию (абхинна), ни к просветлению, ни к ниббанае (ниббаная) (IX 28). Этому он противопоставляет "разъясненные" (вйакатан) им положения, наделенные всеми противоположными свойствами, т.е. "приносящими пользу, связанные с истиной" и т.д. Прежде всего, это четыре праведные истины (арйасачча – ср. IX 29 сл. XVI 2.2 и др.) – о существовании страдания (дуккха), возникновении страдания (дуккха-самудайо), уничтожении страдания (дуккха-ниродха) и пути, ведущего к уничтожению страдания (дуккха-ниродха-гамини патипада). Положение о таком страдании неоднократно конкретизируется Буддой – страданием является рождение, страданием – смерть, страданием – печаль, печаль и т.д. (ср. XIV 2.2 сл. XXII 14 сл. 18 и др.). В этой связи излагается учение о пяти группах (кхандха, Скр. скандха) [94] элементов как факторов, обуславливающих чувственное восприятие и в своей совокупности являющихся человеку как его "я". Скандхи являются субстратом (упадана) существования, обуславливают рождение человека в этом мире и соответственным образом – его страдания. Сюда входят:

1. Рупа (материальный образ),
2. Ведана (чувства, ощущения),
3. Санна (постижение, восприятие),
4. Самкхара (скр. Самскара – индивидуальные факторы, обуславливающие характер сознания, наклонности и способности человека, понимаемые, возможно, как определенные волевые импульсы),
5. Виннана (разумение) [95].

Возникновение страдания происходит благодаря "жажде" (танха) – ср. XXII, 19 (ср. XV 7; XVI 1.6 и др. (В этой связи разрабатывается учение о зависимом происхождении (патичча-самуппада – ср. XIV 2.18) сл. – о цепи из 12 звеньев (нидана), связанных отношением причинной зависимости и обуславливающих переход из одного существования в другое. Это авиджджа (незнание) – самкхара – (ср. выше, как наклонность к возрождению в мире) – виннана – нама – рупа – салайатана (6 оснований чувственного восприятия, т.е. пять чувств + сознание) – пхасса (соприкосновение) – ведана – танха – упадана (становление, привязанность к жизни) – бхава (бытие, действие) – джати (воз-рождение) – джара марана (старость и смерть). 1-2 из них относятся к предыдущим существованиям человека, обуславливающим процесс кармы, 3-10 характеризуют настоящее его существование, 11-12 – будущее [96]. 3-я истина об устранении страдания связана с проповедью уничтожения желаний (ср. XXII, 20, XX2 2.0. и др.) уничтожения "греховных свойств" (асава, ср. II, 97 и др., см. соответствующий комментарий) [97] Учение об устранении соответствующих причин (ср. также V XIV 2.20. XV 4 сл. 8 сл. и др.) получает завершенное выражение в идее "праведного восьмичленного пути", (арийо аттхангико магго) [98], т.е. "правильных" (самма) воззрения (диттхи) намерения (самкаппо), речи (вача), действия (камманто), поддержания жизни (адживо), усиления (вайамо), способности самосознания (сати) [99], сосредоточенности (самадхи), ср. VI, 14, VIII, 13, XIX, 61, XXII, 2 и др.

В соответствии с системой четырех праведных истин и строятся поучения Будды (ср. III.2.21, V.29 и др.). С

обретением восьмичленного пути и уничтожения желаний связан еще один термин, имеющий первостепенное значение в буддийской догматике – нирвана (ниббана), наиболее вероятное этимологическое значение соответствующего состояния "нис" + "вана" (т.е. прекращено желание (ср. XVI 3.1, 4)), и в этом смысле как состояние покоя (впрочем, по-видимому, в раннебуддийских текстах – не как абсолютная недеятельность и небытие, но как позитивное состояние предполагающее при отсутствии страстей определенную духовную энергию [100]. В этой связи следует, очевидно, рассматривать и понятие паринирваны (париниббана) [101].

Учение о четырех праведных истинах и восьмичленном пути составляет основу проповеди Будды, неоднократно обозначаемой в тексте понятием "дхамма" (дхамма, Скр. Дхарма). В этом употреблении она, в частности, встречается в сочетании с винайя ("должное поведение") ср. II 44, 53; XII и 13 и др., что достаточно близко к ее этимологическому значению (от Дхар "установление", "закон", "нравственный долг" – ср. аналогичное употребление и в индуистской традиции). Вместе с тем, уже в рамках Дхамма имеет ряд других значений – как более отвлеченных (напр. близкое к "истине"), так и конкретных ("предмет", "вещь", "элемент" и т.д.). При этом дхамма служит обозначением не только общего учения, но и определенных его деталей, и конкретных предписаний, как запретного характера (то, чего не следует делать – ср. I.1.8), так и, наоборот, действий, рекомендуемых адепту [102].

В этой связи следует остановиться на некоторых рекомендациях нравственного поведения (Сила), составляющих ядро этико-практической догматики Д и достаточно последовательно изложенных в суттах ее 1-го раздела. Здесь рисуется образ человека, отказавшегося от дома и семьи, сбившего волосы, надевшего желтые одеяния, отправившегося в странствие (II 35 сл. и др.). Его состояние определяется как ("удовлетворенность") – пасанна читто. Такому страннику предписывается ряд правил нравственного поведения (сила – ср. I.1.8 сл., II.42 сл.; V.26 сл. и др.) – сюда могут входить в разных вариантах 5, 6, 7, 10 сила [103] – воздержание от убийства, от присвоения чужой собственности, от чувственных страстей, от лжи, от хмельного питья, а также ряд других запретов (воздержание от роскоши, нарядов, азартных игр, зрелищ, пустых бесед, недостойных заработков и т.д.). Следуя этим путем, монах преодолевает "врата жизненных способностей" (индриесу гутта дваро), т.е. зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и разума (манас), обретает "способность самосознания и вдумчивости" (сати-сампаджанна) и полный удовлетворенности (сантуттхо) живет в уединении (ср. II.65 сл.). В таком состоянии он преодолевает пять преград (панча ниваране) – алчность, злонамеренность, косность, беспокойство, сомнение (II.68) и поднимается по четырем ступеням созерцания (джхана, Скр. дхьяна – ср. II 75-81 и др.); они связаны соответственно с устремленным рассудком и глубинным рассуждением – с внутренним успокоением и собранностью в сердце – с уравновешенностью, способностью самосознания, вдумчивостью – и со свободой как от несчастья, так и счастья, уравновешенностью и способностью самосознания [104]. В результате адепт постигает природу возникновения и уничтожения, обретает различные виды сверхъестественных способностей (иддхи – стр. II.87, см. соответствующий комментарий). Ему открываются свои и чужие помыслы, он получает дар памяти о прежних существованиях (II.93), до конца постигает "четыре праведных истины" и "восьмичленный праведный путь" (см. выше). Его высшее прозрение находит себе выражение в следующей произносимой им формуле: "уничтожено вторичное рождение (джати), исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием (напарам иттхаттайати)", (II 98 и др.). Достигший высшего совершенства пронизывает своим разумом, исполненным дружелюбия, все страны света (ср. XIII 76-78). Поучения Будды варьируют этот путь – так в IX 10 сл. Речь идет о восьми ступенях – упомянутые выше четыре джхана + уровень бесконечности пространства + уровень бесконечности разума (виннанан), + уровень отсутствия чего бы то ни было + уровень вершины сознания (саннагам). Возможны и другие варианты в описании соответствующих состояний – ср. девятичастное членение в XXXIII 3.2.; XXXIV 2.2 и т.д. С преодолением различных преград на этом пути связаны и другие поучения, на которых мы здесь не будем останавливаться (ср. ниже изложение содержания отдельных сутт), например, восемь ступеней и преодоления (абхибхайатанани -XVI 3.24-32), восемь ступеней освобождения (вимокха – XV 35, XVI 3,33), семь ступеней сознания (виннанатхитийо -XV 33) и т.д.

Палийские сутты дают и обозначения существа, прошедшего указанным путем. Это, прежде всего, татхагата (ср. II.7, II.40 и др.) – употребляемое здесь как наименование самого Будды. Имя это, по-видимому, - татха + гата, т.е. буквально, "так пришедший", вызывает разные толкования (см. комментарий I.1.7) [105]. Характерны и другие обозначения Будды – архат (арахант), блаженный (бхагавант) – ср. I.1.3 и соответствующий комментарий [106].

Таким образом, уже в рамках Д можно констатировать достаточно последовательную систему воззрения и установок, декларируемых Буддой, хотя, разумеется, отдельные термины и понятия получают более полное развитие в сравнительно поздних памятниках буддийской канонической и неканонической литературы [107]. Это относится, например, к понятию дхамма и теории "я" (атта, ср. анатта) – хотя сутты Д свидетельствуют об определенном отношении Будды к последней проблеме (ср. I.1.30 XV 27-32 и др.), она предоставлена здесь, по-видимому, в своей начальной стадии [108].

Воззрения раннего буддизма тесно связаны с современными ему этико-философскими течениями древней Индии. Проблема соответствующих параллелей и различий должна решаться в рамках последовательного системного описания каждой из сравниваемых систем – подобный подход, несмотря на значительное число работ

в этой области, во многом остается еще задачей будущего исследования. Среди более удачных попыток можно назвать, например, труд А. Уордера, позволивший, в частности, сопоставить по ряду признаков буддизм и некоторые другие системы. Так, например, отношение к авторитету традиции и роли индивидуума на его пути к совершенству отличает буддизм от ортодоксального брахманизма и отчасти сближает его с упанишадами; вера в действенность поведения (кирийавада – ср. II, 18) и теория непостоянства "я" (анатта) отличает его от адживаков и т.д. [109]. Независимо от ряда генетически общих черт, буддизм обнаруживает также и признаки типологической общности с отдельными направлениями мысли той поры, и не всегда легко разграничить первое и второе. Ряд признаков сближает воззрения раннего буддизма и упанишад, отдельные из которых (такие как Брихадараньяка, Чхандогья, Катха), возможно, оказали на него влияние. Так, при более ярко выраженном практицизме буддийских текстов (ср. также их большую "открытость" экзотеричность, явно эмоциональную окраску отдельных понятий, роль мотива сострадания и т.д.) можно указать на близкие обоим системам черты – отношение к мирским привязанностям, к традиционному ритуалу, оценка "правильного" знания и т.д. [110].

Отдельные аналоги с буддизмом находят в возникшей на основе ранних упанишад классической веданте [111], в джайнизме, основатель которого Махавира был современником Будды [112], в санкхье-йоге [113] и т.д.

Весьма велика ценность Д как источника, знакомящего нас со взглядами, от которых отталкивался Будда. Взгляды эти зачастую вложены в уста современных ему наставников. Особенно интересны в этом отношении данные II 2-7, 16-33 (см. соответствующий комментарий) о воззрениях Пураны Кассапы (теория бесплодности действий), Макхали Гosalы (отрицание причинной зависимости), Аджиты Кесакампалы (уничтожение после смерти), Пакудхи Каччаяны (неизменность элементов мироздания), Санджай Белаттхипутты (скептицизм) и Нигантхи Наттапутты, видимо тождественного основателю джайнизма Махавира (проповедь подвижничества) [114].

Другой пример – краткое изложение 62 ложных воззрений (диттхи) в I.1.29 сл. Знакомя нас с духовной жизнью Индии той поры, со средой, в которой формировался буддизм, эти сведения существенны и для анализа самой раннебуддийской догматики, выявляя отношения Будды к соответствующим идейным течениям. При этом уже материал Д позволяет отметить отдельные характерные особенности в технике рассуждений Будды, важные для изучения истории языка научной дидактики и не стоящие особняком в истории индийской мысли – помимо уже отмеченных черт логического построения отдельных перечней и роли числовой символики (см. выше), назовем, например, прием отрицания – отчасти связанный с принципом образования отдельных понятий и терминов (ср. ниббана, анатта) и проявляющийся также в более общих чертах фразеологии и методологии методики рассуждений (ср. анафоры в I.1.8, рефрены I.1.11, ср. II, 97, IX и 16 и др.) [115] Можно указать здесь на аналогии в литературе упанишад (ср. знаменитое "на ити" – Брихадараньяка II, 3.6, III.9.26 и др., там же III.8.8, IV.3.22, Шветашватара III.9-10 и др.), у Шанкары, Чандракирти, в методике древнеиндийского лингвистического описания, равно как и в рамках других культурных традиций (Гераклит, Николай Кузанский, Л. Витгенштейн и т.д.) [116].

Мы уже говорили о значении Д как источника по истории Индии. Здесь содержатся сведения о племени сакьев, о роде царя Окакки (III. I.16), о царе Магадхи Аджатасатту – об убитом им его отце Бимбисаре, о его войне с племенами ваджджийцев, о его советнике Вассаке и т.д. (II.1 сл., XVI, 1.1., сл. XVIII, 6 и др.), о царе Косалы Пасенади (III, 1.1. и др.) и т.д. [117] Интересны данные о наделах, даровавшихся царями брахманам "в полное владение в качестве царского дара" (раджа-дайам брахма-дейям) Поккарасади – царем Бимбисарой (III.1.1.), Сонаданде – Бимбисарой (IV) и т.д. (см. соответствующий комментарий), а также параграф о доходах, получаемых от подобных наделов (XII 10 сл.). Часто упоминаются брахманы-наставники, игравшие, по видимому, исключительную роль в духовной и общественной жизни (ср. II.3 сл.) в их числе уже упоминавшийся основатель джайнизма Нигантха Махавира (ср. также сведения о его смерти в XXIX. I, XXXIII 1.6). Вместе с тем, для отношения Будды к историческим событиям небезынтересно осуждение им "низменных бесед" (тираччхана-катхам), которые отшельники и брахманы склонны вести о царе, советниках, войске, сражении, городах, странах, героях, прежде умерших, и т.д. (I.1.17) [118].

Соответственным образом Д содержит ряд географических сведений, связанных с ареалом первоначального распространения буддизма. Неоднократно упоминаются отдельные области и находящиеся в них города, селения и различные местности, прежде всего, удостоенные посещения Будды – например, Магадха (и в ней Раджагаха, Наланда, Амбаллаттика, Мханумата и др.), Косала (Салаватика, Джетавана, Манасаката, Иччхананкала и др.), Анга (Чампа), Четия, области сакьев (Капилаваттху), Личхавов, ваджджийцев, маллов и др. Упоминаются различные реки (Ачиравати, Какуттха, Хираниявати и др.), пруды (Гоггара), парки и рощи (Паварика близ Наланды, Синхасанавана близ Сетавви), горы (Ведияка, Гиджджакута) и т.д.

Сутты Д непосредственно отражают социальную жизнь Индии времен Будды. Прежде всего здесь освещаются взаимоотношения между брахманами и кшатриями, а также их отношение к последователям отдельных сект, к членам низших сословий и т.д. Уже высказывалось мнение о том, что палийский канон дает в этом отношении больше чем какой-либо другой источник домусульманской Индии. Наиболее интересны и полны сведения Д об отношении Будды и его последователей к брахманам, царям, к представителям отдельных монашеских сект, к домохозяевам и т.д. Анализ отдельных аспектов взаимоотношений между соответствующими группами (основанный, в частности на употребительности определенных обращений – бхо, бханте, Бхагава и т.п. – в ряде

текстов, в том числе Д) позволяет предположить, что в социальном отношении Будда примерно равен брахманам, с которыми он поддерживал успешное соперничество, примерно таково же и отношение родственных Будде родовых групп к брахманам, ниже стоят домохозяева, не принадлежащие к брахманству, еще ниже – слуги. В религиозном отношении Будда и его последователи – наиболее авторитетны, превосходя, в частности, и брахманов, нередко обращенных в буддизм и становящихся упасака. В политическом отношении первенство принадлежит царю, однако по сравнению с брахманами, Будда в большей мере сохраняет здесь самостоятельность. Характерно, что само происхождение, по мнению Будды отнюдь не является еще главным, что делает человека истинным брахманом; "брахмано", по-видимому, близко здесь, как, например, в Дх. XXXVI и в некоторых ранних упанишадах (Брихадараньяка III.5.I и др.), к обозначению совершенного существа. Ср. IV, 14 сл. При этом он признает существующее деление на четыре варны и не раз ссылается на него (ср. II.93, сл, III I.15, IX.35, XIII 19). В подобных перечнях он склонен упоминать о кшатриях прежде, чем о брахманах, и доказывать превосходство их над брахманами (III.1.27-28, ср. с другой стороны, рассуждения брахманов в IV 5 сл., V сл. 6 сл. и др.), к которым, впрочем, по-видимому, относится достаточно терпимо и без предвзятой вражды. Ряд реминисценций Д позволяет уточнить взгляды Будды на теорию человеческого общества, на взаимоотношения людей, на качества, необходимые правителю, на функцию государства, как морального установления и т. д., в этом отношении особенно интересна Аггания сутта (XXXVII, ср. также V, 10 сл., XXVI, 5 и др.)

Среди упоминаний Д о низших сословиях можно отметить, например, свидетельство о "зависимых от других (парадхино) рабах, рабынях, слугах (даса, даси, каммакара) ср. I. 1.10, 22, II.14, 35, 72, V.18, VIII. 16 (О рабыне, носящей воду, кумба-дасийя), XXXII. 27 и др., ср. обозначения прислужников (иббха) в III.I.16 сл. – ср. в частности, противопоставление дудджато... акула-путто... суджато... кула-путто). Многочисленны сведения о различных профессиях и занятиях, в частности, осуждаемых Буддой – о вестниках, посыльных, прорицателях, фокусниках, различного рода гадателях, заклинателях и т.д. (см. I 1, 19-27 и соответствующий комментарий).

Целый ряд ремесел перечисляется в II.14 сл. (см. соответствующий ком): сведущие в уходе за слонами, конюхи, колесничие, лучники, повара, брадобреи, банщики, красильщики, ткачи, гончары и др. Сутты Д знакомят нас с интересными деталями повседневного быта разных сословий, описывают различные памятники материальной культуры, например, одежду, утварь, другие предметы домашнего обихода. Таковы в I.1.10 сл. упоминания о предметах роскоши, нарядах, ложах, видах пищи, разного рода зрелищах, азартных играх, косметических принадлежностях, разного рода блюдах, и т.д. Живые бытовые детали дают отдельные сутты со сравнительно более развитым сюжетом (ср. напр. XIV, XVII, XXI).

Соответственным образом отдельные сведения знакомят нас и с бытом буддийской общины, сангхи, хотя в этом отношении Д (как и другие части СП) значительно уступает ВП. Прежде всего это более общие заповеди Будды, регламентирующие поведение его последователей (например, отношение к стяжательству, к женщинам, и т.д. ср. I.1.8), нередко упоминается сопутствующая сангха монахов, активность которой, как правило, весьма ограничена (ср. напр. I.1.3.4 – см. отдельные более подробные сведения в XIV, ср. также сангхи в II 3 сл, в значении не буддийской общины).

Еще один аспект источниковедческой ценности Д – ее сведения о характере раннебуддийского культа в его отношении у другим культовым течениям той поры и в присущих ему внутренних закономерностях. Уже говорилось, что значительное место занимает здесь полемика с представителями других школ (ср. I, II, 3 сл., XIII 2 сл, 10 и др.) с их аргументами, верованиями, конкретными поступками. Вместе с тем, полемизируя с различными направлениями, ранний буддизм, что весьма примечательно, обнаруживает черты, сближающие его с отдельными более архаичными воззрениями, отчасти ведийскими. Характерно, что отвергая чудотворство (ср. особенно XI, I сл.), Будда сам отдает ему дань (напр в XXIV). В плане мифологических элементов повествования интересна сцена устрашения Амбаттхи (III. I. 21), когда над ним появляется в воздухе сверхъестественное существо – яккха (яккха, скр. якша), Ваджирани (возможно, здесь имеется в виду царь богов Индра – см. соответствующий комментарий), грозя уничтожить юношу. Не раз упоминаются волшебные сверхъестественные способности (иддхи), которыми владеет существо, достигшее определенной ступени совершенства (способность стать невидимкой, проникать сквозь твердые тела и т.д. – ср. II.87, XI 2 сл.). Для ряда сутт, как уже говорилось, характерно "обожествление" Будды. Что касается отношения Будды к "высшему существу", то Будда скорее не желает говорить о нем, вместе с тем, в отдельных поучениях он очевидно исходит из признания такого существа, Брахмы (Брахма), и сам говорит о "пути, соединяющем с Брахмой", оспаривая лишь аналогичные пути, провозглашаемые брахманами (ср. XIII, 4 сл, 77 сл.). В соответствии с этико-практической направленностью своего учения, Будда делает упор именно на путь, само же существование Брахмы, как и ряда других божеств различного ранга (см напр. XI 68 сл., мифологические экскурсы в XVIII-XXI и т.д.), отнюдь не затрагивают здесь авторитета Будды и играет функционально иную роль, скажем, в традиционном индуизме все эти божества представляют из себя лишь объект провозглашенных Буддой законов и норм поведения (мы не говорим здесь о мифологии позднего буддизма, в частности, махаянистского, связанной с более активной ролью отдельных персонажей и не характерной для Д). Определенное отражение традиционных верований в раннем буддизме, можно полагать, сыграло большую роль в распространении буддизма, способствуя его популярности. При этом отдельные традиционные верования претерпевают в рамках буддизма известную

трансформацию в соответствии со специфичными чертами буддийской догматики – ср. например, космологические рассуждения в XXV,10сл. (ср.1.2.2. сл. XXI,5 и др.).

Некоторые особенности буддизма, о которых уже шла речь (его более "открытый", экзотеричный характер, по сравнению, например, с упанишадами, отношение к традиционному ведийскому авторитету, к сословным различиям и т.д.), равно как и его тенденция к прозелитизму, позволяет лучше понять дальнейшую судьбу буддизма в Индии, и особенно за его пределами. Здесь не место останавливаться на многократно привлекавшей внимание исследователей проблеме распространения буддизма и его роли в жизни стран Юго-Восточной и Центральной Азии, и Дальнего Востока, начиная с 1 в. н.э. и по настоящее время. Заметим лишь, что если роль эта была в дальнейшем сравнительно не столь велика в самой Индии, где уже в 1-м веке н.э. буддизм претерпевает известный упадок, то и здесь буддизм отнюдь не исчезает, бесследно, его воздействие на протяжении тысячелетий прослеживается в разных областях индийской культуры, примечательно, в частности, определенное возрождение интереса к учению Будды, начавшееся в конце прошлого века и характерное для последних десятилетий.

Особый интерес представляют собой параллели между буддийской и другими культурными традициями, включая непосредственные отражения буддизма в литературе и искусстве разных народов. В подобных сопоставлениях не было недостатка. Учение Будды сравнивают с уже современными ему памятниками этики и философии Китая, Древней Греции и т.д.. Особенно многочисленны работы, предлагающие параллели с раннехристианским учением – наиболее интересны здесь типологически близкие детали (ср., например, отдельные мотивы биографии Будды и Христа (история рождения, искушение и т. д.), что же касается попыток установить генетическую связь, то в отношении новозаветного канона их следует признать малоубедительными. Значительно более достоверен факт воздействия буддийской традиции на сравнительно позднюю житийную литературу (классический пример – легенды о Валааме и Иоасафе). Многочисленны и непосредственные отражения буддизма в европейской культуре нового времени. Их находят в творчестве Вагнера, познакомившегося с буддийскими легендами по переводу Бюрнуфа (влияние одной из этих легенд прослеживается в набросках к драме "Победители", к которым восходит замысел Парсифаля). Среди поэтов назовем в этой связи Рильке, Элиота, среди представителей философской и научной мысли -Шопенгауэра, Бергсона, Хайдеггера, Юнга и т. д. . Воздействие буддизма прослеживается и в русской культуре – возможно уже со средневековья и до настоящего времени – можно вспомнить образ "буддийского" как замкнутого, бездеятельного начала в творчестве Мандельштама, "Космическую этику", Э. Циолковского, относившего Будду к числу "гениев", великих учителей человечества. Еще одна проблема - отражение буддизма в изобразительном искусстве Индии и других стран – из более близких нам по времени примеров достаточно назвать творчество художника Николая Рериха. Значение буддизма как одной из древнейших и глубочайших этико-философских систем, созданных человечеством, и как фактора социальной и духовной жизни ряда стран Азии трудно переоценить.

Палийский канон неоднократно издавался целиком и в отдельных частях. С 1882 года его начало издавать в латинской транскрипции "Общество палийских текстов" (Пали Текст Сосайти), использовавшее для своего издания ряд рукописей, а также появившихся к тому времени других изданий. Издания эти (Т. Рис Дэвидса, Э. Харди, В. Гайтера, Дж. Карпентера, Л. Феера, Ф. Вудворда и др.) снабжены критическим аппаратом и индексами и являются до сих пор наиболее распространенными, хоть и не лишены недостатков. В частности, Д была издана в этой серии в трех томах (т.т. 1-2 в 1889 и 1903 г.г. Т.В. Рис Дэвидсом и Дж. Карпентером, т.3 – в 1911г. Дж. Карпентером), в последующие годы неоднократно перепечатывавшихся без изменений (ДРГ), а комментарии к ней также в 3-х томах,(1 -1886г, Т. Рис Дэвидса и Дж.Карпентера, 2-3 в 1931-1932г.г. В. Стеде – БС). С конца XIX в. появляются издания типитаки в странах Юго-Восточной Азии. Назовем некоторые из них. В 1894г. по приказу царя Чуланкараны типитака была издана в Бангкоке (Таиланд) в 39 томах (сюда не вошел ряд текстов К), ее второе издание вышло в 45 томах (большая часть напечатана в 1927году). Третье, представляющее собой в основном перепечатку 2-го, начало выходить в 1956г., издание это выполнено с большой тщательностью. Бирманская традиция типитаки была зафиксирована а 1871г. в связи с V Буддийским собором на 729 мраморных таблицах. На основании этих таблиц и ряда рукописей в 1954-1956г.г. в Рангуне к VI Буддийскому собору рядом авторитетных буддийских ученых было осуществлено критическое издание типитаки в 40 томах, 2-е издание вышло в 1958-1960г.г. В 1956г. в Наланде (Индия) стало выходить сорокатомное издание палийских текстов (шрифтом девангари) под руководством Дж. Кашьяна. Здесь учитываются разночтения предыдущих изданий (прежде всего изданий ПТС и Бирманского 1954-1956г.г.), своеобразным сводом которых оно является. Наландское издание несомненно полезно как весьма близкое воспроизведение бирманской традиции, дополняющее ее рядом разночтений, однако, к сожалению, выбор последних проведен недостаточно последовательно. Здесь в частности, в 1958г. вышла Д в трех томах, основанных прежде всего на бирманском издании 1956, а также сингальском (изд. В. Сири Нянавеса Тхера, Коломбо, 1929), сиамском 1926, и ПТС (пагинация изданий ПТС и бирманского дается здесь на полях). На ДРГ и 1-м бирманском издании основано издание I-III сутт Д.Ж.Блохом, Ж.Фильоза и Л.Рену с французским переводом, выполненным Л.Рену (СВР). В целом среди изданий последних лет наиболее удачным, по-видимому, является 2-е бирманское. Сиамское уступает ему по качеству, хоть и содержит больше вариантов. Еще больше количество разночтений, хотя как

говорилось, не вполне последовательно выбранных, дает Наландское издание, оно предлагает также более ясное чтение текста, но вместе с тем уступает по аккуратности издания первым двум. По видимому, ни одно из имеющихся их изданий, включая упомянутые выше критические публикации ПТС, не может изменить других и не может считаться безупречным в отношении критики текста, от подобного издания, по мнению, Ф.Р. Хамма, мы еще находимся далеко.

Существует ряд переводов сутт Д на западные языки. Наиболее старые из них – английский Д. Гогерли (I, II, 33, XX, XXI, XXXII), французский Э. Бюрнуфа (XV) (ССП) сохраняют в основном исторический интерес. Среди более поздних следует прежде всего отметить английский перевод Т. Рис Дэвидса и К. Рис Дэвидс (ДР), пожалуй, один из наиболее удачных, сопровождаемый ценными предисловиями и пояснениями к каждой сутте. Здесь, впрочем, допущен ряд сокращений (за счет повторов), и перевод подчас переходит в конспективное изложение текста со ссылкой на параллельные места. В этом отношении сравнительно полным представляется немецкий перевод К. Ноймана (ДН), воспроизводящего значительную часть подобных повторов. К сожалению, перевод носит местами достаточно произвольный характер и содержит, как показал Р.Ф. Франке, немало ошибок. В обширном комментарии предлагается множество параллелей, зачастую весьма гипотетических – как из индийской, так и из других культур. Более тщательно выполнен перевод отдельных сутт Р.Ф. Франке, сыгравшем значительную роль в изучении Д. Им переведены IV, VIII, IX, XI, XIII, XVI, XXXVII (ДФ). Перевод сопровождается подробным введением, комментариями, указателями и приложениями, весьма ценными в терминологическом отношении (о словах татхагата, арахам, бхиккху, самана, самкхара). Весьма полезен французский перевод 1-3 сутт Д, выполненный Л. Рену в уже упоминавшемся издании (СВР), к сожалению, не продолженном. Итальянский перевод сутт Д, принадлежащий Э. Фроле (Турин, 1967), пока остается нам недоступным. Что касается менее значительных публикаций, то переводы отдельных сутт печатались в таких фурналах, как "Махабодхи" и др. Они входят в отдельные антологии буддийских текстов (напр. Г. Уоррена, Ж. Лютуа, М. Винтерница и др. Следует сказать, что переводы сутт Д на русский язык с пали отсутствуют – можно указать лишь отдельные тексты, переведенные не с языка оригинала, а лишь с других переводов.

Литература, посвященная различным аспектам буддизма, насчитывает тысячи названий. Далее краткий ее обзор выходит за рамки настоящего предисловия – здесь можно лишь вкратце суммировать уже отмечавшиеся выше основные этапы оценки палийского канона, имеющей непосредственное отношение и к текстам Д. Взгляды наиболее старой "англо-немецкой" школы, настаивавшей на оригинальном и наиболее аутентичном характере палийской традиции, уже в конце прошлого века встретили серьезные возражения, прежде всего – в трудах И.П. Минаева, подвергнувшего сомнению аутентичность палийских текстов и указавшего на значение памятников северного буддизма для реконструкции первоначального учения Будды. Положения эти, в целом поддержанные Д. де ля Валле Пуссеном, Р.О. Франке и другими исследователями, были впоследствии подкреплены анализом санскритских текстов, найденных в Центральной Азии, а также тибетских и китайских типитаки. Исследования Ф. Веллера, Э. Вальдшмидта и др. как уже говорилось, позволяют предполагать, что эти тексты восходят к общему с палийской традицией источнику, очевидно, на диалекте, близком к магадхи и в ряде случаев отнюдь не хуже, а возможно и лучше, передают этот оригинал. Несоответствие палийского канона "аутентичному" выражению первоначального буддизма побудило некоторых исследователей обратиться к реконструкции "доканонического" (т.е. собственно говоря, "допалийского") буддизма – соответствующие построения, несмотря на определенный интерес, который представляет анализ отдельных догм и терминов (например, заключение о позитивном характере понятия "нирвана"), остаются в значительной степени гипотетическими. Пожалуй, более осторожен подход к палийскому канону представителей "Франко-бельгийской" школы (Л. де ля Валле Пуссен, Э. Лямонт, И. Пшилусский и др.); не настаивая на его "аутентичности", они все же не проявляют в отношении его более умеренный скептицизм, указывая в этой связи на отдельные преимущества палийской традиции перед другими (ср. выше). Подобный подход в целом характерен для таких достаточно критически настроенных исследователей, как Х.Ш. Глазенапп, Э. Фраувальнер, М. Майрхоффер.

Специально суттам Д посвящено сравнительно немного трудов – наиболее серьезные из них уже упоминались нами. Прежде всего это анализ параллелей между палийскими текстами и санскритскими, китайскими, тибетскими версиями отдельных сутт – (II, XVI, XXX, XXXIII, и др. – Ф. Веллер, Э. Вальдшмидт, Б. Паннасири). Немногочисленны и труды, посвященные конкретным литературно-художественным, стилистическим, композиционным особенностям сутт Д – таковы соответствующие разделы в более общих трудах М. Винтерница, В. Лоу, предисловия к публикациям Т.В. Рис Дэвидса (ДР), Дж. Кашьяна (ДК), исследования П. Баапата и Г. Панде, затрагивающие относительную хронологию и стратификацию отдельных текстов Д и др. Значительно больше трудов, использующих свидетельства Д для характеристики тех или иных аспектов древнеиндийской истории, прежде всего это относится к таким суттам, как Махапариниббана, Брахмаджала, Саманьяпхала.

Настоящий перевод ставит себе целью ознакомить читателя с палийской традицией Дигха Никаи. Перевод сделан с издания "Пали Текст Сосайти" (Т.В. Рис Дэвидса и Дж. Карпентера), были учтены также издания ДК, а для 1-3 сутт – и СВР. При переводе и комментировании были широко использованы комментарии Буддхагхосы к Сумангалавиласини (издание "Пали Текст Сосайти" Т.В. Рис Дэвидса и Дж. Карпентера, В. Стеде – БС), а также доступные нам переводы (Т.В. Рис Дэвидса, К.А.Ф. Рис Дэвидс, Р.О. Франке, К. Нойманна, Л. Рену). Переводчик

стремился дать по возможности точную филологическую интерпретацию текста. Соответственным образом отдельные понятия, важные в терминологическом отношении, оставлены без перевода. Последнее относится, прежде всего, к тем случаям, когда нахождение русского эквивалента представлялось затруднительным, и перевод неизбежно искажал смысл подлинника, налагая на него систему представлений (напр. Татхагата, арахант, нирвана). Некоторые понятия, не переведенные в случаях, когда, как можно полагать, они употреблены в терминологическом значении, условно переводятся, когда контекст не дает основания заключить о таком употреблении (напр. дхамма, сангха). В отличие от других переводчиков (прежде всего – Т.Рис Дэвидса и Р.О.Франке) мы сочли целесообразным воспроизводить все повторы, исходя из того, что они неразрывно связаны с важными функциями текста (см. выше), что весьма не легко (по самому характеру памятника) выработать какой-либо принцип их сокращения и что подобное сокращение (последовательное или непоследовательное), как показывает опыт других переводчиков, неизбежно сводится к достаточно субъективному препарированию текста. Единственное исключение допущено нами в отношении раздела Саманнапхалы (II. 40-98), повторяющегося в III -XIII суттах (см. выше).

Комментарии к переводу разъясняют отдельные трудные для понимания места (в ряде случаев приводятся параллельные толкования других переводчиков), указывает некоторые более существенные разночтения текста (отнюдь не претендуя в этом отношении на исчерпывающую полноту) и заслуживающие внимания параллели из палийского канона и некоторых других памятников. Здесь также поясняются исторические и географические реалии текста. Во избежание повторения в этой части работы мы, как правило, ссылаемся лишь на публикации соответствующих текстов и переводов, а также не отдельные справочные издания и не указываем на исследования, уже цитировавшиеся в предисловии, где дана литература по отдельным текстам и проблемам.

Публикуемые в настоящем томе сутты составляют 1 раздел Дигха Никаи "Силавагга" и содержат, в частности, определенные этические предписания, в основном повторяющиеся в каждом тексте. Отдельные стилистически-композиционные черты этого раздела и особенности его тематики были уже затронуты выше. Сюда входят I – XIII сутты.

I. Брахмаджала сутта (сутта о сети совершенства)

I. Будда в сопровождении монахов останавливается в Амбалаттхике - парке между Раджагахой и Наландой. Туда же следом за ним прибывает странствующий аскет Суппия, на все лады порицающий Будду, его учение и общину, в то время, как его ученики восхваляют Будду (1-3). Узнав об этом, Будда советует окружающим его монахам не горевать из-за порицаний и не радоваться похвалам, ибо и то, и другое ничтожно (4-6). Объясняет, что способен сказать мирянин, воздавая хвалу Татхагате, и перечисляет таким образом ряд сил – перечень этот (7-10) заключает "Краткую главу о нравственности".

В Следующей "Средней главе о нравственности" (11-20) Будда продолжает перечислять отдельные занятия и привычки, которых он избегает в отличие от других людей. В "Большой главе о нравственности" (21-27) этот перечень продолжен, причем здесь говорится о различных способах добывания средств к существованию, которые практикуют "некоторые отшельники и брахманы" и от которых сам он воздерживается. Все изложенное выше, однако, вызывает лишь хвалу простых мирян (путхудджано) и отнюдь еще не то, ради чего Татхагата достоин надлежащей хвалы, он достоин ее благодаря достижению и проповеди" других вещей – глубоких, трудных для рассмотрения, трудных для постижения, несущих покой, возвышенных... Эти "вещи" (дхамма) связаны с опровержением ложных воззрений (диттхи), к перечислению которых он переходит. Вначале упомянуты 18 ложных воззрений, собственно "оснований" (ваттхи), на которых "некоторые отшельники и брахманы" высказывают различные суждения о прежних временах, и перечисляются первые четыре из них, связанные с мнением о том, что и свое "я" и мир (аттанан ча локан ча) вечны (28-37). Здесь завершается первый раздел сутты.

II. В продолжении перечня 18 "оснований" последовательно перечисляются следующие четыре, на которых "я" и мир отчасти вечны, отчасти не вечны (1-15), четыре, на которых мир конечен или бесконечен (16-22), четыре, на которых отшельники и брахманы ведут уклончивые речи (23-29), и, наконец, два, на которых "я" и мир возникли без причины (30-34). Вослед за словами, резюмирующими эти 18 "оснований" (4+4+4+4+2) (36-36) Будда упоминает о 44 ложных "основаниях", на которых выдвигаются различные суждения о будущих временах. Это, во-первых, шестнадцать "оснований", на которых свое "я" наделено сознанием (санним аттанам) после смерти индивидуума (38-40). Здесь завершается второй раздел.

III. В продолжении перечня 44 "оснований" перечисляются восемь "оснований", на которых "я" лишено сознания после смерти (1-4), восемь "оснований", на которых "я", ни лишено сознания (5-8), семь "оснований", на которых учат "о разрушении, гибели, уничтожении существа живого" (9-18), и, наконец, пять "оснований", на которых учат "о высшем освобождении" (парама...ниббана) живого существа в зримом мире (диттха-дхамма) (19-26). Будда резюмирует эти 44 "основания" (16+8+8+7+5) (27-28) и вслед за тем суммирует все 62 (18+44) ложных воззрения (29-31). После этого он троекратно повторяет их основные положения, последовательно указывая в соответствующих рефренах на удел заблуждающихся (32-44), на чувственное восприятие (пхасса) как причину заблуждений (45-57) и на то, что постигающие иным путем, нежели чувственным восприятием, не впади бы в

подобное заблуждение (58-70). Органы чувственного восприятия, влекущие за собой этим заблуждения, причина страданий – таков удел заблуждающихся, преодоление чувственного восприятия равносильно преодолению отражений (71-72) Будда говорит о себе (Татхагате) как о существе, в теле которого разрушено то, что ведет к существованию (73) и на вопрос Ананды, называет свое наставление "сетью пользы", "сетью истины", "сетью совершенства" и т.д. Удовлетворенные монахи радуются словам Будды.(84).

Как мы видим, Брахмаджала сутта по содержанию и композиции стоит несколько особняком о других сутт I раздела Дигха Никаи. В источниковедческом отношении это, пожалуй, один из самых ценных текстов не только Д, но и всего палийского канона. Прежде всего, здесь содержится единственная в своем роде систематизированная сводка воззрений, с которыми полемизировал Будда. Чрезвычайно интересны сведения, даваемые в связи с изложением определенных норм поведения (сила) – здесь упомянут целый перечень различных занятий, ремесел, профессий, развлечений и т.д., весьма существенный для изучения социальных отношений и быта Индии той поры, не случайно Брахмаджала – одна из сутт, наиболее часто цитирующихся в исследованиях по догматике раннего буддизма. Как уже говорилось, для реконструкции этой догматики большое значение имеет сопоставление палийской и других (в частности, тибетской) версий Брахмаджалы.

II. Саманняпхала сутта (сутта о плодах отшельничества)

Будда, окруженный монахами, находится в Раджагахе. В это время царь Магадхи Аджатасатту, сидя на троне дворца и восхищаясь красотой лунной ночи, желает послушать какого-нибудь отшельника или брахмана (1). Советники по очереди советуют ему обратиться к одному из шести мудрецов – Пуране Кассапе, Макххали Госале, Аджитке Кесакамбале, Пакудхе Каччаяне, Санджае Беллаттхипутте и Нигантхе Натапутте, но царь каждый раз остается безмолвным (2-7). Царский врач Дживака советует ему обратиться к Будде, Аджатасатту соглашается, приближается к Будде и спрашивает его о "зримом плоде отшельничества" в этом мире, подобным плодам, которые получают разные люди от своих занятий и ремесел (8-14). Будда спрашивает, задавал ли царь прежде подобный вопрос (15). Выясняется, что Аджатасатту уже спрашивал об этом шестерых наставников, к которым ему перед тем советовали обратиться, но ни один из них не смог удовлетворить его своими рассуждениями (16-33). Будда начинает поучение и говорит о радости самообуздания и уединения (34-38). Аджатасатту продолжает расспросы, желая узнать о других, еще более возвышенных плодах отшельничества (39 и др.), и Будда последовательно излагает учение о пути, который проходит монах, следующий заповедям Татхагаты (40-98). Обретя веру в Татхагату, человек оставляет дом и становится странником, он охраняет "врата жизненных способностей" (индрийесу гутта-дваро) иначе говоря, – органов чувств, следует заповедям нравственного поведения (сила) (40-42) не уничтожает живых существ, не берет чужого, пребывает в целомудрии, не лжет, отказывается от ряда занятий (уже упомянутых в Брахмаджала сутте) (43-62). Все это доставляет ему "безупречное внутреннее счастье" (63). Сдерживая органы чувств ("врата жизненных способностей") (64), он обретает способность самосознания и вдумчивости (сати-сампаджанна) (65), всецело удовлетворен, живет в уединении, отказавшись от пяти "преград" (ниваране) – алчности, злонамеренности, косности, беспокойства, сомнений (66-74). Затем он последовательно проходит четыре ступени созерцания (75-82). Достигнув четвертой ступени, он обращает мысль к постижению различных объектов, обретает сверхъестественные способности (иддхи), дар памяти о своих прежних существованиях, постигает круговорот живых существ в мире (83-96). Обратив мысль к знанию об уничтожении "греховных свойств", (асава), он постигает четыре праведных истины о страдании, его мысль освобождается от "греховных свойств чувственности", повторного существования и невежества", и он вступает в состояние, вслед за которым "ничего нет" (напарам иттахаттайати) (97-98). Выслушав все это, царь Аджатасатту просит Будду принять его в ученики, произнося традиционную формулу, и признается в совершенном им некогда преступлении – убийстве отца (99). Несмотря на это Будда принимает царя в общину и после его ухода говорит монахам, что, не сверши Аджатасатту преступления, он уже сейчас обрел бы полное видение истины (100-101).

Композиция Саманняпхалы, как мы видим, несколько отличается от композиции других сутт благодаря своеобразному зачину, представляющему собой весьма поэтичную сцену. Подобно Брахмаджале, она имеет первостепенное значение как источник сведений об идейной атмосфере, в которой формировался буддизм, сведений о шести авторитетных мыслителях того времени, в том числе – о Нигантхе Натапутте, тождественном основателю джайнизма Бардхамане Махавире. Здесь также упоминаются различные профессии и занятия, отчасти (ср. 14 и сл.) дополняющие данные Брахмаджалы. Саманняпхала – первая из сутт сборника, выводящая описание пути монаха к состоянию архата. Это описание, повторяющееся затем лишь с незначительными модификациями в III -XIII суттах, весьма важно для изучения буддийской этики и техники медитации. Сведения этой сутты (в особенности о шести наставниках) неоднократно использовались исследователями.

III. Амбаттха сутта.

I. Будда останавливается в роде деревни Иччхананкалы Косале. Узнав о его прибытии, брахман Поккхарасади посылает своего ученика Амбаттху, чтобы тот узнал, таков ли Будда, какая о нем идет молва (1-5). Амбаттха

приближается к Будде, ведя себя при этом высокомерно и пренебрежительно (6-9). Между ними начинается беседа – Амбаттха ставит отшельников, подобных Будде, ниже брахманов и бранит род сакьев, из которого произошел Будда (10-15). Тогда Будда рассказывает ему историю рода сакьев. Выясняется, что сакьи – потомки сыновей царя Оккаки, женившихся на своих сестрах, род же Канхаяна, к которому принадлежит Амбаттха, происходит от Канхи, которого родила Оккаке его рабыня (16-19). Затем он спрашивает Амбаттху о роде Канхаяна и трижды повторяет свой вопрос, грозя, что у Амбаттхи разорвется голова, если тот не сможет ответить (20). Амбаттха молчит, и над ним появляется в воздухе якша Ваджирани, готовый раздробить ему голову своей булавой. В страхе тот признает справедливость слов Будды (21). Окружающие Амбаттху спутники начинают бранить его (22), желая теперь уже защитить Амбаттху, Будда продолжает историю его предка Канхи – тот был великим мудрецом, и царь Оккака отдал ему в жены свою дочь (23). Затем Будда задал Амбаттхе ряд вопросов о взаимоотношениях брахманов и кшатриев, доказывая превосходство кшатриев (24-27). Выше всех, однако, тот, кто наделен знанием и праведностью (виджджачарана-сампанно) (28). Соответствующей гатхой заканчивается первая часть сутты.

II. Амбаттха начинает спрашивать Будду о том, каковы эти "знания и праведность" (1) и Будда произносит уже упомянутую выше проповедь (2=II 40сл, в разных суттах Д этот текст в издании ДРГ, как уже говорилось, распределен между разным числом параграфов). Продолжая наставление, он говорит о четырех обстоятельствах ("отверстиях" - апайя-мукхани), благодаря которым может быть утрачено обладание знанием и праведностью (3). Убеденный аргументами Будды Амбаттха признает, что ни сам, ни его учитель брахман Покхарасади, не достигли еще подобного обладания (4-10). Затем Будда являет Амбаттхе отличающие его тридцать два "знака великого человека" (маха-пуриса-лаккханани), после чего Амбаттха удаляется, окончательно убежденный в совершенстве Будды (11-12). Он возвращается к Покхарасади и рассказывает ему обо всем (13-15). Покхарасади гневается на Амбаттху за то, что он не был почтителен, и сам приближается к Будде (15-16). Будда тоже рассказывает ему о своей беседе с Амбаттхой, хвалит юношу (17), а затем показывает и его учителю тридцать два знака (18-19). Убеденный им Покхарасади приглашает Будду на трапезу, тот соглашается, и брахман принимает его у себя (20). После трапезы Будда произносит ряд наставлений, завершая их проповедью четырех праведных истин. Покхарасади полностью принимает учение Будды и произносит соответствующую формулу, вызывая его одобрение (21-22).

Амбаттха сутта – одно из наиболее важных свидетельств палийского канона о своих социальных взаимоотношениях той эпохи (брахманы-кшатрии). Интересны изложенные здесь легенды о происхождении отдельных родов (сакьи, Канхаяна), а также мифологические сведения (образ якши), вообще говоря, не столь характерные для сутт I раздела Д.

IV. Сонаданда сутта

Будда останавливается в Чампе (Анга) на берегу пруда Гаггары. Узнав об этом, брахмны-домоправители из Чампы собираются посетить его. Живущий там же брахман Сонаданда видит их и желает к ним присоединиться (1-3). Тут другие брахманы из разных стран, оказавшиеся в это время в Чампе, начинают отговаривать Сонаданду от посещения Будды, выдвигая двенадцать причин (происхождение, богатство, начитанность в ведах, внешняя красота и т.д.), по которым не Сонаданда должен приблизиться к Будде, а наоборот – должен Будда приблизиться к Сонаданде (4-5). Возражая им, Сонаданда, в свою очередь, выдвигает еще больше доводов (частью повторяя те же аргументы брахманов, частью выдвигая новые), доказывая превосходство Будды и говоря, что именно он, Сонаданда, должен первым приблизиться к нему. (6). Сонаданда приходит к Будде и, видя его замешательство, тот спрашивает его о признаках, достаточных для того, чтобы называться истинным брахманом (7-12). Сонаданда называет пять признаков – происхождение, знание вед, различных наук и ритуала, красота, нравственность и мудрость в сочетании с участием в определенных обрядах (13). Будда последовательно спрашивает, можно ли пожертвовать каким-либо из этих признаков без ущерба для брахманства, и Сонаданда соответственно составляет четыре признака (отказываясь от красоты), три (отказываясь от знания вед и других текстов) и, наконец, два (отказываясь от происхождения) т.е. нравственность и мудрость (14-16). Он поясняет, что отнюдь не отвергает первых трех признаков, но лишь отдает предпочтение двум последним и показывает на примере приблизившегося к нему юноши Ангаки, его племянника, чем бы тот был при всех его достоинствах, не обладая он нравственностью и мудростью (20). Когда же Будда спрашивает Сонаданду, можно ли пожертвовать одним из двух оставшихся признаков, тот отвечает отрицательно и говорит о неразрывной связи нравственности и постижения (сила-панна) (21). Подтверждая его слова (22), Будда повторяет его проповедь о качестве наставления, о нравственности и постижении (23 = II, 40сл.). Сонаданда просит принять его в ученики, приглашает Будду к себе на трапезу, и Будда отвечает ему благосклонностью (24-27).

Помимо уже встречавшихся в других суттах сведений о буддийской догматике, Сонаданда сутта интересна своим учением о признаках брахманства и, пожалуй еще в большей степени, свидетельствами, проясняющими некоторые черты этикета, бытовавшего в отношениях между наставниками.

V Кутаданта сутта

Будда останавливается в брахманской деревне Кханумата в Магадхе. Обитающий там брахман Кутаданта готовит в это время большое жертвоприношение, и, видя, что местные брахманы направляются лицезреть Будду, решает пойти с ними и расспросить Будду о правилах надлежащего жертвоприношения (11-4). Тут многочисленные брахманы, находившиеся в Кханумате, начинают отговаривать его от этого посещения, и Кунаданта опровергает их (5-7, сцена эта повторяет аналогичную ситуацию с брахманом Сонадандой – IV.4-6). Приблизившись к Будде, Кутаданта спрашивает его о "тройном успешном совершении жертвоприношения и шестнадцати его принадлежностей" (8-9). В ответ Будда рассказывает ему историю о жертвоприношении царя Махавиджиты. Прежде чем приступить к жертвоприношению, царь, следуя совету жреца, обеспечил благосостояние своих подданных (10-11), затем он заручился согласием и одобрением кшатриев, собственных приближенных и советников, богатых брахманов и, наконец, четырех групп городского и деревенского населения (12). Царь этот был наделен восемью признаками (родовитость, красота, богатство, могущество, благочестие, ученость, умение толковать все слова и мудрость), его жрец – четырьмя признаками (родовитость, знание вед и других текстов, нравственность, мудрость) (13-14) – отсюда 16 частей жертвоприношения (согласно четырех групп населения + 8 признаков царя + 4 признака его жреца). Что же касается "тройного" характера жертвоприношения, то оно состоит в том, чтобы принося жертву, последовательно воздерживаться от троекратного сожаления (что на совершение этого жертвоприношения уйдет, уходит и ушло великое богатство) (15). После этого, следуя советам своего жреца, царь Махавиджита ко всеобщему удовлетворению подданных, которых он наделил щедрыми дарами, совершает "тройное" успешное жертвоприношение с шестнадцатью принадлежностями (16-20). На дальнейшие расспросы Кутаданты Будда отвечает, что он сам был в предыдущем рождении тем царским жрецом (21). Кутаданта желает узнать, есть ли другое, менее трудное в вместе с тем более славное и плодотворное жертвоприношение чем описанное Буддой (22). Тот последователь называет ему в качестве подобных "жертвоприношений" постоянное подаяние странникам, дарение обители, обращение к трем прибежищам (трисарана) – Будде, дхамме и сангхе, следование пяти заповедям (сила) (23-26). Наконец, еще более великое жертвоприношение – состояние, достигаемое в результате следования заповедям Татхагаты (27 = П 40сл.). Кутаданта приносит соответствующую формулу, прося принять его в ученики, и готовый к высшему "жертвоприношению" приказывает отпустить на волю многочисленных животных, которых он намеревался перед тем принести в жертву (28). Будда обращается к нему с рядом наставлений, в частности, с проповедью четырех праведных истин. Овладевший истинным знанием Кутаданта приглашает Будду к себе на трапезу, и Будда принимает его приглашение (29-30).

Знакомя нас с отношением Будды к жертвоприношению, Кутаданта сутта содержит характерную идею соответствующей иерархии, в которой традиционная жертва, как бы она ни была щедра, занимает низшее место (ср. упанишады). Интересны отдельные конкретные сведения о жертвенном ритуале, его теоретическое обоснование. Для изучения древнеиндийской социологической мысли весьма существенны рассуждения об идеальных взаимоотношениях между царем (не буддистом) и различными сословиями и соответствующими рекомендациями, в частности, определенной экономической политики, направленной на пресечение разбоя.

VI. Махали сутта

Будда останавливается в Весали, где к нему приближаются желающие увидеть его брахманы из Косалы и Магадхи, а также личчави Оттхаддха вместе со своими соплеменниками (1-4). Оттхаддха (другое имя которого Махали) спрашивает Будду о причине, по которой, даже видя небесные образы, можно в тоже время не слышать небесных звуков, хотя они и не лишены существования (5). Будда говорит ему о монахах, обращенных в различные стороны света и сосредоточенных на том, чтобы видеть небесные образы и не слышать небесных звуков, или же наоборот, слышать небесные звуки и не видеть небесных образов, или же видеть небесные образы, и слышать небесные звуки – соответствующие установки и определяют реакции монахов на звуки и образы (6-11). Продолжая наставление, Будда в ответ на расспросы Махали говорит, что не ради достижения подобной сосредоточенности монахи ведут целомудренную жизнь, ее цель – более высокие состояния: избавления от мирских уз, "вступление в поток (сотапанно), уничтожение "греховных свойств" (асававам) и т.д. (12-13). Достижение этих состояний возможно благодаря правильному восьмичленному пути (14). Следует вставкой рассказ – Будда вспоминает о своей беседе с двумя аскетами Мандиссой и Джалией, которые спросили его о том, являются ли жизненное начало (джива) и тело (сарира) одним и тем же или разными началами (15). В ответ он произнес проповедь о пути к совершенству (16-19 = П40 сл.) объяснив своим собеседникам, что монаху, находившемуся на этом пути, не подобает утверждать ни того, ни другого, и что он сам также воздерживается от подобных утверждений. Рассказ этот доставляет Махали удовлетворение и радость (19).

Для анализа буддийской догматики эта сутта интересна своими сведениями о технике сосредоточенности (самадхи), практиковавшейся, по-видимому, монахами отдельных сект (в частности, контроль над зрением и

слухом) и ставящейся Буддой значительно ниже провозглашаемого им пути. Здесь же впервые достаточно четко выступает характерный мотив – нежелание Будды рассуждать об отдельных отвлеченных проблемах, лишенных для него практической ценности.

VII Джалия сутта

Эта сутта по сути дела представляет собой фрагмент Махали сутты (=VI 15-19). Будда останавливается в парке Гхоситы в Косамби, где аскеты Мандисса и Джалия спрашивают его о тождестве жизненного начала и тела (1) В ответ следует известная нам проповедь (2-5), приносящая "удовлетворение и радость его собеседникам" (5).

VIII Кассапа-сиханада сутта (сутта львиного рыка о Кассапе)

Будда останавливается в Уджунне. К нему приближается обнаженный аскет Кассапа и спрашивает, осуждает ли он всякое подвижничество (1-2). Будда отвечает, что он отнюдь не осуждает всякое подвижничество, однако, он видит что отдельные подвижники могут возродиться как в бедственном, так и в счастливом состоянии, независимо от того, сколь тяжелым лишения они подвергли себя в жизни (3), что же касается воззрений некоторых "мудрых, изощренных" отшельников и брахманов, то в одном он с ними согласен, в другом не согласен, равно как и они не совсем согласны с ним (9-12). Есть, однако способ, следуя которому, человек может убедиться в истинности слов Будды – это праведный восьмичленный путь (13). Кассапа перечисляет различные виды подвижничества, связанные, в частности, с определенными ограничениями в пище, одежде, ложе и т.д. (14). Будда отвечает, что подобная аскеза еще не ведет к совершенству и нравственности (сила), в мысли (читта) и в постижении (панна) и далека от истинного отшельничества и брахманства. Для этого следует проникнуться дружелюбием в мыслях, погасить в себе вражду, избавиться от "греховных свойств", "освободить" свои мысли и свое постижение (15-17). Кассапа спрашивает, каково это совершенство в нравственности, в мысли и в постижении (18), и Будда в ответ повторяет свою проповедь (19-20 = II 40 сл.). Он говорит, что превосходит других отшельников и брахманов в нравственности, в высшем подвижничестве, в отвращении к миру, в постижении и освобождении (вимутти) (21) и рассуждает о достоинствах проповеди – "львиного рыка" (сиханада) (22). Затем Будда вспоминает, как некогда, находясь в Раджагахе, он удовлетворил подвижника Нигродху, расспрашивавшего его об отвращении к миру. Удовлетворенный Кассапа просит принять его в общину (23). Будда сообщает ему условия приема тех, кто прежде принадлежал к другой секте (анна-титтхийя). Кассапа согласен их выполнить. Он вступает в общину, постигает высшую истину и становится одним из архатов (24).

В этой сутте заслуживают внимания конкретные сведения о быте отшельников и аскетов, принадлежащих к не буддийским сектам, об определенных видах подвижничества и отношении Будды к соответствующему поведению. Вместе с тем интересны впервые в Д выдвигаемые здесь условия приема в буддийскую сангху новообращенного.

IX Поттхапада сутта

Будда останавливается в Саваттхи и, отправившись за милостыней, приближается к парку Маллики, где в это время перед ним предстает странствующий аскет Поттхапада, окруженный множеством других аскетов, которые предаются всевозможным низменным беседам (ср. I.1.17) (1-3). Видя Будду, Поттхапада предлагает ему сиденье, и ссылаясь на некогда имевший место диспут отшельников и брахманов, спрашивает его о возникновении и уничтожении сознания (абхисанна) (4-6). Будда возражает тем, кто считает, что различные состояния сознания возникают и уничтожаются у человека без причин. Одни из них возникают и другие – уничтожаются благодаря упражнению (сиккха) (7). На вопрос Поттхапады об упражнении этом Будда повторяет свою проповедь (7-13 II 40 сл.). Затем, в отличие от предыдущих сутт, здесь к четырем ступеням созерцания (джхана) прибавлены сознания бесконечности пространства (акаса), бесконечности разума (виннана), отсутствия чего бы то ни было (наттхи кинчантхи) и т.д. Так путем упражнения одни состояния сознания возникают, другие уничтожаются, в результате чего постепенно достигается уничтожение сознания (14-17). Продолжая наставление Будда рассуждает о вершине сознания (18-19), о том, что сначала возникает сознание (санна), а потом – знание (нанам) (20), что сознание человека одно, а его "я" – другое (21-23). Дальнейшие расспросы Поттхапады связаны с проблемами вечности мира, его конечности, тождественности жизненного начала телу, существования Татхагаты после смерти (ср. I.1. 29 сл.) – Будда отвечает, что он не объясняет подобных вещей, ибо все это "не приносит пользы, не связано с истиной, не относится к целомудрию, не ведет... к ниббане" (24-28). То, что он объясняет, это четыре праведных истины о страдании, которые "приносят пользу, связаны с истиной" и т.д. Вслед за этими словами Будда поднимается с сиденья и удаляется (29-30). Аскеты, окружающие Поттхападу, начинают смеяться над ним, осуждая его за согласие с Буддой, и Поттхапада снова

превозносит учение Будды (31). Через несколько дней Поттхапада приближается к Будде вместе со спутниками и рассказывает ему о том, что произошло после его ухода (32). Будда повторяет, чему и по какой причине он учит и чему он не учит (33). Он вспоминает о том, как возражал отшельникам и брахманам, которые считали, что после смерти "я" человека всецело счастливо и свободно от недуга, и доказал необоснованность их утверждений (34-38). Будда учит о трех формах "я", которые могут быть обретены индивидуумом "грубой" (оларико), "состоящей из разума" (маномайо) и "лишенной формы" (арупо), он показывает, что его проповедь ведет к отказу от этих форм "я", в результате чего "зримом мире" обретается полнота и совершенство постижения, радость, успокоение и т. д. (40-47). Тогда спутник Поттхапады, Читта, спрашивает, возможно ли для человека, обретшего одну из форм "я" одновременное обретение другой формы (48). Будда отвечает отрицательно – каждый данный момент может идти речь лишь об обретении одной из форм (49-53). Поттхапада, а затем и Читта произносят соответствующую формулу (54-55). Впоследствии принятый в общину Читта становится одним из архатов (56).

Поттхапада сутта интересна для изучения техники рассуждений Будды в полемике со своими оппонентами (в частности использование притчи); Здесь же, несмотря на то, что Будда снова делает упор на важность этико-практических заповедей, отдается дань и более отвлеченным спекуляциям – в связи с учением о формах "я" известное развитие получает теория познания, что в целом более характерно уже для содержания Абхидхаммы.

Х. Субха сутта

I. Вскоре после смерти Будды Ананда останавливается в Саваттхи, в парке Анатхапиндики. Его приглашает к себе Субха (1-4). Когда Ананда приходит, Субха спрашивает его, что восхвалял и чему учил Будда (5). Ананда говорит, что "три свода предписаний" (тиннам... кхандханам), касающихся соответственно нравственности (сила), сосредоточенности (самадхи), и постижения (6). Субха продолжает спрашивать и Ананда говорит сначала о первом "своде", составляющем начальную часть проповеди Будды (7-29 – II. 40-63). Проповедь эта вызывает восхищение Субхи. Однако, по словам Ананды, существует "еще более высокий долг" (уттарим каранийам) и Субха желает услышать о нем (30). На этом завершается первый раздел сутты.

II. Продолжая поучения, Ананда, говорит о втором "своде", связанном с сосредоточенностью и представляющем собой следующий фрагмент проповеди Будды (1-18 – II 64-82). Субха желает узнать о "еще более высоком долге" (19-20) и Ананда говорит о третьем "своде" – связанном с постижением и завершающем проповедь Будды (20-36-II 83-98). Восхищенный Субха произносит соответствующую формулу, прося принять его в ученики.

Субха сутта интересна своей новой композиционной (и соответственно отчасти смысловой) интерпретацией проповеди Будды. Это первая сутта сборника, излагающая события последовавшие вслед за смертью основателя буддизма. Завязка ее однако строится совершенно так же, как и в других суттах раздела Д, с полным переносом функции Будды на Ананду.

XI Кеваддха сутта.

Будда останавливается в Наланде, в роще Наварика. К нему приближается домовладелец Кеваддха и просит Будду приказать кому-нибудь монаху совершить чудо, чтобы воздействовать на мирян Наланды. Будда отвечает, что не станет давать такого приказания, хотя и способен сам осуществить три вида чудес: "сверхестественное" (иддхи), "чудо обнаружения" (адесана) и "чудо наставления" (анусаасани) (1-3). Первое из них связано со способностью стать невидимым, проникнуть через твердый предмет, вознестись в небо и т.д., оно однако может быть приравнено к "гандхарскому знанию", т.е. к чему-то близкому к фокусничеству и поэтому сам Будда опасается и избегает его (4-5). Второе связано со способностью монаха читать в мыслях других – оно приравнивается к знанию "маника" (возможно, подразумеваются определенные колдовские манипуляции) и также осуждается Буддой (6-7). Третье же "чудо" состоит в наставлении монаха (8), связанном с проповедью пути архата (9-68 II.50 сл.). Затем Будда рассказывает Кеваддхе историю об одном монахе, который пожелал узнать, где уничтожаются без остатка "четыре великих элемента" (маха-бхута), т.е. земля, вода, огонь и воздух (67). В поисках ответа на этот вопрос монах, перед которым открылся путь к миру богов, стал идти от одних божеств к другим, но никто не мог ответить ему и отсылал к следующим, более высоким по рангу богам (68-80). Так же дошел он до самого Брахмы, который тоже не смог ответить и отослал его к Будде (81-83). Будда объяснил монаху, что вопрос этот следует задавать не так, надо спрашивать, где эти элементы "не имеют основания" (на гадхати) – последнее происходит в "лишенном признаков, бесконечном....разумении" (виннанам), т.е. в нирване (соответствующие разъяснения изложены в гатхах). Слова эти доставляют Кеваддхе удовлетворение и радость (84-85).

Наиболее интересная деталь Кеваддха – отношение к чудесам, характерное, по-видимому, для раннебуддийской догматики и отличавшее буддизм от ряда современных ему культов. Вместе с тем, не говоря уже о более поздних течениях в буддизме, оно отнюдь не однозначно. Еще одна особенность Кеваддхи, как уже говорилось не характерная для I раздела Д – ее мифологические сцены.

ХII Лохичча сутта

Будда останавливается в Салаватике (Косала), где в это время живет брахман Лохичча. Последний полагает, что отшельнику или брахману нет смысла передавать свое учение и свои достоинства – один человек ничего не может сделать для другого, он лишь создает новые оковы, и то, что он таким образом совершает, может быть приравнено к греху алчности (1-2). Лохичча желает увидеть Будду и передать ему приглашение на трапезу через брадобрея Бхесику, который между тем успевает сообщить Будде о заблуждении Лохиччи (3-9). Придя к Лохичче и отдав его угощений, Будда желает разубедить брахмана и доказывает, что если бы Лохичча не делился ни с кем доходами, которые приносят ему владения в Салаватике, он наносил бы ущерб зависимым от него людям, и следовательно, был бы повинен в грехе враждебности и в ложном воззрении. То же самое прегрешение свершил бы и царь Косалы Пасенади, если бы он не делился доходами со своими подданными (9-12). Точно таким же образом, продолжает Будда, и отшельник или брахман, наделенный высокими достоинствами, должен наделять ими и других, чтобы не совершить прегрешения (13-15). Будда объясняет, что существует три вида учителей: первые учат других, сами не достигнув цели отшельничества, и их не слушают, вторых слушают, но они учат других, также сами не достигнув цели отшельничества, третьи учат, достигнув цели отшельничества, но их не слушают, все они так или иначе заслуживают порицания (16-18). На вопрос Лохиччи, есть ли учителя, не заслуживающие порицания, Будда отвечает, что таковым является архат, ведущий соответствующую проповедь (19-77 = II 40сл.), тот, чей ученик достиг совершенства на этом пути не подлежит порицанию (77). Отказавшийся от своих заблуждений Лохичча просит Будду принять его в общину (78).

Наиболее существенный момент, выделяющий Лохичча сутту среди других сутт Д – отношение к проповеднической деятельности. Необходимость такой деятельности молчаливо подразумевается во всех других суттах, где она неизменно служит завязкой повествования и пружиной всего действия, но здесь долг этот получает теоретическое обоснование. Указанная черта свидетельствует о ярко выраженном прозелитизме, присутствующем буддизму уже на заре его существования и имеет, как говорилось выше, первостепенное значение для понимания дальнейших судеб учения Будды.

ХIII Тевидджжа сутта (сутта о знании трех вед)

Будда останавливается в манговой роще около селения Манасаката (в Косале). В это время там находится множество знатных брахманов (1-2) и между двумя из них - юношами Васеттхой и Бхарадваджей - начинается спор: каждый считает, что именно его учитель (соответственно брахманы Поккхарасади и Таруккха) учат истинному пути к соединению с Брахмой (3-6). Чтобы разрешить соединенный спор, они обращаются к Будде (7-8). Начинается беседа о пути соединения с Брахмой. Разные брахманы учат различным путям. Будда выясняет у Васеттхи, что никто из этих брахманов, "сведущих в трех ведах", и их наставников не видел воочию Брахму (9-14). Таким образом они проповедуют путь к тому, что не знают и чего не видят, и подобны веренице слепых, держащихся друг за друга (15). Далее Будда показывает, что эти брахманы сходным образом поклоняются солнцу и луне, не зная пути соединения с солнцем и луной (16-18); они подобны мужчине, влюбленному в женщину, которой он не видел и не знает, или же строителю, сооружающему лестницу на террасу, местоположение и высота которой ему неизвестны (19-23). Словно человек, который, желая переправиться через реку, стал бы напрасно звать к противоположному берегу, чтобы тот сам пришел к нему, эти брахманы, отказываясь от свойств истинного брахманства, бесплодно зывают к Индре, Соме и другим богам (25-26), они опутаны пятью признаками чувственности (кама), т.е. зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом и осязанием, и эти преграды (ниварана) не дают им "с распадом тела после смерти соединиться с Брахмой" (27-30). Задавая последовательно вопросы, Будда выясняет с Васеттхой отдельные свойства Брахмы (который "не обладает имуществом", "не враждебен в мыслях", и т.д.) и прямо противоположные свойства брахманов, сведущих в трех ведах, "обладающих имуществом" (сапариггаха), "враждебных в мыслях" и т.п. - и показывает, что при подобном различии они не могут достичь Брахмы (31-36). Васеттха спрашивает у Будды о пути к соединению с Брахмой, тот отвечает, что знает и Брахму и этот путь (37-39) и произносит проповедь о пути архата (40-75 = II, 40 сл.). Достигший подобного состояния "пронизывает своим разумом" все страны света, охватывая таким образом весь мир, таков путь к соединению с Брахмой (76-79). Затем Будда выясняет с Васеттхой, что достигший такого состояния монах "не обладает имуществом", "не враждебен в мыслях", и т.д., - иначе говоря, наделен теми же свойствами, что и Брахма, и потому способен соединиться с ним (80-81). Выслушав это, удовлетворенные Васеттха и Бхарадваджа просят принять их в общину (82).

Тевидджжа сутта содержит развернутую полемику Будды с традиционными брахманскими авторитетами, и таким образом весьма интересна как для изучения соответствующих взаимоотношений на раннем этапе существования буддизма, так и для понимания важных черт его догматики. В этом плане существенно отношение Будды к ряду конкретных аспектов брахманской традиции - известная (хоть и выраженная лишь в соответствующем определении, вошедшем в главный заглавии сутты "Тевидджжа") критика авторитета трех вед (т.е. Ригведы, Самаведы и Яджурведы), критическое отношение к таким древним авторитетам, как Вамадева, Вессамитта, Ангираса и др. (см. соответствующий комментарий), к определенным деталям ритуала (поклонение

солнцу, луне, воззвание к отдельным божествам). Наиболее резкое и развернутое осуждение встречается, однако, как мы видим, брахманская догматика, связанная с учением о пути к высшему началу, Брахме. Не отрицая существования этого начала, Будда отвергает претензии брахманов как не подкрепленные знанием, и противопоставляет им уже известный нам "путь". По сути дела, переосмысляя индуистского Брахмана и подчиняя его образ своей концепции, он отождествляет друг с другом соединение с Брахмой и достижение архатства. Интересно и осуждение Буддой некоторых конкретных норм поведения брахманов - в частности, их отношения к собственности и умонастроения.

[1] Здесь излагаются лишь самые краткие сведения о текстах, окружающих Дигха Никаю в рамках палийского канона. Подробно о композиции и содержании отдельных его частей см. Винтерниц, 1920, 7 и сл. также, Керн 1896, 1 и сл; Гейгер, 1956, 15 сл. 23 сл. (весьма удачное, сжатое изложение на русском языке) и др.

[2] См.БС, 1, 23-24; ср.Керн, 1896, 7; Лямотте, 1958, 158, Э. Конзе 1968, 7 и др.

[3] В связи с биографией Будды ср. из наиболее серьезных работ, Сенарт, 1882, Керн, 1896, 12-46; Томас, 1927; Фуше, 1949; Лямотте, 1947/48; Лямотте, 1958, 16 сл.; Панде, 1957, 369-394, Бароу, 1963 и др. Об образе Будды ср. ниже, стр. в связи с датировкой его жизни см. напр. (кроме специально оговоренных случаев ниже даются соответственно даты смерти или рождения и смерти); Винтерниц, 1920, 1 (ок.480 г. до н.э.); Барт, 1921, 106 (между 482-472); Якоби, 1930, 3 (484), Глазенапп, 1936; 19 (ок. 560-484 или 477); Рену; Фильоза, 1947/53; II, 470 (ок. 558-478); Фуше, 1949, 322 сл. (ок. 543-477); Гейгер, 1956,10; (483); Гюнтер, 1956,35 (483); Лямотте,1958; 18 сл. (486); ДТ, 18 (480 гг.).(ср. там же, прим.18); Панде, 1957, 37, (род. в 563); Смит, 1957, 266 сл. (ок. 566/5 ок. 487); Вайман, 1962 (род. В 572); Конзе, 1962, 31 (ок. 560-480); Пачоу, 1965 (483); Мигот, 1969, 18 (563-483); Богнард-Левин, Ильин, 1968 (между 560 и 470 гг.)

[4] Так, в Р.О. Франке, основываясь на критике текста Махапариниббана сутты в сопоставлении с ЧВ, XI-XII вообще подвергал сомнению существование 1 и 2 соборов (Франке, 1908, что однако вряд ли основательно (ср., в частности, более осторожное суждение Л. де Валле Пуссена (Ла Валле Пуссен, 1925)). В связи с критикой сообщений о первых буддийских соборах, и проблемой их роли в оформлении канонической традиции см. Минаев, 1887, 15 сл., Керн, 1896, 103 сл. Ольденберг, 1898, 613 сл.; Винтерниц; 1920, 4 сл.; Пжилуцкий, 1926/28 ; Маджумдар; 1931; Нюфингер, 1946; Фильоза, 1948; Фрауваалльнер,1952; Демевиль,1951; Вальдшмидт, 1954; Бароу, 1955; Панде, 1957; Бонгард-Левин, 1964 и др.; Лямотте, 1958, 136 и сл.

[5] Из наиболее важных исследований этой проблемы см. Валлезер, 1927, Лямотте, 1958, 571 сл; С 1, 456 сл. (П. В. Бапат); Бароу, 1955.

[6] Т. Рис. Девидс, 1916, 188; ср. Лоу, 1930, 1, 1 сл.

[7] Панде, 16

[8] Фрауваалльнер, 1956, в частности, 65 сл.

[9] Ср. Керн, 1896, 3 сл.; Панде, 1957, 2 сл., Лямотте, 1955, 168 сл. и др.

[10] См. Вебер, 1876, 302 сл.

[11] Ср. ДТ 34 сл, Топоров, 1963 (там же указана литература в опр.)

[12] Ср. Вальдшмидт, 1944/48, там же 1950/51, там же 1961, ср. его анализ отдельных свидетельств Махапариниббаны с привлечением шести ее версий: палийской, санскритской (Муласарвастивадинов) и четырех китайских (Диргхагама и др.) – Вальдшмидт, 1939.

[13] Ср. напр., Вальдшмидт, 1932, Стах-Розен, 1957/68 и др.

[14] См. Токийское издание 1924-1929 (Дж.Такакусу, К. Ватанабе). Ср.С. Бал, 1876; Анесаки, 1907/1908; там же 1907/08; Муккерджи, 1927, 30; 76 сл.; Аканума,1929; Панде, 1957, 4 сл. 77 сл.

[15] В частности, в китайском тексте Диргхагама, 80 сутт; 11, 12 и 34 сутты Д расходятся с соответствующими китайскими текстами, а 6, 7, и 10 сутты Д здесь вообще отсутствуют. Порядок сутт в Диргхагаме и Д различный. Ср. анализ отдельных сутт с привлечением соответствующих версий: Веллер, 1928, Паннасири 1950 и др., а также важные выводы Ф. Веллера об аутентичности отдельных традиций; Веллер, 1928, в частности, 154 сл. Ср.

также об отдельных тибетских текстах, Веллер 1933: там же 1935, и др.

[16] См. Фраувальнер, 1956, 1 сл., Панде 1957, 2 сл.

[17] Так ряд исследований буддизма в прошлом веке до публикации палийских текстов был основан именно на северной традиции – ср. Короси, 1957, Васильев 1857, Рокхилл, 1907 и др.

[18] См. Минаев 1887, в частности, стр. 16 и др.

[19] В связи с обсуждением этой проблемы ср. Ла Валле Пуссен, 1925, 32 сл. Валлер, 1928 а, в частности выводы на стр. 178-179; Беррер 1856 и др. См. обзоры Регами 1957, 37 сл. ДТ стр. 19 сл.; Э. Конзе 1968, 1 сл.

[20] См. Винтерниц, 1929; Шайер, 1935, Кэйс, 1935: ДТ стр.21 сл. и др.

[21] Следует помнить, что ни санскритские, ни палийские версии не являются первоначальными и восходят к неизвестному нам оригиналу – по-видимому, на одном из среднеиндийских диалектов. Ср. Леви, 1912; Людерс, 1954; Топоров 1963, стр. 283. Ср. наблюдение М. Винтерница (Винтерниц, 1920, 16) о сравнительных особенностях палийских и санскритских буддийских текстов, в частности, о близости первых к упанишадам и вторых – к пуранам.

[22] Рену, Фильоза, 1947/53, 11, 516, сл. Ср. Регами, 1957,38 и след. Э.Конве, 1968, 4, 10 сл.

[23] Ср. Ольденберг, 1912, 209, Франке, 1908, 75; тем еж 1914, Ля Валле Цубсен, 1925, 49; Елизаренкова, Топоров 1965, 15 и др.

[24] Франке, 1908, 66 сл.; там же, 1915/17, 455, сл. и др.Ср. в этой связи критические замечания – Кейс 1923, 17 сл, См. также ДП, IX, сл. ( ) ; Франке, 1913; ср. I, VII, (Т.Рис Девидс, Дж.Карпенгер).

[25] О.Штраус, 1925, 87.

[26] Бапат, 1926, 1 сл. Лоу. 1931 и др.

[27] Ср. Фик, 1897, Т.Рис Дэвидс. 1901, СНІ, 171 сл. (Т.Рис Дэвидс),ЛА валле Пуссан, 1924, 238 сл, Датт 1926, 82 сл. Якоби, 1980, Лоу, 1924, там же 1926, там же 1938, там же 1946, Бос. 1942, 481 сл; Рену Фильоза, 1947/53 I. 203 сл., Сен 1954, Джайясвал 1955, 40 сл; Гхошал, 1957, 59 сл. 380 сл.Смит, 1957, Ламотте, 1958, 93 сл; Бонгард-Левин, Ильин 1969, стр.225 сл.

[28] Ср. Минаев, 1957. стр.193, сл.; Винтерниц, 1920, 152 сл. Малаласекера, 1928, 79 сл. Лоу, 1933, II, 399 сл.; там же 1946а, Субрахманиам, Найнар, 1952, Бакерджи, 1964, 81 сл.

* Здесь и ниже отдельные сутты Д обозначаются римскими цифрами соответственно своему порядку в сборнике: I – Брахмаджала, II – Саманнапхала, III – Амбаттха, IV – Сонаданда, V – Кутаданта, VI – Махали, VII – Джалийя, VIII – Кассапа Сиханада, IX – Поттхапада, X – Субха, XI – Кеваддха, XII – Лохичча, XIII – Тевиджджа, XIV – Махападана, XV – Маханидана, XVI – Махапариниббана, XVII – Махасудассана, XVIII – Джанаваасабха, XIX – Махаговинда, XX – Махасамайя, XXI – Саккапанха, XXII – Махасатипаттхана, XXIII – Пайаси, XXIV – Патика, XXV – Удумбарика, XXVI – Чаккаватти, XXVII – Агганна, XXVIII – Сампасаданийя, XXIX – Пасадика, XXX – Лаккхана, XXXI – Сингаловада, XXXII – Атанатийя, XXXIII – Сангити, XXXIV – Дасуттара.

[29] Лоу, 1926, там же, 1933, II. 409 сл.

[30] О происхождении этого названия ср. Алвис, 1833; Чилдерс, 1909, XII, сл, Гиерсен, 1917, Валлезер, 1924, (пали патали путра); Лоу, 1933, I, IX сл ; Сиддхартха, 1931, Багчи, 1936; Махандали, 1955, Эджерстон, 1956, и др. Пали скорее всего этимологически обозначает: "текст", позже "священный текст". Ср. Гейгер, 1956, I, сл.; Пизани, 1957, 189, Елизаренкова, Топоров, 1965, 7 сл. 12-13, там же, стр. 205-213. Избранная библиография пали.

[31] Ср.Леви, 1918, 511, Людерс, 1954, Бергер, 1956, Елизаренкова, Топоров, 1965, стр.10-11.

[32] Елизаренкова, Топоров, 1965, 14; ср.Ольденберг, 1917, 41, Гейгер, 1956, 2.

[33] Ср. о соответствующих признаках Бапат, 1926, I сл. Достаточно разнородны и принципы объединения других текстов в рамках СП (напр. М – ср. Винтерниц, 1920, 42).

[34] Более детальную характеристику содержания отдельных сутт см. ниже, стр.

[35] Ср. об этих повторах 1, 59.

[36] П. Бапат, 1926, 3. Ср. также традиционное объяснение такого названия почетом, которым пользуются эти сутты (ДК, II.)

[37] Д. Кашьяп замечает, что правильнее было бы назвать этот раздел Патикади (раздел, начинающийся с Патика сутты), и что в этом значении здесь очевидно и употреблено Патика ДК, III, IX.

[38] Ср. Бапат, 1926, 1,2 сл.

[39] Ср. Керн, 1896, 2; Ла Валле Пуссен, 1926, 34; Гейгер, 1956, 10; Броу, 1950, С. Дафф, 1957, 3 сл.

[40] Ср. ДФ, 30, 12 и др. Франке, 1913, 198 сл. он же 1913 и др.

[41] Ср. Гейгер, 1956, 17, п.4, Рену Фильоза, 1947, 58, 2, 350 сл.

[42] Франке, 1913а, 414 сл. Ср. также его комментарии в ДФ.

[43] Ср. Франке, 1913а, 419-461.

[44] Можно отметить, что подобная "комбинаторика" весьма характерна и для других классических индийских трактатов за пределами буддийской традиции – ср. еще более сложные перечисления у теоретиков драмы, в эротологической литературе и т.д. (ср. Сыркин 1967, стр. 71 сл.)

[45] Ср. Лоу, 1953.

[46] О композиционной роли триад в Д ср. также Франке, 1915/17, 98.

[47] Ср. примеры отдельных числовых комплексов в буддийской традиции: Э. Конзе, 1956, 184, и сл.

[48] Ср. Сыркин, 1938, ср. н. Топоров, 1968, Сыркин, 1969, 83 сл. (в частности, параллели с числовой символикой Упанишад)

[49] Ср. Хейманн, 1938. ср. наблюдения над организацией Кумарапаньхам (из Кхуддака патха), где содержится сходная градация (1-10) и др. текстами – Топоров. 1968. 68 сл.

[50] Ср. Сыркин, 1971, 95; см. Хейманн, 1930, 181 сл. Ольденберг, 1923, 302.

[51] Ср. Рену, Фильоза, 1947/58, 2, 338 сл., Ламотте 1958, 157 сл., Алиханова 1971, 167 сл.

[52] Ср. ДР, I, 59.

[53] Ср. Сыркин, 1971, стр. 94-95.

[54] Топоров, 1968, 54 и сл. Анализируя самую первую главу Дхаммасангани, автор представляет ее в виде восьми формул, реализующихся из трех различительных признаков, каждому из которых может быть придано положительное или отрицательное значение. В следующих главах подобные перечни обязательно носят исчерпывающий характер, реализуя лишь некоторые варианты. Ср. выше (стр.) о более простой комбинаторике Д.

[55] Там же, стр. 58.

[56] ср. Винтерниц, 1920. 51 сл; Гейгер, 1956, 11-12; Кумарасвами, 1916, 260, 274, ср. в этой связи Ольденберг, 1905, 341 сл.

[57] Ср. замечания о подобного рода воздействии – Ольденберг, 1917, 46 сл.

[58] Гейгер, 1956, 12; От отдельных таких параллелях (в частности, в гатхах) см.

[59] Ср. Винтерниц, 1920, 53; Лоу, 1933, 644, Ольденберг, 1905, 244 сл., Кланси, 1959.

[60] Винтерниц, 1920, 59-60; ср.БУ, стр.27, ЧУ, стр. 28-30.

[61] О гатхах Д см. Франке, 1909, ср.Елизаренкова, Топоров, 1965, 58 сл., Вардер, 1967, в частности 16,86,94 сл.98,225.

[62] Ср. Вардер,1967, 94.

[63] Вардер, 1967, 226.

[64] Ср. Бапат, 1926, 2 сл; Томас, 1933, 265 сл.

[65] Ср. ДР. III, 1; 1926,13.

[66] См. Бапат, 1926, 1 сл; Томас, 1933, 265 сл, ср. характеристики каждого из разделов в ДК, XXII-XXVI; II, XXV-XXVI, III, XX-XXII.

[67] Ср. Франке, 1913, он же, 1926.

[68] Ср.Бапат, 1926, 2,12, Франке 1914, 355 – мнение,что Будда воплотил в себе идею божества, участвующего в повседневной жизни. Ср.также о соответствующих аспектах образа Будды – Глазенапп, 180 сл. Бароу. 1949, См. в этой связи ниже, стр. (замечание А.Принса).

[69] Ср.характер срут XIV,XVIII-XXI,XXVII, XXXII,см.в этой связи Массон, 1942.

[70] Ср. Сенарт, 1882, Франке, 1915/17, 455 сл. Мы не останавливаемся здесь на проблеме историчности Будды – проблеме, которая, по справедливому, на наш взгляд, мнению подавляющего большинства исследователей, независимо от степени достоверности, отдельных факторов его биографии, сама по себе должна быть решена положительно – ср. напр., Ла Валле Пуссен, 1898, 19; Винтерниц, 1929а, 235 сл. Рену, Фильоза, 1947/53, 11, 463, Лямотте, 1947, 58, 40 сл., Смит, 1957, ДТ, 10, 11, Бароу, 1963, Бонгард-Левин, Ильин, 1969, стр. 424 и др., Э. Фрауваальнер, в частности, не без оснований полагает, что сведения о Будде во всяком случае более достоверны, чем о некоторых современных ему греческих философах, напр., Фалесе (Фрауваальнер, 1957, 311 сл.) Здесь рассматриваются лишь некоторые черты литературного образа Будды, засвидетельствованные в Д. Ср. в этой связи прагматический подход к характеристикам Будды в работах Керн, 1896, 12 сл, Ольтрамар, 1923, Кейс, 1923 Лямотте, 1947, 48, 40 сл.; он же, 1955, Фуше, 1949.

[71] Ср. Агравала, 1951.

[72] Ср. Сыркин, 1971, стр. 99.

[73] См. Лямотте, 1947/48, 49 сл.

[74] Принс, 1970, 116 сл.

[75] Ср. его статью.

[76] Принс, 1970, 116 сл.

[77] Ср. Лоу 1933, 417 сл. А также об отдельных лицах: Лоу 1926, 161 сл., Мигот, Батт, Баджпай, 1956, 117 сл. Бароу 1959 и др.

[78] Ср.ДР, III,1сл,Бапат, 1926,13.Проблема юмора в буддийских текстах представляется весьма сложной, если учесть, что неадекватность соответствующих критериев(ср. Сыркин 1963, стр.66, сл.47). По-видимому, можно во всяком случае говорить об определенной иронии в некоторых поучениях Будды ср.его беседу с Кеваддхой (XI –

4сл.), его притчи о человеке, влюбленном в женщину, которой он не видел, и не знает, о самой постройке лестницы, ведущей неизвестно куда (IX.35,37=XIII.19.21, см.ниже) Ср.Винтерниц 1921, 57, Сейденструкер, 1921, 37-39.

[79] Ср. Рис-Дэвидс, 1906/07, Винтерниц, 1920, 54 сл.

[80] Винтерниц, 1920, 58-59.

[81] Ср.Севелл, 1888, Меншинг, 1929, Кирфел, 1939, 34 сл. и др.

[82] Ср.Ольденберг, 1917, 42 сл.

[83] С.Алиханова, 1971, 168.

[84] Ср. в этой связи сжатые характеристики Д по книгам, ДК I,22, II,25 сл., III,20 сл.

[85] Ср. напр. из более известных трудов: Валлезер 1904, Кейс, 1923, Ля Валле Пуссен, 1930, Томас, 1933, Фрауволлнер, 1953, 147 сл, Гюнтер, 1956, Панде, 1957, 397 сл, Лямотте, 1958, 25 сл, Рипе, 1961, 116 сл, Конзе, 1962, ср., в частности, на русском языке Ольденберг, 1905, 272 сл. Питель, 1911, 86 сл. Розенберг, 1918, Радхакришнан, 1956, стр.290 сл, Пятигорский 1968, См. библиографию в Регами, 1950.

[86] В этой связи значительный интерес представляет попытка Р.О. Франке систематически выделить соответствующие свидетельства Д (Франке, 1915), 17, ср. ДФ,Х. Сл. и критические замечания – Кейс, 1923, 21).

[87] Ср.Кейс, 1931,398 сл. (в полемике с Ф.Щербатским-Щербатской, 1932, Кейс, 1936, 3сл; см. также С.Шайер, 1935,132; К.Ясперс (Джасперс, 1957, 142).

[88] Глазенапп, 1962, 38-46

[89] Ср.Розенберг, 1918, 286 – в частности, о том, что подобная установка Будды не являлась отрицанием "метафизического субстрата в каждой личности".

[90] Ср. Ла Валле Пуссен, 1927, Дальке, 1923, Кришан, 1956 и др.

[91] Ср. БУ стр.19, Якобсен, 1966, 30 сл. Сыркин 1967, стр.4 Пятигорский, 1968, стр.171.

[92] См. в этой связи более общие работы. Бастиан, 1880, Бохн, 1921, К. Рис Дэвидс, 1924, она же 1936, Лямотте, 1947\48, 70 сл. и др. ср. также об отдельных понятиях – Эджерстон, 1927, 231 сл. Пятигорский 1968, 175 сл. Йоханссон, 1969, и др. об отношении к современной психологии – Парсфилд, 1970 и др.

[93] См. Пиешель, 1911, стр. 86, Щербатский 1919, стр. 42, Рубен, 1954, 121, Бхатта, 1956, и др. Ср. Халл, 1967, (на материале японского буддизма).

[94] Ср. Розенберг, 1918, 133 сл., Ниянатилока 1950, 73, пр. 233 ДТ, 148-149, Пятигорский 1968, 178 сл. и др.

[95] Ср. для примера соответствующие переводы их названий:

Франке, 1915/17, 463,

В связи с толкованием Самкхара ср. также ПР 233,

; Ниянатилока, 1950, 141, ДТ, 149, "наклонности или способности", см. также ДФ 307-308 (= О виннана, по видимости, близком к понятию различительной способности, "распознавания" (ср. его употребление в ранних Упанишадах), см. также К. Рис Дэвидс, 1924, 12 сл. Ф.И. Щербатской, 1929, (= Он же, 1932, (= Кирфел, 1938, Накамура, 1955, 78; Регами, 1957, 53, Виджесекера, 1964, (=

[96] Ср. в этой связи Розенберг, 1918, 218, сл. Ниянатилока, 1950, 113 сл. ПР 394 сл. Пятигорский, 1968, стр. 191, Дандарон, 1968, (по тибетским источникам и др.).

[97] Ср. ДТ 140: "греховное желание, заблуждение".

[98] Ср. Франке, 1915\17, 78-80, Силачара, 1822, и др. (соответствующие сведения даны практически во всех

сколько-нибудь подробных описаниях буддийского учения).

[99] Сати, Скр, смрити (букв, "память"), по-видимому, близко по смыслу и способности сознавать свои состояния, вниманию к внутренним процессам и т.п. (ср. XXII 21). Ср. Франке, 11915/17, 80 и др.: Сичбесиннен, Винтерниц, 1929, 160 сл. (то же Малаласекера, 1957, 40, Дуфф, 1060, 143, и др. Силачара, 1922, 129., 1935. 162: Ср. также в русских переводах: Чаттерджи, Датта, 1955, 118, "правильное направление мысли", Косамби, 1968, 114 "Правильное самопонимание", Бонгард-Левин, Ильин, 1969, 432, "Праведная память".

[100] Ср. Пр. 362 сл. Франке, 11915/17, 475 сл., ДТ 45-46, Ср. также Дальман, 1896, Шрадер, 1904-05, Данид 1911, 186 сл., Хейлер, 1922, 36 сл., Ла Валле Пуссен 1925, он же 1932, Нарада, 1932, Щербатской 11927, Регами 1958, Вельбон, 1965, он же, 1968, Кумо 1968/69, 42, Йохансоон, 1969, Рупп, 1971

[101] В частности, по-видимому, отнюдь не в значении "конечная нирвана", (ср. Пятигорский 1968, 201,) а как "достижение (парни-)нирваны" – ср. Томас, 1947, ДТ, 45.

[102] Мы не останавливаемся здесь на более поздней махаянистской интерпретации этого термина. См. детальное исследование различных значений дхамма, В. Гейгер, 1920, ср. ПР 335 сл. А также Керн, 1882, 352 сл. Франке 1915/17, 86 сл., Щербатской, 1923, Глазенапп, 1938, он же 1939, Фалк, 1943, Регами, 1957, 55 сл., ДТ, 43-45, Конзе, 1962, 92 сл., Пятигорский 1968, 175 сл. (выделение 1 космического, 2 этологического, различительного и 3 этического, оценочного, аспектов дхармы) и др.

[103] Ср. Пр. 712-713, Франке, 1915/17, 56 сл., см. соответствующий комментарий

[104] Для подобного восхождения характерно последовательное снятие противопоставлений, связанных с реакцией на феномены окружающего мира, до известной степени аналогичное отмеченному применительно к догматике ранних упанишад см. Сыркин 1967а, 153 сл., Ср. Франке, 1915/17, 65 сл., Хейлер 1916, он же 1922, 14 сл., Лоунсбери, 1935, 49 сл., Чаттерджи, Датта 1955, 119-120; Г. Гюнтер, 1956, 371 сл., Пятигорский 1968, 200 сл.

[105] См. ДН, 287-297, Франке, 1913, (о теме Будды-Татхагаты, как объединяющей темы) Франкеб 1915/17, 50 сл. В связи с толкованием этого слова см. также Чалмерс, 1898, Шаве, 1898, Харлен, 1898, Гарди, 1906, 65; Хопкинс, 1911, (человек совершенный, человек умерший, параллели с языком эпической поэзии), Валлезер, 1930. Шаер, 1935а, Томас, 1936, Кумарасвами, 1938, Филлиозат, 1952, Гюнтер, 1956, 23 сл, Датт, 1957, 33, ДТ 151, Н, Датт, 1960, 295, сл. Такеучи, 1965, 49 сл.

[106] См. в этой связи об арахант: Леманн, 1921б 19 сл. Бароу, 1957, ДТ, 140-141, Н. Датт, 1960, 265 сл. Пятигорский, 1968, 195 с Йоханссон, 1969, 116 сл. Налангода, 1970, 426.

[107] Ср. в этой связи Розенберг, 1918, Лоу, 1937, Регами, 1950, Нйанатилока, 1950, Хамфри, 1963.

[108] Ср. Валле Пуссен, 1962; он же 1936 (о сравнительно позднем, по его мнению, отрицании "нк") ДФ 37, АНМб Л; Щербатский, 1919, Ратанагупта, 1944, Глазенапп, 1950, 10 сл. Панде, 1957, 482 сл. Хорш, 1957/58, 34 сл. Н. Датт, 1960, 229 сл, Сыркин, 1960, 43 сл.

[109] Уордер, 1956, 61 сл., ср. ДТ, 42

[110] Ср. Ольденберг, 1923, Прилуцкий, 1932, Накамура, 1955, Радхакришнан, 1956, 400, Мал, 1958, Сыркин 1967.

[111] См. например, Шрадер 1935, Дженнингс, 1947, Глазенапп, 1950, Сенгупта, 1953, Раджу, 1957, и др. См. также о параллелях между буддизмом и традиционным индуизмом Моньер-Вильямс, 1888, он же, 1890, Джагадшварананда, 1932, Глазенапп, 1934, Кумарасвами, 1943, Тилак, 1956, Анагарика Дхармапала, 1965, 351 сл. и др. О более архаичных элементах в буддизме см. Шаер, Ст., 1934.

[112] Ср. Харди, 1890, Леманн, 1921, Бохн, 1921, Джайн, 1931, Глазенапп, 1957.

[113] Ср. Якоби, 1896, он же, 1898, Ольденберг, 1923, 287. Ср. Рис Дэвидс, 1933, Шрадер, 1935, Радхакришнан, 1956, 402, сл. и др. Особую проблему составляют параллели между более поздним буддизмом и йогой, тантризмом и т. д. (ср. Ла Валле Пуссен, 1896, 82 сл., 118 сл.)

[114] Ср. Лоу, 1931а, Кейс, 1936, 3 сл, Мал, 1958, 40 сл, Анагарика Дхармапала, 1965, 317 сл. и др.

[115] Ср. о соответствующем принципе Франке, 1916, Валлезер, 1923/24, С. Рис Дэвидс, 1924/27, Винтерниц, 1929а, 238, Сримм, 1944, 161, Сасаки, 1963, и др. См. также в этой связи о "Молчании Будды", Орган, 1954, Такеучи, 1965, Джасперс, 1957, 225 и др.

[116] Ср. Хейманн , 1946 , Сыркин 1968а , он же 1971а , стр.157 сл.

[117] См . Томас ,1926 ,сл. I, Лоу , 1931б , он же 1933 ,652 сл, он же 1941 , 80 сл и др., Датт, Баджпай 1956, 143 сл. и др.

[118] Ср. Гокхал , 1965.

Предания Дхаммапады

(Краткое изложение традиционного комментария к Дхаммападе)

Перевод с пали на английский, сокращенный пересказ Дхаммапада-Аттхакатхи:
До Мья Тин, Бирманская Ассоциация Питакки (1986)

Перевод с английского на русский по тексту: The Dhammapada Stories

Глава I:

Парные строфы
(Yamakaavagga)

Строфа/

История История

1/1 О старейшине Чаккхупале

2/2 О Маттхакундали

3-4/3 О старейшине Тиссе

5/4 О яккхине Кали

6/5 О монахах из Косамби

Глава II:

О старательности
(Appamadavagga)

Глава III:

Об уме
(Cittavagga)

Строфа/ История История

35/2 Об одном монахе

Глава IV:

О цветах
(Purphavagga)

Строфа/ История История

57/11 О Тхере Годхике

Глава V:

О глупцах
(Balavagga)

Глава VI:

О мудрецах

(Panditavagga)

Глава VII:
Об Арахантах
(Arahantavagga)

Глава VIII:
О тысячах
(Sahassavagga)

Строфа/ История История
112/11 О Тхере Саппадасе
Глава: IX
О зле
(Paravagga)

Глава X
О насилии
(Dandavagga)

Глава XI
О старости
(Jaravagga)

Глава XII
О самом себе
(Attavagga)

Глава XIII
О мирах
(Lokavagga)

Глава XIV
О Буддах
(Buddhavagga)

Глава XV
О счастье
(Sukhavagga)

Глава XVI
О приятном
(Piṇavagga)

Глава XVII
О гневе
(Kodhavagga)

Глава XVIII
О пороках
(Malavagga)

Глава XIX
О приверженном Дхамме
(Dhamma.t.thavagga)

Глава XX
О пути
(Maggavagga)

Строфа/ История История
286/10 О купце Махадхане
Глава XXI
О разном
(Pakinnakavagga)

Глава XXII
О преисподней
(Nirayavagga)

Глава XXIII
О слоне
(Nagavagga)

Глава XXIV
О жажде
(Tanhavagga)

Глава XXV
О монахах
(Bhikkhuvagga)

Глава XXVI
О брахманах
(Brahmanavagga)

Строфы

(Переводы с пали и английского)

- 1 Умственным процессам предшествует интеллект (мано), он их возглавляет и создает.
Если с нечистым интеллектом кто-нибудь говорит или действует, то за ним следуют несчастья, как колеса вслед за упряжним животным.
- 2 Умственным процессам предшествует интеллект (мано), он их возглавляет и создает.
Если с чистым интеллектом кто-то говорит или действует, то счастье следует за ним, неотступное, как тень.
- 5 Никогда в этом мире злоба не утихомиривается злобой,
Она утихомиривается лишь беззлобностью. Таков извечный закон.
- 35 Трудно управлять умом; подвижно, легко он перемещается и останавливается там, где ему приятно.
Хорошо – смирить ум, потому что смиренный ум приносит счастье.
- 42 Никакой враг не может принести столько вреда,
Сколько могут принести собственные мысли, основанные на жажде, ненависти и зависти.
- 75 Путь, ведущий к мирской выгоде – это одно,
А путь, ведущий к Ниббане (путём духовной практики) – это другое.
- 110 Чем сто лет жить безнравственно и разнузданно,
Лучше один день прожить в добродетели и медитации.
- 112 Лучше, чем сто лет жизни ленивого и праздного,

один день жизни энергичного и усердного.

118 Если человек совершил добро,

пусть делает его снова и снова.

Пусть он желает совершать добрые поступки,

Ведь накопление заслуг - радостно.

122 Не думай легкомысленно о добре:

"Оно не придет ко мне".

Ведь и кувшин наполняется от падения капель.

Умный наполняется добром,

даже понемногу накапливая его.

127 Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть,

Не найдется такого места на земле, где бы живущий избежал последствий дурных поступков.

129 Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти –

Ставя себя на место другого, не убивайте и убивать не заставляйте.

130 Все дрожат перед наказанием, всем дорога жизнь –

Ставя себя на место другого, не убивайте и убивать не заставляйте.

165 Каждый поистине сам себе спаситель, ибо кто ещё может быть спасителем?

Путем самоконтроля каждый обретает [в лице самого себя] спасителя, которого так нелегко найти.

165 Сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя.

Не совершает зла он тоже сам, и сам очищает себя.

Чистота и скверна зависят от него самого.

Одному другого не очистить.

182 Редко появляются [в этом мире] Будды.

183 Не делать всякое зло, быть приверженным умелым поступкам, очищать свой ум.

Таково учение всех Будд.

189 Небезопасно такое прибежище, не возвышенно такое прибежище.

Прибегая к такому прибежищу, не освободиться от всего страдания.

190 Но тот, кто прибегает к прибежищу в Будде, Дхамме и Сангхе,

С правильным знанием видит Четыре Благородные Истины:

191 Страдание, причина страдания, прекращение страдания,

И Благородный Восьмеричный Путь, что ведет к прекращению страдания.

192 Такое прибежище действительно безопасно. Такое прибежище действительно наилучшее.

Ища такое прибежище, освободишься от всего страдания.

194 Счастье, когда [в этом мире] появляется Будда.

197 Давайте жить счастливо без ненависти среди тех, кто ненавидит.

Среди ненавидящих давайте жить без ненависти.

198 Давайте будем здоровыми среди больных [страстями].

Среди больных давайте жить в свободе от болезней.

199 Давайте будем жить без пристрастия [к чувственным удовольствиям] среди тех, кто пристрастился.

Среди пристрастившихся мы живём без пристрастий.

201 Победитель растит ненависть, а побеждённый живёт в страданиях.

Тот, кто отрешился от победы и поражения – счастлив и умиротворён.

252 Легко заметить чужие недостатки,

А свои собственные увидеть действительно трудно.

276 Вы должны сами сделать усилие [чтобы прекратить страдания].

Татхагаты лишь указывают путь.

286 "Здесь я проведу сезон дождей, здесь – зиму и лето", –

Так рассуждает глупец, не постигая опасности смерти

320 Многие люди порочны, и я буду терпеть оскорбления,

Как слон в битве – стрелу, выпущенную из лука.

385 Я называю брахманом того, для кого не существует ни этого берега, ни того берега, ни этого и того вместе,

Кто бесстрашен и свободен от привязанностей.

Дигха Никая 1

Брахмаджала сутта

Сутта о сети совершенства

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот, что я слышал. Однажды Блаженный шел по главной дороге между Раджагахой и Палаидой с большой толпой монахов, с пятьюстами монахами. А странствующий аскет Суппия тоже шел по главной дороге между Раджагахой и Палаидой с юным учеником Брахмадаттой. И вот странствующий аскет Суппия на все лады порицал Будду, порицал дхарму, порицал сангху; Брахмадатта же, юный ученик странствующего аскета Суппии, на все лады восхвалял Будду, восхвалял дхарму, восхвалял сангху. Так оба они, учитель и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, шаг за шагом следовали за Блаженным и толпой монахов.

2. И вот Блаженный прибыл с толпой монахов в царскую обитель в Амбалаттхике, чтобы провести ночь. А странствующий аскет Суппия тоже пробыл с юным учеником Брахмадаттой в царскую обитель в Амбалаттхике, чтобы провести ночь. И там странствующий аскет Суппия снова на все лады порицал Будду, порицал дхарму, порицал сангху; Брахмадатта же, юный ученик странствующего аскета Суппии, на все лады восхвалял Будду, восхвалял дхарму, восхвалял сангху. Так оба они, учитель и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, шаг за шагом следовали за Блаженным и толпой монахов.

3. И вот после ночи многие монахи поднявшись на заре, собравшись и усевшись в беседке, повели разговор такого рода: "Как чудесно, братья, как необычайно, братья, что Блаженный – все знающий, все видящий, архат, в совершенстве просветленный – столь хорошо постиг различные склонности существ. Ведь вот странствующий аскет Суппия на все лады порицает Будду, порицает дхарму, порицает сангху; Брахмадатта же, юный ученик странствующего аскета Суппии, на все лады восхваляет Будду, восхваляет дхарму, восхваляет сангху. Так оба они, учитель и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, шаг за шагом следуют за Блаженным и толпой монахов".

4. И вот Блаженный, узнав о такого рода разговоре этих монахов, подошел к той беседке и, подойдя, сел на предложенное сиденье. И сев, Блаженный обратился к монахам: "Ради какой беседы вы сейчас уселись здесь, монахи, и на чем же прервалась беседа между вами?"

Вслед за этими словами монахи так сказали Блаженному: "Господин! После ночи, поднявшись на заре, собравшись и усевшись в беседке, мы повели здесь разговор такого рода: "Как чудесно, братья, как необычно, братья, что Блаженный – все знающий, все видящий, архат, в совершенстве просветленный, столь хорошо постиг различные склонности существ! Ведь вот странствующий аскет Суппия на все лады восхваляет Будду, восхваляет дхарму, восхваляет сангху. Так оба они, и учитель, и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, следуют за блаженным и толпой монахов". На этом, господин, и прервалась беседа между нами, когда приблизился Блаженный".

5. "Когда другие порицают меня, или порицают дхарму, или порицают сангху, то вы, монахи, не должны испытывать ни гнева, ни недовольства, ни неприязни в сердце. Если вы, монахи, будете сердиться и горевать, когда другие порицают меня, или порицают дхарму, или порицают сангху, то вам же будет от этого ущерб. Если вы, монахи, будете сердиться или горевать, когда другие порицают меня, или порицают дхарму, или порицают сангху, то сможете ли вы судить, справедливо или несправедливо говорят другие? – "Конечно, нет, господин".

"Когда другие порицают меня или порицают дхарму, или порицают сангху, то вы, монахи, должны разъяснить как неверно то, что неверно. По такой-то причине это неверно, по такой-то причине это неправильно и нет этого у нас, и нельзя у нас этого найти".

6. "Когда же другие восхваляют меня, или восхваляют дхарму, или восхваляют сангху, то вы, монахи, не должны испытывать ни радости, ни удовлетворения, ни веселья в сердце. Если вы, монахи, будете радостны, довольны, веселы, когда другие восхваляют меня, или восхваляют дхарму, или восхваляют сангху, то вам же будет от этого ущерб. Когда другие восхваляют меня, или восхваляют дхарму, или восхваляют сангху, то вы, монахи, должны разъяснить как вернее то, что верно: "По такой-то причине это верно, по такой-то причине это правильно, и есть это у нас, и можно это найти у нас".

7. Столь незначительно, монахи, столь ничтожно и связано лишь с нравственностью то, что способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате, что же это такое, монахи, – столь незначительное, столь ничтожное и связанное лишь с нравственностью, что способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате?

8. "Отказавшись уничтожать живое, избегая уничтожать живое, отшельник Готама без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

"Отказавшись брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, отшельник Готама, берущий лишь то, что дано, желающий лишь того, что дано, пребывает чистый сердцем, не зная воровства" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

"Отказавшись от нецеломудрия, целомудренный отшельник Готама удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

9. "Отказавшись от лживой речи, избегая лживой речи, отшельник Готама говорит правду, связан с правдой, наделен, достоин доверия, не обманывает людей" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек,

произнес хвалу Татхагате.

"Отказавшись от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, отшельник Готама не рассказывает в другом месте услышанного здесь, чтобы не вызвать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

"Отказавшись от грубой речи, избегая грубой речи, отшельник Готама ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям, приятна многим людям" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

"Отказавшись от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

10. "Отшельник Готама избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Отшельник Готама избегает принимать пищу не вовремя, принимая пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Отшельник Готама избегает посещать зрелище с танцами, пением и музыкой. Отшельник Готама избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Отшельник Готама избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Отшельник Готама избегает принимать золото и серебро. Отшельник Готама избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Отшельник Готама избегает принимать сырое мясо. Отшельник Готама избегает принимать женщин и молодых девушек. Готама избегает принимать рабынь и рабов. Отшельник Готама избегает принимать коз и овец. Отшельник Готама избегает принимать петухов и свиней. Отшельник Готама избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Отшельник Готама избегает принимать поля и имущество. Отшельник Готама избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Отшельник Готама избегает покупать и продавать. Отшельник Готама избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Отшельник Готама избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Отшельник Готама избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

Окончена краткая глава о нравственности.

11. "В то время, как некоторые отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов – а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от колодца, плодящимся от верхушки, и, в-пятых, плодящимся от семени, – отшельник Готама избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

12. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы – а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомств, – отшельник Готама избегает собирать и использовать подобным образом запасы – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

13. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища – а именно, танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабане, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу козлов, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – отшельник Готама избегает посещать подобным образом зрелища" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

14. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок, рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – отшельник Готама избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию", – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнес хвалу Татхагате.

15. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображениями животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным покрывалом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой на одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесницы, покрывалом из кожи черной

антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахином, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах, – отшельник Готама избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

16. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: умашением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбанами, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами – отшельник Готама избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

17. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам – а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одежде, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговоре об океане, беседам о том, что существует и чего не существует – отшельник Готама избегает подобным образом низменных бесед" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

18. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем, я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!", "Мысль у тебя непродумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – отшельник Готама избегает подобным образом пререканий" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

19. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного – а именно: у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая "иди сюда", "или туда", "возьми это", неси это туда" – отшельник Готама избегает исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного" – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

20. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями, и фокусниками страстно желая все новой и новой прибыли, – отшельник Готама избегает подобным образом обмана и болтовни, – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

Окончена средняя глава о нравственности.

21. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, – а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, совершая жертвоприношения на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение красной пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение сезамовым маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью; используя знание частей тела, знание строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимание языка животных, – отшельник Готама избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни" – вот что монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

22. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одежде, знаки на мечах, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях – отшельник Готама избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни", – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

23. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а

именно: предсказывая, что будет выступление царя в поход, не будет выступления царя; будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя; будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя; будет победа здешнего царя, будет поражение чужого царя; будет победа чужого царя, будет поражение здешнего царя, будет победа одного, будет поражение другого, – отшельник Готама избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни" вот что, монахи способны произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

24. "В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоров, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд: предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, таков будет результат затмения Солнца, таков будет результат затмения звезд, таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, таков будет результат движения Луны и Солнца по необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – отшельник Готама избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни", – вот что монахи, способны произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

25. В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – отшельник Готама избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни", – вот что, монахи, способны произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

26. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, – а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастье, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая солнце, почитая великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири – отшельник Готама избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни", – вот что, монахи, способны произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

27. "В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение, жертвоприношение; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умягчение; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, давая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – отшельник Готама избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни", вот что, монахи, способны произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

Вот, монахи, то, столь незначительное, столь ничтожное и связанное лишь с нравственностью, что способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

(Кончена большая глава о нравственности.)

28. Есть, монахи, и другие вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами и поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

Каковы же, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате ?

29. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, занятые прежними временами, рассуждающие о прежних временах, на восемнадцати основаниях выдвигающие различные суждения о прежних временах. Исходя же из

чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, занятые прежними временами, рассуждающие о прежних временах, на восемнадцати основаниях, выдвигающие различные суждения о прежних временах?

30. Есть, монахи, некоторые, отшельники и брахманы, проповедующие вечность, на четырех основаниях учащие, что и свое "я" и мир вечны. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, на четырех основаниях учащие, что и свое "я" и мир вечны?

31. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман, благодаря усердию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих сотнях рождений, во многих тысячах рождений, во многих сотнях тысяч рождений: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достигнув такого-то срока жизни. Вслед за тем оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях. И он говорит: "Вечны и свое "я" и мир – бесплодным, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, и когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно. В чем же причина? Ведь благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, я обретаю такую сосредоточенность разума, что вспоминаю сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних существованиях – а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих сотнях рождений, во многих тысячах рождений, во многих сотнях тысяч рождений: – "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, с таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился здесь" – так вспоминаю я во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях. Отсюда я и знаю то, что вечны и свое "я" и мир – бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, что когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, то это также вечно".

Таково, монахи, первое положение, исходя из которого и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое "я" и мир вечны.

32. Каково же второе положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое "я" и мир вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман, благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном периоде свертывания и развертывания мира, в двух периодах свертывания и развертывания мира, в трех периодах свертывания и развертывания мира, в четырех периодах свертывания и развертывания мира, в пяти периодах свертывания и развертывания мира, в десяти периодах свертывания и развертывания мира – "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях. И он говорит: "Вечны и свое "я" и мир – бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, – и когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно. В чем же причина? Ведь благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, я обретаю такую сосредоточенность разума, что вспоминаю сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних существованиях – именно: в одном периоде свертывания и развертывания мира, в трех периодах свертывания и развертывания мира, в четырех периодах свертывания и развертывания мира, в пяти периодах свертывания и развертывания мира, в десяти периодах свертывания и развертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте, там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за

тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь". – Так вспоминаю я во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях. Отсюда я и знаю то, что вечны свое "я" и мир – бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп – и что когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, то это также вечно".

Таково, монахи, второе положение, исходя из которого и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое "я" и мир вечны.

33. Каково же третье положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое "я" и мир вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман, благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних существованиях, – а именно: в десяти периодах свертывания и развертывания мира, в двадцати периодах свертывания и развертывания мира, в тридцати периодах свертывания и развертывания мира, в сорока периодах свертывания и развертывания мира". – Там я был под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях. И он говорит: "Вечны и свое "я" и мир – бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, – и когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно.

В чем же причина? Ведь благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, я обретаю такую сосредоточенность разума, что вспоминаю сосредоточенным разумом различные места, где пребывали в прежних существованиях – а именно: в десяти периодах свертывания и развертывания мира, в двадцати периодах свертывания и развертывания мира, в сорока периодах свертывания и развертывания мира : – "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни, вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь", – так вспоминаю я во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях. Отсюда я и знаю то, что вечны и свое "я" и мир – бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, – и что, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, то это также вечно.

Таково, монахи, третье положение, исходя из которого и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое "я" и мир вечны.

34. Каково же четвертое, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое "я" и мир вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждению и исследованию. И убежденный рассуждением, связанный исследованием, он произносит такое собственное заключение: "Вечны и свое "я" и мир – бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, – и когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляет существование, вновь рождается, это также вечно".

Таково, монахи, четвертое положение, исходя из которого некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое "я" и мир вечны.

35. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие вечность, на четырех основаниях, учащие, что и свое "я" и мир вечны. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют вечность и учат, что и свое "я" и мир вечны, делают так на четырех этих основаниях или на каком-нибудь одном из них – нет кроме этого других оснований.

36. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; непривязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

37. Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

Окончен первый раздел поучения

II.

1. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность; на четырех основаниях учения, что и свое "я" и мир отчасти вечны, отчасти не вечны. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность; на четырех основаниях учение, что и свое "я" и мир отчасти вечны, отчасти не вечны?

2. Время от времени, монахи, настает пора, когда по истечению длительного периода этот мир свертывается. Когда свертывается мир, то существа по большей части переходят в мир сияния. Там они находятся долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая во славе.

3. Время от времени, монахи, настает пора, когда по истечению длительного периода этот мир развертывается. Когда развертывается мир, то появляется пустой дворец Брахмы. И тогда то или иное существо, оттого ли, что окончился его срок или окончилось действие заслуг, оставляет существование в сонме сияния и вновь рождается во дворце Брахмы. Там оно находится долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая во славе.

4. Там у него, пребывающего долгое время в одиночестве, возникает тревога, неудовлетворенность, беспокойство: "О, если бы и другие существа могли достичь здешнего состояния!" Тогда другие существа, оттого ли, что окончился срок или окончилось действие заслуг, оставляют существование в сонме сияния и вновь рождаются во дворце Брахмы спутниками того существа. Там они находятся долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая во славе.

6. Тогда, монахи, то существо, которое первым родилось вновь, говорит себе так: "Я – Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего! Мною сотворены эти существа. В чем же причина?

Ведь раньше я сказал себе так: "О, если бы и другие существа могли достичь здешнего состояния!" Таково было стремление моего разума, и вот другие существа, достигли здешнего состояния. И те существа, которые позже родились вновь, тоже говорят себе так: "Ведь он – досточтимый Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего. Мы сотворены этим почтенным Брахмой? В чем же причина? Ведь мы видели, что он первым родился здесь вновь, а мы позже родились вновь".

6. И вот, монахи, то существо, которое первым родилось вновь, бывает долговечнее, и красивее, и сильнее, те же существа, которые позже родились вновь, бывают недолговечнее, и некрасивее, и бессильнее. И может произойти так, монахи, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего земного состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастрою, обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем существовании, но не вспоминает другого места, кроме него. И оно говорит: "Ведь тот досточтимый Брахма, великий Брахма, победоносный непобедимый, всевидящий, всесильный, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего – досточтимый Брахма, которым мы сотворены, постоянен, стоек, вечен, не подвержен изменению и вечно пребывает таким. Мы же, которые были сотворены этим Брахмой, – мы достигли здешнего земного состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, поверженными уходу из существования".

Таково, монахи, первое положение, исходя из которого и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность, учение, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны.

7. Каково же второе положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность, учение, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны?

Есть, монахи, боги по имени "Испорченные удовольствием". Долгое время они пребывают в приверженности к веселью, удовольствиям, сладострастию. У них, пребывающих долгое время в приверженности к веселью, удовольствиям, сладострастию, теряется способность к самопознанию, и с утратой способности самопознания эти боги оставляют существование в этом сонме.

8. И может произойти так, монахи, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего земного состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем существовании, но не вспоминает другого места, кроме него.

9. И оно говорит: "Ведь те досточтимые боги, которые не "Испорченные удовольствием", – те не пребывают долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У них, не пребывающих долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию, не теряется способность самопознания, и не утратив

способности самосознания, те боги не оставляют существования в этом сонме, постоянны, стойкие, вечны, не подвержены изменению и вечно пребывают такими. Мы же, которые были "Испорченные удовольствием", – мы пребывали долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У нас, пребывающих долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию, теряется способность самосознания и с утратой способности самосознания, мы, оставив существование в этом сонме, достигли здешнего состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования".

Таково, монахи, второе положение, исходя из которого и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны.

10. Каково же третье положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны?

Есть, монахи, боги по имени "Испорченные разумом". Долгое время они рассуждают друг о друге. Когда они долгое время рассуждают друг о друге, портятся их мысли друг о друге. Испорченные в мыслях друг о друге они ослаблены телом, ослаблены мыслями. Эти боги покидают существование в этом сонме.

11. И может произойти так, монахи, что-то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего /земного/ состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом, странствует бездомным, оставив дом и, будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем существовании, но не вспоминает другого места, кроме него.

12. И оно говорит: "Ведь те досточтимые боги, которые не "Испорченные разумом", – те не рассуждают долгое время друг о друге. Когда те не рассуждают, долгое время друг о друге, не портятся их мысли друг о друге. Неиспорченные в мыслях друг о друге, они не ослаблены телом, не ослаблены мыслями. Те боги не оставляют существования в этом сонме, постоянны, стойки, вечны, не подвержены изменению и вечно пребывают такими. Мы же, которые были "Испорченными разумом", – мы долгое время рассуждали друг о друге. Когда мы долгое время рассуждали друг о друге, испортились наши мысли друг о друге. Испорченные в мыслях друг о друге, мы ослаблены телом, ослаблены мыслями. Оставив существование в этом сонме, мы достигли здешнего состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования.

Таково, монахи, третье положение, исходя из которого и о котором, говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны.

13. Каково же четвертое положение, исходя из которого, и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждению и исследованию. И убежденный рассуждением, влекомый исследованием он произносит такое собственное заключение: "Ведь то, что зовется глазом, и ухом, и носом, и языком, и телом – это своя "я", непостоянно, нестойко, не вечно, подвержено изменению. То же, что зовется мыслью, или разумом, или сознанием, – это свое "я" – постоянно, стойко, вечно, не подвержено изменению и вечно пребывает таким.

Таково, монахи, четвертое положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не вечность, учащие, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны.

14. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие отчасти вечность, отчасти не вечность, на четырех основаниях, учащие, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют отчасти вечность, отчасти не вечность и учат, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны, делают так на четырех этих основаниях или на каком-нибудь одном из них – нет кроме этого других оснований.

15. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Достигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, – которые возглашают сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и поистине ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

16. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, на четырех основаниях учащие, что мир конечен или бесконечен. Исходя же из чего, и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, на четырех основаниях, учащие, что мир

конечен или бесконечен?

17. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман, благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что пребывает сосредоточенным разумом в сознании конечности мира. И он говорит: "Мир этот конечен, ограничен вокруг. Почему же? Потому, что благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, я обретаю такую сосредоточенность разума, что пребываю сосредоточенным разумом в сознании конечности мира. Отсюда я и знаю то, что мир этот конечен, ограничен вокруг".

Таково, монахи, первое положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие конечное и бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

18. Каково же второе положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман, благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, обретает такую сосредоточенность разума, что пребывает сосредоточенным разумом в созидании бесконечности мира. И он говорит: "Мир этот бесконечен, неограничен. Те отшельники и брахманы, которые говорят: "Мир этот конечен, ограничен вокруг", – не правы. Мир этот бесконечен, неограничен. Почему же? Потому, что благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, я обретаю такую сосредоточенность разума, что пребываю сосредоточенным разумом в созидании бесконечности мира. Отсюда я и знаю то, что мир этот бесконечен, безграничен".

Таково, монахи, второе положение, исходя из которого и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

19. Каково же третье положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман, благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что пребывает сосредоточенным разумом в сознании конечности мира сверху и снизу и в сознании бесконечности его – поперёк. И он говорит: "Мир этот и конечен, и бесконечен. Те отшельники и брахманы, которые говорят: "Мир этот конечен, ограничен вокруг", – неправы. И те отшельники и брахманы, которые говорят: "Мир этот бесконечен, безграничен", – также не правы. Мир этот и конечен и бесконечен. Почему же? Потому, что благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, я обретаю такую сосредоточенность разума, что пребываю сосредоточенным разумом в сознании конечности мира сверху и снизу, и в сознании бесконечности его – поперек. Отсюда я и знаю то, что мир этот и конечен и бесконечен".

Таково, монахи, третье положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

20. Каково же четвертое положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждениям и исследованию. И убежденный рассуждением, влекомый исследованием, он произносит такое собственное заключение: "Мир этот ни конечен, ни бесконечен". Те отшельники и брахманы, которые говорят: "Мир этот конечен, ограничен вокруг" – не правы. И те отшельники, и брахманы, которые говорят: "Мир этот бесконечен, безграничен" – также не правы. И те отшельники, и брахманы, которые говорят: "Мир этот и конечен, и бесконечен" – так же не правы. Мир этот ни конечен, ни бесконечен".

Таково, монахи, четвертое положение, исходя из которого и о котором, говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

21. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие, конечное или бесконечное, на четырех основаниях учащие, что мир конечен или бесконечен. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые /проповедуют/ конечное или бесконечное и учат, что мир конечен или бесконечен, делают так на четырех основаниях или на каком-нибудь одном из них – нет кроме этого других оснований.

22. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их, понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, а преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, трудные, ведомые лишь мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

23. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, на четырех

основаниях ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба. Исходя же из чего, и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, на четырех основаниях ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивые, словно скользкая рыба.

24. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман не понимает, что это в согласии с истиной хорошо, не понимает, что это в согласии с истиной плохо. Говорит себе так: "Ведь я не понимаю, что это в согласии с истиной хорошо, не понимаю, что это в согласии с истиной плохо. И вот если бы, не понимая, что это в согласии с истиной хорошо, не понимая, что это в согласии с истиной плохо, я стал бы разяснять, что это хорошо, стал бы разяснять, что это плохо, то меня охватило бы стремление или страсть, или ненависть, или отвращение. Если меня охватило бы стремление или страсть, или ненависть, или отвращение, то я был бы не прав. Если я был бы не прав, то у меня возникла бы тревога. Если у меня возникла бы тревога, то у меня возникло бы препятствие". Итак, в страхе перед неправильной речью, гнушаясь неправильной речи, он не разясняет, что это хорошо, не разясняет, что это плохо – и ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, уклончивую, словно скользкая рыба: "Я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет".

Таково, монахи, первое положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба.

25. Каково же второе положение, исходя из которого, и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман не понимает, что это в согласии с истиной хорошо, не понимает, что это в согласии с истиной плохо. Говорит себе так: "Ведь я не понимаю, что это в согласии с истиной хорошо, не понимаю, что это в согласии с истиной плохо. И вот если бы, не понимая, что это в согласии с истиной хорошо, не понимая, что это в согласии с истиной плохо, я стал бы разяснять, что это хорошо, стал бы разяснять, что это плохо, то меня охватило бы стремление или страсть, или ненависть, или отвращение. Если меня охватило бы стремление или страсть, или ненависть, или отвращение, то я стал бы зависимым. Если я стал бы зависимым, то у меня возникла бы тревога. Если у меня возникла бы тревога, то у меня возникло бы препятствие". Итак, в страхе перед зависимостью, гнушаясь зависимостью, он не разясняет, что это хорошо, не разясняет, что это плохо – и ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, уклончивую, словно скользкая рыба: "Я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет".

Таково, монахи, второе положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба.

25. Каково же третье положение, исходя из которого, и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман не понимает, что это в согласии с истиной хорошо, не понимает, что это в согласии с истиной плохо. Говорит себе так: "Ведь я не понимаю, что это в согласии с истиной хорошо, не понимаю, что это в согласии с истиной плохо. И вот если бы, не понимая, что это в согласии с истиной хорошо, не понимая, что это в согласии с истиной плохо, я стал бы разяснять, что это хорошо, стал бы разяснять, что это плохо, то у меня стали бы последовательно расспрашивать, просить о доказательствах, оспаривать – есть ведь такие отшельники или брахманы, мудрые, искусные в спорах, способные пронзить волос, которые, я бы сказал, движутся, расщепляя ложные взгляды ходом своего постижения. И если бы они стали бы последовательно расспрашивать, просить о доказательствах, оспаривать, то я не смог бы дать им объяснения. Если я не мог дать им объяснения, то у меня возникла бы тревога. Если у меня возникла бы тревога, то у меня возникло бы препятствие". Итак, в страхе перед расспросами, гнушаясь расспросов, он не разясняет, что это хорошо, не разясняет, что это плохо – и ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, уклончивую, словно скользкая рыба: "Я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет".

Таково, монахи, второе положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба.

26. Каково же третье положение, исходя из которого, и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман не понимает, что это в согласии с истиной хорошо, не понимает, что это в согласии с истиной плохо. И он говорит себе так: "Ведь я не понимаю, что это в согласии с истиной хорошо, не понимаю, что это в согласии с истиной плохо. И вот, если бы, не понимая, что это в

согласии с истиной хорошо, не понимая, что это в согласии с истиной нехорошо, я стал бы разъяснять, что это хорошо, стал бы разъяснять, что это нехорошо, то у меня стали бы последовательно расспрашивать, просить о доказательствах, оспаривать – есть ведь такие отшельники и брахманы, мудрые, изощренные, искусные в спорах, способные пронзить волос, которые, я бы сказал, движутся, расщепляя ложные взгляды ходом своего постижения. И если бы они стали последовательно расспрашивать меня, просить о доказательствах, оспаривать, то я не смог бы дать им объяснения. Если бы я не мог дать им объяснения, то у меня возникла бы тревога. Если у меня возникла бы тревога, то у меня возникло бы препятствие". Итак, в страхе перед расспросами, гнушаясь расспросов, он ни разъясняет, что это хорошо, ни разъясняет, что это нехорошо и ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба: "Я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет".

Таково, монахи, третье положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба.

27. Каково же четвертое положение, исходя из которого, и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман глуп, неразумен, и по глупости, по неразумению он ведет уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба: "Если бы ты спросил меня: "Другой мир существует?" и я считал бы, что другой мир существует, то я объяснил бы, что другой мир существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Другой мир не существует?" и я считал бы, что другой мир не существует, то я объяснил бы, что другой мир не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Другой мир и существует, и не существует?" и я считал бы, что другой мир и существует, и не существует, то я объяснил бы, что другой мир и существует, и не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Другой мир ни существует, ни не существует?" и я считал бы, что другой мир ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что другой мир ни существует, ни не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют?" и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют?" и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий существует?" и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий не существует?" и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует?" и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует?" и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Татхагата существует после смерти?" и я считал бы, что Татхагата существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата существует после смерти. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Татхагата не существует после смерти?" и я считал бы, что Татхагата не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата не существует после смерти. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Татхагата и существует, и не существует после смерти?" и я считал бы, что Татхагата и существует, и не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата и существует, и не существует после смерти. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спрашивал меня: "Татхагата ни существует, ни не существует после смерти?" и я считал бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. Но я не считаю

этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет.

Таково, монахи, четвертое положение, исходя из которого, и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба.

28. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, на четырех основаниях ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба, делают так на четырех основаниях, или на каком-нибудь из них – нет кроме этого других оснований.

29. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

30. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие беспричинное возникновение, на двух основаниях учение, что и свое "я", и мир возникли без причины. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие беспричинное возникновение, на двух основаниях учение, что и свое "я", и мир возникли без причины?

31. Есть, монахи, боги по имени "Бессознательные существа" – с возникновением сознания эти боги оставляют существование в этом сонме. И вот может произойти так, монахи, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего земного состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным, оно, благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умунастроению, обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом возникновение своего сознания, но не вспоминает другого, кроме этого. И оно говорит: "И свое "я", и мир возникли без причины. Отчего же это? Потому что прежде меня не было, теперь же я есть; не существовав, я вступил в существование".

32. Каково же второе положение, исходя из которого и о котором говорят почтенные отшельники и брахманы, проповедующие беспричинное возникновение, учение, что и свое "я" и мир возникли без причины?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждению и исследованию. И убежденный рассуждением, связанный исследованием, он произносит такое собственно заключение: "И свое "я", и мир возникли без причины".

Таково, монахи, второе положение, исходя из которого и о котором говорят некоторые отшельники и брахманы, проповедующие беспричинное возникновение, учение, что и свое "я", и мир возникли без причины.

33. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие беспричинное возникновение, на двух основаниях учение, что и свое "я", и мир возникли без причины. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют беспричинное возникновение и учат, что и свое "я", мир возникли без причины, делают так на двух этих основаниях или на каком-нибудь одном из них – нет кроме этого других оснований.

34. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

35. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, занятые прежними временами, рассуждающие о прежних временах, на восемнадцати основаниях выдвигающие различные суждения о прежних временах. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и выдвигают различные суждения о прежних временах, делают так на восемнадцати этих основаниях или на каком-нибудь одной из них – нет кроме этого других оснований.

36. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой,

возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

37. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, занятые временами, рассуждающие о будущих временах, на сорока четырех основаниях выдвигающие различные суждения о будущих временах. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, занятые будущими временами, рассуждающие о будущих временах, на сорока четырех основаниях выдвигающие различные суждения о будущих временах?

38. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие сознание вслед за кончиной, на шестнадцати основаниях учащие, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие сознание вслед за кончиной, на шестнадцати основаниях учащие, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной?

После смерти свое "я" имеет форму, свободно от недуга, наделено сознанием" – так учат они о нем. "После смерти свое "я" не имеет формы, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" и имеет форму и не имеет формы, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" ни имеет форму, ни не имеет формы, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я", конечно, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я", бесконечно, свободно от недуга, наделено сознанием" – так учат они о нем. "После смерти свое "я", и конечно, и бесконечно, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я", ни конечно, ни бесконечно, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" сознает единство, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" сознает множественность, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" сознает ограниченность, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" сознает безграничность, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" всецело счастливо, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" всецело несчастливо, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" всецело счастливо, и несчастливо, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" всецело ни счастливо, ни несчастливо, свободно от недуга, наделено сознанием", – так учат они о нем.

39. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие сознание вслед за кончиной, на восемнадцати основаниях учащие, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют сознание вслед за кончиной и учат, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной, делают так на восемнадцати этих основаниях или на каком-нибудь одной из них – нет кроме этого других оснований.

40. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате. Окончен второй раздел поучения

III.

1. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие отсутствие сознания вслед за кончиной, на восьми основаниях учащие, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие отсутствие сознания вслед за кончиной, на восьми основаниях учащие, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной.

2. "После смерти свое "я" имеет форму, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" не имеет формы, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" ни имеет форму, ни не имеет формы, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" конечно, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" бесконечно, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" и конечно, и бесконечно, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" ни конечно, ни бесконечно, свободно от недуга, лишено сознания", – так учат они о нем.

3. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие отсутствие сознания вслед за кончиной, на восьми основаниях учащие, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют отсутствие сознания вслед за кончиной и учат, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной делают так на восьми этих основаниях или на каком-нибудь одном из них, – нет кроме этого других оснований.

4. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

5. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие, что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, на восьми основаниях учащие, что свое "я" вслед за кончиной ни наделено сознанием, ни лишено сознания. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие, что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, на восьми основаниях учащие, что свое "я" вслед за кончиной ни наделено сознанием, ни лишено сознания?

6. "После смерти свое "я" имеет форму, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" не имеет формы, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" и имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" ни имеет форму, ни не имеет формы, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" конечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" бесконечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" и конечно, и бесконечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем. "После смерти свое "я" ни конечно, ни бесконечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания", – так учат они о нем.

7. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие, что вслед за кончиной, нет ни сознания, ни отсутствия сознания, на восьми основаниях учащие, что свое "я" вслед за кончиной ни наделено сознанием, ни лишено сознания. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют отсутствие сознания вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и учат, что свое "я" вслед за кончиной ни наделено сознанием, ни лишено сознания, делают так на восьми этих основаниях или на каком-нибудь одном из них, – нет кроме этого других оснований.

8. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

9. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие разрушение, на семи основаниях учащие о разрушении, гибели, уничтожении живого существа. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие разрушение, на семи основаниях учащие, о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

10. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман говорит так, следует такому воззрению: "Ведь поскольку, досточтимый, это свое "я" имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое "я" и подвергается полному разрушению". – Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

11. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое "я" – божественное, имеющее форму, принадлежащее к миру чувственного, питающееся материальной пищей. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое "я" разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое "я" и подвергается полному разрушению". – Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

12. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое "я" – божественное, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый: поскольку это свое "я" разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое "я" и подвергается полному разрушению. – Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

13. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое "я", которое, всецело преодолев сознание форм, избавившись от сознания противодействия, отвлекшись от сознания множественности, достигает уровня бесконечности пространства и мыслит: "Пространство бесконечно". Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое "я" разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое "я" и подвергается полному разрушению". Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

14. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое "я", которое, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигает уровня бесконечности разума и мыслит: "Разум бесконечен". Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое "я" разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое "я" и подвергается полному разрушению". Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

15. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое "я", которое, всецело преодолев уровень бесконечности, разума, достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и мыслит: "Не существует ничего". Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое "я" разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое "я" и подвергается полному разрушению". – Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

16. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое "я", которое, всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, достигает уровня, где нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и мыслит: "Это несет покой, это возвышенно". Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое "я" разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое "я" и подвергается полному разрушению". – Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

17. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие разрушение, на семи основаниях учение о разрушении, гибели, уничтожении живого существа. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют разрушение и учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, делают так на семи этих основаниях или на каком-нибудь одном из них, – нет кроме этого других оснований.

18. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

19. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие освобождение в зримом мире, на пяти основаниях учение о высшем освобождении живого существа в зримом мире. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие освобождение в зримом мире, на пяти основаниях учение о высшем освобождении живого существа в зримом мире?

20. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман говорит так, следует такому воззрению: "Ведь насколько, досточтимый, это свое "я" услаждается, будучи наделено и снабжено пятью признаками чувственности, настолько, досточтимый, это свое "я" и достигает высшего освобождения в зримом мире". – Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

21. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В чем же причина? Ведь чувственные удовольствия, досточтимый, непостоянны, приносят несчастье, изменчивы по природе, с их изменчивостью и превратностью возникает горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство. И насколько, досточтимый, это свое "я", освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней, настолько, досточтимый, что свое "я", и достигает высшего освобождения в зримом мире". – Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

22. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В

чем же причины? Ведь раз там есть устремленный рассудок и углубленное рассуждение, то это состояние считается грубым. И насколько, досточтимый, это свое "я", подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней, настолько, досточтимый, это свое "я" и достигает высшего освобождения в зримом мире". – Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

23. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В чем же причина? Ведь раз там есть достижение радости и веселья в сердце, то это состояние считается грубым. И насколько, досточтимый, это свое "я" отвращается от радости и пребывает в уравновешенности, наделенной способностью самосознания и вдумчивостью, и, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: "Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней, настолько, досточтимый, это свое "я" и достигает высшего освобождения в зримом мире". – Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

24. Другой обращается к нему так: "Существует, досточтимый, то свое "я", о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое "я", досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В чем же причина? Ведь раз сердце вкушает там счастье, то это состояние считается грубым. И насколько, досточтимый, это свое "я", отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания – и пребывает в ней, настолько, досточтимый, это свое "я" и достигает высшего освобождения в зримом мире". – Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

25. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие освобождение в зримом мире, на пяти основаниях учение о высшем освобождении живого существа в зримом мире. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют освобождение в зримом мире и учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, делают так на пяти этих основаниях или на каком-нибудь одном из них – нет кроме этого других оснований.

26. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

27. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, занятые будущими временами, рассуждающие о будущих временах на сорока четырех основаниях выдвигающие различные суждения о будущих временах. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и выдвигают различные суждения о будущих временах, делают так на сорока четырех этих основаниях или на каком-нибудь одном из них – нет кроме этого других оснований.

28. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

29. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, занятые прежними временами, и занятые будущими временами, и занятые прежними и будущими временами, рассуждающие о прежних и будущих временах, на шестидесяти двух основаниях выдвигающие различные суждения о прежних и будущих временах. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, делают так на шестидесяти двух этих основаниях или на каком-нибудь одном из них – нет кроме этого других оснований.

30. Итак, монахи, Татхагата понимает: "Эти основы учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их и понимает выходящее за их пределы и не привязывается к этому пониманию; не привязанный он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

31. Таковы, монахи, эти вещи – глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые мудрецам, – которые возглашает сам Татхагата, познав их и, увидев собственными глазами, и ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

32. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что и свое "я", и мир вечны, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

33. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отчасти вечность, отчасти не вечность и на четырех основаниях учат, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

34. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют конечность или бесконечность и на четырех основаниях учат, что мир конечен или бесконечен, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

35. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые уклончивы, словно скользкая рыба, и, на четырех основаниях ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно скользкая рыба, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

36. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют беспричинное возникновение и на двух основаниях учат, что и свое "я", и мир возникли без причины, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

37. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и на восемнадцати основаниях выдвигают различные суждения о прежних временах, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

38. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют сознание вслед за кончиной и на шестнадцати основаниях учат, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

39. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отсутствие сознания вслед за кончиной и на восьми основаниях учат, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

40. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют, что вслед за кончиной нет ни сознания ни отсутствия сознания и на восьми основаниях учат, что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

41. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют разрушение и на семи основаниях учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

42. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют освобождение в зримом мире и на пяти основаниях учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

43. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и на сорока четырех основаниях выдвигают различные суждения о будущих временах, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

44. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

45. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что и свое "я", и мир вечны, то причиной этому чувственное восприятие.

46. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отчасти вечность, отчасти не вечность и на четырех основаниях учат, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны, то причиной этому чувственное восприятие.

47. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют конечность или бесконечность и на четырех основаниях учат, что мир конечен или бесконечен, то причиной этому чувственное восприятие.

48. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые уклончивы, словно скользкая рыба, и на четырех основаниях ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивую, словно

скользящая рыба, то причиной этому чувственное восприятие.

49. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют беспричинное возникновение и на двух основаниях учат, что и свое "я", и мир возникли без причины, то причиной этому чувственное восприятие.

50. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и на восемнадцати основаниях выдвигают различные суждения о прежних временах, то причиной этому чувственное восприятие.

51. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые, проповедуют сознание вслед за кончиной и на шестнадцати основаниях учат, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной, то причиной этому чувственное восприятие.

52. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отсутствие сознания вслед за кончиной и на восьми основаниях учат, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной, то причиной этому чувственное восприятие.

53. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и на восьми основаниях учат, что вслед за кончиной нет ни сознания ни отсутствия сознания, то причиной этому чувственное восприятие.

54. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют разрушение и на семи основаниях учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, то причиной этого чувственное восприятие.

55. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют освобождение в зримом мире и на пяти основаниях учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, то причиной этого чувственное восприятие.

56. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и на сорока четырех основаниях выдвигают различные суждения о будущих временах, то причиной этого чувственное восприятие.

57. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, то причиной этого чувственное восприятие.

58. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что свое "я", и мир вечны, то поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

59. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отчасти вечность, отчасти не вечность и на четырех основаниях учат, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

60. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют конечность или бесконечность и на четырех основаниях учат, что мир конечен или бесконечен, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

61. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые уклончивы, словно скользящая рыба, и на четырех основаниях ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивый, словно скользящая рыба, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

62. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют беспричинное возникновение и на двух основаниях учат, что и свое "я", и мир возникли без причин, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

63. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и на восемнадцати основаниях выдвигают различные суждения о прежних временах, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

64. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют сознание вслед за кончиной и на шестнадцати основаниях учат, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

65. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отсутствие сознания вслед за кончиной и на восьми основаниях учат, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

66. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют, что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и на восьми основаниях учат, что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

67. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют разрушение и на семи основаниях учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, то, поистине, так не могло бы произойти,

если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

68. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют освобождение в зримом мире и на пяти основаниях учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

69. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и на сорока четырех основаниях выдвигают различные суждения о будущих временах, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

70. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

71. И вот, монахи, те отшельники и брахманы, которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что и свое "я", и мир вечны, те отшельники и брахманы, которые проповедуют отчасти вечность, отчасти не-вечность и на четырех основаниях учат, что и свое "я", и мир отчасти вечны, отчасти не вечны; те отшельники и брахманы, которые проповедуют конечность или бесконечность и на четырех основаниях учат, что мир конечен или бесконечен; те отшельники и брахманы, которые уклончивы, словно скользкая рыба, и на четырех основаниях ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, – уклончивый, словно скользкая рыба; те отшельники и брахманы, которые проповедуют беспричинное возникновение и на двух основаниях учат, что и свое "я", и мир возникли без причины; те отшельники и монахи, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и на восемнадцати основаниях выдвигают различные суждения о прежних временах; те отшельники и брахманы, которые проповедуют сознание вслед за кончиной и на шестнадцати основаниях учат, что свое "я" наделено сознанием вслед за кончиной, те отшельники и брахманы, которые проповедуют отсутствие сознания вслед за кончиной и на восьми основаниях учат, что свое "я" лишено сознания вслед за кончиной, те отшельники и брахманы, которые проповедуют, что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и на восьми основаниях учат что вслед за кончиной нет ни сознания, ни отсутствия сознания; те отшельники и брахманы, которые проповедуют разрушение и на семи основаниях учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа; те отшельники и брахманы, которые проповедуют освобождение в зримом мире и на пяти основаниях учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире; те отшельники и брахманы, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и на сорока четырех основаниях выдвигают различные суждения о будущих временах; те отшельники и брахманы, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах, и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, – все они постигают, последовательно обретая шесть органов чувственного восприятия. Их ощущения – причина жажды, жажда – причина зависимости, зависимость – причина существования, существование – причина рождения, рождение – причина старости, смерти; от него происходят горе, плач, несчастье, неудовлетворение, беспокойство. И когда, монахи, монах понимает в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление шести органов чувственного восприятия, то он понимает и выходящее за пределы их всех.

72. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, заключены в сеть, благодаря этим шестидесяти двум основаниям, – они выскакивают, но, выскакивая, остаются здесь; они выскакивают, но, выскакивая, в конец запутываются здесь, заключенные в сеть. И подобно тому, монахи, как искусный рыбак или ученик рыбака, закинув в маленький пруд сеть с мелкой ячейкой, может сказать себе: "Ведь все те сколько-нибудь большие существа, которые есть в этом пруду, заключены в сеть, – они выскакивают, но, выскакивая, остаются здесь; они выскакивают, но, выскакивая, вконец запутываются здесь, заключенные в сеть", – также точно, монахи, и все те отшельники или брахманы, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, – заключены в сеть, благодаря этим шестидесяти двум основаниям, они выскакивают, но, выскакивая, остаются здесь; они выскакивают, но, выскакивая, вконец запутываются здесь, заключенные в сеть.

73. В теле Татхагаты, монахи, разрушено то, что ведет к существованию. Пока тело будет существовать, боги и люди будут видеть его. Вслед за распадом тела, с завершением жизни боги и люди не будут видеть его. И подобно тому, монахи, как если отсечь ветвь с гроздьём манговых плодов, все те манговые плоды, которые прикреплены к ветви, следуют за ним, – так же точно, монахи, в теле Татхагаты разрушено то, что ведет к существованию. Пока тело его будет существовать, боги и люди будут видеть его. Вслед за распадом тела, с завершением жизни боги и люди не будут видеть его".

74. Когда это было сказано, достопочтенный Ананда так сказал Блаженному: "Как чудесно, господин! Как необычайно, господин! Как называется, господин, это наставление в истине?"

"Так пойми же ты, это наставление в истине, Ананда, как "Сеть пользы", пойми же его как "Сеть истины", пойми же его как "Сеть совершенства", пойми же его как "Сеть воззрений", пойми же его как "Несравненную победу в сражении".

Так сказал Блаженный и удовлетворенные монахи возрадовались словам Блаженного. И в то время, как произносилось это объяснение, содрогнулась тысяча миров.

Окончена первая Брахмаджала сутта.

Дигха Никая 2

Саманнипхала сутта

Сутта о плодах отшельничества

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот что я слышал. Однажды Блаженный с большой толпой монахов, двенадцатью с половиной сотнями монахов пребывал в Раджагахе, в манговой роще Дживаки Комарабхаччи. И в это самое время в тот день упосатхи что перед пятнадцатым днем комуди, завершающим четырехмесячный цикл, в ночь полнолуния царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта сидел окруженный царскими приближенными на превосходной верхней террасе дворца. И вот в тот день упосатхи царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта взволнованно воскликнул: "Поистине, почтенные, восхитительная лунная ночь! Поистине, почтенные, прекрасна лунная ночь! Поистине, почтенные, приятна для глаз лунная ночь! Поистине, почтенные, отрадн лунная ночь! Поистине, почтенные, благоприятна лунная ночь! Какого же отшельника или брахмана, могли бы мы сейчас почтить посещением, чтобы удостоенный посещения он доставил отраду нашему сердцу?"

2. Когда так было сказано, один царский советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: "Божественный, вот Пурана Кассапа, возглавляющий толпу последователей, и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель секты, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, состарившийся, достигший преклонных лет. Пусть божественный почтит посещением его, Пурану Кассапу, – быть может удостоенный посещения Пурана Кассапа доставит отраду сердцу божественного". Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта остался безмолвным.

3. И тогда другой царской советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: "Божественный, вот Макххали Госала возглавляющий толпу последователей, и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель секты, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, состарившийся, достигший преклонных лет. Пусть божественный почтит посещением его, Макххали Госала – быть может, удостоенный посещения Макххали Госала доставит отраду сердцу божественного". Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта остался безмолвным.

4. И тогда другой царской советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: "Божественный, вот Аджита Кесакамбала возглавляющий толпу последователей, и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель секты, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, состарившийся, достигший преклонных лет. Пусть божественный почтит посещением его, Аджиту Кесакамбалу – быть может, удостоенный посещения Аджита Кесакамбала доставит отраду сердцу божественного". Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта остался безмолвным.

5. И тогда другой царской советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: "Божественный, вот Пакудха Коччаяна возглавляющий толпу последователей, и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель секты, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, состарившийся, достигший преклонных лет. Пусть божественный почтит посещением его, Пакудху Коччаяну – быть может, удостоенный посещения Пакудха Коччаяна доставит отраду сердцу божественного". Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта остался безмолвным.

6. И тогда другой царской советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: "Божественный, вот Санджая Белаттхипутта возглавляющий толпу последователей, и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель секты, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, состарившийся, достигший преклонных лет. Пусть божественный почтит посещением его, Санджаю Белаттхипутту – быть может, удостоенный посещения Санджая Белаттхипутта доставит отраду сердцу божественного". Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта остался безмолвным.

7. И тогда другой царской советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: "Божественный, вот Нигантхе Натапутта возглавляющий толпу последователей, и возглавляющий общину, и наставник общины,

известный и прославленный основатель секты, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, состарившийся, достигший преклонных лет. Пусть божественный почтит посещением его, Нигантху Натапутту – быть может, удостоенный посещения Нигантхе Натапутта доставит отраду сердцу божественного". Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта остался безмолвным.

8. А в это время Дживака Комарабхачча, пребывая в безмолвии, сидел недалеко от царя Магадхи Аджатакатту Ведехипутты. И царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта так сказал Дживаке Комарабхачче: "Почему же ты безмолвствуешь, дорогой Дживака?"

"Божественный! Блаженный, архат, всецело просветленный пребывает у нас в манговой роще с большой толпой монахов, двенадцатью с половиной сотнями монахов. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава. Он, Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Пусть Божественный почтит посещением его, Блаженного, – быть может удостоенный посещения Блаженный доставит отраду сердцу божественного".

"Приготовь же, дорогой Дживака, повозки со слонами".

9. – "Хорошо, божественный", – согласился Дживака Комарабхачча с царем Магадхи Аджатакатту Ведехипуттой, приготовил пятьсот слоних и слона, предназначенного для царя, и сообщил царю Магадхи Аджатакатту Ведехипутте: "Божественный, повозки со слонами приготовлены для того, что ты сейчас считаешь своевременным". И тогда царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта, усадив каждую из жен на одну из пятисот слоних и взойдя на предназначенного для него слона, с великим царским блеском, в сопровождении несущих факелы, выступил из Раджагахи и направился в манговую рощу Дживаки Комарабхаччи.

10. И вот неподалеку от манговой рощи царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта ощутил страх, ощутил оцепенение, – ощутил дрожь волосков. И вот царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта устрешенный, возбужденный, с поднявшимися на теле волосками, так сказал Дживаке Комарабхачче: "Не обманываешь ли ты меня, дорогой Дживака? Не вводишь ли ты меня в заблуждение, дорогой Дживака? Не предаешь ли ты меня недругам, дорогой Дживака? Как же это от столь большой толпы монахов, двенадцати с половиной сотен монахов, не слышно ни звуков чиханья, ни звуков кашля, ни шума?"

"Не страшись, великий царь, не страшись великий царь! Я не обманываю тебя, божественный, я не ввожу тебя в заблуждение, божественный, я не предаю тебя недругам, божественный. Иди вперед, великий царь, иди вперед, великий царь! Там в беседке горят факелы".

11. И вот царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта проехав на слоне, сколько позволяла слону дорога, опустился со слона и пешком приблизился ко входу в беседку. И приблизившись, так сказал Дживаке Комарабхачче: "Где же Блаженный, дорогой Дживака?"

"Вот Блаженный, великий царь. Вот Блаженный, великий царь, прислонившись к средней колонне, сидит лицом к востоку, чтимый толпою монахов".

12. И тогда царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта подошел к Блаженному, подойдя, стал в стороне, став в стороне и взирая на толпу монахов, пребывающую в безмолвии, пребывающую в безмолвии, словно спокойное озеро, царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта взволнованно воскликнул: "Да будет сын мой Удайибхадда наделен тем спокойствием, каким спокойствием наделена сейчас толпа монахов!"

"Пришел ли ты с любовью к сыну, великий царь?"

"Господин, мне дорог сын Удайибхадда. Да будут, господин, сын мой, Удайибхадда наделен тем спокойствием, каким спокойствием наделена сейчас толпа монахов".

13. И вот царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта, приветствовав Блаженного, поднял сложенные ладони перед толпой монахов, сел в стороне. И сев в стороне, царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта так сказал Блаженному: "Господин, я хотел бы спросить Блаженного об одной вещи, если Блаженный даст мне позволение предложить вопрос".

"Спрашивай, великий царь, о чем желаешь".

14. "Существуют ведь, господин, занятые в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брандмейстеры, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом своего ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли господин, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

15. "Вспоминаешь ли ты перед нами, великий царь, что задавал этот вопрос другим отшельникам и брахманам?"

"Я вспоминаю, господин, что задавал этот вопрос другим отшельникам и брахманам".

"Так скажи, что они ответили тебе, великий царь, если тебе не трудно".

"Мне не трудно, господин, там, где сидит Блаженный или подобные Блаженному".

"Говори же, великий царь".

16. "Однажды, господин, я приблизился к Пуране Кассапе. Приблизившись, я обменялся с Пураной Кассапой дружескими дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Пуране Кассапе: "Существуют ведь, досточтимый Кассапа, занятые в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом (своего) ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Кассапа, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

17. Когда так было сказано, господин, Пурана Кассапа так сказал мне: "Великий царь, когда человек действует или побуждает действовать, калечит или побуждает калечить, мучает или побуждает мучить, несет горе или побуждает нести горе, изнуряет или побуждает изнурять, приводит в трепет или побуждает приводить в трепет, уничтожает живое или берет то, что не дано ему, врывается в дом, уносит награбленное, совершает воровство, стоит в засаде у дороги, идет к чужой жене, говорит ложь – делая так, он не делает греха! И пусть диском с краями острыми, как бритва, он сделает живых существ на этой земле одним месивом из мяса, одной грудой мяса – нет от этого греха, нет причастности к греху. И пусть он пойдет по южному берегу Ганга, убивая или побуждая убивать, калеча или побуждая калечить, мучая или побуждая мучить, – нет от этого греха, нет причастности к греху. И пусть он пойдет по северному берегу Ганга, подавая или побуждая подавать, совершая жертвоприношения, – нет от этого заслуги, нет причастности к заслуге. От подаяния, самообуздания, воздержанности, правдивости нет заслуги, нет причастности к заслуге".

18. Так, господин, Пурана Кассапа, будучи спрошенным о зримом плоде отшельничества ответил мне, что действие незначимо. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго, стал бы отвечать о хлебном дереве, или спрошенный о хлебном дереве, стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Пурана Кассапа, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил, что действие незначимо. Тогда, господин, я сказал себе так: "Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?" И вот, господин, я не высказал Пуране Кассапе ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и пожалел об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

19. "Однажды, господин, я приблизился к Маккхали Госале. Приблизившись, я обменялся с Маккхали Госалой дружескими дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Маккхали Госале: "Существуют ведь, досточтимый Госале в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом (своего) ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Госала, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

20. Когда так было сказано, господин, Маккхали Госала так сказал мне: "Великий царь, нет причин, нет основания для осквернения существ – без причин, без основания оскверняются существа. Нет причин, нет основания для очищения существа без причины, без основания очищаются существа. Нет своего действия, нет человеческого действия, нет силы, нет усердия, нет человеческой мощи, нет человеческого стремления. Все существа, все живое, все рожденное, все творения лишены власти, лишены силы, лишены усердия, претерпевают изменения под воздействием судьбы, общения, собственной природы и испытывают счастье или несчастье, будучи разделены на шесть разновидностей. Существует четырнадцать сотен тысяч главных видов рождения и шестнадцать сотен других, и еще шестьсот других; пятьсот видов действий, и еще пять действий: и три действия, и /одно/ действие и половина действия; шестьдесят два пути, шестьдесят два внутренних периода, шесть разновидностей существ, восемь стадий человеческой жизни, сорок девять сотен видов поддержания жизни, сорока девять сотен видов, странствующих аскетов, сорок девять сотен областей, населенных нагами, двадцать сотен жизненных способностей, тридцать сотен преисподней, тридцать шесть элементов страсти, семь пород, наделенных сознанием, семь пород, лишенных сознания, семь пород растущих от узлов стебля, семь видов богов, семь видов людей, семь видов демонов, семь озер, семь патува, семьсот патува, семь великих обрывов, семьсот

малых обрывов, семь видов великих слов, семьсот видов малых слов, восемьдесят четыре сотни тысяч великих периодов, в течение которых и глупцы, и мудрые, странствуя, переходя, из одного существования в другое, полагат конец страдания. И здесь не следует полагать: "Благодаря этому нравственному поведению, или обрядам, или подвижничеству, или целомудрию я или дам созреть не созревшим плодам своих действий, или, постепенно обретая созревшие плоды действий, освобожусь от них", ибо это не так – счастье и несчастье словно отмеряны меркой, и переходу из одного существования в другое положен предел; нет ему сокращения или расширения, нет увеличения или уменьшения. И подобно тому, как брошенный клубок нити разматывается, насколько способен разматываться, также точно и глупцы и мудрые, странствуя и переходя из одного существования в другое, полагат конец страданию".

21. Так, господин, Маккхали Госала, будучи спрошенным о зримом плоде отшельничества ответил мне об очищении благодаря переходу из одного состояния в другое. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго, стал бы отвечать о хлебном дереве, или спрошенный о хлебном дереве, стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Маккхали Госала, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил бы об очищении благодаря переходу из одного состояния в другое. Тогда, господин, я сказал себе так: "Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?" И вот, господин, я не высказал Маккхали Госале ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и пожалел об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

22. "Однажды, господин, я приблизился к Аджите Кесакамбали. Приблизившись, я обменялся с Аджитой Кесакамбали дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Аджите Кесакамбали: "Существуют ведь, досточтимый Аджита, занятые в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом (своего) ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Аджита, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

23. Когда так было сказано, господин, Аджита Кесакамбали так сказал мне: "Великий царь, нет подаяния, нет жертвоприношения, нет возлияния, нет созревшего плода добрых и злых действий, нет этого мира, нет другого мира, нет матери, нет отца, нет самопроизвольно родившихся существ, нет в мире отшельников и брахманов, находящихся на надлежащем пути и в надлежащем расположении духа, которые, познав и увидев собственными глазами и этот мир, и другой мир возглашают истину. Этот человек состоит из четырех великих элементов, и когда исполняется его срок, то земля из него возвращается и входит во всю совокупность земли, вода возвращается и входит во всю совокупность воды, огонь возвращается и входит во всю совокупность огня, воздух возвращается и входит во всю совокупность воздуха, жизненные способности соединяются с пространством. Вот четверо людей и носилки – пятые: взяв умершего, они идут до его места сожжения и произносят слова о нем. А там остаются серые кости и в конце подношения пепел. Подаяние – это угнетение глупцов, и те, которые проповедуют пользу от него, ведут пустую, лживую болтовню.

24. Так, господин, Аджита Кесакамбали, будучи спрошенным о зримом плоде отшельничества ответил мне проповедью о разрушении. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго, стал бы отвечать о хлебном дереве, или спрошенный о хлебном дереве, стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и, Аджита Кесакамбали, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил проповедью о разрушении. Тогда, господин, я сказал себе так: "Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?" И вот, господин, я не высказал, Аджита Кесакамбали ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и пожалел об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

25. "Однажды, господин, я приблизился к Пакудхе Каччаяне. Приблизившись, я обменялся с Пакудхой Каччаяной дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Пакудхе Каччаяне: "Существуют ведь, досточтимый Каччаяна, занятые в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом (своего) ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье,

ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Каччаяна, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

26. Когда так было сказано, господин, Пакудха Каччаяна так сказал мне: "Великий царь, эти семь элементов не созданы, и их не побуждали создать, не сотворены, и их не побуждали сотворить; они бесплодны, стоят как на вершине, установлены прочно как столп. Они не движутся, не изменяются, не вредят друг другу, не причиняют друг другу счастья или несчастья, или счастья и несчастья. Каковы же эти семеро? Элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха, счастье, несчастье и седьмой – жизнь. Эти семь элементов не созданы, их не побуждали создать, не сотворены, их не побуждали сотворить, они бесплодны, стоят как вершина, установлены прочно, как столп. Они не движутся, не изменяются, не вредят друг другу, не причиняют друг другу счастья или несчастья, или счастья и несчастья. Нет здесь убивающего, или побуждающего убивать, слушающего или побуждающего слушать, сознающего или побуждающего сознавать. И когда кто-нибудь рассекает острым мечом голову, то никто никого не лишает жизни – просто меч проникает в промежуток между семью элементами".

27. Так, господин, Пакудха Каччаяна, будучи спрошенным о зримом плоде отшельничества ответил мне о другом и по-другому. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго, стал бы отвечать о хлебном дереве, или спрошенный о хлебном дереве, стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и, Пакудха Каччаяна, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил о другом и по-другому. Тогда, господин, я сказал себе так: "Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?" И вот, господин, я не высказал Пакудхе Каччаяне ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и пожалел об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

28. "Однажды, господин, я приблизился к Нигантхе Натапутте. Приблизившись, я обменялся с Нигантхой Натапуттой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Нигантхе Натапутте: "Существуют ведь, досточтимый Аггивессана, занятые в различных отраслях ремесел – а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набеге, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом (своего) ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Аггивессана, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

29. Когда так было сказано, господин, Нигантха Натапутта так сказал мне: "Великий царь, вот Нигантха сдержан воздержанием четырехчастной узды. Как же великий царь, Нигантха сдержан воздержанием четырехчастной узды? Великий царь, Нигантха воздерживается от всякой воды, и наделен всякою водою. И так, великий царь, Нигантха сдержан воздержанием четырехчастной узды. И поскольку, великий царь, Нигантха сдержан так воздержанием четырехчастной узды, он великий царь, зовется Нигантхой, чье "я" достигло цели, и чье "я" обуздано, и чье "я" стойко.

30. Так, господин, Нигантха Натапутта, будучи спрошенным о зримом плоде отшельничества, ответил мне о воздержании четырехчастной узды. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго, стал бы отвечать о хлебном дереве, или спрошенный о хлебном дереве, стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и, Нигантха Натапутта, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил о воздержании четырехчастной узды. Тогда, господин, я сказал себе так: "Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?" И вот, господин, я не высказал, Нигантхе Натапутте ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и пожалел об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

31. Однажды, господин, я приблизился к Санджае Беллаттхипутте. Приблизившись, я обменялся с Санджаей Беллаттхипуттой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Санджае Беллаттхипутте: "Существуют ведь, досточтимый Санджая, занятые в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набеге, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом (своего) ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Санджая, указать таким же образом зримый плод отшельничества в

этом зримом мире?"

32. Когда так было сказано, господин, Санджая Беллаттхипутта так сказал мне: "Если бы ты спросил меня: "Другой мир существует?" и я считал бы, что другой мир существует, то я объяснил бы, что другой мир существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил: "Другой мир не существует?", и я считал бы, что другой мир не существует, то я объяснил бы, что другой мир не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Другой мир и существует и не существует?", и я считал бы, что другой мир и существует, и не существует, то я объяснил бы, что другой мир и существует, и не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Другой мир ни существует, ни не существует?", и я считал бы, что другой мир ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что другой мир ни существует, ни не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Самопроизвольно родившиеся существуют?", и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся существуют. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Самопроизвольно родившиеся не существуют?", и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся не существуют. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют?", и я считал бы, что самовольно родившиеся и существуют, и не существуют, то я объяснил бы, что самовольно родившиеся и существуют, и не существуют. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют?", и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий существует?", и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий не существует?", и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует?", и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует?", и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Татхагата существует после смерти?", и я считал бы, что Татхагата существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата существует после смерти. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Татхагата не существует после смерти?", и я считал бы, что Татхагата не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата не существует после смерти. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Татхагата и существует и не существует после смерти?", и я считал бы, что Татхагата и существует и не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата и существует, и не существует после смерти. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: "Татхагата ни существует, ни не существует после смерти?", и я считал бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. Но я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет.

33. Так, господин, Санджая Беллаттхипутта, будучи спрошенным о зримом плоде отшельничества ответил мне уклончиво. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго, стал бы отвечать о хлебном дереве, или спрошенный о хлебном дереве, стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и, Санджая Беллаттхипутта, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне уклончиво. Тогда, господин, я сказал себе так: "Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?" И вот, господин, я не высказал, Санджае Беллаттхипутте ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и пожалел об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

34. И вот, господин, я спрашиваю Блаженного: "Существуют ведь, господин, занятые в различных отраслях

ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, не уступающие большому слону, герои, воители в кожаном панцире, дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и занятые в других различных отраслях ремесел подобного рода – и они живут в этом зримом мире зримым плодом (своего) ремесла, им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, господин, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

"Можно, великий царь. Только я в таком случае задам тебе встречный вопрос, чтобы ты ответил на него так, как сочтешь нужным.

35. Как ты думаешь, великий царь? Вот был бы у тебя слуга, раб, исполняющий работу, рано встающий и поздно ложащийся, послушно выполняющий все, приятно ведущий себя, сладкоречивый, не спускающий с тебя глаз. И он бы сказал себе: "Сколь чудесны, сколь необычны пути заслуг и созревание плодов заслуг! Ведь этот царь Магадхи Аджатакатта Ведехипутта – человек, и я – человек. Ведь этот царь Магадхи Аджатакатта Ведехипутта будучи наделен и снабжен пятью признаками чувственности, наслаждается и я сказал бы, словно бог, – я же – его раб, исполняющий работу, рано встающий, поздно ложащийся, послушно выполняющий все, приятно ведущий себя, сладкоречивый, не спускающий с тебя глаз. Право, и я мог бы совершить его заслуги. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем он может сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным. Так, будучи странником, он станет жить, обуздывая тело, станет жить, обуздывая речь, станет жить, обуздывая разум, довольствуясь самым ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению. И люди смогли бы так сказать тебе о нем: "Угодно ли узнать тебе, божественный, что тот, твой слуга, раб, исполняющий работу, рано встающий и поздно ложащийся, послушно выполняющий все, приятно ведущий себя, сладкоречивый, не спускающий с тебя глаз – он, божественный, сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным. Так, будучи странником, он живет, обуздывая тело, живет, обуздывая речь, живет, обуздывая разум, довольствуясь самым ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению". Сказал ли бы ты тогда так: "Пусть этот слуга придет ко мне, пусть снова будет рабом, исполняющим работу, рано встающим и поздно ложащимся, послушно выполняющим все, приятно ведущим себя, сладкоречивым, следящим за моим лицом"?"

36. "Совсем нет, господин. Мы напротив, приветствовали бы его, поднялись бы навстречу, предложили сиденье, усадили, доставили ему все необходимое – монашескую одежду, чашу для милостыни, обитель, лекарства для помощи больным, а также подобающую ему охрану, ограду и защиту"

"Как ты думаешь, великий царь? Если так, является ли это зримым плодом отшельничества или нет?"

"Конечно, господин, если так, это является зримым плодом отшельничества".

"Вот, великий царь, тебе указан мною первый зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

37. "А можно ли, господин, указать таким же образом еще другой зримый плод отшельничества в этом зримом мире?"

"Можно, великий царь. Только я в таком случае задам тебе встречный вопрос, чтобы ты ответил на него так, как тебе больше подходит. Как ты думаешь, великий царь? Вот был бы у тебя слуга, земледелец, домоправитель, уплачивающий подати, умножающий твои богатства. И он бы сказал себе: "Сколь чудесны, сколь необычны пути заслуг и созревание плодов заслуг. Ведь этот царь Магадхи Аджатакатта Ведехипутта – человек, и я человек. Ведь этот царь Магадхи Аджатакатта Ведехипутта будучи наделен и снабжен пятью признаками чувственности, наслаждается, я сказал бы, словно бог, – я же еще земледелец, домоправитель, уплачивающий подати, умножающий его богатства. Право, и я мог бы совершить его заслуги. Ведь я мог бы обрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он может обрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным. Так, будучи странником, он станет жить, обуздывая тело, станет жить, обуздывая речь, станет жить, обуздывая разум, довольствуясь самым ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению. И люди смогли бы так сказать тебе о нем: "Угодно ли узнать тебе, божественный, что тот твой слуга, земледелец, домоправитель, уплачивающий подати, умножающий твое богатство – он, божественный, сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным. Так, будучи странником, он живет обуздывая тело, живет, обуздывая речь, живет, обуздывая разум, довольствуясь своим ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению". Сказал ли бы тогда так: "Пусть этот слуга придет ко мне, пусть снова будет землевладельцем, домохозяином, уплачивающим подати, умножающим мое богатство?"

38. "Совсем нет, господин. Мы напротив, приветствовали бы его, поднялись бы навстречу, предложили сиденье, усадили, доставили ему все необходимое – монашескую одежду, чашу для милостыни, обитель, лекарства для помощи больным, а также подобающую ему охрану, ограду и защиту"

"Как ты думаешь, великий царь? Если так, является ли это зримым плодом отшельничества или нет?"

"Конечно, господин, если так, это является зримым плодом отшельничества".

"Вот, великий царь, тебе указан мною второй зримый плод отшельничества в этом зримом мире".

39. "А можно ли, господин, указать таким же образом еще другой зримый плод отшельничества в этом зримом мире – и прекраснее, и возвышеннее этих зримых плодов отшельничества?"

"Можно, великий царь. В таком случае, великий царь, слушай тщательно и внимай тому, что я скажу".

"Хорошо, господин", – согласился с Блаженным царь Магадхи Аджатакатта Ведехипутта. Блаженный сказал так:

40. "Вот, великий царь, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

41. Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: "Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбривает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

42. Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения, видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата чувств, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

43. Как же, великий царь, монах предан нравственности. Вот, великий царь, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

44. Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

45. Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

46. В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых,

плодящихся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

47. В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

48. В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

49. В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

50. В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахином, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

51. В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

52. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одежде, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

53. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

54. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

55. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

56. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

57. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

58. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

59. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

60. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

61. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

62. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умягчение; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

63. И вот, великий царь, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, великий царь, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, великий царь, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, великий царь, бывает монах, наделенный нравственностью.

64. Как же, великий царь, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, великий царь, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутреннее счастье. Таким, великий царь, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

65. Как же великий царь, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот великий царь, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, великий царь, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

66. Как же, великий царь, монах удовлетворен? Вот, великий царь, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, великий царь, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, великий царь, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, великий царь, бывает удовлетворенный монах.

67. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

68. Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

69. Подобно тому, великий царь, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог

оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

70. Подобно тому, великий царь, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

71. Подобно тому, великий царь, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

72. Подобно тому, великий царь, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

73. Подобно тому, великий царь, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

74. Так же точно, великий царь, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, великий царь, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящемся в спокойном пристанище.

75. Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

76. Подобно тому, великий царь, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

77. И далее, великий царь, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

78. Подобно тому, великий царь, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

79. И далее, великий царь, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают:

"уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

80. Подобно тому, великий царь, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, великий царь, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

81. И далее, великий царь, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

82. Подобно тому, великий царь, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, великий царь, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

83. Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

84. Подобно тому, великий царь, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

85. Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Их этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

86. Подобно тому, великий царь, как человек, извлекая тростинку из влагища мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, великий царь, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, великий царь, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытащена из кожи" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

87. Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой,

готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

88. Подобно тому, великий царь, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

89. Так со сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

90. Подобно тому, великий царь, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

91. Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль, он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

92. Подобно тому, великий царь, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.
Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.
Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.
Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.
Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.
Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.
Собранную мысль он постигает как собранную мысль.
Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.
Великую мысль он постигает как великую мысль.
Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.
Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.
Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.
Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.
Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.
Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.
Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

93. Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

94. Подобно тому, великий царь, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

95. Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из

истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

96. Подобно тому, великий царь, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

97. Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

98. Подобно тому, великий царь, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб,двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества. И нет, великий царь, другого зримого плода отшельничества превосходнее и возвышеннее этих зримых плодов отшельничества".

99. Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта сказал Блаженному: "Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудшему, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Блаженный с помощью многих наставлений преподает истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу, к Блаженному, и к дхарме, и к сангхе монахов. Пусть же Блаженный примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище. Мною совершено преступление,

господин, – из-за глупости, из-за ослепления, из-за нечестия я ради владычества лишил жизни отца, добродетельного царя добродетели. Пусть же господин Блаженный примет меня, признавшегося в совершенном преступлении, чтобы в будущем я обуздал себя".

100. "Действительно, великий царь, ты совершил преступление – из-за глупости, из-за ослепления, из-за нечестия ты лишил жизни отца, добродетельного царя добродетели. И поскольку ты, великий царь, указав на совершенное преступление, добродетельно искупаешь его, мы принимаем тебя. Ибо такова, великий царь, поступь должного поведения праведника – что указавший на совершенное преступление и добродетельно искупающий его, достигает в будущем самообуздания.

101. Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта сказал Блаженному: "Ну, а теперь, господин, мы пойдем – у нас много дел, много надлежит сделать".

"Делай, теперь, великий царь, как ты считаешь нужным".

И вот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта, возрадовавшись словам Блаженного, поднялся с сиденья, приветствовал Блаженного и обойдя его с правой стороны, удалился.

102. И вот, вскоре после ухода царя Магадхи Аджатасатту Ведехипутта, Блаженный обратился к монахам: "Этот царь, монахи, поражен; этот царь, монахи, потрясен. Если бы этот царь, монахи, не лишил жизни отца, добродетельного царя добродетели, то уже на этом сиденье обрел бы непорочное, свободное от скверны виденье истины".

Так сказал Блаженный, и удовлетворенные монахи возрадовались словам Блаженного.

Окончена вторая Саманнипхала сутта

Дигха Никая 3

Амбаттха сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот, что я слышал. Однажды Блаженный, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, прибыл в брахманскую деревню под названием Иччхананкала в Косале. И там в Иччхананкале Блаженный остановился в густой роще Иччхананкалы, и в это самое время брахман Поккхарасади обитал в Уккаттхе – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном – царском наделе, отданном ему царем Косалы Пасенади в полное владение в качестве царского дара.

2. И брахман Поккхарасади услышал: "Поистине, почтенный отшельник Готама, сын Сакьев, из племени Сакьев, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, приблизившись к Иччхананкале, пребывает в Иччхананкале в густой роще Иччхананкалы. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему".

3. И в это самое время у брахмана Поккхарасади был юный ученик Амбаттха – начитанный, сведущий в священных текстах, достигший совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов с итихасой – в пятых, умеющий разбирать слова за словами, знающий грамматику, постигший рассуждения о природе и знака на теле великого человека, получивший признание от собственного наставника в тройном знании, сказавшего: "Что я знаю, то ты знаешь, что ты знаешь, то я знаю".

И вот брахман Поккхарасади обратился к юному Амбаттхе: "Дорогой Амбаттха, вот отшельник Готама, сын Сакьев, из племени Сакьев, странствуя и двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, приблизившись к Иччхананкале, пребывает в Иччхананкале в густой роще Иччхананкалы. И вот о нем, досточтимом Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце – в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему. Иди же ты, дорогой Амбаттха, подойди к отшельнику Готаме и, подойдя, узнай об отшельнике Готаме, таким ли является этот Блаженный Готама, какая идет о нем слава, или не такая: таков ли он, досточтимый Готама, или не таков.

Тогда мы узнает об этом Блаженном Готама".

5. "Но как же, почтенный, я узнаю об этом Блаженном Готама, таким ли является этот Блаженный Готама, какая идет о нем слава, или не такая, таков ли он, досточтимый Готама, или не таков?".

"В связанных текстах, дорогой Амбаттха, до нас дошло учение о тридцати двух знаках великого человека. У наделенного ими великого человека бывает два пути и не более. Если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим над четырьмя странами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти семь сокровищ: сокровище – колесо, сокровище – слон, сокровище – конь, сокровище – драгоценность, сокровище – женщина, сокровище – домоправитель и сокровище – наставник – в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей – героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, но одной лишь добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Вот, дорогой Амбаттха, я даю тебе священные тексты, ты – принимаешь священные тексты".

6. "Хорошо, почтенный", – согласился юный Амбаттха с брахманом Поккхарасади, поднялся с сиденья, приветствовал брахмана Поккхарасади, обошел его с правой стороны, взошел на повозку, запряженную кобылой, и вместе с многочисленными юношами направился к густой роще Иччхананкалы. Проехав на повозке, сколько позволяла дорога, он сошел с повозки и пешком вошел в парк.

7. А в то самое время многочисленные монахи гуляли по открытому месту. И вот юный Амбаттха подошел к монахам и, подойдя так сказал монахам: "Где же сейчас пребывает досточтимый Готама? Ведь мы пришли сюда, чтобы увидеть досточтимого Готаму".

8. И тогда эти монахи сказали себе так: "Ведь этот юный Амбаттха рожден в знатном семействе и ученик знатного брахмана Поккхарасади. Нетрудно Блаженному беседовать с подобным отпрыском знатного семейства". И они так сказали юному Амбаттхе: "Вот, Амбаттха, обитель с закрытыми дверями. Без шума приблизься к ней, не спеша, войди на веранду, кашляни и постучи по засову. Блаженный отворит тебе дверь".

9. И вот юный Амбаттха без шума приблизился к обители с закрытыми дверями, не спеша вошел на веранду, кашлянул и постучал по засову. Блаженный отворил дверь, и юный Амбаттха вошел. Юноши тоже вошли, обменялись с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в стороне. Юный же Амбаттха, расхаживая, обменялся с сидящим Блаженным кое-какими приветственными словами; стоя, он обменялся с сидящим Блаженным кое-какими приветственными словами.

10. Тогда Блаженный так сказал юному Амбаттхе: "Так ли, Амбаттха, ты беседуешь со старшими престарелыми брахманами, с наставниками твоих наставников, как теперь, когда я сижу, а ты, то двигаясь, то останавливаясь, обмениваешься со мной кое-какими приветственными словами?"

"Нет, не так, почтенный Готама. С идущим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать идя; со стоящим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать стоя; с сидящим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать сидя; с лежащим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать лежа. Что же, почтенный Готама, до негодных бритоголовых отшельников, прислужников, нечистых, происшедших от стоп родичей, то с ними я беседую так же, как и с тобой, почтенный Готама".

11. "Ведь твой приход сюда, Амбаттха, имел какую-то цель. Тщательно обрати внимание на ту цель, ради которой ты пришел. Юный Амбаттха дурно воспитан – он гордится своим славным воспитанием, но что иное он обнаруживает как не дурное воспитание".

12. Тогда юный Амбаттха, рассерженный и опечаленный словами Блаженного, назвавшего его дурно воспитанным, стал ругать Блаженного, унижать Блаженного, обвинять Блаженного – подумав: "Отшельник Готама будет плох ко мне", он так сказал Блаженному: "Необуздан род сакьев, почтенный Готама. Груб род сакьев, почтенный Готама! Раздражителен род сакьев, почтенный Готама! Дик род сакьев, почтенный Готама! Будучи прислужниками, отшельниками-прислужниками, они не оказывают внимания брахманам, не оказывают уважения брахманам, не ценят брахманов, не чтут брахманов, не ставят высоко брахманов. Не годится, почтенный Готама, не подобает, что эти сакьи, будучи прислужниками, отшельниками, не оказывают внимания брахманам, не оказывают уважения брахманам, не ценят брахманов, не чтут брахманов, не ставят высоко брахманов"; – так юный Амбаттха в первый раз обвинил сакьев в том, что они прислужники.

13. Но в чем же, Амбаттха, сакьи провинились перед тобой?

– "Однажды, почтенный Готама, по какому-то делу учителя, брахмана Поккхарасади, я пришел в Капилаваттху и приблизился к месту собрания сакьев. И в это самое время многочисленные сакьи и сыновья сакьев сидели там на высоких сиденьях, подталкивая друг друга пальцами, вместе смеялись и развлекались, несомненно, как я думал, смеясь надо мной, и ни один даже не предложил мне сиденья. Не годится, почтенный Готама, не подобает, что эти сакьи, будучи прислужниками, отшельниками-прислужниками, не оказывают внимания брахманам, не оказывают уважения брахманам, не ценят брахманов, не чтут брахманов, не ставят высоко брахманов". Так юный Амбаттха во второй раз обвинил сакьев в том, что они прислужники.

14. "Даже перепелка, Амбаттха, маленькая птичка, и та щебечет, как хочет, в своем гнезде. Ведь этот Капилаваттху, Амбаттха, принадлежит сакьям, и поэтому не стоит, Амбаттха, сердиться по столь ничтожному поводу".

15. "Существуют четыре варны, почтенный Готама: кшатрии, брахманы, вайшьи, шудры. Из этих четырех варн, почтенный Готама, три варны – кшатрии, вайшьи, шудры – несомненно, призваны служить брахманам. Не годится, почтенный Готама, не подобает, что эти сакьи, будучи прислужниками, отшельниками-прислужниками, не оказывают внимания брахманам, не оказывают уважения брахманам, не ценят брахманов, не чтут брахманов, не ставят высоко брахманов". Так юный Амбаттха в третий раз обвинил сакьев в том, что они прислужники.

16. Тогда Блаженный сказал себе так: "Этот юный Амбаттха чрезмерно унижает сакьев, говоря, что они прислужники; спрошу-ка я о его роде". И Блаженный так сказал юному Амбаттхе: "Из какого ты рода, Амбаттха?"

– "Я – Канхаяна, почтенный Готама".

"Если вполне можно вспомнить, Амбаттха, с самого начала твое происхождение по матери и отцу, то оказывается, что сакья – дети господ, а ты – сын рабыни сакьев. Весь сакьи, Амбаттха, считают своим предком царя Оккаку. Когда-то давно, Амбаттха, царь Оккака, желая передать царство сыну своей любимой и дорогой первой супруги, побудил оставить страну старших сыновей Оккамукху, Каранду, Хаттинию, Синупучу. Оставив страну, они нашли прибежище на склонах Гималаев на берегу лотосного пруда, в большой роще деревьев сака. Из боязни нарушить чистоту рода они вступили в сожителство со своими сестрами.

И вот, Амбаттха, царь Оккака обратился к приближенным и советникам: "Где же теперь, почтенные, находятся сыновья?"

"Есть, божественный, на склонах Гималаев, на берегу лотосного пруда большая роща деревьев сака – там теперь находятся сыновья. Из боязни нарушить чистоту рода они вступили в сожителство со своими сестрами".

И вот, Амбаттха, Царь Оккака взволнованно воскликнул: "Поистине, почтенные, эти сыновья – сакьи; поистине, почтенные, эти сыновья – лучшие сакьи!"

И вот, с тех пор, Амбаттха, они известны как сакьи. Он и есть предок сакьев. А у царя Оккаки, Амбаттха, была рабыня по имени Диса. Она родила черного ребенка. Едва родившись, Канха заговорил: "Омой меня, мама, искупай меня, мама, освободи меня, мама, от этой нечистоты, я принесу вам пользу". И вот, подобно тому, Амбаттха, как люди называют теперь демонов демонами, так же точно, Амбаттха, люди называли в то время демонов "черными". Они говорили так: "Едва родившись, он заговорил. Родился "черный", родился демон". И вот с тех пор, Амбаттха, его потомки известны как род Канхаяна. Он и есть предок Канхаяны. Итак, Амбаттха, если вспомнить с самого начала твое происхождение по матери и отцу, то оказывается, что сакьи – дети господ, а ты – сын рабыни сакьев".

17. Когда так было сказано, те юноши так сказали Блаженному: "Не надо, досточтимый Готама, чрезмерно унижать юного Амбаттху, говоря, что он сын рабыни. Благороден юный Амбаттха, почтенный Готама, и из славного семейства юный Амбаттха, и весьма учен юный Амбаттха, и искусен в речах юный Амбаттха, и мудр юный Амбаттха, и способен юный Амбаттха ответить почтенному Готаме на эту речь".

18. Тогда Блаженный так сказал тем юношам: "Если вы, юноши, считаете: "И неблагороден юный Амбаттха и не из славного семейства юный Амбаттха, и мало ученый юный Амбаттха, и не искусен в речах юный Амбаттха, и слаб разумом юный Амбаттха, и не способен юный Амбаттха ответить отшельнику Готаме на эту речь", – то пусть юный Амбаттха остается в покое, а вы обсуждайте со мной эту речь. Если же вы, юноши, считаете: "И благороден юный Амбаттха, и из славного рода юный Амбаттха, и весьма учен юный Амбаттха, и искусен в речах юный Амбаттха, и мудр юный Амбаттха, и способен юный Амбаттха ответить отшельнику Готаме на эту речь", то вы оставайтесь в покое, а юный Амбаттха пусть обсуждает со мной эту речь".

19. "И благороден юный Амбаттха, почтенный Готама, и из славного семейства юный Амбаттха, и весьма учен юный Амбаттха, и искусен в речах юный Амбаттха, и мудр юный Амбаттха, и способен юный Амбаттха ответить почтенному Готаме на эту речь. Мы останемся безмолвными. Пусть юный Амбаттха ответит почтенному Готаме на эту речь".

20. Тогда Блаженный так сказал юному Амбаттхе: "Вот, Амбаттха, тебе задается вопрос, связанный с истиной, на который следует ответить без страсти. Если ты не ответишь или уклонишься, сказав о другом, или останешься безмолвным, или уйдешь, то голова твоя тут же разорвется на семь частей. Как же ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников твоих наставников? Откуда происходит род Канхаяна, и кто предок рода Канхаяна?"

Когда так было сказано, юный Амбаттха остался безмолвным. А Блаженный во второй раз так сказал юному Амбаттхе: "Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников твоих наставников? Откуда происходит род Канхаяна, и кто предок рода Канхаяна?" – Юный Амбаттха и во второй раз остался безмолвным.

Тогда Блаженный так сказал юному Амбаттхе: "Ответь теперь, Амбаттха, нет у тебя теперь времени оставаться безмолвным. Ведь кто, Амбаттха, будучи трижды спрошен Татхагатой, не отвечает на вопрос, связанный с истиной, у того голова разорвется на семь частей".

21. И в это самое время яккха Ваджирани с большой железной булавой – горячей, воспламенной, сверкающей – появился в воздухе над юным Амбаттхой с намерением: "Если этот юный Амбаттха, трижды спрошенный Блаженным. Не ответит на вопрос, связанный с истиной, то я разорву его голову на семь частей". И вот этого яккху Ваджирани увидели и Блаженный, и юный Амбаттха. И видя его, юный Амбаттха,

устрашенный, возбужденный, с поднявшимися на теле волосками, ища защиты у Блаженного, ища приюта у Блаженного, ища прибежища у Блаженного, припал к его ногам и так сказал Блаженному: "Что это произнес досточтимый Готама? Пусть досточтимый Готама повторит еще раз".

"Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников твоих наставников? Откуда происходит род Канхаяна, и кто предок рода Канхаяна?"

"Я и слышал, почтенный Готама, то, что сказал досточтимый Готама – таково происхождение Канхаяны и таков предок Канхаяны".

22. Когда так было сказано, юноши, крича, подняв шум, с громким шумом сказали: "Право же, неблагороден юный Амбаттха, право же, не из славного семейства юный Амбаттха, право же, сын рабыни сакьев юный Амбаттха, право же, сакьи – дети господ юного Амбаттхи. Право же, истинна речь отшельника Готамы, которого мы сочли достойным упрека!"

23. Тогда Блаженный, подумав, сказал так: "Эти юноши чрезмерно унижают юного Амбаттху, говоря, что он сын рабыни, и теперь я избавлю его от этого. И Блаженный так сказал тем юношам: "Не надо вам, юноши, чрезмерно унижать юного Амбаттху, говоря, что он сын рабыни. Этот Канха был великим мудрецом. Уйдя в южную страну и изучив священные брахманские тексты, он предстал перед царем Оккакой и попросил в жены его дочь Кхуддарупи. Тогда, воскликнув: "Кто же это такой, будучи сыном рабыни, просит в жены мою дочь Кхуддарупи!" – царь Оккака, разгневавшись и выйдя из себя, наложил стрелу на тетиву. И вот он не смог снять ее с тетивы. Тогда юноши, приближенные, советники, подойдя к мудрецу Канхе, сказали так:

– "Господин, да будет благополучие царю; господин, да будет благополучие царю!"

– "Будет благополучие царю, но если царь пустит стрелу вниз, то всюду там, где властвует царь, разверзнется земля".

– "Господин, да будет благополучие царю и благополучие стране!"

– "Будет благополучие царю и благополучие стране, но, если царь пустит стрелу вверх, то всюду там, где властвует царь, в течение семи лет Бог не будет посылать дождя".

– "Господин, да будет благополучие царю и благополучие стране, и пусть бог посылает дождь!"

– "Будет благополучие царю и благополучие стране, и бог будет посылать дождь, пусть только царь направит стрелу в старшего сына – мальчик пребудет в благополучии и ни один волосок не упадет с его тела".

Тогда юноши и приближенные обратились к Оккаке: "Оккака, направь стрелу в старшего сына – мальчик пребудет в благополучии и ни один волосок не упадет с его тела". И вот царь Оккака направил стрелу в старшего сына, и мальчик продолжал пребывать в благополучии, и ни один волосок не упал с его тела. Тогда уstraшенный царь Оккака в страхе перед божественным наказанием отдал ему дочь. Не надо вам, юноши, чрезмерно унижать юного Амбаттху, говоря, что он сын рабыни. Этот Канха был великим мудрецом".

24. И тогда Блаженный обратился к юному Амбаттхе: "Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот молодой кшатрий выступает в сожительство с дочерью брахмана. От их сожительства рождается сын. Должен ли получить этот сын, рожденный молодым кшатрием и дочерью брахмана, сиденье или воду от брахманов?"

– "Должен получить, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?"

– "Должны доставлять долю, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы учить его священным текстам, или нет?"

– "Должны учить, почтенный Готама".

– "Скрыты ли от него их женщины, или не скрыты от него?"

– "Не скрыты от него, почтенный Готама".

– "Должны ли кшатрии совершить над ним посвящение, посвятив в кшатрии?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Почему же?"

– "Потому, что с материнской стороны, почтенный Готама, он не надлежащего происхождения".

25. "Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот молодой брахман вступает в сожительство с дочерью кшатрия. От их сожительства рождается сын. Должен ли получить этот сын, рожденный молодым брахманом и дочерью кшатрия, сиденье или воду от брахманов?"

– "Должен получить, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?"

– "Должны доставлять долю, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы учить его священным текстам, или нет?"

– "Должны учить, почтенный Готама".

– "Скрыты ли от него их женщины, или не скрыты от него?"

– "Не скрыты от него, почтенный Готама".

– "Должны ли кшатрии совершить над ним посвящение, посвятив в кшатрии?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Почему же?"

– "Потому, что с отцовской стороны, почтенный Готама, он не надлежащего происхождения".

26. "Итак, Амбаттха, сравнивать ли женщину с женщиной или сравнивать мужчину с мужчиной – кшатрии оказываются выше, а брахманы – ниже. Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот брахманы по какой-либо причине наголо обривают брахмана, наказывают его, осыпая пеплом из сумы, и отправляют в странствие из страны или города. Должен ли он получать сиденье или воду от брахманов?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы учить его священным текстам, или нет?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Скрыты ли от него их женщины, или не скрыты от него?"

– "Скрыты от него, почтенный Готама".

27. "Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот кшатрии по какой-либо причине наголо обривают кшатрия, наказывают его, осыпая пеплом из сумы, и отправляют в странствие из страны или города. Должен ли он получать сиденье или воду от брахманов?"

– "Должен получать, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?"

– "Должны доставлять долю, почтенный Готама".

– "Должны ли брахманы учить его священным текстам, или нет?"

– "Должны учить, почтенный Готама".

– "Скрыты ли от него их женщины, или не скрыты от него?"

– "Не скрыты от него, почтенный Готама".

– "А ведь кшатрия, Амбаттха, достиг самого глубокого падения – настолько, что кшатрии наголо сбивают его, наказывают, осыпая пеплом из сумы, и отправляют в странствие из страны или города. Итак, Амбаттха, если даже кшатрия достиг самого глубокого падения, тот все равно кшатрии выше, а брахманы ниже.

28. Брахмой Сананкумарой, Амбаттха, произнесена эта строфа:

Превыше кшатрии ищущих опору в родовитости,

Но знающий и праведный – богов превыше и людей.

И вот, эта строфа, Амбаттха, хорошо изречена, а не плохо изречена Брахмой Сананкумарой, хорошо произнесена, а не плохо произнесена, связана с пользой, а не связана с бесполезностью и одобрена мной. И я тоже, Амбаттха, говорю так:

Превыше кшатрии ищущих в родовитости,

Но знающий и праведный – богов превыше и людей.

Окончен первый раздел поучений.

1. - "Какова же, Готама, эта праведность, каково это знание?"

– "При несравненном обладании знанием и праведностью, Амбаттха, не звучат речи о происхождении, не звучат речи о роде, не звучат речи о гордости: "Ты достоин меня", или "Ты не достоин меня", Так, Амбаттха, когда происходит введение новобрачной в дом, или происходит выдача замуж, то звучат речи о происхождении, и речи о роде, и речи о гордости: "Ты достоин меня, или ты не достоин меня". Ведь те, Амбаттха, которые привязаны к речам о происхождении, или привязаны к речам о роде, или привязаны к речам о гордости или привязаны к введению новобрачной в дом и выдаче замуж, далеки от несравненного обладания знанием и праведностью. И вот, Амбаттха, когда остаются привязанности к речам о происхождении, и привязанность к речам о роде, и привязанность к речам о гордости и привязанность к введению новобрачной в дом и выдаче замуж, то приходит осуществление несравненного обладания знанием и праведностью".

2. - "Какова же, почтенный Готама, эта праведность, каково это знание?"

– "Вот, Амбаттха, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе.

Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет:

"Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же, – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог

бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбривает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения, видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Амбаттха, монах предан нравственности? Вот, Амбаттха, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящихся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой

меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлинённым сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предназначения, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных

знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Амбаттха, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, Амбаттха, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, великий царь, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, Амбаттха, бывает монах, наделенный нравственностью".

"Как же, Амбаттха, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Амбаттха, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности.

Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, Амбаттха, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же Амбаттха, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Амбаттха, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, Амбаттха, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Амбаттха, монах удовлетворен? Вот, Амбаттха, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, великий царь, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, великий царь, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, Амбаттха, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Амбаттха, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Амбаттха, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Амбаттха, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободится от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Амбаттха, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободится от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Амбаттха, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Амбаттха, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Амбаттха, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Это и есть часть его праведности. Подобно тому, Амбаттха, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, Амбаттха, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Амбаттха, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, Амбаттха, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, Амбаттха, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Амбаттха, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, Амбаттха, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, Амбаттха, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Амбаттха, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Это и есть часть его праведности. Такова, Амбаттха, эта праведность.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к совершенному знанию. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет

собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание". Это и есть часть его знания.

Подобно тому, Амбаттха как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, Амбаттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию,

стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, Амбаттха, как человек, извлекая тростинку из влагища мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, Амбаттха, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, великий царь, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытащена из кожи" – так же точно, Амбаттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, Амбаттха, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, Амбаттха, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, Амбаттха, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, Амбаттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, Амбаттха, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – также точно, Амбаттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль, он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, Амбаттха, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я

вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, Амбаттха, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, Амбаттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, Амбаттха, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, Амбаттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии

с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Подобно тому, Амбаттха, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб, двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, Амбаттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием". Это и есть часть его знания. Таково, Амбаттха, его знание.

Такой монах, Амбаттха, зовется обладающим знанием. И нет, Амбаттха, другого обладания знанием и обладания праведностью превосходнее и возвышеннее этого обладания знанием и праведностью.

3. Существуют, Амбаттха, четыре отверстия, через которые утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью. Каковы эти четыре? Вот, Амбаттха, какой-нибудь отшельник или брахман, неспособный же достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, берет в качестве принадлежности аскета и углубляется в лесную глушь с мыслью: "Я буду питаться падающим плодом". Несомненно, он становится лишь служителем обладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, первое отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

И далее, Амбаттха, вот какой-нибудь отшельник или брахман неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью и неспособный питаться падающими плодами, берет заступ и корзинку и углубляется в лесную глушь с мыслью: "Я буду питаться луковичными и корневыми плодами". Несомненно, он становится лишь служителем обладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, второе отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

И далее, Амбаттха, вот какой-нибудь отшельник или брахман неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться луковичными и корневыми плодами, выстраивает около деревни или около торгового поселения алтарь для огня и живет там, служа огню. Несомненно, он становится лишь служителем обладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, третье отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

И далее, Амбаттха, вот какой-нибудь отшельник или брахман неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться падающими плодами, и не способный питаться луковичными и корневыми плодами, и не способный служить огню, выстраивает на перекрестке дом с четырьмя дверьми и живет там с мыслью: "Я по возможности и по силам буду оказывать почет отшельникам или брахманам, приходящим с четырех стран света". Несомненно, он становится лишь служителем обладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, четвертое отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

Таковы, Амбаттха, четыре отверстия, через которые утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

4. Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можно ли считать, что ты вместе с наставником наделен этими непревзойденными знаниями и праведностью?"

– "Нет, почтенный Готама. Что значу я со своим наставником, почтенный Готама, по сравнению с этим непревзойденным обладанием знанием и праведностью?"

– "Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, взять в качестве ноши принадлежности аскета и углубиться в лесную глушь с мыслью: "Я с наставником буду питаться падающими плодами?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного

обладания знанием и праведностью и неспособный питаться падающими плодами, взять заступ и корзину и углубиться в лесную глушь с мыслью: "Я с наставником буду питаться луковичными и корневыми плодами?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться падающими плодами, и неспособный питаться луковичными и корневыми плодами, выстроить около деревни или около торгового поселения алтарь для огня и жить там с наставником, служа огню?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться падающими плодами, и неспособный питаться луковичными и корневыми плодами, и не способный служить огню, выстроить на перекрестке дом с четырьмя дверьми и жить там с наставником с мыслью: "Я по возможности и по силам буду оказывать почет отшельникам или брахманам, приходящим с четырех стран света?"

– "Нет, почтенный Готама".

5. – "Итак, Амбаттха, ты с наставником лишен непревзойденного обладания знанием и праведностью, и ты с наставником лишен тех четырех отверстий, через которые утрачивается непревзойденное обладание знанием и праведностью. А ведь наставник брахман Поккхарасади сказал тебе, Амбаттха, такие слова: "Кто эти негодные бритоголовые отшельники, прислужники, нечистые, происшедшие от стоп родичей, и какая у них может быть беседа с брахманами, наделенными тройным знанием?" – хотя и сам следует ложным путем и несовершенен. Гляди же, Амбаттха, сколь неправ твой наставник брахман Поккхарасади.

6. Ведь брахман Поккхарасади, Амбаттха, пользуется дарением Пасенади, царя Косалы. Но царь Косалы Пасенади не разрешает ему появляться в своем присутствии. Когда он советуется с ним, то советуется с ним через завесу. Как это, Амбаттха, царь Пасенади из Косалы не разрешает даже появляться в своем присутствии тому, которому он доставляет подобающую, благочестивую милостыню? Гляди же, Амбаттха, сколь неправ твой наставник брахман Поккхарасади.

7. Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот царь Пасенади, сидя на шее слона, или сидя на спине коня, или стоя на подстилке на колеснице, будет держать о чем-нибудь совет с начальниками или принцами. Он сойдет со своего места, станет в стороне, и затем придет шудра или раб шудры. Став на это место, он станет держать совет, говоря: "Так сказал царь Пасенади из Косалы". Но говорит ли он, как говорит царь, и советуется ли, как советовался царь, – разве станет он от этого царем или равным царю?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Точно также и ты, Амбаттха, хотя и говоришь: "Те мудрецы древности, которые были из брахманов, а именно, Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, – и ведь я также изучаю с наставником священные тексты", – все же не достигаешь еще такого состояния, чтобы или сделаться от этого мудрецом, или вступить на путь к состоянию мудреца.

9. Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников твоих наставников? Те мудрецы древности, которые были из брахманов, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых, пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, – были ли эти мудрецы так же хорошо омыты, хорошо умашены, с причесанными волосами и бородой, украшены драгоценностями и венками, одеты в белые одежды, наделены пятью признаками чувственности, владея и услаждаясь ими, как теперь ты с наставником?"

– "Нет, почтенный Готама".

10. – "Питались ли они белым рисом, очищенным от черных зерен, с разнообразными подливками и разнообразными приправами, как теперь ты с наставником?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Пользовались ли они услугами женщин с повязками вокруг бедер, как теперь ты с наставником?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Разъезжали ли они в колесницах, запряженных кобылами с заплетенными хвостами, погоняя при езде длинными стрекалами, как теперь ты с наставником?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Заставляли ли они людей, опоясанных длинными мечами, охранять себя у городских укреплений, выкопав рвы и наложив засовы, как ты теперь с наставником?"

– "Нет, почтенный Готама".

– "Итак, Амбаттха, вы с наставником не являетесь мудрецами и не вступили на путь к состоянию мудрецов. У кого, Амбаттха, возникло сомнение или замешательство из-за меня, пусть тот обратится ко мне с вопросом, и я

ответу разъяснением".

11. И тогда Блаженный, выйдя из обители, направился к месту для прогулки. А юный Амбаттха также, выйдя из обители, направился к месту для прогулки. И вот юный Амбаттха, прогуливаясь вслед за прогуливающимся Блаженным, стал искать на теле Блаженного тридцать два знака великого человека. И юный Амбаттха увидел на теле Блаженного большинство из тридцати двух знаков великого человека – все, кроме двух. Из-за этих двух знаков великого человека – того, что скрыто в углублении под одеждой, и большого языка – он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя.

12. Тогда Блаженный сказал себе так: "Этот юный Амбаттха видит на мне большинство из тридцати двух знаков великого человека – все, кроме двух. Из-за этих двух знаков великого человека – того, что скрыто в углублении под одеждой, и большого языка – он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя".

И вот Блаженный явил своей силой такого рода явление, что юный Амбаттха увидел скрытое в углублении под одеждой Блаженного. И высунув язык, Блаженный достал и коснулся им обоих отверстий в ушах, достал и коснулся обоих отверстий в носу, и покрыл языком всю поверхность лба.

Тогда юный Амбаттха сказал себе так: "Ведь отшельник Готама наделен тридцатью двумя знаками великого человека – совершенными, а не несовершенными". – И сказал Блаженному: "Ну, а теперь, почтенный Готама, мы пойдем – у нас много дел, многое надлежит сделать".

– "Делай теперь, Амбаттха, как ты считаешь нужным".

И вот юный Амбаттха взошел на повозку, запряженную кобылой, и удалился.

13. В это самое время брахман Поккхарасади, выйдя из Уккаттхи вместе с большим числом брахманов, уселся в своем парке, ожидая юного Амбаттху. И юный Амбаттха тоже направился в его парк. Проехав на повозке, сколько позволяла повозке дорога, он спустился с повозки и пешком приблизился к брахману Поккхарасади; приблизившись и приветствовав брахмана Поккхарасади, он уселся в стороне. И брахман Поккхарасади так сказал юному Амбаттхе, усевшемуся в стороне:

14. – "Дорогой Амбаттха, видел ли ты этого досточтимого Готаму?"

– "Мы видели, почтенный, этого досточтимого Готаму".

– "Так ли, дорогой Амбаттха, обстоит с этим досточтимым Готамой, какая идет о нем молва, а не иначе? Таков ли этот досточтимый Готама, а не иной?"

– "С этим досточтимым Готамой, почтенный, обстоит так, какая идет о нем молва, а не иначе. И этот досточтимый Готама, почтенный, такой, а не иной. И этот досточтимый Готама, почтенный, наделен тридцатью двумя знаками великого человека – совершенными, а не несовершенными".

– "Была ли у тебя, дорогой Амбаттха, какая-либо беседа с отшельником Готамой?"

– "Была у меня, почтенный, одна беседа с отшельником Готамой".

– "Какая же, дорогой Амбаттха, была у тебя беседа с отшельником Готамой?"

И тогда юный Амбаттха передал брахману Поккхарасади всю ту беседу, которая была у него с Блаженным.

15. Когда так было сказано, брахман Поккхарасади сказал юному Амбаттхе: "Эх ты, наш мудрец! Это ты, наш ученый! Эх ты, наш юный обладатель тройного знания! Да из-за такого прислужника человек с распадом тела после смерти может вновь родиться в бедствии, несчастье, страдании, аду! Ведь ты, Амбаттха, столь грубо говорил с досточтимым Готамой, что и досточтимый Готама говорил, столь сильно обвиняя нас. Эх ты, наш мудрец! Эх ты, наш ученый! Эх ты, наш обладатель тройного знания! Да из-за такого прислужника человек с распадом тела после смерти может вновь родиться в бедствии, несчастье, страдании, аду!"

Разгневавшись и выйдя из себя, он отбросил юного Амбаттху ногой и тут же пожелал сам приблизиться и увидеть Блаженного.

16. И вот те брахманы так сказали брахману Поккхарасади: "Сегодня слишком поздно, почтенный, приблизиться и увидеть отшельника Готаму. Теперь уже завтра досточтимый Поккхарасади приблизится и увидит отшельника Готаму".

И брахман Поккхарасади приготовил в своем жилище изысканную твердую пищу и нежную пищу, погрузил ее на повозки, в сопровождении несущих факелы выступил из Уккаттхи и направился в густую рощу Иччхананкалы. Проехав на повозке, сколько позволяла повозке дорога, он спустился с повозки и пешком приблизился к Блаженному. Приблизившись, он обменялся с Блаженным дружескими дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. Сев в стороне, брахман Поккхарасади так сказал Блаженному:

17. – "Почтенный Готама, приходил ли сюда наш ученик, юный Амбаттха?"

– "Да, брахман, сюда приходил твой ученик, юный Амбаттха".

– "Была ли у тебя, почтенный Готама, какая-либо беседа с юным Амбаттхой?"

– "Была у меня, брахман, одна беседа с юным Амбаттхой".

– "Какая же, почтенный Готама, была у тебя беседа с юным Амбаттхой?"

И тогда Блаженный передал брахману Поккхарасади всю ту беседу, которая была у него с юным Амбаттхой.

Когда так было сказано, брахман Поккхарасади сказал Блаженному: "Почтенный Готама, юный Амбаттха глуп. Пусть досточтимый Готама простит юного Амбаттху".

– "Да будет счастлив юный Амбаттха, брахман!"

18. И вот брахман Поккхарасади стал искать не теле Блаженного тридцать два знака великого человека. И

брахман Поккхарасади увидел на теле Блаженного большинство из тридцати двух знаков великого человека – все, кроме двух. Из-за этих двух знаков великого человека – того, что скрыто в углублении под одеждой, и большого языка – он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя.

19. Тогда Блаженный сказал себе так: "Этот брахман Поккхарасади видит на мне большинство из тридцати двух знаков великого человека – все, кроме двух. Из-за этих двух знаков великого человека – того, что скрыто в углублении под одеждой, и большого языка – он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя".

И вот Блаженный явил своей силой такого рода явление, что брахман Поккхарасади увидел скрытое в углублении под одеждой Блаженного. И высунув язык, Блаженный достал и коснулся им обоих отверстий в ушах, достал и коснулся обоих отверстий в носу и покрыл языком всю поверхность лба.

Тогда брахман Поккхарасади сказал себе так: "Ведь отшельник Готама наделен тридцатью двумя знаками великого человека – совершенными, а не несовершенными". И сказал Блаженному: "Пусть досточтимый Готама вместе с толпой монахов согласится принять у меня сегодня пищу". И Блаженный безмолвно согласился.

20. Тогда брахман Поккхарасади, узнав о согласии Блаженного, сообщил Блаженному о времени: "Пришло время, почтенный Готама, – пища готова". И тогда Блаженный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к трапезе брахмана Поккхарасади и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда брахман Поккхарасади своей рукой угостил и насытил Блаженного изысканной твердой пищей и нежной пищей, а юноши угостили толпу монахов. И когда Блаженный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, брахман Поккхарасади выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне.

21. Когда же брахман Поккхарасади сел в стороне, Блаженный изложил последовательную проповедь, а именно – проповедь о деянии, проповедь о нравственности, проповедь о небе и преподал наставление о горечи, тщете и скверне чувственных удовольствий и о преимуществах отречения. И когда Блаженный узнал, что брахман Поккхарасади готов в мыслях, смягчен в мыслях, непредвзят в мыслях, возвышен в мыслях, умиротворен в мыслях, то он преподал наставление в истине, высочайшее для Будд: страдание – возникновение – уничтожение – путь. И подобно тому, как чистая, свободная от грязи одежда надлежащим образом принимает окраску, таким же образом у брахмана Поккхарасади на том самом сиденье возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: "Все то, что подвержено возникновению, подвержено и уничтожению".

22. И вот брахман Поккхарасади, увидев истину, достигнув истины, узнав истину, проникнув в истину, преодолев сомнение, освободившись от замешательства, достигнув высшей уверенности в себе, не нуждаясь в другом наставнике для наставления, так сказал Блаженному:

– "Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно почтенный Готама с помощью многих наставлений преподал истину. И вот, почтенный Готама, я с сыновьями, с женой, с окружением, с приближенными иду как к прибежищу к Блаженному Готаме, – и к дхарме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище. И как досточтимый Готама приближается в Уккаттхе к семьям других преданных мирян, пусть досточтимый Готама приблизится также и к семье Поккхарасади. И те юные брахманы и брахманки, которые приветствуют там Блаженного Готаму, и поднимутся навстречу, и дадут ему сиденье и воду, и склонят к нему сердце, – долгое время пробудут в благополучии и счастье".

– "Превосходно говорит брахман".

Окончена третья Амбаттха сутта

Дигха Никая 4

Сонаданда сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот, что я слышал. Однажды Блаженный, двигаясь по Анге с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, прибыл в Чампу. И там в Чампе Блаженный остановился на берегу лotosного пруда Гаггары. И в это самое время брахман Сонаданда обитал в Чампе – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном, – царском наделе, отданном ему царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара.

2. И брахманы – домоправители из Чампы услышали:

"Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, двигаясь по Анге с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, приблизившись к Чампе, остановился в Чампе на берегу лotosного пруда Гаггара. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный,

наделённый знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце – в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему". И вот брахманы-домоправители из Чампы, собравшись толпами и оставив Чампу, приблизились к лotosному пруду Гаггара.

3. И в это самое время брахман Сонаданда отправился для дневного отдыха на верхнюю террасу своего дома. И брахман Сонаданда увидел, как брахманы-домоправители из Чампы, собравшись толпами и, оставив Чампу, приблизились к лotosному пруду Гаггара. Видя это, он обратился к стражнику:

– "Почему это, почтенный стражник, брахманы-домоправители из Чампы, собравшись толпами и оставив Чампу, приблизились к лotosному пруду Гаггара?"

– "Есть странствующий отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев. Двигаясь по Анге о большой толпой монахов, пятьюстами монахов и приблизившись к Чампе, он остановился в Чампе на берегу лotosного пруда Гаггара. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Они приблизились, чтобы увидеть этого Блаженного Готаму".

– "Тогда, почтенный стражник, приблизься к брахманам-домоправителям из Чампы и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Чампы, скажи так: "Брахман Сонаданда говорит так: "Пусть досточтимые подождут, Брахман Сонаданда тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму".

– "Хорошо, почтенный", – согласился этот стражник с брахманом Сонадандой, приблизился к брахманам-домоправителям из Чампы и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Чампы, сказал так:

– "Почтенные, брахман Сонаданда говорит так: "Пусть досточтимые подождут. Брахман Сонаданда тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму".

4. И в это самое время пятьсот брахманов из разных стран находились в Чампе по некоторому делу. И те брахманы услышали: "Ведь брахман Сонаданда приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму". И тогда те брахманы приблизились к брахману Сонаданде и, приблизившись к брахману Сонаданде, сказали так:

– "Правда ли, что досточтимый Сонаданда приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму?"

– "Таково мое намерение, почтенные. Я тоже приближусь, чтобы увидеть отшельника Готаму".

– "Пусть досточтимый Сонаданда не приближается, чтобы увидеть отшельника Готаму. Досточтимый Сонаданда не должен приближаться, чтобы увидеть отшельника Готаму. Если досточтимый Сонаданда приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму, то уменьшится слава досточтимого Сонаданды, и возрастет слава отшельника Готамы. А раз уменьшится слава досточтимого Сонаданды и возрастет слава отшельника Готамы, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду.

5. Ведь досточтимый Сонаданда благороден с обеих сторон и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. А раз досточтимый Сонаданда благороден с обеих сторон – и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда богат, состоятелен, обладает большим имуществом. А раз досточтимый Сонаданда богат, состоятелен, обладает большим имуществом, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятих, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки на теле великого человека. А раз досточтимый Сонаданда начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятих, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки на теле великого человека, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обличем, великим на взор. А раз досточтимый Сонаданда прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обличем, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью. А раз досточтимый Сонаданда нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, то по этой причине не досточтимый

Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу. А раз досточтимый Сонаданда обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда – наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши с разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Сонаданде, стремясь к священным текстам, желая изучать священные тексты. А раз досточтимый Сонаданда – наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши с разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Сонаданде, стремясь к священным текстам, желая изучать священные тексты, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует. А раз досточтимый Сонаданда стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары. А раз досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда обитает в Чампе – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном, – царском наделе, отданном /ему/ царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара. А раз досточтимый Сонаданда обитает в Чампе – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном, – царском наделе, отданном /ему/ царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду.

6. Когда так было сказано, брахман Сонаданда сказал тем брахманам:

– "Выслушайте же меня, почтенные, почему именно мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму, но не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас. Ведь отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон – и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. А раз отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон – и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь досточтимый Готама, почтенные, странствует, оставив много золота и денег – и скрытых под землей, и находящихся на поверхности земли, – то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, обрив волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, обрив волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. А раз отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас,

но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама.

Ведь отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью. А раз отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользе. А раз отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользе, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, – наставник многих наставников. А раз отшельник Готама, почтенные, наставник многих наставников, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, уничтожил в себе чувственную страсть, освободился от непостоянства. А раз отшельник Готама, почтенные, уничтожил в себе чувственную страсть, освободился от непостоянства, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, проповедует значимость кармы, проповедует значимость действия, безупречно чтит род брахманов. А раз отшельник Готама, почтенные, проповедует значимость кармы, проповедует значимость действия, безупречно чтит род брахманов, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем, как к прибежищу, многие тысячи божеств. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем, как к прибежищу, многие тысячи божеств, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный". А раз об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный", – то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека. А раз отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, говорит каждому: "Подойди, добро пожаловать!", добр в речах, дружелюбен, не хмурит бровки, говорит ясно, охотно беседует. А раз отшельник Готама, почтенные, говорит каждому: "Подойди, добро пожаловать!", добр в речах, дружелюбен, не хмурит бровки, говорит ясно, охотно беседует, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением четырех групп. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением четырех групп, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди. А раз отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке, почтенные, злые духи не приносят вреда людям. А раз, в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке, почтенные, злые духи не приносят вреда людям, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу последователей, возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей

прочих сект, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы, благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью. А раз отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу последователей, возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей прочих сект, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы, благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Магадхи Сеня Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Магадхи Сеня Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сеня Бимбисары. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сеня Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Чампе, остановился в Чампе на берегу лотосного пруда Гаггары. Те отшельники или брахманы, которые вступают в пределы нашего селения – наши гости. Гости же должны пользоваться у нас вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением. А раз отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Чампе, остановился в Чампе на берегу лотосного пруда Гаггары, и отшельник Готама – наш гость, гости же должны пользоваться у нас вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Таковы, почтенные, известные мне преимущества досточтимого Готамы, но преимущества досточтимого Готамы даже не таковы, ибо преимущества досточтимого Готамы неизмеримы".

7. Когда так было сказано, те брахманы сказали брахману Сонаданде: "Досточтимый Сонаданда так говорит о преимуществах отшельника Готамы, что даже если бы этот досточтимый Готама остановился в ста йоджанах, верующий из славного семейства, даже неся котомку с едой, должен был бы приблизиться, чтобы увидеть его. Поэтому, почтенный, мы все приблизимся, чтобы увидеть отшельника Готаму".

И вот брахман Сонаданда с большой толпой брахманов приблизился к лотосному пруду Гаггаре.

8. И вот у брахмана Сонаданды, когда он проходил через густую рощу, возникло в уме такое размышление: "Если я задам вопрос отшельнику Готаме, а отшельник Готама скажет мне на это: "Не так, брахман, следует задавать этот вопрос – вот как, брахман, следует задавать этот вопрос", – то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением и подумают: "Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он не способен правильно задать вопрос отшельнику Готаме". К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Или если отшельник Готама задаст мне вопрос, а я ответом на вопрос не удовлетворю его сердце, и отшельник Готама скажет мне на это: "Не так, брахман, следует отвечать на этот вопрос – вот как, брахман, следует отвечать на этот вопрос", – из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением и подумают: "Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он не способен удовлетворить ответом на вопрос сердце отшельника Готамы". К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Если же я, подойдя так близко, поверну назад, не увидев отшельника Готаму, то из-за

этого окружающие отнесутся ко мне с презрением и подумают: "Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он погряз в гордости, но труслив и не отваживается даже приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама. Как это он может, подойдя так близко, повернуть назад, не увидев отшельника Готама?" К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой".

9. И вот брахман Сонаданда приблизился к Блаженному. Приблизившись он обменялся с Блаженным дружескими дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И некоторые из брахманов-домохозяев Чампы, приветствовав Блаженного, сели в стороне; некоторые, обменявшись с Блаженным дружескими дружелюбными словами и почтительным приветствием, сели в стороне; некоторые, со сложенными ладонями поклонившись Блаженному, сели в стороне; некоторые, назвав свое имя и род, сели в стороне; некоторые, оставаясь безмолвными, сели в стороне.

10. Но и тогда, усевшись, брахман Сонаданда продолжал пребывать в размышлении: "Если я задам вопрос отшельнику Готаме, а отшельник Готама скажет мне на это: "Не так, брахман, следует задавать этот вопрос – вот как, брахман, следует задавать этот вопрос", – то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением и подумают: "Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он не способен правильно задать вопрос отшельнику Готаме". К кому же окружающие отнесутся с презрением, у кого уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Или если отшельник Готама задаст мне вопрос, а я ответом на вопрос не удовлетворю его сердце, и отшельник Готама скажет мне на это: "Не так, брахман, следует отвечать на этот вопрос – вот как, брахман, следует отвечать на этот вопрос", – то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением и подумают: "Глуп брахман Сонаданда и неопытен; он не способен удовлетворить ответом на вопрос сердце отшельника Готамы". К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. О, если бы отшельник Готама задал мне вопрос моих наставников о тройном знании! Тогда я несомненно удовлетворил бы его сердце ответом на вопрос".

11. И вот Блаженный, видя умом, о чем размышляет в уме брахман Сонаданда, сказал себе так: "Этот брахман Сонаданда обеспокоен в своем сердце. Поэтому я задам сейчас брахману Сонаданде вопрос его наставников о тройном знании".

И вот Блаженный сказал брахману Сонаданде: "Сколькими признаками должен быть наделен брахман, чтобы брахманы признали его брахманом и чтобы, говоря "я – брахман", он сказал правду и не повел лживой речи!"

12. Тогда брахман Сонаданда сказал себе так: "Ведь чего я хотел, чего желал, к чему стремился, чего просил, думая: "О если бы отшельник Готама задал мне вопрос моих наставников о тройном знании! Тогда я несомненно удовлетворил бы его сердце ответом на вопрос", – о том мне теперь и задает вопрос отшельник Готама – вопрос моих наставников о тройном знании. Я несомненно удовлетворю его сердце ответом на вопрос".

13. И вот брахман Сонаданда выпрямил тело, оглядел окружающих и сказал Блаженному: "Почтенный Готама, наделенного пятью признаками брахманы признают брахманом, и, говоря "я – брахман", он говорит правду и не ведет лживой речи. Каковы же пять признаков? Итак, почтенный, брахман благороден с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. Он начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятих, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки на теле великого человека. Он прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. Он нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью. Он мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку. Наделенного этими пятью признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря: "я – брахман", он говорит правду и не ведет лживой речи".

14. – "Можно ли от этих пяти признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного четырьмя признаками признали брахманом и чтобы, говоря: "я – брахман", он сказал правду и не повел лживой речи?"

"Можно, почтенный Готама. Отнимем, почтенный Готама, от этих пяти признаков внешнюю красоту. Ибо что значит красота? Ведь, когда брахман, почтенный, благороден с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. Он начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятих, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки на теле великого человека, и нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими четырьмя признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря: "я – брахман", он говорит правду и не ведет лживой речи".

15. – "Можно ли от этих четырех признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного тремя признаками признали брахманом, и чтобы, говоря: "я – брахман", он сказал правду и не повел лживой речи?"

– "Можно, почтенный Готама. Отнимем, почтенный Готама, от этих четырех признаков священные тексты. Ибо, что значит священные тексты? Ведь когда брахман, почтенный, благороден от обеих сторон – и по матери, и по

отцу, – из чистого лона, вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, и нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими тремя признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря: "я – брахман", он говорит правду и не ведет лживой речи".

16. – "Можно ли от этих трех признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного двумя признаками признали брахманом, и чтобы, говоря: "я – брахман", он сказал правду и не повел лживой речи?"

– "Можно, почтенный Готама. Отнимем, почтенный Готама, от этих трех признаков происхождение. Ибо что значит происхождение? Ведь, когда брахман, почтенный, нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими двумя признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря: "я – брахман", он говорит правду и не ведет лживой речи".

17. Когда так было сказано, те брахманы сказали брахману Сонаданде:

– "Не говори так, досточтимый Сонаданда, не говори так, досточтимый Сонаданда! Ведь раз досточтимый Сонаданда отвергает красоту, отвергает священные тексты, отвергает происхождение, то, несомненно, досточтимый Сонаданда присоединяется к учению отшельника Готамы".

18. И тогда Блаженный сказал тем брахманам: "Если вы, брахманы, считаете: "И мало учен брахман Сонаданда, и неискусен в речах брахман Сонаданда, и слаб разумом брахман Сонаданда, и не способен брахман Сонаданда ответить отшельнику Готаме на эту речь", – то пусть брахман Сонаданда остается в покое, вы обсуждайте со мной эту речь. Если же вы, брахманы, считаете: "И весьма учен брахман Сонаданда, и искусен в речах брахман Сонаданда, и мудр брахман Сонаданда, и способен брахман Сонаданда отвечать отшельнику Готаме на эту речь", – то вы оставайтесь в покое, а брахман Сонаданда пусть обсуждает со мной эту речь".

19. Когда так было сказано, брахман Сонаданда сказал Блаженному: "Оставайся в покое, досточтимый Готама! Пребывай в безмолвии, досточтимый Готама! Я сам дам им должный ответ".

И тогда брахман Сонаданда сказал тем брахманам: "Не говорите так, досточтимые, не говорите так, досточтимые: "Ведь раз досточтимый Сонаданда отвергает красоту, отвергает священные тексты, отвергает происхождение, то, несомненно, досточтимый Сонаданда присоединяется к учению отшельника Готамы". Я не отвергаю, почтенные, ни красоты, ни священных текстов, ни происхождения".

20. И в это самое время юноша по имени Ангака, сын сестры брахмана Сонаданды, уселся среди окружающих его. И тогда брахман Сонаданда сказал тем брахманам: "Видите ли вы, досточтимые, этого юношу Ангаку, сына нашей сестры?"

– "Да, почтенный".

– "Вот юноша Ангака, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, и нет в этом окружении равного ему по красоте, за исключением отшельника Готамы. Вот юноша Ангака, почтенные, начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятих, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки на теле великого человека. Я сам учил его священным текстам. Вот юноша Ангака, почтенные, благороден с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. Я сам знаю его мать и отца. Но если бы юноша Ангака, почтенные, убивал живых существ, брал то, что ему не отдано, ходил к чужой жене, говорил ложь, пил хмельное, то, что пользы было бы ему от красоты, от священных текстов, от происхождения? Ведь, когда брахман, почтенные, нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими двумя признаками, почтенные, брахманы признают брахманом, и говоря: "я – брахман", он говорит правду и не ведет лживой речи".

21. – "Можно ли от этих двух признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного одним признаком признали брахманом, и чтобы, говоря: "я – брахман", он сказал правду и не повел лживой речи?"

– "Нет, почтенный Готама. Ведь постижение, почтенный Готама, очищает нравственностью, нравственность очищается постижением, где нравственность, там и постижение, где постижение, там и нравственность; у нравственного – постижение, у постигающего – нравственность; нравственность и постижение считаются лучшими в мире. И подобно тому, почтенный Готама, как рукой моют руку или ногой моют ногу, так же точно, почтенный Готама, и постижение очищается нравственностью, нравственность очищается постижением; где нравственность, там и постижение, где постижение, там и нравственность: у нравственного – постижение, у постигающего – нравственность; нравственность и постижение считаются лучшими в мире".

22. – "Это так, брахман. Ведь постижение, брахман, очищается нравственностью, нравственность очищается постижением; где нравственность, там и постижение, где постижение, там и нравственность; у нравственного – постижение, у постигающего – нравственность; нравственность и постижение считаются лучшими в мире. Какова же, брахман, эта нравственность, каково это постижение?"

– "Лишь то, что уже сказано, знаем мы, почтенный Готама, о смысле этого. Пусть досточтимый Готама соизволит разъяснить смысл этих слов".

– "В таком случае, брахман, слушай тщательно и внимай тому, что я скажу".

– "Хорошо, почтенный", – согласился с Блаженным брахман Сонаданда.

Блаженный сказал так:

"Вот, брахман, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе.

Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет:

"Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Не легко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью удовлетворен.

Как же, брахман, монах предан нравственности. Вот, брахман, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы

одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одежде, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой

риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечах, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умашивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, брахман, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, брахман, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, брахман, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным

сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, брахман, бывает монах, наделенный нравственностью. Такова, брахман, эта нравственность.

Как же, брахман, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, брахман, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, брахман, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, брахман, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, брахман, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует, когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, брахман, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, брахман, монах удовлетворен? Вот, брахман, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, брахман, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, брахман, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, брахман, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, брахман, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в

теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, брахман, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И, подобно этому, брахман, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, брахман, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящемся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившееся телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, брахман, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливаться так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, брахман, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, брахман, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, брахман, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, брахман, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, брахман, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, брахман, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми

лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, брахман, и монах обливает, обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, брахман, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

Подобно тому, брахман, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, великий царь, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Это и есть часть его постижения.

Подобно тому, брахман, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, брахман, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, брахман, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так со сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, брахман, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – так же точно, брахман, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.
Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.
Собранную мысль он постигает как собранную мысль.
Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.
Великую мысль, он постигает как великую мысль.
Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.
Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.
Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.
Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.
Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.
Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.
Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, брахман, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.
Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.
Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.
Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.
Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.
Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.
Собранную мысль он постигает как собранную мысль.
Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль он постигает как великую мысль.
Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.
Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.
Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.
Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.
Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.
Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.
Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, брахман, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, брахман, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то

именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, брахман, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием". Это и есть часть его постижения. Таково, брахман, это постижение".

24. Когда так было сказано, брахман Сонаданда сказал Блаженному: "Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно почтенный Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот я иду как к прибежищу к Блаженному Готаме, и к дхарме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище. Пусть досточтимый Готама вместе с толпой монахов согласится принять у меня завтра утром пищу".

И Блаженный безмолвно согласился. Тогда брахман Сонаданда, узнав о согласии Блаженного, поднялся с сиденья, приветствовал Блаженного и, обойдя его с правой стороны, удалился. И когда прошла эта ночь, брахман Сонаданда, приказав приготовить в своем доме изысканную твердую пищу и нежную пищу, сообщил Блаженному о времени: "Пришло время, почтенный Готама, – пища готова".

25. И тогда Блаженный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к дому брахмана Сонаданды, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда брахман Сонаданда своей рукой угостил и насытил толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и нежной пищей. Когда Блаженный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, брахман Сонаданда выбрал другое низкое сиденье и сел в стороне. И сидя в стороне брахман Сонаданда сказал Блаженному:

26. – "Если, находясь в своем окружении, почтенный Готама, я поднимусь с сиденья и приветствую Блаженного Готаму, то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Поэтому, если, находясь в своем окружении, почтенный Готама, я протяну сложенные ладони, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я поднялся с сиденья. И, если, находясь в своем окружении, почтенный Готама, я сниму головную повязку, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я совершаю приветствие головой. Если, находясь в повозке, почтенный Готама, я спущусь с повозки и приветствую Блаженного Готаму, то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава, у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Поэтому, если, находясь в повозке, почтенный Готама, я протяну вверх стрекало, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я спускаюсь с повозки. И если, находясь в повозке, почтенный Готама, я опущу руки, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я совершаю приветствие головой".

27. И тогда Блаженный, наставив, возбудив, воодушевив, порадовав брахмана Сонаданду беседой об истине, поднялся с сиденья и удалился.

Окончена четвертая Сонаданда сутта

Дигха Никая 5

Кутаданта сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот что я слышал. Однажды Блаженный, двигаясь по Магадхе с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, прибыл в брахманскую деревню под названием Кханумата в Магадхе. И там, в Кханумате Блаженный остановился в Амбалаттхике. И в это самое время брахман Кутаданта обитал в Кханумате – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном, – царском наделе, отданном ему царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара. И в это самое время у брахмана Кутаданта было приготовлено большое жертвоприношение. Семь сотен быков, и семь сотен тельцов, и семь сотен телок, и семь сотен коз, и семь сотен баранов были приведены к жертвенному столбу для жертвоприношения.

2. И брахманы-домоправители из Кхануматы услышали: "Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, двигаясь по Магадхе с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, приблизившись к Кханумате, остановился в Кханумате, в Амбалаттхике. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце – в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему". И вот брахманы-домоправители из Кхануматы, собравшись толпами и оставив Кханумату, приблизились к Амбалаттхике.

3. И в это самое время брахман Кутаданта отправился для дневного отдыха на верхнюю террасу своего дома. И брахман Кутаданта увидел, как брахманы-домоправители из Кхануматы, собравшись толпами и, оставив Кханумату, приблизились к Амбалаттхике. Видя это, он обратился к стражнику:

– "Почему это, почтенный стражник, брахманы-домоправители из Кхануматы, собравшись толпами и оставив Кханумату, приблизились к Амбалаттхике?"

– "Есть, почтенный, странствующий отшельник Готама, сын сакьев из племени сакьев. Двигаясь по Магадхе с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, и приблизившись к Кханумате, он остановился в Кханумате, в Амбалаттхике. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей,

нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный". Они приблизились, чтобы увидеть этого Блаженного Готаму".

4. И брахман Кутаданта сказал себе так: "Ведь я слышал: Отшельник Готама знает /правило/ о тройном успешном совершении жертвоприношения и его шестнадцати принадлежностях. Я же не знаю о тройном успешном совершении жертвоприношения и его шестнадцати принадлежностях и желаю совершить великое жертвоприношение. Что, если я приближусь к отшельнику Готаме и спрошу его о тройном успешном совершении жертвоприношения и его шестнадцати принадлежностях".

И брахман Кутаданта обратился к этому стражнику: "Тогда, почтенный стражник, приблизься к брахманам-домоправителям из Кхануматы и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Кхануматы, скажи так: "Почтенные, брахман Кутаданта говорит так: "Пусть досточтимые подождут. Брахман Кутаданта тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму"".

– "Хорошо, почтенный", – согласился этот стражник с брахманом Кутадантой, приблизился к брахманам-домоправителям из Кхануматы и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Кхануматы, сказал так: "Почтенные, брахман Кутаданта говорит так: "Пусть досточтимые подождут. Брахман Кутаданта тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму".

5. И в это самое время многие сотни брахманов находились в Кханумате с мыслью: "Мы будем участвовать в великом жертвоприношении брахмана Кутаданты". И те брахманы услышали: "Ведь брахман Кутаданта приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму". И тогда те брахманы приблизились к брахману Кутаданте и, приблизившись к брахману Кутаданте, сказали так:

– "Правда ли, что досточтимый Кутаданта приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму?"

– "Таково мое намерение, почтенные. Я тоже приближусь, чтобы увидеть отшельника Готаму".

6. – "Пусть досточтимый Кутаданта не приближается, чтобы увидеть отшельника Готаму. Досточтимый Кутаданта не должен приближаться, чтобы увидеть отшельника Готаму. Если досточтимый Кутаданта приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму, то уменьшится слава досточтимого Кутаданты и возрастет слава отшельника Готамы. А раз уменьшится слава досточтимого Кутаданты и возрастет слава отшельника Готамы, то по этой причине досточтимый Кутаданта не должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта благороден с обеих сторон – и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. А раз досточтимый Кутаданта благороден с обеих сторон – и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта богат, состоятелен, обладает большим имуществом. А раз досточтимый Кутаданта богат, состоятелен, обладает большим имуществом, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятих, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки на теле великого человека. А раз досточтимый Кутаданта начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятих, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаках на теле великого человека, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обличем, великим на взор. А раз досточтимый Кутаданта прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обличем, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью. А раз досточтимый Кутаданта нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу. А раз досточтимый Кутаданта обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта – наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши с разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Кутаданте, стремясь к священным текстам, желая изучать священные тексты. А раз досточтимый Кутаданта –

наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши с разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Кутаданте, стремясь к священным текстам, желая изучать священные тексты, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует. А раз досточтимый Кутаданта стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары. А раз досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта обитает в Кханумате – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном, – царском наделе, отданном /ему/ царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара. А раз досточтимый Кутаданта обитает в Кханумате – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном, – царском наделе, отданном /ему/ царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту.

7. Когда так было сказано, брахман Кутаданта сказал тем брахманам:

– "Выслушайте же меня, почтенные, почему именно мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму, но не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас. Ведь отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон – и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. А раз отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон – и по матери и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь досточтимый Готама, почтенные, странствует, оставив много золота и денег – и скрытых под землей, и находящихся на поверхности земли, – то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, обрив волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, обрив волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. А раз отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму.

Ведь отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью. А раз отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учливой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу. А раз отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учливой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но

мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, – наставник многих наставников, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, уничтожил в себе чувственную страсть, освободился от непостоянства. А раз отшельник Готама, почтенные, уничтожил в себе чувственную страсть, освободился от непостоянства, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, проповедует значимость кармы, проповедует значимость действия, безусловно чтит род брахманов. А раз отшельник Готама, почтенные, проповедует значимость кармы, проповедует значимость действия, безусловно чтит род брахманов, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем, как к прибежищу, многие тысячи божеств. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем, как к прибежищу, многие тысячи божеств, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный". А раз об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный", – то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека. А раз отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, говорит каждому: "Подойди, добро пожаловать!", добр в речах, дружелюбен, не хмурит бровки, говорит ясно, охотно беседует. А раз отшельник Готама, почтенные, говорит каждому: "Подойди, добро пожаловать!", добр в речах, дружелюбен, не хмурит бровки, говорит ясно, охотно беседует, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением четырех групп. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением четырех групп, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди. А раз отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке, почтенные, злые духи не приносят вреда людям. А раз, в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке, почтенные, злые духи не приносят вреда людям, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу последователей, возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей прочих сект, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы, благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью. А раз отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу последователей, возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей прочих сект, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы, благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Магадхи Сения Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме,

почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Магадхи Сеня Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем, как к прибежищу, брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сеня Бимбисары. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сеня Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Кханумате, остановился в Кханумате, в Амбалаттхике. Те отшельники или брахманы, которые вступают в пределы нашего селения – наши гости. Гости же должны пользоваться у нас вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением. А раз отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Кханумате, остановился в Кханумате, в Амбалаттхике, и отшельник Готама – наш гость, гости же должны пользоваться у нас вниманием, предупредительностью, уважением, почетом, преклонением, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Таковы, почтенные, известные мне преимущества досточтимого Готамы, но преимущества досточтимого Готамы даже не таковы, ибо преимущества досточтимого Готамы неизмеримы".

8. Когда так было сказано, те брахманы сказали брахману Кутаданте: "Досточтимый Кутаданта так говорит о преимуществах отшельника Готамы, что даже если бы этот досточтимый Готама остановился в ста йоджанах, верующий из славного семейства, даже неся котомку с едой, должен был бы приблизиться, чтобы увидеть его. Поэтому, почтенный, мы все приблизимся, чтобы увидеть отшельника Готаму".

И вот брахман Кутаданта с большой толпой брахманов приблизился в Амбалаттхике к Блаженному. Приблизившись, он обменялся с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И некоторым из брахманов-домохозяев Кхануматы, приветствовав Блаженного, сели в стороне, некоторые, обменявшись с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием, сели в стороне; некоторые со сложенными ладонями, поклонившись Блаженному, сели в стороне; некоторые, назвав свое имя и род, сели в стороне; некоторые, оставаясь безмолвными, сели в стороне.

9. И сидя в стороне, брахман Кутаданта сказал Блаженному:

"Я слышал, почтенный Готама: "Отшельник Готама знает правило о тройном успешном совершении жертвоприношения и шестнадцати его принадлежностях". Я же не знаю о тройном успешном совершении жертвоприношения и шестнадцати его принадлежностях и желаю совершить жертвоприношение. Да соблаговолит досточтимый Готама указать мне тройное успешное совершение жертвоприношения и шестнадцать его принадлежностей". – "В таком случае, брахман, слушай тщательно и внимай тому, что я скажу".

"Хорошо, почтенный", – согласился с Блаженным брахман Кутаданта. Блаженный сказал так:

10. – "Когда-то давно, брахман, жил царь по имени Махавиджита, богатый, состоятельный, обладающий большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и зерна, переполненной сокровищницей и житницей. И вот, брахман, у царя Махавиджиты, уединившегося и предавшегося размышлению, возникло в уме такое рассуждение: "Я в изобилии наделен людским достатком и живу, подчинив себе великий земной круг. Теперь я мог бы принести великое жертвоприношение, чтобы оно на долгое время послужило мне к благополучию и счастью". И вот, брахман, царь Махавиджита, позвав за царским жрецом-брахманом, сказал так: "Вот, брахман, у меня, уединившегося и предавшегося размышлению, возникло в уме такое рассуждение: "Я в изобилии наделен людским достатком и живу, подчинив себе великий земной круг. Теперь я мог бы принести великое жертвоприношение, чтобы оно на долгое время послужило мне к благополучию и счастью". Я хочу, брахман, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимый наставит меня, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью".

11. Когда, брахман, так было сказано, царский жрец-брахман сказал царю Махавиджита: "Страна досточтимого царя испытывает тревогу и гнет. Встречаются грабители селений, встречаются грабители торговых поселков, встречаются грабители городов, встречаются разбойники на дорогах. И если досточтимый царь станет повышать подати в стране, испытывающей тревогу и гнет, тем самым досточтимый царь сделает то, чего не следует делать. Может быть, досточтимый царь скажет себе так: "Я прекращу этот вражеский разбой, убив, заточив, лишив имущества, опозорив, отправив в изгнание виновных. Но этот вражеский разбой не будет, таким образом, полностью искоренен. Те, кто останутся в живых, будут впоследствии приносить вред стране царя. Лишь благодаря вот какому средству этот вражеский разбой будет полностью искоренен. Тем, досточтимый царь, которые в стране досточтимого царя занимаются земледелием и скотоводством, пусть досточтимый царь доставит зерно и пропитание; тем, которые в стране царя занимаются торговлей, пусть досточтимый царь доставит денежные средства; тем, которые в стране досточтимого царя занимаются царской службой, пусть досточтимый царь снабдит пропитанием и платой. Тогда эти люди, следуя своим занятиям, не будут приносить вреда стране царя; у царя возникнет великий доход, умиротворенная страна избавиться от тревоги и гнета, и радостные люди, радуясь, танцуют с детьми на руках, поистине, будут жить, не запирая домов".

"Хорошо, почтенный" – согласился с царским жрецом-брахманом царь Махавиджита. И вот, брахман, тем, которые в стране царя занимались земледелием и скотоводством, досточтимый царь Махавиджита доставил зерно и пропитание; тем, которые в стране царя занимались торговлей, царь Махавиджита доставил денежные средства; тех, которые в стране царя занимались царской службой, царь Махавиджита снабдил пропитанием и платой. Тогда эти люди, следуя своим занятиям, не стали приносить вреда стране царя; у царя возник великий доход, умиротворенная страна избавилась от тревоги и гнета, и радостные люди, радуясь, танцуют с детьми на руках, поистине, стали жить, не запирая домов.

12. И тогда, брахман, царь Махавиджита, позвав за царским жрецом-брахманом, сказал так: "Вот, почтенный, прекращен вражеский разбой; благодаря средству досточтимого, у меня великий доход, умиротворенная страна избавилась от тревоги и гнета, и радостные люди, радуясь, танцуют с детьми на руках, поистине, стали жить, не запирая домов. Я хочу, брахман, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимый наставит меня, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью".

"Тогда, досточтимый царь, пусть досточтимый царь обратится к зависимым от него кшатриям-горожанам и деревенским жителям – в стране досточтимого царя: "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью". Пусть досточтимый царь обратится к приближенным и советчикам-горожанам и деревенским жителям – в стране досточтимого царя: "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью". Пусть досточтимый царь обратится к богатым брахманам-горожанам и деревенским жителям – в стране досточтимого царя: "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью". Пусть досточтимый царь обратится к домоправителям-горожанам и деревенским жителям – в стране досточтимого царя. "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью".

"Хорошо, почтенный", – согласился с царским жрецом-брахманом царь Махавиджита. И вот царь Махавиджита обратился к зависимым от него кшатриям-горожанам и деревенским жителям – в стране царя: "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью". – "Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время благоприятно для жертвоприношения, великий царь!"

И царь Махавиджита обратился к приближенным и советчикам-горожанам и деревенским жителям – в стране царя: "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью". – "Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время благоприятно для жертвоприношения, великий царь!"

И Царь Махавиджита обратился к богатым брахманам-горожанам и деревенским жителям – в стране царя: "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью". – "Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время благоприятно для жертвоприношения, великий царь!"

И Царь Махавиджита обратился к домоправителям-горожанам и деревенским жителям – в стране царя. "Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью". – "Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время благоприятно для жертвоприношения, великий царь!"

Так эти четыре группы согласившихся являются принадлежностями этого жертвоприношения.

13. Царь Махавиджита был наделен восемью признаками: благородный с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнанный, безупречного происхождения. Прекрасный, приятный для глаз, доставляющий отраду, наделенный высшей красотой телосложения, превосходный, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обличьем, великим на взор. Богатый, состоятельный, обладающий большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и

зерна, переполненной сокровищницей и житницей. Могущественный, наделенный четырехчастным войском, послушным и исполнительным, – поистине, сжигающий недругов своей славой. Верующий, подающий, щедрый деятель, держащий двери открытыми, источник насыщения отшельников, брахманов, бедных путников, бродяг, просителей, совершающий заслуги. Весьма ученый во всех областях знания, знающий смысл каждого слова и объясняющий: "Вот смысл этого слова, вот смысл того слова". Мудрый, ясный в суждениях, разумный, сведущий, способный мыслить о прошедшем, будущем и настоящем. – Этими восемью признаками был наделен царь Махавиджита. И эти восемь признаков являются принадлежностями этого жертвоприношения.

14. Царский жрец-брахман был наделен четырьмя признаками: Благородный с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнанный, безупречного происхождения. Начитанный, сведущий в священных текстах, достигший совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятых, умеет разбирать слово за словом, знающий грамматику, постигший рассуждения о природе и знаки на теле великого человека. Нравственный, высокой нравственности, наделенный высокой нравственностью. Мудрый, ясный в суждениях, первый или второй среди протягивающих жертвенную ложку. – Этими четырьмя признаками был наделен царский жрец брахман. И эти четыре признака являются принадлежностями этого жертвоприношения.

15. И вот, брахман, царский жрец-брахман указал царю Махавиджита перед жертвоприношением тройное успешное совершение жертвоприношения: "Может быть у досточтимого царя, желающего совершить великое жертвоприношение, возникнет такого рода сожаление: "Увы, у меня уйдет на это великое богатство", – так досточтимому царю не следует испытывать этого сожаления. Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, возникнет такого рода сожаление: "Увы, у меня уходит на это великое богатство", – так досточтимому царю не следует испытывать этого сожаления. Может быть у досточтимого царя, совершившего великое жертвоприношение, возникнет такого рода сожаление: "Увы, у меня ушло на это великое богатство", – так досточтимому царю не следует испытывать этого сожаления".

Так, брахман, это тройное успешное совершение жертвоприношения указал царю Махавиджита царский жрец-брахман перед жертвоприношением.

16. И вот, брахман, царский жрец-брахман посоветовал царю Махавиджита перед жертвоприношением устранить сожаление от десяти видов людей, получающий долю в жертвоприношении: "К жертвоприношению досточтимого придут убивающие живых существ и отказывающиеся убивать живых существ. Те, кто убивают здесь живых существ, пусть с тем и остаются; для тех же, кто отказывается здесь убивать живых существ, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут берущие то, что не дано, отказывающиеся брать то, что не дано. Те, кто берут здесь то, что им не дано, пусть с тем и остаются; для тех же, кто отказываются здесь брать то, что не дано, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут следующие ложным путем чувственных удовольствий и отказывающиеся следовать ложным путем чувственных удовольствий. Те, кто следуют здесь ложным путем чувственных удовольствий, пусть с тем и остаются; для тех же, кто отказываются следовать здесь ложным путем чувственных удовольствий, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие лживые речи и отказывающиеся вести лживые речи. Те, кто ведут здесь лживые речи, пусть с тем и остаются; для тех же, кто отказываются вести здесь лживые речи, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие клеветнические речи и отказывающиеся вести клеветнические речи. Те, кто ведут здесь клеветнические речи, пусть с тем и остаются; для тех же, кто отказываются вести здесь клеветнические речи, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие грубые речи и отказывающиеся вести грубые речи. Те, кто ведут здесь грубые речи, пусть с тем и остаются; для тех же, кто отказываются вести здесь грубые речи, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие легкомысленную болтовню и отказывающиеся вести легкомысленную болтовню. Те, кто ведут здесь легкомысленную болтовню, пусть с тем и остаются; для тех же, кто отказываются вести здесь легкомысленную болтовню, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут алчные и не алчные. Те, кто здесь алчны, пусть с тем и остаются; для тех же, кто здесь не алчны, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут недоброжелательные и доброжелательные. Те, кто здесь недоброжелательны, пусть с тем и остаются; для тех же, кто здесь доброжелательны, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут разделяющие ложные воззрения и разделяющие правильные воззрения. Те, кто разделяют здесь ложные, пусть с

тем и остаются; для тех же, кто разделяют здесь правильные воззрения, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется им, пусть досточтимый будет милостив к ним внутренними помыслами". – Так, брахман, от этих десяти видов людей, получающих долю в жертвоприношении, посоветовал царю устранить сожаление царский жрец-брахман перед жертвоприношением.

17. И вот брахман, царский жрец-брахман наставил, возбудил, воодушевил, порадовал шестнадцатью видами принадлежностей жертвоприношения сердце царя Махавиджиты, совершающего великое жертвоприношение: "Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не обратившись за согласием к зависимым от него кшатриям-горожанам и деревенским жителям, – досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь обратился к зависимым от него кшатриям – горожанам и деревенским жителям – и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не обратившись к приближенным и советникам-горожанам и деревенским жителям, – досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь обратился к приближенным и советникам – горожанам и деревенским жителям, – пусть поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не обратившись к богатым брахманам – горожанам и деревенским жителям, – досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь обратился к богатым брахманам – горожанам и деревенским жителям, – пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не обратившись к домоправителям – горожанам и деревенским жителям, – досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь обратился к домоправителям – горожанам и деревенским жителям, – пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи благородным с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, и незапятнанным, безупречного происхождения, досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь благороден с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи прекрасным, приятным для глаз, доставляющим отраду, наделенным высшей красотой телосложения, превосходным, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи богатым, состоятельным, обладающим большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и зерна, переполненной сокровищницей и житницей, досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь богат, состоятелен, обладает большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и зерна, переполненной сокровищницей и житницей, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи могущественным, наделенным четырех частным войском – послушным и исполнительным, – поистине, сжигающим недругов своей славой, досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь могуществен, наделен четырех частным войском – послушным и исполнительным, –

поистине, сжигает недругов своей славой, и пусть поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи верующим, подающим, щедрым деятелем, держащим двери открытыми, источником насыщения отшельников брахманов, бедных путников, бродяг, просителей, совершающим заслуги, досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь – верующий, подающий, щедрый деятель, держащий двери открытыми, источник насыщения отшельников, брахманов, бедных путников, бродяг, просителей, совершающий заслуги, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи весьма ученым во всех областях знания, досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь весьма учен во всех областях знания и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи знающим смысл каждого слова и объясняющим: "Вот смысл этого слова, вот смысл того слова", – досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь знает смысл каждого слова и объясняет: Вот смысл этого слова, вот смысл того слова, – и пусть поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами". Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – не будучи мудрым, ясным в суждениях, разумным, сведущим, способным мыслить о прошедшем, будущем и настоящем, досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо досточтимый царь мудр, ясен в суждениях, разумен, сведущ, способен мыслить о прошедшем, будущем и настоящем, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – его царский жрец-брахман не является благородным с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнанным, безупречного происхождения, и досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя благороден с обеих сторон – и по матери, и по отцу, – из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – его царский жрец-брахман не является начитанным, сведущим в священных текстах, достигшим совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятых, умеющим разбирать слово за словом, знающим грамматику, постигшим рассуждения о природе и знаки на теле великого человека, и досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, наукой разделения слогов, с итихасой – в пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки на теле великого человека, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – его царский жрец-брахман не является нравственным человеком, высокой нравственности, наделенным высокой нравственностью, и досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Может быть у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: "Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – его царский жрец-брахман не является мудрым, ясным в суждениях, разумным, первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, и досточтимый царь все же

совершает подобным образом великое жертвоприношение". Говорящий так у досточтимого царя не прав, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя мудр, ясен в суждениях, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, и пусть, поэтому досточтимый царь знает: "Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами".

Так, брахман, этими шестнадцатью видами принадлежностей жертвоприношения царский жрец-брахман наставил, возбудил, воодушевил сердце царя Махавиджиты, совершающего великое жертвоприношение.

18. И при этом жертвоприношении, брахман, не убивали быков, не убивали коз и овец, не убивали петухов и свиней, не повергали уничтожению каких-либо живых существ, не срубали деревьев для установления жертвенного столба, не срывали даббху для подстилки жертвенной травы, и бывшие там рабы, посланцы, слуги не были побуждаемы палками, не были побуждаемы страхом, не исполняли дел плача, со слезами на лице. Те, кто хотели, трудились; те, кто не хотели, не трудились; трудились над тем, чего хотели, не трудились над тем, чего не хотели. И это жертвоприношение было совершенно лишь очищенным маслом, сезамовым маслом, свежим маслом, творогом, медом и патокой.

19. И вот, брахманы, зависимые кшатрии – горожане и деревенские жители, – приближенные и советники – горожане и деревенские жители, – богатые брахманы – горожане и деревенские жители, – домоправители-горожане и деревенские жители, – взяв большое богатство, приблизились к царю Махавиджита и сказали так: "Это большое богатство, божественный, мы принесли для божественного, пусть божественный примет его".

19. "Ведь у меня, почтенные, уже собрано большое богатство благодаря справедливой подати, Пусть же это остается у вас, и возьмите отсюда еще сверх того из моего богатства".

И получив отказ царя, они отошли в сторону и стали вместе советоваться: "Не подобает нам, чтобы мы снова отнесли эти богатства в свои дома. Царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение – давайте и мы совершим вслед за ним подношение".

20. И вот, брахман, зависимые кшатрии – горожане и деревенские жители – установили раздачу подаваний к востоку от ямы для царского жертвоприношения; приближенные и советники – горожане и деревенские жители – установили раздачу подаваний к югу от ямы для жертвоприношения; богатые брахманы-горожане и деревенские жители – установили раздачу подаваний к западу от ямы для жертвоприношений; домоправители-горожане и деревенские жители – установили раздачу подаваний к северу от ямы для жертвоприношения. И при этих жертвоприношениях, брахман, не убивали быков, не убивали коз и овец, не убивали петухов и свиней, не подвергали уничтожению каких-либо живых существ, не срубали деревьев для установления жертвенного столба, не срывали даббху для подстилки жертвенной травы, и бывшие там рабы, посланцы, слуги не были побуждаемы палками, не были побуждаемы страхом, не исполняли дел плача, со слезами на лице. Те, кто хотели, трудились; те, кто не хотели, не трудились; трудились над тем, чего хотели; не трудились над тем, чего не хотели. И эти жертвоприношения были совершены лишь очищенным маслом, сезамовым маслом, свежим маслом, творогом, медом и патокой.

Таковы эти четыре группы согласившихся, и царь Махавиджита, наделенный восемью признаками, и царский жрец-брахман, наделенный четырьмя признаками, и тройное успешное совершение жертвоприношения. Это, брахман, зовется тройным успешным совершением жертвоприношения и шестнадцатью его принадлежностями".

21. Когда так было сказано, то брахманы с криками, громким шумом, великим шумом заговорили: "Вот жертвоприношение! Вот успешное совершение жертвоприношения!" – Брахман же Кутаданта сидел, пребывая в молчании. И тогда те брахманы сказали брахману Кутаданте:

– "Почему же досточтимый Кутаданта не высказывает одобрения хорошо сказанному отшельником Готамой, как хорошо сказанному".

– "Неверно, почтенные, что я не высказываю одобрения хорошо сказанному отшельнику Готамой как хорошо сказанному, – ведь голова развалится у того, кто не станет высказывать одобрения хорошо сказанному отшельнику Готамой, как хорошо сказанному. Но я подумал, почтенные: "Отшельник Готама не сказал: "Вот, что я слышал" или "Вот, чему надлежит быть", но отшельник Готама сказал лишь: "Вот, что было тогда, так было тогда. Поэтому я подумал, почтенные: "Несомненно, отшельник Готама был в то время царем Махавиджитой, господином жертвоприношения, или царским жрецом-брахманом, совершающим это жертвоприношение". Испытал ли досточтимый Готами, что совершивший или приказавший совершить подобного рода жертвоприношение с распадом тела после смерти рождается в счастливом небесном мире?"

– "Я испытал, брахман, что совершивший или приказавший совершить подобного рода жертвоприношение с распадом тела после смерти рождается в счастливом небесном мире. Я был в то время царским жрецом-брахманом, совершающим его жертвоприношение".

22. – "Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение – и менее трудное и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями?"

– "Есть, брахман, другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями".

– "Каково же, почтенный Готама, это жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более

плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями?"

23. – "Какова же, почтенный Готама, причина, каково основание, по которому это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние менее трудно, и менее беспокоит, и более плодоносно, и более достойно, чем тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями?"

Что же до благоприятствующих семейству жертвоприношений – постоянных подаяний, которые даются высоконравственным странникам, то к такого рода жертвоприношению, брахман, приближаются и архаты, и находящиеся на пути архата. Почему же? Потому, что там, брахман, не бьют палками и не хватают за горло.

24. – "Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодотворное, и более достойное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние?"

– "Каково же, почтенный Готама, это жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношение с шестнадцатью принадлежностями и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние?"

25. – "Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители?"

– "Каково же, почтенный Готама, это другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители?"

26. – "Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодотворное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу?"

– "Каково же, почтенный Готама, это другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем его тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу?".

– "Когда кто-нибудь, брахман, умиротворенный в мыслях, обязуется следовать заповедям, воздерживаясь уничтожать живое, воздерживаясь брать то, что не дано, воздерживаясь от несправедливого поведения в области чувственного, воздерживаясь от лживой речи, воздерживаясь от хмельных, спиртных, опьяняющих напитков, вызывающих легкомыслие, то это жертвоприношение, брахман, – и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достойно, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу".

27. – "Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достойное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу, и чем эти заповеди?"

– "Есть, брахман, другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достойное, чем его тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу, и чем эти заповеди".

– "Каково же, почтенный Готама, это другое жертвоприношение – и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достойное, чем его тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение – постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу, и чем эти заповеди?"

– "Вот, брахман, в мир приходят Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: "Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Не легко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью удовлетворен.

Как же, брахман, монах предан нравственности. Вот, великий царь, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистым сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он

избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одежде, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным

путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш,

сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, брахман, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, брахман, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, брахман, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, брахман, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, брахман, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, брахман, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутреннее счастье. Таким, брахман, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, брахман, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, брахман, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, брахман, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, брахман, монах удовлетворен? Вот, брахман, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, брахман, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, брахман, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, брахман, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело,

пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, брахман, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается, на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, брахман, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставил позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, брахман, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, брахман, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Это жертвоприношение, брахман, – и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достойно, чем предыдущие жертвоприношения

Подобно тому, брахман, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, брахман, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, брахман, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, брахман, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, брахман, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, брахман, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, брахман, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Это жертвоприношение, брахман, – и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достойно, чем предыдущие жертвоприношения.

Подобно тому, брахман, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, великий царь, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

Таков, брахман, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Это жертвоприношение, брахман, – и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достойно, чем предыдущие жертвоприношения.

Подобно тому, брахман, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного

свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Подобно тому, брахман, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб, двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, брахман, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Это жертвоприношение, брахман, – и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодотворно, и более достойно, чем предыдущие жертвоприношения. И нет, брахман, других успешных свершений жертвоприношения, превосходнее и возвышеннее этого успешного совершения жертвоприношения".

28. Когда так было сказано, брахман Кутаданта так сказал Блаженному: "Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают скрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно почтенный Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот я иду как к прибежищу к Блаженному Готаме, и к дхарме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище. Вот, почтенный Готама, я приказываю отпустить семь сотен быков, и семь сотен тельцов, и семь сотен телок, и семь сотен коз, и семь сотен баранов, дарю им жизнь, и пусть они поедают зеленую траву, и пусть пьют прохладную воду и пусть их овеивает прохладный ветерок".

29. И вот Блаженный изложил брахману Кутаданте последовательную проповедь, а именно – проповедь о даянии, проповедь о нравственности, проповедь о небе и преподнес наставление о горечи, тщете и скверне чувственных удовольствий и о преимуществах отречения. И когда Блаженный узнал, что брахман Кутаданта готов в мыслях, смягчен в мыслях, непредвзят в мыслях, возвышен в мыслях, умиротворен в мыслях, то он преподавал наставление в истине, высочайшее для Будд: страдание – возникновение – уничтожение – путь. И подобно тому, как чистая, свободная от грязи одежда надлежащим образом принимает окраску, таким же образом у брахмана Кутаданта на том самом сиденье возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: "Все, что подвержено возникновению, подвержено и уничтожению".

30. И вот брахман Кутаданта, увидев истину, достигнув истины, узнав истину, проникнув в истину, преодолев сомнение, освободившись от замешательства, достигнув высшей уверенности в себе, не нуждаясь в другом наставлении для наставления, так сказал Блаженному: "Пусть досточтимый Готама вместе с толпой монахов согласится принять у меня завтра утром пищу".

И Блаженный безмолвно согласился. Тогда брахман Кутаданта, узнав о согласии Блаженного, поднялся с сидения, приветствовал Блаженного и, обойдя его с правой стороны, удалился. И когда прошла эта ночь, брахман Кутаданта, приказав приготовить у себя около ямы для жертвоприношения изысканную твердую пищу и нежную пищу, сообщил Блаженному о времени. "Пришло время, почтенный Готама, – пища готова".

И тогда Блаженный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился к толпе монахов к яме для жертвоприношения брахмана Кутаданта и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда брахман Кутаданта своей рукой угостил и насытил толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и нежной пищей. Когда Блаженный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, брахман Кутаданта выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И тогда Блаженный, наставив, возбудив, воодушевив, порадовав сидящего в стороне брахмана Кутаданта беседой об истине, поднялся с сиденья и удалился.

Окончена пятая Кутаданта сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот, что я слышал. Однажды Блаженный остановился в Весали, в обители с заостренной крышей в большом лесу. И в это самое время многочисленные брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, находились в Весали по некоторому делу. И те брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, услышали: "Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, странствуя, остановился в Весали в обители с заостренной крышей в большом лесу. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему".

2. И вот брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились к обители с заостренной крышей в большом лесу. А в это самое время достопочтенный Нагита был прислужником Блаженного. И вот брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились к достопочтенному Нагите и, приблизившись к достопочтенному Нагите, сказали так: "Где же, почтенный Нагита, остановился сейчас досточтимый Готама? Ведь мы желаем видеть этого Готаму".

– "Не время, достопочтенные, видеть Блаженного. Блаженный предается размышлению". И тогда брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, сели в стороне со словами: "Мы уйдем, лишь увидев Блаженного Готаму".

3. А личчави Оттхаддха вместе с большой свитой личчаваов также приблизился к достопочтенному Нагите – к обители с заостренной крышей в большом лесу – и, приблизившись, приветствовал достопочтенного Нагиту и стал в стороне. И стоя в стороне, личчави Оттхаддха так сказал достопочтенному Нагите: "Где же, господин Нагита, остановился сейчас Блаженный, архат, всецело просветленный? Ведь мы желаем видеть Блаженного, архата, всецело просветленного".

"Не время, Махали, видеть Блаженного. Блаженный предается размышлению". – И тогда личчави Оттхаддха сел там в стороне со словами: "Я уйду, лишь увидев Блаженного, архата, всецело просветленного".

4. И вот послушник Сиха приблизился к достопочтенному Нагите и, приблизившись, приветствовал достопочтенного Нагиту и стал в стороне. И стоя, в стороне, послушник Сиха так сказал достопочтенному Нагите: "Господин Кассапа, эти многочисленные брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились сюда, чтобы увидеть Блаженного. И личчави Оттхаддха вместе с большой свитой личчаваов приблизился сюда, чтобы увидеть Блаженного. Хорошо будет, господин Кассапа, разрешить этим людям увидеть Блаженного".

– "В таком случае, Сиха, обратись ты к Блаженному".

– "Хорошо, господин", – согласился послушник Сиха с достопочтенным Магитой, приблизился к Блаженному и, приблизившись, приветствовал Блаженного и стал в стороне. И стоя в стороне, послушник Сиха так сказал Блаженному: "Господин, многочисленные брахманы, посланные из Косалы и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились сюда, чтобы увидеть Блаженного. И личчави Оттхаддха вместе с большой свитой личчаваов приблизился сюда, чтобы увидеть Блаженного. Хорошо будет, господин, разрешить этим людям увидеть Блаженного".

– "В таком случае, Сиха, приготовь сиденье в тени пред обителью".

– "Хорошо, господин" – согласился послушник Сиха с Блаженным и приготовил сиденье в тени перед обителью. И тогда Блаженный, выйдя из обители, сел на сиденье, приготовленное в тени перед обителью.

5. И вот брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились к Блаженному. Приблизившись, они обменялись с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в сторону. И личчави Оттхаддха вместе с большой свитой личчаваов приблизился к Блаженному и, приблизившись, приветствовал Блаженного и сел в стороне. И сидя в стороне, личчави Оттхаддха так сказал Блаженному: "Некогда в прежние дни, господин, сын личчаваов Сунаккхата приблизился ко мне, и, приблизившись, сказал мне: "С тех пор, Махали, как я пребываю рядом с Блаженным не более трех лет, я вижу небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, но не слышу небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных". Итак, господин, сын личчаваов Сунаккхата не слышал существующих небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, – ведь не лишены же они существования"?

– "Да, Махали, сын личчаваов Сунаккхата не слышал существующих небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных – ведь они не лишены существования".

И вот далее, Махали, монахом, обращенным в северную сторону, владеет сосредоточенность на том и другом – и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. Обращенный в северную сторону, сосредоточенный на том и другом – и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, он и видит в северной стороне небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышит небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. В чем же причина? Ведь здесь, Махали, монахом, обращенным в северную сторону, владеет сосредоточенность на том и другом – и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать ее небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные.

И вот далее, Махали, монахом, обратившим взор и слух вверх, вниз или поперек, владеет сосредоточенность на том и другом – и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. Обратив взор и слух вверх, вниз или поперек, сосредоточенный на том и другом – и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, он и видит наверху, вниз или поперек небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышит небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. В чем же причина? Ведь здесь, Махали, монахом, обратившим взор и слух вверх, вниз или поперек, владеет сосредоточенность на том и другом – и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать ее небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные.

Такова, Махали, причина, таково основание, по которому сын личчавов Сунаккхата не слышал существующих небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, не лишенных существования".

12. – "Так ради того ли, господин, чтобы испытать подобные состояния сосредоточенности, монахи ведут при Блаженном целомудренную жизнь?"

– "Не ради того, Махали, чтобы испытать подобные состояния сосредоточенности, монахи ведут при мне целомудренную жизнь. Есть, Махали, другие состояния, превосходнее и возвышеннее, чтобы испытать которые монахи ведут при мне целомудренную жизнь".

13. – "Каковы же, господин, эти состояния, более превосходные и более возвышенные, чтобы испытать которые монахи ведут при Блаженном целомудренную жизнь?"

– "Вот, Махали, монах, избавившись от трех уз, становится вступившим в поток, неподверженным страданию, уверенным, движущимся к просветлению. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь.

И вот далее, Махали, монах, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, становится единожды возвращающимся, который, вернувшись еще раз в этот мир, кладет конец страданию. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь.

И вот далее, Махали, монах, избавившись от уз низшего порядка становится самопроизвольно родившимся в высшем мире, достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь.

И вот далее, Махали, монах, с уничтожением греховных свойств, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенные греховных свойств освобождение сердца и освобождение постижения, продолжает пребывать здесь. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь.

Таковы, Махали, состояния, более превосходные и более возвышенные, чтобы испытать которые, монахи ведут при мне целомудренную жизнь".

14. – "Но есть ли, господин, путь, есть ли способ испытать эти состояния?"

– "Есть, Махали, путь, есть способ испытать эти состояния".

– "Каков же, господин, путь, каков способ испытать эти состояния?"

– "Это праведный восьмичленный путь, а именно: правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное действие, правильное поддержание жизни, правильное условие, правильная способность самосознания, правильная сосредоточенность. Таков, Махали, путь, таков способ испытать эти состояния".

15. Однажды, Махали, я остановился в Косамби в парке Гхоситы. И вот два странника – странствующий аскет Мандисса и Джлия, ученик Дарупаттики, приблизились ко мне. Приблизившись, они обменялись со мной дружелюбными словами и почтительными приветствиями и стали в стороне. И стоя в стороне, два странника сказали мне так:

– "Является ли, достопочтенный Готама, жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало – одно, а тело – другое?"

– "В таком случае, достопочтенные, слушайте тщательно и внимайте тому, что я скажу".

– "Хорошо, достопочтенный", – согласились со мной два странника. И я сказал так:

16. – "Вот, достопочтенные, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром

отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: "Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Не легко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения, видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, достопочтенные, монах предан нравственности. Вот, достопочтенные, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабане, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу

петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлинённым сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знания полей, знания благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, достойные, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, достойные, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, достойные, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, достойные, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, достойные, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, достойные, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающую способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности

зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, достопочтенные, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, достопочтенные, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, достопочтенные, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, достопочтенные, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, достопочтенные, монах удовлетворен? Вот, достопочтенные, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, достопочтенные, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, достопочтенные, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, достопочтенные бывает удовлетворенный монах. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде

я был заключен в темницу, теперь же освобожден от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достойные, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освобожден от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достойные, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, достойные, и монахи, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, достойные, монахи, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, достойные, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившееся телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, — связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье — и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало — то же, что и тело" или "жизненное начало — одно, а тело другое"?

— "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало — то же, что и тело" или "жизненное начало — одно, а тело другое".

— "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало — то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело — другое"

Подобно тому, достойные, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, достойные, и монахи обливают, заливают, переполняют, пропитывают это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, достойные, монахи, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания — несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье — и пребывает в ней. Он обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало — то же, что и тело" или "жизненное начало — одно, а тело другое"?

— "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало — то же, что и тело" или "жизненное начало — одно, а тело другое".

— "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало — то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело — другое"

Подобно тому, достойные, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, — но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питая его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, достойные, и монахи обливают, заливают, переполняют, пропитывают это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых

плодов отшельничества.

И далее, достойные, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости. И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое"

Подобно тому, достойные, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, достойные, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом. И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое".

Подобно тому, достойные, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, великий царь, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной чистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Подобно тому, достойные, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной чистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание". И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое"

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к

действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, достойные, как человек, извлекая тростинку из влаги мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, достойные, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, достойные, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытащена из кожи" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, достойные, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, достойные, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, достойные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, достойные, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – так же точно, достойные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердца других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.
Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.
Великую мысль, он постигает как великую мысль.
Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.
Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.
Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.
Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.
Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.
Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.
Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, достопочтенные, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, достопочтенные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.
Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.
Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.
Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.
Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.
Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.
Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.
Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.
Великую мысль он постигает как великую мысль.
Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.
Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.
Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.
Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.
Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.
Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.
Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, достопочтенные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, достопочтенные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я

вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, достопочтенные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, достопочтенные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, достопочтенные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Подобно тому, достопочтенные, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб,двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, достопочтенные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные

свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Этот путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало то, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело – другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему не подобает говорить ни: "жизненное начало – то же, что тело", ни "жизненное начало – одно, а тело – другое".

– "Вот, достойные, и я знаю так и вижу так. И я не говорю ни "жизненное начало – то же, что и тело", ни "жизненное начало – одно, а тело – другое".

Так сказал Блаженный. И удовлетворенный личчави Оттхаддха возрадовался словам Блаженного.

Окончена шестая Махали сутта.

Дигха Никая 7

Джалия сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот, что я слышал. Однажды Блаженный остановился в Косамби в парке Гхоситы. И вот два странника – странствующий аскет Мундия и Джалия, ученик Дарупаттики, приблизились к Блаженному. Приблизившись, они обменялись с Блаженным дружескими дружелюбными словами и почтительным приветствием и стали в стороне. И стоя в стороне, два странника так сказали Блаженному:

– "Является ли, достойный Готама, жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало – одно, а тело – другое?"

– "В таком случае, достойные, слушайте тщательно и внимайте тому, что я скажу".

– "Хорошо, достойный", – согласились с Блаженным два странника. И Блаженный сказал так:

2. – "Вот, достойные, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет:

"Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбривает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, достойные, монах предан нравственности. Вот, достойные, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный, он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица,

мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет

результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, достойные, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, достойные, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, достойные, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, достойные, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, достойные, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, достойные, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осознание телом прикосновения, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осознания.

Он следит за способностью осознания, в способности осознания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неувядающее внутреннее счастье. Таким, достойные, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, достойные, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, достойные, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и

глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подавания и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, достопочтенные, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, достопочтенные, монах удовлетворен? Вот, достопочтенные, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, достопочтенные, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, достопочтенные, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, достопочтенные, бывает удовлетворенный монах. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставил позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, достопочтенные, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, достопочтенные, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, достопочтенные, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящемся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он

сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое".

Подобно тому, достойные, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой,

пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, достойные, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, достойные, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое".

Подобно тому, достойные, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, достойные, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, достойные, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости. И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое".

Подобно тому, достойные, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, великий царь, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, достойные, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней

удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом. И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое"

Подобно тому, достойные, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, великий царь, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Подобно тому, достойные, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание". И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: "жизненное начало – то же, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело другое".

– "Но вот, достойные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: "жизненное начало – то же, что и тело", ни: "жизненное начало одно, а тело – другое".

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, достойные, как человек, извлекая тростинку из влаги мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, достойные, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, достойные, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытаскана из кожи" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие,

столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, достойные, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, достойные, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, достойные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, достойные, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – также точно, достойные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль, он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, достойные, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, достойные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, достопочтенные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, достопочтенные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, достопочтенные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа,

что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, достопочтенные, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как

люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, достойные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными. Таков, достойные, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Подобно тому, достойные, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб,двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, достойные, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

И вот, достойные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: "жизненное начало то, что и тело" или "жизненное начало – одно, а тело – другое"?

– "Когда этот монах, достойный, знает так и видит так, то ему не подобает говорить ни: "жизненное начало – то же, что тело", ни "жизненное начало – одно, а тело – другое".

– "Вот, достойные, и я знаю так и вижу так. И я не говорю ни "жизненное начало – то же, что и тело", ни "жизненное начало – одно, а тело – другое".

Так сказал Блаженный. И два странника, удовлетворенные, возрадовались словам Блаженного.

Окончена седьмая Джалия сутта.

Кассапа-сиханада сутта

Львиный рык (аскету) Кассапе

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот, что я слышал. Однажды Блаженный остановился в Уджунне в оленьем парке Каннакаттхале. И вот обнаженный аскет Кассапа приблизился к Блаженному. Приблизившись, он обменялся с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и стал в стороне. И стоя в стороне, обнаженный аскет Кассапа так сказал Блаженному:

2. – "Слышал я так, почтенный Готама: Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях..." И вот, почтенный Готама, те, которые говорят так: "Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь, он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях", но говорят ли они, почтенный Готама, действительно сказанное и не клеветают ли они лживым образом на Блаженного Готаму? Разъясняют ли они истину во всей ее последовательности, и не приходят ли все, согласные с истиной, мысли учения к какому-либо порицаемому положению? Ведь мы не хотим клеветать на досточтимого Готаму".

3. – "Те, Кассапа, которые говорят так: "Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь, он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях", – не говорят сказанного мною и лживым образом, недостойно клеветают на меня. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий в лишениях... с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, аду. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий в лишениях, ... с распадом тела после смерти вновь рождается в счастье, в небесном мире. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий с незначительными тяготами, ... с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, аду. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий с незначительными тяготами, ... с распадом тела после смерти вновь рождается в счастье, в небесном мире. И вот, Кассапа, я постигаю таким образом, как эти подвижники в соответствии с действительностью приходят и уходят, оставляют существование и вновь рождаются – зачем же стану я осуждать всякое подвижничество, не колеблясь, порицать и обвинять всякого подвижника, живущего в лишениях?"

4. Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, мудрые, изощренные, искусные в спорах, способные пронзить волос, которые, я бы сказал, движутся, расщепляя ложные взгляды ходом своего постижения. И с ними я в некоторых положениях согласен, в некоторых положениях не согласен. Кое о чем они говорят: "так", и мы говорим о том "так". Кое о чем они говорят: "не так", и мы говорим о том: "не так". Кое о чем они говорят: "так", а мы говорим о том "не так". Кое о чем они говорят: "не так", а мы говорим о том: "так". Кое о чем мы говорим: "так", и другие говорят о том: "так". Кое о чем мы говорим: "не так", и другие говорят о том: "не так". Кое о чем мы говорим: "так", а другие говорят о том: "не так". Кое о чем мы говорим: "не так", а другие говорят о том: "так".

5. И, приблизившись к ним, я говорю: "В каких положениях достопочтенные, между ними нет согласия – пусть те положения остаются в покое. Что же до положений, в которых есть согласие, то пусть разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают – учитель учителя или община общину: "Кто, досточтимые, живет, полностью отказавшись от этих вещей, от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы, или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными, отшельник Готама или же другие почтенные наставники толпы"?"

6. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: "Отшельник Готама, досточтимые, живет, отказавшись от этих вещей полностью, другие же почтенные наставники толпы – лишь в незначительной степени, – от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными". Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

7. И вот далее, Кассапа, разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают учитель учителя или община общину: "Кто, досточтимые, живет, полностью предавшись этим вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными, отшельник Готама или же другие почтенные наставники толпы?"

8. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: "Отшельник Готама, досточтимые, живет, предавшись этим вещам полностью, другие же почтенные наставники толпы – лишь в незначительной степени, – вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными". Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

9. И вот далее, Кассапа, разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают учитель учителя или община общину: "Кто, досточтимые, живет, полностью отказавшись от этих вещей – от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы, или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными, община учеников Готамы или же община учеников других почтенных наставников толпы"?

10. И случается, Кассапа, что разумные последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: "Община учеников Готамы, досточтимые, живет, отказавшись от этих вещей полностью, община же учеников других почтенных наставников толпы – лишь в незначительной степени, – от вещей, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы, или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными". Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

11. И вот далее, Кассапа, разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают учитель учителя или община общину: "Кто, досточтимые, живет, полностью предавшись этим вещам – вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными – община учеников Готамы или же община учеников других почтенных наставников толпы?"

12. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: "Община учеников Готамы, досточтимые, живет, предавшись этим вещам полностью, община же учеников других почтенных наставников толпы – лишь в незначительной степени, вещам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными". Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

13. Есть, Кассапа, путь, есть способ, следуя которому, человек сам узнает, сам видит: "Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении". Каков же, Кассапа, путь, каков способ, следуя которому, человек сам узнает, сам видит: "Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении"? Это праведный восьмичленный путь, а именно: правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное действие, правильное поддержание жизни, правильное усилие, правильная способность самосознания, правильная сосредоточенность. Таков, Кассапа, путь, таков способ, следуя которому, человек сам узнает, сам видит: "Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении".

14. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа, сказал Блаженному: "Вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов. Обнаженный аскет свободно ведет себя, облизывает руки после еды, не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться за милостыней, не принимает ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения. Он не принимает пищи с края горшка, не принимает пищи с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи, ни там, где находится собака, ни там, где роями слетаются мухи, не ест ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи. Он довольствуется милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи, пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца.

И вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов. Он питается овощами, питается просом, питается сырым рисом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом, живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими перед ним плодами.

И вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются

брахманством у некоторых отшельников и брахманов. Он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит покрывало из перьев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сидения, сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет на себе пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают, питается нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; он оmyвается вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде".

15. – "Когда обнаженный аскет, Кассапа, свободно ведет себя, облизывает руки после еды, не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться за милостыней, не принимает ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения, не принимает пищи с края горшка, не принимает пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух сидящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи, ни там, где находится собака, ни там, где рядом роем слетаются мухи; не ест ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствуется милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи, пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца, – когда он делает все это и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в мысли, совершенство в постижении, то, поистине, он далек от отшельничества, и далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен, в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И когда, Кассапа, он питается овощами, когда, Кассапа, он питается просом, питается сырым рисом, питается даддуллой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом, живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими перед ним плодами – и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в мысли, совершенство в постижении, то, поистине, он далек от отшельничества, и далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен, в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И когда, Кассапа, он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит покрывало из перьев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сидения, сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет на себе пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают, питается нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; он оmyвается вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, когда он делает все это и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в мысли, совершенство в постижении, то, поистине, он далек от отшельничества, и далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен, в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

16. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Блаженному: "Трудно достижимо отшельничество, почтенный Готама, трудно достижимо брахманство".

– "Так говорят обычно в этом мире, Кассапа, "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". Но, если бы обнаженный аскет, Кассапа, свободно вел себя, облизывал руки после еды, но принимал предложения подойти и не принимал предложения остановиться за милостыней, не принимал ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения; не принимал пищи с края горшка, не принимал пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух сидящих, ни от беременной ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи; ни

так, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; не ел ни рыбы, ни мяса, не пил ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствовался милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; жил одним подношением, или жил двумя подношениями, или жил семью подношениями; жил, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользовался пропитанием раз в день, или пользовался пропитанием раз в два дня, или пользовался пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца, – если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". Ведь так смог бы сделать любой домохозяин или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Вот я становлюсь обнаженным аскетом, свободно веду себя, облизываю руки после еды, не принимаю предложения подойти и не принимаю предложения остановиться за милостыней, не принимаю ни предложенной мне пищи, ни предназначенной для меня пищи, ни приглашения; не принимаю пищи с края горшка, не принимаю пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; не ем ни рыбы, ни мяса, не пью ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствуюсь милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; живу одним подношением, или живу двумя подношениями; живу, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи; пользуюсь пропитанием раз в день: или пользуюсь пропитанием раз в два дня, или пользуюсь пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, – этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И если бы, Кассапа, он питался овощами, питался просом, питался сырым мясом, питался даддулой, питался хатой, питался красной пылью между шелухой и зерном риса, питался накипью от вареного риса, питался сезамовой мукой, питался травами, питался коровьим пометом; жил, поедая лесные корни и плоды; кормился упавшими перед ним плодами, – и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". Ведь так смог бы сделать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Вот я питаюсь овощами, питаюсь просом, питаюсь сырым мясом, питаюсь даддулой, питаюсь хатой, питаюсь красной пылью между шелухой и зерном риса, питаюсь накипью от вареного риса, питаюсь сезамовой мукой, питаюсь травами, питаюсь коровьим пометом; живу, поедая лесные корни и плоды; кормлюсь упавшими передо мной плодами". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, – этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И если бы, Кассапа, он носил одежду из пеньки, носил одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носил одеяния мертвецов, носил отрепья с мусорной свалки, носил одежду из коры тиритаки, носил одежду из кожи черной антилопы, носил накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носил одежду из волокон кусы, носил одежду из лыка, носил одежду из деревянных дощечек, носил покрывало из человеческих волос, носил покрывало из лошадиных волос, носил покрывало из перьев совы; выщипывал волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находился в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидел на корточках, следуя упражнению сиденья на корточках; пользовался подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложился на постель из деревянных дощечек, ложился на голую землю, лежал на одном боку, нес на себе пыль и грязь, пребывал на открытом месте; занимал то сиденье, которое ему предлагают; питался нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пил, следуя отказу от питья; омылся вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, – и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". Ведь так смог бы сделать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Вот я ношу одежду из пеньки, ношу одежду, сплетенную отчасти из пеньки, ношу одеяния мертвецов, ношу отрепья с мусорной свалки, ношу одежду из коры тиритаки, ношу одежду из кожи черной антилопы, ношу накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, ношу одежду из волокон кусы, ношу одежду из лыка, ношу одежду из деревянных дощечек, ношу покрывало из человеческих волос, ношу покрывало из лошадиных волос, ношу покрывало из перьев совы, выщипываю волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; нахожусь в стоячем положении,

отказываясь от сиденья; сижу на корточках, следуя упражнению сидения на корточках; пользуясь подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложусь на постель из деревянных досочек, ложусь на голую землю, лежу на одном боку, несу на себе пыль и грязь, пребываю на открытом месте; занимаю то сиденье, которое мне предлагают; питаюсь нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пью, следуя отказу от питья; омываюсь вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: "Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишнее греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, – этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом".

17. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Блаженному: "Трудно узнать отшельника, почтенный, трудно узнать брахмана".

– "Так говорят обычно в этом мире, Кассапа: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". Но если бы обнаженный аскет, Кассапа, свободно вел себя, облизывал руки после еды, не принимал предложения подойти и не принимал предложения остановиться за милостыней, не принимал ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения, не принимал пищи с края горшка, не принимал пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух сидящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; не ел ни рыбы, ни мяса, не пил ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствовался милостыней в одном доме и одним куском или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; жил одним подношением, или жил двумя подношениями, или жил семью подношениями; жил, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользовался пропитанием раз в день, или пользовался пропитанием раз в два дня, или пользовался пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца, – и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". Ведь это смог бы узнать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Этот обнаженный аскет свободно ведет себя, облизывает руки после еды, не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться за милостыней, не принимает ни предложенной ему пищи, ни предназначенной для него пищи, ни приглашения; не принимает пищи с края горшка, не принимает пищи ни с края сковороды, ни находящейся на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух сидящих, ни от беременной, ни от кормящей младенца, ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной пищи, ни там, где находится собака, ни там, где рядом роем слетаются мухи; не ест ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; довольствуется милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи, пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом дальше, вплоть до раза в полмесяца". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишнее греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения: – этот монах, Кассапа, зовется отшельником или брахманом.

И если бы, Кассапа, он питался овощами, питался просом, питался сырым мясом, питался даддулой, питался хатой, питался красной пылью между шелухой и зерном риса, питался накипью от вареного риса, питался сезамовой мукой, питался травами, питался коровьим пометом; жил, поедая лесные корни и плоды; кормился упавшими перед ним плодами, – и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". Ведь это смог бы узнать любой домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Он питается овощами, питается просом, питается сырым рисом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом, живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими перед ним плодами". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишнее греховных свойств освобождение мыслей и освобождение постижения, – это монах, Кассапа, зовется отшельником, зовется брахманом.

И если бы, Кассапа, он носил одежду из пеньки, носил одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носил одеяния мертвецов, носил отрепья с мусорной свалки, носил одежду из коры тиритаки, носил одежду из кожи черной

антилопы, носил накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носил одежду из волокон кусы, носил одежду из лыка, носил одежду из деревянных дощечек, носил покрывало из человеческих волос, носил покрывало из лошадиных волос, носил покрывало из перьев совы; выщипывал волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находился в стоячем положении, отказавшись от сиденья; сидел на корточках, следуя упражнению сиденья на корточках; пользовался подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложился на постель из деревянных дощечек, ложился на голую землю, лежал на одном боку, нес на себе пыль и грязь, пребывал на открытом месте; занимал то сиденье, которое ему предлагают; питался нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пил, следуя отказу от питья; омылся вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, – и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". Ведь это смог бы узнать любой домохозяин или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, сказав себе: "Он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит покрывало из перьев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сидения, сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет на себе пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают, питается нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; он омывается вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде". Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: "Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана". С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишённых вражды и лишённых злобы, и с уничтожением греховных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишённое греховных свойств, освобождение мыслей и освобождение постижения, – этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом".

18. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Блаженному: "Каково же, почтенный Готама, это совершенство в нравственности, каково совершенство в мысли, каково совершенство в постижении?"

"Вот, Кассапа, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: "Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Кассапа, монах предан нравственности. Вот, Кассапа, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен

согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о

советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет изобилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Кассапа, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, Кассапа, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, Кассапа, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, Кассапа, бывает монах, наделенный нравственностью. Таково, Кассапа, это совершенство в нравственности.

Как же, Кассапа, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Кассапа, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутреннее счастье. Таким, Кассапа, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, Кассапа, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Кассапа, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, Кассапа, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Кассапа, монах удовлетворен? Вот, Кассапа, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей

тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, великий царь, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, Кассапа, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, Кассапа, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чище, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кассапа, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставил позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Кассапа, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Кассапа, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, Кассапа, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, Кассапа, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем,

рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью. Это и есть часть его совершенства в мысли.

И далее, Кассапа, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, Кассапа, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, Кассапа, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, Кассапа, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Кассапа, монах отвращается от радости и пребывает в уравниваемости; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, Кассапа, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, Кассапа, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, Кассапа, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Кассапа, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравниваемостью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом. Это и есть часть его совершенства в мысли. Таково, Кассапа, это совершенство в мысли.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Подобно тому, Кассапа, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, Кассапа, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание". Это и есть часть его совершенства в постижении. Таково, Кассапа, это совершенство в постижении.

И нет, Кассапа, другого совершенства в нравственности, совершенства в мысли, совершенства в постижении, превосходнее и возвышеннее этого совершенства в нравственности, совершенства в мысли, совершенства в постижении.

21. Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие нравственность. На все лады они воздают хвалу нравственности. Но что касается праведной, высшей нравственности, Кассапа, то я не вижу здесь кого-

удовлетворяет мысль, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, выказывают признаки веры и следуют путем истины", – так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других сект скажут: "И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет мысль и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру и, уверовав, выказывают признаки веры и следуют путем истины, но, следуя этим путем, не достигают цели". Им следует сказать: "Это не так – и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет мысль, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, высказывают признаки веры и следуют путем истины, и, следуя этим путем, достигают цели, – так следует сказать им, Кассапа".

23. Однажды, Кассапа, я пребывал в Раджагахе, на холме Гидждехакута. И там некий целомудренный подвижник по имени Нигродха задал мне вопрос относительно отвращения к миру. Будучи спрошен, я ответил ему на вопрос относительно отвращения к миру. И когда я ответил, он был удовлетворен в высшей степени".

– "Кто же, господин, выслушав истину от Блаженного, не будет удовлетворен в высшей степени? И я тоже, господин, выслушав истину от Блаженного, удовлетворен в высшей степени. Превосходно, господин!

Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Блаженный с помощью многих наставлений преподал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Блаженному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Да обрету я, господин, странничество вблизи Блаженного, да обрету я доступ в общину!"

24. – "Кто, Кассапа, принадлежал прежде к другой секте, в соответствии с этой дхаммой и должным поведением стремится к странничеству, стремится к доступу в общину, тот в течение четырех месяцев подвергается испытанию; по истечении четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают его странником и доставляют доступ в общину – к состоянию монаха. Но и здесь мне известны различия между отшельниками лицами".

– "Если, господин, принадлежавшие прежде к другой секте и в соответствии с этой дхаммой и должным поведением стремящиеся к странничеству, стремящиеся к доступу в общину в течение четырех месяцев подвергаются испытанию, по истечении же четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают их странниками и доставляют доступ в общину – к состоянию монаха, то в течение четырех месяцев я буду подвергаться испытанию, по истечении же четырех месяцев пусть удовлетворенные в мыслях монахи сделают меня странником и доставят доступ к общину – к состоянию монаха".

И так обнаженный аскет Кассапа обрел странничество вблизи Блаженного, обрел доступ в общину. И вскоре после того, как достопочтенный Кассапа обрел доступ в общину, он, предавшись одиночеству, пребывая в усердии, рвении и решимости, скоро сам познал, испытал и обрел в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными, – несравненный венец целомудрия – и постиг: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием". И так достопочтенный Кассапа стал одним из архатов.

Окончена восьмая Кассапа-сиханада сутта

Дигха Никая 9

Поттхапада сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот что я слышал. Однажды Блаженный остановился в Саваттхи, в Джетаване, в парке Анатхапиндики. И в это самое время странствующий аскет Поттхапада вместе с большой группой странствующих аскетов, тремя сотнями странствующих аскетов, находился в парке Маллики, в обители из одного помещения, отделанной корой тиндуки и предназначенной для диспутов.

2. И вот утром Блаженный оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и отправился в Саваттхи за милостыней. И Блаженный сказал себе так: "Слишком рано еще идти в Саваттхи за милостыней – приближусь-ка я к парку Маллики, к обители из одного помещения, отделанной корой тиндуки и предназначенной для диспутов, где находится странствующий аскет Поттхапада. И Блаженный приблизился к парку Маллики, к обители из одного помещения, отделанной корой тиндуки и предназначенной для диспутов.

3. И в это самое время странствующий аскет Поттхапада сидел вместе с большой группой странствующих

аскетов, которые с криками, громким шумом, великим шумом вели различные низменные беседы, а именно: беседы о царе, беседы о ворах, беседы о советниках, беседы о войске, беседы об опасности, беседы о сражении, беседы о еде, беседы о питье, беседы об одеждах, беседы о ложах, беседы о венках, беседы о благовониях, беседы о родственниках, беседы о повозках, беседы о деревнях, беседы о торговых селениях, беседы о городах, беседы о странах, беседы о женщинах, беседы о мужчинах, беседы о героях, беседы о дорогах, беседы о водоемах, беседы о прежде умерших, беседы о всякой всячине, разговоры о мире, разговоры об океане, беседы о том, что существует и чего не существует.

4. А странствующий аскет Поттхапада увидел издали, как подходит Блаженный, и, видя его, призвал к тишине свое окружение: "Поменьше шумите, почтенные, не производите шума, почтенные. Вот подходит отшельник Готама, – любя бесшумность, этот достопочтенный восхваляет бесшумность и, увидев, как бесшумно наше собрание, быть может, решит приблизиться".

Когда так было сказано, те странствующие аскеты умолкли.

5. И вот Блаженный приблизился к странствующему аскету Поттхапада. И странствующий аскет Поттхапада так сказал Блаженному:

– "Господин, пусть подойдет Блаженный. Господин, добро пожаловать Блаженному! Господин, давно уже Блаженный отправился в путь и не приходил сюда. Господин, пусть Блаженный сядет – вот предложенное ему сиденье".

Блаженный сел на предложенное сиденье. А странствующий аскет Поттхапада выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И Блаженный так сказал севшему в стороне странствующему аскету Поттхапада:

– "Ради какой беседы вы сейчас уселись здесь, Поттхапада, и на чем же прервалась беседа между вами?"

6. Когда так было сказано, странствующий аскет Поттхапада сказал Блаженному:

– "Оставь, господин, эту беседу – беседу, ради которой мы уселись здесь. Не трудно будет, господин, и позже услышать Блаженному об этой беседе. Но в прежние дни, господин, и еще раньше у отшельников и брахманов из разных сект, собиравшихся и сядившихся в общей обители, возникала беседа об уничтожении сознания: "Как же, почтенные, происходит уничтожение сознания?" Некоторые там говорили так: "Без причины и без основания возникают и уничтожаются у человека состояния сознания. В то время, когда они возникают, он становится сознающим; в то время, когда они уничтожаются, он становится не сознающим", – так некоторые учат об уничтожении сознания. Другой говорил на это так: "Нет, почтенные, так ведь не может быть. Ведь сознание, почтенные, это слово "я" и это ("я") приходит и уходит. В то время, когда оно приходит, человек становится сознающим; в то время, когда оно уходит, он становится не сознающим", – так некоторые учат об уничтожении сознания. Другой говорит на это так: "Нет, почтенные, так ведь не может быть. Есть ведь, почтенные, отшельники и брахманы, великой силы, великого могущества. Они приносят и уносят сознание человека. В то время, когда они приносят сознание, он становится сознающим; в то время, когда они уносят, он становится не сознающим", – так некоторые учат об уничтожении сознания. Другой говорил на это так: "Нет, почтенные, так ведь не может быть. Есть ведь, почтенные, божества великой силы, великого могущества. Они приносят и уносят сознание человека. В то время, когда они приносят сознание, он становится сознающим; в то время, когда они уносят, он становится не сознающим", – так некоторые учат об уничтожении сознания. И вот, господин, во мне пробудилась память о Блаженном: "Да ведь это Блаженный, да ведь это счастливый, который столь искушен в этих вещах!" Естественно, Блаженный знает об уничтожении сознания. Как же, господин, происходит уничтожение сознания?"

7.- "Что касается, Поттхапада, тех отшельников и брахманов, которые говорили: "Без причины и без основания возникают и уничтожаются у человека состояния сознания", то они не правы с самого начала. Отчего же это? Ведь по причине и с основанием возникают и уничтожаются у человека состояния сознания; благодаря упражнению возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие состояния сознания.

Каково это упражнение? – сказал Блаженный. – Вот, Поттхапада, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: "Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь

должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Поттхапада, монах предан нравственности. Вот, Поттхапада, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным

сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, –

будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, леча детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Поттхапада, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, великий царь, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, великий царь, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, великий царь, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, Поттхапада, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Поттхапада, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности.

Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность,

неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осознания. Он следит за способностью осознания, в способности осознания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, великий царь, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, Поттхапада, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Поттхапада, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, Поттхапада, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Поттхапада, монах удовлетворен? Вот, Поттхапада, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, великий царь, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, великий царь, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, великий царь, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Поттхапада, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Поттхапада, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Поттхапада, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Поттхапада, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Поттхапада, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставил позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Поттхапада, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в

болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Поттхапада, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Уничтожается его прежнее сознание чувственных удовольствий. В это время в нем возникает подлинное, утонченное сознание радости и счастья, рожденного уединенностью, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим радость и счастье, рожденное уединенностью. Так, благодаря упражнению, а возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению, уничтожаются другие состояния сознания. Таково упражнение, – сказал Блаженный.

11. И далее, Поттхапада, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, – и пребывает в ней. Уничтожается его прежнее подлинное – утонченное сознание радости и счастья, рожденного уединенностью. В это время в нем возникает подлинное утонченное сознание радости и счастья, рожденное сосредоточенностью. Так, благодаря упражнению, возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению, уничтожаются другие состояния сознания. Таково упражнение, – сказал Блаженный.

12. И далее, Поттхапада, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое достойные описывают: "Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное сознание радости и счастья, рожденного сосредоточенностью. В это время в нем возникает подлинное утонченное сознание счастья, рожденного уравновешенностью, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим счастье, рожденное уравновешенностью. Так, благодаря упражнению, возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению, уничтожаются другие состояния сознания. Таково упражнение, – сказал Блаженный.

13. И далее, Поттхапада, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает в ней. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное сознание счастья рожденного уравновешенностью. В это время в нем возникает подлинное утонченное сознание свободы от несчастья и свободы от счастья, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим свободу от несчастья и свободу от счастья. Так, благодаря упражнению, возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению, уничтожаются другие состояния сознания. Таково упражнение – сказал Блаженный.

14. И далее, Поттхапада, монах, всецело преодолев сознание форм, избавившись от сознания противодействия, отвлекшись от сознания множественности, достигает уровня бесконечности пространства и мысля: "Пространство бесконечно", и пребывает на нем. Уничтожается его прежнее сознание форм. В это время в нем возникает подлинное утонченное сознание бесконечности пространства, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим бесконечность пространства. Так, благодаря упражнению, возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению, уничтожаются другие состояния сознания. Таково упражнение – сказал Блаженный.

15. И далее, Поттхапада, монах, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигает уровня бесконечности разума и мысля: "Разумение бесконечно", пребывает на нем. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное сознание бесконечности пространства. В это время в нем возникает подлинное утонченное сознание бесконечности разума, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим бесконечность разума. Так, благодаря упражнению, возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению, уничтожаются другие состояния сознания. Таково упражнение – сказал Блаженный.

16. И далее, Поттхапада, монах, всецело преодолев уровень бесконечности разума, достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и мысля: "Не существует ничего", пребывает на нем. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное сознание бесконечности разума. В это время в нем возникает подлинное утонченное сознание отсутствия чего бы то ни было, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим отсутствие чего бы то ни было. Так, благодаря упражнению, возникают одни состояния сознания, благодаря упражнению, возникают другие состояния сознания. Таково упражнение – сказал Блаженный.

17. С тех пор, Поттхапада, как монах становится здесь сознающим себя, он постепенно движется все дальше и дальше и обретает вершину сознания. Находясь на вершине сознания, он говорит себе так: "Размышлять для меня хуже, не размышлять для меня лучше. Если я предамся размышлению и воображению, то у меня смогут уничтожиться эти состояния сознания и возникнуть другие, грубые состояния сознания. Поэтому теперь я не

буду предаваться ни размышлению, ни воображению". И он не предается ни размышлению, ни воображению. У него, не предающегося ни размышлению, ни воображению, уничтожаются эти состояния сознания и не возникают другие, грубые состояния сознания. Он обретает уничтожение. Таково, Поттхапада, постепенное достижение уничтожения сознания".

18. Как ты об этом думаешь, Поттхапада? Слышал ли ты раньше, до этого о подобном постепенном внимательном достижении уничтожения сознания?"

– "Конечно нет, господин. И я понимаю, господин, сказанное Блаженным: "С тех пор, Поттхапада, как монах становится здесь сознающим себя, он постепенно движется все дальше и дальше и обретает вершину сознания. Находясь на вершине сознания, он говорит себе так: "Размышлять для меня хуже, не размышлять для меня лучше. Если я предамся размышлению и воображению, то у меня смогут уничтожиться эти состояния сознания и возникнуть другие, грубые состояния сознания. Поэтому теперь я не буду предаваться ни размышлению, ни воображению". И он не предается ни размышлению, ни воображению. У него, не предающегося ни размышлению, ни воображению, уничтожаются эти состояния сознания и не возникают другие, грубые состояния сознания. Он обретает уничтожение. Таково, Поттхапада, постепенное достижение уничтожения сознания".

– "Это так, Поттхапада".

19. – "Господин, учит ли Блаженный лишь об одной вершине сознания, или же учит о различных вершинах сознания?"

– "Я учу, Поттхапада, об одной вершине сознания, но я учу о различных вершинах сознания".

– "Как же это, господин, Блаженный и учит об одной вершине сознания, и учит о различных вершинах сознания?"

– "По мере того, Поттхапада, как он обретает уничтожение, я каждый раз учу о вершине сознания. Таким образом, Поттхапада, я и учу об одной вершине сознания, и учу о различных вершинах сознания".

20. – "Господин, возникает ли сознание сначала, а потом знание или знание возникает сначала, а потом сознание, или и сознание, и знание возникают одновременно, не раньше и не позже одно другого?"

– "Сознание, Поттхапада, возникает сначала, а потом – знание, ведь возникновение знания зависит от возникновения сознания. И ведь человек постигает: "Вот по этой причине у меня возникло знание". Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание возникает сначала, а потом – знание, ведь возникновение знания зависит от возникновения сознания".

21. – "Господин, является ли сознание тем же, что и свое "я" человека, или же сознание – одно, а свое "я" – другое?"

– "Как же ты, Поттхапада, понимаешь свое "я"?"

– "Я, господин, понимаю свое "я" как грубое, имеющее форму, состоящее из четырех великих элементов, питающееся материальной пищей".

– "Даже если бы свое "я", Поттхапада, было у тебя грубым, имеющим форму, состоящим из четырех великих элементов, питающимся материальной пищей, то и тогда, Поттхапада, сознание было бы у тебя одним, а свое "я" – другим. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание – одно, а свое "я" – другое. И пусть, Поттхапада, это свое "я" остается грубым, имеющим форму, состоящим из четырех великих элементов, питающихся материальной пищей, – все же у этого человека возникают одни состояния сознания, и уничтожаются другие состояния сознания. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание – одно, а свое "я" – другое".

22.- "Тогда, господин, я понимаю свое "я" как состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях".

– "Даже если бы свое "я", Поттхапада, было у тебя состоящим из разума, наделенным всеми большими и малыми частями, не знающими ущерба в жизненных способностях, то и тогда, Поттхапада, сознание было бы у тебя одним, а свое "я" – другим. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание – одно, а свое "я" – другое. И пусть, Поттхапада, это свое "я" остается состоящим из разума, наделенным всеми большими и малыми частями, не знающим ущерба в жизненных способностях, – все же у этого человека возникают одни состояния сознания, и уничтожаются другие состояния сознания. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание – одно, а свое "я" – другое".

23. – "Тогда, господин, я понимаю свое "я" как лишенное формы, состоящее из сознания".

– "Даже если бы свое "я", Поттхапада, было у тебя лишенным формы, состоящим из сознания, то и тогда, Поттхапада, сознание было бы у тебя одним, а свое "я" – другим. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание – одно, а свое "я" – другое. И пусть, Поттхапада, это свое "я" остается лишенным формы, состоящим из сознания – все же у этого человека возникают одни состояния сознания, и уничтожаются другие состояния сознания. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание – одно, а свое "я" – другое".

24. – "Но можно ли мне, господин, узнать, является ли сознание тем же, что и свое "я" человека, или же сознание – одно, а свое "я" – другое".

– "Трудно, Поттхапада, тебе, имеющему другие воззрения, другую веру, другие желания, другие занятия, других наставников, узнать, является ли сознание тем же, что и свое "я" человека, или же сознание – одно, а свое "я" – другое".

25. – "Если, господин, трудно мне, имеющему другие воззрения, другую веру, другие желания, другие занятия, других наставников, узнать, является ли сознание тем же, что и свое "я" человека, или же сознание – одно, а свое "я" – другое, то скажи, господин, мир вечен? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир вечен, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

– "Господин, мир не вечен? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир не вечен, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

– "Господин, мир конечен? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир конечен, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

– "Господин, мир бесконечен? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир бесконечен, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

26. – "Господин, является ли жизненное начало тем же, что и тело? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что жизненное начало – то же, что и тело, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

– "Господин, жизненное начало – одно, а тело – другое? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что жизненное начало – одно, а тело – другое, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

27. – "Господин, Татхагата существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата существует после смерти, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

– "Господин, Татхагата не существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата не существует после смерти, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

– "Господин, Татхагата и существует и не существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата и существует, и не существует после смерти, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

– "Господин, Татхагата ни существует, ни не существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее – заблуждением?"

– "Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти, и что это – правда, а прочее – заблуждение".

28. – "Почему же, господин, это не было объяснено Блаженным?"

– "Ведь это, Поттхапада, не приносит пользы, не связано с истиной, не относится к целомудрию, не ведет ни к отвращению от мира, ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к познанию, ни к просветлению, ни к Ниббанае. Поэтому оно не было мной объяснено".

29. – "Что же, господин, было объяснено Блаженным?"

– "Это – страдание" – вот что, Поттхапада, было мной объяснено. "Это – возникновение страдания" – вот что, Поттхапада, было мной объяснено. "Это – уничтожение страдания" – вот что, Поттхапада, было мной объяснено. "Это – путь, ведущий к уничтожению страдания", – вот что, Поттхапада, было мной объяснено.

30. – "Почему же, господин, это было объяснено Блаженным?"

– "Ведь это, Поттхапада, приносит пользу, это связано с истиной, это относится к целомудрию, это ведет к отвращению от мира, к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к познанию, к просветлению, к Ниббанае. Поэтому оно было мной объяснено".

– "Это так, Блаженный! Это так, счастливый! Делай теперь, господин, как Блаженный считает нужным".

И тогда Блаженный, поднявшись с сиденья, удалился.

31. И вот, вскоре после того, как Блаженный удалился, те странствующие аскеты стали со всех сторон задевать язвительной речью странствующего аскета Поттхападу: "Да ведь этот Поттхапада одобряет все, что ни говорит отшельник Готама, /повторяя/: "Это так, Блаженный! Это так, Счастливый!" Мы же не знаем ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, – вечен мир или не вечен мир, конечен мир или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало – одно, а тело – другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти".

Когда так было сказано, странствующий аскет Поттхапада сказал тем странствующим аскетам: "И я, почтенные, не знаю ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, – вечен мир или не вечен мир, конечен мир, или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало – одно, а тело – другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. Но отшельник Готама учит подлинному, правильному, настоящему пути, основанному на истине и следующему истине. Как же разумный человек, подобный мне, не выскажет одобрения хорошо сказанному отшельником Готамой, как хорошо сказанному, когда тот учит подлинному, правильному, настоящему пути, основанному на

истине и следующему истине?"

32. И вот два или три дня спустя Читта, сын Хаттхисари и странствующий аскет Поттхапада приблизились к Блаженному. Приблизившись, Читта, сын Хаттхисари, приветствовал Блаженного и сел в стороне, и странствующий аскет Поттхапада обменялся с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сидя в стороне, странствующий аскет Поттхапада так сказал Блаженному:

– "Господин, тогда, вскоре после того, как Блаженный удалился, странствующие аскеты стали со всех сторон задевать меня язвительной речью: "Да ведь этот Поттхапада одобряет все, что ни говорит отшельник Готама, повторяя: "Это так, Блаженный! Это так, Счастливый!" Мы же не знаем ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, – вечен мир или не вечен мир, конечен мир или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало – одно, а тело – другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти".

Когда так было сказано, я, господин, сказал тем странствующим аскетам: "И я, почтенные, не знаю ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, – вечен мир или не вечен мир, конечен мир или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало – одно, а тело – другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. Но отшельник Готама учит подлинному, правильному, настоящему пути, основанному на истине и следующему истине. Как же разумный человек, подобный мне, не выскажет одобрения хорошо сказанному отшельником Готамой, как хорошо сказанному?"

33. – "Все эти странствующие аскеты, Поттхапада, слепы и не видят; ты – единственный среди них, который видишь. Ведь одни положения, Поттхапада, были мной разъяснены и преподаны, а другие положения, Поттхапада, мной не были разъяснены и преподаны. Какие же положения, Поттхапада, мной не были разъяснены и преподаны? "Мир вечен" – это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Мир не вечен" – это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Мир конечен" – это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Мир бесконечен" – это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Жизненное начало является тем же, что и тело" – это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Жизненное начало – одно, а тело – другое" – это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Татхагата существует после смерти"- это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Татхагата не существует после смерти"- это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Татхагата и существует, и не существует после смерти"- это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. "Татхагата ни существует, ни не существует после смерти"- это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано.

Почему же, Поттхапада, мной не были разъяснены и преподаны эти положения? Ведь они, Поттхапада, не приносят пользы, не связаны с истиной, не относятся к целомудрию, не ведут ни к отвращению от мира, ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к познанию, ни к просветлению, ни к Ниббанае. Поэтому, мной не были разъяснены и преподаны эти положения.

Какие же положения, Поттхапада, были мной объяснены и преподаны? "Это – страдание" – вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано. "Это – возникновение страданий" – вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано. "Это – уничтожение страдания" – вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано. "Это – путь, ведущий к уничтожению страдания" – вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано.

Почему же, Поттхапада, мной были разъяснены и преподаны эти положения? Ведь они, Поттхапада, приносят пользу, они связаны с истиной, они относятся к целомудрию, они ведут к отвращению от мира, к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к познанию, к просветлению, к Ниббанае. Поэтому мной были разъяснены и преподаны эти положения.

34. Есть, Поттхапада, некоторые отшельники и брахманы, которые проповедуют так, считают так: "После смерти свое "я" всецело счастливо, свободно от недуга". Я приблизился к ним и сказал: "Правда ли, достопочтенные, что вы так проповедуете и так считаете: "После смерти свое "я" всецело счастливо, свободно от недуга?" И будучи спрошены, они согласились, что это так. Тогда я сказал: "Приходилось ли вам, достопочтенные, знать или видеть всецело счастливый мир?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Приходилось ли вам, достопочтенные, сознавать свое "я" всецело счастливым хотя бы в течение одной ночи, или одного дня, или половины ночи, или половины дня?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Знаете ли вы, достопочтенные, – "Вот путь, вот способ испытать существование во всецело счастливом мире?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Слышали ли вы, достопочтенные, голос тех божеств, которые достигли всецело счастливой жизни и говорят: "Следуйте должным путем, достойные, следуйте прямым путем, достойные, чтобы испытать существование во всецело счастливой жизни, – ведь мы, достойные, следуя подобным путем, достигли всецело счастливой жизни". Будучи спрошены, они сказали, что нет. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этих отшельников и

брахманов не обоснованными?"

– "Несомненно, господин, если так, то слова этих отшельников и брахманов оказываются необоснованными".

35. – "Ведь подобным же образом, Поттхапада, мужчина мог бы сказать: "Я желаю, я люблю самую прекрасную женщину в этой стране". Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, – вот эта самая прекрасная женщина в стране: кшатрийка, брахманка, вайшийка или шудрянка?" И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, – какое имя этой самой прекрасной женщины в стране, каков род, высокого она роста, низкого или среднего, темная у нее кожа, черная или золотистая, в каком селении, торговом поселке или городе она живет?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, не желаешь ли ты и любишь ту, которой не знаешь и не видишь?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что это так. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?"

– "Несомненно, господин, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными".

36. – "Так же точно, Поттхапада, обстоит и с теми отшельниками и брахманами, которые проповедуют так, считают так: "После смерти свое "я" всецело счастливо, свободно от недуга". Я приблизился к ним и сказал: "Правда ли, достопочтенные, что вы так проповедуете и так считаете: "После смерти свое "я" всецело счастливо, свободно от недуга?" И будучи спрошены, они согласились, что это так. Тогда я сказал: "Приходилось ли вам, достопочтенные, знать или видеть всецело счастливый мир?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал:

– "Приходилось ли вам, достопочтенные, сознать свое "я" всецело счастливым хотя бы в течение одной ночи, или одного дня, или половины ночи, или половины дня?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Знаете ли вы, достопочтенные: "Вот путь, вот способ испытать существование во всецело счастливом мире?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Слышали ли вы, достопочтенные, голос тех божеств, которые достигли всецело счастливой жизни и говорят: "Следуйте должным путем, достойные, следуйте прямым путем, достойные, чтобы испытать существование во всецело счастливом мире, – ведь мы, достойные, следуя подобным путем, достигли всецело счастливой жизни". Будучи спрошены, они сказали, что нет. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этих отшельников и брахманов не обоснованными?"

– "Несомненно, господин, если так, то слова этих отшельников и брахманов оказываются необоснованными".

37. – "Ведь подобным же образом, Поттхапада, мужчина мог бы соорудить на перекрестке лестницу, чтобы подняться на террасу дома. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, знаешь ли ты ту террасу, для подъема на которую сооружаешь лестницу, – расположена ли эта терраса с восточной стороны, с западной стороны, с северной стороны или с южной стороны; высокая ли она, низкая или средняя?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, не сооружаешь ли ты лестницу, чтобы подняться на террасу, которой не знаешь и не видишь?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что это так. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?"

– "Несомненно, господин, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными".

38. – "Так же точно, Поттхапада, обстоит и с теми отшельниками и брахманами, которые проповедуют так, считают так: "После смерти свое "я" всецело счастливо, свободно от недуга". Я приблизился к ним и сказал: "Правда ли, достопочтенные, что вы так проповедуете и так считаете: "После смерти свое "я" всецело счастливо, свободно от недуга?" И будучи спрошены, они согласились, что это так. Тогда я сказал: "Приходилось ли вам, достопочтенные, знать или видеть всецело счастливый мир?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Приходилось ли вам, достопочтенные, сознать свое "я" всецело счастливым хотя бы в течение одной ночи, или одного дня, или половины ночи, или половины дня?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Знаете ли вы, достопочтенные: "Вот путь, вот способ испытать существование во всецело счастливой жизни?" Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: "Слышали ли вы, достопочтенные, голос тех божеств, которые достигли всецело счастливой жизни и говорят: "Следуйте должным путем, достойные, следуйте прямым путем, достойные, чтобы испытать существование во всецело счастливой жизни, – ведь мы, достойные, следуя подобным путем, достигли всецело счастливой жизни". Будучи спрошены, они сказали, что нет. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этих отшельников и брахманов не обоснованными?"

– "Несомненно, господин, если так, то слова этих отшельников и брахманов оказываются необоснованными".

39. – "Вот, Поттхапада, какие виды своего "я" могут быть обретены: обретение грубого "я", обретение "я", состоящего из разума, обретение "я", лишенного формы. Каково же, Поттхапада, обретение грубого "я"? Когда свое "я" имеет форму, состоит из четырех великих элементов, питается материальной пищей, то это – обретение грубого "я". Каково же обретение "я", состоящего из разума? Когда свое "я" имеет форму, состоит из разума, наделено всеми большими и малыми частями, не знает ущерба в жизненных способностях, то это – обретение "я", состоящего из разума. Каково же обретение "я", лишенного формы? Когда свое "я" лишено формы, состоит из сознания, то это – обретение "я", лишенного формы.

40. И вот, Поттхапада, я разъясняю истину, ведущую к отказу от обретения грубого "я"; у вас, следующих ее

путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения. Но может быть ты, Поттхапада, скажешь себе так: "Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения, но существование будет несчастным". Не следует, Поттхапада, так смотреть на это. Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения; и будет удовлетворенность, и радость, и успокоение, и способность самосознания, и вдумчивость, и счастливое существование".

41. И вот, Поттхапада, я разъясняю истину, ведущую к отказу от обретения "я", состоящего из разума; у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения. Но может быть ты, Поттхапада, скажешь себе так: "Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения, но существование будет несчастным". Не следует, Поттхапада, так смотреть на это. Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения; и будет удовлетворенность, и радость, и успокоение, и способность самосознания, и вдумчивость, и счастливое существование.

42. И вот, Поттхапада, я разъясняю истину, ведущую к отказу от обретения "я", лишенного формы; у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения. Но может быть ты, Поттхапада, скажешь себе так: "Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения, но существование будет несчастным". Не следует, Поттхапада, так смотреть на это. Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения; и будет удовлетворенность, и радость, и успокоение, и способность самосознания, и вдумчивость, и счастливое существование.

43. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: "Что это, достойные, за обретение грубого "я", к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?" Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: "Это и есть, достойные, то самое ваше обретение грубого "я", к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения".

44. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: "Что это, достойные, за обретение "я", состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?" Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: "Это и есть, достойные, то самое ваше обретение "я", состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения".

45. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: "Что это, достойные, за обретение "я", лишенного формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?" Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: "Это и есть, достойные, то самое ваше обретение "я", лишенного формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения".

Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли эти слова хорошо обоснованными?"

— "Несомненно, господин, если так, то эти слова оказываются хорошо обоснованными".

46. — "Ведь подобным же образом, Поттхапада, мужчина мог бы соорудить лестницу под самой террасой дома, чтобы подняться на террасу дома. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, знаешь ли ты ту террасу, для подъема на которую сооружаешь лестницу, — расположена ли эта терраса с восточной стороны, с западной стороны, с северной стороны или с южной стороны; высокая ли она, низкая или средняя?" И он сказал бы: "Да ведь это и есть, достойные, та терраса, для подъема на которую я сооружаю лестницу под самой террасой". Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины хорошо обоснованными?"

— "Несомненно, господин, если так, то слова этого мужчины оказываются хорошо обоснованными".

47. — "Так же точно, Поттхапада, и другие могли бы спросить нас так: "Что это, достойные, за обретение грубого "я", к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?" Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: "Это и есть,

достопочтенные, то самое ваше обретение грубого "я", к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения". И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: "Что это, достопочтенные, за обретение "я", состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?" Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: "Это и есть, достопочтенные, то самое ваше обретение "я", состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения". И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: "Что это, достопочтенные, за обретение "я", лишенного формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?" Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: "Это и есть, достопочтенные, то самое ваше обретение "я", лишенного формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения".

Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли эти слова хорошо обоснованными?"

– "Несомненно, господин, если так, то эти слова оказываются хорошо обоснованными".

48. Когда так было сказано, Читта, сын Хаттхисари, сказал: "Господин, когда человек обретает грубое "я", то в это время для него несущественно обретение "я", состоящего из разума, и неосуществимо обретение "я", лишенного формы? Для него в это время существует лишь обретение грубого "я"? Господин, когда человек обретает "я", состоящее из разума, то в это время для него неосуществимо обретение грубого "я" и неосуществимо обретение "я", лишенного формы? Для него в это время существует лишь обретение "я", состоящего из разума? Господин, когда человек обретает "я", лишенное формы, то в это время для него неосуществимо обретение грубого "я" и неосуществимо обретение "я", состоящего из разума? Для него в это время существует лишь "я", лишенное формы?"

49. – "Когда, Читта, существует обретение грубого "я", то в это время нет речи об обретении "я", лишенного формы, – в это время речь идет лишь об обретении грубого "я". Когда, Читта, существует обретение "я", состоящего из разума, то в это время нет речи об обретении грубого "я", и нет речи об обретении "я", лишенного формы, – в это время речь идет лишь об обретении "я", состоящего из разума. Когда, Читта, существует обретение "я", лишенного формы, то в это время нет речи об обретении грубого "я" и нет речи об обретении "я", состоящего из разума, – в это время речь идет лишь об обретении "я", лишенного формы. И если бы, Читта, тебя спросили так: "Существовал ли ты в прошлое время – ведь не было так, чтобы ты не существовал? Будешь ли ты существовать в будущем времени – ведь не будет так, что ты не будешь существовать? Существоешь ли ты сейчас – ведь нет того, что ты не существуешь?" – то как бы, Читта, ты ответил, будучи спрошен?"

– "Если бы, господин, меня спросили так: "Существовал ли ты в прошлое время – ведь не было так, чтобы ты не существовал? Будешь ли ты существовать в будущем времени – ведь не будет так, что ты не будешь существовать? Существоешь ли ты сейчас – ведь нет того, что ты не существуешь?" – то как бы, Читта, ты ответил, будучи спрошен?" – то, будучи спрошен, я, господин ответил бы так: "Я существовал в прошлое время – не было так, чтобы я не существовал. Я буду существовать в будущем времени – не будет так, что я не буду существовать. Я существую сейчас – нет того, что я не существую". Вот как, господин, я ответил бы, будучи спрошен".

50. – "А если бы, Читта, тебя еще спросили так: "То обретение своего "я", которое было у тебя в прошлом, – было ли у тебя действительным лишь это обретение своего "я", а будущее обретение своего "я" – мнимым и настоящее – мнимым? То обретение своего "я", которое будет у тебя в будущем, – будет ли у тебя действительным лишь это обретение своего "я", а прошлое обретение своего "я" – мнимым и настоящее – мнимым? То обретение своего "я", которое есть у тебя сейчас, – является ли у тебя действительным лишь это обретение своего "я", а прошлое обретение своего "я" – мнимым и будущее – мнимым, то, будучи спрошен, как бы, Читта, ты ответил?"

– "Если бы, господин, меня еще спросили так: "То обретение своего "я", которое было у тебя в прошлом, – было ли у тебя действительным лишь это обретение своего "я", а будущее обретение своего "я" – мнимым и настоящее – мнимым? То обретение своего "я", которое будет у тебя в будущем, – будет ли у тебя действительным лишь это обретение своего "я", а прошлое обретение своего "я" – мнимым и настоящее – мнимым? То обретение своего "я", которое есть у тебя сейчас, – является ли у тебя действительным лишь это обретение своего "я", а прошлое обретение своего "я" – мнимым и будущее – мнимым, то, будучи спрошен, я, господин, ответил бы так: "То обретение своего "я", которое было у меня в прошлом, – это обретение своего "я" было у меня в это время действительным, а будущее /обретение своего "я"/ – мнимым и настоящее – мнимым. То обретение своего "я", которое будет у меня в будущем, – это обретение своего "я" будет у меня в это время действительным, а прошлое обретение своего "я" – мнимым и настоящее – мнимым. То обретение своего "я", которое есть у меня

сейчас, – это обретение своего "я" является у меня действительным, а прошлое обретение своего "я" – мнимым и будущее – мнимым". – Вот как, господин, я ответил бы, будучи спрошен".

51. – "Так же точно, Читта, и когда существует обретение грубого "я", то в это время нет речи об обретении "я", состоящего из разума, и нет речи об обретении "я", лишенного формы, – в это время речь идет лишь об обретении грубого "я". И когда, Читта, существует обретение "я", состоящего из разума, то в это время нет речи об обретении грубого "я", и нет речи об обретении "я", лишенного формы, – в это время речь идет лишь об обретении "я", состоящего из разума. И когда, Читта, существует обретение грубого "я", и нет речи об обретении "я", состоящего из разума – в это время речь идет лишь об обретении "я", лишенного формы.

52. Ведь подобным же образом, Читта, от коровы бывает молоко, от молока творог, от творога – свежее масло, от свежего масла – очищенное масло, от очищенного масла – масляная пена, и когда есть молоко, то в это время нет речи о твороге, нет речи о свежем масле, нет речи об очищенном масле, нет речи о масляной пене – в это время речь идет лишь о молоке; и когда есть творог, то в это время нет речи о молоке, нет речи о свежем масле, нет речи об очищенном масле, нет речи о масляной пене – в это время речь идет лишь о твороге; и когда есть свежее масло, то в это время нет речи о молоке, нет речи о твороге, нет речи об очищенном масле, нет речи о масляной пене – в это время речь идет лишь о свежем масле; и когда есть очищенное масло, то в это время нет речи о молоке, нет речи о твороге, нет речи о свежем масле, нет речи о масляной пене – в это время речь идет лишь об очищенном масле; и когда есть масляная пена, то в это время нет речи о молоке, нет речи о твороге, нет речи о свежем масле, нет речи об очищенном масле – в это время речь идет лишь о масляной пене.

53. Так же точно, Читта, и когда существует обретение грубого "я", то в это время нет речи об обретении "я", состоящего из разума, и нет речи об обретении "я", лишенного формы, – в это время речь идет лишь об обретении грубого "я". И когда, Читта, существует обретение "я", состоящего из разума, то в это время нет речи об обретении грубого "я", и нет речи об обретении "я", лишенного формы, – в это время речь идет лишь об обретении "я", состоящего из разума. И когда, Читта, существует обретение грубого "я", и нет речи об обретении "я", состоящего из разума – в это время речь идет лишь об обретении "я", лишенного формы. Ибо это, Читта, лишь обычные имена, обычные выражения, обычные способы обозначения, обычные описания, и Татхагата употребляет эти способы обозначения, не привязываясь к ним".

54. Когда так было сказано, странствующий аскет Поттхапада так сказал Блаженному:

– "Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Блаженный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Блаженному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же Блаженный примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище".

55. И Читта, сын Хаттхисари, так сказал Блаженному:

– "Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Блаженный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Блаженному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Да обрету я, господин, странничество вблизи Блаженного, да обрету я доступ в общину!".

56. И так Читта, сын Хаттхисари, обрел странничество вблизи Блаженного, обрел доступ к общине. И вскоре после того, как достопочтенный Читта, сын Хаттхисари, обрел доступ в общину, он, предавшись одиночеству, пребывая в усердии, рвении и решимости, скоро сам познал, испытал и обрел в зримом мире, ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными – несравненный венец целомудрия, – и постиг: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием". И так достопочтенный Читта, сын Хаттхисари, стал одним из архатов.

Окончена девятая Поттхапада сутта

Дигха Никая 10

Субха сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1.1. Вот что я слышал. Однажды вскоре после полного успокоения Блаженного достопочтенный Ананда остановился в Саваттхи, в Джетаване, в парке Анатхапиндики. И в это самое время юный Субха, сын Тодейи, находился в Саваттхи по некоторому делу.

1.2. И вот юный Субха, сын Тодейи, обратился к другому юноше: "Иди, юноша, приблизься к отшельнику

Ананде и, приблизившись, спроси от моего имени отшельника Ананду, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие: "Юный Субха, сын Тодейи, спрашивает достопочтенного Ананду, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие?" и еще скажи так: "Право же хорошо будет, если досточтимый Ананда окажет милость и приблизится к дому юного Субхи, сына Тодейи".

1.3. – "Хорошо, почтенный", – согласился юноша с юным Субхой, сыном Тодейи, приблизился к достопочтенному Ананде; приблизившись, он обменялся с достопочтенным Анандой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И вот сидя в стороне, этот юноша так сказал достопочтенному Ананде: "Юный Субха, сын Тодейи, спрашивает достопочтенного Ананду, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие, и говорит так: "Право же хорошо будет, если досточтимый Ананда окажет милость и приблизится к дому юного Субхи, сына Тодейи".

1.4. Когда так было сказано, достопочтенный Ананда сказал этому юноше:

– "Сейчас не время, юноша, ибо я выпил лекарство. Завтра же я может быть приближусь к нему, если представится время и возможность".

И тогда этот юноша, поднявшись с сиденья, приблизился к юному Субхе, сыну Тодейи, и, приблизившись, так сказал юному Субхе, сыну Тодейи:

– "Мы передали речь почтенного этому досточтимому Ананде: "Юный Субха, сын Тодейи, спрашивает досточтимого Ананду, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие, и говорит так: "Право же хорошо будет, если досточтимый Ананда окажет милость и приблизится к дому юного Субхи, сына Тодейи". Когда, почтенный, так было сказано, отшельник Ананда сказал мне: "Сейчас не время, юноша, ибо я выпил лекарство. Завтра же я может быть приближусь к нему, если представится время и возможность". И вот, почтенный, сделано так, что этот досточтимый Ананда дал возможность надеяться на его завтрашнее приближение".

1.5. И на утро, когда прошла эта ночь, достопочтенный Ананда оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, вместе со следующим за ним отшельником, монахом Четакой, приблизился к жилищу юного Субхи, сына Тодейи и приблизившись, сел на предложенное сиденье. А юный Субха, сын Тодейи, приблизился к достопочтенному Ананде; приблизившись, он обменялся с достопочтенным Анандой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И вот, сидя в стороне, юный Субха, сын Тодейи, так сказал достопочтенному Ананде:

– "Ведь досточтимый Ананда долгое время находился вблизи досточтимого Готама, прислуживая ему и пребывая рядом. И досточтимый Ананда должен знать, какие вещи хвалил досточтимый Готама, какими он возбуждал, в каких наставлял и утверждал людей. Каковы же, почтенный Ананда, те вещи, которые хвалил досточтимый Готама, которыми он возбуждал, в которых наставлял и утверждал людей?"

1.6. – "Существует, юноша, три свода предписаний, которые хвалил Блаженный, и здесь он возбуждал, наставлял, утверждал людей. Каковы же эти три? Праведный свод нравственных предписаний, праведный свод предписаний о сосредоточенности, праведный свод предписаний о постижении. Эти три свода предписаний, юноша, и хвалил Блаженный, и здесь он возбуждал, наставлял, утверждал людей".

– "Каков же, почтенный Ананда, этот праведный свод нравственных предписаний, который хвалил досточтимый Готама, которым он возбуждал, в котором наставлял и утверждал людей?"

1.7. – "Вот, юноша, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: "Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, юноша, монах предан нравственности. Вот, юноша, отказываясь уничтожать живое, и избегая

уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистым сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой

из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахином, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечах, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и

Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, юноша, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, великий царь, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, юноша, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, юноша, бывает монах, наделенный нравственностью.

1.30. Таков, юноша, этот праведный свод нравственных предписаний, который хвалил Блаженный, которым он возбуждал, в котором наставлял и утверждал людей. И все же есть здесь еще более высокий долг".

– "Чудесно, почтенный Ананда! Необычайно, почтенный Ананда! Ведь этот праведный свод нравственных предписаний, почтенный Ананда, совершенен и не является несовершенным, и я, почтенный Ананда, не вижу столь совершенного праведного свода нравственных предписаний, за пределами этой общины, у других отшельников и брахманов. И если бы, почтенный Ананда, отшельники и брахманы за пределами этой общины могли бы увидеть у себя столь совершенный праведный свод нравственных предписаний, то были бы настолько удовлетворены, что сказали бы себе: "Этого достаточно! Сделано достаточно! Достигнута цель нашего отшельничества! Нет у нас никакого более высокого долга". Но ведь досточтимый Ананда сказал так: "Все же есть здесь еще более высокий долг".

Окончен первый раздел поучения в Субха сутте

2.1. – "Каков же, почтенный Ананда, этот праведный свод предписаний о сосредоточенности, который хвалил досточтимый Готама, которым он возбуждал, в котором наставлял и утверждал людей?"

– "Как же, юноша, монах охраняет врата жизненных способностей?"

Вот, юноша, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность,

неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, юноша, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, юноша, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот юноша, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, юноша, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, юноша, монах удовлетворен? Вот, юноша, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, юноша, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, юноша, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, юноша, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, юноша, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, юноша, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, юноша, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, юноша, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим

право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, юноша, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, юноша, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, юноша, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, юноша, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящемся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившееся телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, юноша, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, юноша, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

И когда, юноша, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, – и пребывает в ней, когда он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью – это и есть часть его сосредоточенности.

2.14. И далее, юноша, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, юноша, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питая его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, юноша, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, юноша, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, великий царь, и монах обливает, обликает,

заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, юноша, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

Подобно тому, юноша, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, юноша, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом – это и есть часть его сосредоточенности.

2.19. Таков, юноша, этот праведный свод предписаний о сосредоточенности, который хвалил Блаженный, которым он возбуждал, в котором наставлял и утверждал людей. И все же есть здесь более высокий долг".

– "Чудесно, почтенный Ананда! Необычайно, почтенный Ананда! Ведь этот праведный свод предписаний о сосредоточенности, почтенный Ананда, совершенен и не является несовершенным, и я, почтенный Ананда, не вижу столь совершенного праведного свода предписаний о сосредоточенности, за пределами этой общины, у других отшельников и брахманов. И если бы, почтенный Ананда, отшельники и брахманы за пределами этой общины могли бы увидеть у себя столь совершенный праведный свод предписаний о сосредоточенности, то были бы настолько удовлетворены, что сказали бы себе: "Этого достаточно! Сделано достаточно! Достигнута цель нашего отшельничества! Нет у нас никакого более высокого долга". Но ведь досточтимый Ананда сказал так: "Все же есть здесь еще более высокий долг".

2.20. – "Каков же, почтенный Ананда, этот праведный свод предписаний о постижении, который хвалил досточтимый Готама, которым он возбуждал, в котором наставлял и утверждал людей?"

– "Так с сосредоточенной мыслью, – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Подобно тому, юноша, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

И когда, юноша, монах с сосредоточенной мыслью, – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к совершенному видению и постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собою скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению; и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание, – это и есть часть его постижения.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Их этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, юноша, как человек, извлекая тростинку из влагиалища мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, великий царь, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, юноша, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытащена из кожи" – так же точно, юноша, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба

в жизненных способностях.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, юноша, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, юноша, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, юноша, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – так же точно, юноша, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль, он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, юноша, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем

пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, юноша, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, юноша, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, юноша, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены

дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, юноша, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, юноша, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, юноша, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Подобно тому, юноша, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб, двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, юноша, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

И когда, юноша, монах с сосредоточенной мыслью, – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств и постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания"; постигает в согласии с истиной: "Это греховные

свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств"; когда у него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества, и в освобожденном возникает знание, что он освобожден, и он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием", — это и есть часть его постижения.

2.37. Таков, юноша, этот праведный свод предписаний о постижении, который хвалил Блаженный, которым он возбуждал, в котором наставлял и утверждал людей. И нет здесь более высокого долга".

— "Чудесно, почтенный Ананда! Необычайно, почтенный Ананда! Ведь этот праведный свод предписаний о постижении, почтенный Ананда, совершенен и не является несовершенным, и я, почтенный Ананда, не вижу столь совершенного праведного свода предписаний о постижении, за пределами этой общины, у других отшельников и брахманов. И нет здесь более высокого долга. Превосходно, почтенный Ананда! Превосходно, почтенный Ананда! Подобно тому, почтенный Ананда, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно досточтимый Ананда с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, почтенный Ананда, я иду как к прибежищу к Блаженному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Ананда примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище".

Окончена десятая Субха сутта

Дигха Никая 11

Кеваддха сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот что я слышал. Однажды Блаженный остановился в Наланде, в манговой роще Паварика. И вот юный домоправитель Кеваддха приблизился к Блаженному и приблизившись, приветствовал Блаженного и сел в стороне. И сидя в стороне, юный домоправитель Кеваддха так сказал Блаженному:

— "Господин, эта богатая, процветающая Наланда, густо населена и полна людей, преданных Блаженному. Хорошо будет, господин, если Блаженный прикажет какому-нибудь монаху, чтобы тот с помощью нечеловеческих сил совершил сверхъестественное чудо. Тогда эта Наланда еще в большей мере станет предана Блаженному".

Когда так было сказано, Блаженный сказал юному домоправителю Кеваддхе: "Я не стану, Кеваддха, давать монахам такое указание: "Монахи, совершите здесь с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо для мирян в белых одеждах".

2. И юный домоправитель Кеваддха во второй раз сказал Блаженному:

— "Господин, я не неволю Блаженного, но все же я говорю так: "Господин, эта богатая, процветающая Наланда, густо населена и полна людей, преданных Блаженному. Хорошо будет, господин, если Блаженный прикажет какому-нибудь монаху, чтобы тот с помощью нечеловеческих сил совершил сверхъестественное чудо. Тогда эта Наланда еще в большей мере станет предана Блаженному".

И Блаженный во второй раз сказал юному домоправителю Кеваддхе: "Я не стану, Кеваддха, давать монахам такое указание: "Монахи, совершите здесь с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо для мирян в белых одеждах".

3. И юный домоправитель Кеваддха в третий раз сказал Блаженному:

— "Господин, я не неволю Блаженного, но все же я говорю так: "Господин, эта богатая, процветающая Наланда, густо населена и полна людей, преданных Блаженному. Хорошо будет, господин, если Блаженный прикажет какому-нибудь монаху, чтобы тот с помощью нечеловеческих сил совершил сверхъестественное чудо. Тогда эта Наланда еще в большей мере станет предана Блаженному".

— "Я, Кеваддха, возгласил о трех чудесах, сам испытал и осуществив их. Каковы же эти три вида чудес? Сверхъестественное чудо, чудо обнаружения и чудо наставления".

4. Каково же, Кеваддха, сверхъестественное чудо? Вот, Кеваддха, монах осуществляет различные виды сверхъестественных способностей — будучи одним, становится многочисленным; будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз; беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не

погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы. И другой, благочестивый верующий, видит его, этого монаха, осуществляющего различные виды сверхъестественных способностей, – будучи одним становящегося многочисленным; будучи многочисленным, становящегося одним; становящегося видимым для глаз, скрытым от глаз; беспрепятственно проходящего через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускающегося в землю и поднимающегося из нее, словно из воды; не погружаясь, идущего по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами возносящегося в небо, словно крылатая птица; касающегося рукой и схватывающего солнце и луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом достигающего даже мира Брахмы.

5. И вот этот благочестивый верующий передает другому – не благочестивому и не верующему: "Как чудесна, почтенный, как необычайна, почтенный, великая сверхъестественная способность и великая власть отшельника. Ведь я видел монаха, осуществляющего различные виды сверхъестественных способностей, – будучи одним, становящегося многочисленным; будучи многочисленным, становящегося одним; становящегося видимым для глаз, скрытым от глаз; беспрепятственно проходящего через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускающегося в землю и поднимающегося из нее, словно из воды; не погружаясь, идущего по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами возносящегося в небо, словно крылатая птица; касающегося рукой и схватывающего солнце и луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом достигающего даже мира Брахмы".

И тогда тот не благочестивый и не верующий может сказать этому благочестивому верующему так: "Есть, почтенный, знание, называемое гандхарским. Благодаря ему этот монах и осуществляет различные виды сверхъестественных способностей – будучи одним, становится многочисленным; будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз; беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы". Как же ты думаешь об этом, Кеваддха? Может ли тот не благочестивый и не верующий сказать так этому благочестивому верующему?"

– "Может сказать, господин".

– "Поэтому, Кеваддха, я и усматриваю зло в сверхъестественном чуде, опасаюсь, избегаю и стыжусь сверхъестественного чуда".

6. Каково же, Кеваддха, чудо обнаружения? Вот, Кеваддха, монах обнаруживает мысли, обнаруживает размышления, обнаруживает устремления рассудка, обнаруживает углубленные рассуждения других существ, других лиц /и говорит/: "Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление". И другой, благочестивый верующий, видит этого монаха, обнаруживающего мысли, обнаруживающего размышления, обнаруживающего устремления рассудка, обнаруживающего углубленные рассуждения и говорящего: "Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление".

7. И вот этот благочестивый верующий передает другому, не благочестивому и не верующему: "Как чудесна, почтенный, как необычайна, почтенный, великая сверхъестественная способность и великая власть отшельника. Ведь я видел монаха, обнаруживающего мысли, обнаруживающего размышления, обнаруживающего устремления рассудка, обнаруживающего углубленные рассуждения других существ и других лиц и говорящего: "Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление". И тогда тот не благочестивый и не верующий может сказать этому благочестивому верующему так: "Есть, почтенный, знание, называемое маника. Благодаря ему этот монах и обнаруживает мысли, обнаруживает размышления, обнаруживает устремления рассудка, обнаруживает углубленные рассуждения других существ, других лиц /и говорит/: "Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление". Как же ты думаешь об этом, Кеваддха? Может ли тот не благочестивый и не верующий сказать так этому благочестивому верующему?"

– "Может сказать, господин".

– "Поэтому, Кеваддха, я и усматриваю зло в чуде обнаружения, опасаюсь, избегаю и стыжусь чуда обнаружения".

8. Каково же, Кеваддха, чудо наставления? Вот, Кеваддха, монах наставляет таким образом: "Рассуждайте так, не рассуждайте иначе, внимайте этому, не внимайте тому, откажитесь от того, пребывайте, обретая это". Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

9. И далее, вот, Кеваддха, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в её духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет:

"Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Кеваддха, монах предан нравственности. Вот, Кеваддха, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабане, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей",

"десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на

коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умягчение; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Кеваддха, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, великий царь, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, великий царь, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, Кеваддха, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, Кеваддха, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Кеваддха, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность,

неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, великий царь, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, Кеваддха, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Кеваддха, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует, когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, великий царь, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Кеваддха, монах удовлетворен? Вот, Кеваддха, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, Кеваддха, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, великий царь, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, Кеваддха, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Кеваддха, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кеваддха, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кеваддха, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободится от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кеваддха, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободится от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я

освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Кеваддха, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Кеваддха, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Кеваддха, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящемся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, Кеваддха, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, Кеваддха, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

46. И далее, Кеваддха, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, Кеваддха, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, Кеваддха, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Кеваддха, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, Кеваддха, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, великий царь, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Кеваддха, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано

чистым, совершенным разумом.

Подобно тому, Кеваддха, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, великий царь, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом. Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Подобно тому, Кеваддха, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, Кеваддха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Их этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, Кеваддха, как человек, извлекая тростинку из влагиалища мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, Кеваддха, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, Кеваддха, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытащена из кожи" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, Кеваддха, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, Кеваддха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он

достигает даже мира Брахмы.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, Кеваддха, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – также точно, Кеваддха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, Кеваддха, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль, он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, Кеваддха, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о

местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, Кеваддха, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, Кеваддха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, Кеваддха, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, Кеваддха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими,

возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, Кеваддха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

67. Таковы, Кеваддха, три чуда, о которых я возгласил, сам испытал и осуществив их. Когда-то давно, Кеваддха, в этой же общине монахов у одного монаха возникло в сердце такое размышление: "Где же уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?" И вот, Кеваддха, этот монах достиг такого вида сосредоточенности, что перед его сосредоточенной мыслью открылся путь, ведущий к миру богов.

68. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам, находящимся при четырех великих царях, и, приблизившись, так сказал богам, находящимся при четырех великих царях: "Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги, находящиеся при четырех великих царях, сказали этому монаху: "Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, четыре великих царя – превосходнее и возвышеннее нас. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха".

69. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к Четырем великим царям, и приблизившись, так сказал Четырем великим царям: "Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

Когда, Кеваддха, так было сказано, Четыре великих царя сказали этому монаху: "Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха". Но есть, монах, боги, называющиеся Тридцатью тремя – превосходнее и возвышеннее нас. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха".

70. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к Тридцати трем богам и, приблизившись, так сказал Тридцати трем богам: "Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

Когда, Кеваддха, так было сказано, Тридцать три бога сказали этому монаху: "Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, повелитель богов по имени Сакка – превосходнее и возвышеннее нас. Он и должен знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха".

71. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к повелителю богов Сакке и, приблизившись, так сказал повелителю богов Сакке: "Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

Когда, Кеваддха, так было сказано, повелитель богов Сакка сказал этому монаху: "Я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, боги по имени Яма – превосходнее и возвышеннее меня. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха".

72. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам Яма, и приблизившись, так сказал богам Яма: "Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги Яма сказали этому монаху: "Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха". Но есть, монах, сын бога по имени Суяма – превосходнее и возвышеннее нас. Он и должен

80. И вот, Кеваддха, этот монах достиг такого вида сосредоточенности, что перед его сосредоточенной мыслью

открылся путь, ведущий к миру Брахмы. И вот, Кеваддха, этот монах приблизившись, так сказал богам, принадлежащим к свите Брахмы: "Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги, принадлежащие к свите Брахмы, так сказали этому монаху: "Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всемогущий, владыка, творец, создатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего – превосходнее и возвышеннее нас. Он и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха".

– "Где же, достойные, сейчас этот великий Брахма?"

– "Мы тоже не знаем, монах, ни откуда Брахма, ни где Брахма, ни куда направляется Брахма. Но когда, монах, появляются знамения, рождается свет, открывается сияние, то тогда открывается Брахма. Ведь знамения, предшествующие откровению Брахмы, таковы, что рождается свет и открывается сияние".

81. И вот, Кеваддха, вскоре ему открылся великий Брахма. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к великому

Брахме и, приблизившись, сказал великому Брахме: "Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

Когда, Кеваддха, так было сказано, великий Брахма так сказал этому монаху: "Я, монах, – Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всемогущий, владыка, творец, создатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего".

82. И вот, Кеваддха, этот монах во второй раз сказал великому Брахме: "Я не спрашиваю этого, достойный: "Являешься ли ты Брахмой, великим Брахмой, победоносным, непобедимым, всевидящим, всемогущим, владыкой, творцом, создателем, наилучшим устроителем, повелителем, отцом бывшего и будущего?" Вот, что я спрашиваю, достойный: "Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

И вот, Кеваддха, великий Брахма во второй раз сказал этому монаху: "Я, монах, – Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всемогущий, владыка, творец, создатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего".

83. И вот, Кеваддха, этот монах в третий раз сказал великому Брахме: "Я не спрашиваю этого, достойный: "Являешься ли ты Брахмой, великим Брахмой, победоносным, непобедимым, всевидящим, всемогущим, владыкой, творцом, создателем, наилучшим устроителем, повелителем, отцом бывшего и будущего?" Вот, что я спрашиваю, достойный: "Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

И вот, Кеваддха, великий Брахма взял этого монаха за руки, отвел в сторону и так сказал этому монаху: "Вот, монах, эти боги, принадлежащие к свите Брахмы, считают так: "Нет ничего, что не видно Брахме; нет ничего, что не известно Брахме; нет ничего, что не испытано Брахмой". Поэтому я не отвечал в их присутствии. И я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Поэтому, монах, ты поступил здесь дурно, ты сделал неправильно, что оставив без внимания Блаженного, отправился в другое место в поисках ответа на этот вопрос. Иди же, монах, и, приблизившись к Блаженному, задал ему этот вопрос, и как Блаженный ответит тебе, – так и считай".

84. И вот, Кеваддха, столь же быстро, как человек может протянуть согнутую руку или может согнуть протянутую руку, этот монах оставил мир Брахмы и появился передо мной. И вот, Кеваддха, монах приветствовал меня и сел в стороне. И, сидя в стороне, Кеваддха, этот монах сказал мне так: "Где же, господин, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?"

85. Когда так было сказано, я, Кеваддха, сказал этому монаху: "Когда-то давно, монах, морские торговцы, выходя из корабля в море, брали с собой птицу, видящую берег. Когда с корабля исчезал из вида берег, они выпускали птицу. И она летела в восточную сторону, летела в южную сторону, летела в западную сторону, летела в северную сторону, летела вверх, летела в промежуточные страны света. И если где-либо видела берег, то летела туда. Если же она нигде не видела берега, то возвращалась назад на корабль. Так же точно и ты, монах, отправился в поиски до самого мира Брахмы и, не найдя ответа на этот вопрос, вернулся ко мне. И не следует, монах, так задавать этот вопрос: "Где же, господин, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?" Вот как следует, монах, задавать этот вопрос: "Где лишены основания вода и земля, огонь, воздух? Где лишены основания длинное и короткое, тонкое и грубое, приятное и неприятное? Где уничтожаются без остатка имя и образ?"

И вот ответ на это:

Вот лишены признаков, бесконечное, отовсюду имеющее доступ разумение. Здесь лишены основания вода и земля, огонь и воздух.

Здесь лишены основания длинное и короткое, тонкое и грубое, приятное и неприятное;

Здесь уничтожаются без остатка имя и образ.

С уничтожением разума все это уничтожается здесь".

Так сказал Блаженный. И удовлетворенный юный домоправитель Кеваддха возрадовался словам Блаженного.

Окончена одиннадцатая Кеваддха сутта

Дигха Никая 12

Лохичча сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот что я слышал. Однажды Блаженный, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, прибыл в Салаватику. И в это самое время брахман Лохичча обитал в Салаватике – месте, полном жителей, наделенном травой, лесом, водой, зерном, – царском наделе, отданном ему царем Косалы Пасенади в полное владение в качестве царского дара.

2. И в это самое время у брахмана Лохиччи возникло такого рода греховное ложное воззрение: "Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом человек, разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть греховное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?"

3. И брахман Лохичча услышал: "Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, приблизился к Салаватике. И вот о нем, Блаженном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце – в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему".

4. И вот брахман Лохичча обратился к брадобрею Бхесике: "Иди, дорогой Бхесика, приблизься к отшельнику Готаме и, приблизившись, спроси от моего имени отшельника Готаму, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие: "Почтенный Готама, брахман Лохичча спрашивает досточтимого Готаму, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие?" – и еще скажи так: "Право же, пусть досточтимый Готама соблаговолит завтра принять вместе с толпой монахов пропитание у брахмана Лохиччи".

– "Хорошо, господин", – согласился брадобрей Бхесика с брахманом Лохиччей, приблизился к Блаженному и, приблизившись, приветствовал Блаженного и сел в стороне. И сидя в стороне, брадобрей Бхесика так сказал Блаженному:

– "Господин, брахман Лохичча спрашивает Блаженного, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как сила, благополучно ли самочувствие, и говорит так: "Право же, пусть досточтимый Готама соблаговолит завтра принять вместе с толпой монахов пропитание у брахмана Лохиччи".

И Блаженный соблаговолит сделать это, пребывая в молчании.

6. Тогда брадобрей Бхесика, видя согласие Блаженного, поднялся с сиденья, приветствовал Блаженного, обошел его с правой стороны, приблизился к брахману Лохичче и, приблизившись, так сказал брахману Лохичче: – "Мы передали, господин, твою речь этому Блаженному: "Господин, брахман Лохичча спрашивает Блаженного, прошла ли его болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как сила, благополучно ли самочувствие, и говорит так: "Право же, пусть досточтимый Готама соблаговолит завтра принять вместе с толпой монахов пропитание у брахмана Лохиччи". И вот Блаженный соблаговолит сделать это".

7. И вот с исходом этой ночи брахман Лохичча приготовил в своем жилище изысканную твердую пищу и нежную пищу и обратился к брадобрею Бхесике:

– "Иди, дорогой Бхесика, приблизься к отшельнику Готаме и, приблизившись, сообщи отшельнику Готаме о времени: "Пришло время, почтенный Готама, – пища готова".

– "Хорошо, господин", – согласился брадобрей Бхесика с брахманом Лохиччей, приблизился к Блаженному и, приблизившись, приветствовал Блаженного и стал в стороне. И стоя в стороне, брадобрей Бхесика сообщил Блаженному о времени: "Пришло время, господин, – пища готова". И тогда Блаженный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и приблизился с толпой монахов к Салаватике.

8. А в это самое время брадобрей Бхесика шаг за шагом следовал за Блаженным. И вот брадобрей Бхесика так

сказал Блаженному:

– "У брахмана Лохиччи возникло такого рода греховное ложное воззрение: "Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом человек, разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть греховное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?" Хорошо будет, господин, если Блаженный освободит брахмана Лохиччу от этого греховного ложного воззрения".

– "Поистине, так и может случиться, Бхесика, поистине, так и может случиться, Бхесика".

9. И вот Блаженный приблизился к жилищу брахмана Лохиччи и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. И брахман Лохичча своей рукой угостил и насытил толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и нежной пищей. Когда Блаженный, поев, смыл сосуд для подаяний и руки, брахман Лохичча выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И Блаженный сказал так сидящему в стороне брахману Лохичче:

– "Правда ли, Лохичча, что у тебя возникло такого рода греховное ложное воззрение: "Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом человек, разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть греховное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?"

– "Да, почтенный Готама".

10. – "Как же ты думаешь об этом, Лохичча? Обитаешь ли ты в Салаватике?"

– "Да, почтенный Готама".

– "Если бы, Лохичча, кто-нибудь сказал: "Брахман Лохичча обитает в Салаватике – пусть же брахман Лохичча один пользуется доходами, получаемыми от Салаватики, и не делится с другими!" – то говорящий так наносил бы ущерб живущим в зависимости от тебя, или нет?"

– "Наносил бы ущерб, почтенный Готама".

– "Будучи наносящим ущерб, сочувствовал бы он им или не сочувствовал?"

– "Не сочувствовал бы, почтенный Готама".

– "Пребывает ли мысль у не сочувствующего в дружелюбии к ним или во вражде?"

– "Во вражде, почтенный Готама".

– "Когда мысль пребывает во вражде, является ли это ложным воззрением или истинным воззрением?"

– "Ложным воззрением, почтенный Готама".

– "При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей – возрождение в аду или в образе животного".

11. – "Как же ты думаешь об этом, Лохичча? Обитает ли царь Пасенади из Косалы в Каси и Косале?"

– "Да, почтенный Готама".

– "Если бы, Лохичча, кто-нибудь сказал: "Царь Пасенади из Косалы обитает в Каси и Косале – пусть же царь Пасенади из Косалы один пользуется доходами, получаемыми от Каси у Косалы и не делится с другими!" То говорящий так наносил бы ущерб живущим в зависимости от царя Пасенади из Косалы, – к тебе и другим – или нет?"

– "Наносил бы ущерб, почтенный Готама".

– "Будучи наносящим ущерб, сочувствовал бы он им или не сочувствовал?"

– "Не сочувствовал бы, почтенный Готама".

– "Пребывает ли мысль у не сочувствующего в дружелюбии к ним или во вражде?"

– "Во вражде, почтенный Готама".

– "Когда мысль пребывает во вражде, является ли это ложным воззрением или истинным воззрением?"

– "Ложным воззрением, почтенный Готама".

– "При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей – возрождение в аду или в образе животного".

12. Итак, Лохичча, кто сказал бы: "Брахман Лохичча обитает в Салаватике – пусть же брахман Лохичча один пользуется доходами, получаемыми от Салаватики, и не делится с другими!" – тот, говоря так, наносил бы ущерб живущим в зависимости от тебя; будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы им; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль пребывает во вражде, это является ложным воззрением.

13. И точно так же, Лохичча, кто сказал бы: "Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого?" – тот, говоря так, наносил бы ущерб тем людям из славных семейств, которые, благодаря провозглашенной Блаженным дхамме и должному поведению, достигают великого отличия, – испытывают плод вступления в поток, испытывают плод однократного возвращения в этот мир, испытывают плод невозвращения в этот мир, испытывают архатство, – и которые дают созреть этим небесным зародышам для возрождения в небесных существованиях. Будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы им; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль

пребывает во вражде, это является ложным воззрением. При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей – возрождение в аду или в образе животного.

14. Итак, Лохичча, кто сказал бы: "Царь Пасенади из Косалы обитает в Каси и Косале – пусть же царь Пасенади из Косалы один пользуется доходами, получаемыми от Каси у Косалы и не делится с другими!" – тот, говоря так, наносил бы ущерб живущим в зависимости от царя Пасенади из Косалы, – и тебе, и другим, будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы им; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль пребывает во вражде, это является ложным воззрением.

15. И точно так же, Лохичча, кто сказал бы: "Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого. Подобным же образом человек, разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть греховное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?" – тот, говоря так, наносил бы ущерб тем людям из славных семейств, которые, благодаря провозглашенной Блаженным дхамме и должному поведению, достигают великого отличия, – испытывают плод вступления в поток, испытывают плод однократного возвращения в этот мир, испытывают плод невозвращения в этот мир, испытывают архатство, – и которые дают созреть этим небесным зародышам для возрождения в небесных существованиях. Будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы им; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль пребывает во вражде, это является ложным воззрением. При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей – возрождение в аду или в образе животного.

16. Есть, Лохичча, три вида учителей, которые подлежат порицанию в мире, и кто порицает подобных учителей, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно. Каковы же эти три вида? Вот, Лохичча, какой-нибудь учитель не достигнет своей цели отшельничества – цели, ради которой он, оставив дом, странствует бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, он наставляет учеников в истине: "Это к вашей пользе, это к вашему счастью". И эти ученики не слушают его, не склоняют к нему слуха, не приемлют мыслью это знание, отвращаются от наставления учителя. Его следует порицать так: "Достопочтенный! Ты не достиг своей цели отшельничества – цели, ради которой, оставив дом, странствуешь бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, ты наставляешь учеников в истине: "Это к вашей пользе, это к вашему счастью". И эти ученики не слушают тебя, не склоняют к тебе слуха, не приемлют мыслью это знание, отвращаются от наставления учителя. Подобным же образом мужчина мог бы стремиться к избегающей его или обнимать отворачивающуюся. И вот я говорю, что свершение этого есть греховное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?"

Таков, Лохичча, первый вид учителей, который подлежит порицанию в мире, и кто порицает подобного учителя, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно.

17. И далее, Лохичча, вот какой-нибудь учитель не достигает своей цели отшельничества – цели, ради которой он, оставив дом, странствует бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, он наставляет учеников в истине: "Это к вашей пользе, это к вашему счастью". И эти ученики слушают его, склоняют к нему слух, приемлют мыслью это знание и не отвращаются от наставления учителя. Его следует порицать так: "Достопочтенный! Ты не достиг своей цели отшельничества – цели, ради которой, оставив дом, странствуешь бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, ты наставляешь учеников в истине: "Это к вашей пользе, это к вашему счастью". И эти ученики слушают тебя, склоняют к тебе слух, приемлют мыслью это знание и не отвращаются от наставления учителя. Подобным же образом человек, оставив свое поле, решил бы, что надо очищать чужое поле. И вот я говорю, что свершение этого есть греховное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?"

Таков, Лохичча, второй вид учителей, который подлежит порицанию в мире, и кто порицает подобного учителя, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно.

18. И далее, Лохичча, вот какой-нибудь учитель достигает своей цели отшельничества – цели, ради которой он, оставив дом, странствует бездомным. И достигнув этой цели отшельничества, он наставляет учеников в истине: "Это к вашей пользе, это к вашему счастью". И эти ученики не слушают его, не склоняют к нему слуха, не приемлют мыслью это знание и отвращаются от наставления учителя. Его следует порицать так: "Достопочтенный! Ты достиг своей цели отшельничества – цели, ради которой, оставив дом, странствуешь бездомным. И достигнув этой цели отшельничества, ты наставляешь учеников в истине: "Это к вашей пользе, это к вашему счастью". И эти ученики не слушают тебя, не склоняют к тебе слуха, не приемлют мыслью это знание и отвращаются от наставления учителя. Подобным же образом человек, разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть греховное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?"

Таков, Лохичча, третий вид учителей, который подлежит порицанию в мире, и кто порицает подобного учителя, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно.

Таковы, Лохичча, три вида учителей, которые подлежат порицанию в мире, и кто порицает подобных учителей, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно".

19. Когда так было сказано, брахман Лохичча сказал Блаженному: "Есть ли, почтенный Готама, какой-либо учитель, который не подлежит порицанию в мире?"

– "Есть, Лохичча, учитель, который не подлежит порицанию в мире".

– "Каков же, почтенный Готама, этот учитель, который не подлежит порицанию в мире?"

– "Вот, Лохичча, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: "Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Лохичча, монах предан нравственности. Вот, Лохичча, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовонии, запасы лакомства – он избегает собирать и

использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабане, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревьях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса,

жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечах, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, лечя детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Лохичча, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, Лохичча, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, Лохичча, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, Лохичча, бывает

монах, наделенный нравственностью.

Как же, Лохичча, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Лохичча, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутренне счастье. Таким, Лохичча, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, Лохичча, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Лохичча, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, Лохичча, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Лохичча, монах удовлетворен? Вот, Лохичча, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, Лохичча, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, великий царь, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, Лохичча, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Лохичча, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Лохичча, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не

была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Лохичча, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Лохичча, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Лохичча, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставит позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Лохичча, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Лохичча, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, Лохичча, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

И вот, Лохичча, когда у учителя ученик достигает столь великого отличия, то этот учитель, Лохичча, и не подлежит порицанию в мире. И кто порицает подобного учителя, порицание того неправильно, не согласно с истиной, достойно упрека.

И далее, Лохичча, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, Лохичча, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Лохичча, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, Лохичча, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми

лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, великий царь, и монах обливает, обливает, заливают, переполняют, пропитывают это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Лохичча, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

Подобно тому, Лохичча, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, Лохичча, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

И вот, Лохичча, когда у учителя ученик достигает столь великого отличия, то этот учитель, Лохичча, и не подлежит порицанию в мире. И кто порицает подобного учителя, порицание того неправильно, не согласно с истиной, достойно упрека.

62. Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Подобно тому, Лохичча, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Их этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, Лохичча, как человек, извлекая тростинку из влаги мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, Лохичча, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, великий царь, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытаскана из кожи" – так же точно, Лохичча, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами,

возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, Лохичча, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, Лохичча, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, Лохичча, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, Лохичча, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так со сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, Лохичча, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – так же точно, Лохичча, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль, он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, Лохичча, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.

Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.

Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.

Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.

Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.

Собранную мысль он постигает как собранную мысль.

Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.

Великую мысль он постигает как великую мысль.

Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.

Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.

Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.

Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.

Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.

Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.

Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, Лохичча, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревни в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, Лохичча, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, Лохичча, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди

входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, Лохичча, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Подобно тому, Лохичча, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного, спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб,двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

И вот, Лохичча, когда у учителя ученик достигает столь великого отличия, то этот учитель, Лохичча, и не подлежит порицанию в мире. И кто порицает подобного учителя, порицание того неправильно, не согласно с истиной, достойно упрека".

78. Когда так было сказано, брахман Лохичча сказал Блаженному:

– "Подобно тому, почтенный Готама, как человек, схватив за волосы человека, падающего соскалы в пропасть, поднял бы его и поставил на твердую землю, также точно и я, падающий со скалы в пропасть, поднял досточтимый Готамой и поставлен на твердую землю. Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, – так же точно досточтимый Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот я иду как к прибежищу к Блаженному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище".

Окончена двенадцатая Лохичча сутта

(Перевод с пали А. Я. Сыркина)

1. Вот что я слышал. Однажды Блаженный, двигаясь по Косале – с большой толпой монахов, пятьюстами монахов, прибыл в брахманское селение в Косале, по имени Манасаката. И там в Манасакате Блаженный остановился в манговой роще у реки Ачиравати к северу от Манасакаты.

2. И в это самое время множество весьма знатных, богатых брахманов обитало в Манасакате, а именно: брахман Чанки, брахман Таруккха, брахман Поккхарасади, брахман Джануссоны, брахман Тодейя и другие весьма знатные, богатые брахманы.

3. И вот между Васеттхой и Бхарадваджей, совершавшими прогулку и пребывавшими в размышлении, возникла беседа о правильном пути и должном пути.

4. Юный Васеттха сказал так: "Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади".

5. Юный Бхарадваджа сказал так: "Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха".

6. И вот ни юный Васеттха не мог убедить юного Бхарадваджу, ни юный Бхарадваджа не мог убедить юного Васеттху.

7. И тогда юный Васеттха обратился к юному Бхарадвадже: "Бхарадваджа! Этот отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, странствуя, остановился в Манасакате, в манговой роще у реки Ачиравати, к северу от Манасакаты. И вот о нем, достопочтенном Готаме, идет такая добрая слава: "Он – Блаженный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный". Пойдем же, почтенный Бхарадваджа, приблизимся к отшельнику Готаме и, приблизившись, спросим отшельника Готаму об этом деле. Как отшельник Готама ответит нам, так мы и будем считать".

– "Хорошо, почтенный", – согласился юный Бхарадваджа с юным Васеттхой.

8. И вот юные Васеттха и Бхарадваджа приблизились к Блаженному. Приблизившись, они обменялись с Блаженным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в стороне. И сидя в стороне, юный Васеттха так сказал Блаженному:

– "Вот, почтенный Готама, у нас, совершавших прогулку и пребывавших в размышлении, возникла беседа о правильном пути и ложном пути. Я говорю так: "Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади". Юный Бхарадваджа сказал так: "Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха". Тут, почтенный Готама, и возникло пререкание, возник спор, возникло разногласие".

9. – "Итак, Васеттха, ты говоришь так: "Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади". А юный Бхарадваджа сказал так: "Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха". В чем же у вас, Васеттха, пререкание, в чем спор, в чем разногласие?"

10. – "В суждении о правильном пути и ложном пути, почтенный Готама. Ведь разные брахманы, почтенный Готама, – брахманы Аддхария, брахманы Титтирия, брахманы Чхандока, брахманы Чхандова, брахманы Брахмачария – учат различным путям, и вот являются ли все эти пути избавлением и выводят ли следующего по ним к соединению с Брахмой? Подобно тому, почтенный Готама, как недалеко от селения или торгового поселка бывает много различных путей и все они встречаются вместе в селении, точно так же, почтенный Готама, и разные брахманы – брахманы Аддхария, брахманы Титтирия, брахманы Чхандока, брахманы Чхандова, брахманы Брахмачария – учат различным путям, и вот являются ли все эти пути избавлением и выводят ли следующего по ним к соединению с Брахмой?"

11. – "Ты говоришь: "выводят ли?" – Васеттха?"

– "Я говорю "выводят ли?" – почтенный Готама".

– "Ты говоришь: "выводят ли?" – Васеттха?"

– "Я говорю "выводят ли?" – почтенный Готама".

– "Ты говоришь: "выводят ли?" – Васеттха?"

– "Я говорю "выводят ли?" – почтенный Готама".

12. – "Как же, Васеттха? Есть ли среди брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один, который бы воочию видел Брахму?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

– "Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один наставник, который бы воочию видел Брахму?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

– "Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один наставник наставников, который бы воочию видел Брахму?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

– "Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, кто-нибудь, вплоть до седьмого поколения наставников, который бы воочию видел Брахму?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

13. – "Как же, Васеттха? Те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, – говорили ли они так: "Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма"?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

14. Итак, Васеттха, нет среди брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного наставника, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного наставника наставников, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, кого-нибудь, вплоть до седьмого поколения наставников, который бы воочию видел Брахму. Итак и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, – они не говорили так: "Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма". Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: "Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой".

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?"

– "Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными".

15. – "Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: "Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой". А такого быть не может. Подобно тому, Васеттха, как в веренице слепых, держащихся друг за друга, ни первый не видит, ни средний не видит, ни последний не видит, точно так же, Васеттха, и в словах брахманов, сведущих в трех ведах, как в веренице слепых, ни первый не видит, ни средний не видит, ни последний не видит. И слова этих брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются смешными, оказываются болтовней, оказываются тщетными, оказываются пустыми.

16. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Видят ли брахманы, сведущие в трех ведах, луну и солнце, как и многие другие люди; молятся ли они и возносят ли хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце?"

– "Да, почтенный Готама. Брахманы, сведущие в трех ведах, как и многие другие люди, видят луну и солнце; они молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце".

17. – "Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Брахманы, сведущие в трех ведах, которые, как и многие другие люди, видят луну и солнце, молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце, – могут ли они проповедовать путь к соединению с луной и солнцем: "Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с луной и солнцем".

– "Конечно нет, почтенный Готама".

18. – "Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, которые, как и многие другие люди, видят луну и солнце, молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце, – они не могут проповедовать путь к соединению с луной и

солнцем: "Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с луной и солнцем". Итак, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, – они не говорили так: "Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма". Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: "Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой".

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?"

– "Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: "Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой". А такого быть не может.

19. Ведь подобным же образом, Васеттха, мужчина мог бы сказать: "Я желаю, я люблю самую прекрасную женщину в этой стране". Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, – кто эта самая прекрасная женщина в стране: кшатрийка, брахманка, вайшийка или шудрянка? – И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, – каково имя этой самой прекрасной женщины в стране, каков род, высокого она роста, низкого или среднего, темная у нее кожа, черная или золотистая, в каком селении, торговом поселке или городе она живет?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, не желаешь ли ты и любишь ту, которой не знаешь и не видишь?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что это так.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?"

– "Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными".

20. – "Так же точно, Васеттха, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, – они не говорили так: "Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма". Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: "Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой".

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?"

– "Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: "Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой". А такого быть не может.

21. Ведь подобным же образом, Васеттха, мужчина мог бы соорудить на перекрестке лестницу, чтобы подняться на террасу дома. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, знаешь ли ты ту террасу, для подъема на которую сооружаешь лестницу, – расположена ли эта терраса с восточной стороны, с западной стороны, с северной стороны или с южной стороны; высокая ли она, низкая или средняя?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что не знает. Ему сказали бы на это: "Эй, мужчина, не сооружаешь ли ты лестницу, чтобы подняться на террасу, которой не знаешь и не видишь?" – И будучи спрошен, он сказал бы, что это так.

Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?"

– "Несомненно, господин, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными".

22. – "Так же точно, Васеттха, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Весамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты – древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить некогда произнесенное, продолжая изрекать изреченное, – они не говорили так: "Мы знаем, мы видим, откуда Брахма и где Брахма, и куда направляется Брахма". Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: "Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой".

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?"

– "Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными".

23. "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: "Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой". А такого быть не может.

24. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящейся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И, стоя на этом берегу, он стал бы вызывать к другому берегу: "Иди сюда, другой берег, иди сюда, другой берег!" Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы другой берег реки Ачиравати ради зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости этого человека перейти на этот берег?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

25. – "Так же точно, Васеттха, и брахманы, сведущие в трех ведах, пребывая в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывая в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, говорят так: "Мы взываем к Инде, взываем к Моме, взываем к Варуне, взываем к Махидджи, взываем к Яме!" Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, – ради своего зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости, они надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

26. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящейся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И, стоя на этом берегу, он стал бы вызывать к другому берегу: "Иди сюда, другой берег, иди сюда, другой берег!" Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы другой берег реки Ачиравати ради зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости этого человека перейти на этот берег?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

27. – "Так же точно, Васеттха, эти пять признаков чувственности и зовутся путами, и зовутся оковами в учении о должном поведении праведника. Каковы же эти пять? Образы, воспринимаемые глазом, – желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; звуки, воспринимаемые ухом, – желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; запахи, воспринимаемые носом, – желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; вкусы, воспринимаемые языком, – желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; прикосновения, воспринимаемые телом, – желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. Эти пять признаков чувственности, Васеттха, и зовутся путами, и зовутся оковами в учении о должном поведении праведника. Этим пяти признакам чувственности, Васеттха, и предаются брахманы, сведущие в трех ведах, будучи опутаны, одурманены, охвачены ими, не видя их зла, не постигая их преодоления.

28. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, – предаваясь пяти признакам чувственности, будучи опутаны, одурманены, охвачены ими, не видя их зла, не постигая их преодоления, связанные узами чувственности, они надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

29. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящейся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И, стоя на этом берегу, он стал бы вызывать к другому берегу: "Иди сюда, другой берег, иди сюда, другой берег!" Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы другой берег реки Ачиравати ради зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости

этого человека перейти на этот берег?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

30. – "Так же точно, Васеттха, эти пять преград и зовутся заграждающими, и зовутся преграждающими, и зовутся закрывающими, и зовутся покрывающими в учении о должном поведении праведника. Каковы же эти пять? Преграда чувственного возбуждения, преграда злонамеренности, преграда косности, преграда беспокойства и терзаний, преграда сомнения. Эти пять преград, Васеттха, и зовутся заграждающими, и зовутся преграждающими, и зовутся закрывающими, и зовутся покрывающими в учении о должном поведении праведника. Этими пятью преградами, Васеттха, заграждены, ограждены, закрыты, покрыты брахманы, сведущие в трех ведах. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, – будучи заграждены, ограждены, закрыты, покрыты пятью преградами, они надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

31. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников /твоих/ наставников? Обладает ли Брахман имуществом или не обладает имуществом?"

– "Не обладает имуществом, почтенный Готама".

– "Враждебен ли он в мыслях или не враждебен в мыслях?"

– "Не враждебен в мыслях, почтенный Готама".

– "Злонамерен ли он в мыслях или не злонамерен в мыслях?"

– "Не злонамерен в мыслях, почтенный Готама".

– "Осквернен ли он в мыслях или не осквернен в мыслях?"

– "Не осквернен в мыслях, почтенный Готама".

– "Владеет ли он собой или не владеет собой?"

– "Владеет собой, почтенный Готама".

32. – "Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Обладают ли брахманы, сведущие в трех ведах, имуществом или не обладают имуществом?"

– "Обладают имуществом, почтенный Готама".

– "Враждебны ли они в мыслях или не враждебны в мыслях?"

– "Враждебны в мыслях, почтенный Готама".

– "Злонамерены ли они в мыслях или не злонамерены в мыслях?"

– "Злонамерены в мыслях, почтенный Готама".

– "Осквернены ли они в мыслях или не осквернены в мыслях?"

– "Осквернены в мыслях, почтенный Готама".

– "Владеют ли они собой или не владеют собой?"

– "Не владеют собой, почтенный Готама".

33. – "Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, обладают имуществом – Брахма не обладает имуществом. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, обладающие имуществом, встретиться и сойтись с Брахмой, не обладающим имуществом?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

34. – "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, обладают имуществом и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не обладающим имуществом. А такого быть не может.

35. Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, враждебны в мыслях – Брахма не враждебен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, враждебные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не враждебным в мыслях?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, враждебны в мыслях и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не враждебным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренны в мыслях – Брахма не злонамерен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не злонамеренным в мыслях?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренны в мыслях и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не злонамеренным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, осквернены в мыслях – Брахма не осквернен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, оскверненные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не оскверненным в мыслях?"

– "Конечно нет, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, осквернены в мыслях, и надеются,

что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не оскверненным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, не владеют собой – Брахма владеет собой. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, не владеющие собой, встретиться и сойтись с Брахмой, владеющим собой?" – "Конечно нет, почтенный Готама".

36. – "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, не владеют собой и надеются, что с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, владеющим собой. А такого быть не может. И право же, приближаясь к нему, брахманы, сведущие в трех ведах, низвергаются; будучи низвергнуты, они достигают горести, и, я бы сказал, пересекают высохшую переправу. Поэтому знание трех вед у брахманов, сведущих в трех ведах, зовется бесплодной пустыней, знание трех вед зовется чащей, знание трех вед зовется погибелью".

37. Когда так было сказано, юный Васеттха так сказал Блаженному: "Я слышал, почтенный Готама, что отшельник Готама знает путь к соединению с Брахмой".

– "Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Ведь Манасаката близка отсюда, Манасаката недалеко отсюда?"

– "Да, почтенный Готама, Манасаката близка отсюда, Манасаката недалеко отсюда".

– "Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Вот человек родился бы и вырос в Манасакаате. И его, вышедшего из Манасакааты, спросили бы о пути в Манасакаату. Возникли ли бы, Васеттха, у этого человека, родившегося и выросшего в Манасакаате и спрошенного о пути в Манасакаату, неуверенность или замешательство?"

– "Конечно нет, почтенный Готама. Отчего же? Ведь этот человек, почтенный Готама, родился и вырос в Манасакаате, и ему хорошо известны все пути в Манасакаату".

38. – "И все же, Васеттха, скорее у этого человека, родившегося и выросшего в Манасакаате и спрошенного о пути в Манасакаату, могли бы возникнуть неуверенность или замешательство, чем у Татхагаты, спрошенного о мире Брахмы или о пути, ведущем в мир Брахмы, возникли бы неуверенность или замешательство. И я, Васеттха, знаю Брахму, и мир Брахмы, и путь, ведущий в мир Брахмы, и знаю, как следовать этим путем, чтобы достичь мира Брахмы".

39. Когда так было сказано, юный Васеттха сказал Блаженному: "Я слышал, почтенный Готама, что отшельник Готама разъясняет путь к соединению с Брахмой. Хорошо, если достопочтенный Готама разъяснит нам путь к соединению с Брахмой, если достопочтенный Готама вознесет Брахманское потомство".

– "В таком случае, Васеттха, слушай и тщательно внимай /тому, что/ я скажу".

– "Хорошо, почтенный", – согласился с Блаженным юный Васеттха, блаженный сказал так:

40. – "Вот, Васеттха, в мир приходит Татхагата – архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Блаженный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину – превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце, – в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии.

Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе.

Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И наделенный этой обретенной им верой, он размышляет:

"Жизнь в доме стеснительна, это путь нечистоты, странничество же – как чистый воздух. Нелегко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния, и, оставив дом, странствовать бездомным". И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одеяния, и, оставив дом, странствует бездомным.

Так, будучи странником, он живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельников, придерживаясь должного поведения видя опасность в мельчайших поступках, обязуется следовать заповедям и упражняется в их исполнении, наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

Как же, Васеттха, монах предан нравственности. Вот, Васеттха, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, берущий лишь то, что дано, желающий лишь то, что дано, он пребывает чистый сердцем, же зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманет людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного, чтобы не вызывать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте,

чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая безгрешна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимает пищу раз в день и воздерживается от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото или серебро. Он избегает принимать неприготовленное в пищу зерно. Он избегает принимать женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанности вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени – он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать подобным образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомства – он избегает собирать и использовать подобным образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать подобным образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступления царских певцов, игру на барабане, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу коз, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, – он избегает посещать подобным образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться подобным образом игре в кости, и легкомыслию, – а именно: играм "восемь полей", "десять полей", "пространство", "окружной путь", сантика, кхалика, "сучок", "рука-кисточка", играм с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, играм с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, – он избегает предаваться подобным образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем, – а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображением животных на его подпорках, пышным руном, пестрым стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным одеялом с изображением зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой по одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесниц, покрывалом для кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахинном, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах – он избегает пользоваться подобным образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься подобным образом украшениями и нарядами, а именно: угощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечем, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, – он избегает заниматься подобным образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают

подобным образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговором об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, – он избегает подобным образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают подобным образом в склонности к пререканиям, – а именно: "Ты не знаешь дхармы и должного поведения, – я знаю дхарму и должное поведение!", "Как ты узнаешь дхарму и должное поведение?", "Ты следуешь ложным путем – я следую истинным путем!", "Я последователен – ты непоследователен!", "Ты сказал в конце то, что следовало сказать вначале, и сказал вначале то, что следовало сказать в конце!", "/Мысль/ у тебя не продумана и превратна!", "Твоя речь опровергнута, ты побежден!", "Оставь эту речь или разъясни, если можешь!" – он избегает подобным образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять подобным образом обязанность вестника или посыльного, а именно, у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, передавая: "иди сюда", "иди туда", "возьми это", "неси это туда", – он избегает исполнять подобным образом обязанности вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками и болтунами, и прорицателями и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, – он избегает подобным образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами одежды, созерцая жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение краской пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, используя знания частей тела, знания строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимания языка животных, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: истолковывая знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечях, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет выступление царя /в поход/, не будет выступления царя, – будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя, – будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя, – будет победа здешнего царя, – будет победа одного, будет поражение другого – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет затмение Луны, будет затмение Солнца, будет затмение звезд, будет движение Луны и Солнца по своему обычному пути, будет движение Луны и Солнца по необычному пути, будет движение звезд по своему обычному пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение Луны, Солнца, звезд; предсказывая, что таков будет результат затмения Луны, что таков будет результат затмения Солнца, что таков будет результат затмения звезд, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему обычному пути, что таков будет результат движения Луны и Солнца по своему необычному пути, таков будет результат движения звезд по своему обычному пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоров, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения Луны, Солнца, звезд – он избегает подобным образом низменных знаний и несправедной

жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью – а именно: предсказывая, что будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; считая по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: устанавливая благоприятное время для введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая колдовством счастья, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало о будущем, вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая Солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают подобным образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; совершая ритуальное полоскание рта, омовение жертвоприношению; предписывая рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умачивание; бывая глазами врачами, хирургами, леча детей, добывая целебные корни, освобождая от ставшего ненужным лекарства, – он избегает подобным образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

И вот, Васеттха, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, Васеттха, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей – так же точно, великий царь, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, Васеттха, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, Васеттха, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, Васеттха, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания.

Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, греховные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях он испытывает неуязвимое внутреннее счастье. Таким, великий царь, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

Как же, Васеттха, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, Васеттха, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует, когда носит ткань, сосуд для подаяния и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, Васеттха, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

Как же, Васеттха, монах удовлетворен? Вот, Васеттха, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправился, он отправляется, беря с собой все свое добро. Подобно тому, Васеттха, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, Васеттха, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой все свое добро. Таким, Васеттха, бывает удовлетворенный монах.

Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, и наделенный этой праведной воздержанностью и жизненными силами, и наделенный этой праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью он удаляется в уединенную обитель – в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит там после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободным сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от греха злонамеренности, он пребывает свободным мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности, отказавшись от косности, он пребывает свободным от косности, ощущая в себе способность ясного воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободным от беспокойства, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения; лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: "Вот, прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человека постигнет недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем он освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: "Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек будет заключен в темницу, и со временем освободиться от этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: "Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заключения здоровым и невредимым, и нечего не потерял из имущества", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочет, и со временем освободиться от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: "Вот прежде я, был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим право идти куда хочу, теперь же я освободился от рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочу", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Подобно тому, Васеттха, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здоровым достигнет края деревни и сможет сказать себе: "Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и в страхе, и теперь же, оставил позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здоровым достиг края деревни", – он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

Так же точно, Васеттха, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, Васеттха, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, Васеттха, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся от заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившись телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в мыслях. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, – связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливают, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Подобно тому, Васеттха, как искусный банщик, или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой станет обливать его так, что получится мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий ее,

так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Васеттха, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания – несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующий радость и счастье – и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Подобно тому, Васеттха, как озеро, питаемое водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, – но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, питают его озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, Васеттха, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Васеттха, монах отвращается от радости и пребывает в уравниловке; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которые достойные описывают: "уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье", он достигает третьей ступени созерцания и пребывает в ней. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Подобно тому, Васеттха, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты водой, целиком погружены в воду, питаются ею, они от кончиков до корней облиты, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так точно, Васеттха, и монах обливает, обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

И далее, Васеттха, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания – лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравниловкой и способностью самосознания и пребывает в ней. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

Подобно тому, Васеттха, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, Васеттха, и монах сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Подобно тому, Васеттха, как если драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – продета нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить – и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: "Вот драгоценный камень велурия – прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, чистый, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, – и в него продета эта нить – синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая" – так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и вращает мысль к совершенному видению. Он постигает: "Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, представляет

собой скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание".

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Их этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях

Подобно тому, Васеттха, как человек, извлекая тростинку из влагилица мунджи, может сказать себе: "Вот мунджа, вот – тростинка, одно – мунджа, другое – тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи", или же подобно тому, Васеттха, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: "Вот – меч, вот – ножны, одно – меч, другое – ножны. Но ведь меч извлечен из ножен", или же подобно тому, Васеттха, как человек, вытаскивая змею из сбрасываемой ею кожи, может сказать себе: "Вот – змея, вот – кожа, одно – змея, другое – кожа, но ведь змея вытаскана из кожи" – так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого своего тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, возвышенной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он направляет и обращает мысли к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – эти столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Подобно тому, Васеттха, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, Васеттха, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, Васеттха, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота сосуд, какой пожелает, – так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – направляет и обращает мысль к разным видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается из нее, словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает Солнце и Луну – это столь великие, столь чудесные светила; своим телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Подобно тому, Васеттха, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: "Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга", – также точно, великий царь, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба вида звуков – и божественные и человеческие, далекие и близкие.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так, с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – он направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.

Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.
Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.
Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.
Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.
Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.
Собранную мысль он постигает как собранную мысль.
Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.
Великую мысль, он постигает как великую мысль.
Невеликую мысль, он постигает как невеликую мысль.
Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.
Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.
Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.
Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.
Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.
Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Подобно тому, Васеттха, как женщина или мужчина, или юноша, молодой и любящий наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что на нем пятнышко, когда на нем есть пятнышко, или узнать, что на нем нет пятнышка, когда на нем нет пятнышка, так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердце других существ, других личностей, он постигает их.

Наделенную страстью мысль он постигает как наделенную страстью мысль.
Свободную от страсти мысль он постигает как свободную от страсти мысль.
Наделенную ненавистью мысль он постигает как наделенную ненавистью мысль.
Свободную от ненависти мысль он постигает как свободную от ненависти мысль.
Наделенную заблуждением мысль он постигает как наделенную заблуждением мысль.
Свободную от заблуждения мысль он постигает как свободную от заблуждения мысль.
Собранную мысль он постигает как собранную мысль.
Несобранную мысль он постигает как несобранную мысль.
Великую мысль он постигает как великую мысль.
Невеликую мысль он постигает как невеликую мысль.
Превзойденную мысль он постигает как превзойденную мысль.
Непревзойденную мысль он постигает как непревзойденную мысль.
Сосредоточенную мысль он постигает как сосредоточенную мысль.
Не сосредоточенную мысль он постигает как не сосредоточенную мысль.
Освобожденную мысль он постигает как освобожденную мысль.
Не освобожденную мысль он постигает как не освобожденную мысль.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, он и обращает и направляет мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысячи рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Подобно тому, Васеттха, как если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: "Вот я пришел из своей деревне в другую деревню – там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни пришел в ту деревню – и там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, – а из этой деревни возвратился в свою деревню" – так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, основанную на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних существованиях, а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в

десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотни тысяч рождений, во многих периодах свертывания мира, во многих периодах развертывания мира, во многих периодах развертывания и свертывания мира: "Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, достиг такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь" – так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних существованиях.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию, о том, как существа оставляют свою жизнь и вновь рождаются. Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Подобно тому, Васеттха, как если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: "Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка", – так же точно, Васеттха, и монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Очищенный божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: "Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, аду. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, проистекающими из истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире". – Так, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, Васеттха, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

Так с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой, – он обращает и направляет мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

Подобно тому, Васеттха, как если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного спокойного, незамутненного, видит устриц и раковин, песок и гальку, стаи рыб,двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: "Вот это озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются", – так же точно, Васеттха, и

монах с сосредоточенной мыслью – чистой, ясной, незапятнанной, лишенной нечистоты, гибкой, готовой к действию, стойкой, непоколебимой – направляет и обращает мысль к знанию об уничтожении греховных свойств. Он постигает в согласии с истиной: "Это страдание", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение страдания", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению страдания", постигает в согласии с истиной: "Это греховные свойства", постигает в согласии с истиной: "Это возникновение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это уничтожение греховных свойств", постигает в согласии с истиной: "Это путь, ведущий к уничтожению греховных свойств". У него, знающего так, видящего так, мысль освобождается от греховного свойства чувственности, мысль освобождается от греховного свойства повторного существования, мысль освобождается от греховного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: "Уничтожено вторичное рождение, исполнен обет целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием".

76. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

77. Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в дружелюбии, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

78. И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Подобно тому, Васеттха, как силач трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в сострадании, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в удовлетворенности, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну страну света, затем вторую, затем третью, затем четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, не враждебным, не злонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

79. Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех стран света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в уравновешенности, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Пребывающий в таком состоянии монах обладает имуществом или не обладает имуществом?"

– "Не обладает имуществом, почтенный Готама".

– "Враждебен ли он в мыслях или не враждебен в мыслях?"

– "Не враждебен в мыслях, почтенный Готама".

– "Злонамерен ли он в мыслях или не злонамерен в мыслях?"

– "Не злонамерен в мыслях, почтенный Готама".

– "Осквернен ли он в мыслях или не осквернен в мыслях?"

– "Не осквернен в мыслях, почтенный Готама".

– "Владеет ли он собой или не владеет собой?"

– "Владеет собой, почтенный Готама".

81. – "Итак, Васеттха, монах не обладает имуществом, и Брахма не обладает имуществом. Может ли монах, не обладающий имуществом, встретиться и сойтись с Брахмой, не обладающим имуществом?"

– "Да, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, обладающий имуществом, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не враждебен в мыслях, и Брахма не враждебен в мыслях. Может ли монах, не враждебный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не враждебным в мыслях?"

– "Да, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не враждебный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не враждебным в мыслях. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не злонамерен в мыслях, и Брахма не злонамерен в мыслях. Может ли монах, не злонамеренный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не злонамеренным в мыслях?"

– "Да, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не злонамеренный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не злонамеренным в мыслях. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не осквернен в мыслях, и Брахма не осквернен в мыслях. Может ли монах, не оскверненный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не оскверненным в мыслях?"

– "Да, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не оскверненный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не оскверненным в мыслях. – И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах владеет собой, и Брахма владеет собой. Может ли монах, владеющий собой, встретиться и сойтись с Брахмой, владеющим собой?"

– "Да, почтенный Готама".

– "Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, владеющий собой, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, владеющим собой. – И такое может быть".

82. Когда так было сказано, юные Васеттха и Бхарадваджа сказали Блаженному:

– "Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, – так же точно досточтимый Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот мы идем как к прибежищу к Блаженному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет нас как преданных мирян, отныне и на всю жизнь нашедших здесь убежище".

Окончена тринадцатая Тевиджджа сутта.

Окончена Силаккхандавагга.

Брахмаджала и Самання, Амбаттха, Санадандака, Кутаданта и Махали, Джалия, Сиханадака, Поттхапада, затем – о юном Субхе, и еще Кеваддха, Лохичча и Тевиджджа – итого здесь тринадцать сутт.

Дигха Никая 16

Махапариниббана сутта

Великое Окончательное Освобождение

Перевод с английского Ешея Дорже по переводу с пали сестры Ваджиры и Френсиса Стори

Редакция на основе палийского оригинала Д. А. Ивахненко

Введение

От переводчика

Глава 1

Брахман Вассакара

Условия благоденствия нации

Условия благоденствия монахов

Львиный рык Сарипутты

Недостатки безнравственности

Польза нравственности

Строительство города Паталипутты

Глава 2

Благородные истины

Те, кому предначертано невозвращение и Пробуждение

Зеркало Дхаммы

Наложница Амбапали

Сезон дождей в Велувагаме

Глава 3

Намёк и подсказка

Просьба Мары

Отречение от поддержания жизни

Большое землетрясение

Восемь видов собраний

Восемь областей мастерства

Восемь освобождений
Просьба Ананды
Глава 4
Слоновий взор
Четыре великих отношения
Чунда-кузнец
Принесение воды
Пуккуса из рода Маллов
Глава 5
Саловые деревья-близнецы
Старейшина Упавана
Четыре места почитания и благоговения
Вопросы Ананды
Личности, достойные ступы
Чудесные качества Ананды
Рассказ о Маха Судассане
Почитание Маллами
Странствующий отшельник Субхадда
Глава 6
Последнее слово Татхагаты
Окончательное Освобождение
Почести останкам Пробудившегося
Старейшина Маха Кассапа
Разделение останков на части
Почести ступам с частями останков
Комментарии

Введение

Из тридцати четырех бесед (санскр. – "сутра", пали – "сутта"), которые составляют Дигха Никаю (Собрание Длинных Бесед), эта, шестнадцатая, является самой длинной, и вместе с тем её важность пропорциональна длине текста.

Она сохраняет основную особенность буддийских сутт, поскольку она, подобно другим, является воспроизведением событий в том виде, как они были засвидетельствованы. Из-за её уникального содержания, она более чем любая другая сутта, способна не только воспроизвести впечатление на верующего буддиста, что она естественно делает, но также и привлечь общего читателя, так как это действительно прекрасный экземпляр священной литературы.

Она дает хорошее общее представление об Учении Будды, даже с учетом того, что она едва ли предлагает что-нибудь, что не найдено, зачастую в более обширном виде, в других суттах.

В конце своей жизни, после почти полувекового служения, Учитель уже давно поведал все, что было необходимо для достижения идеала. Поэтому, в течение последнего периода, его основной заботой было запечатлеть в своих последователях необходимость неустрашимого осуществления на практике тех же самых учений. Что могло, конечно, более чем когда-либо прежде, негативно отразиться на вдохновении учеников.

В действительности, Сангха собралась, чтобы присутствовать при самом большом событии в истории Учителя, и четко осознавала это, тем более, что Учитель объявил свою Париниббану за три месяца до нее. Поскольку он двигался к северу, монахи стекались к нему в больших количествах. И их впечатления не могли быть достаточно ярко отражены в устной передаче. (Как известно, первоначально Буддийский Канон был полностью устным). Из-за его специфической важности и распространенности, этот материал был вскоре объединен в одно целое. Так возникла эта сутра.

В связи с этим, невозможно не вспомнить с благодарностью почтенного Ананду, сыгравшего значительнейшую роль в сохранении слов Учителя. Его фигура просто неотделима от текстов, что проявляется в течение всего времени в Махапариниббана сутте, которая явно невообразима без него. Снова и снова обращается к Ананде Учитель, проверивший в течение двадцати пяти лет его уверенное понимание и блестящую память, и также его неутомимую преданность. Своими постоянными вопросами, заботами и изумлениями, Ананда, не претендуя на это, становится центральной фигурой около Учителя, что несомненно увеличивает привлекательность текста. Ананда, нежный и приятный, как и его имя, и все же почти в течение всего времени сносящий упреки братьев, был таким образом увековечен наряду с его любимым Учителем, равно как и наряду с его странным положением между похвалой и порицанием, учитывая мистическое значение третьей главы.

Третья глава почти исключительно посвящена отображению обстоятельств, связанных с оставлением жизни Учителем, что является драматической кульминацией событий. Она приводит метафизическое значение

Париниббаны, или по крайней мере пытается это сделать. Будда, не уступивший своей смертельной болезни, и при этом не уступивший оболоченьям Мары, самостоятельно оставил существование в должное время, так же как сорок пять лет тому назад, став полностью благословенным, он возложил на себя утомительную задачу обучения людей. Этот факт заставляет серьезно задуматься и приводит к заключению, что своей Париниббаной Будда в действительности преподнес последнее и наивысшее из возможных доказательств своего Учения, не допускающее никакой вялой склонности к самосохранению, но напротив доводящее до кульминационного подъема, завершающего все. Таким образом, из печальнейшего события в истории Буддизма, Париниббана Учителя, в своем истинном значении, превращается в действительно наиболее блистательное событие.

Сестра Ваджира
Цейлон, май 1961

От переводчика

В основу перевода этой замечательной сутры легли сразу несколько вариантов её изложения. Основным из них являлся английский перевод с пали, сделанный сестрой Ваджирой из Германии, под редакцией Фрэнсиса Стори изданный Буддийским Издательским Сообществом в 1998г. Однако вместе с тем использовались и фрагменты английского перевода Ньянапоника Тхеры, и фрагменты из имевшегося безымянного перевода на русский.

Следует отметить, что не смотря на то, что в основе всех исходных вариантов был текст сутры, взятый из Палийского канона, некоторые слова в данном переводе имеют санскритское происхождение, в виду его общепринятости. Некоторые термины специально не переводились во избежание потери многозначности их смысла. Также, в виду того, что использовавшиеся источники местами существенно различались по объему содержания и нумерации строф, то в виду стремления передать текст сутры во всей его полноте, нумерация строф в данном переводе не имеет полного соответствия с каким либо из источников.

От имени всех, кто содействовал мне в переводе и издании этой драгоценнейшей сутры, хотелось бы посвятить все приложенные нами усилия избавлению всех живых существ от пут неведения и обретению ими непревзойденного Благословения.

Дост. Ешей Дорже
Киев, ноябрь 2001

Глава 1

Так я слышал: Однажды Благословенный [1] обитал в Раджагахе, на холме, называемом Вершиной Коршуна. В это самое время царь Магадхи, Аджатакатту, сын царицы из рода Видехи, [2] замышлял напасть на Ваджжиян; говоря так: "Я искореню их, хотя они сильны и могущественны, я разрушу, я полностью уничтожу их".

И Аджатакатту, царь Магадхи, обратился к своему первому министру, брахману Вассакаре, со словами: "Соберись в путь, о брахман, пойди к Благословенному, склонись в почтении к ногам его, пожелай ему от моего имени здоровья, силы, процветания и блага. И скажи ты ему тогда, что Аджатакатту, сын царицы из рода Видехи, властитель Магадхи, задумал напасть на Ваджжиян. Он говорит: "Я искореню их, хотя они сильны и могущественны, я разрушу, я полностью уничтожу их". И крепко удержи в памяти все, что скажет Благословенный, и повтори мне потом. Ибо Татхагаты [3] никогда не говорят неправды".

Брахман Вассакара

Брахман Вассакара выслушал царские слова и сказал: "Да будет так!" И приказав запрячь большое число великолепных колесниц, он воссел на одну из них и направился к Вершине Коршуна; подъехав так близко, насколько позволяла дорога, и выйдя из колесницы, он пешком приблизился к тому месту, где пребывал Благословенный. Приблизившись к Благословенному, он обменялся с ним поклонами и дружелюбными приветствиями и сел почтительно в стороне. И сев в стороне он сказал Благословенному: "Вот как говорил мне царь: "Соберись в путь, о брахман, пойди к Благословенному, склонись в почтении к ногам его, пожелай ему от моего имени здоровья, силы, процветания и блага. И скажи ты ему тогда, что Аджатакатту, сын царицы из рода Видехи, властитель Магадхи, задумал напасть на Ваджжиян. Он говорит: "Я искореню их, хотя они сильны и могущественны, я разрушу, я полностью уничтожу их".

Условия благоденствия нации

В это время почтенный Ананда [4] стоял позади Благословенного, обмахивая его. И Благословенный сказал ему: "Слышал ли ты, Ананда, часто ли собираются Ваджжияне на общественные собрания и хорошо ли их собрания посещаемы?"

"Да, Господин, я слышал, что это так".

"Ананда, пока будут Ваджжияне собираться на общественные собрания и хорошо посещать их, до тех пор будут они не к упадку клониться, но преуспевать".

"Слышал ли ты, Ананда, проводят ли Ваджжияне свои собрания и беседы в мире и согласии?"

"Да, Господин, я слышал, что это так".

"Ананда, пока будут Ваджжияне проводить свои собрания и беседы в мире и согласии, до тех пор будут они не к упадку клониться, но преуспевать".

"Слышал ли ты, Ананда, не устанавливают ли Ваджжияне ничего неуставного, не отменяют ли ничего из установленного и действуют ли в полном согласии с древними уставами?"

"Да, Господин, я слышал, что это так".

"Ананда, пока Ваджжияне не устанавливают ничего неуставного, не отменяют ничего из установленного и действуют в полном согласии с древними уставами, до тех пор будут они не к упадку клониться, но преуспевать".

"Слышал ли ты, Ананда, чтут ли Ваджжияне старейшин, уважая, почитая, поддерживая и почтительно слушая их?"

"Да, Господин, я слышал, что это так".

"Ананда, пока Ваджжияне чтут старейшин, уважая, почитая, поддерживая и почтительно слушая их, до тех пор будут они не к упадку клониться, но преуспевать".

"Слышал ли ты, Ананда, избегают ли Ваджжияне заниматься похищением женщин и девушек из добрых семей и удерживать их насильно?"

"Да, Господин, я слышал, что это так".

"Ананда, пока Ваджжияне избегают заниматься похищением женщин и девушек из добрых семей и удерживать их насильно, до тех пор будут они не к упадку клониться, но преуспевать".

"Слышал ли ты, Ананда, оказывают ли Ваджжияне уважение и почести своим святыням в городах и поселках, и не лишают ли они их должных подношений, как это предписано обычаями?"

"Да, Господин, я слышал, что это так".

"Ананда, пока Ваджжияне оказывают уважение и почести своим святыням в городах и поселках, и не лишают их должных подношений, как это предписано обычаями, до тех пор будут они не к упадку клониться, но преуспевать".

"Слышал ли ты, Ананда, должным ли образом Ваджжияне охраняют и защищают архатов, так что архаты из других стран могут приходить в их страну, а уже пришедшие могут благоденствовать?"

"Да, Господин, я слышал, что это так".

"Ананда, пока Ваджжияне должным образом охраняют и защищают архатов, так что архаты из других стран могут спокойно приходить в их царство, а те кто желает, могут его спокойно покинуть, до тех пор будут они не к упадку клониться, но преуспевать".

Потом Благословенный обратился к брахману Вассакаре, и сказал: "Однажды, брахман, я пребывал в Весали, и там я поучал Ваджжиян этим семи условиям, ведущим к благоденствию нации [5]; и вот, доколе те условия будут существовать среди них, доколе они будут жить согласно тем правилам, доколе должно ожидать, что не к упадку они будут клониться, но преуспевать".

"Итак, мы должны ожидать не упадка, но преуспевания Ваджжиян", – сказал брахман, – "пока они обладают некоторыми из тех условий благополучия, и тем больше еще, если они обладают всеми семью условиями. Следовательно, не могут они быть побеждены царем Магадхи. Но теперь, Готама, нам надо удалиться: мы заняты и нам предстоят важные дела".

"Поступай, как сочтешь необходимым, о брахман", – ответил Благословенный. И брахман Вассакара, восхищенный и обрадованный словами Благословенного, поднялся с сидения и отправился в путь.

Условия благоденствия монахов

Вскоре после того, как он ушел, Благословенный обратился к почтенному Ананде и сказал ему: "Пойди теперь, Ананда, и собери в зал собраний тех монахов, которые живут в окрестности Раджагахи".

Так он и сделал, и возвратившись к Благословенному, известил его, сказавши: "Собрались монахи, о Господин, пусть поступит Благословенный, как почтет за должное".

Тогда Благословенный встал и пошел в зал собраний; и сев, обратился к монахам, говоря: "Я поучу вас, о монахи, семи условиям, ведущим к благоденствию. Послушайте со вниманием, вникните в слова мои".

"Да будет так, Господин"

"Доколе монахи часто собираются на общественные собрания и часто их посещают, доколе они встречаются в мире и согласии, и в согласии выполняют все правила Винаи [6],

доколе они не принимают установлений, которые не были даны, и не отпадают от того, что было установлено ранее, и действуют во всем согласно с правилами Винаи,

доколе они чтут, уважают, почитают и поддерживают старейшин, людей умудренных и опытных, отцов и руководителей общины, и внимательно слушают их,

доколе они не подчиняются той жажде, что возникая, вновь и вновь приводит к повторным существованиям,

доколе они радуются своей жизни в уединении,

доколе они развивают дух свой в доброжелательстве, дабы добрые и благочестивые могли приходить к ним и проживать среди них в отраде – доколе монахи могут ожидать не упадка, но преуспевания.

Истинно! Пока эти семь условий будут свято храниться среди монахов, пока они верно будут блюсти эти семь условий – до тех пор монахи могут ждать не упадка, но преуспевания.

Теперь о других семи условиях, ведущих к благоденствию, поучу я вас, о монахи. Послушайте внимательно, вникните в слова мои.

Пока монахи не развлекаются, не наслаждаются и не питают нежные чувства в своей деятельности,

во время разговора,

во время сна,

или в компании,

пока они не попадут под влияние неблагих желаний, не дадут им пристанище;

пока не будет у них плохих друзей, товарищей или компаньонов;

и до тех пор, пока они не будут останавливаться на полпути, обретя лишь незначительные плоды.

Пока эти семь условий будут свято храниться среди монахов, пока они верно будут блюсти эти семь условий – до тех пор монахи могут ждать не упадка, но преуспевания.

Другим семи условиям благоденствия [7] я поучу вас, о монахи. Послушайте внимательно, вникните в слова мои. Пока в монахах будет теплиться вера, пока будут они стыдиться и бояться неблаготворного поведения, будут искусны в обучении, непоколебимы, внимательны и мудры.

Пока эти семь условий будут свято храниться среди монахов, пока они верно будут блюсти эти семь условий – до тех пор монахи могут ждать не упадка, но преуспевания.

Другим семи условиям благоденствия я поучу вас, о монахи. Послушайте меня внимательно, вникните в слова мои.

Пока монахи возвращают семь факторов благословения, которые есть внимательность, различение состояний, подвижничество, вдохновение, безмятежная ясность, сосредоточенность, бесстрастие.

Пока эти семь условий будут свято храниться среди монахов, пока они верно будут блюсти эти семь условий – до тех пор монахи могут ждать не упадка, но преуспевания.

Другим семи условиям благоденствия я поучу вас, о монахи. Послушайте меня внимательно, вникните в слова мои.

Пока монахи возвращают такие семь избирательных распознаваний: распознавание непостоянства, безличности, непривлекательности тела, недостатков, отречения, бесстрастия и прекращения.

Пока эти семь условий будут свято храниться среди монахов, пока они верно будут блюсти эти семь условий – до тех пор монахи могут ждать не упадка, но преуспевания.

Другим шести условиям благоденствия я поучу вас, о монахи, послушайте внимательно, вникните в слова мои.

Пока по отношению к каждому любезно будет каждое слово, мысль и действие монахов;

пока они будут почтительно относиться к полученному, как к должным подношениям, даже содержимое своих чаш для подаяния они не будут использовать, не предложив его более почтенным членам общины;

находясь в компании со своими братьями, они будут тренировать себя в правилах поведения, которые полны и совершенны, незапятнанны и чисты, освобождающи, восхваляемы мудрыми, неподвержены мирским влияниям, и благоприятствуют сосредоточению ума;

и в компании со своими братьями сохраняют пронизательность, благородную и освобождающую, и ведущую практикующего к окончательному прекращению страдания.

Пока эти шесть условий будут свято храниться среди монахов, пока они верно будут блюсти эти шесть условий – до тех пор монахи могут ждать не упадка, но преуспевания.

Пребывая в Раджагахе, на вершине Коршуна, Благословенный часто давал наставления монахам таким образом:

"То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью [8]. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, [9] – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

Когда Благословенный пробыл в Раджагахе так долго, как он желал, он обратился к почтенному Ананде: "В путь, Ананда, пойдем в Амбалаттхику!" – "Да будет так, Господин", – отвечал Ананда. Тогда Благословенный, окруженный большой общиной монахов, отправился в Амбалаттхику.

В Амбалаттхике Благословенный оставался в царском доме отдыха; и в Амбалаттхике также, Благословенный часто давал наставления монахам таким образом:

"То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

Когда Благословенный пробыл в Амбалаттхике так долго, как он желал, он обратился к Ананде: "В путь, Ананда, пойдем в Наланду!" – "Да будет так, Господин", – отвечал Ананда. Тогда Благословенный, окруженный большой общиной монахов, отправился в Наланду и остановился в Манговой Роще.

Львиный рык Сарипутты

И вот почтенный Сарипутта [10] пришел к тому месту, где находился Благословенный и приветствовал его; и с почтением присевши рядом с ним, сказал: "Господин, так сильна моя вера в Благословенного, что мне кажется никогда не было, никогда не будет и нет никого, кто был бы выше и мудрее Благословенного, кто бы превзошел его в высочайшей мудрости".

"Величавы и дерзостны слова твоих уст, Сарипутта! Прекрасный возглас, истинный звук львиного рыка!

Но как это, Сарипутта? Те Архаты, в совершенстве Пробудившиеся прошлого – обладаешь ли ты прямым личным знанием всех тех Благословенных, их нравственности, их умственных качеств [11], их мудрости, их состояний пребывания, и их освобождения?"

"Нет, Господин".

"Тогда как это, Сарипутта? Те Архаты, в совершенстве Пробудившиеся будущего – обладаешь ли ты прямым личным знанием всех тех Благословенных, их нравственности, их умственных качеств, их мудрости, их состояний пребывания, и их освобождения?"

"Нет, Господин".

"Тогда как это, Сарипутта? Меня, присутствующего здесь Архата, в совершенстве Пробудившегося – обладаешь ли ты прямым личным знанием про мою нравственность, мои умственные качества, мою мудрость, моё состояние пребывания, и моё освобождение?"

"И даже этого я не знаю, Господин!"

"Ты видишь теперь, Сарипутта, что не имеешь прямого личного знания про Архатов, в совершенстве Пробудившихся прошлого, будущего и настоящего. К чему же те слова величавые и смелые, прекрасно провозглашенные, как истинный звук львиного рыка, гласящие: "Господин, так сильна моя вера в Благословенного, что мне кажется никогда не было, никогда не будет и нет никого, кто был бы выше и мудрее Благословенного, кто бы превзошел его в высочайшей мудрости?"

"О, Господин! Да, я не имею прямого личного знания про Архатов, в совершенстве Пробудившихся прошлого, будущего и настоящего; я только пришел к пониманию полноты закона Дхаммы. Представьте, Господин, что главная крепость царя сильно укреплена мощными башнями и бойницами, и в ней есть единственные ворота, и там есть охранник, умный, опытный и рассудительный, который не впустит чужака, но позволит войти другу. Поскольку он обошел дороги, ведущие вокруг крепости, он не заметил ни одной дыры или трещины в укреплениях, даже такой, сквозь которую могла бы пробраться кошка. Таким образом он пришел к выводу: "Какие бы ни были живые существа, желающие войти или выйти из замка – они все будут вынуждены делать это через эти ворота". Подобным образом, Господин, я пришел к пониманию полноты закона Дхаммы.

Господин, все Архаты и в совершенстве Пробудившиеся прошлого избавились от пяти препятствий, умственных загрязнений, которые ослабляют мудрость; основательно укрепили свой ум в четырех основах сосредоточенности; должным образом возвращали семь факторов благословения, и полностью обрели непревзойденное, наивысшее Пробуждение.

И, Господин, все Архаты и в совершенстве Пробудившиеся будущего избавятся от пяти препятствий, умственных загрязнений, которые ослабляют мудрость; основательно укрепят свой ум в четырех основах

сосредоточенности; должным образом будут возвращать семь факторов благословения, и полностью обретут непревзойденное, наивысшее Пробуждение.

И Благословенный также, Господин, пребывающий здесь и сейчас Архат и в совершенстве Пробудившийся избавился от пяти препятствий, умственных загрязнений, которые ослабляют мудрость; основательно укрепил свой ум в четырех основах сосредоточенности; должным образом взрастил семь факторов благословения, и полностью обрел непревзойденное, наивысшее Пробуждение".

И также в Наланде, в Манговой Роще Паварики, Благословенный часто давал наставления монахам таким образом: "То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

Пробывши сколько подбало в Наланде, Благословенный обратился к почтенному Ананде и сказал: "В путь, Ананда идем в Паталигаму". – "Да будет так, Господин" – отвечал Ананда Благословенному. Тогда Благословенный, окруженный большой общиной монахов, отправился в Паталигаму.

Ученики, бывшие в Паталигаме, услышав, что прибыл Благословенный, пошли на то место, где он находился и, сев почтительно подле него, пригласили его в зал собраний. И Благословенный молча согласился.

Тогда ученики Паталигамские, видя, что Благословенный изъявил согласие, поднялись с сиденья, поклонились ему и, держась справа от него, отправились в зал собраний. Придя они приготовили в зале собраний все необходимое, устлали полы, расставили сидения и воду, и засветили лампаду. После того вновь пришли к Благословенному и почтительно поприветствовав его, стали подле и сказали: "Господин, зал собраний готов, все полы устланы, сидения и вода приготовлены, и лампада зажжена. Пусть Благословенный войдет, Господин, как ему будет угодно".

И Благословенный одевшись, и взяв свою чашу и накидку, отправился в окружении монахов в зал собраний. Омыв ноги, он вошел в зал собраний и сел против срединной колонны, лицом к востоку. И монахи, омыв ноги, вошли в зал собраний и сели вокруг Благословенного, по западной стене, лицом к востоку, так что они находились за Благословенным, а он был перед ними. И все ученики Паталигамские, омыв ноги, вошли в зал собраний и сели вдоль восточной стены лицом к западу, так что Благословенный был перед ними.

Недостатки безнравственности

Тогда Благословенный обратился к ученикам Паталигамским и сказал: "Пятерична, о домохозяева, потеря творящего злое, та потеря, что постигает его, потерявшего совесть. Во-первых, несправедливый человек впадает в крайнюю нищету через свою несправедливость;

во-вторых, худая молва о нем разносится с шумом повсюду;

в-третьих, куда бы ни пришел он – к брахману ли, к благородным, к домохозяевам, или отшельникам – он входит боязливо и в смущении;

в-четвертых, он истомлен страхом перед смертью;

и наконец, по разрушению тела, после смерти, он вновь возрождается в состоянии тоски и страдания. Такова, о домохозяева, пятеричная потеря творящего злое.

Польза нравственности

Пятерична, о домохозяева, прибыль добродетельного: во-первых, окрепши в справедливости, справедливым путем стяжает себе немалое богатство;

во-вторых, добрая молва далеко разносится о нем;

в-третьих, куда бы ни пришел он – к благородным ли, к брахманам ли, или к домохозяевам, или к отшельникам – он приходит смело и без смущения;

в-четвертых, он умирает без страха перед смертью;

и наконец, по разрушению тела, после смерти, он возрождается в обителях счастья, на небесах. Такова, о домохозяева, пятеричная прибыль добродетельного.

Так поучал Благословенный учеников своих, воодушевляя, радуя, после чего он отпустил их, сказавши: "Глубокая ночь, о домохозяева, пора! Вы можете идти и делать, что почитаете за лучшее". – "Да будет так, Господин", – отвечали ученики Паталигамские и поднялись с сидения, и преклонившись перед ним, и обойдя его с правой стороны, они удалились. И Благословенный, отпустив учеников, вошел в свою опочивальню.

Строительство города Паталипутты

В то же время Сунидха и Вассакара, главные советники в Магадхе, строили крепость в Паталигаме, чтобы отразить Ваджжиян. И множество божеств, насчитывавшихся тысячами, взяли под контроль местность Паталигамы. И вот в той местности, где преобладали божества высшей силы, они склонили самых могучих царей и советников к строительству сооружений, а в той местности, где преобладали божества средней и меньшей силы, они склонили царей средней и меньшей мощи к строительству сооружений.

Благословенный своим божественным оком, очищенным, превосходящим человеческое, увидел тысячи тех божеств, обитавших в Паталигаме. И вот, встав рано утром, он обратился к Ананде и сказал: "Кто строит укрепления в Паталигаме, Ананда?"

– "Сунидха и Вассакара, первые советники в Магадхе, строят здесь крепость, Господин, чтобы отразить Ваджжиян".

"Это, Ананда, выглядит, как если бы Сунидха и Вассакара держали совет с богами небес Тридцати трех. Как я вижу, Ананда, божественным оком, очищенным, превосходящим человеческое, – множество божеств, насчитывавшихся тысячами, взяли под контроль местность Паталигамы. И вот в той местности, где преобладали божества высшей силы, они склонили самых могучих царей и советников к строительству сооружений, а в той местности, где преобладали божества средней и меньшей силы, они склонили царей средней и меньшей мощи к строительству сооружений. Воистину, Ананда, с разрастанием Арийской расы и распространением торговых связей, здесь будет прекрасный город Паталипутта, средоточие всех родов торговли. Но, Ананда, три опасности будут тяготеть над Паталипуттой: опасность огня, опасность воды и опасность раздоров".

И вот Сунидха и Вассакара, первые советники в Магадхе, отправились на то место, где пребывал Благословенный. И пришедши, они любезно приветствовали Благословенного и стали почтительно в стороне. И стоя в стороне, Сунидха и Вассакара обратились к Благословенному, сказавши: "Да удостоит Благословенный вместе с общиной монахов пожаловать завтра к нам на трапезу". И Благословенный молча согласился.

Тогда Сунидха и Вассакара, увидев, что Благословенный изъявил согласие, возвратились домой. И пришедши они приготовили сладкие блюда – вареный рис и пироги, и известили Благословенного, сказавши: "Настало время трапезы, о почтенный Готама, – все приготовлено".

Рано поутру оделся Благословенный, и взяв свою чашу, отправился с монахами к жилищу Сунидхи и Вассакары, и воссел на приготовленное для него сидение. И Сунидха и Вассакара своими руками ставили перед общиной монахов, возглавляемой Буддой, вкусные печенья и рис, и служили им, пока они не насытились. И когда Благословенный окончил трапезу, советники взяли низкие сидения и почтительно сели рядом.

И когда они так сидели, Благословенный сказал:

"Где бы ни избрал себе жилище человек благородный,
Пусть он питает людей добрых, обуздавших себя и праведных.
Пусть он приносит дары всем божествам, которые будут в том месте:
почтенные им, они почтят и его, честью воздадут ему за честь.
И тот человек, к которому благосклонны боги, получит благую судьбу".

И выразивши такими словами свое благоволение советникам, он поднялся с сидения и удалился.

Тогда Сунидха и Вассакара проводили его, сказавши: "Те врата, через которые ныне выходит отшельник Готама, назовутся вратами Готама, и тот плот, на котором переплывет реку отшельник, назовется плотом Готама". И с

той поры врата, коими вышел отшельник Готама, стали именоваться вратами Готама.

И Благословенный приблизился к реке. В то время река Ганг переполнилась, и было наводнение. Желая перейти на ту сторону, одни стали искать плот, другие лодки, третьи делали паром из тростника. И вот как могучий человек быстро вытянул бы вперед свою руку, или сжал бы её, так и Благословенный внезапно исчез с одного берега со своими учениками и столь же внезапно появился на другом.

И тогда Благословенный, взглянув на людей, искавших лодки и плоты, изрек:

"Кто пересекает море печали,
Верным путем пройдя через его подводные мели,
Когда суетные люди вяжут себе тростниковый плот –
Те спасены мудростью!"

Глава 2

Благородные истины

Тогда Благословенный обратился к почтенному Ананде и сказал: "В путь, Ананда, пойдем в Катигамау!" – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда. И вот Благословенный с большой общиной монахов отправился в Катигамау, и остановился там в самом селении.

И тогда Благословенный обратился к монахам и сказал:

"От непонимания Четырех Благородных Истин, о монахи, от непостижения их – вот от чего было суждено мне блуждать по пути перерождений, равно как и вам. Каковы же эти четыре? Благородная истина о страдании; благородная истина о происхождении страдания; благородная истина о пресечении страдания; благородная истина о пути к пресечению страдания. Но теперь, о монахи, когда поняты и постигнуты те благородные истины, с корнем вырвана жажда существования, прекращено то, что ведет к новым воплощениям, наступает конец воплощениям!"

Так говорил Благословенный. И Счастливейший, Учитель молвил далее:

"В неведении Четырех Благородных Истин
Утомителен длинный путь от рождения к рождению.
Когда постигнуты они, побеждена рождений причина,
Вырван корень страдания, нет более перерождений!"

И также в Катигаме Благословенный часто давал наставления монахам таким образом: "То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

Те, кому предначертано невозвращение и Пробуждение

Пробывши сколько подобало в Катигаме, Благословенный обратился к почтенному Ананде и сказал: "Вперед, Ананда, пойдем в селение Натика!" – "Да будет так, Господин!" – отвечал Ананда. И Благословенный, окруженный большой общиной монахов, направился в селение Натика и прибывши, остановился там в Каменной Обители.

Тогда почтенный Ананда пришел к Благословенному и воздав ему должное почтение, сел рядом с ним. И сидя так, он обратился к Благословенному и сказал: "Господин! Умер в Натике монах по имени Сальха; где возродится он, какова судьба его ныне? Господин, скончалась в Натике монахиня по имени Нанда; где возродится она, какова её участь ныне?" Так же спрашивал он о благородном Судатте, о благочестивой госпоже Суджате, о благочестивом Куккуте и Калимбе, и Никате, и Катиссахе, и Туттхе, и Сантуттхе, и Бхадде, и Субхадде.

"Монах по имени Сальха, Ананда, сокрушением всех оков еще на этом свете, достиг неомраченного состояния ума (Архата) и достиг мудрости, самостоятельно реализовав прямое познание.

Монахиня по имени Нанда, полным сокрушением пяти меньших оков (привязывающих существ к миру чувств), воплотилась среди небожителей Суддхаваса, и там достигнет окончательного освобождения, не возвращаясь из того мира.

Благочестивый Судатта полным разрушением трех оков (веры в истинность собственное я, догматизма, и веры в эффективность ритуалов и обрядов), погашением страсти, злобы и неведения, достиг состояния единойжды возвращающегося и положит конец страданию после еще одного своего возвращения в этот мир.

Благочестивая жена Суджата, полным разрушением трех оков, обрела плод вошедшей в поток, и защищена от падения в миры страдания, близится к ней конечное спасение.

Благочестивый Куккута, полным разрушением пяти меньших оков (привязывающих существ к миру чувств), воплотился среди небожителей Суддхаваса, и там достигнет окончательного освобождения, не возвращаясь из того мира.

Так же и Калимба и Никата, Катиссаха и Туттха, и Сантуттха и Бхадда и Субхадда и другие благочестивые люди Наттики, числом более пятидесяти.

Более чем девяносто скончавшихся благочестивых мужей Наттики, Ананда, полным разрушением трех оков (веры в истинность собственное я, догм, и веры в эффективность ритуалов и обрядов), погашением страсти, злобы и неведения, достигли состояния единойжды возвращающегося и положат конец страданию после еще одного своего возвращения в этот мир.

Более пятисот скончавшихся благочестивых мужей Наттики, Ананда, полным разрушением трех оков, обрели плод вступления в поток, и защищены от падения в миры страдания, близится к ним конечное спасение".

Зеркало Дхаммы

Воистину, Ананда, можно ли удивляться тому, что люди должны умирать. Но если каждый раз, когда скончается кто-то, ты будешь приходить к Татхагате и спрашивать о них подобным образом, то этим ты будешь докучать ему. Посему я дам тебе учение, именуемое Зеркалом Дхаммы; обладая этим учением, избранный ученик сам сможет проричать о своем будущем: "Для меня сокрушена преисподняя и не возроюсь я вновь, ни в образе животного, ни в образе духа, ни в каком ином образе страдания! Я преображен, я не могу возродиться в месте страдания, я ясно вижу мое последнее спасение!"

Каково же, Ананда, то Зеркало Дхаммы?

При этом, Ананда, благородный ученик одарен непоколебимой верой в Будду: "Действительно таков Благословенный, Архат, в совершенстве Пробудившийся, одаренный знанием и добродетелями, достигший блага, знаток мира, несравненный проводник для обучения существ, Учитель богов и людей, Благословенный Будда".

Он одарен непоколебимой верой в Дхамму: "Хорошо объяснена Благословенным эта Дхамма, очевидная здесь и сейчас, вечная, приглашающая пойти и увидеть, ведущая дальше, познаваемая мудрыми на собственном опыте".

Он одарен непоколебимой верой в Общину: "Община учеников Благословенного следует по хорошему пути, Община учеников Благословенного следует по прямому пути, Община учеников Благословенного следует по верному пути, Община учеников Благословенного следует по совершенному пути, а именно четыре пары, восемь типов личностей, такова Община учеников Благословенного, достойная даров, достойная гостеприимства, достойная подаяния, достойная почтительного приветствия, несравненное поле заслуг для мира".

И он одарен добродетелями, дорогими для Благородных, полными и совершенными, незапятнанными, чистыми, освобождающими, прославленными мудрыми, неотуманенными желанием будущих жизней и верой в силу пустых обрядов, способствующими сосредоточению.

Таково, Ананда, Зеркало Дхаммы, и обладая им, избранный ученик так может проричать свое будущее: "Больше не существуют для меня перерождения в образе животного, духа или в ином образе страдания. Я – вошедший в

поток, не могу возродиться вновь в месте страдания, близко конечное спасение!"

И также в Натике, в Каменной Обители, Благословенный часто давал наставления монахам таким образом: "То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

Пробывши должное время в Натике, Благословенный обратился к Ананде и сказал: "Вперед Ананда, идем в Весали!" – "Да будет так, Господин", – отвечал Ананда. Тогда Благословенный с большой общиной монахов пошел в Весали и остановился там в роще Амбапали.

И тогда Благословенный обратился к монахам и сказал: "Монахи, живите внимательно, с чистым осознанием – вот вам мое наставление.

О монахи, и как же монах внимателен? Когда он живет осозная тело в теле – действительно, с чистым осознанием, глубоко сосредоточенно и внимательно, оставив желания и скорби мирской жизни; и когда он живет осозная ощущения в ощущениях, ум в уме, умственные качества в умственных качествах – действительно, с чистым осознанием, глубоко сосредоточенно и внимательно, оставив желания и скорби мирской жизни, тогда говорится, что он внимателен.

О монахи, и как же монах обладает чистым осознанием? Когда он полностью осознает, что он входит и выходит, смотрит вперед и назад, бодрствует, протягивает руку и сгибает, несет свою ряску и несет свою чашу, во время еды и питья, вкушая и отвеживая, при ходьбе, стоя, сидя, засыпая и просыпаясь, в беседе и в молчании, тогда говорится, что у него чистое осознание.

Монахи, живите внимательно, с чистым осознанием – вот вам мое наставление".

Наложница Амбапали

В то время наложница Амбапали услышала, что в Весали прибыл Благословенный и остановился там в Манговой Роще. И повелев запрячь множество великолепных повозок, она села на одну из них, и в сопровождении остальных направилась к роще. Она подъехала в повозке, насколько позволяла дорога, и тогда сошла и пешком приблизилась к тому месту, где пребывал Благословенный, и приблизившись к нему, почтительно села рядом. И Благословенный наставлял её в Дхамме, воодушевлял и радовал благочестивым поучением.

И тогда она, наученная, воодушевленная и восхищенная его словами, обратилась к Благословенному и сказала: "Да удостоит Благословенный с общиной монахов пожаловать завтра на трапезу в мои палаты". Благословенный молча согласился. Тогда, наложница Амбапали, видя, что Благословенный согласен, встала и преклонившись перед ним, удалилась.

В то время Личчави Весальские услышали, что в Весали прибыл Благословенный и остановился в Манговой Роще Амбапали. И они запрягли множество великолепных колесниц и в сопровождении остальных направились в Весали. Одни из них были в синих платьях и уборах; другие – в желтых, красных и белых платьях и уборах.

И вот Амбапали с ними встретилась ось к оси, колесо к колесу, дышло к дышлу, и Личчави сказали наложнице Амбапали: "Что значит, Амбапали, что ты встретилась нам?"

"Господа мои, я приглашала Благословенного вместе с общиной на завтра на трапезу".

"Амбапали, уступи нам трапезу за сто тысяч", – воскликнули Личчави.

"Господа мои, если бы даже все Весали с его подвластными землями вы предложили бы мне, и тогда бы я не уступила этой почетной трапезы".

Тогда Личчави, воздымая руки, воскликнули: "Превзошла нас эта садовница, превысила нас эта разводильница манговых рощ!" – но продолжили путь в рощу Амбапали.

Увидев, что едут Личчхави, Благословенный обратился к монахам и сказал: "Монахи, пусть те из вас, кто никогда не видел богов небес Тридцати Трех, посмотрит внимательно на этих Личчхави, присмотрится к ним, сравнит, ибо они совершенно подобны собранию богов небес Тридцати Трех".

Подъехав настолько близко, как позволяла дорога, Личчхави сошли с колесниц и пешком приблизились к Благословенному, и почтительно сели рядом. И когда они сели так, Благословенный наставлял их в Дхамме, воодушевлял их и радовал в благочестивой беседе.

И они наученные, воодушевленные, восхищенные и растроганные речами Благословенного обратились к нему и сказали: "Приди, Благословенный, к нам на трапезу завтра, с твоими учениками в наш дворец". – "Я обещал, Личчхави, прийти завтра на трапезу к наложнице Амбапали", – ответил Благословенный. Тогда Личчхави, воздымая руки, воскликнули: "Превзошла нас эта садовница, превысила нас эта разводильница манговых рощ!" И поблагодарив Благословенного, восхваливши его, они встали и преклонившись, удалились.

На исходе ночи наложница Амбапали приготовила в своем чертоге нежный рис и печенье и известила Благословенного, говоря: "Время, Господин! Пожалуй на трапезу!" И Благословенный рано утром, одевшись и взяв свою чашу, направился с общиной монахов к чертогу Амбапали; и придя, сел на приготовленное для него место; и наложница Амбапали поставила нежный рис и печенье перед монахами во главе с Благословенным и служила им, пока монахи не насытились.

И когда Благословенный окончил трапезу, наложница Амбапали взяла низкое сидение и села подле него, и сидя так, обратилась к Благословенному и сказала: "Господин, этот парк я приношу в дар общине монахов, возглавляемой Буддой!" И Благословенный принял дар; затем, дав Амбапали наставления в Дхамме и воодушевив её, он поднялся с сидения и удалился.

И в Весали, в роще Амбапали, Благословенный часто давал наставления монахам таким образом: "То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

Сезон дождей в Велувагаме

Пробывши сколько подобало в Манговой Роще, Благословенный обратился к почтенному Ананде и сказал: "В путь, Ананда, идем в Велувагаму!" – "Да будет так, Господин", – отвечал Ананда. И Благословенный, окруженный большой общиной монахов, отправился в Велувагаму и там остановился в самом селении.

И тогда Благословенный обратился к монахам и сказал: "Найдите себе пристанище, монахи, в окрестностях Весали у своих друзей, близких и товарищей на время дождей. Я же здесь, в Велувагаме, проведу дождливое время". – "Да будет так, Господин", – отвечали монахи. И они на время дождей нашли себе убежище у своих друзей, близких и товарищей, а Благословенный остановился в Велувагаме.

И вот, когда Благословенный пребывал в Велувагаме в дождливое время, его поразил страшный недуг, острые муки, предвестники смерти. Но Благословенный, могучий духом, самообладающий, перенес их, не сетуя.

И подумал Благословенный: "Неправедно будет покинуть мне жизнь, не обратившись с последними словами к ученикам, не простившись с общиной. Да напрягу я волю, да сброшу я недуг, да пребуду я в жизни, пока не наступит мое время!"

И Благословенный мощным усилием воли сбросил с себя недуг и удержал себя в жизни, до того времени, когда наступит должный час. И болезнь оставила его.

Вскоре после того как Благословенный выздоровел и вполне исцелился от недуга, он вышел из своего жилища и присел отдохнуть. Тогда почтенный Ананда пришел к тому месту, где находился Благословенный и поприветствовав его, сел с почтением подле Благословенного, и обратился к нему с такими словами: "Господин, я видел Благословенного, как был здоров он, и видел, как Благословенный томился недугом. Воистину, когда я увидел, как страдает Благословенный, ослабло от скорби тело мое, помутился мой взгляд и разум. Теперь же я воспрянул духом при мысли, что не уйдет Благословенный, пока не оставит общине своего последнего назидания".

"Как, Ананда, разве община еще что-то ждет от меня? Я поведал вам всю Дхамму, и у меня не было разделения между тайным и явным учением; и ни одного из учений, Ананда, не было сокрыто от вас в сжатой руке учителя. И если, Ананда, кто из вас подумает: "Я буду отныне руководителем общины", или "община теперь подчинена мне", то он должен предъявить мои последние инструкции относительно этого. Но, Ананда, у Татхагаты нет идей в отношении того кто должен возглавлять общину монахов или от кого она должна зависеть. Так какие инструкции должны быть у него, чтобы получить признание общины монахов?"

О, Ананда, я стар, удручен годами, мое пребывание здесь близится к концу, я прожил свои дни, мне восемьдесят лет: как ветхая колесница может двигаться только тихо и осторожно, также и тело мое едва движется на ходу. И только тогда, Ананда, когда Татхагата, переставая внимать внешним вещам, впечатлениям и ощущениям, погружается в глубокое благочестивое созерцание, не связанное ни с какими внешними предметами, – только тогда облегчается телесная немощ Татхагаты.

Поэтому, Ананда, будьте сами себе опорой, сами себе прибежищем, не ища другого прибежища; опираясь на Дхамму, прибегая к Дхамме, как к прибежищу, не ища другого прибежища.

И как же, Ананда, монах будет опорой самому себе, прибежищем самому себе, не ища другого прибежища; опираясь на Дхамму, прибегая к Дхамме, как к прибежищу, не ища другого прибежища?

Пусть он живет, осознавая тело в теле – действительно, с чистым осознанием, глубоко сосредоточенно и внимательно, оставив желания и скорби мирской жизни; и когда он живет осознавая ощущения в ощущениях, ум в уме, умственные качества в умственных качествах – действительно, с чистым осознанием, глубоко сосредоточенно и внимательно, оставив желания и скорби мирской жизни – тогда, воистину, он будет опорой самому себе, прибежищем самому себе, не ища другого прибежища; опираясь на Дхамму, прибегая к Дхамме, как к прибежищу, не ища другого прибежища.

И те монахи, Ананда, теперь или после моей кончины, кто будет опорой самому себе, прибежищем самому себе, не ища другого прибежища; опираясь на Дхамму, прибегая к Дхамме, как к прибежищу, не ища другого прибежища, Прибежище узрев в Учении, и нигде не ища другого прибежища, – те среди учеников моих достигнут наивысшей вершины!"

Глава 3

Намёк и подсказка

Рано утром оделся Благословенный и, взяв свою чашу, отправился в Весали просить подаяние; возвратившись, он сел на приготовленное для него сидение и, отведав риса, обратился к Ананде и сказал: "Возьми подстилку, Ананда, я пойду проведу день к надгробью Чапалы". "Да будет так, Господин", – отвечал Ананда. И взяв подстилку, он последовал следом за Благословенным.

Итак, Благословенный направился к надгробью Чапалы, и когда он прибыл туда, он сел на разостланную для него подстилку, и почтенный Ананда сел почтительно подле.

Тогда Благословенный обратился к Ананде и сказал ему: "Как восхитительны, Ананда, Весали; как восхитительны надгробья Удены, Готамаки, Саттамбы, Бахупутты, Сарандады и Чапалы".

И Благословенный сказал: "Ананда, кто развивал, тренировал, укреплял, возвращивал, внимательно изучал и довел до совершенства четыре основы психических сил (иддхи), мог бы, если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её. Татхагата, о Ананда свершил это. Таким образом, Татхагата может, если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её [12]".

И хотя был так очевиден намек, так ясна была подсказка, – не понял того почтенный Ананда, – Мара помутил его разум и он не просил Благословенного, не умолял: "Благоволити, Господин, здесь остаться! Пребудь всю сию калпу, о Благословенный, на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, на радость, благосостояние и благоденствие людей и богов!"

И когда во второй и в третий раз Благословенный повторил сказанное, почтенный Ананда пребывал в молчании.

И вот Благословенный обратился к Ананде и сказал: "Покинь меня теперь, Ананда, и займись своим делом".

"Да будет так, Господин", – отвечал Ананда, и встав, поклонившись перед Благословенным и обойдя его справа, отошел и сел у подножия дерева, неподалеку.

Просьба Мары

И когда Ананда отошел, Мара, Злой Дух, приблизился к Благословенному с такими словами: "О, Господин, покинь жизнь, уйди теперь, о Благословенный! Пришло время Благословенному покинуть жизнь, как прорицал о себе Благословенный, говоря: "Я до тех пор не уйду, Злой Дух, пока монахи и монахини общины и все миряне, ученики, мужи и жены, не станут верными последователями, мудрыми, окрепшими в знании, воспринявшими Дхамму, живущими в соответствии с Дхаммой, верно блюдущими все великие и малые установления, держащими путь свой в согласии с правилами, и изучив слова Учителя, будут готовы возвещать их другим, поучать других, открывать, разъяснять другим, пока они не будут готовы Дхаммой рассеять всякое ложное учение, и не разнесут далеко по свету весть о чудодейственной и освобождающей Дхамме.

И теперь, Господин, монахи и монахини общины и все миряне, ученики, мужи и жены, стали такими учениками Благословенного. Покинь же теперь жизнь, Господин! Уйди, о Благословенный!

Наступило время отойти в Париниббану Благословенному, как он сам изрек о себе, говоря: "Я до того дня не уйду, Злобный Дух, пока чистое мое учение благочестия широкой волной добра не разольется по свету, не будет возлюблено оно, преисполненное, не возвестится всецело на благо людское". Уйди же теперь, Господин, покинь существование, о Благословенный, должный час кончины твоей наступил ныне".

И Благословенный ответил Маре, Духу Зла: "О, Злобный, порадуйся, Париниббана Татхагаты близится. К концу третьего месяца от сего дня уйдет Татхагата".

Отречение от поддержания жизни

Так у надгробья Чапалы отринул Благословенный в душевной свободе и мудрости остаток своей жизни. И когда он отрекся от жизни, произошло страшное землетрясение и разразилась гроза. И громко и торжественно изрек Благословенный:

"Отрекся от жизни Премудрый,
Отрекся от её начала великого и малого,
Как кольчугу он на себе разорвал обольщения жизни, –
в радости духа, спокойствии!"

Большое землетрясение

Тогда подумал почтенный Ананда: "Чудесно, непонятно, отчего это было такое страшное землетрясение, и все небо покрылось молниями. Каковы же основания, каковы причины такого страшного землетрясения?"

И тогда почтенный Ананда приблизился к Благословенному и почтительно сев рядом с ним, сказал: "Чудесно, непонятно, отчего это было такое страшное землетрясение и все небо покрылось молниями? Каковы же основания, каковы причины такого страшного землетрясения?"

Тогда Благословенный сказал: "Есть восемь оснований, Ананда, восемь причин для страшного землетрясения. Каковы же те восемь причин? Эта великая земля утверждена на водах, воды на ветрах, ветры покоятся на пространствах. И когда, Ананда, возникнут могучие ветры – всколыхнутся воды, и волнением вод сотрясется земля. Таково первое основание, первая причина для страшного землетрясения.

Потом, Ананда, отшельник или брахмана великой духовной силы, обуздавший все свои чувства, или бог великой силы и мощи, сосредоточенной мыслью может двинуть, поколебать и сотрясти землю. Вот второе основание, вторая причина для страшного землетрясения.

Потом, Ананда, когда Бодхисатта волею и свободой покидает пребывание в небесах Тушита и нисходит в утробу матери, в ту минуту сотрясается, дрожит и колеблется земля. Вот третье основание, третья причина для страшного землетрясения.

Потом, Ананда, когда Бодхисатта свободно и вольно оставляет утробу матери, тогда потрясается земля, колеблется, содрогается бурно. Вот четвертое основание, четвертая причина для страшного землетрясения.

Потом, Ананда, когда Татхагата достигает высочайшего и совершеннейшего Благословения, тогда потрясается земля, колеблется, содрогается бурно. Вот пятое основание, пятая причина для страшного землетрясения.

Потом, Ананда, когда Татхагата запускает превосходное Колесо Учения, тогда потрясается земля, колеблется, содрогается бурно. Вот шестое основание, шестая причина для страшного землетрясения.

Потом, Ананда, когда Татхагата волею и свободою отрекается от остатка дней своих на земле, тогда колеблется земля, потрясается, содрогается бурно. Вот седьмое основание, седьмая причина для страшного землетрясения.

Потом, Ананда, когда Татхагата отходит навсегда в состояние Ниббаны, в котором не остается объектов для очищения, – тогда тоже, Ананда, земля колеблется, потрясается, содрогается бурно. Вот восьмое основание, восьмая причина для страшного землетрясения.

Восемь видов собраний

Есть восемь видов собраний, Ананда, – это собрания благородных, брахманов, домохозяев, отшельников, Четырех Великих Царей, Тридцати трех богов, Мар и Брахм.

И когда, Ананда, я входил в те собрания, прежде чем сесть или вступить в беседу, я становился цветом подобен их цвету и голосом, подобен их голосу. И тогда в благочестивой беседе я поучал их, воодушевлял и радовал. Но они не знали меня, когда я говорил с ними, и говорили: "Кто это, что говорит так, человек ли, бог ли?"

И поучивши их, воодушевив, ободлив и порадовав в благочестивой беседе, я исчезал оттуда. Но они не узнали меня, даже когда я скрылся, и говорили: "Кто это, что исчез так, человек ли, бог ли?"

Восемь областей мастерства

Существует восемь областей мастерства, Ананда. Каковы эти восемь?

Внутренним телесным распознаванием некто видит внешние формы, которые конечны и красивы или некрасивы, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова первая область мастерства.

Внутренним телесным распознаванием некто видит внешние формы, которые беспредельны и красивы или некрасивы, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова вторая область мастерства.

Внутренним бестелесным распознаванием некто видит внешние формы, которые конечны и красивы или некрасивы, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова третья область мастерства.

Внутренним бестелесным распознаванием некто видит внешние формы, которые беспредельны и красивы или некрасивы, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова четвертая область мастерства.

Внутренним бестелесным распознаванием некто видит внешние формы, голубые цветом, голубые видом и отражающие голубое, как к примеру цветок льна голубого цвета и отражающий голубое, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова пятая область мастерства.

Внутренним бестелесным распознаванием некто видит внешние формы, желтые цветом, желтые видом и отражающие желтое, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова шестая область мастерства.

Внутренним бестелесным распознаванием некто видит внешние формы, малиновые цветом, малиновые видом и отражающие малиновое, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова седьмая область мастерства.

Внутренним бестелесным распознаванием некто видит внешние формы, белые цветом, белые видом и отражающие белое, как Утренняя Звезда белого цвета, белого вида и светит белым сиянием, и сознает, что он их видит и знает, овладев ими, – такова восьмая область мастерства.

Таковы, Ананда, восемь областей мастерства.

Восемь освобождений

Существует восемь освобождений, Ананда. Каковы эти восемь?

Телом он видит формы, – таково первое освобождение.

Внутренним бестелесным распознаванием, он видит внешние формы, – таково второе освобождение.

Он настраивается на красивое, – таково третье освобождение.

Полностью преступив пределы распознавания материи, избавившись от распознавания раздражения органов чувств, не обращая внимания на распознавание многообразия, он осознает, достигает, пребывает в сфере бесконечного пространства, – таково четвертое освобождение.

Полностью преступив пределы сферы бесконечного пространства, он осознает, достигает, пребывает в сфере бесконечного сознания, – таково пятое освобождение.

Полностью преступив пределы сферы бесконечного сознания, он осознает, достигает, пребывает в сфере отсутствия чего бы то ни было, – таково шестое освобождение.

Полностью преступив пределы сферы отсутствия чего бы то ни было, он осознает, достигает и пребывает в сфере ни-распознавания-ни-отсутствия-распознавания, – таково седьмое освобождение.

Полностью преступив пределы сферы ни-распознавания-ни-отсутствия-распознавания, он осознает, достигает и пребывает в состоянии отсечения распознавания и чувствования – таково восьмое освобождение.

Таковы, Ананда, восемь освобождений.

Были времена, Ананда, когда я обитал в Урувеле, под банановым деревом пастуха Нигродхи на берегу реки Неранджары, вскоре после того, как достиг великого Благословения. И Мара, Злой Дух, пришел на то место, где был я, и стоя рядом обратился ко мне с такими словами: "Покинь теперь жизнь, Господин! Уйди, о Благословенный! Пришло должное время для Париниббаны Благословенного!"

Тогда, Ананда, я ответил Маре, Злому Духу, сказавши: "Я до тех пор не уйду, Злой Дух, пока монахи и монахини общины и все миряне, ученики, мужи и жены, не станут верными последователями, мудрыми, окрепшими в знании, воспринявшими Дхамму, живущими в соответствии с Дхаммой, верно блюдущими все великие и малые установления, держащими путь свой в согласии с правилами, и изучив слова Учителя, будут готовы возвещать их другим, поучать других, открывать, разъяснять другим, пока они не будут готовы Дхаммой рассеять всякое ложное учение, и не разнесут далеко по свету весть о чудодейственной и освобождающей Дхамме.

Я до тех пор не уйду, пока преподанный мною пример святой жизни не станет успешным, не распространится далеко по свету, не будет популярным и пока он не будет возвещен среди богов и людей.

И сегодня снова, Ананда, у надгробья Чапалы, опять посетил меня Мара, Злой Дух и обратившись ко мне сказал: "И теперь, Господин, монахи и монахини общины, и все миряне, ученики, мужи и жены, стали такими учениками Благословенного – мудрыми, окрепшими в знании, воспринявшими Дхамму, живущими в соответствии с Дхаммой, верно блюдущими все великие и малые установления, держащими путь свой в согласии с правилами, и изучив слова Учителя, готовы возвещать их другим, поучать других, открывать, разъяснять другим, они готовы Дхаммой рассеять всякое ложное учение, и разнесли далеко по свету весть о чудодейственной и освобождающей Дхамме.

И теперь, о Господин, этот пример святой жизни преподанный Благословенным стал успешным, распространился далеко по свету, популярен и прекрасно возвещен среди богов и людей. Покинь теперь жизнь, о Благословенный! Уйди ныне, Господин! Настало время для Париниббаны Благословенного!"

И когда он сказал так, я ответил ему: "О Злобный, порадуйся, Париниббана Татхагаты близится. К концу третьего месяца от сего дня скончается Татхагата".

Таким образом, Ананда, Татхагата сегодня у надгробья Чапалы волею и свободою отринул остаток срока своей жизни!"

Просьба Ананды

И когда были сказаны те слова, почтенный Ананда обратился к Благословенному и сказал: "Благоволи, Господин, остаться на земле в сей калпе! Пребудь, о Благословенный, на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, ради блага и счастья людей и богов!"

"Довольно, Ананда, не умоляй Татхагату. Миновало время для таких просьб".

И во второй раз почтенный Ананда обратился к Благословенному и сказал: "Благоволи, Господин, остаться на земле в сей калпе! Пребудь, о Благословенный, на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, ради блага и счастья людей и богов!"

И в третий раз почтенный Ананда обратился к Благословенному и сказал: "Благоволи, Господин, остаться на земле в сей калпе! Пребудь, о Благословенный, на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, ради блага и счастья людей и богов!"

Тогда Благословенный сказал: "Веришь ли ты, Ананда, в Пробуждение Татхагаты?" – "Истинно, так, Господин". – "Тогда как, Ананда, ты можешь продолжать упорствовать против мнения Татхагаты, тем более три раза подряд?"

Тогда почтенный Ананда сказал: "Из уст Благословенного я слышал: "Ананда, кто развивал, тренировал, укреплял, возвращал, внимательно изучал и довел до совершенства четыре основы психических сил, мог бы, если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её. Татхагата, о Ананда, свершил это. Таким образом, Татхагата может, если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её".

"И ты поверил в это, Ананда?"

"Eva.m, bhante".

"Истинно так, Господин!"

"Вот твоя ошибка, вот твоя вина, Ананда, – когда был так явен намек, так очевидна была подсказка, ты не мог понять того, и ты не умолял Татхагату, говоря: "Благоволи, Господин, остаться в сей калпе. Живи, о Благословенный, на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, ради спасения и блага людей и богов". Если бы так ты умолял тогда Татхагату, Татхагата может быть и отклонил бы твой призыв до двух раз, но на третий он снизошел бы к твоим мольбам. Вот твоя ошибка, вот твоя вина!"

Когда я пребывал, Ананда, в Раджагахе, на вершине, именуемой Вершиной Коршуна, я говорил тебе, Ананда: "Какое прекрасное место Раджагаха, как величественна эта Вершина Коршуна! Кто развивал, тренировал, укреплял, возвращал, внимательно изучал и довел до совершенства четыре основы психических сил, мог бы, если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её. Татхагата, о Ананда, свершил это. Таким образом, Татхагата может если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её. И когда был так ясен намек, так очевидна подсказка, не понял ты, не обратился к Татхагате, не умолял его: "Благоволи, Господин, пребыть здесь всю сию калпу! О, живи, Благословенный, на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, ради спасения и блага людей и богов". Если бы ты умолял Татхагату, Татхагата может и отклонил бы твой призыв до двух раз, но на третий он бы принял его. Вот в чем твоя ошибка, Ананда, твоя вина!"

И также, в Банановой Роще, у Разбойничьего Утеса, в Пещере Саттапанни, на Горе Вебхара, у Черной Скалы Исигили, у Змеиног Пруда, в Прохладном Лесу, в Таподовой Роще, в Бамбуковой Роще, у Беличьей Кормушки, в Манговой Роще Дживаки, в Маленькой Бухте и в Оленьей Роще, я говорил тебе, Ананда те же самые слова: "Какое прекрасное место Раджагаха, прекрасны все эти места! Кто развивал, тренировал, занимал, укреплял, возвращал, внимательно изучал и довел до совершенства четыре основы психических сил, мог бы если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её. Татхагата, о Ананда, свершил это. Таким образом, Татхагата может, если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её".

И когда был так ясен намек, так очевидна подсказка, не понял ты, не обратился к Татхагате, не умолял его: "Благоволи, Господин, пребыть здесь всю сию калпу! О Благословенный, живи на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, на радость и счастье и благо людей и богов". Если бы ты умолял Татхагату, Татхагата быть может и отклонил бы твой призыв до двух раз, но на третий он бы принял его. Вот в чем твоя ошибка, Ананда, твоя вина!

И вот теперь в Весали у надгробья Чапалы я говорил тебе: "О Ананда, как прекрасно Весали, как прекрасны надгробья Удены, Бахапутты и Сарандады! Кто, Ананда, развивал, тренировал, занимал, укреплял, возвращал, внимательно изучал и довел до совершенства четыре основы психических сил, мог бы если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её. Татхагата, о Ананда свершил это. Таким образом, Татхагата может если бы пожелал, оставаться здесь в течение калпы или до конца её.

И когда был так ясен намек, так очевидна подсказка, не понял ты, не обратился к Татхагате, не умолял его: "Благоволи, Господин, пребыть здесь всю сию калпу! О Благословенный, живи на благо и счастье бесчисленного множества живых существ, из сострадания к миру, на радость и счастье и благо людей и богов". Если бы ты умолял Татхагату, Татхагата быть может и отклонил бы твой призыв до двух раз, но на третий он бы принял его. Вот в чем твоя ошибка, Ананда, твоя вина!

Но не говорил ли я прежде, Ананда, что в природе вещей дорогих нам и близких, что должны мы рано или поздно, разлучиться с ними, покинуть их, расстаться? И как же может быть, чтобы рожденное, обретшее жизнь, сотворенное, в самом себе несущее разрушение, не разрушилось никогда? Нет, не может такого быть. И это, Ананда, то, что Татхагата отверг, оставил, отбросил, отринул. Ибо Татхагата сказал единожды и для всех: "Вскоре наступит час Париниббаны Татхагаты. Через три месяца от сего дня скончается Татхагата. И не будет того, чтобы ради жизни здесь Татхагата изменил слову — это невозможно.

В путь, Ананда, пойдем в зал собраний Островерхого Дворца в Великом Лесу!" — "Да будет так, Господин", — отвечал почтенный Ананда.

И Благословенный с почтенным Анандой отправились в зал собраний Островерхого Дворца в Великом Лесу. И там он обратился к Ананде, говоря: "Пойди, Ананда, и собери в зал собраний всех монахов, что живут по соседству с Весали".

"Да будет так, Господин" — отвечал Ананда. И почтенный Ананда собрал всех монахов живущих по соседству с Весали, и разместил их в зале собраний. И затем, почтённо преклонившись перед Благословенным и ставши рядом, он обратился к Благословенному и сказал: "Господин, община монахов собрана, поступай, как сочтешь за лучшее".

Тогда Благословенный отправился в зал собраний и сел там на подстилку, разостланную для него. И тогда Благословенный обратился к монахам и сказал: "О монахи, я говорю вам, что эти учения, прямое знание которых было мною постигнуто, и которым я научил вас — вы должны тщательно изучать, возвращать, развивать, и часто практиковать, дабы чистая жизнь была установлена и долго пребывала для блага и счастья бесчисленного множества живых существ, сострадания к миру, на радость, благосостояние и благо людей и богов.

Каковы же, монахи, эти учения? Это четыре основы внимательности, четыре правильных отношения, четыре составляющих психических сил (иддхи), пять корней, пять сил, семь факторов благословения и Благородный Восьмеричный Путь. Это, монахи, учения, прямое знание которых было мною постигнуто, которым я научил вас, и которые вы должны тщательно изучать, возвращать, развивать, и часто практиковать, дабы чистая жизнь была установлена и долго пребывала для блага и счастья бесчисленного множества живых существ, сострадания к миру, на радость, благосостояние и благо людей и богов".

И Благословенный обратился к монахам: "Внемлите, монахи, я увещаю вас: все сотворенное погибает, — ревниво трудитесь на пути спасения! Время Париниббаны Татхагаты наступит скоро, через три месяца от сего дня скончается Татхагата".

И сказав это, Счастливейший, Учитель, обратился снова, говоря:

"Зрелы мои года, жизнь подходит к концу;
Я оставляю вас, я отхожу, уповаю на одного лишь себя.
Усердствуйте, монахи, будьте внимательны
И в добродетели чисты!"

Со строгой решимостью охраняйте свой ум!
Кто не унывает, но следует Дхамме и Винае,
Тот выйдет из круга рождений, положит конец страданию".

Глава 4

Слоновий взор

Рано утром Благословенный оделся и взяв свою чашу пошел в Весали просить подаяние; обошедши Весали и поевши, он возвращаясь, окинул своим слоновим взором [13] Весали и обратился к Ананде с такими словами: "Последний раз, Ананда, Татхагата посетил Весали. Пойдем теперь в Бандагаму, Ананда".

"Да будет так, Господин", – отвечал Ананда Благословенному. И вот Благословенный с большой общиной монахов отправился в Бандагаму, и там Благословенный остановился в селении.

Тогда Благословенный обратился к монахам и сказал: "Монахи, от неведения четырех принципов, от незнания их, – вот от чего этот длинный путь рождений и смертей был мною пройден и перенесен, равно как и вами. Каковы же те четыре? Это благородная нравственность, благородное сосредоточение, благородная мудрость, благородное освобождение! Но сейчас, монахи, когда благородная нравственность познана и достигнута, когда благородное сосредоточение познано и достигнуто, когда благородная мудрость познана и достигнута, когда познано и достигнуто благородное освобождение, – вырвана с корнем жажда жизни, прекращено то, что вело к новым воплощениям, и не будет новых рождений".

И сказав эти слова, Счастливейший, Учитель, говорил дальше:

"Нравственность, глубокое средоточение,
Мудрость и высшее освобождение –
Вот четыре принципа, реализованные прославленным Готамою;
И зная их, он, Будда, своим монахам преподавал Дхамму.
Он, положивший конец страданию, Учитель, Видящий, пребывает в мире".

И также в Бхандагаме Благословенный часто давал наставления монахам таким образом:

"То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

И когда Благословенный пробыл в Бхандагаме так долго, как он желал, он обратился к почтенному Ананде: "В путь, Ананда, идем в Хаттхигаму!" – "Да будет так, Господин", – отвечал Ананда. Тогда Благословенный, окруженный большой общиной монахов, отправился в Хаттхигаму.

И когда Благословенный пробыл в Хаттхигаме так долго, как он желал, он отправился в Амбагаму, потом в Джамбугаму. И в каждом из этих мест Благословенный часто давал наставления монахам таким образом:

"То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

И когда Благословенный пробыл в Джамбугаме так долго, как он желал, он обратился к Ананде, и сказал ему: "В путь, Ананда, идем в Бхоганагару!" – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда и Благословенный, окруженный большой общиной монахов, направился в Бхоганагару.

Четыре великих отношения

И там, Благословенный обратился к ученикам и сказал: "Я поучу вас, монахи, четырьмя великими отношениями. Вникните, послушайте и обратите внимание на мои слова". – "Да будет так, Господин", – ответили монахи.

Тогда Благословенный сказал: "Таким образом, о монахи, может говорить монах: "Из уст самого Благословенного я слышал, от него самого я выучил. Такова Дхамма, такова Виная, вот Учение Учителя". Слыша такое слово, сказанное монахом, никогда, о монахи, не восхваляйте сказавшего так, но и никогда не встречайте его слова хулой или порицанием. Не восторгаясь и не порицая, хорошо изучив каждое слово и каждый слог, – следует сличить их с Суттами и сверить с правилами Винаи. И если те слова не согласны с Суттами, если не совпадают они с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это не слово Благословенного и ошибочно понято оно тем монахом". И тогда, монахи, вы отбросьте то слово. Если же, монахи, оно согласно с Суттами, и совпадает с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это слово Благословенного и истинно оно понято тем монахом". Таким образом, монахи, придерживайтесь первого великого отношения.

Потом монахи, может сказать некто: "В таком-то месте есть община учеников, со старейшинами, руководителями. Из уст самой общины я слышал, от нее самой узнал. Такова Дхамма, такова Виная, вот Учение Учителя". И слово, сказанное им, вы не встречайте ни хвалою, ни порицанием. Не восторгаясь и не порицая, хорошо изучив каждое слово и каждый слог, – следует сличить их с Суттами и сверить с правилами Винаи. И если те слова не согласны с Суттами, если не совпадают они с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это не слово Благословенного и ошибочно понято оно той общиной". И тогда монахи, вы отбросьте то слово. Если же, монахи, оно согласно с Суттами, и совпадает с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это слово Благословенного и истинно оно понято той общиной". Таким образом, монахи, придерживайтесь второго великого отношения.

Потом, монахи, может сказать некто: "Там-то проживают старейшины, глубокие мудрецы, блюдущие веру, как гласит предание, сведущие в Дхамме и в правилах Винаи. Из уст тех старейшин я слышал, от них узнал. Такова Дхамма, такова Виная, вот Учение Учителя". Монахи, услышав те слова, никогда не восхваляйте, никогда не порицайте сказавшего. Не восторгаясь и не порицая, хорошо изучив каждое слово и каждый слог, – следует сличить их с Суттами и сверить с правилами Винаи. И если те слова не согласны с Суттами, если не совпадают они с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это не слово Благословенного и ошибочно понято оно старейшинами". И тогда, монахи, вы отбросьте то слово. Если же, монахи, оно согласно с Суттами, и совпадает с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это слово Благословенного и истинно оно понято старейшинами". Таким образом, монахи, придерживайтесь третьего великого отношения.

Потом, монахи, может сказать некто: "Там-то проживает старейшина, созревший в мудрости, блюдущий веру, как гласит предание, сведущий в Дхамме и в правилах Винаи. Из уст самого старейшины я слышал, от него узнал. Такова Дхамма, такова Виная, вот Учение Учителя". И такое слово, монахи, не подобает встречать ни хвалою, ни порицанием. Не восторгаясь и не порицая, хорошо изучив каждое слово и каждый слог, – следует сличить их с Суттами и сверить с правилами Винаи. И если те слова не согласны с Суттами, если не совпадают они с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это не слово Благословенного и ошибочно понято оно тем старейшиной". И тогда, монахи, вы отбросьте то слово. Если же, монахи, оно согласно с Суттами, и совпадает с правилами Винаи, вы примите такое решение: "Право, – это слово Благословенного и истинно оно понято тем старейшиной". Таким образом, монахи, придерживайтесь четвертого великого отношения.

И также в Бхоганагаре Благословенный часто давал наставления монахам таким образом:

"То-то и то-то является нравственностью, то-то и то-то является сосредоточением; то-то и то-то является мудростью. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно полностью развито добродетельным поведением; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она полностью развита сосредоточением; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений, – а именно, от влечения к чувственным удовольствиям, от влечения к становлению, и от влечения к невежеству".

Чунда-кузнец

Пробывши сколько подобало в Бхоганагаре, Благословенный обратился к Ананде, и сказал: "В путь, Ананда, идем в Паву". – "Да будет так, господин"- отвечал почтенный Ананда. И Благословенный, окруженный большой общиной монахов, направился в Паву. И там в Паве, Благословенный остановился в Манговой Роще Чунды-кузнеца.

И Чунда-кузнец, услышал, что Благословенный прибыл в Паву и остановился в его Манговой Роще. И Чунда-кузнец направился на то место, где остановился Благословенный, придя и поклонившись перед ним, почтительно сел рядом. И тогда Благословенный в благочестивой беседе наставлял его в Дхамме, воодушевлял и радовал благочестивым поучением.

И тогда он, наученный, воодушевленный и обрадованный, обратился к Благословенному и сказал: "Да удостоит Благословенный пожаловать ко мне завтра на трапезу, вместе с общиной монахов". И Благословенный молча согласился.

Видя, что Благословенный согласен, Чунда-кузнец поднялся с сидения, склонился пред ним и обойдя его справа, удалился.

На исходе ночи Чунда-кузнец приготовил в своем жилище нежный рис и печенье, и нежное мясо вепря [14]. И тогда известил Благословенного, говоря: "Время, Господин, готова трапеза".

Рано утром оделся Благословенный и, взяв чашу, отправился с монахами в жилище Чунды-кузнеца. Придя туда, он сел на приготовленное для него место. И присевши, он обратился к Чунде-кузнецу и сказал: "Ты приготовил нежное мясо вепря – мне поднеси его, Чунда, а сладким рисом и печеньем угости монахов". – "Да будет так, Господин", – отвечал Чунда Благословенному. И поднес мясо вепря Благословенному, а сладкий рис и печенье монахам.

Вкусивши, Благословенный обратился к Чунде-кузнецу и сказал: "Что осталось от мяса вепря, Чунда, то зарой в землю. Я никого не вижу, Чунда, в этом мире, с его богами, Марами и Брахмами, отшельниками и брахманами, людьми и богами, кто мог бы вкусить и переварить остатки той пищи, кроме Татхагаты". – "Да будет так, Господин", – отвечал Чунда-кузнец. И что осталось от мяса вепря, то он отнес и зарыл в землю.

После того он возвратился и сел с почтением рядом с Благословенным. И Благословенный в благочестивой беседе наставлял его в Дхамме, воодушевлял и радовал благочестивым поучением. Потом Благословенный поднялся с сидения и удалился.

И когда Благословенный вкусил пищи у Чунды-кузнеца, он почувствовал сильное недомогание, начались тяжкие боли, предвестники смерти. Но Благословенный в мудрости и решимости переносил терпеливо страдания.

Потом Благословенный обратился к Ананде, говоря: "В путь, Ананда, идем в Кусинару!" – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда и Благословенный, окруженный большой общиной монахов, направился в Кусинару.

Вкусивши пищи у Чунды-кузнеца, так я слышал, –
он с твердостью переносил страдания, смертельные муки.
Вкусивши мясо вепря, он почувствовал сильное недомогание;
облегчивши же страдания, Благословенный сказал:
"Идем в Кусинару!" [15]

Принесение воды

И вот Благословенный сошел с дороги и приблизился к подножию дерева; и он обратился к почтенному Ананде: "Ананда, прошу тебя, сложи вчетверо мою накидку и расстели её. Я устал, Ананда, мне нужно отдохнуть".

"Да будет так, Господин", – сказал почтенный Ананда и вчетверо сложивши накидку, расстелил её.

И Благословенный сел, и севши, обратился к Ананде: "Принеси мне воды, Ананда, прошу тебя. Жажда мучит меня, Ананда, хотел бы испить я".

И Ананда сказал Благословенному: "Господин, только что проехало через ручеек около пятисот повозок. Вода взбаламучена колесами, мутна стала, грязна. Но река Какудха, Господин, недалеко отсюда, она чиста и прозрачна, приятно окунуться в её прохладные воды. Там Благословенный может испить воды и освежить свои члены".

И во второй раз Благословенный обратился к Ананде и сказал: "Принеси мне воды, Ананда, прошу тебя. Жажда мучит меня, Ананда, хотел бы испить я".

И вновь отвечал Ананда Благословенному: "Господин, только что через ручей проехало около пятисот повозок. Вода взбаламучена колесами, мутна стала, грязна. Но река Какудха, Господин, недалеко отсюда, она чиста и прозрачна, приятно окунуться в её прохладные воды. Там Благословенный может испить воды и освежить свое тело".

И в третий раз Благословенный обратился к Ананде и сказал: "Принеси мне воды, Ананда, прошу тебя. Жажда мучит меня, Ананда, хотел бы испить я".

"Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда Благословенному и, взяв чашу, пошел к ручейку. И вот, ручеек, перед тем взбаламученный колесами, ставший мутным и грязным, как только Ананда подошел к нему, стал чист и прозрачен, незамутнен вовсе.

Тогда подумал Ананда: "Как чудесна, непостижима, как велика сила Татхагаты! Ручеек, взбаламученный колесами, ставший мутным и грязным, теперь, как только я подошел к нему, стал чист и прозрачен, не замутнен вовсе!"

И наполнив чашу водою, он возвратился к Благословенному и сказал: "Как чудесна, непостижима, как велика сила Татхагаты! Ручеек, взбаламученный колесами, ставший мутным и грязным, как только я подошел к нему, стал чист и прозрачен, не замутнен вовсе! Испей воды, Благословенный! Испей воды, Счастливейший!" И Благословенный испил воды.

Пуккуса из рода Маллов

В это самое время, Пуккуса из рода Маллов, ученик Алары Каламы [16], проходил мимо, возвращаясь из Кусинары в Паву.

И он увидел, что Благословенный сидит у подножия дерева. Увидев его, он приблизился к Благословенному и, подойдя и поприветствовав его, сел почтительно рядом. И он обратился к Благословенному: "Как чудесно, Господин, что покинувшие мирское могут пребывать в таком средоточии душевном!"

Некогда, Господин, Алара Калама, будучи в пути, сошел с дороги и присел под деревом отдохнуть, укрывшись от зноя. В то время мимо Алары Каламы проехало пятьсот повозок. И проводник, шедший в хвосте каравана, обратился к нему: "Видел ли господин пятьсот повозок проехавших мимо?" – "Нет, друг, не видел". – "Слышал ли господин шум от колес?" – "Нет, друг, не слышал". – "Ты спал тогда, господин?" – "Нет, друг, я не спал тогда". – "Стало быть ты бодрствовал, господин?" – "Да я бодрствовал, друг". – "Итак, господин, ты не спал, а бодрствовал, и однако не видел и не слышал, что караван прошел мимо, – а все платье твое осыпано пылью!"

Тогда подумал тот человек: "Как непостижимо, чудесно, что покинувшие мирское могут пребывать в состоянии столь глубокого сосредоточия, так, что даже бодрствуя и сознавая, человек не видит и не слышит, что пятьсот повозок прошли мимо одна за другой, почти задевая его". И, выразив свою глубокую веру в Алару Каламу, тот человек отошел".

"Как полагаешь, Пуккуса, что удивительнее: то, когда человек, будучи в сознании не видит и даже не слышит, как пятьсот повозок прошли мимо, одна за другой, почти задевая его – или, когда будучи в сознании и бодрствуя, он не видит и не слышит, как льется дождь, блещут молнии, грохочет гром?"

"Какое же сравнение, Господин! Несравненно труднее, чтобы человек, бодрствуя и сознавая, не видел и не слышал как льется дождь, блещут молнии, грохочет гром".

"Случилось мне быть однажды, Пуккуса, в Атуме, на току молотильщика. Разразился ливень, заблистали молнии, загрохотал гром; двое братьев-поселян вместе с четырьмя волами были убиты, и великая толпа собралась из Атумы на место, где они были убиты.

В то время, Пуккуса, я покинул ток и шел в раздумьях. И вот, Пуккуса, один человек отделился от толпы и подошел ко мне. И подошедши, и поприветствовав меня, стал почтительно рядом.

И я спросил того человека: "Зачем собрался здесь народ?" – "Да ведь только что разразился ливень, блистали молнии, гремел гром: двое братьев-поселян вместе с четырьмя волами убито. От того-то и столпилось здесь

множество людей. Но где же ты был, Господин?" – "Я, друг, все время был здесь". – "Но ты видел же, Господин, что было? Но ты слышал же, Господин, что было?" – "Нет, друг, я ничего не слышал". – "Разве ты почивал в то время, Господин?" – "Нет, друг, я не почивал тогда". – "Значит ты бодрствовал, Господин?" – "Да, друг, я бодрствовал тогда". – "Итак, Господин, ты бодрствовал, и будучи в сознании, ничего не слышал и не видел, как лил дождь, блистали молнии, гремел гром!" – "Верно, это так, друг".

И тогда, Пуккуса, тот человек подумал так: "Необъяснимо, чудесно, что покинувшие мирское могут пребывать в такой глубокой тишине средоточия, что бодрствуя, созная, не видят и не слышат ни грома в небесах, ни шума от проливного дождя, ни блеска молний". И, высказав свою глубокую веру в меня, он с почтением удалился.

Когда это было сказано, Пуккуса из рода Маллов сказал Благословенному: "Господин, веру, которая была у меня в Алару Каламу, я теперь развею по ветру, пусть унесет её течением! Превосходно, о Господин, наиболее превосходно, о Господин! Это как если бы Господин восстановил низвергнутое, открыл сокровище, или показал путь заблудившемуся, или зажег светильник во тьме, так чтобы зрячие могли видеть – именно так Благословенный распространяет Дхамму множеством способов. И потому, о Господин, я принимаю Прибежище в Благословенном, в Дхамме и в Общине Монахов. Да примет меня Благословенный, как ученика, который принял Прибежище до конца своей жизни".

Потом Пуккуса из рода Маллов обратился к одному человеку: "Принеси мне, друг, пару парчовых одеяний, вышитых золотом, готовых для ношения". И человек ответил: "Да будет так".

И когда одежды были принесены, Пуккуса из рода Маллов предложил их Благословенному, говоря: "Господин, вот пара парчовых одеяний, вышитых золотом, готовых для ношения. Сделай милость, Благословенный, прими от меня!" – "Одень в одно из них меня, Пуккуса, в другое Ананду". – "Да будет так, Господин", – отвечал Пуккуса Благословенному, и в одно одеяние одел Благословенного, а в другое почтенного Ананду.

И тогда Благословенный в благочестивой беседе наставлял в Дхамме Пуккусу, воодушевлял и радовал благочестивым поучением. И Пуккуса из рода Маллов, обученный, воодушевленный, обрадованный Благословенным, в восхищении поднялся с сидения, и склонившись пред Благословенным, обойдя справа, удалился.

Вскоре после того, как удалился Пуккуса из рода Маллов, почтенный Ананда возложил оба парчовых, вышитых золотом одеяния на Благословенного. И как только он одел их на тело Благословенного – они потеряли весь свой блеск!

И почтенный Ананда сказал Благословенному: "Как чудесно, Господин, как непостижимо, – лик Благословенного так ясен и светится! Ибо как только я возложил парчовые, вышитые золотом одеяния на Благословенного, весь прежний яркий их блеск потускнел внезапно!"

"Истинно так, Ананда! Есть два случая, когда кожа Благословенного становится ясна и необычайно светла.

Каковы эти два? В ту ночь, Ананда, когда Татхагата становится полностью благословенным и достигает наивысшего Благословения, и в ту ночь, в которую он окончательно отойдет в состояние Ниббаны, в котором не остается объектов для очищения, – вот когда, Ананда, лик Татхагаты становится ясен и светел необычайно.

И сегодня, Ананда, в третью ночную стражу, в Саловой Роще Маллов, поблизости от Кусинары, между двумя деревьями-близнецами сала, наступит Париниббана Татхагаты. В путь теперь, Ананда, идем к реке Какудхе". – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда.

Когда Учитель облекся в парчовые платья, поднесенные Пуккусой, от него исходило золотое сияние.

Окруженный большой общиной монахов, Благословенный приблизился к реке Какудхе; и спустившись к воде, омыл тело и утолил жажду. И выйдя на берег, пошел в Манговую Рощу.

И придя, он обратился к почтенному Чундаке: "Чундака, прошу тебя, сложи накидку вчетверо, расстели на земле. Устал я, Чундака, прилег бы теперь". – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Чундака и, сложивши накидку вчетверо, расстелил на земле.

И Благословенный прилег на правый бок, в позе льва, положив одну на другую утомленные ноги; и так улегшись, внимательно, с ясным осознанием он отдался размышлению, с мыслью восстать в должное время. И почтенный Чундака сел пред лицом Благословенного.

К реке Какудхе приблизился Благословенный,
К её тихо журчащему, светлому и нежному течению;
И уставший, утомленный, погрузился он, Будда, – Равного ему на свете нет!
Омыв свое тело, испивши воды, вышел из реки Учитель,
И тесной толпой шли монахи за ним.
Наставляя в святых истинах, великий Учитель
Держал свой путь через Манговую Рошу.
И сказал он монаху Чундаке:
"Расстели мне как ложе накидку мою, вчетверо сложенную!"
Ободренный Святым, Чундака быстро раскинул
Ту накидку, вчетверо сложенную.
Уставший, Учитель прилег на накидку,
И Чунда сел на землю перед ним.

И вот Благословенный обратился к Ананде: "Теперь может стать, Ананда, будут упрекать Чунду-кузнеца, говоря: "Грех тебе, Чунда, великий позор тебе, Чунда, что Татхагата, вкушивши у тебя последний раз пищи, вскоре скончался". Но этот упрек, Ананда, нужно отклонить от Чунды, говоря: "Благо тебе, Чунда, слава тебе, Чунда, что у тебя в последний раз вкусил Татхагата пищи и тогда скончался. Из уст самого Татхагаты я слышал, от него самого принял я такое слово: "Два подношения пищи дают равный плод, равное благо – высший плод и высшее благо, чем все иные. Каковы же те два подношения? Подношение пищи перед достижением Татхагатой высочайшего Благословения, и подношение пищи перед отходом Татхагаты в состояние Ниббаны, в котором не остается объектов для очищения. Этим деянием достойный Чунда накопил заслуги для долгой жизни, красоты, благополучия, счастья, перерождения на небесах и владычества на земле!" Вот как подобает отразить всякий упрек Чунде-кузнецу".

И тогда Благословенный громко и торжественно изрек:

"Дающий приумножает доброе;
Кто укротил себя, того не беспокоит гнев;
Кто добродетели взрастил, того боится зло,
И с корнем вырвавший страсть, гнев,
И всякое неведение, достигнет умиротворения!"

Глава 5

Саловые деревья-близнецы

Благословенный обратился к почтенному Ананде и сказал: "В путь, Ананда! – идем в Саловую Рошу Маллов, поблизости от Кусинары, по ту сторону реки Хираньявати". – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда Благословенному.

И Благословенный, сопровождаемый общиной монахов, отправился в Саловую Рошу по ту сторону реки Хираньявати и, пришедши, обратился к почтенному Ананде:

"Ананда, прошу тебя, приготовь для меня ложе головою к северу, между деревьями-близнецами. Я устал, Ананда, и охотно прилег бы" [17]. – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда Благословенному. И приготовил ложе головой к северу, между деревьями-близнецами. Благословенный прилег на правый бок, в позе льва, положивши одну на другую утомленные ноги; и пребывал он во внимательности и ясном осознании.

В то время деревья-близнецы были в полном цвету, хотя цвести им было не время; и цветы посыпались на тело Татхагаты, полились дождем, покрывая его тело и воздавая честь Татхагате. Небесные цветы Мандарава и хлопья небесного сандала падали с неба, сыпались, ниспадали на тело Татхагаты, покрывая его и воздавая честь Татхагате. И звуки небесных голосов и небесных инструментов наполнили воздух гимнами в честь Татхагаты.

Тогда Благословенный обратился к почтенному Ананде и сказал: "Деревья-близнецы в цвету, и на тело Татхагаты ниспадают, сыплются, льются дождем цветы, воздавая честь Татхагате. Небесные цветы Мандарава и

хлопья небесного сандала дождем ниспадают с небес, сыплются на тело Татхагаты, покрывая его и воздавая честь Татхагате. И звуки небесных голосов и небесных инструментов наполнили воздух гимнами в честь Татхагаты.

Но, Ананда, не так следует почитать Татхагату, уважать, поклоняться, чтить и ценить! А те из монахов и монахинь, мирян и мирянок, которые следуют Дхамме, живут праведно в Дхамме, идут по пути Дхаммы, – вот кто почитает Татхагату, уважает, поклоняется, чтит и ценит, выражая наивысшее почтение! Потому, Ананда, вы должны возвращать в себе устремление: "Мы будем следовать Дхамме, жить праведно по Дхамме, идти по пути Дхаммы".

Старейшина Упавана

В это самое время почтенный Упавана стоял пред Благословенным, обмахивая его. И Благословенный сделал замечание Упаване: "Отойди в сторону, монах, не стой передо мной".

И подумал Ананда: "На почтенном Упаване с давних пор лежало ближайшее попечение о Благословенном и служение ему. И вот в последние минуты Благословенный недоволен Упаваной и сделал ему замечание: "Отойди в сторону, монах, не стой передо мной". Что за причина тому, что Благословенный недоволен Упаваной и сказал так?"

И почтенный Ананда сказал Благословенному: "На славном Упаване с давних пор лежало ближайшее попечение о Благословенном и служение ему. И вот в последние минуты Благословенный недоволен Упаваной и сделал ему замечание: "Отойди в сторону, монах, не стой прямо напротив меня". Что за причина тому, что Благословенный недоволен Упаваной и сказал так?"

И Благословенный ответил: "Во всех десяти мирах вряд ли есть хоть одно божество, не явившееся сюда, дабы посмотреть на Татхагату. На расстоянии двенадцати йоджан от Саловой Роши Маллов, в окрестности Кусинары, нет места даже размером с волосину, не занятого могущественными божествами. И эти божества, Ананда, возмущаются и говорят: "Издавна явились мы, дабы посмотреть на Татхагату. Редко являются в мир Татхагаты, Архаты, в совершенстве Пробудившиеся. И сегодня в последнюю ночную стражу будет Париниббана Татхагаты; и вот этот монах стоит пред Татхагатой, заслоняя его, не дает нам посмотреть на Татхагату в последний час его жизни – так, Ананда, возмущаются божества".

"О каких божествах помышляет Благословенный?"

"Есть божества, Ананда, обитающие в небесах, и не отрешенные от земного; они рвут волосы и рыдают, они вздымают руки и рыдают; бросаясь на землю, они катаются из стороны в сторону, рыдая: "Скоро, скоро Париниббана Благословенного! Слишком рано Счастливейший отойдет в Париниббану! Скоро Око Мира скроется от нашего взора!"

Есть божества, Ананда, обитающие на земле, и не отрешенные от земного; они рвут волосы и рыдают, они вздымают руки и рыдают; бросаясь на землю, они катаются из стороны в сторону, рыдая: "Скоро, скоро Париниббана Благословенного! Слишком рано Счастливейший отойдет в Париниббану! Скоро Око Мира скроется от нашего взора!"

Но те божества, чьи страсти утихли, внимательные и осознанные, размышляют так: "Увы, мимолетно все сотворенное. Можно ли, чтобы рожденное, внутри себя несущее разрушение, не разрушилось никогда?"

Четыре места почитания и благоговения

"В былые дни, Господин, проведя дождливое время в разных местностях, монахи имели обычай посещать Татхагату. И те почтенные монахи обретали благие заслуги от посещения Благословенного. И теперь после ухода Благословенного, мы уже не сможем, Господин, обрести подобные благие заслуги"

"Есть четыре места, Ананда, которые верующий человек может посещать с чувством почитания и благоговения. Каковы же те четыре места?"

Место, Ананда, где скажет верующий: "Здесь родился Татхагата!" [18] – подобает посещать с чувством

почитания и благоговения.

Место, Ананда, где скажет верующий: "Здесь обрел Татхагата полное непревзойденное, наивысшее Пробуждение" [19] – подобает посещать с чувством почитания и благоговения.

Место, Ананда, где скажет верующий: "Здесь запущено Татхагатой Колесо Учения" [20] – подобает посещать с чувством почитания и благоговения.

Место, Ананда, где скажет верующий: "Здесь Татхагата навсегда отошел в состояние Ниббаны, в котором не остается объектов для очищения", – подобает посещать с чувством почитания и благоговения.

И придут, Ананда, верные монахи и монахини, благочестивые мужи и жены, и скажут: "Здесь родился Татхагата", – "Здесь обрел Татхагата полное, непревзойденное, наивысшее Пробуждение", – "Здесь запустил Татхагата Колесо Учения", – "Здесь Татхагата навсегда отошел в состояние Ниббаны, в котором не остается объектов для очищения".

И кто, Ананда, в будующие времена совершит паломничество к тем местам, после смерти, когда разрушится его тело, возродится он в небесных обителях счастья!"

Вопросы Ананды

Тогда почтенный Ананда обратился к Благословенному: "Господин! Как нам следует вести себя с женщинами?"

"Не смотрите на них, Ананда!"

"Но если мы видим их, как поступать?"

"Не разговаривайте, Ананда!"

"Но если они начнут разговоры?"

"Тогда, Ананда, пребывайте во внимательности"

"Господин! Как нам должно почитать тело Татхагаты?" – "Не затрудняйте себя, Ананда, воздаянием чести останкам Татхагаты. Старайтесь, Ананда, будьте усердны ради вашего же блага. Будьте стойки, будьте усердны, будьте упорны на пути к благой цели! Есть премудрые, Ананда, среди благородных мужей, брахманов, домохозяев, верующие в Татхагату, и они воздадут должные почести останкам Татхагаты".

"Как подобает, Господин, поступить с телом Татхагаты?" – "Как поступают с прахом Совершенного Царя Миродержца, [21] так же должно поступить и с телом Татхагаты". – "И как же, Господин, поступают с телом Совершенного Царя Миродержца?"

Тело Совершенного Царя Миродержца, Ананда, одевают в новые одежды, и тогда оборачивают саваном из чесанного хлопчатого пуха и после этого тело покрывают новыми одеждами, и так далее, пока тело не будет обернуто пятьюстами слоев обоих родов. Потом тело помещается в железный сосуд [22] с маслом и покрывается другим железным сосудом. Тогда сооружают погребальный костер из всех родов благовонных деревьев и сжигают тело Совершенного Царя Миродержца; и на пересечении дорог должно воздвигнуть ступу Совершенному Царю Миродержцу. Вот так поступают, Ананда, с телом Совершенного Царя Миродержца. И так же, как поступают с телом Совершенного Царя Миродержца, надлежит поступить с телом Татхагаты; и также на пересечении дорог должно воздвигнуть ступу Татхагате. И кто принесет к ней цветы, благовония или украшения, и чей ум там придет в спокойствие – тому это будет на радость и благо на долгие времена.

Личности, достойные ступы

Есть четверо личностей, Ананда, достойных ступы. Кто эти четыре? Татхагата, Архат, в совершенстве Пробудившийся достоин ступы; так же как и Самостоятельно Пробудившийся (Паччекабудда), и последователь Татхагаты, и Совершенный Царь Миродержец достойны ступы.

И почему, Ананда, Татхагата, Архат, в совершенстве Пробудившийся достоин ступы? – Потому, Ананда, что при мысли: "Вот ступа Татхагаты, Архата, в совершенстве Пробудившегося", сердца бесчисленного множества живых существ умиротворятся и волеется в них тихая радость. И, утихшие сердцем, умиротворенные, они возродятся после смерти, когда разрушится тело, в небесных обителях счастья.

И почему достоин ступы Самостоятельно Пробудившийся? – Потому, Ананда, что при мысли: "Вот ступа того Благословенного, того Самостоятельно Пробудившегося", сердца бесчисленного множества живых существ умиротворятся, прольется в них тихая радость; и, утихшие сердцем, умиротворенные, они возродятся после смерти, когда разрушится тело, в небесных обителях счастья.

И почему достоин ступы верный последователь Татхагаты? – Потому, Ананда, что при мысли: "Вот ступа верного последователя Татхагаты", сердца бесчисленного множества живых существ умиротворятся и волеется в них тихая радость. И, утихшие сердцем, умиротворенные, они возродятся после смерти, когда разрушится тело, в небесных обителях счастья.

И почему достоин ступы Совершенный Царь Миродержец? – Потому, что при мысли: "Вот ступа праведного царя, правившего в соответствии с Дхаммой", сердца бесчисленного множества живых существ умиротворятся и волеется в них тихая радость. И, утихшие сердцем, умиротворенные, они возродятся после смерти, когда разрушится тело, в небесных обителях счастья.

Чудесные качества Ананды

Тогда почтенный Ананда пошел в вихару [23]; он стал там склонившись напротив двери и горько плакал при мысли: "Увы, я остаюсь еще учеником [24] и надлежит мне своими силами трудиться на пути к совершенству, а Учитель, который так милосерден ко мне, скоро навсегда покинет меня".

И Благословенный в то время обратился к монахам: "Монахи, где Ананда?" – "почтенный Ананда, Господин, ушел в вихару; он стоит там и горько плачет при мысли: "Увы, я остаюсь еще учеником и надлежит мне своими силами трудиться на пути к совершенству, а Учитель, который так милосерден ко мне, скоро навсегда покинет меня".

Тогда Благословенный подозвал одного из монахов, и сказал: "Пойди, позови Ананду от моего имени, и скажи ему: "Друг Ананда, Учитель зовет тебя". – "Да будет так, Господин", – отвечал монах Благословенному. И пошел на то место, где был Ананда и сказал ему: "Друг Ананда, Учитель зовет тебя" – "Хорошо, друг мой", – ответил Ананда. И пошел к Благословенному. Придя, преклонился перед ним, и присел рядом.

Тогда Благословенный сказал почтенному Ананде: "Довольно, Ананда! Не скорби, не рыдай! Разве прежде, не говорил я с самого начала, что все дорогое и близкое меняется, и нам суждено расставаться с ним, оставлять навсегда? И можно ли, Ананда, что бы то, что было рождено, составлено, что в самом себе несет зачатки разрушения, не погибло бы рано или поздно? Нет, не бывает такого. Долгое время, Ананда, ты служил Татхагате с почтением и любовью в поступках, словах и мыслях, великодушно, радостно, всем сердцем. Ты обрел великие добродетели, Ананда! Теперь ты должен приложить старания, и вскоре ты также будешь свободен от оков".

После этого Благословенный обратился к монахам и сказал: "Монахи, у всех Татхагат, Архатов, в совершенстве Пробудившихся прошлого были превосходные и преданные спутники-монахи, такие же, как Ананда у меня. И у всех Татхагат, Архатов, в совершенстве Пробудившихся грядущего будут превосходные и преданные спутники-монахи, такие же, как Ананда у меня.

Одаренный и рассудительный человек Ананда. Он знает, когда ему должно посещать Татхагату, и когда должно монахам и монахиням, благочестивым мужам и женам, царю и советникам, учителям и ученикам посещать Татхагату.

Монахи, четыре чудесных и прекрасных качества есть у Ананды. Каковы же те четыре? Когда монахи приближаются к Ананде – они радуются, видя его; и радуются, когда поучает их Ананда; и огорчаются, когда смолкает Ананда. Когда монахини, благочестивые мужи и жены приближаются к Ананде – они радуются, видя его; и радуются, когда поучает их Ананда; и огорчаются, когда смолкает Ананда.

У Вселенского Царя Миродержца должны быть четыре чудесных и прекрасных качества. Каковы же те четыре? Когда монахи, благородные люди приближаются к Вселенскому Царю Миродержцу – они радуются, видя его; и радуются, когда он поучает их; и огорчаются, когда он смолкает. Также, когда брахманы, домохозяева и аскеты

приближаются к Вселенскому Царю Мiroдержцу – они радуются, видя его; и радуются, когда он поучает их; и огорчаются, когда он смолкает.

И точно так же, монахи, у Ананды есть эти четыре чудесных и прекрасных качества.

Рассказ о Маха Судассане

Когда это было сказано, почтенный Ананда обратился к Благословенному: "Пусть не будет такого, о Господин, чтобы Благословенный отошел в таком убогом месте, этом нецивилизованном городке посреди джунглей, почти на окраине провинции. Есть же великие города, Господин, такие как Чампа, Раджагаха, Саваттхи, Сакета, Косамби и Варанаси – пусть Благословенный окончательно отойдет в одном из них. К тому же, в тех городах обитает множество преуспевающих благородных людей, брахманов и домохозяев, последователей Татхагаты, и они окажут должные почести останкам Татхагаты".

"Не говори так, Ананда! Не говори: "Это убогое место, это нецивилизованный городок посреди джунглей, почти на окраине провинции". В давно минувшие времена, был царь Маха Судассана, бывший Вселенским Царем Мiroдержцем, царем праведности, покорителем четырех частей света, чье царство было прочно основано, и который был наделен семью драгоценностями [25]. И верховная резиденция царя Маха Судассаны, Ананда, была в Кусинаре, который тогда назывался Кусавати, и простирался на двенадцать йоджан с востока на запад и на семь с севера на юг.

И великим, Ананда, был Кусавати, столица, процветающая и многонаселенная, часто посещаемая людьми и прекрасно снабженная продовольствием. Как и верховная резиденция богов, Алакаманда, великая, процветающая и многонаселенная, часто посещаемая божествами и прекрасно снабженная продовольствием, такова была и царская столица Кусавати.

Кусавати, Ананда, дено и ночно оглашался десятью звуками – ревом слонов, ржанием лошадей, грохотом колесниц, барабанным боем, музыкой и песнями, приветствиями, хлопаньем в ладоши, и криками – еда, питье и будьте счастливы!"

Встань теперь, Ананда, пойдй в Кусинару и извести Маллов Кусинарских, словами: "В сей день, о Васетты, в последнюю ночную стражу, скончается Татхагата. Приближается, о Васетты, близится! Дабы никогда не упрекать вам себя, говоря: "В нашем городе была Париниббана Татхагаты, и мы не потрудились навестить Татхагату в последние часы его жизни!" – "Да будет так, Господин", – отвечал почтенный Ананда Благословенному, и одевшись и взявши чашу, он один пошел в Кусинару.

Почитание Маллами

В то время Маллы Кусинарские собрались в зале собраний обсуждать общественные дела. И вот почтенный Ананда вошел в зал собраний, и войдя, известил Маллов, говоря: "В сей день, о Васетты, в последнюю ночную стражу, скончается Татхагата. Приближается, о Васетты, близится! Дабы никогда не упрекать вам себя, говоря: "В нашем городе была Париниббана Татхагаты, и мы не потрудились навестить Татхагату в последние часы его жизни!"

Услышав весть от Ананды, глубоко опечалились Маллы со своими детьми, женами и женами своих детей, сильно огорчились, опечалились их сердца. Они рыдали, рвали на себе волосы, ломали руки, кидались ниц на землю и бились в тоске при мысли: "Слишком рано отходит Благословенный в Париниббану! Слишком рано отходит Счастливейший в Париниббану! Слишком рано Око Мира скроется от нашего взора!"

И тогда огорченные, полные печали, Маллы со своими детьми, женами и женами своих детей, пошли в Саловую Рошу.

И почтенный Ананда подумал: "Если я допущу Маллов Кусинарских воздавать почитание Благословенному одного за другим, то не успеть им предстать перед Благословенным до утра. Посему, пусть лучше Маллы Кусинарские расположатся по семействам, и предстанут перед Благословенным, говоря: "Господин, Малла такой-то с детьми, женами, свитою, друзьями смиренно склоняется к твоим стопам, о Благословенный!"

И почтенный Ананда, расположив Маллов по семействам, представил их Благословенному со словами: "Господин, Малла такой-то с детьми, женами, свитою, друзьями смиренно склоняется к твоим стопам, о Благословенный!"

Таким образом почтенный Ананда все устроил так, что все Маллы Кусинарские предстали перед Благословенным еще в первую ночную стражу.

Странствующий отшельник Субхадда

В то же время странствующий отшельник по имени Субхадда, не являвшийся верующим, обитал в Кусинаре. И вот отшельник Субхадда услышал весть: "Ныне в третью ночную стражу будет Париниббана отшельника Готама".

И подумал Субхадда: "Слышал я от товарищей моих, монахов, старых и древних, наставников и учителей, что редко являются миру Татхагаты, Архаты, в совершенстве Пробудившиеся. И ныне в третью ночную стражу будет Париниббана отшельника Готама. Сейчас я пребываю в неуверенности, но верится мне, что отшельник Готама может научить меня Дхамме как избавиться от этой неуверенности".

Тогда отшельник Субхадда пошел в Саловую Рошу и подошел к почтенному Ананде.

И обратился к Ананде: "Так я слышал от товарищей моих, монахов, старейшин почтенных, наставников и учителей, что редко являются миру Татхагаты, Архаты, в совершенстве Пробудившиеся. И ныне в последнюю ночную стражу будет Париниббана отшельника Готама. Сейчас я пребываю в неуверенности, но верится мне, что отшельник Готама может научить меня Дхамме как избавиться от этой неуверенности. О, если бы я мог предстать перед отшельником Готамою!"

И когда он сказал так, почтенный Ананда сказал ему: "Довольно, друг Субхадда! Не докучай Татхагате – утомлен Благословенный".

И во второй раз скитающийся отшельник Субхадда обратился к почтенному Ананде со своею просьбой. И во второй раз почтенный Ананда отказал ему.

И в третий раз скитающийся отшельник Субхадда обратился к почтенному Ананде со своею просьбой. И в третий раз почтенный Ананда отказал ему.

И Благословенный, слышавший разговор между ними, подозвал почтенного Ананду и сказал: "Довольно, Ананда, не удерживай Субхадду. Допусти Субхадду к Татхагате. С чем бы ни обратился ко мне Субхадда, он спрашивать меня будет из жажды познания, а не с тем, чтобы докучать напрасно. И моими словами укрепитесь он в знании".

Тогда почтенный Ананда сказал отшельнику Субхадде: "Войди, друг Субхадда, Благословенный разрешает тебе".

Тогда отшельник Субхадда приблизился к Благословенному и поклонившись ему, и обменявшись с ним любезными приветствиями, сел рядом. И отшельник Субхадда сказал Благословенному: "почтенный Готама, аскеты и брахманы, возглавляющие большие общины учеников, имеющие большие свиты, сведущие, основатели учений, почитаемые людьми – Пурана Кассапа, Макххали Госала, Аджита Кесакамбала, Пакудха Каччаяна, Санчая Беллатхапутта и Нигантха Натапутта, – обладают ли они глубоким познанием, как утверждают, или же вовсе не достигли познания, или одни достигли, а другие нет?"

"Довольно, Субхадда! Пусть они, как утверждают, достигли глубокой мудрости или не достигли вовсе, или одни достигли, а другие нет... Я поведаю тебе Дхамму, Субхадда. Послушай внимательно, вникни в слова мои". – "Да будет так, Господин", – сказал отшельник Субхадда.

И Благословенный сказал: "Если в чьих-либо Дхамме и Винае не найден Благородный Восьмеричный Путь, тогда ты не найдешь там истинного аскета ни первой, ни второй, ни третьей, ни четвертой ступеней святости. Но если в каких угодно Дхамме и Винае найден Благородный Восьмеричный Путь, тогда ты найдешь там истинного аскета первой, второй, третьей и четвертой ступеней святости [26]. В этих Дхамме и Винае, Субхадда, найден Благородный Восьмеричный Путь; и в них одних найдены истинные аскеты первой, второй, третьей и четвертой ступеней святости. Лишены истинного аскетизма системы других учителей. Но если, Субхадда, монахи живут праведно, то мир не лишится архатов.

Двадцать девять лет мне было, Субхадда,
Когда я отрекся от мира, чтобы найти благое.

Пятьдесят один год прошел с тех пор, Субхадда,
И все то время я был странником
В областях добродетели и истины,
И кроме как там, нет ни одного святого (первой ступени)
И нет ни одного ни второй, ни третьей, ни четвертой ступеней святости. Лишены истинного аскетизма системы других учителей. Но если, Субхадда, монахи живут праведно, то мир не лишится архатов.

И когда это было сказано, отшельник Субхадда обратился к Благословенному и сказал: "Чудесны слова твои, Господин, очень чудесны! Как поднимают оброненное, как открывают сокрытое, как выводят на путь заблудшего, и свет вносят во тьму, дабы ясно могли видеть зрячие – так и Дхамма многообразно разъяснена тобой, о Благословенный! Я прибегаю к тебе, Благословенный, к Дхамме и к Общине Монахов! Да примет меня Благословенный как ученика, верного навсегда отныне!"

"Кто был прежде, Субхадда, последователем иного учения и желает получить посвящение и духовный сан в этой Дхамме и Винае, тот должен пробыть четыре месяца испытательного срока. И по истечению этих четырех месяцев, если монахи убеждаются в нем, то они даруют ему посвящение и духовный сан монаха. Таким образом я определяю различия в личностях".

"Да, о Господин, кто был прежде последователем иного учения и желает получить посвящение и духовный сан в этой Дхамме и Винае, тот должен пробыть четыре месяца испытательного срока, и по истечению этих четырех месяцев, если монахи убеждаются в нем, то они дают ему посвящение и духовный сан монаха, – тогда я пробуду испытательный период в четыре года. И по истечению этих четырех лет, если монахи убедятся во мне, то пусть они даруют мне посвящение и духовный сан монаха".

Но Благословенный позвал Ананду и сказал: "Ананда, пусть Субхадда примет посвящение". – "Да будет так, Господин", – отвечал Ананда.

И отшельник Субхадда сказал почтенному Ананде: "Это великая заслуга для тебя, друг Ананда, благословение, что в присутствии Учителя ты лично им был посвящен в ученики".

И отшельник Субхадда пред лицом Благословенного принял посвящение и духовный сан; и после принятия духовного сана почтенный Субхадда пребывал в уединении, строгий, ревностный, решительный. И в скором времени он достиг цели, ради которой люди покидают удобства и радости домашней жизни, приняв бездомное скитальничество – высшей цели святой жизни; и реализовав высшее знание, он пребывал в нем. Он познал: "Рождение уничтожено, высшая жизнь достигнута, более нет ничего, что должно быть свершенным, и за этой жизнью ничего более не остается".

И почтенный Субхадда стал одним из Архатов, и был он последним учеником, обращенным Благословенным.

Глава 6

Последнее слово Татхагаты

И Благословенный обратился к почтенному Ананде: "Может быть, Ананда, кто-то из вас подумает: смолкло слово Наставника, более нет у нас Учителя! Нет, Ананда, не так вы должны думать. Та Дхамма, та Виная, что я провозгласил, установил для вас – да будут они вашим Учителем после того как я отойду.

Ананда, когда я отойду, вы не обращайтесь друг к другу как было прежде, с величанием "друг". Старшие монахи могут обращаться к младшим по имени, по роду, со словом "друг", – но младшие монахи должны обращаться к старшим со словами: "почтенный" или "Досточтимый

По кончине моей, Ананда, Сангха, если пожелает, может отменять все малые и неважные предписания.

По кончине моей, Ананда, пусть на монаха Чанну [27] будет наложена высшая кара". – "Но какова, Господин, высшая кара?" – "Пусть, Ананда, Чанна говорит, что хочет, но не подобает, монахи, ни беседовать с ним, ни одобрять его, ни увещевать".

После того Благословенный обратился к ученикам и сказал: "Может быть, монахи, у некоторых из вас есть чувства неудовлетворенности, или сомнения в Будде, в Дхамме, в Сангхе, в пути или в практике. Свободно

спрашивайте, монахи! Дабы не сожалели потом, думая: "Учитель наш был с нами, и мы не подвиглись спросить его, а ведь были с ним лицом к лицу!" И когда он сказал так, монахи молчали.

И во второй и в третий раз говорил Благословенный: "Может быть, монахи, у некоторых из вас есть чувство неудовлетворенности, или сомнения в Будде, в Дхамме, в Сангхе, в пути или в практике. Свободно спрашивайте, монахи! Дабы не сожалели потом, думая: "Учитель наш был с нами, и мы не подвиглись спросить его, а ведь были с ним лицом к лицу!" И когда он сказал так, монахи молчали.

Тогда Благословенный обратился к монахам и сказал: "Может быть, монахи, вы из почтения к Учителю не задаете вопросов. Тогда, монахи, обратитесь друг к другу". И когда он сказал так, монахи хранили молчание.

Тогда почтенный Ананда сказал Благословенному: "Как чудесно, Господин, как чудесно! Истинно! Я верю, что среди всей собравшейся здесь общины монахов нет ни одного монаха, кто имел бы чувство неудовлетворенности, или сомнения в Будде, в Дхамме, в Сангхе, в пути или в практике".

"Полная вера сказалась в словах твоих, Ананда! Да, Ананда, Татхагата знает, что среди этой общины монахов нет ни одного монаха, кто имел бы чувство неудовлетворенности или сомнения в Будде, в Дхамме, в Сангхе, в пути или в практике. Ибо, Ананда, среди этих пятисот монахов, даже самый нижайший является вошедшим в поток и не возродится в области страдания, близкий к благословию".

Потом Благословенный обратился к монахам и сказал:

"Внемлите, монахи, увещаю вас:
Всё конструированное преходяще;
Старательно достигайте цели!"

Это было последнее слово Татхагаты.

Окончательное Освобождение

Тогда Благословенный углубился в первое глубокое сосредоточение, и восходя вступил во второе, и восходя вступил в третье, и восходя вступил в четвертое, и восходя вступил в состояние осознания сферы бесконечного пространства; потом перешел в состояние осознания сферы бесконечного сознания; от сферы бесконечного сознания он перешел к осознанию сферы отсутствия чего бы то ни было; и оставляя сферу отсутствия чего бы то ни было, перешел в состояние ни-распознавания-ни-отсутствия-распознавания, перешел в состояние отсечения распознавания и чувствования.

Тогда почтенный Ананда сказал почтенному Ануруддхе: "О, почтенный Ануруддха, скончался Благословенный!"

"Нет, друг Ананда, еще не скончался Благословенный, он перешел только в состояние отсечения распознавания и чувствования" [28].

Тогда Благословенный, нисходя из состояния, когда прекращения распознавания и чувствования, вступил в состояние ни-распознавания-ни-нераспознавания; и нисходя вступил в сферу отсутствия чего бы то ни было; и нисходя из сферы отсутствия чего бы то ни было, вступил в сферу бесконечного сознания; и нисходя из сферы бесконечного сознания, вступил в сферу бесконечного пространства, и нисходя перешел в четвертое состояние сосредоточения (джхана), и в третье, и во второе, и в первое. И вновь восходя из первого, перешел во второе, и восходя вступил в третье, и восходя вступил в четвертое. И восходя из четвертого, Благословенный мгновенно скончался.

И когда Благословенный отошел, одновременно с его Париниббаной случилось страшное землетрясение, грозное, ужасающее, и громы разразились в небесах.

И в минуту, когда Благословенный отошел в Париниббану, Брахма Сахампати [29] воскликнул громко:

"Все должны умереть – все существа, обретшие жизнь,
Должны отбросить свой сотворенный вид.
Даже такой Учитель, как он, несравненный в этом мире, могучий в мудрости,
Татхагата, в совершенстве Пробудившийся, скончался!"

И в минуту кончины Благословенного, Сакка, [30] владыка богов, воскликнул громко:

"Как непостоянны все сотворенные вещи!
Их природа: рождение и смерть.
Созидаясь, они разрушаются.
Счастье тем, кто полностью избавился от них!"

И в минуту кончины Благословенного, почтенный Ануруддха воскликнул:

"Когда он, сокрушивший все влечения, все желания,
Проживающий в безмятежном покое Нирваны, –
Когда он, Великий Мудрец, закончил путь своей жизни,
Никакие смертельные муки не поколебали его твердого сердца.
Без тревоги, без смущения, он тихо торжествовал над смертью.
Подобно угаснувшему пламени, его ум обрел освобождение".

И в минуту Париниббаны Благословенного, почтенный Ананда воскликнул громко:

"Это страшно, страшно!
Волосы стали дыбом!
Когда он, Одаренный всеми достоинствами,
В совершенстве Пробудившийся,
Освободился!"

Когда скончался Благословенный, те из монахов, которые еще не освободились от страстей, ломали руки и рыдали, бросались на землю и катались из стороны в сторону, рыдая: "Слишком рано Благословенный отошел в Париниббану! Слишком рано Счастливейший отошел в Париниббану! Слишком рано Око Мира скрылось от нашего взора!"

Но те из монахов, чьи страсти утихли, внимательные и осознанные, размышляли так: "Увы, мимолетно все сотворенное. Можно ли, чтобы рожденное, внутри себя несущее разрушение, не разрушилось никогда?"

И почтенный Ануруддха обратился к монахам: "Довольно, друзья! Не огорчайтесь, не рыдайте! Разве не говорил Благословенный, что в природе вещей, дорогих нам и близких, что должны мы, рано или поздно, разлучиться с ними, покинуть их, расстаться? И как же может быть, друзья, чтобы рожденное, сотворенное, в самом себе несущее зачатки разрушения, не погибло бы рано или поздно? Божества, друзья, очень огорчены".

"Но о каких божествах помышляет почтенный Ануруддха?"

"Есть божества, друг Ананда, в небесах и на земле, которые приземленно думают; они рвут волосы и рыдают, они вздымают руки и рыдают; бросаясь на землю, они катаются из стороны в сторону, рыдая: "Слишком рано Благословенный отошел в Париниббану! Слишком рано Счастливейший отошел в Париниббану! Слишком рано Око Мира скрылось от нашего взора!"

Но те божества, чьи страсти утихли, внимательные и осознанные, размышляют так: "Увы, мимолетно все сотворенное. Можно ли, чтобы рожденное, внутри себя несущее разрушение, не разрушилось никогда?"

Почтенный Ануруддха и почтенный Ананда провели остаток ночи беседуя о Дхамме. И тогда почтенный Ануруддха сказал почтенному Ананде: "Пойди, друг Ананда, и извести Маллов Кусинарских, скажи им: "О Вассетхи! Благословенный скончался, поступите как подобает вам ныне!" – "Да будет так, почтенный!" – отвечал Ананда. И рано утром, одевшись и взяв свою чашу, он с одним из монахов пошел в Кусинару.

В то время Маллы Кусинарские собрались в зале собраний, совещаясь. И почтенный Ананда вошел в зал и известил их словами: "О, Вассетхи! Благословенный скончался, поступите как подобает вам ныне!"

И когда услышали весть Маллы со своими сыновьями, девами и женами, опечалились, заскорбили, и сжалось их сердце. Иные плакали, рвали волосы, иные судорожно сжимали руки и рыдали, иные катались из стороны в сторону, рыдая: "Слишком рано Благословенный отошел в Париниббану! Слишком рано Счастливейший отошел в Париниббану! Слишком рано Око Мира скрылось от нашего взора!"

Почести останкам Пробудившегося

И тогда Маллы Кусинарские сказали: "Соберите все благовонные масла и цветочные венки, и всех музыкантов в Кусинаре".

И Маллы Кусинарские взяли благовонные масла и цветочные венки, и музыкантов, и пятьсот смен одежд, и отправились в Упаватану, в Саловую Рощу, и приблизились к телу Благословенного. Там они провели весь день, воздавая уважение и почести телу Благословенного гимнами, плясками, цветами, благовониями, музыкой; также они сделали саван из одежд и развесили украшения.

Тогда подумали Маллы Кусинарские: "Не пришло еще время сжигать тело Благословенного". И воздавали уважение и почести телу Благословенного гимнами, плясками, цветами, благовониями, музыкой, и так провели весь следующий день, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой.

Но на седьмой день Маллы Кусинарские подумали: "Мы воздали уважение и почести телу Благословенного гимнами, плясками, цветами, благовониями, музыкой. Теперь давайте возьмем тело Благословенного, отнесем на южную часть города, и там, с южной стороны, за городом, свершим обряд сожжения тела Благословенного".

После того восемь предводителей Маллских омыли головы и одели новые одежды, чтобы нести тело Благословенного. Но они не смогли поднять его.

И тогда Маллы Кусинарские сказали почтенному Ануруддхе: "Что за причина, почтенный Ануруддха, что восемь предводителей Маллских, омывши головы, надевши новые одежды, чтобы нести тело Благословенного, не в силах поднять его?" – "Оттого, Вассетхи, что у вас одна цель, а у божеств другая". – "Но какова же, почтенный, цель у божеств?"

"Вы задумали, Вассетхи: "Мы воздали уважение и почести телу Благословенного гимнами, плясками, цветами, благовониями, музыкой. Теперь давайте возьмем тело Благословенного, отнесем на южную часть города, и там, с южной стороны, за городом, свершим обряд сожжения тела Благословенного". Но божества, Вассетхи, думают так: "Мы воздали уважение и почести телу Благословенного гимнами, плясками, цветами, благовониями, музыкой. Теперь давайте возьмем тело Благословенного и понесем его северным путем к северной части города, и войдя в город северными воротами, потом пройдем через центр города, и выйдя через восточные ворота, понесем тело к надгробью Маллов, именуемой Макута-бандхана, и там свершим обряд сожжения тела Благословенного". – "Да будет же так, почтенный, как желают божества".

И тогда вся местность была по колено осыпана небесными цветами Мандарава, [31] и божества на небесах и Маллы Кусинарские на земле воздавали уважение и почести телу Благословенного пением, пляскою, игрою, цветами и благовониями. И они понесли тело Благословенного к северной части города, и пронесли его через северные ворота, они прошли через центр города и потом к восточной окраине, и выйдя через восточные ворота, они понесли тело Благословенного к надгробью Маллов, именуемой Макута-бандхана, и там возложили тело Благословенного.

Тогда Маллы Кусинарские сказали почтенному Ананде: "Как должно поступить с телом Татхагаты?"

"Так, Вассетхи, как поступают с телом Совершенного Царя Миродержца, так же должно поступить и с телом Татхагаты".

"Но как, почтенный Ананда, поступают с телом Совершенного Царя Миродержца?"

"Тело Совершенного Царя Миродержца, Вассетхи, одевают в новые одежды, и тогда оборачивают саваном из чесанного хлопчатого пуха и после этого тело покрывают новыми одеждami, и так далее, пока тело не будет обернуто пятьюстами слоев обоих родов. Потом тело помещается в железный сосуд с маслом и покрывается другим железным сосудом. Тогда сооружают погребальный костер из всех родов благовонных деревьев и сжигают тело Совершенного Царя Миродержца; и на пересечении дорог должно воздвигнуть ступу Совершенному Царю Миродержцу. Так, Вассетхи, поступают с телом Совершенного Царя Миродержца. И так же, как поступают с телом Совершенного Царя Миродержца, надлежит поступить с телом Татхагаты; и также на пересечении дорог должно воздвигнуть ступу Татхагате. И кто принесет к ней цветы, благовония или украшения, и чей ум там придет в спокойствие – тому это будет на радость и благо на долгие времена".

И тогда Маллы Кусинарские приказали слугам: "Соберите весь чесанный хлопковый пух Маллов". И одели тело Благословенного в новые одежды, и обернули саваном из чесанного хлопкового пуха, и вновь возложили новые одежды, и далее так, пока тело Благословенного не было окутано пятьюстами слоев обоих родов друг за другом, и тогда положили тело Благословенного в железный сосуд с маслом, и покрыли другим; и тогда воздвигли погребальный костер из всех родов благовонных деревьев и на него возложили тело Благословенного.

Старейшина Маха Кассапа

В это же время, почтенный Маха Кассапа [32] шел из Павы в Кусинару с большой общиной монахов, около пятисот человек. И вот почтенный Маха Кассапа присел отдохнуть у подножия дерева.

В это самое время, некий обнаженный аскет шел по дороге в Паву, и у него были цветы Мандарава из Кусинары.

И почтенный Маха Кассапа еще издалека заметил обнаженного аскета, и когда тот подошел поближе, он обратился к нему: "Друг, не знаешь ли ты что-либо про нашего Учителя?" – "Да, друг, я знаю. Сегодня минуло семь дней, как скончался отшельник Готама. Вот почему у меня эти цветы Мандарава".

Услышавши весть, те из монахов, которые еще не освободились от страстей, ломали руки и рыдали, бросались на землю и катались из стороны в сторону, рыдая: "Слишком рано Благословенный отошел в Париниббану! Слишком рано Счастливейший отошел в Париниббану! Слишком рано Око Мира скрылось от нашего взора!"

Но те из монахов, чьи страсти утихли, внимательные и осознанные, размышляли так: "Увы, мимолетно все сотворенное. Можно ли, чтобы рожденное, внутри себя несущее разрушение, не разрушилось никогда?"

В это время монах по имени Субхадда, [33] принявший монашество уже в старости, сидел в числе тех монахов. И он обратился к монахам со словами: "Довольно, братья! Не плачьте, не горюйте! Мы благополучно избавились от этого великого аскета. Долго, долго тяготели над нами его слова: "Это вам пристойно, это вам не пристойно", – но теперь, мы можем делать то, что пожелаем, и то что мы не пожелаем, того мы не будем делать".

Но почтенный Маха Кассапа обратился к монахам и сказал: "Довольно, друзья! Не рыдайте, не сетуйте! Разве не говорил нам Благословенный, что в природе вещей дорогих нам и близких, что должны мы рано или поздно разлучиться с ними, покинуть их, расстаться? И как же может быть, друзья, чтобы сотворенное, в самом себе несущее зачатки разрушения, не погибло бы рано или поздно? Нет, не может такого быть".

В это же время четыре предводителя Маллских омыли головы и одели новые одежды, и с мыслью: "Мы подожжем костер Благословенного", попробовали его поджечь, но не смогли.

И Маллы обратились к почтенному Ануруддхе со словами: "Что за причина, почтенный, что четверо предводителей Маллских омыли головы и одели новые одежды, и с мыслью: "Мы подожжем костер Благословенного", попробовали его поджечь, но не смогли". – "Оттого, Вассетхи, что у вас одна цель, а у божеств другая". – "Но какова же, почтенный, цель у божеств?"

"Цель божеств, Вассетхи, такова: "Почтенный Маха Кассапа шествует из Павы в Кусинару с большой общиной монахов, числом около пятисот человек. Пусть костер Благословенного не возгорится, пока почтенный Маха Кассапа не преклонится пред стопами Благословенного". "Да будет же так, почтенный, как желают божества".

Тогда почтенный Маха Кассапа прибыл к Макута-бандхане Кусинарской, где находилось тело Благословенного. И он набросил накидку на одно плечо, и со сложенными руками трижды благоговейно обошел вокруг тела и тогда благоговейно преклонился перед стопами Благословенного.

И пятьсот монахов накинули накидки на одно плечо и со сложенными руками, трижды с почтением обошли вокруг тела и тогда благоговейно преклонились пред стопами Благословенного.

И как только Маха-Кассапа и пятисот монахов оказали должные почести, погребальный костер Благословенного вспыхнул сам.

И когда тело Благословенного сгорело, то ни от кожи, ни от внутренностей, ни от мяса, ни от нервов, ни от суставов не осталось ни пепла, ни сажи, остались одни только кости. Как от сгоревшего масла не остается ни пепла, ни сажи, так и от тела Благословенного. И из пятисот слоев одеяний, только два не сгорели – внешний и внутренний.

И когда тело Благословенного сгорело, с небес полились потоки и угашали погребальный костер Благословенного, и из водных хранилищ полились потоки и угашали погребальный костер, и Маллы Кусинарские принесли воды, напитанной всеми ароматами, и угашали погребальный костер.

Потом Маллы Кусинарские положили останки Благословенного в зале собраний и окружили кости Благословенного решеткой из копий и валом из луков; и семь дней подряд воздавали почести, славу, хвалу и поклонение им песнями, плясками, гирляндами и благовониями.

Тогда царь Магадхи, Аджатакатта, сын царицы из рода Видехи, услышал весть, что Благословенный скончался в Кусинаре. И он послал вестников к Маллам, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и я из касты воинов. Я достоин получить частицу святых останков Благословенного. Над останками я воздвигну ступу, и устрою торжество в честь них".

Разделение останков на части

И Личчави Весальские услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к Маллам, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и мы из касты воинов. Достойны получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу, и устроим торжество в честь них".

И Сакхи Капилаваттские услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к Маллам, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и мы из касты воинов. Достойны получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу, и устроим торжество в честь них".

И Булы Аллакаппанские услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к Маллам, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и мы из касты воинов. Достойны получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу, и устроим торжество в честь них".

Колии Рамагамские услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к Маллам, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и мы из касты воинов. Достойны получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу, и устроим торжество в честь них".

И брахмана Ведхадипа услышал весть, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послал вестников, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и я брахмана. Достоин получить часть святых останков Благословенного. Над останками я воздвигну ступу, и буду поклоняться ему".

И Маллы Павские услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и мы из касты воинов. Достойны получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу, и будем поклоняться ему".

Слыша то, Маллы Кусинарские сказали собранию братьев: "В наших владениях скончался Благословенный, – мы не уступим ни одной частицы от святых останков Благословенного".

И тогда брахман Дона обратился к общине и сказал:

"Послушайте, почтенные, я скажу вам краткое слово.

Терпению Будда учил нас.

Не подобает же быть, при разделе останков его,

Лучшего среди всех существ, ни вражде, ни борьбе, ни ссорам.

Да объединимся, друзья, все мы в общем согласии.

Да разделим тело на восемь частей!

И пусть в каждой стороне воздвигнутся ступы,

И видя их, да уверуют многие люди!"

"Раздели же ты сам, о брахман, тело Благословенного на восемь равных частей". – "Да будет так, почтенные", – отвечал Дона общине. И он разделил тело Благословенного на восемь равных частей. И тогда сказал: "Даруйте мне, почтенные, этот сосуд, я воздвигну священную ступу и устрою празднование". И они дали сосуд брахману Доне.

И Мории Пиппхаливанские услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников, говоря: "Благословенный был из касты воинов, и мы из касты воинов. Достойны получить часть святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу". И услышали в ответ: "Не осталось более частиц святых останков Благословенного", и они взяли себе золы из костра.

Почести ступам с частями останков

И тогда царь Магадхи, Аджатакатту, сын царицы из рода Видехи, воздвиг в Раджагахе ступу над останками Благословенного и устроил празднество. И Личчави Весальские воздвигли ступу в Весали над останками Благословенного и устроили празднество. И Сакхи из Капилаваттху воздвигли в Капилаваттху ступу над останками Благословенного и устроили празднество. И Булы Аллакаппанские воздвигли в Аллакаппе ступу над останками Благословенного и устроили празднество. И Колии Рамагамские воздвигли в Рамагаме ступу над останками Благословенного, и устроили празднество. И брахман Веддхадиपाка воздвиг ступу над останками Благословенного и устроил празднество. И Маллы Павские воздвигли в Паве ступу над останками Благословенного и устроили празднество. И Маллы Кусинарские воздвигли в Кусинаре ступу над останками Благословенного и устроили празднество. И брахман Дона воздвиг ступу над сосудом, к которому сгорело тело Благословенного и устроил празднество. И Мории Пиппхаливанские воздвигли ступу над золою и устроили празднество.

И так воздвиглось восемь ступ останкам, одну – сосуду, и одну – золе из костра.

Так это было в прошлом.

Есть восемь частей останков его,
Всевидающего, величайшего из людей.
Семь почитаются в Джамбудвипе, и одна
В Рамагаме, королями Нагов.
Один зуб почитается на небесах Тридцати Трех,
Один – в царстве Калинга, и один – королями Нагов.
Благодаря их сиянию эта прекрасная земля
Одарена наиболее прекрасными ценностями;
Таким образом тело Всевидающего почитается наилучшим образом
Теми, кто полон почтения – богами и Нагами,
И владыками людей, высочайшими из человечества.
Преклоняются со сложенными руками! Это воистину трудно –
За сотни калп встретиться с Буддой [34].

Комментарии

1. Благословенный – Бхагаван, также наиболее часто переводится как Благословенный, Блаженный или Почитаемый в Мирах. Это наиболее популярное обращение к Будде, хотя оно используется не только буддистами. (Обратно)
2. Аджатакатту Видехипутта. Комментарии говорят что мать Аджатакатту была принцессой Косалы и не была дочерью царя Видехи. Потому комментарии объясняют видехипутта как "сын мудрой матери". Аджатакатту стал царем могущественного государства Магадха после убийства своего отца, царя Бимбисары (см. сутту "Плоды отшельничества"). (Обратно)
3. Татхагата. Дословно "Так Приходящий" или "Так Уходящий" от татха – так и гате – приходить, уходить. Обращение к Будде, которое чаще всего использовалось когда он говорил о себе. Многие современные комментаторы предпочитают переводить его словосочетанием "достигший Истины". (Обратно)
4. Ананда – двоюродный брат Будды и его персональный спутник в течение двадцати пяти лет. Он обрел архатство уже после кончины Будды, перед собранием Первого Собора, на котором он воспроизвел по памяти Дигха Никаю и являлся авторитетным источником для записи Сутта Питаки. (Обратно)
5. Соотносится с АН 7.19. (Обратно)
6. Виная – кодекс дисциплины и поведения для монахов. Изложен в одной из трех частей Буддийского канона, называемой Виная-питака. (Обратно)
7. Названия групп, отсутствующие в оригинале, восполнены по соответствующим ссылкам, относящимся к этим качествам. См. АН 7.63, МН 53. В комментариях к МН 8 они названы "полным снаряжением, необходимым для

внутреннего прозрения". (Обратно)

8. Нравственность (шила), сосредоточенность (самадхи) и мудрость (праджня) – это три раздела Благородного Восьмеричного Пути. В тексте постоянно напоминает важность полного развития всех трех для окончательного освобождения. (Обратно)

9. Эти загрязняющие факторы – чувственное желание, стремление к существованию и неведение – первопричина попадания в зависимость от колеса перерождений. Поздние тексты добавляют также четвертый фактор – ложные воззрения. (Обратно)

10. Сарипутта – был одним из главных учеников Будды, наиболее сведущим в мудрости. (Обратно)

11. Комментаторы утверждают, что здесь подразумеваются умственные качества, касающиеся сосредоточенности, такие как усердие, внимательность и т.д. Состояние пребывания комментаторы объясняют, как достижение состояния прекращения (ниродха-самапатти). Освобождение – их освобождение от влечений и от будущих перерождений. (Обратно)

12. Каррам va tittheууа карравасесам ва. Комментаторы обычно рассматривают карра не как мировой период (калпа, эра), а как аю-карра – "продолжительность жизни", а авасеса - как "в неограниченности". Таким образом смысл перевода звучит как "Он может иметь неограниченную продолжительность жизни".

Вместе с тем следует отметить, что среди многочисленных значений слова карра, наиболее часто употребляемо его значение как времени в общем, а не только как продолжительность зона; но значение, как "продолжительность жизни", похоже встречается только в этом месте. Также необычно значение "в неограниченности" для слова авасеса (обычно – "напоминание").

Четыре основы "иддхи" (санскр. сиддхи) – это сильное желание (обрести их), подвижничество (активная, энергичная устремленность), сосредоточенность(развитие безмятежности и сосредоточения ума), проникновение (развитие всепроницающей мудрости). (Обратно)

13. Комментаторы говорят, что Будды, когда смотрят назад, поворачиваются всем телом, как это делают слоны. (Обратно)

14. Sukara-maddava: сложный термин до сих пор не имеющий однозначного перевода, поэтому его зачастую оставляют как есть в палийском произношении. Sukara = свинья; maddava = мягкий, нежный, деликатесный. Возможны два альтернативных значения этого термина: 1) нежные части свиньи или вепря; 2) то, что любят свиньи или вепри. Позже этот термин переводился так же как, грибы или трюфеля, ямс или клубни. К.Е. Нейман, в предисловии к немецкому переводу Маджжхима Никаи цитирует из индийского сборника лекарственных трав Раджаниганту, несколько растений начинающихся с sukara.

Комментарий к нашему тексту дает три альтернативных объяснения: 1) мясо дикого вепря, не слишком молодого и не слишком старого, доставшееся без преднамеренного убийства; 2) Разваренный рис, приготовленный с пятью молокопродуктами; 3) разновидность алхимического эликсира (rasayanavidhi). Дхаммапала, в своем комментарии к Удана VIII.5, разъясняет как побеги молодого бамбука, нанизанные свининой (sukarehi maddita-vamsakaliro). (Обратно)

15. Эти куплеты были вставлены теми, кто составлял и записывал сутты во время Первого собора. (Обратно)

16. Алара Калама – был одним из учителей Будды, до его Пробуждения. Он научил Бодхисатту, как достичь сферы отсутствия чего бы то ни было, но не мог показать ему путь к Ниббанае. (Обратно)

17. Комментарий: "От Павы до Кусинары приблизительно пять миль. Пройдя это расстояние с большим усилием, двадцать пять раз остановившись по пути, чтобы присесть отдохнуть, Благословенный достиг Саловой Роши на закате, когда солнце уже село. Так подступает болезнь к человеку, разрушая все его здоровье. И в явном желании подчеркнуть этот факт Благословенный произнес те слова, которые глубоко потрясли целый мир: "Я устал, Ананда, и охотно прилег бы". (Обратно)

18. В Лумбини, возле Капилаваттху, наследственная территория Сакьев в предгорьях Гималаев. (Обратно)

19. В Бодх-Гайе, в Бихаре. (Обратно)

20. В Исипатане возле Варанаси (современный Сарнатх). (Обратно)

21. Sakkaṇvatti-raja: идеальный праведный царь в соответствии с буддийской традицией. (Обратно)

22. Ayasa: обычно "сделанный из железа", имеет в соответствии с комментарием значение "сделанный из золота", что подтверждается санскритским значением слова. (Обратно)

23. Вихара – место встреч странствующих монахов (сад, парк, пещера), где они приводили время сезона дождей. (Обратно)

24. Sekha. Это означает обретение первого из плодов на пути к архатству – плода вошедшего в поток. (Обратно)

25. Семь драгоценностей Совершенного Царя Миродержца – это магическое колесо, символ его независимости, посредством которого он покоряет землю не используя применение силы; его чудесный слон; его конь; его прекрасная жена; его драгоценная жемчужина; его казначей и его советник. Все они наделены чудесными свойствами. Более детально о Маха Судассане рассказывается Дигха Никае 17. (Обратно)

26. Четыре ступени святости это: вошедший в поток, единожды возвращающийся, невозвращающийся и архат. (Обратно)

27. Чанна – был колесничим Будды, во времена, когда тот, будучи еще принцем Сиддхаттхой, жил во дворце. Чанна нарушал Винаю сразу в нескольких местах и презирал всех остальных монахов на основании что "Будда –

мой, Дхамма – моя, ибо Дхамма была постигнута моим юным хозяином". Применение высшей меры наказания изменило его на послушного монаха, в результате чего он обрел в конце концов плод архатства и обретя его избавился от наказания. (Обратно)

28. Ануруддха – старший брат Ананды, знал это благодаря обретенной им сверхспособности чтения мыслей других существ. (Обратно)

29. Брахма Сахампати – наивысшее божество мира Брахмы. Он был тем, кто первоначально попросил достигшего благословения Будду обучать мир Дхамме. см. МН 26. (Обратно)

30. Сакка – владыка богов небес Тридцати Трех, и таким образом более низкая чем Брахма Сахампати фигура в космологической иерархии. (Обратно)

31. Мандарава – небесный цветок, появляющийся на земле только в определенных случаях, в частности, по поводу основных событий жизни Будды. Его наличие в руках аскета дало знак почтенному Маха Кассапе, что Париниббана Будды уже свершилась. (Обратно)

32. Почтенный Маха Кассапа – был одним из главных учеников Будды и именно он возглавлял Первый Великий Собор, произошедший вскоре после Париниббаны Будды. (Обратно)

33. Этот Субхадда – это не тот странник Субхадда, который стал последним учеником Будды, а другой человек. (Обратно)

34. Комментарий приписывает эти строфы "Старейшинам острова Тамбапанни (Шри-Ланка)". (Обратно)

Дигха Никая 22

Махасатипаттхана сутта

Большая сутта об основах памятования

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
на основе перевода с пали Тханиссаро Бхиккху)

Так я слышал.

Однажды Благословенный жил среди куру в Камасадхамме – рыночном городе народа куру. Благословенный обращался там к бхиккху следующим образом: "Монахи", а те отвечали ему: "Почтенный господин".

Благословенный говорил следующее:

Монахи, существует ведущий прямо к цели путь очищения существ, преодоления печали и слез, устранения страданий и бед, выхода на правильный путь, достижения Ниббаны, а именно – четыре основы памятования. Каковы эти четыре основы? При этом монах отслеживает тело в теле, [1] пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он отслеживает чувства в чувствах, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он отслеживает ум в уме, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он отслеживает качества ума в качествах ума, [2] пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе.

I. Созерцание тела

1. (Памятование дыхания)

И каким образом живет монах, отслеживая тело в теле?

При этом монах уходит в лес, под крону дерева, или в пустое жилище, садится, скрестив ноги, держит тело прямо и устанавливает памятование возле рта. Только памятуя он вдыхает, и памятуя он выдыхает. (1) Делая длительный вдох, он распознает, что делает длительный вдох; делая длительный выдох, он распознает, что делает длительный выдох; (2) делая короткий вдох, он распознает, что делает короткий вдох; делая короткий выдох, он распознает, что делает короткий выдох. (3) Он тренируется вдыхать, восприимчивый ко всему телу, и выдыхать, восприимчивый ко всему телу. (4) Он тренируется вдыхать, успокаивая телесное конструирование, и выдыхать, успокаивая телесное конструирование.

Как опытный гончар или его подмастерье,

делая большой оборот, распознает, что он делает большой оборот, или, делая малый оборот, распознает, что он делает малый оборот, так и монах,

(1) делая длительный вдох, распознает, что он делает длительный вдох; делая длительный выдох, он распознает, что делает длительный выдох; (2) делая короткий вдох, он распознает, что делает короткий вдох; делая короткий выдох, он распознает, что делает короткий выдох. (3) Он тренируется вдыхать, восприимчивый ко всему телу, и выдыхать, восприимчивый ко всему телу. (4) Он тренируется вдыхать, успокаивая телесное конструирование, и выдыхать, успокаивая телесное конструирование.

Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне, либо он отслеживает тело в теле внешне, либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне. [3]

Он отслеживает факторы возникновения в теле, [4]

либо он отслеживает факторы исчезновения в теле, [5]

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле. [6]

Либо его памятование соотносится с мыслью "Тело существует" [7] по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо [8] и ни к чему не привязан в мире.

И таким образом монах отслеживает тело в теле.

2. Положения тела

Кроме того,

(1) когда монах идет, он распознает, что он идет;

(2) когда он стоит, он распознает, что он стоит;

(3) когда он сидит, он распознает, что он сидит;

(4) когда он лежит, он распознает, что он лежит;

(5) какое бы положение ни занимало тело, он распознает это.

Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне,

либо он отслеживает тело в теле внешне,

либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в теле,

либо он отслеживает факторы исчезновения в теле, [9]

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Тело существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире.

И таким образом монах отслеживает тело в теле.

3. Памятование через осознанность (сампаджанна) Кроме того,

(1) когда монах шагает вперед и назад, он осознает это;

(2) когда он смотрит прямо и в сторону, он осознает это;

(3) когда он сгибает и разгибает конечности, он осознает это;

(4) когда он носит накидку, мантию и чашу, он осознает это; (5) когда он ест, пьет, жует, пробует на вкус, он осознает это; (6) когда он мочится и испражняется, он осознает это; (7) когда он идет, стоит, сидит, засыпает, пробуждается, разговаривает и молчит, он осознает это. Таким образом он отслеживает тело в теле ...

4. Созерцание нечистоты тела (асубха)

И далее, монах созерцает само это покрытое кожей и заключающее в себе множество нечистот теле, снизу вверх, начиная со стоп, и сверху вниз, начиная с волос головы: "В этом теле есть волосы головы, волосы тела, ногти, зубы, кожа; мышцы, сухожилия, кости, костный мозг; почки, сердце, печень, диафрагма, селезенка, легкие; кишки, брыжейка, содержимое желудка, фекалии; желчь, слизь, гной, кровь, сало, пот, жир; слезы, слюна, носовая слизь, синовиальная жидкость, моча".

Как если бы была сумка для пищи, наполненная различными сортами зерна типа горного риса, неочищенного риса, зеленого горошка, дикого гороха, кунжута и очищенного риса, и если человек с наметанным глазом открыл бы сумку и стал выбирать ее содержимое следующим образом: "Это – горный рис, это – неочищенный рис, это – зеленый горошек, это – дикий горох, это – кунжут, это – очищенный рис".

Так и монах созерцает само это покрытое кожей и заключающее в себе множество нечистот теле, снизу вверх, начиная со стоп, и сверху вниз, начиная с волос головы: "В этом теле есть волосы головы, волосы тела, ногти, зубы, кожа; мышцы, сухожилия, кости, костный мозг; почки, сердце, печень, диафрагма, селезенка, легкие;

кишки, брыжейка, содержимое желудка, фекалии; желчь, слизь, гной, кровь, сало, пот, жир; слезы, слюна, носовая слизь, синовиальная жидкость, моча".

Таким образом он отслеживает тело в теле ...

5. Созерцание стихий (дхату)

И далее, монах созерцает само это тело, вне зависимости от его положения, посредством стихий: "В этом теле есть стихия земли, стихия воды, стихия огня, стихия воздуха". [10]

Как если бы, о монахи, мудрый мясник либо его ученик, зарезав корову и разделив ее по частям, сел бы на перекресток четырех столбовых дорог, так и монах созерцает само это тело, вне зависимости от его положения, посредством стихий: "В этом теле есть стихия земли, стихия воды, стихия огня, стихия воздуха".

Таким образом он отслеживает тело в теле...

6. Девять созерцаний на кладбище

(1) И далее, как если бы монах, увидев тело человека, умершего один, два или три дня назад, вспухшее, сине и гниющее, брошенное в могилу, переносит увиденное на свое собственное тело следующим образом:

"Действительно, и мое тело такого же рода, поэтому оно будет подвержено этому и не избежит этого". Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне,

либо он отслеживает тело в теле внешне,

либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в теле,

либо он отслеживает факторы исчезновения в теле,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Тело существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире.

И таким образом монах отслеживает тело в теле.

(2) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу, съедаемое вороньем, ястребами, грифами, псами, шакалами либо различными видами червей, переносит увиденное на свое собственное тело следующим образом: "Действительно, и мое тело такого же рода, поэтому оно будет подвержено этому и не избежит этого".

Таким образом он отслеживает тело в теле...

(3) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу и ставшее скелетом с остатками плоти и крови на костях, соединяемых сухожилиями...

(4) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу и ставшее скелетом со следами крови без плоти на костях, соединяемых сухожилиями...

(5) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу и ставшее скелетом без плоти и крови на костях, соединяемых сухожилиями...

(6) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу и ставшее грудой костей, разметанных по сторонам: там – кости кисти, здесь – кости стопы, берцовая кость, бедренная кость, тазовая кость, позвоночный столб и череп...

(7) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу, ставшее выбеленными костями цвета ракушки ...

(8) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу, ставшее костями, пролежавшими грудой более года ...

(9) И далее, как если бы монах, увидев тело, брошенное в могилу, ставшее костями, что сгнили и превратились в пыль, переносит увиденное на свое собственное тело следующим образом: "Действительно, и мое тело такого же рода, поэтому оно будет подвержено этому и не избежит этого". Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне,

либо он отслеживает тело в теле внешне,

либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в теле,

либо он отслеживает факторы исчезновения в теле,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле.

Либо его памятование соотносится с мыслью "тело существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает тело в теле.

II. Созерцание чувств (ведана)

И каким образом живет монах, отслеживая чувства в чувствах? При этом,

(1) когда монах испытывает чувство счастья, он распознает: "Испытываю приятное чувство"; (2) когда испытывает чувство страдания, он распознает: "Испытываю мучительное чувство"; (3) когда испытывает чувство ни счастья, ни страдания, он распознает: "Испытываю ни приятное, ни мучительное чувство"; (4) когда испытывает плотское чувство счастья, он распознает: "Испытываю приятное плотское чувство"; (5) когда испытывает не-плотское чувство счастья, он распознает: "Испытываю приятное не-плотское чувство"; (6) когда испытывает плотское чувство страдания, он распознает: "Испытываю мучительное плотское чувство"; (7) когда испытывает не-плотское чувство страдания, он распознает: "Испытываю мучительное не-плотское чувство"; (8) когда испытывает плотское чувство ни счастья, ни страдания, он распознает: "Испытываю ни приятное, ни мучительное плотское чувство"; (9) когда испытывает не-плотское чувство ни счастья, ни страдания, он распознает: "Испытываю ни приятное, ни мучительное не-плотское чувство".

Таким образом он отслеживает чувства в чувствах внутренне,

либо он отслеживает чувства в чувствах внешне,

либо он отслеживает чувства в чувствах внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в чувствах,

либо он отслеживает факторы исчезновения в чувствах, [11]

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в чувствах.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Чувство существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает чувства в чувствах.

III. Созерцание ума (читта)

И каким образом монах отслеживает ум в уме? При этом монах распознает

(1) ум со страстью, как ум со страстью; ум без страсти, как ум без страсти; (2) ум с отвращением, как ум с отвращением; ум без отвращения, как ум без отвращения; (3) ум с заблуждением, как с заблуждением; ум без заблуждения, как без заблуждения; (4) суженное состояние ума, как суженное состояние ума; [12] рассеянное состояние ума, как рассеянное состояние ума; [13] (5) просторное состояние ума, как просторное состояние ума; [14] не просторное состояние ума, как не просторное состояние ума; [15] (6) состояние ума, по отношению к которому есть умственно более высокое состояние ума, как состояние, по отношению к которому есть умственно более высокие состояния; [16]

состояние ума, по отношению к которому нет умственно более высокого состояния ума, как состояние, по отношению к которому нет умственно более высоких состояний; [17] (7) сосредоточенное состояние ума, как сосредоточенное состояние ума; не сосредоточенное состояние ума, как не сосредоточенное состояние ума; (8) освобожденное состояние ума, как освобожденное состояние ума; [18] не освобожденное состояние ума, как не освобожденное состояние ума;

Таким образом он отслеживает ум в уме внутренне,

либо он отслеживает ум в уме внешне,

либо он отслеживает ум в уме внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в уме,

либо он отслеживает факторы исчезновения в уме,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в уме [19].

Либо его памятование соотносится с мыслью "Ум существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает ум в уме.

IV. Созерцание качеств ума (дхамм)

1. Пять препятствий (ниварана)

И каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума?

При этом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти препятствий.

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти препятствий? При этом,

(1) монах, когда в нем присутствует чувственное желание, распознает, что в нем есть чувственное желание, либо, когда в нем отсутствует чувственное желание, он распознает, что в нем нет чувственного желания. Он распознает, как происходит возникновение невозникшего чувственного желания; он распознает, как происходит исчезновение возникшего чувственного желания; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувшего чувственного желания.

(2) Когда в нем присутствует недоброжелательность, он распознает, что в нем есть недоброжелательность,

либо, когда в нем отсутствует недоброжелательность, он распознает, что в нем нет недоброжелательности. Он распознает, как происходит возникновение невозникшей недоброжелательности; он распознает, как происходит исчезновение возникшей недоброжелательности; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувшей недоброжелательности.

(3) Когда в нем присутствуют лень и сонливость, он распознает, что в нем есть лень и сонливость, либо, когда в нем отсутствуют лень и сонливость, он распознает, что в нем нет лени и сонливости. Он распознает, как происходит возникновение невозникших лени и сонливости; он распознает, как происходит исчезновение возникших лени и сонливости; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших лени и сонливости.

(4) Когда в нем присутствуют неугомонность и беспокойство, он распознает, что в нем есть неугомонность и беспокойство, либо, когда в нем отсутствуют неугомонность и беспокойство, он распознает, что в нем нет неугомонности и беспокойства. Он распознает, как происходит возникновение невозникших неугомонности и беспокойства; он распознает, как происходит исчезновение возникших неугомонности и беспокойства; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших неугомонности и беспокойства.

(5) Когда в нем присутствует неуверенность, он распознает, что в нем есть неуверенность, либо, когда в нем отсутствует неуверенность, он распознает, что в нем нет неуверенности. Он распознает, как происходит возникновение невозникшей неуверенности; он распознает, как происходит исчезновение возникшей неуверенности; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувшей неуверенности.

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума [20].

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти препятствий.

2. Пять групп привязанности (кхандха)

И далее, монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти групп привязанностей. [21]

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти групп привязанностей? При этом монах мыслит:

(1) "Это – материальная форма; это – возникновение материальной формы; это – исчезновение материальной формы. (2) Это – чувство; это – возникновение чувства; это – исчезновение чувства. (3) Это – распознавание; это – возникновение распознавания; это – исчезновение распознавания. (4) Это – конструкции; это – возникновение конструкций; это – исчезновение конструкций. (5) Это – сознание; это – возникновение сознания; это – исчезновение сознания".

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума [22].

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти групп привязанностей.

3. Шесть внутренних и внешних сфер чувств (аятана)

И далее, монах отслеживает качества ума в качествах ума шести внутренних и внешних сфер чувств.

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума шести внутренних и внешних сфер чувств? При этом,

(1) монах распознает глаз и зрительные формы, и оковы, порожденные ими; [23] он распознает, как происходит

возникновение невозникших оков;

он распознает, как происходит исчезновение возникших оков;

и он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших оков. (2) Он распознает ухо и звуки ...

(3) нос и запахи ...

(4) язык и вкус ...

(5) тело и объекты осязания ...

(6) интеллект и идеи, и оковы, порожденные ими; он распознает, как происходит возникновение невозникших оков;

он распознает, как происходит исчезновение возникших оков;

и он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших оков.

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне,

либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне,

либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума,

либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума. [24]

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума шести внутренних и внешних сфер чувств.

4. Семь факторов Пробуждения (боддханга)

И далее, монах отслеживает качества ума в качествах ума семи факторов Пробуждения.

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума семи факторов Пробуждения? При этом,

(1) когда в нем присутствует просветляющий фактор памятования (сати), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор памятования, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор памятования, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора памятования; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора памятования; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора памятования.

(2) Когда в нем присутствует просветляющий фактор различения качеств ума (дхамма-вичая), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор различения качеств ума, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор различения качеств ума, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора различения качеств ума; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора различения качеств ума; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора различения качеств ума.

(3) Когда в нем присутствует просветляющий фактор настойчивости (вирья), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор настойчивости, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор настойчивости, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора настойчивости; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора настойчивости; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора настойчивости.

(4) Когда в нем присутствует просветляющий фактор восторга (пити), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор восторга, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор восторга, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора восторга ; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора восторга; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора восторга.

(5) Когда в нем присутствует просветляющий фактор безмятежности (пассадхи), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор безмятежности, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор безмятежности, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора безмятежности ; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора безмятежности; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора безмятежности.

(6) Когда в нем присутствует просветляющий фактор сосредоточения (самадхи), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор сосредоточения, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор сосредоточения, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора сосредоточения; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора сосредоточения;

и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора сосредоточения.

(7) Когда в нем присутствует просветляющий фактор безмятежного наблюдения (упеккха), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор безмятежного наблюдения, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор безмятежного наблюдения, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора безмятежного наблюдения; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора безмятежного наблюдения; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора безмятежного наблюдения.

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне. Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума. [25]

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума семи факторов Пробуждения.

5. Четыре благородные истины (арья-сачча)

И далее, монах отслеживает качества ума в качествах ума четырех благородных истин.

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума четырех благородных истин? При этом,

- (1) монах распознает: "Это – страдание (дуккха) [26]" согласно действительности;
- (2) он распознает: "Это – источник страдания" согласно действительности;
- (3) он распознает: "Это – прекращение страдания" согласно действительности;
- (4) он распознает: "Это – путь, ведущий к прекращению страданий" согласно действительности.

(1) А в чем состоит благородная истина о страдании? Рождение – это страдание, старение – это страдание, смерть – это страдание; печаль, слезы, боль, горе и отчаяние – это страдание; связь с неприятным – это страдание, разлука с приятным – это страдание, неполучение желаемого – это страдание. Короче говоря, путь групп привязанности (упадана кхандха) – это страдание.

А что такое рождение? Любое рождение, зарождение, происхождение, возникновение, приход, появление групп (привязанности), и приобретение сфер (чувств), – разнообразными существами из той или иной группы существ, – вот что называется рождением.

А что такое старение? Любое старение, одряхление, ухудшение здоровья, появление седины и морщин, упадок жизненной силы, ослабление способностей существ из той или иной группы существ, – вот что называется старением.

А что такое смерть? Умирание, уход, разрушение, исчезновение, кончина, смерть, разрушение групп, покидание тела, прекращение жизненной способности, – вот что называется смертью.

А что такое печаль? Печаль, сомнение, грусть, внутренняя печаль, внутренняя грусть любого, кто страдает от несчастья, столкнувшегося с чем-то болезненным, – вот что называется печалью.

А что такое слезы? Плач, скорбь, жалобный крик, оплакивание, рыдание любого, кто страдает от несчастья, столкнувшегося с чем-то болезненным, – вот что называется слезами.

А что такое боль? Все, что переживается как телесная боль, телесное неудобство, боль или неудобство, вызванные телесным контактом, – вот что называется болью.

А что такое горе? Все, что переживается как психическая (душевная) боль, психическое неудобство, боль или неудобство, вызванные контактом интеллекта, – вот что называется горем.

А что такое отчаяние? Любое отчаяние, уныние, безысходность любого, кто страдает от несчастья, кто соприкоснулся с чем-то мучительным, – вот что называется отчаянием.

А что такое страдание от связи с неприятным? При этом происходят нежелательные, нелюбимые, непривлекательные зрительные образы, звуки, запахи, вкусы и тактильные ощущения; или происходит связь, контакт, взаимоотношения, взаимодействие с теми, кто желает тебе зла, кто желает нанести вред, кто желает тебе неудобства, кто желает тебе не достичь покоя от привязанностей. Вот что называется страданием от связи с неприятным.

А что такое страдание от разлуки с приятным? При этом не происходят желательные, любимые, привлекательные зрительные образы, звуки, запахи, вкусы и тактильные ощущения; или не происходит связи, контакта, взаимоотношений, взаимодействия с теми, кто желает тебе добра, кто желает принести пользу, кто желает тебе удобства, кто желает тебе достичь покоя от привязанностей, с матерью, отцом, братом, сестрой, друзьями, коллегами или родственниками. Вот что называется страданием от разлуки с приятным.

А что такое страдание неполучения желаемого? У существ, подверженных рождению, возникает желание: "О, пусть мы не будем подвержены рождению, и пусть рождение с нами не происходит". У существ, подверженных старению ... болезням ... смерти ... печали, слезам, боли, горю и отчаянию, возникает желание: "О, пусть мы не будем подвержены старению ... болезням ... смерти ... печали, слезам, боли, горю и отчаянию, и пусть старение ... болезни ... смерть ... печаль, слезы, боль, горе и отчаяние с нами не происходят". Но это не достигается желанием. В этом состоит страдание неполучения желаемого.

А каковы пять групп привязанности, которые, короче говоря, являются страданием? Форма как группа привязанности, чувство как группа привязанности, распознавание как группа привязанности, намерение как группа привязанности, сознание как группа привязанности: именно они называются группами привязанности, которые, короче говоря, являются страданием.

Вот что называется благородной истиной о страдании.

(2) А в чем состоит благородная истина о происхождении страдания? Жажда (tanha), которая приводит к повторному рождению, – сопровождаемая наслаждением и страстью, находящая удовольствие то в одном, то в другом, – то есть жажда чувственности, жажда становления, жажда не-становления.

И где эта возникающая жажда возникает и где эта обитающая жажда обитает? Что бы в мире ни казалось приятным и милым, здесь эта возникающая жажда возникает и здесь обитающая обитает.

А что же в мире кажется приятным и милым? Глаз в мире кажется приятным и милым: здесь эта возникающая жажда возникает и здесь обитающая обитает.

Ухо ... Нос ... Язык ... Тело ... Интеллект (mano)...

Формы ... Звуки ... Запахи ... Вкусы ... Тактильные ощущения ... Идеи (dhamma)...

Сознание (vinnana) глаза ... Сознание носа ... Сознание языка ... Сознание тела ... Сознание интеллекта ...

Контакт (samphasso) глаза ... Контакт носа ... Контакт языка ... Контакт тела ... Контакт интеллекта ...

Чувство (vedana), рожденное контактом глаза ... Чувство, рожденное контактом носа ... Чувство, рожденное контактом языка ... Чувство, рожденное контактом тела ... Чувство, рожденное контактом интеллекта ...

Восприятие (sanna) форм ... Восприятие звуков ... Восприятие запахов ... Восприятие вкусов ... Восприятие тактильных ощущений ... Восприятие идей ...

Намерение (sancetana) по отношению к формам ... намерение по отношению к звукам ... намерение по отношению к запахам ... намерение по отношению к вкусам ... намерение по отношению к тактильным ощущениям ... намерение по отношению к идеям ...

Жажда (tanha) форм ... жажда звуков ... жажда запахов ... жажда вкусов ... жажда тактильных ощущений ... жажда идей ...

Рассуждение (vitakka) о формах ... рассуждение о звуках ... рассуждение о запахах ... рассуждение о вкусах ... рассуждение о тактильных ощущениях ... рассуждение об идеях ...

Изучение (vicara) форм ... изучение звуков ... изучение запахов ... изучение вкусов ... изучение тактильных ощущений ... изучение идей в мире кажется приятным и милым: здесь эта возникающая жажда возникает и здесь обитающая обитает.

Вот что называется благородной истиной о происхождении страдания.

(3) А в чем состоит благородная истина о прекращении страдания? Полное угасание и прекращение, покидание и отбрасывание, освобождение и избавление от этой вот жажды (tanha).

А где эта отбрасываемая жажда отбрасывается, и где эта прекращаемая жажда прекращается? Что бы в мире ни казалось приятным и милым, здесь эта отбрасываемая жажда отбрасывается, и здесь прекращаемая прекращается.

А что же в мире кажется приятным и милым? Глаз в мире кажется приятным и милым: здесь эта отбрасываемая жажда отбрасывается, и здесь прекращаемая прекращается.

Ухо ... Нос ... Язык ... Тело ... Интеллект (mano)...

Формы ... Звуки ... Запахи ... Вкусы ... Тактильные ощущения ... Идеи (dhamma)...

Сознание (vinnana) глаза ... Сознание носа ... Сознание языка ... Сознание тела ... Сознание интеллекта ...

Контакт (samphasso) глаза ... Контакт носа ... Контакт языка ... Контакт тела ... Контакт интеллекта ...

Чувство (vedana), рожденное контактом глаза ... Чувство, рожденное контактом носа ... Чувство, рожденное контактом языка ... Чувство, рожденное контактом тела ... Чувство, рожденное контактом интеллекта ...

Восприятие (sanna) форм ... Восприятие звуков ... Восприятие запахов ... Восприятие вкусов ... Восприятие тактильных ощущений ... Восприятие идей ...

Намерение (sancetana) по отношению к формам ... намерение по отношению к звукам ... намерение по отношению к запахам ... намерение по отношению к вкусам ... намерение по отношению к тактильным ощущениям ... намерение по отношению к идеям ...

Жажда (tanha) форм ... жажда звуков ... жажда запахов ... жажда вкусов ... жажда тактильных ощущений ... жажда идей ...

Рассуждение (vitakka) о формах ... рассуждение о звуках ... рассуждение о запахах ... рассуждение о вкусах ... рассуждение о тактильных ощущениях ... рассуждение об идеях ...

Изучение (vicara) форм ... изучение звуков ... изучение запахов ... изучение вкусов ... изучение тактильных

ощущений ... изучение идей в мире кажется приятным и милым: здесь эта отбрасываемая жажда отбрасывается, и здесь прекращаемая прекращается.

Вот что называется благородной истиной о прекращении страдания.

(4) А в чем состоит благородная истина о пути практики, ведущем к прекращению страданий? Именно этот благородный восьмеричный путь: правильное понимание (диттхи), правильная решимость (санкаппа), правильная речь (вача), правильное действие (камманта), правильный образ жизни (аджива), правильное усилие (ваяма), правильное памятование (сати), правильное сосредоточение (самадхи).

А что такое правильное понимание? Знание о страдании, знание о происхождении страдания, знание о прекращении страдания. Знание о пути практики, ведущем к прекращению страдания: вот что называется правильным пониманием.

А что такое правильная решимость? Решимость, направленная на отречение, на свободу от зла, на непричинение вреда: вот что называется правильной решимостью.

А что такое правильная речь? Воздержание от лжи, от вызывающей рознь, от оскорбляющей речи, и от пустой болтовни: вот что называется правильной речью.

А что такое правильное действие? Воздержание от лишения жизни, от воровства, и от половых сношений: вот что называется правильным действием.

А что такое правильный образ жизни? При этом благородный приверженец, оставив нечестный образ жизни, ведет свою жизнь в соответствии с правильным образом жизни: вот что называется правильным образом жизни.

А что такое правильное усилие? При этом монах вызывает у себя желание (чханда), прилагает все силы, вырабатывает настойчивость (вирья), поддерживает и проявляет свое намерение (читта) ради предотвращения еще не возникших неумелых умственных качеств (акусала-дхамма) ... ради устранения уже возникших неумелых умственных качеств ... ради развития еще не возникших умелых умственных качеств (кусала-дхамма) ... ради поддержания, сохранения, увеличения, обилия, развития и совершенства уже возникших умелых умственных качеств.

А что такое правильное памятование? При этом монах живет, отслеживая тело в теле, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он живет, отслеживая чувства в чувствах, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он живет, отслеживая ум в уме, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он живет, отслеживая качества ума (дхамма) в качествах ума, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе:

вот что называется правильным памятованием.

А что такое правильное сосредоточение? При этом монах, — совершенно непривязанный к чувственности (кама), непривязанный к неискusstвам (акусала-дхамма), — входит и остается в первой джхане: восторг (пити) и удовольствие (сукха), рожденные непривязанностью, сопровождаемые рассуждением (витака) и изучением (вичара).

С остановкой рассуждения и изучения, он входит и остается во второй джхане: восторг и удовольствие, рожденные сосредоточением (самадхи-дхам), объединение сознания (четасо экидхамма), свободным от рассуждения и изучения, внутренняя уверенность (адджхаттам-сампасаданам).

С угасанием восторга (пити), он пребывает в безмятежном наблюдении (упекха), с памятованием (сати) и осознанностью (сампадхання); и испытывает физическое удовольствие (сукха). Он входит и остается в третьей джхане, и о нем благородные говорят: "В удовольствии живет тот, кто безмятежно наблюдает и распознает".

С отбрасыванием удовольствия и страдания, — так же, как перед этим исчезли радость и горе, — он входит и остается в четвертой джхане: памятовании, очищенном безмятежным наблюдением (упекха-сати-парисуддхи), ни удовольствии, ни страдании (адуккхам-асукха): вот что называется правильным сосредоточением.

Вот что называется благородной истиной о пути практики, ведущем к прекращению страданий. Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне,

либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне,

либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне. [27]

Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума,

либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума четырех благородных истин.

* * *

И любой, кто будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение семи лет, сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения". [28]

О, не принимайте за меру семь лет. Если кто-то будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение шести лет ... в течение пяти лет ... трех лет ... двух лет ... одного года, тогда он сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения".

О, не принимайте за меру один год. Если кто-то будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение семи месяцев ... в течение шести месяцев ... пяти месяцев ... четырех месяцев ... трех месяцев ... двух месяцев ... месяца ... половины месяца, тогда он сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения".

О, не принимайте за меру половину месяца. Если кто-то будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение недели, тогда он сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения".

"Это ведущий прямо к цели путь очищения существ, преодоления печали и слез, устранения страданий и бед, выхода на правильный путь, достижения Ниббаны, а именно, четыре основы памятования". Так было сказано, и в связи с этим так было сказано".

Так сказал Благословенный. Радостные сердцем, монахи восхитились его словам.

Примечания

1. Повторение фраз "отслеживая тело в теле", "чувства в чувствах", и т. д. предназначено для того, чтобы медитирующий понял, насколько важно осознавать, удерживается ли его внимание на одном выбранном объекте, и не отклоняется в область другого созерцания. Например, когда медитирующий созерцает любой телесный процесс, он может невольно отвлечься на рассмотрение своих чувств, связанных с этим телесным процессом. В таком случае он должен ясно осознавать, что он ушел от первоначального предмета, и занялся созерцанием чувства. [Обратно]

2. Ум (на языке пали "читта", также "сознание" или "винняна") в данном контексте означает состояния ума или единицы моментальной продолжительности в потоке ума. Качества ума (дхамма), – это содержание ума, или факторы ума, из которых состоят отдельные состояния ума. [Обратно]

3. "Внутренне": отслеживая собственное дыхание; "внешне": отслеживая дыхание другого; "внутренне и внешне": отслеживая попеременно свое дыхание и дыхание другого с непрерывным вниманием. Сначала внимание обращается только на собственное дыхание, и только на дальнейших этапах для практики пронизательности внимание обращается на процесс дыхания другого человека. [Обратно]

4. Факторы возникновения (самудая-дхамма), то есть условия возникновения дыхания тела; это: все тело целиком, носовой проем и ум. [Обратно]

5. Условия исчезновения дыхания тела – это: разрушение тела и носового проема, и прекращение деятельности ума. [Обратно]

6. Созерцание то одних, то других попеременно. [Обратно]

7. То есть существуют только безличные процессы тела, без "я", души, духа, постоянной сущности или субстанции. Соответственно нужно понимать эту фразу в последующих созерцаниях. [Обратно]

8. Независимо от жадности (tanha) и ложного понимания. [Обратно]

9. Во всех созерцаниях тела, кроме предыдущего, факторы происхождения: невежество, жажда, карма, еда, и общая характеристика происхождения; факторы исчезновения: исчезновение невежества, жажды, кармы, еды, и общая характеристика исчезновения. [Обратно]

10. Так называемые "стихии" – это первичные качества материи, объясняемые буддийской традицией как твердость (земля), сцепление (вода), теплотворность (огонь), и движение (ветер или воздух). [Обратно]

11. Здесь факторы возникновения: невежество, жажда, карма, впечатление чувств, и общая характеристика возникновения. Факторы исчезновения: исчезновение этих четырех, и общая характеристика исчезновения. [Обратно]

12. Это относится к негибкому и ленивому состоянию ума. [Обратно]

13. Это относится к беспокойному уму. [Обратно]

14. Ум медитативной поглощенности тонко-телесной и нетелесной сферы (рупа-арупа-джхана). [Обратно]

15. Обычный ум, или чувственное состояние существования (камавачара). [Обратно]

16. Ум чувственного состояния существования, по отношению к которому есть другие более высокие состояния ума. [Обратно]

17. Ум тонко-телесной и нетелесной сферы, по отношению к которому нет более высоких земных состояний ума. [Обратно]

18. Временно освобожденное от оков (килеса) либо с помощью методичной практики проничательности (vipassana), освобождающей от отдельных неумелых состояний силой их противоположностей, либо с помощью медитативной поглощенности ума (джхана). [Обратно]

19. Здесь факторы происхождения состоят из невежества, жажды, кармы, тела-и-ума (нама-рупа). И общей характеристики происхождения; факторы исчезновения: пропадание невежества и т. д., и общая характеристика исчезновения. [Обратно]

20. Здесь факторы возникновения – это условия, которые создают препятствия, например ложное рассуждение и т. п., факторы исчезновения – это условия, которые устраняют препятствия, например правильная решимость. [Обратно]

21. Эти пять групп или скоплений образуют так называемую личность. Если они являются объектами привязанности, то существование, в форме повторных рождений и смертей, повторяется. [Обратно]

22. Факторы возникновения-исчезновения для пяти групп: для материальной формы, те же, что и для поз; для чувства, те же, что и для созерцания чувства; для распознавания и конструкций, те же, что и для чувства; для ума, те же, что и для созерцания ума. [Обратно]

23. Традиционный список десяти главных оков (самйоджана), как он дан в собрании трактатов ("Сутта Питака"), следующий: (1) иллюзия "я", (2) скептицизм, (3) привязанность к правилам и ритуалам, (4) чувственное вожеление, (5) недоброжелательность, (6) жажда тонко-телесного существования, (7) жажда бестелесного существования, (8) тщеславие, (9) нетерпеливость, (10) невежество. [Обратно]

24. Факторы возникновения шести физических оков чувств – это невежество, жажда, карма, еда, и общая характеристика происхождения; факторы исчезновения: общая характеристика исчезновения и пропадание невежества и т. д. Факторы возникновения и исчезновения основы ума те же, что и у чувства. [Обратно]

25. Здесь факторы возникновения и исчезновения состоят только из условий, способствующих возникновению и исчезновению факторов Пробуждения. [Обратно]

26. Дуккха: буквально, "то, что трудно выносить, что тяжело терпеть". Можно перевести это слово как "стресс". [Обратно]

27. Факторы возникновения и исчезновения истин нужно понимать как возникновение и исчезновение страдания, жажды, и пути; истина о прекращении не включается в это созерцание, так как это ни возникновение, ни исчезновение. [Обратно]

28. То есть не-возвращения в мир чувственности. Это последний этап перед достижением конечной цели Архатства. [Обратно]

Дигха Никая 23

Паяси сутта

Так я слышал:

Однажды достопочтенный Кашьяпа-царевич странствовал по стране Кошале с большой общиной монахов, круглым счетом с пятьюстами монахов, и пришел в город кошальцев, называемый Сетавия. И там, в Сетавии, достопочтенный Кашьяпа-царевич остановился к северу от самой Сетавии, в роще шимшаповых деревьев.

А в то время процветающей Сетавией, где было вдоволь травы, дров и воды, вдоволь зерна, распоряжался князь Паяси, как царской вотчиной, данной ему царем Прасенаджитом кошальским – данной по-царски, в полное владение.

И в то время князь Паяси придерживался такого дурного воззрения: "Нет-де того света, нет самородных существ, нет плода и последствия дурных и добрых дел".

И прослышали сетавийские брахманы-домовладыки: "Говорят, что шраман Кашьяпа-царевич, ученик шрамана Готамы, странствуя по Кошале с большой общиной монахов, круглым счетом с пятьюстами монахов посетил Сетавию и остановился к северу от Сетавии в роще шимшаповых деревьев. И про этого почтенного Кашьяпу-царевича распространилась такая добрая слава - он умен, разумен, проничателен, много знает, красно говорит, удачно отвечает, зрелый человек и святой. Право, хорошо встречаться с подобными святыми людьми". И вот сетавийские брахманы-домовладыки вышли из Сетавии, собравшись вместе и сообщая, и направились к северу, в рощу шимшаповых деревьев.

А в то время князь Паяси предавался дневному отдыху на крыше своего дворца. И увидел князь Паяси, что сетавийские брахманы-домовладыки вышли из Сетавии, собравшись вместе и сообщая, и направились к северу, в рощу шимшаповых деревьев. Увидав это, он обратился к колесничему.

– Что это, колесничий, сетавийские брахманы-домовладыки вышли из Сетавии, собравшись вместе и сообщая, и направились к северу, в сторону рощи шимшаповых деревьев?

– Есть такой шраман Кашьяпа-царевич, ученик шрамана Готамы. Странствуя по Кошале с большой общиной монахов, круглым счетом с пятьюстами монахов, он посетил Сетавию и остановился к северу от Сетавии в роще шимшаповых деревьев. И про этого почтенного Кашьяпу-царевича распространилась такая добрая слава – он умен, разумен, проникателен, много знает, красно говорит, удачно отвечает, зрелый человек и святой. Вот они и идут, чтобы встретиться с почтенным Кашьяпой-царевичем.

– Тогда ты, колесничий, подойди к сетавийским брахманам-домовладыкам; подойдя к сетавийским брахманам-домовладыкам, скажи им, что князь Паяси вот как говорит: "Подождите, почтенные. Князь Паяси тоже хочет встретиться со шраманом Кашьяпой-царевичем. Прежде когда-то шраман Кашьяпа-царевич так наставлял глупых и неразумных сетавийских брахманов-домовладык, что есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Но ведь нет, колесничий, того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел".

– Да почтенный, – ответил тот колесничий князю Паяси; подошел он к сетавийским брахманам; подойдя к сетавийским брахманам, он сказал:

– Князь Паяси вот что говорит: "Подождите, почтенные, князь Паяси тоже хочет встретиться со шраманом Кашьяпой-царевичем".

И вот князь Паяси в окружении сетавийских брахманов-домовладык пришел к достойному Кашьяпе-царевичу. Придя, он обменялся с достойным Кашьяпой-царевичем учтивыми, дружественными словами приветствия и сел подле него. А из сетавийских брахманов-домовладык иные поздоровались с достойным Кашьяпой-царевичем и сели подле, иные обменялись с достойным Кашьяпой-царевичем учтивыми, дружественными словами приветствия и сели подле, иные сложили на груди ладони, приветствуя его, и сели подле, иные назвали свое имя и готру и сели подле, иные молча сели подле.

И сидя подле достойного Кашьяпы-царевича, князь Паяси сказал ему: – Я, уважаемый Кашьяпа, так считаю и так утверждаю: нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Не видал я и не слыхал, князь, тех, кто так считал бы и так утверждал. Как же можно так утверждать, что-де нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел? Я уж тебя, князь, порасспрошу в ответ, а ты мне говори, как считаешь правильным. Как ты полагаешь, князь, вот солнце и луна – они на этом свете или на том, и боги они или люди?

– Солнце и луна, уважаемый Кашьяпа – на том свете, не на этом, и они боги, а не люди.

– Так что из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хотя почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть какое-то соображение, князь, из которого выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот есть у меня, уважаемый Кашьяпа, друзья-приятели или кровные родственники-убийцы, воры, прелюбодеи, лгуны, клеветники, грубияны, пустословы, жадные, исполненные вражды и ложных воззрений. Иной раз случается, что они занемогут, занедужат и сделаются тяжело больны. Когда я уверен, что им уж от этой болезни не оправиться, я к ним иду и говорю: "Есть шраманы и брахманы, которые так считают и так утверждают: Все те, кто убийцы, воры, прелюбодеи, лгуны, клеветники, грубияны, пустословы, жадные, исполнены вражды и ложных воззрений – те, после смерти, после распада тела попадут в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад. И вы, почтенные – как раз убийцы, воры, прелюбодеи, лгуны, клеветники, грубияны, пустословы, жадные, исполнены вражды и ложных воззрений. Если утверждение тех шраманов и брахманов истинно, то вы, почтенные, после смерти, после распада тела попадете в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад. Если вы и в самом деле попадете после смерти, после распада тела в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад, то навестите меня и дайте знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Я на вас, почтенные, надеюсь, я вам доверяю, что вы видели, почтенные, то все равно, что я сам видел, так то и должно быть". Они мне обещают, да не приходят потом и знать не дают, и вестника не шлют. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебя, князь, порасспрошу в ответ, а ты мне говори, как считаешь правильным. Как ты полагаешь, князь? Представь, что приведут к тебе избитого разбойника: "Почтенный, вот избитый разбойник.

Определяй ему такую кару, какую захочешь". И ты им велишь: "Ну-ка, свяжите этому человеку руки за спиною прочной веревкой, тугим узлом, обрейте его наголо, проведите под резкие звуки барабана по всем улицам, всем перекресткам, выведите через южные ворота, к югу от города на лобном месте голову ему отрубите".

"Слушаемся", – ответят тебе слуги, свяжут ему руки за спиною прочной веревкой, тугим узлом, обреют его наголо, проведут под резкие звуки барабана по всем улицам, по всем перекресткам, выведут через южные ворота и к югу от города посадят его на лобном месте. Выйдет ли у разбойника, если попросит он палачей: "Подождите

немного, почтенные палачи. Есть у меня в такой-то деревне или на таком-то торжке друзья-приятели, кровные родственники. Я им кое-что передам и вернусь", или так и отрубят ему палачи голову под эти причитания?

– Если, уважаемый Кашьяпа, разбойник попросит палачей: "Подождите немного, почтенные палачи. Есть у меня в такой-то деревне или на таком-то торжке друзья-приятели, кровные родственники. Я им кое-что передам и вернусь" – то ничего у него не выйдет. Так и отрубят ему палачи голову под эти причитания.

– Стало быть, князь, если разбойник попросит палачей: "Подождите немного, почтенные палачи. Есть у меня в такой-то деревне или на таком-то торжке друзья-приятели, кровные родственники. Я им кое-что передам и вернусь" – то ничего у него не выйдет, хотя и он человек, и они люди. Так неужто у твоих друзей-приятелей или кровных родственников-убийц, воров, прелюбодеев, лгунов, клеветников, пустословов, жадных, исполненных вражды и ложных воззрений, когда они после смерти, после распада тела попадут в дурной удел, в преисподнюю, в кромешную, в ад, выйдет, если они попросят адских стражей: "Подождите немного, почтенные адские стражи. Мы только сходим к князю Паяси и дадим ему знать, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел?" Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых: дел.

– И у тебя есть какое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот есть у меня, уважаемый Кашьяпа, друзья-приятели или кровные родственники, – отвращенные от убийства, отвращенные от воровства, отвращенные от прелюбодейства, отвращенные от лжи, отвращенные от клеветы, отвращенные от грубости, отвращенные от пустословия, не жадные, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Иной раз случается, что они занемогут, занедужат, сделаются тяжело больны. Когда я уверен, что им уже от этой болезни не оправиться, я к ним иду и говорю: "Есть шраманы и брахманы, которые так считают и так утверждают: "Все те, кто отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодейства, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений – все они после смерти, после распада тела попадут в благой удел, на небеса". И вы, почтенные, – как раз отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодейства, отвращены от лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Если утверждение тех шраманов и брахманов истинно, то вы, почтенные, после смерти, после распада тела попадете в благой удел, на небеса. Если вы и в самом деле попадете после смерти, после распада тела в благой удел, на небеса, то навестите меня и дайте знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Я на вас, почтенные, надеюсь, я вам доверяю, что вы видели, почтенные, то все равно, что я сам видел, так то и должно быть". Они мне обещают, да не приходят потом и знать не дают, и вестника мне не шлют. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Представь себе, князь, что человек сидит по уши в куче дерьма. И ты прикажешь своим слугам: "Вытащите-ка этого человека из этой кучи дерьма". "Слушаемся", – ответят они и вытащат того человека из той кучи дерьма. "А теперь хорошенько соскребите дерьмо с тела этого человека бамбуковой щеткой". – "Слушаемся", – ответят они и хорошенько соскребют дерьмо с тела этого человека бамбуковой щеткой. И ты им велишь: "А теперь три раза хорошенько оботрите тело этого человека желтой глиной". И они три раза хорошенько оботрут тело этого человека желтой глиной. И ты им велишь: "А теперь умастите тело этого человека маслом и три раза, как следует припудрите его тонкой пудрой". И они умастят его тело маслом, три раза как следует припудрят его тонкой пудрой. Затем велишь: "А теперь причешите ему голову и бороду". И они причешут этому человеку голову и бороду. И ты им велишь: "А теперь умастите этого человека драгоценным благовонием, наденьте на него драгоценную гирлянду, драгоценные одежды". И они умастят его драгоценным благовонием, наденут на него драгоценную гирлянду и драгоценные одежды. И ты им велишь: "А теперь отведите этого человека во дворец, ублажайте все его пять чувств". И они отведут его во дворец и станут ублажать все его пять чувств. – Как ты полагаешь, князь? Будет ли у этого человека – вымытого, умащенного, причесанного, наделенного гирлянды и ожерелья, одевшегося в белое, находящегося на террасе прекрасного дворца, ублажающего, удовлетворяющего и тешащего все свои пять чувств, – будет ли у него желание снова залезть в кучу дерьма?

– Вовсе нет, уважаемый Кашьяпа.

– С чего же так?

– Грязна, Кашьяпа, куча дерьма, и слывет грязною, вонюча и слывет вонючею, мерзка и слывет мерзкою, отвратительна и слывет отвратительною.

– Вот точно так же, князь, и люди для богов – грязны и слывут грязными, вонючи и слывут вонючими, мерзки и слывут мерзкими, отвратительны и слывут отвратительными. Человеческий запах для богов уже за сто йоджан

противен делается, о князь. Так неужто твои друзья-приятели, кровные родственники, что отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены ото лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений, когда они после смерти, после распада тела попадут на небеса, навещат тебя и дадут знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел? – Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хотя почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел,

– И у тебя есть какое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот есть у меня, уважаемый Кашьяпа, друзья-приятели или кровные родственники, – отвращенные от убийства, отвращенные от воровства, отвращенные от прелюбодеяния, отвращенные ото лжи, отвращенные от клеветы, отвращенные от грубости, отвращенные от пустословия, не жадные, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Иной раз случается, что они занемогут, занедужат, сделаются тяжело больны. Когда я уверен, что им уж от этой болезни не оправиться, я к ним иду и говорю: "Есть шраманы и брахманы, которые так считают и так утверждают: те, кто отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены ото лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных: воззрений, те после смерти, после распада тела попадают в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех". И вы, почтенные, как раз отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены ото лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности и исполнены истинных воззрений. Если утверждение тех шраманов и брахманов истинно, то вы, почтенные, после смерти, после распада тела попадете в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех. Если вы и в самом деле попадете после смерти, после распада тела в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех, то навещите меня и дайте знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел. Я на вас, почтенные, надеюсь, я вам доверяю, что вы видели, почтенные то все равно что я сам видел, так то и должно быть". Они мне обещают, да не приходят потом и знать не дают, да и вестника мне не шлют. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебя, князь, порасспрошу в ответ, а ты мне говори, как считаешь правильным. То, что для людей сто лет, – то для богов Обители Тридцати Трех одни сутки. Тридцать таких суток составят месяц, двенадцать таких месяцев составят год, а тысяча таких божественных лет – это жизненный век богов Обители Тридцати Трех. А те твои друзья-приятели, кровные родственники, что были отвращены от убийства, отвращены от воровства, отвращены от прелюбодеяния, отвращены ото лжи, отвращены от клеветы, отвращены от грубости, отвращены от пустословия, не жадны, лишены враждебности, исполнены истинных воззрений, – те после смерти, после распада тела попали в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех. Что, если им придет на ум: "Мы, пожалуй, два-три дня ублажим, удовлетворим и потешим божественными уладами все пять чувств, а уж потом навещим князя Паяси и дадим ему знать, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел". – Так как же, навещат они тебя и дадут ли знать: есть-де тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел?

– Вовсе нет, уважаемый Кашьяпа. Нас ведь к тому времени давно уже не будет в живых. Но только откуда это известно почтенному Кашьяпе, что боги Обители Тридцати Трех действительно есть и что жизненный век у этих богов такой-то? Мы почтенному Кашьяпе не верим – ни в том, что есть боги Обители Тридцати Трех, ни в том, что жизненный век их такой-то.

– Представь себе, князь, человека, слепого от роду. Не видит он темного и светлого, не видит синего, не видит желтого, не видит красного, не видит розового, не видит ровного и неровного, не видит звезд, не видит солнца и луны. И вот он скажет: "Нет темного и светлого, нет и того, кто видел бы темное и светлое; нет синего, нет и того, кто видел бы синее; нет желтого, нет и того, кто видел бы желтое; нет красного, нет и того, кто видел бы красное; нет розового, нет и того, кто видел бы розовое; нет ровного и неровного, нет и того, кто видел бы ровное и неровное; нет звезд, нет и того, кто видел бы звезды, нет солнца и луны, нет и того, кто видел бы солнце и луну. Я их не знаю, я их не вижу, стало быть, их и нет". – Истинным ли будет его утверждение, князь?

– Нет, уважаемый Кашьяпа. Есть темное и светлое, есть и те, кто видят темное и светлое; есть синее, есть и те, кто видят синее; есть желтое, есть и те, кто видят желтое; есть красное, есть и те, кто видят красное; есть розовое, есть и те, кто видят розовое; есть ровное и неровное, есть и те, кто видят ровное и неровное; есть звезды, есть и те, кто видят звезды; есть солнце и луна, есть и те, кто видят солнце и луну. Тот, кто утверждал бы: "Я этого не знаю, я этого не вижу, стало быть, этого и нет", – не утверждал бы истины.

– Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен человеку, слепому от роду, когда ты утверждаешь: "Откуда это известно почтенному Кашьяпе, что боги Обители Тридцати Трех действительно есть и что

жизненный век их такой-то?" Так нельзя увидеть тот свет, как тебе мнится – этим самым плотским человеческим зрением. Но те шраманы и брахманы, князь, что предпочитают жить в лесных пустынях, в уединенных скитах, далеких от шума и суеты, очищают там неустанно, ревностно, старательно свое божественное зрение, они-то и видят этим божественным зрением – вполне очищенным, превосходящим обычное человеческое – видят этот свет и тот свет, и самородные существа. Вот как можно увидеть тот свет, князь, но не так, как мнится тебе, – этим самым плотским человеческим зрением.

Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел?

– Хотя почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть какое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот вижу я, почтенный Кашьяпа, что добродетельные, преданные благой дхарме шраманы и брахманы хотят жить, не хотят умирать, хотят счастья, избегают несчастья. И я так думаю, уважаемый Кашьяпа: "Если бы эти добродетельные, преданные благой дхарме шраманы и брахманы были уверены, что после смерти им будет лучше, чем здесь, то они либо отравились, либо зарезались, либо повесились, либо в пропасть бросились. А раз эти добродетельные шраманы и брахманы не уверены, что после смерти им будет лучше, чем здесь, то эти почтенные добродетельные, преданные благой дхарме шраманы и брахманы и хотят жить, не хотят умирать, хотят счастья, избегают несчастья". Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня и выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, жил некий брахман, у которого были две жены. От одной жены у него был сын десяти лет или двенадцати, а другая была беременна, на сносях, – тут брахман скончался. И вот юный брахман говорит второй жене своего отца: "Почтенная! Все деньги и все добро, все серебро и золото – это все мое. Твоего тут ничего нет; вручи мне, почтенная, отцовское наследство". На это та брахманка говорит юному брахману: "Подожди, милый, пока я не рожу. Если мальчик родится, то и ему часть будет полагаться. А если девочка родится, то и она будет в твоём распоряжении". И другой раз говорит юный брахман второй жене своего отца: "Почтенная! Все деньги и все добро, все серебро и все золото – все это мое. Твоего тут ничего нет. Вручи мне, почтенная, отцовское наследство". И другой раз говорит брахманка юному брахману: "Подожди, милый, пока я не рожу. Если мальчик родится, то и ему часть будет полагаться. А если девочка родится, то и она будет в твоём распоряжении". И в третий раз говорит юный брахман второй жене своего отца: "Почтенная! Все деньги и добро, все серебро, и золото – все это мое. Твоего тут ничего нет. Вручи мне, почтенная, отцовское наследство". И вот та брахманка вошла с мечом во внутреннюю комнату и разрешила себе живот: "Сейчас выясню, мальчик у меня или девочка". Так она и свою жизнь, и дитя, и свое богатство погубила, погубила свою, глупая и неразумная, нашла, ибо неправильно стремилась получить наследство. Вот точно так же и ты, князь, глупо и неразумно найдешь свою погубить, неправильно стремясь на тот свет, – так же как та брахманка, глупая и неразумная, нашла свою погубить, неправильно стремясь получить наследство. Добродетельные, следующие благой дхарме шраманы и брахманы, о князь, не торопят незрелый плод; умные люди дожидаются пока он созреет. Есть ведь смысл, о князь, в жизни добродетельных, следующих благой дхарме шраманов и брахманов. Сколько живут, о князь, добродетельные, следующие благой дхарме шраманы и брахманы, столько и творят они многие блага, стараются ради пользы многих, ради счастья богам и людям. Так что и из такого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хотя почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть какое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот приводят ко мне, Кашьяпа, избличенного разбойника: "Почтенный! Это – избличенный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Ну-ка, посадите этого человека живьем в горшок, закройте крышкой, обтяните его сверху сырой шкурой, обмажьте мокрой глиной и поставьте его на огонь". "Слушаемся", – говорят они, сажают этого человека живьем в горшок, закрывают его крышкой, обтягивают сверху сырой шкурой, обмазывают мокрой глиной и ставят его на огонь. Когда мы уверены, что человек уже умер, мы горшок снимаем, отвязываем шкуру, приоткрываем и тихонько смотрим: "Ну-ка, посмотрим сейчас, как его душа выходить будет". И не видим мы, как его душа выходит. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Ты согласишься со мной, князь, что во время дневного отдыха видишь иной раз во сне прекрасные парки, прекрасные рощи, прекрасные местности, прекрасные пруды.

– Да, уважаемый Кашьяпа, я согласен с тобой: во время дневного отдыха я вижу иной раз во сне прекрасные

парки, прекрасные рощи, прекрасные местности, прекрасные пруды.

– А охраняют тебя в это время горбуны, карлики, молодые девушки?

– Да, уважаемый Кашьяпа. Меня в это время охраняют горбуны, карлики, молодые девушки.

– И разве видят они, как твоя душа уходит, а потом возвращается?

– Нет, уважаемый Кашьяпа.

– Значит, твою живую душу другие живые люди увидеть не могут ни когда она уходит, ни когда возвращается.

Где уж тогда тебе увидеть мертвую душу, когда она выходит? Так что и из этого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хотя почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть какое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот приводят ко мне, Кашьяпа, избличенного разбойника: "Почтенный! Это – избличенный разбойник.

Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Ну-ка: взвесьте этого человека живьем на весах, удавите его веревкой, а потом взвесьте еще раз". "Слушаемся", – они говорят, взвешивают этого человека живьем на весах, удавливают его веревкой и взвешивают еще раз. Оказывается, что когда он жив, он и легче, и мягче, и податливее, а когда он мертв, тогда он и тяжелее, и тверже, и неподатливее.

Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Представь, князь, что некто взвесил на весах железный шар, который нагревали целый день, – раскаленный, пышущий жаром, излучающий сияние; а потом взвесил его же, когда он остыл и охладился. Когда же этот шар окажется легче, мягче и податливее: тогда ли, когда он раскален, пышет жаром и излучает сияние или когда он остыл и охладился?

– Когда в этом железном шаре есть зной и ветер, уважаемый Кашьяпа, и он раскален, пышет жаром и излучает сияние, – тогда он и легче, и мягче, и податливее. Когда же в этом шаре нет зноя и нет ветра, и он остыл и охладился, – тогда он тяжелее, и тверже, и неподатливее.

– Вот точно так же, князь, когда в этом теле есть жизненная сила, есть тепло, есть сознание – тогда оно и легче, и мягче, и податливее. Когда же в этом теле нет ни жизненной силы, ни тепла, ни сознания, – тогда оно и тяжелее, и тверже, и неподатливее. – Так что и из этого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды дурных и добрых дел.

– Хотя почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть какое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот приводят ко мне, Кашьяпа, избличенного разбойника: "Почтенный! Это – избличенный разбойник.

Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Умертвите его, не нарушив целостности ни кожи, ни мышц, ни жил, ни костей, ни костного мозга". "Слушаемся", – говорят они и начинают его умерщвлять, не нарушая целостности ни кожи, ни мышц, ни жил, ни костей, ни костного мозга. Когда он уже наполовину мертв, я им велю: "Ну-ка, положите этого человека навзничь, посмотрим сейчас, как из него душа выходить будет".

Кладут они его навзничь, но не видим мы, как душа из него выходит. Тогда я им велю: "Ну-ка, положите этого человека ничком... а теперь – набок... а теперь – на другой бок... а теперь – поставьте его на ноги... а теперь – поставьте его на голову... а теперь – ударяйте его рукой... а теперь – ударяйте его комом земли... а теперь трясите его... сильнее трясите... еще сильнее трясите – посмотрим сейчас, как из него душа выходить будет".

Они все делают, как я велю, но не видим мы, чтобы душа из него выходила вон. Глаза у него все те же, зримые образы те же, но он их не воспринимает; уши у него те же, звуки – те же, но он их не воспринимает; обоняние у него то же, запахи – те же, но он их не воспринимает, язык у него тот же, вкусы – те же, но он их не воспринимает; тело у него-то же, осязаемые на ощупь предметы – те же, но он их не воспринимает. Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий трубач в раковину отправился со своей раковиной в захолустную местность. Пришел он в какую-то деревню, придя, остановился посреди деревни, трижды протрубил в раковину, положил ее наземь, а сам рядом сел. И вот, князь, жителям захолустья подумалось: "Что же это за звук такой зовущий, такой влекущий, такой чарующий, такой душу бередающий, такой голову кружащий?" Собрались они и спрашивают трубача: "Скажи нам, что за звук такой зовущий, такой влекущий, такой чарующий, такой душу бередающий, такой голову кружащий?" – "А вот раковина, это ее звук такой зовущий, такой влекущий, такой чарующий, такой душу бередающий, такой голову кружащий". Положили они раковину на землю: "Труби, раковина, труби,

раковина!" Раковина молчит. Они ее перевернули... на бок положили... на другой бок положили... на попа поставили... перевернув, поставили... рукой ударили... потрясли... сильнее потрясли... еще сильнее потрясли: "Труби, раковина, труби, раковина!" А раковина все молчит. И тут, князь, трубачу подумалось: "До чего же глуп народ в захолустье! Как же неправильно добиваются они звука от раковины!" Взял он у них на глазах раковину, трижды протрубил в нее и ушел с раковиной. И тогда, князь, жителям того захолустья так подумалось: "Пока при раковине есть человек, есть (его) усилие, есть дуновение – до тех пор она трубит. А когда при этой раковине нет человека, нет его усилия, нет дуновения – тогда она не трубит". Вот точно так же, князь, пока в этом теле есть жизненная сила, есть тепло, есть сознание, – до тех пор оно ходит туда и сюда, и стоит, и сидит, и ложится, и глазами видит образы, и ушами слышит звуки, и обонянием чует запахи, и языком вкушает вкусы, и телом ощущает осязаемые предметы, и умом сознает дхармы. Когда же в этом теле нет жизненной силы, нет тепла, нет сознания, тогда оно и не ходит туда и сюда, и не стоит, и не сидит, и не ложится, и не видит глазами образов, не слышит ушами звуков, не чует обонянием запахов, не вкушает языком вкусов, не осознает умом дхарм. Так что и из этого соображения, князь, выходит, что есть тот свет, есть самородные существа, есть плоды и последствия дурных и добрых дел.

– Хотя почтенный Кашьяпа и говорит так, я продолжаю думать, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– И у тебя есть такое-то соображение, князь?

– Есть, уважаемый Кашьяпа.

– И какое же оно, князь?

– Вот приводят ко мне, Кашьяпа, избличенного разбойника: "Это, почтенный, избличенный разбойник. Определяй ему такую кару, какую захочешь". И я своим слугам велю: "Срежьте с него верхний слой кожи, может, мы его душу увидим". Они срезают верхний слой кожи, но души мы его не видим. Тогда я им велю: "Ну-ка, срежьте с него всю кожу... мышцы... жилы... кости... костный мозг, может, мы его душу увидим". Они все делают, как я велю, но души его мы не видим. – Вот то соображение, уважаемый Кашьяпа, из которого у меня выходит, что нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий почитающий огонь отшельник-космач жил в шалаше в пустынной местности. И тогда, князь, какой-то народ переселялся. И обоз его остановился на ночлег неподалеку от обители отшельника-космача, а наутро двинулся дальше. И вот, князь, тот отшельник подумал: "Схожу-ка я к ним на стоянку, авось что-то полезное попадетсЯ". И вот этот поклоняющийся огню отшельник-космач встал вовремя, пришел на бывшую стоянку и увидел на этой стоянке маленького, слабенького младенца, не умеющего еще ходить, – его забыли. Увидев его, отшельник подумал: "Недостойно меня, чтобы на моих глазах человеческое дитя погибло. Возьму-ка я этого мальчика к себе в обитель, усыновлю, воспитаю и выращу". И этот отшельник-космач, почитающий огонь, взял мальчика к себе в обитель, усыновил его, воспитал и вырастил. А когда мальчику исполнилось уже не то десять, не то двенадцать лет, понадобилось отшельнику сходить в населенные места по делам. И тут отшельник-космач сказал мальчику: "Сынок, мне надо сходить в населенные места. Смотри у меня, следи за костром, не давай ему потухнуть. А если костер у тебя потухнет, – вот нож, вот дрова, вот растопка: разведи костер опять и продолжай следить за ним". Так этот отшельник-космач, почитающий огонь, сказал мальчику и ушел в населенные места. А мальчик заигрался и проворонил костер, тот погас. Тут мальчик подумал: "Отец мне наказывал, чтобы я следил за костром и не давал ему погаснуть. А если костер погаснет, то вот у меня нож, вот дрова, вот растопка, чтобы развести костер опять и продолжать следить за ним. Разведу-ка я костер опять и буду следить за ним". Взял этот мальчик растопку и стал строгать ее ножом: "Так что ли костер разжигают?"

Костер не загорелся. Расщепил он палочку для растопки пополам, расщепил натрое, расщепил на четыре части, на пять, на десять, на сто, в тонкие лучинки превратил, лучинки положил на колоду и измолотил, а потом по ветру развеял: "Так что ли костер разжигают?"

Костер так и не загорелся. А отшельник-космач, почитающий огонь, справился со своими делами в населенной местности и вернулся в свою обитель. Вернувшись, он спросил мальчика: "Не погас ли у тебя костер, сынок?" – "Да, батюшка, заигрался я и проворонил костер, и он погас. И я подумал: "Отец мне наказывал, чтобы я следил за костром и не давал ему погаснуть. А если костер погаснет, вот у меня нож, вот дрова, вот растопка, чтобы развести костер опять и продолжать следить за ним. Разведу-ка я костер опять и буду следить за ним. Я взял палочку для растопки и стал строгать ее ножом – так, что ли, костер разжигают? Костер не загорелся. Я расщепил палочку для растопки пополам, расщепил натрое, расщепил на четыре части, на пять, на десять, на сто, в тонкие лучинки превратил, лучинки положил на колоду и измолотил, а потом по ветру развеял – так, что ли, костер разжигают? Костер так и не загорелся". Тут отшельник-космач подумал: "До чего же мальчик глуп и неразумен! Как же это он, так, неправильно костер разжечь старался?" – И он на глазах у мальчика взял растопку, разжег костер и сказал мальчику: "Вот так, сынок, нужно костер разжигать, а не так, как ты, глупо и неразумно, старался его разжечь". – Вот точно так же, князь, и ты глупо и неразумно стараешься найти тот свет. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

– Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и утверждает: "Нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел". Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому упрекнуть меня – вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады буду их держаться, из упрямства буду их держаться!

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, большой обоз в тысячу возов направлялся из восточной страны в западную. На своем пути он быстро расходовал всю солому, дрова, воду и свежую зелень. А в этом обозе ехали два купца – у одного было пятьсот возов и у другого – пятьсот возов. И тогда эти купцы решили так: "Очень уж большой у нас обоз – тысяча возов. Мы на своем пути быстро расходует всю солому, дрова, воду и свежую зелень. Не поделить ли нам обоз пополам, по пятьсот возов в каждой половине?" И поделили они обоз пополам: у одного пятьсот возов и у другого пятьсот возов. Один из купцов запас побольше соломы, дров, воды и отправился в путь. Через два-три дня пути попался навстречу им черный, красноглазый, с распущенными волосами, в гирлянде из лотосов, в мокрой одежде, с мокрой головой человек на запряженной ослиами повозке, колеса которой были вымазаны в грязи. Купец спросил его: "Откуда едешь?" – "Оттуда-то". – "А куда едешь?" – "Туда-то". – "А что, впереди, в пустыне ливень прошел?" – "Да, впереди в пустыне ливень прошел, колеи намокли, много травы, дров, воды; бросьте вы свою старую солому, дрова и воду, поезжайте быстро, налегке, зря волов не утруждайте". И вот купец созвал своих караванщиков: "Этот человек вот что говорит: "Впереди в пустыне прошел ливень, колеи намокли, много соломы, дров и воды. Бросьте вы свою старую солому, дрова и воду, поезжайте быстро и налегке, не утруждайте зря волов". – "Бросим-ка мы старую солому, дрова и воду, поедем быстро и налегке, не будем зря волов утруждать". "Хорошо", – согласились караванщики с купцом, выбросили старую солому, дрова и вылили воду и быстро налегке поехали вперед. И ни на первой стоянке не нашли они ни соломы, ни дров, ни воды, ни на второй, ни на третьей, ни на четвертой, ни на пятой, ни на шестой, ни на седьмой, и все они встретили там свою погибель. Всех людей, весь скот, что были в том обозе, пожрал тот якша-нелюдь, – одни кости остались.

Когда второй купец решил, что первый обоз уже далеко, он запас побольше соломы, дров, воды и отправился в путь. Через два-три дня пути и им попался навстречу черный, красноглазый, с распущенными волосами, в гирлянде из лотосов, в мокрой одежде, с мокрой головой человек на запряженной ослиами повозке, колеса которой были вымазаны в грязи. Купец спросил его: "Откуда едешь?" – "Оттуда-то". – "И куда едешь?" – "Туда-то". – "А что, впереди в пустыне, ливень прошел?" – "Да, впереди в пустыне ливень прошел, колеи намокли, много соломы, дров, воды; бросьте вы свою старую солому, дрова, воду, поезжайте налегке, быстро, зря волов не утруждайте". И вот купец созвал своих караванщиков: "Этот человек вот что говорит: "Впереди в пустыне прошел ливень, колеи намокли, много соломы, дров и воды. Бросьте вы свою старую солому, дрова и воду, поезжайте быстро и налегке, не утруждайте зря волов. Но этот человек – не друг нам и не кровный родственник, как же мы можем на него положиться?" Нельзя бросать запасенную солому, дрова и воду, поедем с поклажей, что у нас есть, а запаса не бросим". "Хорошо", – согласились караванщики с купцом и поехали дальше с поклажей, что у них была. И ни на первой стоянке не нашли они – ни соломы, ни дров, ни воды, ни на второй, ни на третьей, ни на четвертой, ни на пятой, ни на шестой, ни на седьмой, и увидели они там остатки обоза, встретившего свою погибель. А от всех людей и всего скота, бывших в том обозе и пожранных якшей-нелюдем, остались, как увидели они, одни кости.

И вот тот купец созвал своих караванщиков: "Вот тот первый обоз, что нашел здесь свою погибель из-за глупости купца – своего владельца. А мы теперь давайте выбросим из своего обоза те товары, что попроще, и возьмем из их обоза те товары, что поценнее". "Хорошо", – согласились караванщики с купцом, выбросили из своего обоза те товары, что попроще, и взяли из того обоза те товары, что поценнее, и благополучно выбрались из пустыни благодаря рассудительности купца – своего владельца. Вот точно так же и ты, князь, погибель свою найдешь, неправильно стараясь найти тот свет, глупо и неразумно. И те, кто решат, что тебе стоит верить и тебя стоит слушать, тоже найдут свою погибель, как те караванщики. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

– Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и так утверждает – нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому упрекнуть меня – вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады будут их держаться, из упрямства буду их держаться!

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий свиновод пришел из своей деревни в другую деревню. И увидел он там брошенную кучу сухого навоза. Увидев ее, он решил: "Вот брошена целая куча сухого навоза, а это ведь корм моим свиньям. Заберу-ка я себе этот навоз". Расстелил он верхнюю одежду, наложил в нее доверху сухого навоза, связал узел и понес его на голове домой. А по пути прошел случайный ливень. Человек шел себе, а навоз размок, потек и замарал его всего вплоть до кончиков ногтей. Видят его люди и говорят: "Эй, приятель, ты что, тронулся, ты что, рехнулся? Ведь навоз размок, потек, всего тебя вплоть до кончиков ногтей замарал, а ты себе

идешь?" "Сами вы тронулись, сами вы рехнулись! Это же корм моим свиньям". Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен человеку с грузом навоза. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

– Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и так утверждает - нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому меня упрекнуть – вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады буду их держаться, из упрямства буду их держаться!

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, играли два жулика в кости. Один жулик всякий раз, как у него выпадал неудачный бросок, кости проглатывал. Увидел другой жулик, что первый жулик всякий раз проглатывает кости, когда у него выпадает неудачный бросок, и сказал первому жулику: "Ты что-то, приятель, все выигрываешь да выигрываешь. Дай-ка мне кости, я принесу ими жертву". "Бери, приятель", – и первый жулик отдал второму жулику кости. И вот тот жулик натер как следует кости ядом и сказал первому жулику: "Ну, что, приятель, в кости сыграем?" "Давай, приятель", – отвечал второй жулик первому жулику. Снова стали играть в кости, и снова тот жулик стал проглатывать кости всякий раз, когда у него выпадал неудачный бросок. И увидел тот жулик, что первый жулик снова всякий раз проглатывает кости, когда у него выпадает неудачный бросок. Видя это, сказал он тому жулику:

Кость, ядом страшным смазанную,
Глотаешь – невдомек тебе.
Глотай, глотай, мошенник, плут,
Зато потом придется туго!

Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен тому игроку-жулику. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

– Хоть почтенный Кашьяпа и говорит так, не смею я отказаться от этого вредного мнения. Ведь и царь Прасенаджит кошальский, и сопредельные цари знают, что князь Паяси так считает и так утверждает - нет того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Если я откажусь от этого вредного мнения, будет кому упрекнуть меня – вот ведь глуп и неразумен князь Паяси, слабо за свои взгляды держится. Назло буду их держаться, с досады буду их держаться, из упрямства буду их держаться.

– Так я тебе, князь, сравнение приведу. Через сравнение некоторые сообразительные люди понимают смысл сказанного. Когда-то, князь, некий народ переселялся. И вот товарищ сказал товарищу: "Давай, приятель, сходим туда, где жил тот народ, может, какое-нибудь богатство себе раздобудем". "Хорошо, приятель", – отвечал товарищ товарищу. И вот пришли они туда, где жил этот народ, пришли на какую-то деревенскую улицу. И увидели они там, что брошено много пеньки. Увидев это, товарищ сказал товарищу: "Видишь, приятель – брошено много пеньки. Ты свяжешь себе носу пеньки, я свяжу себе носу пеньки, пойдем с ношами пеньки". "Хорошо, приятель", – отвечал товарищ товарищу и связал себе носу пеньки. И вот они оба с ношами пеньки пришли на какую-то другую деревенскую улицу и увидели там, что брошено много пеньковой нити. Увидев это, товарищ сказал товарищу: "Вот, приятель, брошено много пеньковой нити, а это – то, ради чего нужна была бы нам пенька. Давай-ка, приятель, и я выброшу свою носу пеньки, и ты выбросишь свою носу пеньки, пойдем дальше с ношами пеньковой нити" – "Эта носка пеньки, приятель, у меня хорошо увязана, да и принес я ее издалека, так что с меня хватит, а ты как знаешь". Выбросил его товарищ носу пеньки, взял носу пеньковой нити и пошел дальше. И вот пришли они на какую-то деревенскую улицу и увидели там, что брошено много дерюги. Увидев это, товарищ сказал товарищу: "Вот, приятель, брошено много дерюги, а это – то, ради чего нужна была бы нам пенька или пеньковая нить. Давай-ка, приятель, ты выбросишь свою носу пеньки, я выброшу свою носу пеньковой нити пойдем дальше с ношами дерюги". – "Эта носка пеньки, приятель, у меня хорошо увязана, да и принес я ее издалека, так что с меня хватит, а ты как знаешь". Выбросил его товарищ носу пеньковой нити, взял носу дерюги и пошел дальше. И увидели они потом в других местах, что брошено много льняной пряжи... льняной нити... полотна... хлопковой пряжи... хлопковых нитей... бумажного полотна... железа... меди... олова... свинца... серебра... наконец, – золота. Увидев золото, товарищ сказал товарищу: "Вот, приятель, брошено много золота, а это – то, ради чего нужны были бы нам пенька или пеньковая нить, или дерюга, или льняная пряжа, или льняная нить, или полотно, или хлопковая пряжа, или хлопковая нить, или бумажное полотно, или железо, или медь, или олово, или свинец, или серебро. Давай-ка, приятель, ты выбросишь свою носу пеньки, я выброшу свою носу серебра, пойдем дальше с ношами золота". – "Эта носка пеньки, приятель, у меня хорошо увязана, да и принес я ее издалека, так что с меня хватит, а ты как знаешь". Выбросил его товарищ носу серебра, взял носу золота и пошел дальше.

И вот пришли они к своей деревне. И тому из двух товарищей, что пришел с ноской пеньки, ни родители не обрадовались, ни жена с детьми не обрадовались, ни счастья и довольства он от того не испытал. Тому же из двух товарищей, что пришел с ноской золота, и родители обрадовались, и жена с детьми обрадовались, и друзья-

приятели обрадовались, и он счастье и довольство от того испытал. Вот точно так же и ты, князь, сдается мне, подобен тому, кто принес ношу пеньки. Откажись, князь, от этого вредного мнения: Откажись, князь, от этого вредного мнения. Не было бы тебе от него долгих бед и горя.

— Уже первая твоя притча, почтенный Кашьяпа, меня восхитила и порадовала, но я хотел еще послушать твоих цветистых ответов, потому и решил противоречить почтенному Кашьяпе. Превосходно, Кашьяпа, превосходно, Кашьяпа! Ты меня словно с головы на ноги поставил, словно спрятанное показал, заблудившегося на дороге вывел, в темноте масляный светильник поставил: "Имеющий глаза да видит", — вот так же и ты, почтенный Кашьяпа, многими способами разъяснил дхарму. Иду я теперь, почтенный Кашьяпа, под защиту Блаженного Готамы, его дхармы и общины монахов. Считайте меня, Кашьяпа, мирским последователем, с нынешнего дня преданным всем существом, нашедшим в этом защиту. Я хочу, уважаемый Кашьяпа, совершить большое жертвоприношение. Пусть научит меня почтенный Кашьяпа, как поступить, чтобы были от него долгие польза и радость.

— Если, князь, на жертвоприношении или коров закалывают, или козлов и баранов закалывают, или птицу и свиней закалывают, или многих существ умерщвляют; и если восприемники жертвы привержены ложным воззрениям, ложным намерениям, ложной речи, ложным делам, ложному образу жизни, ложному усилию, ложному памятованию, ложному сосредоточению, — то такое жертвоприношение не принесет большого плода, большого преимущества, большого блеска и большого великолепия. Представь князь, что пахарь пошел с плугом и семенами в лес. Там он на плохой делянке с необработанной землей, необранными пнями высадит нецелые, подгнившие, траченные солнцем и ветром, просроченные, в сырости хранившиеся семена, и дождь тоже не будет поливать их, как должно, время от времени. Разве вырастут, разрастутся, разовьются эти семена, разве будет от того пахарю обильный урожай?

— Вовсе нет, уважаемый Кашьяпа.

— Вот точно так же, князь, если на жертвоприношении или коров закалывают, или козлов и баранов закалывают, или птицу и свиней закалывают, или многие существа умерщвляют; и если восприемники жертвы привержены ложным воззрениям, ложным намерениям, ложной речи, ложным делам, ложному образу жизни, ложному усилию, ложному памятованию, ложному сосредоточению, — то такое жертвоприношение не принесет большого плода, большого преимущества, большого блеска и большого великолепия. Но если, князь, на жертвоприношении ни коров не закалывают, ни козлов и баранов не закалывают, ни птицы и свиней не закалывают, ни существ не умерщвляют; и если восприемники привержены истинным воззрениям, истинным намерениям, истинной речи, истинным делам, истинному образу жизни, истинному усилию, истинному памятованию, истинному сосредоточению, — то такое жертвоприношение принесет большой плод, большое преимущество, большой блеск и большое великолеpie. Представь, князь, что пахарь пошел с плугом и семенами в лес. Там он на хорошей делянке с обработанной землей, убранными пнями, высадит целые, не подгнившие, не траченные солнцем или ветром, не просроченные, в сухости хранившиеся семена, и дождь тоже будет поливать их, как должно, время от времени. Не вырастут ли, не разрастутся ли, не разовьются ли эти семена, не будет ли от того пахарю обильный урожай?

— Да, уважаемый Кашьяпа.

— Вот точно так же, князь, если на жертвоприношении ни коров не закалывают, ни козлов и баранов не закалывают, ни птицы и свиней не закалывают, ни существ не умерщвляют; и если восприемники привержены истинным воззрениям, истинным намерениям, истинной речи, истинным делам, истинному образу жизни, истинному усилию, истинному памятованию, истинному сосредоточению, — то такое жертвоприношение принесет большой плод, большое преимущество, большой блеск и большое великолеpie.

И князь Паяси учредил раздачу даров шраманам и брахманам, обездоленным нищим странникам и просителям. Еда на этой раздаче подавалась такая — рис-сечка с прокисшей кашей; и давали старые, по краям разлохматившиеся одежды. В этой раздаче даров занят был и молодой брахман Уттара. Раздавая дары, он ворчал: "Я с князем Паяси через этот дар в этой жизни встретился, не встретиться бы в той!" И князь Паяси услышал, что молодой-де брахман Уттара, раздавая дары, ворчит: "Я с князем Паяси через этот дар в этой жизни встретился, не встретиться бы в той!" И вот князь Паяси послал за молодым брахманом Уттарой и спросил его: "Верно ли, что ты, дорогой Уттара, ворчал, раздавая дары: "Я с князем Паяси через этот дар в этой жизни встретился, не встретиться бы в той!""

— Верно.

— А почему ты так ворчал? Разве не стремимся мы обрести заслуги, не рассчитываем получить плоды даров?

— Еда на твоей раздаче, почтенный, такая подается — рис-сечка с прокисшей кашей. Ты же побрезгуешь ногой ее тронуть, а не то что съесть. И одежды дают старые, по краям разлохматившиеся; ты же ногой побрезгуешь их тронуть, не то что надеть. Ты, почтенный, нам мил и приятен, разве можем мы связывать приятное с неприятным?

— Так ты сам, милый Уттара, учреди раздачу даров, где подадут такую еду, какую я ем, и такие одежды, в каких я сам хожу.

— Хорошо, — ответил молодой брахман Уттара князю Паяси, и он учредил раздачу даров, где подавали такую еду, какую ел князь Паяси, и такие одежды, в каких ходил князь Паяси.

И вот князь Паяси, свершив дары не основательные, свершив дары чужими руками, свершив дары необдуманно, свершив дары бросовые, попал после смерти, после распада тела в сообщество богов – Четырех Великих Царей, в пустой дворец богов ширишового дерева. А молодой брахман Уттара, что был занят в раздаче его даров, свершив дары основательные, свершив дары своими руками, свершив дары обдуманно, свершив дары не бросовые, попал после смерти, после распада тела в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех.

А в то время достопочтенный Гавампати постоянно ходил днем отдыхать в пустой дворец богов ширишового дерева. И вот богородный Паяси подошел к достопочтенному Гавампати; подойдя, он приветствовал достопочтенного Гавампати и стал рядом с ним. И достопочтенный Гавампати спросил богородного Паяси, стоявшего рядом с ним:

– Кто ты, собрат?

– Я, почтенный, князь Паяси.

– А ты разве не держался такого мнения: нет-де того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий добрых и дурных дел?

– Верно, почтенный, держался я такого мнения, что нет-де того света, нет самородных существ, нет плодов и последствий дурных и добрых дел. Но достопочтенный Кашьяпа-царевич меня в этом вредном мнении разубедил.

– А молодой брахман Уттара, что был занят в твоей раздаче даров, куда попал?

– А молодой брахман Уттара, что был занят в моей раздаче даров, свершил дары основательные, свершил дары своими руками, свершил дары обдуманно, свершил дары не бросовые, и после смерти, после распада тела, попал в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех. Я же сам свершил дары неосновательные, свершил дары чужими руками, свершил дары необдуманно, свершил дары бросовые, и после смерти, после распада тела, попал в сообщество богов – Четырех Великих Царей, в пустой дворец ширишового дерева. Так что, почтенный Гавампати, объяви, когда вернешься в мир людей: "Основательно дары свершайте, своими руками дары свершайте, обдуманно дары свершайте, не бросовые дары свершайте. Князь Паяси, свершив дары неосновательно, свершив дары чужими руками, свершив дары необдуманно, свершив дары бросовые, попал после смерти, после распада тела, в сообщество богов – Четырех Великих царей, в пустой дворец ширишового дерева. А тот молодой брахман Уттара, что был занят в его раздаче даров, свершив дары основательно, свершив дары своими руками, свершив дары обдуманно, свершив дары не бросовые, попал после смерти, после распада тела, в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех".

И достопочтенный Гавампати, вернувшийся в мир людей, объявил: "Основательно дары свершайте, своими руками дары свершайте, не бросовые дары свершайте. Князь Паяси, свершив дары неосновательно, свершив дары чужими руками, свершив дары необдуманно, свершив дары бросовые, попал после смерти, после распада тела, в сообщество богов – Четырех Великих царей, в пустой дворец ширишового дерева. А тот молодой брахман Уттара, что был занят в его раздаче даров, свершив дары основательно, свершив дары своими руками, свершив дары обдуманно, свершив дары не бросовые, попал после смерти, после распада тела, в благой удел, на небеса, в сообщество богов Обители Тридцати Трех..."

Дигха Никая 26

Чаккаватти Сиханада сутта
Львиный рык миродержца

Перевод с пали А. В. Парибка

Так я слышал: Однажды Блаженный [1] пребывал в стране магадхов, в Матуле. И там Блаженный окликнул монахов: "Монахи!" "Да, почтенный?" – отозвались монахи на слова Блаженного. Блаженный сказал: "Пребудьте светочами сами себе, прибежищем сами себе, не надо иного прибежища. Пусть пребудет вашим светочем Дхарма [2], прибежищем вашим Дхарма, не надо иного прибежища. И как же, о монахи, пребудет монах сам себе светочем, сам себе прибежищем, не ища другого прибежища? Как пребудет Дхарма ему светочем, дхарма ему прибежищем, без иного прибежища? – Вот монахи: непрестанно следит монах за телом – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние; непрестанно следит за ощущениями – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние; непрестанно следит за мыслью – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние; непрестанно следит за дхармами – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние. Вот так, о монахи, пребудет монах сам себе светочем, сам себе прибежищем без иного прибежища; так пребудет ему дхарма ему светочем, дхарма ему прибежищем, без иного прибежища.

Поля, монахи не покидайте, своих наследных пределов [*]. Кто поля, монахи, не покидает, своих наследных пределов, к тому Маре не подступиться, за того Маре [3] не зацепиться. Лишь благодаря обретению благих дхарм, о монахи, возрастают заслуги.

Некогда, о монахи, жил царь – миродержец [4] по имени Далханеми [5] – преданный дхарме, царь во дхарме, четыре края земли подчинивший, устойчивости в стране добившийся, семи сокровищ обладатель. Вот какие у него были семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, самоцвет-сокровище, жена-сокровище, домовладыка-сокровище, советник-сокровище [6]. И больше тысячи было у него сыновей, витязей могучего сложения, сокрушителей вражьей силы. Он эту землю вплоть до океана не насилием, не оружием – дхармой завоевал и жил спокойно.

И вот, о монахи, призывает спустя много лет, много сотен лет, много тысяч лет царь Далханеми некоего слугу к себе: "Если ты, слуга, увидишь когда-нибудь, что дивное колесо покачнулось, с места стронулось, извести меня о том, пожалуйста." – "Да, Владыка", – так отвечал, о монахи, царю Далханеми тот слуга.

И увидел, о монахи, тот слуга спустя много лет, много сотен лет, много тысяч лет, что дивное колесо покачнулось, с места стронулось. Увидав это, пришел он туда, где был царь Далханеми, и, придя к царю Далханеми, сказал ему: "Благоволи узнать, владыка: твое дивное колесо-сокровище покачнулось, с места стронулось. "И вот, о монахи, велел царь Далханеми призвать к себе своего старшего сына-царевича и сказал: "Говорят, дорогой мой царевич, что мое дивное колесо-сокровище покачнулось, с места стронулось. И слышал я, что недолго жить осталось тому царю-миродержцу, чье дивное колесо-сокровище покачнулось, с места стронулось. Что ж, человеческими утешами я утешился, пора небесных утех искать. Так что ты, дорогой царевич, эту землю вплоть до океана озаботься. А я голову и бороду обрею, желтые одежды [7] надену, из дому в бездомность уйду."

И вот, о монахи, царь Далханеми наставил хорошенько своего старшего сына-царевича, как править, обрил голову и бороду, надел желтые одежды и ушел из дому в бездомность. А на седьмой день после того, как ушел в отшельники царственный мудрец, дивное колесо-сокровище исчезло, о монахи.

И тогда, о монахи, пришел некий слуга туда, где был царь кшатрий, на царствие помазанный, и, придя к царю-кшатрию, на царствие помазанному, сказал ему: "Благоволи узнать, владыка: исчезло дивное колесо-сокровище."

И тогда, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, узнав, что исчезло дивное колесо-сокровище, опечалился и печаль почувствовал. Он пришел туда, где был царственный мудрец, и, придя, сказал царственному мудрецу: "Благоволи узнать, владыка: исчезло дивное колесо-сокровище. "На это, о монахи, царственный мудрец сказал царю-кшатрию, на царствие помазанному: "Не печалься, не чувствуй печали, дорогой, оттого, что дивное колесо-сокровище исчезло. Дивное колесо-сокровище, дорогой – не отчеет тебе, не наследное. Ну же, дорогой, держись по-арийски [8] того, чего держится миродержец. И сбудется так, что если ты станешь по-арийски держаться того, чего держится миродержец, то на пятнадцатый день месяца, в праздник упосатхи [9], когда ты омоешь голову и соблюдая упосатху, поднимешься на крышу дворца, появится дивное колесо-сокровище о тысяче спиц, об ободе, о ступице, во всех частях совершенное."

– "Но как же, владыка, держаться мне по-арийски, того чего держится миродержец?" – "А ты, дорогой, стой на дхарме, признавай дхарму, чтить дхарму, почитай дхарму, возвеличивай дхарму, уважай дхарму, дхарма пусть будет твоим знаменем, дхарма-стягом, дхарма господином; устрой себе по дхарме защиту, охрану и оборону своих людей, военной силы, кшатриев, князей [10], брахманов и домовладык, горожан и селян, шраманов [11] и брахманов, зверей и птиц [12]. И пусть, дорогой, в твоём царстве начинаний, противных дхарме не будет.

А если будут в твоём царстве неимущие, помогай им имуществом. И еще дорогой, к тем шраманам и брахманам своего царства, что от беспечности и тщеславия отвратились, к терпимости и сдержанности обратились, лишь одних себя укрощают, лишь одних себя усмиряют, лишь одних себя успокаивают, к ним время от времени ходи и расспрашивай: "Что, почтенные, – благо; что – не благо; что предосудительно, что не предосудительно, к чему прилежать, к чему не прилежать, от каких моих дел долгие беды и горе выйдут, от каких моих дел долгая радость и польза выйдут?" Послушай их. Что не благо, того всегда избегай, что благо, тому непременно следуй.

Вот чего, дорогой держится по-арийски миродержец."

– "Да, владыка," – отвечал царь-кшатрий, на царствие помазанный царственному мудрецу, и стал, о монахи, держаться этого по-арийски, как миродержец. И как стал он по-арийски держаться того, чего держится миродержец, то на пятнадцатый день месяца, в праздник упосатхи, когда он омыл голову и, соблюдая упосатху, поднялся на крышу дворца, появилось дивное колесо-сокровище о тысяче спиц, об ободе, о ступице, во всех частях совершенное. Увидел его царь-кшатрий, на царствие помазанный, и ему подумалось: "Слыхал я, что если царю-кшатрию, на царствие помазанному, на пятнадцатый день месяца, в праздник упосатхи, когда он омоет голову и, соблюдая упосатху, поднимется на крышу дворца, явится дивное колесо-сокровище о тысяче спиц, об ободе, о ступице, во всех частях совершенное, то становится он миродержцем. Так что стану я миродержцем."

И вот, о монахи, поднялся царь-кшатрий, на царствие помазанный, с сиденья, обнажил плечо, взял в руку золотой кувшин, а правою окропил колесо-сокровище: "Покатись, почтенное колесо-сокровище! Неси победу, почтенное колесо-сокровище!"

И вот, о монахи, покатилося это дивное колесо-сокровище на восток, а за ним – царь-миродержец со своим четырехчастным войском. А в той местности, о монахи, где остановилось, где остановилось колесо-сокровище, там и царь-миродержец остановился со своим четырехчастным войском. Цари же соперники, что были в восточной стороне, пришли о монахи к царю-миродержцу и сказали: "Привет тебе, государь; добро пожаловать, государь; это твое, государь; правь, государь." "Царь миродержец сказал: "Живых не убивать. Не данного не брать. Похотных поступков не совершать. Не лгать. Опьяняющего не пить [13]. Как ели так и ешьте." И цари-соперники, что были в восточной стороне, стали, о монахи, князьями царя-миродержца.

И вот, о монахи, то колесо-сокровище погрузилось в восточный океан, вынырнуло и покатилося на юг... и цари-соперники, что были в южной ... западной... северной стороне, стали, о монахи, князьями царя-миродержца.

И вот, о монахи, то колесо-сокровище принесло царю победу над всей землей вплоть до океана, вернулось в столицу и остановилось у врат дворца царя-миродержца, напротив палаты суда, будто прибитое, озаряя дворец царя-миродержца своим сиянием.

И второй царь-миродержец, о монахи... и третий... и четвертый... и пятый... и шестой... и седьмой царь-миродержец, о монахи, призвал спустя много лет, много сотен лет, много тысяч лет некоего слугу к себе: "Если ты, слуга, увидишь когда-нибудь, что дивное колесо покачнулось, с места стронулось, извести меня о том, пожалуйста." – "Да, Владыка", – так отвечал, о монахи, царю-миродержцу тот слуга.

И увидел, о монахи, тот слуга спустя много лет, много сотен лет, много тысяч лет, что дивное колесо покачнулось, с места стронулось. Увидав это, пришел он туда, где был царь-миродержец, и, придя к царю-миродержцу, сказал ему: "Благоволи узнать, владыка: твое дивное колесо-сокровище покачнулось, с места стронулось."

И вот, о монахи, велел царь Далханеми призвать к себе своего старшего сына-царевича и сказал: "Говорят, дорогой мой царевич, что мое дивное колесо-сокровище покачнулось, с места стронулось. И слыхал я, что недолго жить осталось тому царю-миродержцу, чье дивное колесо-сокровище покачнулось с места стронулось. Что ж, человеческими утешами я утешился, пора небесных утех искать. Так что ты, дорогой царевич, этою землею вплоть до океана озаботься. А я голову и бороду обрею, желтые одежды надену, из дому в бездомность уйду."

И вот, о монахи, царь-миродержец наставил хорошенько своего старшего сына-царевича, как править, обрил голову и бороду, надел желтые одежды и ушел из дому в бездомность. А на седьмой день после того, как ушел в отшельники царственный мудрец, дивное колесо-сокровище исчезло, о монахи.

И тогда, о монахи, пришел некий слуга туда, где был царь кшатрий, на царствие помазанный, и, придя к царю-кшатрию, на царствие помазанному, сказал ему: "Благоволи узнать, владыка: исчезло дивное колесо-сокровище." И тогда, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, узнав, что исчезло дивное колесо-сокровище, опечалился и печаль почувствовал. Но он не пошел к царственному мудрецу спросить о том, чего же должен держаться по-арийски царь-миродержец. Он стал править страной по своему разумению. И у него, правившего страной по своему разумению, ни сначала, ни потом не была страна так чиста, как у бывших царей, державшихся

того, чего держится миродержец.

И вот, о монахи, доверенные царя, члены совета, счетоводы-сановники, охранники-стражники, знатоки мантр, ими живущие [14], собрались, пришли к царю-кшатрию, на царствие помазанному, и сказали: "Владыка! У тебя, правящего по своему разумению, ни с начала не была, не потом не стала страна так чиста, как у бывших царей, державшихся того, чего держится миродержец. Но ведь есть в твоём царстве, о владыка, доверенные царя, члены совета, счетоводы-сановники, охранники-стражники, знатоки мантр, ими живущие, – и мы сами, да и иные, – и мы помним, чего надо по-арийски держаться царю-миродержцу. Мы тебе тогда объясним, чего царю-миродержцу по-арийски надо держаться."

И вот, о монахи, царь-кшатрий на царствие помазанный, велел созвать царских доверенных, членов совета, счетоводов-сановников, охранников-стражников, знатоков мантр, ими живущих, и спросил у них, чего по-арийски надо держаться царю-миродержцу. Они ему объяснили, чего царю-миродержцу по-арийски надо держаться. Послушав их, хотя и устроил он по дхарме защиту, охрану и оборону, но неимущим имуществом не помог. А раз не стало помощи неимущим имуществом, то приумножилась бедность. Как приумножилась бедность, некий человек не данное ему чужое взял, как говорят, "украл". Его схватили, схвативши, к царю-кшатрию, на царствие помазанному, привели: "Вот, владыка, человек, который не данное ему чужое взял, как говорят, "украл" [15]. На это, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, спросил того человека: "Что же, неужто правда, что ты человек, чужое, не данное взял, как говорят, "украл"? – "Правда, владыка." – "Как же это?" – "Жить не на что, владыка."

И тут, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, помог тому человеку имуществом: "На это имущество, человек, ты и сам живи, и отца с матерью содержи, и жену с детьми содержи, и дела свои веدي, и шраманам с брахманами возвышенную дакшину [16] уделяй – небесную, благодатную, на небеса влекущую." – "Да, владыка," – отвечал тот человек царю-кшатрию, на царствие помазанному.

И другой человек, о монахи, не данное ему взял, как говорят "украл". Его схватили, схвативши, к царю-кшатрию, на царствие помазанному, привели: "Вот, владыка, человек, который чужое, ему не данное взял, как говорят "украл". На это, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, спросил того человека: "Что же, неужто правда, что ты человек, чужое, не данное взял, как говорят, "украл"? – "Правда, владыка." – "Как же это?" – "Жить не на что, владыка."

И тут, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, помог тому человеку имуществом: "На это имущество, человек, ты и сам живи, и отца с матерью содержи, и жену с детьми содержи, и дела свои веدي, и шраманам с брахманами возвышенную дакшину уделяй – небесную, благодатную, на небеса влекущую." – "Да, владыка," – отвечал тот человек царю-кшатрию, на царствие помазанному.

И прослышали люди, о монахи: "Говорят, что если кто чужое не данное, берет, как говорят, "крадет", тем царь помогает имуществом." И им подумалось: "Ну-ка и мы чужое, не данное, возьмем, как говорят, "украдем".

И вот, о монахи, некий человек не данное ему, чужое взял, как говорят, "украл". Его схватили, схвативши, к царю-кшатрию, на царствие помазанному, привели: "Вот, владыка, человек, который чужое, ему не данное взял, как говорят "украл". На это, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, спросил того человека: "Что же, неужто правда, что ты человек, чужое, не данное взял, как говорят, "украл"? – "Правда, владыка." – "Как же это?" – "Жить не на что, владыка."

И тут, о монахи, царю-кшатрию, на царствие помазанному, подумалось: "Если я каждому, кто чужое, не данное, берет, что называется, "крадет", имуществом помогать буду, то взятие чужого только разрастется. Что, если я этого человека карательски покоряю, с корнем изведу, голову ему срублю?"

И вот, о монахи, царь-кшатрий, на царствие помазанный, приказал слугам: "Ну-ка, свяжите этому человеку руки за спиною прочной веревкой, тугим узлом, обрежьте его наголо, проведите его под резкие звуки барабана по всем улицам по всем перекресткам, выведите через южные ворота к югу от города [17], карательски покажите, с корнем изведите, голову ему срубите." "Да, владыка", – отвечали те слуги царю-кшатрию, на царствие помазанному. Связали они этому человеку руки за спиною прочной веревкой, тугим узлом, обрили его наголо, провели его под резкие звуки барабана по всем улицам, всем перекресткам, вывели через южные ворота к югу от города, карательски покарали, с корнем извели, голову ему срубили."

И прослышали люди, о монахи: "Говорят, что если кто чужое, не данное, берет, как говорят, "крадет", тех царь карательски карает, с корнем изводит, голову тем рубит". И им подумалось: "Что если и мы острыми мечами обзаведемся? А острыми мечами обзаведшись, мы тех чье добро, нам не данное, будем брать, что называется "красть", тех будем карательски карать, с корнем изводить, головы им рубить? "Обзавелись они острыми мечами. А острыми мечами обзаведшись, на деревни стали разбойно нападать, на торжки разбойно нападать, по большим дорогам грабить. И тех, чье добро, им не данное, они забирали, как говорят, "крали", тех они карательски карали, с корнем изводили, головы тем рубили.

Итак, монахи, когда не стало неимущим помощи имуществом, то распространилась бедность; от распространения бедности распространились кражи; от распространенности краж распространилось оружие; от распространенности смертоубийства у тех людей и жизненный век и красота пошли на убыль. И у живших по восемьдесят тысяч лет людей, чьи жизненный век и красота пошли на убыль, дети жить стали по сорок тысяч лет.

Среди людей, что жили теперь по сорок тысяч лет, о монахи, некий человек чужое, не данное, взял, как говорят, "украл". Его схватили, схвативши, к царю-кшатрию, на царствие помазанному, привели: "Вот, владыка, человек, который чужое, ему не данное, взял, как говорят "украл". На это, о монахи, царь кшатрий, на царствие помазанный, спросил того человека: "Что же, неужто правда, что ты, человек, чужое, не данное, взял, как говорят, "украл"? — "Нет, государь", — сказал тот и заведомо солгал.

Итак, о монахи, когда не стало неимущим помощи имуществом, то распространилась бедность; от распространения бедности распространились кражи; от распространенности краж распространилось оружие; от распространенности смертоубийства распространилась заведомая ложь, а от распространения заведомой лжи у тех людей и жизненный век и красота пошли на убыль. И у живших по сорок тысяч лет людей, чьи жизненный век и красота пошли на убыль, дети жить стали по двадцать тысяч лет.

Среди людей, что жили теперь по двадцать тысяч лет, о монахи, некий человек чужое, не данное, взял, как говорят, "украл". А некий другой человек царя-кшатрия, на царствие помазанного, об этом известил: "Такой-то человек, о владыка, чужое, не данное, взял, как говорят "украл", — и совершил донос.

Итак, монахи, когда не стало неимущим помощи имуществом, то распространилась бедность; от распространения бедности распространились кражи; от распространенности краж распространилось оружие; от распространенности смертоубийства распространилась заведомая ложь, а от распространения заведомой лжи распространились доносы, а от распространенности доносов, у тех людей и жизненный век и красота пошли на убыль. И у живших по двадцать тысяч лет людей, чьи жизненный век и красота пошли на убыль, дети стали жить по десять тысяч лет.

Среди людей, живших по десять тысяч лет, о монахи, некоторые были красивыми, а некоторые некрасивыми. И некрасивые люди воздевая к красивым людям, вступили в связь с чужими женами.

Итак, монахи, когда не стало неимущим помощи имуществом, то распространилась бедность; от распространения бедности распространились кражи; от распространенности краж распространилось оружие; от распространенности смертоубийства распространилась заведомая ложь, а от распространения заведомой лжи распространились доносы, а от распространенности доносов распространились похотные проступки, а от распространения похотных проступков у тех людей и жизненный век и красота пошли на убыль. И у живших по десять тысяч лет людей, чьи жизненный век и красота пошли на убыль, дети стали жить по пять тысяч лет.

Среди людей, живших по пять тысяч лет, о монахи, две дхармы распространились: грубые речи и пустословие. И от распространенности этих двух дхарм у тех людей и жизненный век и красота пошли на убыль... и из их детей некоторые стали жить две с половиной тысячи лет, некоторые — по две тысячи лет.

Среди людей, живших по две тысячи лет с половиною, о монахи, распространились жадность и враждебность. И от распространения жадности и враждебности у тех людей и жизненный, и красота пошли на убыль... и дети их стали жить по тысяче лет.

Среди людей, живших по тысяче лет, о монахи, распространились ложные воззрения. И от распространения ложных воззрений у тех людей и жизненный, и красота пошли на убыль. И у живших раньше по тысяче лет, чьи жизненный век и красота пошли на убыль... и дети их стали жить по пятьсот лет.

Среди людей, живших по пятьсот лет, о монахи, три дхармы распространились: несправедливая страсть, несоразмерная алчность, ложная дхарма [18]. И от распространения этих трех дхарм у тех людей и жизненный, и красота пошли на убыль. И у живших раньше по пятьсот лет, чьи жизненный век и красота пошли на убыль, некоторые из детей стали жить по две с половиной сотни лет, а некоторые по две сотни лет.

Среди людей, живших по две сотни лет, распространились вот какие дхармы: неуважение к матери, неуважение к отцу, неуважение к шраманам, неуважение к брахманам, непочтительность к старшим в роду.

Итак, о монахи, когда не стало неимущим помощи имуществом, то распространилась бедность; от распространения бедности распространились кражи; от распространенности краж распространилось оружие; от распространенности смертоубийства распространилась заведомая ложь, а от распространения заведомой лжи распространились доносы, а от распространенности доносов распространились похотные проступки; от распространения похотных проступков распространились грубые речи и пустословие; от распространения этих двух дхарм распространились жадность и враждебность; от распространенности жадности и враждебности распространились ложные воззрения; от распространения ложных воззрений распространились три дхармы – несправедливая страсть, несоразмерная алчность, ложная дхарма; от распространения этих трех дхарм такие дхармы распространились: неуважение к матери, неуважение к отцу, неуважение к шраманам, неуважение к брахманам, непочтительность к старшим в роду; от распространения этих дхарм у людей и жизненный век и красота пошли на убыль. И у живших раньше по две с половиной сотни лет людей, чьи жизненный век и красота пошли на убыль, дети стали жить по сто лет.

Наступят времена, о монахи, когда у этих людей родятся дети, что будут жить по десять лет. У людей с жизненным веком в десять лет девиц пяти лет от роду уже за муж отдавать можно будет. У живущих по десять лет людей, о монахи, пропадут такие нынешние приправы: топленое масло, сливочное масло, растительное масло, тростниковый сахар, соль. У живущих по десять лет людей, о монахи, лучшей едой будет кудруса [19]. Так же, как теперь, о монахи, лучшая еда – это рисовая каша с мясом, так у живущих по десять лет людей, о монахи, лучшей едой будет кудруса.

У живущих по десять лет людей, о монахи, десять благих путей деяния исчезнут совершенно, а десять неблагих путей деяния пышно разовьются. У людей, живущих по десять лет, и слова-то "благо" не будет. Кому же тогда благо совершать? – У людей живущих по десять лет, о монахи, тех, кто ни мать не уважает, ни отца не уважает, ни шраманов не уважает, ни брахманов не уважает, кто к старшим в роду непочтителен, тех и будут одобрять и хвалить. Так же, как теперь, о монахи, тех, кто мать уважает, отца уважает, шраманов уважает, брахманов уважает, кто к старшим в роду почтителен, – тех одобряют и хвалят, – вот точно так же, монахи, у людей, живущих по десять лет, тех, кто ни мать не уважает, ни отца не уважает, ни шраманов не уважает, ни брахманов не уважает, кто к старшим в роду непочтителен, тех и будут одобрять и хвалить.

Для людей, что будут жить по десять лет, о монахи, ни матери не будет ни сестры матери, ни жены дяди по матери, ни супруги учителя, ни жену дяди по отцу – в свальном грехе народ погрязнет, как козлы и бараны, петухи и свиньи, псы и шакалы.

У людей, что будут жить по десять лет, о монахи, друг на друга, друг против друга, будет на уме лютая злоба, лютая свирепость, лютое ожесточение, лютые душегубные помыслы – и у матери к сыну, и у сына к матери, и у отца к сыну, и у сына к отцу, и у брата к брату, и у сестры к брату, и у брата к сестре, будут на уме друг на друга, друг против друга, лютая злоба, лютая ненависть, лютое ожесточения, лютые душегубные помыслы, словно как у охотника, о монахи, когда видит он зверя.

Для людей, что будут жить по десять лет, о монахи, на семь дней на семь дней настанет "пора мечей": они друг в друге увидят зверей, в руках у них острые мечи окажутся, и с мыслями: "Вот зверь! Вот зверь!" – будут лишать друг друга жизни.

И вот, о монахи, некоторым из этих людей так подумается: "Что нам до всех, что всем до нас! Что, если мы в заросли травы или в заросли кустарника, или в заросли деревьев, или в речные протоки, или в расселины скал заберемся и проживем там, а есть будем лесные корешки и плоды." Заберутся они в заросли травы или в заросли кустарника, или в заросли деревьев, или в речные протоки, или в расселины скал и проживут там семь дней, питаясь лесными корешками и плодами. А спустя семь дней выйдут они из своих зарослей травы, зарослей кустарника, зарослей деревьев, речных протоков, расселин скал, обнимут друг друга и вместе вздохнут: "Хорошо, что ты жив, хорошо, что ты жив!"

И тут, о монахи, этим людям подумается: "Мы от приверженности к неблагим дхармам многих родичей растеряли. Что если мы теперь станем совершать благие дела? Какие же благие дела? Воздержимся от смертоубийства и будем этой благой дхармы придерживаться." Воздержатся они от смертоубийства и станут этой благой дхармы придерживаться. И от приверженности к благим дхармам у них и жизненный век и красота прибывать станут. И у живших раньше по десять лет людей, чьи жизненный век и красота станут прибывать, дети станут жить по двадцать лет.

И вот, о монахи, этим людям подумается: "У нас от приверженности к благим дхармам и жизненный век прибывает и красота прибывает. Что если мы еще больше будем совершать благих дел? Воздержимся от взятия не данного, воздержимся от похотных поступков, воздержимся от лжи, воздержимся от доносов, воздержимся от грубых речей, воздержимся от пустословия, оставим жадность, оставим враждебность, оставим ложные воззрения [20], оставим три дхармы – несправедливую страсть, несоизмеримую алчность, ложную дхарму; станем уважать матерей, уважать отцов, шраманов, брахманов, почитать старших в роду, и будем этих благих дхарм придерживаться.

И от приверженности к благим дхармам у них и жизненный век и красота прибывать станут. И у живших раньше по двадцать лет людей, чьи жизненный век и красота станут прибывать, дети станут жить по сорок лет. У людей же, что будут жить по сорок лет, дети будут жить по восемьдесят лет. У людей, что будут жить по восемьдесят лет, дети будут жить по сто шестьдесят лет. У людей, что будут жить по сто шестьдесят лет, дети будут жить по триста двадцать лет. У людей, что будут жить по триста двадцать лет, дети будут жить по шестьсот сорок лет. У людей, что будут жить по шестьсот сорок лет, дети будут жить по две тысячи лет. У людей, что будут жить по две тысячи лет, дети будут жить по четыре тысячи лет. У людей, что будут жить по четыре тысячи лет, дети будут жить по восемь тысяч лет. У людей, что будут жить по восемь тысяч лет, дети будут жить по двадцать тысяч лет. У людей, что будут жить по двадцать тысяч лет, дети будут жить по сорок тысяч лет. У людей, что будут жить по сорок тысяч лет, дети будут жить по восемьдесят тысяч лет. У людей с жизненным веком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, девиц можно будет отдавать замуж пяти тысяч лет от роду.

У людей с жизненным веком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, (только) три болезни останутся – желание, голодание и старость. При людях с жизненным веком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, этот материк Джамбу [21] станет богатым и процветающим; деревни, торжки и столицы будут так близко одна от другой, что даже петух пролететь сможет. При людях с жизненным веком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, этот материк Джамбу, будто Незыбь [22], заполнен будет людьми и уподобится зарослям бамбука или тростника. При людях с жизненным сроком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, нынешний город Варанаси станет стольным городом, под названием Кетумати, и будет богатым, процветающим, многолюдным, полным народу, щедрым на милостыню. При людях с жизненным сроком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, на этом материке Джамбу будет восемьдесят четыре тысячи городов во главе со стольным городом Кетумати.

При людях с жизненным сроком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, в стольном городе Кетумати царь по имени Санкха появится – преданный дхарме, царь во дхарме, четыре края земли подчинивший, устойчивости в стране добившийся, семи сокровищ обладатель. Вот какие у него будут сокровища: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, самоцвет сокровище, жена-сокровище, домовладыка-сокровище, советник-сокровище. И больше тысячи будет у него сыновей, витязей могучего сложения, сокрушителей вражьей силы. Он эту землю вплоть до океана не насилем, не оружием – дхармой завоюет и заживет спокойно.

При людях с жизненным сроком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, появится в мире Блаженный по имени Майтрея – святой, истинновоспросветленный, совершенный в ведении и поведении, пришедший во благе, знаток людей, непревосходимый, укротитель буйных мужей, учитель богов и людей. Просветленный, Блаженный – так же как я ныне в мире появился, – святой, истинновоспросветленный, совершенный в ведении и поведении, пришедший во благе, знаток людей, непревосходимый, укротитель буйных мужей, учитель богов и людей, Просветленный, Блаженный. Он в этот мир людей с богами (нижних небесных сфер), с богами (сфер) Мары и Брахмы [23], со шраманами и брахманами, с народом, богами и людьми сам постигнет, воочию узрит и изъяснит,

так же как я теперь этот мир людей с богами (низших небесных сфер), с богами (сфер) Мары и Брахмы, со шраманам и брахманами, с народом, богами и людьми сам постиг, воочию узрел и изъясняю. Он преподаст дхарму прекрасную в начале, прекрасную в середине, прекрасную в конце, благую по смыслу и выражению, полную и законченную, совершенно чистую, (ведущую) к брахманскому житию, – так же как я теперь преподаю дхарму прекрасную в начале, прекрасную в середине, прекрасную в конце, благую по смыслу и выражению, полную и законченную, совершенно чистую, (ведущую) к брахманскому житию [24]. Он поведет за собою многотысячную общину монахов, так же как я теперь веду за собою многосотенную общину монахов.

А царь по имени Санкха, о монахи, на том месте, где некогда повелением царя Великого Панады был воздвигнут жертвенный дворец [25], вновь воздвигнет жертвенный дворец, поселится в нем и принесет дары, а затем откажется от него, совершит даяния шраманам и брахманам, убогим, странникам и просителям и под началом Блаженного, святого, истинновсепросветленного Майтреи голову и бороду обреет, желтые одежды наденет, из дому в бездомность уйдет. И ставши отшельником, будет он один, наедине с собою, прилежен, ревностен, внимателен, и не замедлит достичь той цели, которой ради сыновья семей искренне уходят из дому в бездомность. Уже в этой жизни он лично постигнет, осуществит, добьется высшего завершения брахманского жития и заживет в нем.

Пребудьте, монахи, светочами сами себе, прибежищем сами себе, не надо иного прибежища. Пусть пребудет светочем вашим дхарма, прибежищем вашим дхарма, не надо иного прибежища. И как же, о монахи, пребудет монах сам себе светочем, сам себе прибежищем, без иного прибежища? Как пребудет ему дхарма светочем, дхарма ему прибежищем, без иного прибежища? Вот монахи: непрестанно следит монах за телом – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние; непрестанно следит за ощущениями – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние; непрестанно следит за мыслью – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние; непрестанно следит за дхармами – бдительно, сознательно, памятно, оставив мирские жадность и уныние. Вот так, о монахи, пребудет монах сам себе светочем, сам себе прибежищем без иного прибежища; так пребудет ему дхарма ему светочем, дхарма ему прибежищем, без иного прибежища.

Поля, монахи не покидайте, своих наследных пределов. Если поля вы не покинете, своих наследных пределов, о монахи, то и жизненный век ваш будет пребывать, и красота ваша прибывать, и счастье ваше прибывать, и богатство ваше прибывать, и сила ваша прибывать.

А каков у монаха жизненный век? Развивает монах основу сверхобычных сил, главный движитель в коей – сосредоточение на стремлении к действию; развивает основу сверхобычных сил, главный движитель в коей – сосредоточение на старании; развивает основу сверхобычных сил, главный движитель в коей – сосредоточение на мысли; развивает основу сверхобычных сил, главный движитель в коей – сосредоточение на исследовании. И он благодаря освоению, благодаря умножению этих четырех основ сверхобычных сил сможет, если захочет, кальпу прожить или остаток кальпы. Вот что говорю я о жизненном веке монаха.

А какова у монаха красота? Если монах нравственен, о монахи, сдерживает себя согласно Уставным началам, безупречен в поведении и поступках, в мельчайших вещах из числа предосудительных усматривает опасность, полностью блюдет правила поведения, – это и есть, монахи, красота для монаха.

А каково у монаха счастье? Когда, о монахи, монах отбрасывает утехи, отбрасывает неблагие дхармы и входит в сопровождаемую задумыванием и продумыванием, порожденную различием радостную и приятную первую стадию созерцания; (и далее, когда) он с угасанием задумывания и продумывания входит во внутренне проясненную, мысль воедино связующую, избавленную от задумывания и продумывания, порожденную сосредоточением, радостную и приятную вторую стадию созерцания; и входит далее в третью и четвертую стадии созерцания [26], то это и есть, о монахи, счастье для монаха.

А каково у монаха богатство? – Вот, монахи, пронзает монах мыслью, сопровождаемой добротой, одну сторону света, потом другую, потом третью, потом четвертую. И вниз и вверх и вбок – во всех направлениях, во всех отношениях весь мир он пронзает мыслью, сопровождаемой добротой – великою, возвышенною, безмерною, чуждою распри и враждебности и пребывает в (этой мысли). Так же, мыслью, сопровождаемой состраданием, сопровождаемой сорадованием, сопровождаемой равным ко всем отношением. Это и есть, о монахи, богатство монаха.

А какова у монаха сила? Вот, о монахи, иссякает у монаха тяга (к миру), и он лично постигает и осуществляет чуждое тяге (к миру) освобождение мысли и освобождение мудрости, и прибывает в нем. Это и есть, о монахи, сила монаха.

Не усматриваю я, о монахи, ни одной силы, которая была бы столь трудноодолима, как сила Мары. Лишь благодаря обретения благих дхарм, о монахи, возрастают заслуги."

Так сказал Блаженный. Радостно и удовлетворенно восприняли монахи слова Блаженного.

Примечания

1. Блаженный (Бхагаван) – наиболее употребляемое в буддийском Каноне обращение к Гаутаме-Будде. (Обратно)
2. Восьма многозначное слово "Дхарма" встречается в тексте данной Сутры в следующих значениях: учение Будды; жизненные устои вообще; психическое качество любого поведения. (Обратно)
2. Под "наследными наделами" (pettike visaye) здесь имеются в виду четыре основы осознанности: тело, чувства, ум и умственные качества. Монах не увлекается чувственными удовольствиями, осознанно отслеживая то, что происходит с его телом, чувствами, умом и умственными качествами. Подробнее об этом можно прочитать в Сакунагхи сутте и Макката сутте. (Обратно)
3. Могущественный небожитель, наслаждающийся мирским блаженством; олицетворение соблазнов и искушений. (Обратно)
4. Царь-миродержец (Чакравартин) – праведный мировой властитель. (Обратно)
5. Далханеми – букв. "Прочный обод", имя царя намекает на Колесо-сокровище. (Обратно)
6. Домовладыка и советник символизируют экономический и социально-административный аспекты власти царя. (Обратно)
7. Желтые одежды – монашеское одеяние. (Обратно)
8. По-арийски – от самоназвания древний индийцев, потомков индо-ариев. (Обратно)
9. Праздник Упасатхи – главный регулярный буддийский праздник, отмечаемый по полнолуниям, новолуниям и дням половинной луны. Предусматривает определенное воздержание от пищи и некоторые обряды. (Обратно)
10. Князей – зависимых от царя правителей. (Обратно)
11. Шраманов – тех кто ради праведности отрекаются от мирской жизни. (Обратно)
12. Животный мир также включается в число подданных царя. (Обратно)
13. Перечисляются пять обетов буддиста-мирянина. (Обратно)
14. Знатоки мантр, ими живущие – ритуалисты, ученые-брахманы. (Обратно)
15. В терминологических буддийских текстах употребление обычного слова "кража" избегается. Заменяется описанием – "взятие (чужого), не данного, без спроса". (Обратно)
16. Дакшина – в ведийской религии вознаграждение жрецу за жертвоприношение. В буддизме это понятие трактуется более широко, как даяние материальных благ людям, одаривающих подателя дакшины благами духовными. Наставлениями, проповедью и пр. (Обратно)
17. Южная сторона ассоциируется с царством Ямы, царя мертвых. К югу от города обычно располагались места кремации. (Обратно)
18. Ложная дхарма – ложная религия, порочная практика. (Обратно)
19. Кудруса – точно не отождествляемый знак, скорее всего низкосортное просо. ср. санскр. корадусака. (Обратно)
20. Перечислены девять из десяти неблагих путей деяния. Десятый (смертоубийство) – перечислен выше. (Обратно)
21. Материк Джамбу (Джамбудвипа) – по традиционному индийскому миропредставлению, южный из четырех земных материков. Фактически – Индия. (Обратно)
22. Незыбь (Авичи) букв. "(где) нет волн", в более поздних текстах так называется самый низший и самый страшный из миров ада. (Обратно)
23. Брахма – в буддийской космографии главный бестелесный бог сфер чистого образа, располагающийся выше мира чувственных форм. (Обратно)
24. Брахманское житие (брахмачарья) – монашески-целомудренное состояние, в результате практики которого наступает святость, освобождение. (Обратно)
25. Ссылка на приводимое в джатаках предание. (Обратно)
26. Сутра завершается наставлением в практике. Здесь на протяжении одной страницы употреблено не менее трех десятков сложных психологических терминов, иногда требующих для правильного понимания посвящения, иногда вовсе неизвестных современной науке. (Обратно)

Сигаловада сутта

Беседа с Сигалой -

Кодекс дисциплины для мирянина

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Нарада Тхеры)

Так я слышал:

Однажды Благословенный жил в Бамбуковой Роще, Заповеднике Белок, около Раджаграхи.

В то время молодой Сигала, сын домохозяина, поднявшись рано утром, выйдя из Раджаграхи, с влажной одеждой и влажными волосами, поклонялся соединенными вместе руками различным сторонам света - Востоку, Югу, Западу, Северу, Надиру, и Зениту.

Тогда Благословенный, одевшись в предполуденное время, взял чашу и одежду, и вошел в Раджаграху за милостыней. Там он увидел молодого Сигалу, поклоняющегося таким образом, и так его спросил:

"Почему вы, молодой домохозяин, поднявшись рано утром, выйдя из Раджаграхи, с влажной одеждой и влажными волосами, поклоняетесь соединенными вместе руками различным сторонам света - Востоку, Югу, Западу, Северу, Надиру, и Зениту?"

"Господин, мой отец при смерти сказал мне: шести сторонам света, дорогой сын, ты должен поклоняться. И я, господин, уважая, чтя, почитая и соблюдая слово моего отца, поднимаюсь рано утром, и, выходя из Раджаграхи, с влажной одеждой и влажными волосами, поклоняюсь соединенными вместе руками этим шести сторонам света".

"Молодой домохозяин, в учении благородных шести сторонам света нужно поклоняться иначе".

"Как же, господин, нужно поклоняться шести сторонам света в учении благородных? Было бы хорошо, господин, если Благословенный преподавал бы мне учение, рассказывающее, как нужно поклоняться шести сторонам света в учении благородных".

"Хорошо, молодой домохозяин, слушайте, и хорошо запоминайте; я расскажу." - "Прекрасно, господин", - отвечал молодой Сигала.

И Благословенный говорил так:

"Молодой домохозяин, ввиду того, что благородный ученик (1) искоренил четыре порока в поведении, (2) поскольку он не совершает никаких порочных действий четырьмя способами, (3) поскольку он не занимается шестью каналами растраты богатства, он таким образом, избегая этих четырнадцати порочных вещей, охватывает шесть сторон света, и вступает на путь, ведущий к победе в обоих мирах: его одобряют в этом мире и в том мире. После разрушения тела, после смерти, он рождается в счастливом небесном царстве.

(1) "Каковы четыре порока в поведении, которые он искоренил? Домохозяин, уничтожение жизни - это порок, а также кража, прелюбодеяние, и ложь. Таковы четыре порока, которые он искоренил".

Так сказал Благословенный. И когда господин так сказал, он добавил:

"Убийство, кража, ложь и прелюбодеяние,

Эти четыре порока мудрые никогда не хвалят".

(2) "Какими четырьмя способами он не совершает никаких порочных действий? Он не совершает зла под влиянием желания. Он не совершает зла под влиянием злости. Он не совершает зла под влиянием невежества. Он не совершает зла под влиянием страха.

"Но поскольку благородный ученик не подвержен влиянию желания, гнева, невежества, и страха, он не совершает никакого зла".

Так сказал Благословенный. И когда господин так сказал, он добавил:

"Кто из-за желания, ненависти или страха,

Или невежества нарушает Дхарму,

Вся его слава угасает

Как луна на ущербе.

Кто из-за желания, ненависти или страха,

Или невежества никогда не нарушает Дхарму,

Вся его слава постоянно увеличивается

Как растущая луна".

(3) "Каковы шесть каналов для рассеивания богатства, которыми он не занимается?

(а) злоупотребление опьяняющими веществами, которые вызывают зависимость и беспечность;

(б) гуляние на улицах в неподходящее время;

(в) частое посещение театральных зрелищ;

(г) злоупотребление азартными играми, вызывающее беспечность;

(д) связь с порочными товарищами;

(е) привычка к безделью.

(а) "Есть, молодой домохозяин, такие шесть порочных последствий в злоупотреблении опьяняющими веществами, которые вызывают зависимость и беспечность:

(1) потеря богатства,

(2) увеличение ссор,

(3) подверженность болезням,

(4) приобретение порочной репутации,

(5) непристойное обнажение тела,

(6) ослабление интеллекта.

(б) "Есть, молодой домохозяин, такие шесть порочных последствий в гулянии на улицах в неподходящее время:

(1) он сам незащищен и не охраняем,

(2) его жена и дети незащищены и не охраняемы,

(3) его имущество незащищено и не охраняемо,

(4) он подозревается в порочных делах,

(5) про него распространяют ложные слухи,

(6) он встречается со многими неприятностями.

(в) Есть, молодой домохозяин, такие шесть порочных последствий частого посещения театральных зрелищ:

Он постоянно думает:

(1) где сейчас танцы?

(2) где сейчас пение?

(3) где сейчас музыка?

(4) где сейчас декламация?

(5) где сейчас игра на цимбалах?

(6) где сейчас дутые горшков?

(г) Есть, молодой домохозяин, такие шесть порочных последствий злоупотребления азартными играми:

(1) победитель вызывает ненависть,

(2) проигравший горюет о потерянном богатстве,

(3) потеря богатства,

(4) на его слово не полагаются в суде,

(5) его презируют друзья и партнеры,

(6) он не имеет спроса как жених, потому что люди говорят, что он игрок и не подходит для того, чтобы заботиться о жене.

(д) Есть, молодой домохозяин, такие шесть порочных последствий связи с порочными товарищами, а именно: когда любой игрок, любой распутник, любой алкоголик, любой жулик, любой обманщик, любой хулиган - его друг и товарищ.

(е) Есть, молодой домохозяин, такие шесть порочных последствий в привычке к безделью:

Он совсем не работает, говоря:

(1) что слишком холодно,

(2) что слишком жарко,

(3) что слишком поздно,

(4) что слишком рано,

(5) что он очень голоден,

(6) что он очень наелся.

Живя таким образом, он оставляет много обязанностей невыполненными, не приобретает нового богатства, а богатство, которое он уже приобрел, истощается".

Так сказал Благословенный. И когда господин так сказал, он добавил:

"Он друг по бутылке; он говорит, 'друг, друг' только лицом к лицу; он друг и партнер только тогда, когда это выгодно.

Поздний сон, прелюбодеяние, раздражительность, недоброжелательность, порочные товарищи, жадность - эти шесть причин разрушают человека.

Человек, у которого порочные товарищи и друзья, склонен к порочным путям, его ждет крах в обоих мирах - в этом и в следующем.

Кости, женщины, алкоголь, танцы, пение, сон днем, гуляние в неподходящие часы, порочные товарищи, жадность - эти девять причин разрушают человека.

Кто играет в кости и пьет опьяняющие напитки, ходит к женщинам, которые дороги другим как жизнь, общается с низкими людьми, а не со старшими - он убывает, как луна на ущербе.

Кто пьян, беден, нищ, никак не может напиться, часто посещает бары, тонет в долгах как камень в воде, быстро приносит дурную славу своей семье.

Кто по привычке спит днем, и бодрствует допоздна, всегда пьян и распушен, не пригоден для ведения жизни

домохозяина.

Кто говорит, что слишком жарко, слишком холодно, слишком поздно, и оставляет дела невыполненными, мимо того проходят хорошие возможности.

Но тот, кто обращает на холод или жару не больше внимания, чем на стебелек травы, и мужественно выполняет свои обязанности, не упускает удачи".

* * *

"Молодой домохозяин, следующих четырех нужно знать как врагов в облике друзей:

(1) того, кто присваивает имущество друга,

(2) того, кто помогает только на словах,

(3) того, кто льстит,

(4) того, кто приводит к краху.

(1) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать как врага в облике друга того, кто присваивает имущество:

(1) он присваивает богатство своего друга,

(2) он дает немного и просит много,

(3) он выполняет свои обязанности из страха,

(4) он общается ради собственного блага.

(2) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать как врага в облике друга того, кто помогает только на словах:

(1) он делает дружеские заверения в том, что касается прошлого,

(2) он делает дружеские заверения в том, что касается будущего,

(3) он старается завоевать расположение пустыми словами,

(4) когда появляется возможность помочь, он говорит, что не может.

(3) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать как врага в облике друга того, кто льстит:

(1) он одобряет порочные дела своего друга,

(2) он не одобряет хороших дел своего друга,

(3) он хвалит его в его присутствии,

(4) он ругает его в его отсутствии.

(4) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать как врага в облике друга того, кто приводит к краху:

(1) он товарищ в злоупотреблении опьяняющими веществами, которые вызывают зависимость и беспечность,

(2) он товарищ в гулянии на улицах в неподходящие часы,

(3) он товарищ в частом посещении театральных зрелищ,

(4) он товарищ в злоупотреблении азартными играми, которые вызывают беспечность".

Так сказал Благословенный. И когда господин так сказал, он добавил:

"Друг, который присваивает имущество,

Друг, который помогает только на словах,

Друг, который льстит,

Друг, который приводит к краху,

Этих четырех мудрые считают врагами,

Избегай их издалека как опасные пути.

Молодой домохозяин, следующих четырех нужно знать как участливых друзей:

(1) кто помогает,

(2) кто остается таким же в счастье и в горе,

(3) кто дает хороший совет,

(4) кто сочувствует.

(1) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать того, кто помогает, как участливого друга:

(1) он охраняет беспечных,

(2) он защищает богатство беспечных,

(3) он дает убежище, когда вы в опасности,

(4) когда он что-то обязан, он дает вдвое больше.

(2) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать как участливого друга того, кто остается тем в счастье и в горе:

(1) он раскрывает свои тайны,

(2) он хранит ваши тайны,

(3) он не оставляет в беде,

(4) он готов пожертвовать своей жизнью ради вас.

(3) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать как участливого друга того, кто дает хороший совет:

(1) он удерживает от совершения зла,
(2) он поощряет делать добро,
(3) он сообщает о том, что вам неизвестно,
(4) он указывает путь к небесам.
(4) Четырьмя способами, молодой домохозяин, нужно знать как участливого друга того, кто симпатизирует:

(1) он не радуется при вашей неудаче,
(2) он радуется вашему процветанию,
(3) он не дает другим плохо говорить о вас,
(4) он хвалит тех, кто хорошо отзывается о вас".

Так сказал Благословенный. И когда господин так сказал, он добавил:

"Друг, который помогает,
Друг в счастье и в горе,
Друг, который дает хороший совет,
И друг, который сочувствует -
Эти четырех мудрые считают друзьями
И преданно о них заботятся,
Как заботится мать о своем ребенке.
Мудрые и добродетельные сияют, как пылающий огонь.
Тот, кто приобретает богатство, не причиняя вреда,
Похож на пчелу, собирающую мед,
Богатства растут у него
Быстро, как муравейник.
Приобретя богатство таким образом,
Мирянин, подходящий для жизни домохозяина,
Делит свое богатство на четыре части:
Так он завоеует дружбу.
Одну часть он использует для своих потребностей,
Две части тратит на свое дело,
А четвертую сохраняет на случай нужды.

* * *

"И как, молодой домохозяин, благородный ученик охватывает шесть сторон света?

Вот что нужно считать шестью сторонами света. Родителей нужно считать Востоком, учителей Югом, жену и детей Западом, друзей и партнеров Севером, слуг и работников Надиром, отшельников и браминов Зенитом.
Пятью способами, молодой домохозяин, ребенок должен служить своим родителям как Востоку:

(1) я буду поддерживать их, поддержавших меня,
(2) я буду выполнять их обязанности,
(3) я буду сохранять семейную традицию,
(4) я буду стараться быть достойным своего наследства,
(5) кроме того, я буду раздавать милостыню в память моих умерших родственников.

Пятью способами, молодой домохозяин, родители, которым дети служат как Востоку, проявляют свое сочувствие к детям:

(1) они удерживают их от порока,
(2) они поощряют их делать добро,
(3) они обучают их профессии,
(4) они устраивают подходящий брак,
(5) в надлежащее время они вручают им их наследство.

Этими пятью способами дети служат своим родителям как Востоку, и родители проявляют сострадание к своим детям. Так они охватывают Восток, делая его безопасным и надежным.

Пятью способами, молодой домохозяин, ученик должен служить учителю как Югу:

(1) вставая с места в приветствии,
(2) заботясь о нем,
(3) рвением учиться,
(4) собственными услугами,
(5) почтительным вниманием при обучении.

Пятью способами, молодой домохозяин, учителя, которым так служат как Югу их ученики, проявляют свое сострадание:

(1) они обучают их самому лучшему,
(2) они следят за хорошим усвоением знаний,
(3) они обучают их искусствам и наукам,

- (4) они знакомят их с друзьями и партнерами,
- (5) они обеспечивают их безопасность повсюду.

Такими пятью способами учителя, которым так служат как Югу их ученики, проявляют свое сострадание к ним. Так они охватывают Юг, делая его безопасным и надежным.

Пятью способами, молодой домохозяин, должен муж служить жене как Западу:

- (1) быть вежливым с ней,
- (2) не презирать ее,
- (3) быть верным ей,
- (4) передавать ей полномочия,
- (5) обеспечивая ее украшениями.

Жена, которой ее муж так служит как Западу, проявляет сострадание к своему мужу пятью способами:

- (1) она хорошо исполняет свои обязанности ,
- (2) она гостеприимна к родственникам и окружающим
- (3) она верна,
- (4) она сберегает то, что он приносит,
- (5) она искусна и трудолюбива в исполнении своих обязанностей.

Этими пятью способами жена проявляет сострадание к своему мужу, который служит ей как Западу. Так он охватывает Запад, делая его безопасным и надежным.

Пятью способами, молодой домохозяин, должен член рода служить своим друзьям и партнерам как Северу:

- (1) щедростью,
- (2) вежливой речью,
- (3) быть полезным,
- (4) быть беспристрастным,
- (5) искренностью.

Друзья и партнеры, которым член рода так служит как Северу, проявляют к нему сострадание пятью способами:

- (1) они защищают его, когда он беспечен,
- (2) они защищают его имущество, свойство когда он беспечен,
- (3) они дают убежище, когда он в опасности,
- (4) они не оставляют его в беде,
- (5) они оказывают внимание его семье.

Такими пятью способами друзья и партнеры, которым член рода так служит как Северу, проявляют к нему сострадание. Так он охватывает Север, делая его безопасным и надежным.

Пятью способами должен хозяин служить своим слугам и работникам как Надиру:

- (1) назначая им работу согласно их способностям,
- (2) обеспечивая их пищей и заработной платой,
- (3) ухаживая за ними в болезни,
- (4) делясь с ними любыми лакомствами,
- (5) время от времени предоставляя им отпуск.

Слуги и работники, которым их хозяин так служит как Надиру, проявляют свое сострадание к нему пятью способами:

- (1) они поднимаются раньше него,
- (2) они ложатся спать после него,
- (3) они берут только то, что им дают,
- (4) они хорошо исполняют свои обязанности ,
- (5) они поддерживают его доброе имя и славу.

Такими пятью способами служащие и работники, которым их хозяин служит как Надиру, проявляют к нему свое сострадание. Так он охватывает Надир, делая его безопасным и надежным.

Пятью способами, молодой домохозяин, должен домохозяин служить отшельникам и браминам как Зениту:

- (1) приятными делами,
- (2) приятными словами,
- (3) приятными мыслями,
- (4) держа дом открытым для них,
- (5) обеспечивая их материальные потребности.

Отшельники и брамины, которым домохозяин так служит как Зениту, проявляют к нему свое сострадание шестью способами:

- (1) они удерживают его от порока,
- (2) они убеждают его делать добро,
- (3) они добросердечно любят его,
- (4) они побуждают его услышать то, чего он не слышал,

(5) они разъясняют то, что он уже слышал,

(6) они указывают путь к небесному состоянию.

Такими шестью способами отшельники и брамины проявляют свое сострадание к домохозяину, который служит им как Зениту. Так он охватывает Зенит, делая его безопасным и надежным".

Так сказал Благословенный. И когда господин так сказал, он добавил:

" Мать и отец - Восток,

Учителя - Юг,

Жена и дети - Запад,

Друзья и партнеры - Север.

Слуги и работники - Надир,

Отшельники и брамины - Зенит;

Кто пригоден для того, чтобы вести жизнь домохозяина,

Должен приветствовать эти шесть сторон света.

Кто мудр и добродетелен,

Мягок и сообразителен,

Скромн и ответственен,

Тот может достичь почестей.

Кто энергичен и не ленив,

Непоколебим в беде,

Безупречен в манерах и умен,

Тот может достичь почестей.

Кто гостеприимен, и дружелюбен,

Щедр и бескорыстен,

Руководитель, учитель, лидер,

Тот может достичь почестей.

Великодушие, приятная речь,

Полезность другим,

Беспристрастность ко всем,

Как того требует ситуация.

С помощью этих четырех побеждающих путей движется мир,

Как с помощью чеки колеса едет колесница.

Если их нет в мире,

Ни мать, ни отец не получает

Уважения и почтения от своих детей.

Так как мудрые высоко ценят

Эти четыре побеждающих пути,

То они достигают славы,

И по праву получают похвалу.

Когда Благословенный так сказал, Сигала, молодой домохозяин, сказал так:

"Превосходно, господин, превосходно! Как будто кто-то поставил прямо то, что было опрокинуто, или показал то, что было скрыто, или указал путь тому, кто сбился, или поднес лампу среди темноты, чтобы те, кто имеют глаза, могли видеть. Так Благословенный различными способами объяснил учение.

Я принимаю убежище, господин, в Будде, Дхарме, и Сангхе. Пусть Благословенный примет меня как мирского последователя; как того, кто принял убежище с этого самого дня до конца жизни."

Маджджхима Никая 2

Саббасава сутта

Сутта о всех влечениях

Перевод с пали Д.А. Ивахненко

Предисловие переводчика

Термин "asava" играет особую роль в учении Будды. Достижение конечной цели, – Ниббаны, – зачастую описывается в суттах фразой типа: "ум почтенного (имя монаха), не испытывая привязанности, освободился от влечений (asava)". Это особая категория пороков, существующих на самом глубоком уровне, и их устранение знаменует собой Пробуждение.

Какова же история этого термина? Как и многие другие, он был заимствован Буддой из существующих в то время индийских духовных традиций. Буквально этот термин в данном контексте означает "протечка" (санскр. asrava), и в джайнизме сохранилось древнее метафорическое понимание этого слова. "Асавы" уподобляются щелям в дверях и окнах, через которые в дом души проникают кармические загрязнения. Еще одна метафора – протечки в дне корабля души, из-за которых она погружается в воду. Именно из-за существования таких "протечек" возможно накопление более грубых пороков. Эти пороки можно убрать из дома, как грязь, но если не заделаны щели, то пороки накопятся снова. Освобождение описывается не просто как устранение загрязнений ('upakkilesa'), а как устранение 'asava', самих предпосылок этих загрязнений.

Подобные метафорические сравнения есть и в буддийских текстах. Когда жажда не устранена, то

из глаза течет-протекает (asavati) жажда к образам,

из уха течет-протекает жажда к звукам,

из носа течет-протекает жажда к запахам,

из языка течет-протекает жажда к вкусам,

из тела течет-протекает жажда к прикосновениям,

из интеллекта течет-протекает жажда к идеям.

(Маханиддеса 1.233)

13. Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вожделение.

14. Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, так в хорошо развитый ум не просачивается вожделение.

(Дхаммапада)

Кроме "асав", есть и другая категория пороков – "огха", в буквальном смысле означающая "поток", а в переносном – неведение и тщетные желания. Классификация четырех типов "огха" совпадает с классификацией типов "асав".

В каноническом определении (Вибханга .364) "asava" поясняется как желание, страсть, жажда, поэтому я выбрал в качестве перевода этого термина слово "влечение", подразумевающее некую глубинную склонность, предпосылку жажды и желания.

Если под дверями "дома души" понимать двери восприятия, то щелями будут тонкие дефекты восприятия, приводящие к искаженной интерпретации, неадекватным чувствам и ошибочным действиям. Поэтому закономерно, что в нижеприведенной сутте в качестве главного средства против "протечек" предлагается так называемое "основательное внимание" – умелое управление направленностью внимания при восприятии, ориентация его на определенное качество, благодаря чему "протечки" не возникают и ликвидируются.

Тема "основательного внимания" проходит красной нитью через все этапы буддийского пути – развитие нравственности, сосредоточения и мудрости. По сути это такая направленность внимания, при которой устраняются неумелые умственные качества и развиваются умелые, не допускаются неумелые поступки и поощряются умелые. В данной сутте приведены самые разные контексты такого применения основательного внимания и основательной рефлексии – от избегания опасных мест до развития факторов Пробуждения. В этих, казалось бы, несовместимых контекстах применяется один и тот же методологический принцип основательного внимания (yoniso manasikāra). Внимание, направленное на основу, источник (yonī) явлений, позволяет сохранять здоровье и благополучие, совершенствовать нравственность и развивать ум.

Так я слышал: однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, в парке Анатхапиндики, в лесу Джеты. И вот Благословенный обратился там к монахам:

– Монахи!

– Господин! – ответили ему монахи.

Благословенный сказал:

– Монахи, я преподам вам урок об обуздании всех влечений. Слушайте внимательно то, что я скажу.

– Да, господин! – ответили ему монахи.

Благословенный сказал:

– Монахи, я утверждаю, что влечения прекращаются у знающего и постигающего, а не у не знающего и не постигающего. Что знающего и что постигающего? Основательное внимание и неосновательное внимание. Монахи, у того, кто не основательно обращает внимание, возникают еще не возникшие влечения, и возрастают уже возникшие. А у того, кто основательно обращает внимание, еще не возникшие влечения так и не возникают, а уже возникшие устраняются.

Монахи, есть влечения, которые следует устранять с помощью постижения. Есть влечения, которые следует устранять с помощью обуздания. Есть влечения, которые следует устранять с помощью использования. Есть влечения, которые следует устранять с помощью выдержки. Есть влечения, которые следует устранять с помощью избегания. Есть влечения, которые следует устранять с помощью изгнания. Есть влечения, которые следует устранять с помощью развития.

Влечения, устраняемые с помощью постижения

И какие же влечения, монахи, следует устранять с помощью постижения? При этом, монахи, необразованный простолюдин, который не встречается с Благородными личностями, не разбирается в учении Благородных, не обучен учению Благородных; не встречается с праведными людьми, не разбирается в учении праведных, не обучен учению праведных людей, — не различает, на какие качества следует обращать внимание и на какие качества не следует обращать внимания. И не различая того, на какие качества следует обращать внимание, а на какие не следует, он обращает внимание на те качества, которые не заслуживают внимания, и не обращает внимания на те качества, которые заслуживают внимания.

И на какие же качества, не заслуживающие внимания, он обращает внимание? На те качества, при обращении внимания на которые возникает до тех пор не возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или возрастает уже возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или возникает до тех пор не возникшее влечение к становлению, или возрастает уже возникшее влечение к становлению, или возникает до тех пор не возникшее влечение к неведению, или возрастает уже возникшее влечение к неведению. Вот на какие качества, не заслуживающие внимания, он обращает внимание.

И на какие же качества, заслуживающие внимания, он не обращает внимания? На те качества, при обращении внимания на которые не возникает до тех пор не возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или устраняется уже возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или не возникает до тех пор не возникшее влечение к становлению, или устраняется уже возникшее влечение к становлению, или не возникает до тех пор не возникшее влечение к неведению, или устраняется уже возникшее влечение к неведению. Вот на какие качества, заслуживающие внимания, он не обращает внимания.

Из-за обращения внимания на не заслуживающие внимания качества и не обращения внимания на заслуживающие внимания качества у него возникают до тех пор не возникшие влечения, и возрастают уже возникшие.

Вот как он неосновательно обращает внимание: "Существовал ли я в прошлой жизни, или не существовал? Кем же я был в прошлой жизни? Каким же образом я существовал в прошлой жизни? Кем быв, кем я стал в прошлой жизни? Буду ли я существовать в грядущей жизни, или не буду? Кем же я буду в грядущей жизни? Каким же образом я буду существовать в грядущей жизни? Кем быв, кем я стану в грядущей жизни?

Или тогда в нем возникает сомнение относительно текущей жизни: "Существую ли я, или нет? Кто же я есть? Каким же образом я существую? Откуда же пришло это существо? Куда же оно отправится?

У того, кто таким образом не основательно обращает внимание, возникает одно из шести воззрений. У него возникает как истинное и верное воззрение: "У меня есть "Я"", или у него возникает как истинное и верное воззрение "У меня нет "Я"", или у него возникает как истинное и верное воззрение "Собой я распознаю себя", или у него возникает как истинное и верное воззрение "Собой я распознаю не-себя", или у него возникает как истинное и верное воззрение "Не-собой я распознаю себя".

Или же у него появляется воззрение: "Вот это моё "Я", которое говорит и чувствует, испытывает то здесь, то там последствия добрых и злых дел, но это моё "Я" неизменно, постоянно, вечно, не подвержено превратностям, и пребудет на вечные времена".

Вот что, монахи, называется теоретизированием, зарослями воззрений, глухومانью воззрений, суматохой воззрений, судорогой воззрений, путами воззрений. Говорю вам, монахи, что опутанный путами воззрений необразованный простолюдин не освобождается от рождения, старения и смерти, от оплакиваний, мучений, уныний, раздражений, — он не освобождается от страдания.

А образованный ученик Благородных, встречающийся с благородными, разбирающийся в учении Благородных, хорошо обученный учению Благородных, встречающийся с праведными людьми, разбирающийся в учении праведных людей, хорошо обученный учению праведных людей, — различает, на какие качества следует обращать внимание и на какие качества не следует. Различая это, он не обращает внимания на те качества, которые не заслуживают внимания, и обращает внимание на те качества, которые заслуживают внимания.

Каковы же, монахи, те не заслуживающие внимания качества, на которые он не обращает внимания? Монахи, те качества, при обращении внимания на которые возникает до тех пор не возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или возрастает уже возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или возникает до тех пор не возникшее влечение к становлению, или возрастает уже возникшее влечение к становлению, или возникает до тех пор не возникшее влечение к неведению, или возрастает уже возникшее влечение к неведению. Вот на какие качества, не заслуживающие внимания, он не обращает внимания.

Каковы же, монахи, те заслуживающие внимания качества, на которые он обращает внимание? Монахи, те качества, при обращении внимания на которые не возникает до тех пор не возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или устраняется уже возникшее влечение к чувственным удовольствиям, или не возникает до тех пор не возникшее влечение к становлению, или устраняется уже возникшее влечение к становлению, или не возникает до тех пор не возникшее влечение к неведению, или устраняется уже возникшее влечение к неведению. Вот на какие качества, заслуживающие внимания, он обращает внимание.

Благодаря не обращению внимания на не заслуживающие внимания качества и обращению внимания на заслуживающие внимания качества у него не возникают еще не возникшие влечения, и устраняются уже возникшие.

Он основательно обращает внимание: "Это страдание"; он основательно обращает внимание: "Это возникновение страдания"; он основательно обращает внимание: "Это прекращение страдания"; он основательно обращает внимание: "Это путь, ведущий к прекращению страдания". Когда он так основательно обращает внимание, у него устраняются трое пут: убеждение в индивидуальности, неуверенность, подверженность правилам и обетам. Они называются влечениями, которые следует устранять с помощью постижения.

Влечения, устраняемые с помощью обуздания

И какие же влечения, монахи, следует устранять с помощью обуздания? При этом монах, основательно рефлексировав, постоянно обуздан обузданием зрения. Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не обуздан постоянно обузданием зрения, не возникают у того, кто обуздан постоянно обузданием зрения.

Основательно рефлексировав, он постоянно обуздан обузданием слуха. Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не обуздан постоянно обузданием слуха, не возникают у того, кто обуздан постоянно обузданием слуха.

Основательно рефлексировав, он постоянно обуздан обузданием обоняния. Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не обуздан постоянно обузданием обоняния, не возникают у того, кто обуздан постоянно обузданием обоняния.

Основательно рефлексировав, он постоянно обуздан обузданием чувства вкуса. Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не обуздан постоянно обузданием чувства вкуса, не возникают у того, кто обуздан постоянно обузданием чувства вкуса.

Основательно рефлексировав, он постоянно обуздан обузданием тактильного ощущения. Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не обуздан постоянно обузданием тактильного ощущения, не возникают у того, кто обуздан постоянно обузданием тактильного ощущения.

Основательно рефлексировав, он постоянно обуздан обузданием интеллекта. Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не обуздан постоянно обузданием интеллекта, не возникают у того, кто обуздан постоянно обузданием интеллекта.

Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не обуздан постоянно обузданием, не возникают у того, кто обуздан постоянно обузданием. Монахи, вот что называется влечениями, которые следует устранять с помощью обуздания.

Влечения, устраняемые с помощью использования

И какие же влечения, монахи, следует устранять с помощью использования? При этом монах, основательно рефлексировав, использует монашескую накидку лишь по мере надобности, для защиты от холода, для защиты от жары, от контакта с оводами, комарами, ветром, солнцем, пресмыкающимися, по мере надобности для сокрытия половых органов.

Основательно рефлексировав, он использует полученную как подаяние еду не для забавы, не для опьянения, не для украшения, не для повышения привлекательности, а лишь по мере надобности для выносливости и жизнеспособности тела, для прекращения травм, и способствования праведной жизни, рассуждая: "Таким

образом я устранию прежнее чувство (голода) и не вызову новое чувство (переедания), чтобы у меня было пропитание, безупречность и приятное состояние.

Основательно рефлексирюя, он использует жильё лишь по мере надобности для защиты от холода, для защиты от жары, от контакта с оводами, комарами, ветром, солнцем, пресмыкающимися, по мере надобности для избавления от ненастья, ради радости (медитативного) уединения.

Основательно рефлексирюя, он использует лечебные принадлежности, приспособления и лекарства лишь по мере надобности, для защиты от возникших травматических чувств, ради максимального благополучия.

Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у не использующего так (монашеские принадлежности), не возникают у так их использующего. Монахи, вот что называется влечениями, которые следует устранять с помощью использования.

Влечения, устраняемые с помощью выдержки

И какие же влечения, монахи, следует устранять с помощью выдержки? При этом монах, основательно рефлексирюя, терпеливо переносит холод и жару, голод и жажду. Он обладает выдержкой по отношению к контакту с оводами, комарами, ветром, солнцем, пресмыкающимися, по отношению к неприветливой, неприязненной речи, к возникшим мучительным, острым, резким, жгучим, тягостным, неприятным, губительным телесным чувствам.

Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у не проявляющего выдержку, не возникают у проявляющего выдержку. Монахи, вот что называется влечениями, которые следует устранять с помощью выдержки.

Влечения, устраняемые с помощью избегания

И какие же влечения, монахи, следует устранять с помощью избегания? При этом монах, основательно рефлексирюя, избегает вспыльчивых слонов, вспыльчивых лошадей, вспыльчивых быков, вспыльчивых собак, змей, пеньков, колючих зарослей, ям, пропастей, отстойников и помойных ям.

Основательно рефлексирюя, он избегает сидеть в неподходящих местах, вращаться в неподходящей среде и водиться с дурными друзьями, поскольку если бы он поступал так, то мудрые товарищи по праведной жизни могли бы посчитать у него возможными дурные мотивы поступков.

Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у того, кто не избегает этих вещей, не возникают у того, кто избегает их. Монахи, вот что называется влечениями, которые следует устранять с помощью избегания.

Влечения, устраняемые с помощью изгнания

И какие же влечения, монахи, следует устранять с помощью изгнания? При этом монах, основательно рефлексирюя, не терпит возникшей мысли чувственного желания, отбрасывает, изгоняет и прекращает её, кладет ей конец. Основательно рефлексирюя, он не терпит возникшей мысли недоброжелательности, отбрасывает, изгоняет и прекращает её, кладет ей конец. Основательно рефлексирюя, он не терпит возникшей мысли причинения вреда, отбрасывает, изгоняет и прекращает её, кладет ей конец. Основательно рефлексирюя, он не терпит возникших порочных неумелых умственных качеств, отбрасывает, изгоняет и прекращает их, кладет им конец.

Монахи, те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у не изгоняющего (эти вещи), не возникают у изгоняющего. Монахи, вот что называется влечениями, которые следует устранять с помощью изгнания.

Влечения, устраняемые с помощью развития

И какие же влечения, монахи, следует устранять с помощью развития? При этом монах, основательно рефлексирюя, развивает памятование как фактор Пробуждения, основанный на уединении, бесстрастии, прекращении, приводящий к оставлению. Основательно рефлексирюя, он развивает различение умственных качеств как фактор Пробуждения, основанный на уединении, бесстрастии, прекращении, приводящий к оставлению. Основательно рефлексирюя, он развивает усердие как фактор Пробуждения, основанный на

уединении, бесстрастии, прекращении, приводящий к оставлению. Основательно рефлексировав, он развивает восторг как фактор Пробуждения, основанный на уединении, бесстрастии, прекращении, приводящий к оставлению. Основательно рефлексировав, он развивает успокоение как фактор Пробуждения, основанный на уединении, бесстрастии, прекращении, приводящий к оставлению. Основательно рефлексировав, он развивает сосредоточение как фактор Пробуждения, основанный на уединении, бесстрастии, прекращении, приводящий к оставлению. Основательно рефлексировав, он развивает безмятежное наблюдение как фактор Пробуждения, основанный на уединении, бесстрастии, прекращении, приводящий к оставлению.

Те влечения, досады и перевозбуждения, которые могут возникнуть у не развивающего (эти факторы), не возникают у развивающего. Монахи, вот что называется влечениями, которые следует устранять с помощью развития.

Когда у монаха устранены с помощью постижения те влечения, которые следует устранять с помощью постижения, устранены с помощью обуздания те влечения, которые следует устранять с помощью обуздания, устранены с помощью использования те влечения, которые следует устранять с помощью использования, устранены с помощью выдержки те влечения, которые следует устранять с помощью выдержки, устранены с помощью избегания те влечения, которые следует устранять с помощью избегания, устранены с помощью изгнания те влечения, которые следует устранять с помощью изгнания, устранены с помощью развития те влечения, которые следует устранять с помощью развития, – то он называется монахом, постоянно обузданным обузданием всех влечений. Он пресек жажду, избавился от пут, и с полным постижением сомнения положил конец страданию.

Так сказал Благословенный. Обрадованные, монахи восхитились словам Благословенного.

Мадджхима Никая 107

Ганакамоггалана сутта

К Ганака-Моггалане

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводам с пали И. Б. Хорнер и Тханиссаро Бхикху)

Так я слышал:

Однажды Благословенный пребывал недалеко от Шравасты во дворце матери Мигары в Восточном монастыре. Тогда брахман Ганака-Моггалана подошел к Благословенному; подойдя, он обменялся с Благословенным приветствиями; дружественно и вежливо с ним поговорив, он сел подле. Сидя подле, брахман Ганака-Моггалана так обратился к Благословенному:

"Славный Гаутама, точно так же, как на примере (строительства) этого дворца мы можем наблюдать постепенное обучение, постепенное действие, постепенную практику, то есть вплоть до последнего лестничного пролета, так и, славный Гаутама, для этих брахманов можно наблюдать постепенное обучение, постепенное действие, постепенную практику, то есть в изучении (Вед); так и, славный Гаутама, для этих лучников можно наблюдать постепенное обучение, постепенное действие, постепенную практику, то есть в стрельбе из лука; так и, славный Гаутама, для нас, живущих счетом [1], можно наблюдать постепенное обучение, постепенное действие, постепенную практику, то есть в счетоводстве. Потому что, славный Гаутама, когда у нас появляется ученик, мы сначала учим его считать: "Одинойжды один, дважды два, трижды три, четырежды четыре, пятью пять, шестью шесть, семью семь, восемью восемь, девятью девять, десятью десять", и мы, славный Гаутама, также учим его считать до сотни. Возможно ли, славный Гаутама, описать аналогичное постепенное обучение, постепенное действие, постепенную практику в отношении этой Дхармы и дисциплины (дхамма-виная)?"

"Да, брахман, можно описать постепенное обучение, постепенное действие, постепенную практику в отношении этой Дхармы и дисциплины. Брахман, даже умелый дрессировщик, занявшись породистым скакуном, прежде всего приучает его к дрессировке, в отношении того, чтобы носить удила. Затем он ведет его к дальнейшему обучению - так, брахман, и Татхагата, занявшись тренируемым человеком, сначала так его обучает:

(Добродетель (сила))

"Иди, монах, будь добродетелен, живи, обуздывая себя в соответствии с Патимоккхой [2], совершенный в поведении и действиях. Тренируйся, приняв правила обучения, видя опасность в мельчайших проступках". Как только, брахман, монах добродетелен, обуздывая себя в соответствии с Патимоккхой, совершенный в

поведении и действиях, и тренируется, приняв правила обучения, видя опасность в малейших проступках, Татхагата обучает его далее, говоря:

(Охрана дверей чувств)

Иди, монах, охраняй двери своих чувств. Видя глазом форму, не улавливай ни те перцептивные образы (нимитта), ни те подробности, из-за которых, - если не сдерживать постоянно способность (индрия) зрения, - могут всплыть алчность или уныние, пагубные, неумелые качества ума (дхаммы). Так что постоянно сдерживай способность зрения, охраняй ее, достигни обуздания способности зрения.

Слыша ухом звук...

Чуя носом запах...

Чувствуя языком вкус...

Ощущая прикосновение телом...

Сознавая интеллектом (mano) качество, не улавливай ни те перцептивные образы (нимитта), ни те подробности, из-за которых, - если не сдерживать постоянно способность (индрия) интеллекта, - могут всплыть алчность или уныние, пагубные, неумелые качества ума (дхаммы). Так что постоянно сдерживай способность интеллекта, охраняй ее, достигни обуздания способности интеллекта.

(Умеренность в еде)

Брахман, как только монах охраняет двери чувств, Татхагата обучает его далее, говоря:

"Иди, монах, будь умерен в еде; ешь внимательно и обдуманно, не для развлечения, опьянения, набора веса или украшения, а только для поддержания существования тела, прекращения его недугов, для поддержки праведной жизни (брахмачарьям) [3], с мыслью: 'Я сокрошу старое чувство, не позволив возникнуть новому. Так я буду поддерживать свое существование, и безусловно жить в комфорте'".

(Бодрствование)

"Брахман, как только монах умерен в еде, Татхагата обучает его далее, говоря:

'Иди, монах, будь привержен бодрствованию; днем, когда ходишь из стороны в сторону, когда сидишь, очищай ум от любых мешающих качеств (дхамм). Во время первой стражи ночи (от заката до десяти часов вечера), сидя или ходя из стороны в сторону, очищай ум от любых мешающих качеств. Во время средней стражи ночи (от десяти вечера до двух утра), приляг на правом боку в позе льва, одна нога на другой, с осознанностью и бдительностью, направив ум на то, чтобы проснуться. Во время последней стражи ночи (от двух утра до рассвета), проснувшись, сидя или ходя из стороны в сторону, очищай ум от любых мешающих качеств.

(Осознанность и бдительность)

И как только, брахман, монах привержен бодрствованию, Татхагата обучает его далее, говоря:

"Иди, монах, сохраняй осознанность и бдительность. Когда подходишь и когда отходишь, действуй бдительно. Когда смотришь прямо и смотришь в сторону, действуй бдительно. Когда сгибаешь или разгибаешь конечности ... когда носишь верхнюю накидку, мантию, и чашу ... когда ешь, пьешь, жуешь, и пробуешь на вкус ... когда мочишься и испражняешься ... когда идешь, стоишь, сидишь, засыпаешь, просыпаешься, говоришь, действуй бдительно.

(Преодоление пяти помех)

Брахман, как только монах сохраняет осознанность и бдительность, Татхагата обучает его далее, говоря ему:

"Иди, монах, выбери уединенное местожитительство в лесу: подножье дерева, гору, лесистую долину, пещеру на склоне холма, кладбище, рошу в джунглях, открытое место, стог сена". После еды, возвратившись со сбора подаяния, монах садится, скрестив ноги, держа спину прямо, и пробуждает перед собой осознанность".

Отбросив жадность по отношению к миру, он живет с сознанием, лишенным жадности. Он очищает свой ум от жадности. Отбросив недоброжелательность и злость, он живет с сознанием, лишенным недоброжелательности, сочувствующий и благожелательный ко всем живым существам. Он очищает свой ум от недоброжелательности и злости. Отбросив лень и сонливость, он живет с сознанием, лишенным лени и сонливости, осознающий, бдительный, с восприятием света. Он очищает свой ум от лени и сонливости. Отбросив неугомонность и беспокойство, он живет без волнения, его ум успокоен внутри. Он очищает свой ум от неугомонности и беспокойства. Отбросив неуверенность, он живет, преодолев неуверенность, без замешательства по отношению к умелым качествам ума. Он очищает свой ум от неуверенности.

(Джхана)

Отбросив эти пять помех, эти пороки ума, пагубные для видения-как-есть, он, - совершенно непривязанный к чувственности (кама), непривязанный к неумелым качествам (акусала-дхамма), - входит и остается в первой джхане: восторг (пити) и удовольствие (сукха), рожденные непривязанностью, сопровождаемые направленной мыслью (витака) и анализом (вичара).

С остановкой направленной мысли и анализа, он входит и остается во второй джхане: восторг и удовольствие, рожденные сосредоточением (самадхи-джам), объединение сознания (четасо экодихавам), свободным от направленной мысли и анализа, внутренняя уверенность (адджджхаттам-сампасаданам).

С угасанием восторга (пити), он пребывает в беспристрастии (упекха), с осознанностью (сати) и безупречным постижением (сампаджанна); и испытывает физическое удовольствие (сукха). Он входит и остается в третьей джхане, и о нем благородные говорят: "В удовольствии живет тот, кто беспристрастен и осознает".

С отбрасыванием удовольствия и страдания, - так же, как перед этим исчезли радость и горе, - он входит и остается в четвертой джхане: осознанности, очищенной беспристрастием (упекха-сати-паришуддхи), ни удовольствии, ни страдании (адукхам-асукха).

Брахман, таковы мои указания для обучающихся монахов, которые, еще не достигнув совершенства, постоянно стремятся к несравненной свободе от оков. Но что касается тех монахов, которые совершенны, чьи пороки уничтожены, которые прожили жизнь, сделали то, что нужно было сделать, сбросили бремя, достигли своей цели, чьи оковы становления полностью устранены, и которые освобождены совершенным видением-как-есть - эти указания помогают им пребывать в комфорте здесь и сейчас, а также их осознанности и бдительности".

Когда это было сказано, Брахман Ганака-Моггалана так обратился к Благословенному:

"А получив такие советы и указания от славного Гаутама, все ли ученики славного Гаутама достигают высшей цели (аччантаниггха) - нирваны, или некоторые ее не достигают?"

"Некоторые из моих учеников, брахман, получив от меня такие советы и указания, достигают высшей цели - нирваны, а некоторые нет".

"По какой причине, славный Гаутама, на каком основании, при том, что существует нирвана, при том, что существует путь, ведущий к нирване, при том, что есть славный Гаутама как советчик, некоторые ученики, получив такие советы и указания от славного Гаутама, достигают высшей цели - нирваны, а некоторые нет?"

"Хорошо, брахман, тогда я задам тебе ответный вопрос. Ответь мне так, как тебе удобно. Что ты думаешь вот о чем, брахман: умело ли ты владеешь путем, ведущим к Раджаграхе?"

"Да, уважаемый, я умело владею путем, ведущим к Раджаграхе".

"Что ты думаешь вот о чем: сюда может прийти человек, который хочет пойти в Раджаграху. Подойдя к тебе, он может сказать так: "Уважаемый, я хочу пойти в Раджаграху; покажи мне путь к этой Раджаграхе". Ты можешь сказать ему так: "Да, уважаемый, эта дорога ведет к Раджаграхе; пройди по ней немного. Пройдя по ней немного, ты увидишь деревню; пройди немного дальше; пройдя немного дальше, ты увидишь рыночный городок; пройди немного дальше. Пройдя немного дальше, ты увидишь Раджаграху с ее восхитительными парками, восхитительными лесами, восхитительными полями, восхитительными прудами. Но даже получив от тебя такие советы и указания, он может пойти не по той дороге и направиться на запад. Затем может подойти второй человек, желающий пойти в Раджаграху... (как и выше) ... ты увидишь Раджаграху с ее восхитительными ... прудами". Получив от тебя такие советы и указания, он может благополучно добраться до Раджаграхи. По какой причине, брахман, на каком основании, при том, что существует Раджаграха, при том, что есть путь, ведущий к Раджаграхе, при том что есть ты как советчик, один человек, получив от тебя советы и указания, может пойти не по той дороге и направиться на запад, а другой может благополучно добраться до Раджаграхи?"

"Что же я могу здесь поделать, славный Гаутама? Я показываю путь, славный Гаутама".

"Брахман, аналогично существует нирвана, есть путь, ведущий к нирване, и есть я как советчик. Но некоторые мои ученики, получив от меня такие советы и указания, достигают высшей цели - нирваны, а некоторые нет. Что же я могу здесь поделать, брахман? Татхагата - это тот, кто показывает путь".

Когда это было сказано, брахман Ганака-Моггалана так обратился к Благословенному:

"Славный Гаутама, что касается людей, которые в поисках образа жизни, уйдя из дому в бездомность без веры, коварные, нечестные, лживые, неуравновешенные и напыщенные, изворотливые, сквернословящие и болтающие зря, не охраняющие дверей чувств, не знающие умеренности в еде, не приверженные бодрствованию, равнодушные к отшельничеству, не уважающие обучения, жаждущие изобилия, вялые, первые в отступничестве, увиливающие от бремени отшельничества, ленивые, со слабой настойчивостью, со сбивчивой осознанностью, не бдительные, с рассредоточенным, блуждающим сознанием, шаткие в мудрости, глупые болтуны, - славный Гаутама не в союзе с ними.

Но что касается тех молодых людей из уважаемых семей, которые отправились из дома в бездомность с верой, лишены коварства, нечестности или лживости, неуравновешенности и напыщенности, изворотливости, сквернословия и пустой болтовни, охраняющие двери чувств, знающие умеренность в еде, приверженные бодрствованию, стремящиеся к отшельничеству, глубоко уважающие обучение, не жаждущие изобилия, не ленивые, не увиливающие, не отступающие, первые в отшельничестве, с активной настойчивостью, решительные, с пробужденной осознанностью, бдительные, сосредоточенные, с однонаправленным умом, мудрые, не болтающие глупостей, - славный Гаутама в союзе с ними.

Как, славный Гаутама, черная смола считается лучшей среди корневых ароматов, как красный сандал считается лучшим среди сердцевинных ароматов, как жасмин считается лучшим из цветочных ароматов, - так и обучение славного Гаутама наивысшее среди современных учений.

Великолепно, славный Гаутама! Великолепно, славный Гаутама!

Как, славный Гаутама, подымают то, что было опрокинуто, как обнаруживают то, что было скрыто, как указывают путь заблудившемуся, как вносят лампаду во тьму, чтобы зрячие могли видеть, так и славный Гаутама разъяснил истину многими путями. Я прибегаю к славному Гаутаме и его Дхарме и к Сангхе монахов.

Пусть славный Гаутама примет меня как мирского последователя, видящего в нем свое прибежище, отныне и до конца жизни".

Примечания

1. Счет - "ганана". Имя брахмана, Ганака, связано с его профессией счетовода. [Обратно]
2. "Патимоккха" (санскр. "Пратимокша") - кодекс монашеской дисциплины. [Обратно]
3. "Брахмачарья" - праведная жизнь безбрачного отшельника. [Обратно]

Мадджхима Никая 10

Сатипаттхана сутта

Основы памятования

Предисловие Ньянасатта Тхеры

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко

на основе переводов с пали Ньянасатта Тхеры и Тханиссаро Бхикху)

Предисловие

Философия буддизма заключается в "четыре благородных истинах [1]".

"Истина о страдании" говорит о том, что все формы становления, всё разнообразие элементов существования, входящих в состав "пяти групп" существования – еще их называют "пятью категориями объектов привязанности" (панчупадана-кхандха) – неразрывно связаны со страданием, пока они не перестают быть объектами привязанности. Всё относящееся к телу, все чувства и ощущения, все распознавания, все умственные конструкции и ум, – непостоянны, – это источники страдания, обусловленные явления, и поэтому лишены самости ("Я") (аничча, дукха, анатта). Процесс существования под названием "жизнь" лучше всего характеризуется непрерывным исчезновением и возникновением, потому что все элементы этого потока становления постоянно возникают на основе созданных нами условий, а затем проходят, порождая новые элементы бытия в соответствии с нашими действиями или кармой.

Все страдание порождается жадой, и само наше рождение обусловлено жадой, которое состоит из трех частей: жажда к чувственным наслаждениям (кама-танха), жажда к продолжающемуся и возобновляющемуся существованию (бхава-танха), и жажда к уничтожению после смерти (вибхава-танха). В этом "истина об источнике страдания".

Достижение совершенного счастья, разрыв цепи перерождений и страдания путем достижения нирваны (ниббана), возможен только через искоренение этого троичного жажды. В этом "истина о прекращении страдания".

Методы тренировки для освобождения от всех страданий применяются через следование "благородным восьмеричным путем" "правильного понимания" (диттхи), "правильной решимости" (санкаппа), "правильной речи" (вача), "правильного действия" (камманта), "правильной жизни" (аджива), "правильного усилия" (ваяма), "правильного памятования" (сати) и "правильного сосредоточения" (самадхи). Благородный восьмеричный путь состоит из трех типов тренировки, подытоженных в "добродетельном поведении" (сила), "сосредоточении" (самадхи), и мудрости (панна). В этом "истина о пути к прекращению страдания". [2]

Преобладание страдания и отсутствие свободы и счастья связано с тем, что человек подвержен трем причинам всего неумения и зла, всех неблагоприятных действий (акусала-камма), а именно, вождению, ненависти и заблуждению (лобха, доса, моха).

Добродетельное поведение устраняет вождение. Спокойствие настоящего сосредоточения и культуры ума побеждает ненависть. Мудрость или правильное понимание, которое еще называют прямым знанием, полученным в медитации, рассеивает все заблуждения. Все эти три типа тренировки возможны только путем развития постоянного памятования (сати), которая служит седьмым звеном благородного восьмеричного пути. памятование называют руководящей способностью (индрия) и духовной силой (бала), и кроме того, она является первым из семи факторов Пробуждения (сатта боддханга) [3]. Правильное памятование (самма-сати) должно присутствовать в каждом умелом или кармически благоприятном моменте мысли (кусала-читта). Это основа всех искренних стремлений (аппамада) к освобождению, которая поддерживает в нас чувство безотлагательности достижения Пробуждения или Ниббаны.

Трактат об основах памятования "Сатипаттхана сутта", – это десятый трактат в "Собрании средней длины" (Мадджхима Никая) трактатов Просветленного. Именно это вариант переведен в этой публикации. Есть еще один вариант в "Собрании длинных трактатов" (Дигха Никая), который отличается только подробным описанием четырех благородных истин.

Буддисты традиции Тхеравады никогда не упускали из виду огромной важности "Трактата об памятовании". В Шри-Ланке, даже когда знание и практика Дхармы были в полном упадке из-за столетий иностранного господства, сингальские буддисты никогда не забывали сатипаттхана сутру. Заучивание этой сутры было неизменной практикой у буддистов, и даже сегодня в Шри-Ланке многие могут прочесть эту сутру наизусть. Часто в дни полнолуния можно увидеть верующих, соблюдающих "восемь правил", которые занимаются совместным чтением вслух этой сутры. Буддисты стремятся слушать этот трактат даже в последние моменты своей жизни; и у кровати умирающего буддиста монахи или миряне читают этот почитаемый текст.

В личной алтарной комнате в буддийском доме, книга "Сатипаттхана сутта" лежит на видном месте как предмет почитания. В монастырских библиотеках рукописей на пальмовых листьях эта сутра переплетена в красочную декоративную обложку.

Одна из таких книг с этим трактатом, написанным сингальским шрифтом на пальмовых листьях, проделала долгий путь из Шри-Ланки в библиотеку бухарестского государственного университета в Румынии. Мы обнаружили это, собирая материал для "Энциклопедии Буддизма", когда один человек, с которым мы переписывались на эсперанто, прислал нам список ста книг по Буддизму, находящихся в библиотеках румынских университетов.

Памятование о дыхании (Анапана-сати)

В "Сатипаттхана сутте" разбираются такие темы, как телесность, чувства, ум и качества ума, которые служат системой классификации правильного буддийского созерцания освобождения. Очень видное место в этом трактате занимает обсуждение памятования дыхания (анапана-сати). Чтобы придать нашей публикации большую практическую ценность, мы предоставим вводное описание методов практики этой конкретной медитации.

Памятование дыхания занимает наивысшее место среди разнообразных предметов буддийской медитации. Просветленный так рекомендует и хвалит ее: "Это сосредоточение через памятование дыхания, когда его развивают и снова и снова практикуют, является умиротворенным и возвышенным, это неподдельное счастливое местопребывание, и оно сразу же изгоняет и успокаивает порочные неумелые мысли, как только они возникают". Хотя эта медитация так высоко ценится, ее первоначальные этапы вполне доступны для начинающего, будь он даже мирским студентом Дхармы Будды. И в переведенном здесь трактате, и в 118-ом трактате того же собрания (Мадджима Никая, "Анапанасати сутта"), который посвящен именно этой медитации, ясно изложены первоначальные инструкции для практики. При этом монах уходит в лес, под крону дерева, или в пустое жилище, садится, скрестив ноги, держит тело прямо и устанавливает памятование возле рта. Только памятуя он вдыхает, и памятуя он выдыхает.

(1) Делая длительный вдох, он распознает, что делает длительный вдох; делая длительный выдох, он распознает, что делает длительный выдох; (2) делая короткий вдох, он распознает, что делает короткий вдох; делая короткий выдох, он распознает, что делает короткий выдох. (3) Он тренируется вдыхать, восприимчивый ко всему телу, и выдыхать, восприимчивый ко всему телу. (4) Он тренируется вдыхать, успокаивая телесное конструирование, и выдыхать, успокаивая телесное конструирование.

Просветленный дал эти указания монахам, которые, собрав пожертвования, могли весь оставшийся день посвятить медитации. А как насчет мирских буддистов, с ограниченным временем для практики? Среди мест, которые описаны как подходящие для практики медитации, одно доступно всем: "суагара", буквально "пустой дом", может означать любую комнату дома, в которой в данный момент нет жильцов, и в течение 24-х часов дня в своем доме можно найти комнату, которая незанята и в которой не беспокоят. Те, кто работает весь день, и вечером чувствуют себя слишком усталыми, чтобы медитировать, могут посвящать практике памятования дыхания раннее утро.

Еще одна проблема – правильная поза для медитации. Полная "поза лотоса" йогина, "падмасана", какой мы ее видим в статуях Будды, в наши дни оказывается довольно трудной, даже для людей Востока. Но молодой человек, и даже человек средних лет, вполне может постепенно обучиться этой позе. Например, он может сначала сидеть на низком, широком стуле или на кровати, согнув только одну ногу и поставив вторую на пол; и так, постепенно приближаясь к этой позе, он может постепенно освоить ее. Есть и другие более легкие позы сидения с согнутыми ногами, например поза полу-лотоса. Стоит затратить немного усилий, чтобы обучиться этим позам; но если они вначале оказываются трудными и неудобными, то не нужно из-за этого откладывать или нарушать ход самой медитации. Можно выделить отдельное время для практики сидения, используя ее по мере возможности для созерцания и размышлений; но практику медитации, ориентированную на более высокие уровни концентрации, лучше проводить в удобной позе. Можно сидеть на стуле с прямой спинкой, такой высоты, чтобы ноги можно было с удобством поставить на пол без напряжения. Но как только поза со скрещенными ногами станет удобнее, нужно принимать ее для практики памятования дыхания, так как она позволяет сидеть в медитации дольше, чем это возможно на стуле.

Тело и ум медитирующего должны быть бодрыми, но не напряженными. Место со слабым освещением благоприятно тем, что помогает не допускать отвлечения внимания на видимые предметы.

Правильное место, время и поза очень важны и часто существенны для успеха в медитации.

Хотя мы дышали всю свою жизнь, мы делали это без осознанности, и поэтому, когда мы пробуем внимательно

следить за каждым дыханием, оказывается, что буддийские учителя древности были правы, когда сравнивали обычное состояние неуправляемого ума с неприрученным теленком. Наш ум был долгое время рассеян среди видимой информации и других объектов чувств и мыслей, и поэтому с трудом поддается попыткам управлять им.

Представьте себе, что пастух хочет приручить дикого теленка: он забирает его у коровы и привязывает его веревкой к прочному столбу. Тогда теленок может кидаться из стороны в сторону, но так как он не сможет уйти и устанет от своих попыток, то в конце концов он уляжется около столба. Так и медитирующий, когда он хочет приручить свой собственный ум, который был воспитан на наслаждении объектами чувств, должен увести ум из мест с избытком объектов чувств, и привязать ум к столбу вдохов и выдохов веревкой памятования. И хотя его ум может кидаться из стороны в сторону, лишенный свободы бродить среди объектов чувств, в конце концов он успокоится, если памятование настойчиво и сильно.

При практике памятования дыхания внимание должно быть сосредоточено на кончике носа или на находящейся сразу под носом точке верхней губы, где ощущается поток воздуха. Внимание медитирующего должно постоянно находиться на этой "точке сосредоточения", в которой можно легко чувствовать и наблюдать входящее и выходящее дыхание. Медитирующий может заметить путь дыхания через тело, но он должен игнорировать это. В начале практики медитирующий должен сосредотачиваться только на вдохах и выдохах, и не должен впадать в какие-то размышления о них. Только на последующем этапе ему нужно будет заняться возникновением знания и других состояний, связанных с сосредоточением.

В этом кратком предисловии мы смогли обсудить только первые шаги начинающего. За дополнительной информацией студент может обратиться к английскому переводу "Висуддхимагги" ("Путь очищения", глава 8) Бхикху Нанамоли, или к "памятованию дыхания" Бхикху Нанамоли, и к "Сердцу буддийской медитации" Ньянапоники Тхеры [4].

Буддист-мирянин, который берется за эту практику, принимает сначала "Три прибежища" и "Пять правил" [5]; он повторяет размышления о Будде, Дхарме и Сангхе, передает мысли любящей доброты (метта) во всех направлениях, вспоминает, что эта медитация поможет ему достичь цели освобождения с помощью прямого знания и умственного спокойствия, и только тогда он приступает к самому памятованию о дыхании, сначала с помощью счета.

Счет

Буддийские учителя древности рекомендуют начинающему сначала в уме считать вдохи и выдохи. При этом начинающий не должен прекращать счета раньше пяти, продолжать дольше десяти, или делать перерыв в счете. При остановке раньше пяти у ума недостаточно пространства для сосредоточения, при продолжении дольше десяти ум берет в качестве объектов скорее числа, а не дыхания, а любой перерыв в счете может нарушить медитацию.

При счете медитирующий сначала должен считать, когда вдох или выдох завершен, а не когда он начинается. Так что сделав сначала вдох, он считает в уме "один", когда этот вдох завершен, затем он считает "два", когда выдох завершен, "три" после следующего вдоха, и так далее до десяти, а потом опять от одного до десяти, и так продолжает дальше.

После некоторой практики счета при завершении вдоха или выдоха, дыхание может участиться. Но вдохи или выдохи не нужно специально делать дольше или короче. Медитирующему нужно просто осознавать их ход, когда они приходят и уходят. Теперь он может попробовать считать "раз", когда он начинает вдыхать или выдыхать, считать до пяти или до десяти, а затем опять от одного до пяти или десяти. Если вдох вместе с выдохом считаются как "один", то лучше считать только до пяти.

Счет нужно использовать только до тех пор, пока медитирующий не сможет без него обходиться, следя за последовательностью дыханий. Счет – это всего лишь инструмент, который помогает не допускать случайных мыслей. Он остается ориентиром или перилами для поддержания памятования, пока она не сможет обходиться без такой помощи. Для некоторых счет может оказаться скорее ненужным усложнением, чем помощью, и они вполне могут обращать внимание непосредственно на сам поток внимания, с помощью "соединения следующих друг за другом дыханий".

Соединение

После того, как счет отброшен, медитирующий должен продолжать свою практику с помощью соединения (анубандана); то есть, осознанное отслеживание вдохов и выдохов без использования счета, и все же без перерыва во внимательности. И здесь тоже внимание не нужно отслеживать дальше ноздрей, где дыхательный воздух входит и выходит. Медитирующий должен стараться осознавать свое дыхание, на всем его протяжении и не пропуская ни одной его фазы, но его внимание должно оставаться на месте контакта, ноздрях, или той точки верхней губы, где ее касается поток воздуха.

При таком отслеживании вдохов и выдохов они становятся все тоньше и тоньше, и иногда нелегко продолжать замечать едва уловимое ощущение касания дыхания. Тогда для отслеживания дыханий нужна обостренная осознанность. Но если медитирующий настойчив, то однажды он испытает новое ощущение, чувство легкости и счастья. Иногда перед его глазами появляется что-то, похожее на звезду, или аналогичный знак, который показывает, что медитирующий подошел к этапу сосредоточения доступа. Укрепляя вновь обретенный знак,

медитирующий может развить полное поглощение ума (джхана), или по крайней мере предварительное сосредоточение как основу для практики пронизательности.

Практика памятования дыхания предназначена и для спокойствия ума, и для пронизательности (шаматха и випассана). Так как целью буддийской медитации является прямое знание, то полученное в медитативной практике сосредоточение нужно использовать для ясного понимания реальности, как она проявляется в самом человеке и во всем его опыте.

Хотя конечной целью является глубокая пронизательность, ведущая к Ниббане, продвижение в памятовании и сосредоточении тоже принесет много пользы в повседневной жизни. Когда мы привыкнем отслеживать свое дыхание продолжительное время и сможем исключать все (или почти все) неуместные мысли, то во всех наших действиях обязательно станет больше осознанности, самоконтроля и эффективности. Вместе с дыханием и другие процессы тела и ума станут для нас яснее, и мы лучше узнаем себя.

Будда сказал:

"Памятование дыхания, когда его развивают и постоянно практикуют, дает великолепные плоды, великолепные преимущества.

Памятование дыхания, когда его развивают и постоянно практикуют, приводит к совершенству все четыре основы памятования.

Четыре основы памятования, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству семь факторов Пробуждения.

Семь факторов Пробуждения, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству ясное знание и освобождение".

Ясное видение и спасение, или прямое знание и счастье освобождения – это наивысший плод применения памятования.

Сатипаттхана-сутта
(Основы памятования)

Так я слышал.

Однажды Благословенный жил среди куру в Камасадхамме – рыночном городе народа куру. Благословенный обращался там к бхикху следующим образом: "Монахи", а те отвечали ему: "Почтенный господин". Благословенный говорил следующее:

Монахи, существует ведущий прямо к цели путь очищения существ, преодоления печали и слез, устранения страданий и бед, выхода на правильный путь, достижения Ниббаны, а именно – четыре основы памятования. Каковы эти четыре основы? При этом монах отслеживает тело в теле, [6] пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он отслеживает чувства в чувствах, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он отслеживает ум в уме, пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе;

он отслеживает качества ума в качествах ума, [7] пылко, осознанно и с памятованием, сумев преодолеть в этом мире корысть и горе.

I. Созерцание тела

1. (Памятование дыхания)

И каким образом живет монах, отслеживая тело в теле?

При этом монах уходит в лес, под крону дерева, или в пустое жилище, садится, скрестив ноги, держит тело прямо и устанавливает памятование возле рта. Только памятуя он вдыхает, и памятуя он выдыхает. (1) Делая длительный вдох, он распознает, что делает длительный вдох; делая длительный выдох, он распознает, что делает длительный выдох; (2) делая короткий вдох, он распознает, что делает короткий вдох; делая короткий выдох, он распознает, что делает короткий выдох. (3) Он тренируется вдыхать, восприимчивый ко всему телу, и выдыхать, восприимчивый ко всему телу. (4) Он тренируется вдыхать, успокаивая телесное конструирование, и выдыхать, успокаивая телесное конструирование.

Как опытный гончар или его подмастерье, делая большой оборот, распознает, что он делает большой оборот, или, делая малый оборот, распознает, что он делает малый оборот, так и монах,

(1) делая длительный вдох, распознает, что он делает длительный вдох; делая длительный выдох, он распознает, что делает длительный выдох; (2) делая короткий вдох, он распознает, что делает короткий вдох; делая короткий выдох, он распознает, что делает короткий выдох. (3) Он тренируется вдыхать, восприимчивый ко всему телу, и выдыхать, восприимчивый ко всему телу. (4) Он тренируется вдыхать, успокаивая телесное конструирование, и выдыхать, успокаивая телесное конструирование.

Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне,
либо он отслеживает тело в теле внешне,
либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне. [8]

Он отслеживает факторы возникновения в теле, [9]

либо он отслеживает факторы исчезновения в теле, [10]

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле. [11]

Либо его памятование соотносится с мыслью "Тело существует" [12] по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо [13] и ни к чему не привязан в мире.

И таким образом, монах отслеживает тело в теле.

2. Положения тела

Кроме того,

- (1) когда монах идет, он распознает, что он идет;
- (2) когда он стоит, он распознает, что он стоит;
- (3) когда он сидит, он распознает, что он сидит;
- (4) когда он лежит, он распознает, что он лежит;
- (5) какое бы положение ни занимало тело, он распознает это.

Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне,
либо он отслеживает тело в теле внешне,
либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне.
Он отслеживает факторы возникновения в теле,
либо он отслеживает факторы исчезновения в теле, [14]
либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Тело существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире.

И таким образом, монах отслеживает тело в теле.

3. Памятование через осознанность (сампаджанна) Кроме того,

- (1) когда монах шагает вперед и назад, он осознает это;
- (2) когда он смотрит прямо и в сторону, он осознает это;
- (3) когда он сгибает и разгибает конечности, он осознает это;
- (4) когда он носит накидку, мантию и чашу, он осознает это; (5) когда он ест, пьет, жует, пробует на вкус, он осознает это; (6) когда он мочится и испражняется, он осознает это; (7) когда он идет, стоит, сидит, засыпает, пробуждается, разговаривает и молчит, он осознает это. Таким образом он отслеживает тело в теле ...

4. Созерцание нечистоты тела (асубха)

И далее, монах созерцает само это покрытое кожей и заключающее в себе множество нечистот теле, снизу вверх, начиная со стоп, и сверху вниз, начиная с волос головы: "В этом теле есть волосы головы, волосы тела, ногти, зубы, кожа; мышцы, сухожилия, кости, костный мозг; почки, сердце, печень, диафрагма, селезенка, легкие; кишки, брыжейка, содержимое желудка, фекалии; желчь, слизь, гной, кровь, сало, пот, жир; слезы, слюна, носовая слизь, синовиальная жидкость, моча".

Как если бы была сумка для пищи, наполненная различными сортами зерна типа горного риса, неочищенного риса, зеленого горошка, дикого гороха, кунжута и очищенного риса, и если человек с наметанным глазом открыл бы сумку и стал выбирать ее содержимое следующим образом: "Это – горный рис, это – неочищенный рис, это – зеленый горошек, это – дикий горох, это – кунжут, это – очищенный рис".

Так и монах созерцает само это покрытое кожей и заключающее в себе множество нечистот теле, снизу вверх, начиная со стоп, и сверху вниз, начиная с волос головы: "В этом теле есть волосы головы, волосы тела, ногти, зубы, кожа; мышцы, сухожилия, кости, костный мозг; почки, сердце, печень, диафрагма, селезенка, легкие; кишки, брыжейка, содержимое желудка, фекалии; желчь, слизь, гной, кровь, сало, пот, жир; слезы, слюна, носовая слизь, синовиальная жидкость, моча".

Таким образом он отслеживает тело в теле ...

5. Созерцание стихий (дхату)

И далее, монах созерцает само это тело, вне зависимости от его положения, посредством стихий: "В этом теле есть стихия земли, стихия воды, стихия огня, стихия воздуха". [15]

Как если бы, о монахи, мудрый мясник либо его ученик, зарезав корову и разделив ее по частям, сел бы на перекресток четырех столбовых дорог, так и монах созерцает само это тело, вне зависимости от его положения, посредством стихий: "В этом теле есть стихия земли, стихия воды, стихия огня, стихия воздуха".

Таким образом он отслеживает тело в теле...

6. Девять кладбищенских созерцаний

(1) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище, один, два или три дня после смерти, вздувшийся, синевато-серый и гниющий, он так же рассматривает собственное тело: "Это тело такое же: такова его природа, такова его будущее, такова его неизбежная судьба". Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне,

либо он отслеживает тело в теле внешне,

либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в теле,

либо он отслеживает факторы исчезновения в теле,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Тело существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире.

И таким образом, монах отслеживает тело в теле.

(2) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище, поедаемый вороньем, ястребами, грифами, псами, шакалами либо различными видами червей, он так же рассматривает собственное тело: "Это тело такое же: такова его природа, такова его будущее, такова его неизбежная судьба".

Таким образом он отслеживает тело в теле...

(3) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище и ставший скелетом с остатками плоти и крови на костях, соединяемых сухожилиями...

(4) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище и ставший скелетом со следами крови без плоти на костях, соединяемых сухожилиями...

(5) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище и ставший скелетом без плоти и крови на костях, соединяемых сухожилиями...

(6) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище и ставший грудой костей, разметанных по сторонам: там – кости кисти, здесь – кости стопы, берцовая кость, бедренная кость, тазовая кость, позвоночный столб и череп...

(7) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище, ставший выбеленными костями цвета ракушки ...

(8) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище, ставший костями, пролежавшими грудой более года ...

(9) И далее, точно так же, как монах наблюдал бы труп, брошенный на кладбище, ставший костями, что сгнили и превратились в пыль, он так же рассматривает собственное тело: "Это тело такое же: такова его природа, такова его будущее, такова его неизбежная судьба". Таким образом он отслеживает тело в теле внутренне,

либо он отслеживает тело в теле внешне,

либо он отслеживает тело в теле внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в теле,

либо он отслеживает факторы исчезновения в теле,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в теле.

Либо его памятование соотносится с мыслью "тело существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом, монах отслеживает тело в теле.

II. Созерцание чувств (ведана)

И каким образом живет монах, отслеживая чувства в чувствах? При этом,

(1) когда монах испытывает чувство счастья, он распознает: "Испытываю приятное чувство"; (2) когда испытывает чувство страдания, он распознает: "Испытываю мучительное чувство"; (3) когда испытывает чувство ни счастья, ни страдания, он распознает: "Испытываю ни приятное, ни мучительное чувство"; (4) когда

испытывает плотское чувство счастья, он распознает: "Испытываю приятное плотское чувство"; (5) когда испытывает не-плотское чувство счастья, он распознает: "Испытываю приятное не-плотское чувство"; (6) когда испытывает плотское чувство страдания, он распознает: "Испытываю мучительное плотское чувство"; (7) когда испытывает не-плотское чувство страдания, он распознает: "Испытываю мучительное не-плотское чувство"; (8) когда испытывает плотское чувство ни счастья, ни страдания, он распознает: "Испытываю ни приятное, ни мучительное плотское чувство"; (9) когда испытывает не-плотское чувство ни счастья, ни страдания, он распознает: "Испытываю ни приятное, ни мучительное не-плотское чувство".

Таким образом он отслеживает чувства в чувствах внутренне,
либо он отслеживает чувства в чувствах внешне,
либо он отслеживает чувства в чувствах внутренне и внешне.
Он отслеживает факторы возникновения в чувствах,
либо он отслеживает факторы исчезновения в чувствах, [16]
либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в чувствах.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Чувство существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом, монах отслеживает чувства в чувствах.

III. Созерцание ума (читта)

И каким образом монах отслеживает ум в уме? При этом монах распознает

(1) ум со страстью, как ум со страстью; ум без страсти, как ум без страсти; (2) ум с отвращением, как ум с отвращением; ум без отвращения, как ум без отвращения; (3) ум с заблуждением, как с заблуждением; ум без заблуждения, как без заблуждения; (4) суженное состояние ума, как суженное состояние ума; [17] рассеянное состояние ума, как рассеянное состояние ума; [18] (5) просторное (махагата) состояние ума, как просторное состояние ума; [19] не просторное состояние ума, как не просторное состояние ума; [20] (6) состояние ума, по отношению к которому есть умственно более высокое состояние ума, как состояние, по отношению к которому есть умственно более высокие состояния; [21]

состояние ума, по отношению к которому нет умственно более высокого состояния ума, как состояние, по отношению к которому нет умственно более высоких состояний; [22] (7) сосредоточенное состояние ума, как сосредоточенное состояние ума; не сосредоточенное состояние ума, как не сосредоточенное состояние ума; (8) освобожденное состояние ума, как освобожденное состояние ума; [23] не освобожденное состояние ума, как не освобожденное состояние ума;

Таким образом он отслеживает ум в уме внутренне,
либо он отслеживает ум в уме внешне,
либо он отслеживает ум в уме внутренне и внешне.
Он отслеживает факторы возникновения в уме,
либо он отслеживает факторы исчезновения в уме,
либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в уме [24].

Либо его памятование соотносится с мыслью "Ум существует" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом, монах отслеживает ум в уме.

IV. Созерцание качеств ума (дхамм)

1. Пять препятствий (ниварана)

И каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума?

При этом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти препятствий.

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти препятствий? При этом

(1) монах, когда в нем присутствует чувственное желание, распознает, что в нем есть чувственное желание, либо, когда в нем отсутствует чувственное желание, он распознает, что в нем нет чувственного желания. Он распознает, как происходит возникновение невозникшего чувственного желания;
он распознает, как происходит исчезновение возникшего чувственного желания;
он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувшего чувственного желания.

(2) Когда в нем присутствует недоброжелательность, он распознает, что в нем есть недоброжелательность, либо, когда в нем отсутствует недоброжелательность, он распознает, что в нем нет недоброжелательности. Он распознает, как происходит возникновение невозникшей недоброжелательности;
он распознает, как происходит исчезновение возникшей недоброжелательности;
он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувшей недоброжелательности.

(3) Когда в нем присутствуют лень и сонливость, он распознает, что в нем есть лень и сонливость, либо, когда в нем отсутствуют лень и сонливость, он распознает, что в нем нет лени и сонливости. Он распознает, как происходит возникновение невозникших лени и сонливости; он распознает, как происходит исчезновение возникших лени и сонливости; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших лени и сонливости.

(4) Когда в нем присутствуют неугомонность и беспокойство, он распознает, что в нем есть неугомонность и беспокойство, либо, когда в нем отсутствуют неугомонность и беспокойство, он распознает, что в нем нет неугомонности и беспокойства. Он распознает, как происходит возникновение невозникших неугомонности и беспокойства; он распознает, как происходит исчезновение возникших неугомонности и беспокойства; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших неугомонности и беспокойства.

(5) Когда в нем присутствует неуверенность, он распознает, что в нем есть неуверенность, либо, когда в нем отсутствует неуверенность, он распознает, что в нем нет неуверенности. Он распознает, как происходит возникновение невозникшей неуверенности; он распознает, как происходит исчезновение возникшей неуверенности; он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувшей неуверенности.

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне. Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума [25].

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом, монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти препятствий.

2. Пять групп привязанности (кхандха)

И далее, монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти групп привязанностей. [26]

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти групп привязанностей? При этом монах мыслит:

(1) "Это – материальная форма; это – возникновение материальной формы; это – исчезновение материальной формы. (2) Это – чувство; это – возникновение чувства; это – исчезновение чувства. (3) Это – распознавание; это – возникновение распознавания; это – исчезновение распознавания. (4) Это – конструкции; это – возникновение конструкций; это – исчезновение конструкций. (5) Это – сознание; это – возникновение сознания; это – исчезновение сознания".

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне, либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне. Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума, либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума [27].

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума пяти групп привязанностей.

3. Шесть внутренних и внешних сфер чувств (аятана)

И далее монах отслеживает качества ума в качествах ума шести внутренних и внешних сфер чувств.

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума шести внутренних и внешних сфер чувств? При этом

(1) монах распознает глаз и зрительные формы, и оковы, порожденные ими; [28] он распознает, как происходит возникновение невозникших оков;

он распознает, как происходит исчезновение возникших оков;

и он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших оков. (2) Он распознает ухо и звуки ...

(3) нос и запахи ...

(4) язык и вкус ...

(5) тело и объекты осязания ...

(6) интеллект и идеи, и оковы, порожденные ими; он распознает, как происходит возникновение невозникших оков;

он распознает, как происходит исчезновение возникших оков;

и он распознает, как происходит не-возникновение в будущем исчезнувших оков.

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне,

либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне,

либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне.

Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума,

либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума,

либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума. [29]

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума шести внутренних и внешних сфер чувств.

4. Семь факторов Пробуждения (боддхханга)

И далее, монах отслеживает качества ума в качествах ума семи факторов Пробуждения.

Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума семи факторов Пробуждения? При этом

(1) когда в нем присутствует просветляющий фактор памятования (сати), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор памятования, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор памятования, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора памятования; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора памятования; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора памятования.

(2) Когда в нем присутствует просветляющий фактор различения качеств ума (дхамма-вичая), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор различения качеств ума, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор различения качеств ума, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора различения качеств ума; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора различения качеств ума; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора различения качеств ума.

(3) Когда в нем присутствует просветляющий фактор настойчивости (вирья), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор настойчивости, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор настойчивости, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора настойчивости; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора настойчивости; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора настойчивости.

(4) Когда в нем присутствует просветляющий фактор восторга (пити), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор восторга, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор восторга, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора восторга ; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора восторга; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора восторга.

(5) Когда в нем присутствует просветляющий фактор безмятежности (пассадхи), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор безмятежности, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор безмятежности, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора безмятежности ; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора безмятежности; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора безмятежности.

(6) Когда в нем присутствует просветляющий фактор сосредоточения (самадхи), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор сосредоточения, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор сосредоточения, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора сосредоточения; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора сосредоточения; и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора сосредоточения.

(7) Когда в нем присутствует просветляющий фактор безмятежного наблюдения (упеккха), монах распознает, что в нем есть просветляющий фактор безмятежного наблюдения, либо, когда в нем отсутствует просветляющий фактор безмятежного наблюдения, он распознает, что в нем нет просветляющего фактора безмятежного

наблюдения ; и он распознает, как происходит возникновение невозникшего просветляющего фактора безмятежного наблюдения;
и как приходит совершенство в развитии возникшего просветляющего фактора безмятежного наблюдения.

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне,
либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне,
либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне.
Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума,
либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума,
либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума. [30]

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума семи факторов Пробуждения.

5. Четыре благородные истины (арья-сачча)

И далее монах отслеживает качества ума в качествах ума четырех благородных истин.
Каким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума четырех благородных истин? При этом
(1) монах распознает: "Это – страдание (дукха) [31]" согласно действительности;
(2) он распознает: "Это – источник страдания" согласно действительности;
(3) он распознает: "Это – прекращение страдания" согласно действительности;
(4) он распознает: "Это – путь, ведущий к прекращению страданий" согласно действительности.

Таким образом он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне,
либо он отслеживает качества ума в качествах ума внешне,
либо он отслеживает качества ума в качествах ума внутренне и внешне. [32]
Он отслеживает факторы возникновения в качествах ума,
либо он отслеживает факторы исчезновения в качествах ума,
либо он отслеживает факторы возникновения и исчезновения в качествах ума.

Либо его памятование соотносится с мыслью "Качества ума существуют" по мере необходимости, только ради знания и памятования, и он живет независимо и ни к чему не привязан в мире. И таким образом монах отслеживает качества ума в качествах ума четырех благородных истин.

* * *

И любой, кто будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение семи лет, сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения". [33]

О, не принимайте за меру семь лет. Если кто-то будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение шести лет ... в течение пяти лет ... трех лет ... двух лет ... одного года, тогда он сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения".

О, не принимайте за меру один год. Если кто-то будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение семи месяцев ... в течение шести месяцев ... пяти месяцев ... четырех месяцев ... трех месяцев ... двух месяцев ... месяца ... половины месяца, тогда он сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения".

О, не принимайте за меру половину месяца. Если кто-то будет таким образом практиковать эти четыре основы памятования в течение недели, тогда он сможет получить один из следующих двух плодов: "высшее знание" ("Архатство"), здесь и сейчас, либо, если остаток привязанности все еще сохраняется, состояние "невозвращения".

"Это ведущий прямо к цели путь очищения существ, преодоления печали и слез, устранения страданий и бед, выхода на правильный путь, достижения Ниббаны, а именно, четыре основы памятования". Так было сказано, и в связи с этим так было сказано".

Так сказал Благословенный. Радостные сердцем, монахи восхитились его словам.

Примечания

1. Краткое описание четырех благородных истин можно найти в "Маха сатипаттхана сутте". [Обратно]
2. См. описание восьмеричного благородного пути в "Маха сатипаттхана сутте". [Обратно]

3. Семь факторов Пробуждения: памятование (сати), различение качеств ума (дхамма-вичая), настойчивость (вирья), восторг (пити), спокойствие (пассадхи), сосредоточение (самадхи), безмятежное наблюдение (упекха). [Обратно]

4. Все эти книги опубликованы Буддийским издательским обществом. [Обратно]

5. Пять правил – это воздержание от (1) убийства, (2) воровства, (3) незаконных половых связей, (4) лжи, (5) одурманивающих веществ. [Обратно]

6. Повторение фраз "отслеживая тело в теле", "чувства в чувствах", и т. д. предназначено для того, чтобы медитирующий понял, насколько важно осознавать, удерживается ли его внимание на одном выбранном объекте, и не отклоняется в область другого созерцания. Например, когда медитирующий созерцает любой телесный процесс, он может невольно отвлечься на рассмотрение своих чувств, связанных с этим телесным процессом. В таком случае он должен ясно осознавать, что он ушел от первоначального предмета, и занялся созерцанием чувства. [Обратно]

7. Ум (на языке пали "читта", также "сознание" или "винньяна") в данном контексте означает состояния ума или единицы моментальной продолжительности в потоке ума. Качества ума (дхамма), – это содержание ума, или факторы ума, из которых состоят отдельные состояния ума. [Обратно]

8. "Внутренне": отслеживая собственное дыхание; "внешне": отслеживая дыхание другого; "внутренне и внешне": отслеживая попеременно свое дыхание и дыхание другого с непрерывным вниманием. Сначала внимание обращается только на собственное дыхание, и только на дальнейших этапах для практики проницательности внимание обращается на процесс дыхания другого человека. [Обратно]

9. Факторы возникновения (самудая-дхамма), то есть условия возникновения дыхания тела; это: все тело целиком, носовой проем и ум. [Обратно]

10. Условия исчезновения дыхания тела – это: разрушение тела и носового проема, и прекращение деятельности ума. [Обратно]

11. Созерцание то одних, то других попеременно. [Обратно]

12. То есть существуют только безличные процессы тела, без "я", души, духа, постоянной сущности или субстанции. Соответственно нужно понимать эту фразу в последующих созерцаниях. [Обратно]

13. Независимо от жажды (танха) и ложного понимания. [Обратно]

14. Во всех созерцаниях тела, кроме предыдущего, факторы происхождения: невежество, жажда, карма, еда, и общая характеристика происхождения; факторы исчезновения: исчезновение невежества, жажды, кармы, еды, и общая характеристика исчезновения. [Обратно]

15. Так называемые "стихии" – это первичные качества материи, объясняемые буддийской традицией как твердость (земля), сцепление (вода), теплотворность (огонь), и движение (ветер или воздух). [Обратно]

16. Здесь факторы возникновения: невежество, жажда, карма, впечатление чувств, и общая характеристика возникновения. Факторы исчезновения: исчезновение этих четырех, и общая характеристика исчезновения. [Обратно]

17. Это относится к негибкому и ленивому состоянию ума. [Обратно]

18. Это относится к беспокойному уму. [Обратно]

19. Ум медитативной поглощенности тонко-телесной и нетелесной сферы (рупа-арупа-джхана). [Обратно]

20. Обычный ум, или чувственное состояние существования (камавачара). [Обратно]

21. Ум чувственного состояния существования, по отношению к которому есть другие более высокие состояния ума. [Обратно]

22. Ум тонко-телесной и нетелесной сферы, по отношению к которому нет более высоких земных состояний ума. [Обратно]

23. Временно освобожденное от оков (килеса) либо с помощью методичной практики проницательности (vipassana), освобождающей от отдельных неблагоприятных состояний силой их противоположностей, либо с помощью медитативной поглощенности ума (джхана). [Обратно]

24. Здесь факторы происхождения состоят из невежества, жажды, кармы, тела-и-ума (нама-рупа). И общей характеристики происхождения; факторы исчезновения: пропадание невежества и т. д., и общая характеристика исчезновения. [Обратно]

25. Здесь факторы возникновения – это условия, которые создают препятствия, например ложное размышление и т. п., факторы исчезновения – это условия, которые устраняют препятствия, например правильная решимость. [Обратно]

26. Эти пять групп или скоплений образуют так называемую личность. Если они являются объектами привязанности, то существование, в форме повторных рождений и смертей, повторяется. [Обратно]

27. Факторы возникновения-исчезновения для пяти групп: для материальной формы, те же, что и для поз; для чувства, те же, что и для созерцания чувства; для распознавания и конструкций, те же, что и для чувства; для ума, те же, что и для созерцания ума. [Обратно]

28. Традиционный список десяти главных оков (самйоджана), как он дан в собрании трактатов ("Сутта Питака"), следующий: (1) иллюзия "я", (2) скептицизм, (3) привязанность к правилам и ритуалам, (4) чувственное вожделение, (5) недоброжелательность, (6) жажда к тонко-телесному существованию, (7) жажда к бестелесному

существованию, (8) тщеславие, (9) нетерпеливость, (10) невежество. [Обратно]

29. Факторы возникновения шести физических оков чувств – это невежество, жажда, карма, еда, и общая характеристика происхождения; факторы исчезновения: общая характеристика исчезновения и пропадание невежества и т. д. Факторы возникновения и исчезновения основы ума те же, что и у чувства. [Обратно]

30. Здесь факторы возникновения и исчезновения состоят только из условий, способствующих возникновению и исчезновению факторов Пробуждения. [Обратно]

31. Дукха: буквально, "то, что трудно выносить, что тяжело терпеть". Можно перевести это слово как "стресс". [Обратно]

32. Факторы возникновения и исчезновения истин нужно понимать как возникновение и исчезновение страдания, жажды, и пути; истина о прекращении не включается в это созерцание, так как это ни возникновение, ни исчезновение. [Обратно]

33. То есть не-возвращения в мир чувственности. Это последний этап перед достижением конечной цели Архатства. [Обратно]

Маджджхима Никая 118

Анапанасати сутта

Осознанность дыхания

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Так я слышал.

Однажды Благословенный находился в Саваттхи в Восточном монастыре, дворце матери Мигары, со многими известными старшими учениками, - Сарипуттой, Маха-Моггаланой, Маха-Кассапой, Маха-Каччаяной, Маха-Котхитой, Маха-Каппиной, Маха-Чундой, Реватой, Анандой, и другими известными старшими учениками. При этом старшие монахи обучали и тренировали.

Некоторые из старших монахов обучали и тренировали десять монахов,
некоторые обучали и тренировали двадцать монахов,
некоторые обучали и тренировали сорок монахов.

Новые монахи, обучаясь и тренируясь у старших монахов, осознавали важные озарения, одно за другим. По случаю пятнадцатого дня Упосатхи, в ночь полнолуния на церемонии Павараны, Благословенный сидел на открытом воздухе, окруженный монахами. Осмотрев безмолвных монахов, он обратился к ним:

"Монахи, я доволен вашей практикой. Я всем сердцем рад вашей практике. Так что пробудите в себе еще большую настойчивость к достижению еще не достигнутого, к осуществлению еще не осуществленного. Я останусь здесь в Саваттхи до полнолуния белого лотоса, на четвертый месяц уединения сезона дождей".

Монахи в округе услышали: "Говорят, что Благословенный останется здесь в Саваттхи до полнолуния белого лотоса, на четвертый месяца уединения сезона дождей". И они отправились в Саваттхи, чтобы увидеть Благословенного.

Тогда старшие монахи стали еще усиленнее обучать и тренировать. Некоторые из старших монахов обучали и тренировали десять монахов,
некоторые обучали и тренировали двадцать монахов,
некоторые обучали и тренировали сорок монахов.

Новые монахи, обучаясь и тренируясь у старших монахов, осознавали важные озарения, одно за другим. По случаю пятнадцатого дня Упосатхи, в ночь полнолуния месяца белого лотоса, четвертого месяца дождей, Благословенный сидел на открытом воздухе, окруженный монахами. Осмотрев безмолвных монахов, он обратился к ним: "Монахи, это собрание свободно от бесполезной болтовни, лишено бесполезной болтовни, и основано на чистой ядровой древесине:

таково это сообщество монахов, таково это собрание.

Такое собрание заслуживает даров, заслуживает гостеприимства, заслуживает пожертвований, заслуживает уважения, это несравненное поле заслуг для мира:

таково это сообщество монахов, таково это собрание.

Когда такому собранию дается небольшой дар, он становится великим, а большой дар еще больше:

таково это сообщество монахов, таково это собрание.

Такое собрание редко увидишь в мире:

таково это сообщество монахов, таково это собрание -

чтобы увидеть такое собрание, стоит приехать издалека, запасшись всем необходимым.

В этом сообществе монахов есть монахи-арахаты, устранившие пороки, реализовавшие плод, выполнившие задачу, снявшие с себя груз, достигшие истинной цели, полностью разрушившие оковы становления, освобожденные с помощью правильного знания:

таковы монахи в этом сообществе монахов.

В этом сообществе монахов есть монахи, которые, полностью разорвав первые пять оков, реализовали плод невозвращения, и будут рождены снова (в чистых странах), чтобы там полностью освободиться, и никогда больше не возвращаться в этот мир:

таковы монахи в этом сообществе монахов.

В этом сообществе монахов есть монахи, которые, полностью разорвав (первые) трое оков, укротив пристрастие, отвращение и заблуждение, реализовали плод одного возвращения, и вернувшись только еще один раз в этот мир, прекратят страдания:

таковы монахи в этом сообществе монахов.

В этом сообществе монахов есть монахи, которые, полностью разорвав (первые) трое оков, реализовали плод вхождения в поток, стойкие, им больше не предстоит испытывать горестные состояния, они идут к само-пробуждению:

таковы монахи в этом сообществе монахов.

В этом сообществе монахов есть монахи, которые посвящают себя развитию четырех основ осознанности, ... четырех правильных усилий, ... четырех основ могущества, ... пяти способностей, пяти сил, ... семи факторов пробуждения, ... благородного восьмеричного пути:

таковы монахи в этом сообществе монахов.

В этом сообществе монахов есть монахи, которые посвящают себя развитию дружелюбия, ... сострадания, ... сопереживающей радости, ... беспристрастия, ... (восприятия) непривлекательности (тела), восприятия непостоянства:

таковы монахи в этом сообществе монахов. В этом сообществе монахов есть монахи, которые посвящают себя развитию осознанности вдыхания и выдыхания. Осознанность дыхания, когда ее развивают и постоянно практикуют, дает великолепные плоды, великолепные преимущества.

Осознанность дыхания, когда ее развивают и постоянно практикуют, приводит к совершенству все четыре основы осознанности.

Четыре основы осознанности, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству семь факторов пробуждения.

Семь факторов пробуждения, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству ясное знание и освобождение.

Осознанность вдыхания и выдыхания

И каким образом осознанность вдыхания и выдыхания, когда ее развивают и постоянно практикуют, приводит к совершенству все четыре основы осознанности?

При этом, монахи, монах уходит в лес, под крону дерева, или в пустынное место, садится, скрестив свои ноги, держит тело прямо и устанавливает осознанность возле рта.

Всегда осознанно он вдыхает, и осознанно он выдыхает.

I. Отслеживание тела (1) Делая длительный вдох, он распознает, что он делает длительный вдох; делая длительный выдох, он распознает, что он делает длительный выдох; (2) делая короткий вдох, он распознает, что он делает короткий вдох; делая короткий выдох, он распознает, что он делает короткий выдох. (3) Он тренируется вдыхать, чувствуя все тело, он тренируется выдыхать, чувствуя все тело. (4) Он тренируется вдыхать, успокаивая деятельность всего тела, он тренируется выдыхать, успокаивая деятельность всего тела, II.

Отслеживание чувств (5) Он тренируется вдыхать, чувствуя восторг, он тренируется выдыхать, чувствуя восторг. (6) Он тренируется вдыхать, чувствуя счастье, он тренируется выдыхать, чувствуя счастье. (7) Он тренируется вдыхать, чувствуя умственную деятельность, он тренируется выдыхать, чувствуя умственную деятельность. (8) Он тренируется вдыхать, успокаивая умственную деятельность, он тренируется выдыхать, успокаивая умственную деятельность. III. Отслеживание ума (9) Он тренируется вдыхать, чувствуя ум, он тренируется выдыхать, чувствуя ум. (10) Он тренируется вдыхать, удовлетворяя ум, он тренируется выдыхать, удовлетворяя ум. (11) Он тренируется вдыхать, делая ум устойчивым, он тренируется выдыхать, делая ум устойчивым. (12) Он тренируется вдыхать, освобождая ум, он тренируется выдыхать, освобождая ум. IV.

Отслеживание умственных качеств (13) Он тренируется вдыхать, отслеживая непостоянство, он тренируется выдыхать, отслеживая непостоянство. (14) Он тренируется вдыхать, отслеживая затухание, он тренируется выдыхать, отслеживая затухание. (15) Он тренируется вдыхать, отслеживая прекращение, он тренируется выдыхать, отслеживая прекращение. (16) Он тренируется вдыхать, отслеживая отрешение, он тренируется выдыхать, отслеживая отрешение.

Четыре основы осознанности

(I) Когда бы монах, (1) делая длительный вдох, ни распознавал, что он делает длительный вдох; делая длительный выдох, ни распознавал, что он делает длительный выдох; (2) делая короткий вдох, ни распознавал, что он делает короткий вдох; делая короткий выдох, ни распознавал, что он делает короткий выдох, (3) ни тренировался вдыхать, чувствуя все тело, ни тренировался выдыхать, чувствуя все тело; (4) ни тренировался вдыхать, успокаивая деятельность всего тела, ни тренировался выдыхать, успокаивая деятельность всего тела, то он отслеживает тело в теле, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру; Я скажу вам, монахи, что это вдыхание и выдыхание относится к выдающимся телам среди всех тел, вот почему монах в этом случае

отслеживает тело в теле, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру;

(II) Когда бы монах (5) ни тренировался вдыхать, чувствуя восторг, ни тренировался выдыхать, чувствуя восторг, (6) ни тренировался вдыхать, чувствуя счастье (сукха), ни тренировался выдыхать, чувствуя счастье, (7) ни тренировался вдыхать, чувствуя умственную деятельность (читтасанкхара) ни тренировался выдыхать, чувствуя умственную деятельность, (8) ни тренировался вдыхать, успокаивая умственную деятельность, ни тренировался выдыхать, успокаивая умственную деятельность, то он отслеживает чувства в чувствах, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру;

Я скажу вам, монахи, что это пристальное внимание к вдыханию и выдыханию относится к выдающимся чувствам среди всех чувств, вот почему монах в этом случае

отслеживает чувства в чувствах, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру; (III) Когда бы монах (9) ни тренировался вдыхать, чувствуя ум, ни тренировался выдыхать, чувствуя ум, (10) ни тренировался вдыхать, удовлетворяя ум, ни тренировался выдыхать, удовлетворяя ум, (11) ни тренировался вдыхать, делая ум устойчивым, ни тренировался выдыхать, делая ум устойчивым, (12) ни тренировался вдыхать, освобождая ум, ни тренировался выдыхать, освобождая ум, то он отслеживает ум в уме, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру;

Без осознанности и бдительности нет осознанности вдыхания и выдыхания, вот почему монах в этом случае отслеживает ум в уме, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру; (IV) Когда бы монах (13) ни тренировался вдыхать, отслеживая непостоянство, ни тренировался выдыхать, отслеживая непостоянство, (14) ни тренировался вдыхать, отслеживая затухание, ни тренировался выдыхать, отслеживая затухание, (15) ни тренировался вдыхать, отслеживая прекращение, ни тренировался выдыхать, отслеживая прекращение, (16) ни тренировался вдыхать, отслеживая отрешение, ни тренировался выдыхать, отслеживая отрешение, то он отслеживает умственные качества в умственных качествах, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру;

Тот, кто мудро видит, как покорить алчность и огорчение, наблюдает с беспристрастием, вот почему монах в этом случае

отслеживает умственные качества в умственных качествах, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру; Таким образом, монахи, осознанность вдыхания и выдыхания, когда ее развивают и постоянно практикуют, приводит к совершенству все четыре основы осознанности.

Тот, кто мудро видит, как покорить алчность и огорчение, наблюдает с беспристрастием, вот почему монах в этом случае

отслеживает умственные качества в умственных качествах, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру; Таким образом, монахи, осознанность вдыхания и выдыхания, когда ее развивают и постоянно практикуют, приводит к совершенству все четыре основы осознанности.

Семь факторов Пробуждения (bojjha'nga)

И каким образом четыре основы осознанности, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству семь факторов пробуждения?

(1) Когда бы монах ни отслеживал тело в теле, пылко, бдительно и осознанно, покорив алчность и огорчение по отношению к миру, то его осознанность устойчива и непрерывна.

Когда его осознанность устойчива и непрерывна,

то возникает "осознанность" (sati) как фактор пробуждения.

Он развивает его, и приводит его развитие к совершенству.

(2) Пребывая таким образом в осознанности, он с помощью мудрости различает, изучает, производит исследование этого умственного качества.

Когда, пребывая таким образом в осознанности, он с помощью мудрости различает, изучает, производит исследование этого умственного качества,

то возникает "различение умственных качеств" (dhamma-vicaya) как фактор пробуждения.

Он развивает его, и приводит его развитие к совершенству.

(3) У того, кто различает, изучает, производит исследование этого умственного качества, возникает неослабная настойчивость.

Когда у того, кто различает, изучает, производит исследование этого умственного качества, возникает неослабная настойчивость,

то возникает "настойчивость" (viriya) как фактор пробуждения.

Он развивает его, и приводит его развитие к совершенству.

(4) В том, у кого проявилась настойчивость, возникает неземной восторг.
Когда в том, у кого проявилась настойчивость, возникает неземной восторг,
то возникает "восторг" (pīti) как фактор пробуждения.
Он развивает его, и приводит его развитие к совершенству.

(5) У того, кто наполнен восторгом, успокаивается тело и успокаивается ум.
И когда тело и ум того, кто наполнен восторгом, успокаиваются,
то возникает "расслабление" (passadhi) как фактор пробуждения.
Он развивает его, и приводит его развитие к совершенству.

(6) У того, кто расслаблен, чье тело успокоено, сосредотачивается ум.
И когда у того, кто безмятежен, чье тело успокоено, сосредотачивается ум,
то возникает просветляющий фактор "сосредоточение" (samadhi).
Он развивает его, и приводит его развитие к совершенству.

(7) Он наблюдает с беспристрастием таким образом сосредоточенный ум.
И когда он наблюдает с беспристрастием таким образом сосредоточенный ум,
то возникает "беспристрастие" (upekha) как фактор пробуждения.
Он развивает его, и приводит его развитие к совершенству. (Аналогично с тремя остальными основами осознанности: чувства в чувствах, ум в уме, умственные качества в умственных качествах.)
Таким образом четыре основы осознанности, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству семь факторов пробуждения.

Ясное знание и освобождение

И каким образом семь факторов пробуждения, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству ясное знание и освобождение?

При этом, монахи, монах развивает осознанность как фактор пробуждения, основываясь на уединении ... бесстрастии ... прекращении ... приходя к отрешению.
Он развивает различение умственных качеств как фактор пробуждения, основываясь на уединении ... бесстрастии ... прекращении ... приходя к отрешению.
Он развивает настойчивость как фактор пробуждения, основываясь на уединении ... бесстрастии ... прекращении ... приходя к отрешению.
Он развивает восторг как фактор пробуждения, основываясь на уединении ... бесстрастии ... прекращении ... приходя к отрешению.
Он развивает расслабление как фактор пробуждения, основываясь на уединении ... бесстрастии ... прекращении ... приходя к отрешению.
Он развивает сосредоточение как фактор пробуждения, основываясь на уединении ... бесстрастии ... прекращении ... приходя к отрешению.
Он развивает беспристрастие как фактор пробуждения, основываясь на уединении ... бесстрастии ... прекращении ... приходя к отрешению.
Таким образом семь факторов пробуждения, когда их развивают и постоянно практикуют, приводят к совершенству ясное знание и освобождение
Так сказал Благословенный. Радостные сердцем, монахи восхитились его словам.

Маджджхима Никая 121

Cu.lasunnata Sutta

Короткая сутра о пустотности

(перевод и примечания Д. Устьянцев)

1. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, в восточном парке, во дворце матери Мигары.
2. И вот, когда наступил вечер, почтенный Ананда встал из медитации, приблизился к Благословенному и, после того как засвидетельствовал свое уважение, присел в стороне и так обратился к Благословенному:
3. "О Почитаемый, однажды Блаженный пребывал в стране Сакья, в сакьянском городе под названием Нагарака. Там, о Почитаемый, я из уст Блаженного услышал и усвоил следующее: "Теперь Ананда я часто покоюсь в пустотности [1]." Правильно ли я услышал это, о Почитаемый, правильно ли я усвоил это, правильно ли я заметил это, правильно ли я запомнил это?"
Конечно, Ананда, ты правильно услышал это, правильно усвоил это, правильно заметил это, правильно запомнил

это. Как прежде, Ананда, так и по сию пору я часто покоюсь в пустотности.

4. Ананда, так же как дворец матери Мигары пуст от слонов, скота, коней и кобыл, пуст от золота и серебра, пуст от собрания мужчин и женщин, но есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, однонаправленности, зависящей от Сангхи бхиккху [2]. Также и бхиккху, не обращаясь к восприятию деревни, не обращаясь к восприятию людей, – обращаются к однонаправленности, зависящей от восприятия леса [3]. Их ум вступает в восприятие леса и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: "Какие бы беспокойства не зависели от восприятия деревни, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства не зависели от восприятия людей, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия леса" [4]. Они понимают: "Это поле восприятия пусто от восприятия деревни; это поле восприятия пусто от восприятия людей. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия леса." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое вхождение в пустотность.

5. И снова, Ананда, бхиккху, не обращаясь к восприятию людей, не обращаясь к восприятию леса, – обращаются к однонаправленности, зависящей от восприятия земли [5]. Их ум вступает в восприятие земли и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Как бычья шкура очищается от складок, когда ее растягивают на сотнях колышков, также и бхиккху, не обращая внимания на холмы и впадины на этой земле, на реки и лощины, на буреломы и колючки, на горы и неровности, обращается к однонаправленности, зависящей от восприятия земли. Их ум вступает в восприятие земли и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: "Какие бы беспокойства не зависели от восприятия людей, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства не зависели от восприятия леса, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия леса." Они понимают: "Это поле восприятия пусто от восприятия людей; это поле восприятия пусто от восприятия леса. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия земли." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое вхождение в пустотность.

6. И снова, Ананда, бхиккху, не обращаясь к восприятию леса, не обращаясь к восприятию земли, – обращаются к однонаправленности, зависящей от восприятия основы бесконечного пространства [6]. Их ум вступает в восприятие основы бесконечного пространства и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: "Какие бы беспокойства не зависели от восприятия леса, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства не зависели от восприятия земли, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы бесконечного пространства." Они понимают: "Это поле восприятия пусто от восприятия леса; это поле восприятия пусто от восприятия земли. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы бесконечного пространства." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое вхождение в пустотность.

7. И снова, Ананда, бхиккху, не обращаясь к восприятию земли, не обращаясь к восприятию основы бесконечного пространства, – обращаются к однонаправленности, зависящей от восприятия основы бесконечного сознания. Их ум вступает в восприятие основы бесконечного сознания и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: "Какие бы беспокойства не зависели от восприятия земли, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства не зависели от восприятия основы бесконечного пространства, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы бесконечного сознания." Они понимают: "Это поле восприятия пусто от восприятия земли; это поле восприятия пусто от восприятия основы бесконечного пространства. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы бесконечного сознания." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое вхождение в пустотность.

8. И снова, Ананда, бхиккху, не обращаясь к восприятию основы бесконечного пространства, не обращаясь к восприятию основы бесконечного сознания, – обращаются к однонаправленности, зависящей от восприятия основы ничто. Их ум вступает в восприятие основы ничто и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: "Какие бы беспокойства не зависели от восприятия основы бесконечного пространства, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства не зависели от восприятия основы бесконечного сознания, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы ничто." Они понимают: "Это поле восприятия пусто от восприятия основы бесконечного пространства; это поле восприятия пусто от восприятия основы бесконечного сознания. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы ничто." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое

вхождение в пустотность.

9. И снова, Ананда, бхиккху, не обращаясь к восприятию основы бесконечного сознания, не обращаясь к восприятию основы ничто, – обращаются к однонаправленности, зависящей от восприятия основы ни восприятия, ни невосприятия. Их ум вступает в восприятие основы ни восприятия, ни невосприятия и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: "Какие бы беспокойства не зависели от восприятия основы бесконечного сознания, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства не зависели от восприятия основы ничто, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы ни восприятия, ни невосприятия." Они понимают: "Это поле восприятия пусто от восприятия основы бесконечного сознания; это поле восприятия пусто от восприятия основы Ничто. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, однонаправленности, зависящей от восприятия основы ни восприятия, ни невосприятия." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое вхождение в пустотность.

10. И снова, Ананда, бхиккху, не обращаясь к восприятию основы ничто, не обращаясь к восприятию основы ни восприятия, ни невосприятия, – обращаются к однонаправленности, зависящей от беспредметного сосредоточения ума [7]. Их ум вступает в беспредметное сосредоточение ума и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: "Какие бы беспокойства не зависели от восприятия основы ничто, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства не зависели от восприятия основы ни восприятия, ни невосприятия, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, связанных с шестью основами, которые зависят от этого тела и обусловлены жизнью." Они понимают: "Это поле восприятия пусто от восприятия основы ничто; это поле восприятия пусто от восприятия основы ни восприятия, ни невосприятия. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, связанного с шестью основами, которые зависят от этого тела и обусловлены жизнью." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое вхождение в пустотность.

11. И снова, Ананда, бхиккху, не обращаясь к восприятию основы ничто, не обращаясь к восприятию основы ни восприятия, ни невосприятия, – обращаются к однонаправленности, зависящей от беспредметного сосредоточения ума. Их ум вступает в беспредметное сосредоточение ума и обретает уверенность, устойчивость и решимость. Они понимают так: Это беспредметное сосредоточение ума обусловлено и произведено волей. Но, что бы ни было обусловлено и произведено волей, – является непостоянством и субъектом прекращения. Когда они знают и видят это таким образом, их ум освобождается от пятен чувственного желания, от пятен бытия и от пятен неведения. Когда он (ум) освобождается, возникает знание: "Он освобожден". Они понимают: "Рождение – разрушено, святая жизнь – прожита, то, что должно было быть сделано, – сделано; нет больше следования к какому бы то ни было состоянию бытия."

12. Они понимают так: "Какие бы беспокойства ни зависели от пятен чувственного желания, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства ни зависели от пятен бытия, – таковых здесь нет; какие бы беспокойства ни зависели от пятен неведения, – таковых здесь нет. Есть наличие только данного количества беспокойств, а именно, связанных с шестью основами, которые зависят от этого тела и обусловлены жизнью." Они понимают: "Это поле восприятия пусто от пятен чувственного желания; это поле восприятия пусто от пятен бытия; это поле восприятия пусто от пятен неведения. Есть наличие только данного отсутствия пустотности, а именно, связанного с шестью основами, которые зависят от этого тела и обусловлены жизнью." Таким образом, они относятся к этому как к пустому от того, чего нет; но то, что остается, они понимают как то, что наличествует, следующим образом: "Это наличествует". Так, Ананда, это подлинное, неискаженное, чистое вхождение в пустотность, высшее и непревзойденное (paramanuttara).

13. Ананда, какие бы отшельники и брамины прошлого ни вступали и ни покоились в чистой, высшей и непревзойденной пустотности, все они вступают и покоятся в той же чистой, высшей и непревзойденной пустотности. Какие бы отшельники и брамины будущего ни вступали и ни покоились в чистой, высшей и непревзойденной пустотности, все они вступают и покоятся в той же чистой, высшей и непревзойденной пустотности. Какие бы отшельники и брамины настоящего ни вступали и ни покоились в чистой, высшей и непревзойденной пустотности, все они вступают и покоятся в той же чистой, высшей и непревзойденной пустотности. Поэтому, Ананда, ты должен упражняться следующим образом: "Мы вступим и будем покоиться в чистой, высшей и непревзойденной пустотности."

Это то, что сказал Благословенный. Почтенный Ананда был удовлетворен и обрадован словами Благословенного.

Примечания

1. Sunnatavihara – это результат достижения пустотности (sunnataphala-samapatti), в процессе сосредоточения на пустом аспекте Нирваны. [Обратно]

2. Сообщество полностью посвященных буддийских монахов. [Обратно]
3. То есть они думают: "Это лес, это дерево, это гора, это роща." [Обратно]
4. Беспокойство загрязнений, влечение и отвращение, возникающие в силу восприятия людей, – здесь отсутствуют. Но все же остаются беспокойства, причиняемые наличием грубых состояний, поскольку отсутствует необходимая безмятежность. [Обратно]
5. Бхиккху отвергают восприятие леса и обращаются к восприятию земли, поскольку не могут достичь никакого различения в медитации посредством восприятия леса, не обретают они также ни сосредоточения, ни полной погруженности. Однако земля может быть использована как предварительный объект сосредоточения (kasi.na), на основе которого возникает погруженность (jhana), развивается прозрение и достигается архатство. [Обратно]
6. Используя восприятие земли, они достигают четырех дхьян, растягивают касину земли, а затем удаляют касину и достигают основы бесконечного пространства. [Обратно]
7. Animitta cetosamadhi – это сосредоточение ума в прозрении, которое называется "однонаправленностью" в силу лишенности признаков постоянства и пр. [Обратно]

Маджджхима Никая 130

Девадута сутта

Посланник небес

Так я слышал. Однажды Благословенный находился в саду Анатхапиндики, в роще Джета близ Саваттхи. В то время он обратился к монахам: "Монахи!", – "Да, почтенный", – ответили монахи. И Будда стал им проповедовать так:

"Монахи! Представьте себе два дома с воротами. Зрячий человек стоит между ними и видит людей, входящих внутрь и выходящих наружу, приходящих и уходящих. Монахи, также и я, наделенный чистым Божественным Глазом, превосходящий обычный человеческий глаз, вижу людей, перевоплощающихся в соответствии со своей кармой. Я вижу, как они рождаются и умирают – кто в нищете, кто в почете, кто красавцем, кто уродом, кто в хорошем мире, кто в плохом.

Монахи! Те люди, которые совершали хорошие поступки своим телом, речью и мыслью и никогда не пытались обвинить святого, обладали Правильным Взглядом и накапливали карму Правильного Взгляда. Поэтому, когда их жизнь подошла к концу и тело превратилось в прах, они переродились в хорошем мире – в мире богов. Или, монахи, те люди, которые совершали хорошие поступки своим телом, речью и мыслью и никогда не пытались обвинить святого, обладали Правильным Взглядом и накапливали карму Правильного Взгляда. Поэтому, когда их жизнь подошла к концу и тело превратилось в прах, они переродились в хорошем мире – в мире людей.

Монахи! Те люди, которые совершали плохие поступки своим телом, речью и мыслями и оскорбляли святых, обладали ложным взглядом и накапливали карму ложного взгляда. Поэтому, когда жизнь их подошла к концу и тело превратилось в прах, они переродились в мире голодных духов. Или, монахи, те люди, которые совершали плохие поступки своим телом, речью и мыслями и оскорбляли святых, обладали ложным взглядом и накапливали карму ложного взгляда. Поэтому, когда жизнь их подошла к концу и тело превратилось в прах, они переродились в мире животных. Или, монахи, те люди, которые совершали плохие поступки своим телом, речью и мыслями и оскорбляли святых, обладали ложным взглядом и накапливали карму ложного взгляда. Поэтому, когда жизнь их подошла к концу и тело превратилось в прах, они переродились в аду.

Монахи! Многочисленные яккхи хватают человека за руки и подводят его к правителю Яме, говоря: Правитель, в отличие от шраман этот человек совершал плохие поступки своим телом, речью и мыслями и оскорблял святых, обладал ложным взглядом и накапливал карму ложного взгляда. Правитель, воздай ему по заслугам."

Монахи! Правитель Яма задает вопросы, приводит описания, поучает и выдвигает обвинения, говоря о первом небесном посланнике: "Человек, ты что же, не видел появления первого небесного посланника?"

Он отвечает так: "Никогда не видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, разве ты не видел в мире людей младенца, лежащего на спине в своих же экскрементах?"

Тот отвечает так: "Видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма дает ему такой ответ: "Человек, разве у тебя, взрослого человека, способного рассуждать и размышлять, не возникала в голове мысль о том, что и ты подвластен закону жизни и не превзошел жизнь и что стоит вести практику добродетели телом, речью и мыслями?"

Человек этот отвечает так: "Я не мог, правитель. Я был ленив, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, ты не вел практику добродетели из-за того, что был ленив. Итак, человек, ты будешь наказан за свою лень. Воистину, такую плохую карму не накапливали не твоя мать, ни твой отец, ни твой брат, ни твоя сестра, ни твои друзья, ни твои родственники, ни шраманы, ни боги. Ты сам

накопил эту плохую карму. Ты получишь по заслугам."

Монахи! Правитель Яма заканчивает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о первом небесном посланнике, он начинает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о втором небесном посланнике: "Человек, разве ты не видел появление второго небесного посланника?"

Он отвечает так: "Никогда не видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, разве ты не видел в мире людей мужчины или женщины, рождающихся, живущих до восьмидесяти, девяноста или ста лет, постаревших, с изгибающейся в дугу спиной, опирающихся на палку, трясущихся при ходьбе, больных, ослабших, с выпавшими зубами, с поседевшими волосами или облысевших, плешивых, покрытых морщинами, прыщами, с немощными ногами и руками?"

Тот отвечает так: "Видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма дает ему такой ответ: "Человек, разве у тебя, взрослого человека, способного рассуждать и размышлять, не возникала в голове мысль о том, что и ты подвластен закону старения и не превзошел старение и что стоит вести практику добродетели телом, речью и мыслями?"

Человек этот отвечает так: "Я не мог, правитель. Я был ленив, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, ты не вел практику добродетели из-за того, что был ленив. Итак, человек, ты будешь наказан за свою лень. Воистину, такую плохую карму не накапливали не твоя мать, ни твой отец, ни твой брат, ни твоя сестра, ни твои друзья, ни твои родственники, ни шраманы, ни боги. Ты сам накопил эту плохую карму. Ты получишь по заслугам."

Монахи! После того, как правитель Яма заканчивает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о втором небесном посланнике, он начинает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о третьем небесном посланнике: "Человек, разве ты не видел появление третьем небесного посланника?"

Он отвечает так: "Никогда не видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, разве ты не видел в мире людей мужчины или женщины, подверженных болезням, подверженных серьезным болезням, подверженным тяжелым болезням, лежащих в своих экскрементах, не способным подняться и лечь без посторонней помощи?"

Тот отвечает так: "Видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма дает ему такой ответ: "Человек, разве у тебя, взрослого человека, способного рассуждать и размышлять, не возникала в голове мысль о том, что и ты подвластен закону болезней и не превзошел болезни и что стоит вести практику добродетели телом, речью и мыслями?"

Человек этот отвечает так: "Я не мог, правитель. Я был ленив, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, ты не вел практику добродетели из-за того, что был ленив. Итак, человек, ты будешь наказан за свою лень. Воистину, такую плохую карму не накапливали не твоя мать, ни твой отец, ни твой брат, ни твоя сестра, ни твои друзья, ни твои родственники, ни шраманы, ни боги. Ты сам накопил эту плохую карму. Ты получишь по заслугам."

Монахи! После того, как правитель Яма заканчивает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о третьем небесном посланнике, он начинает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о четвертом небесном посланнике: "Человек, разве ты не видел появление четвертого небесного посланника?"

Он отвечает так: "Никогда не видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, разве ты не видел в мире людей, как цари ловили воров и преступников и подвергали их различным наказаниям, таким как избиение кнутом, сечение розгами, избиение палками, отсечение рук, отсечение ног, отсечение рук и ног, обрезание ушей, обрезание ноздрей, обрезание ноздрей и ушей, помещение в кипящий котел, снятие скальпа, рассечение рта, поджаривание на огне, сдирание кожи, что подобно сбрасывающей чешую змее, связывание содранной кожи с волосами, связывание по рукам и ногам и подвешивание, подобно подвешиванию оленей, вбивание гвоздей в мясо, разрубание на части, вливание щелочи, избиение железными прутами, кидание плашмя на землю, подобно связке соломы, вливание кипящего масла, затравливание собаками, сажание на кол, разрубание головы мечом, или любыми наказаниям такого рода?"

Тот отвечает так: "Видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма дает ему такой ответ: "Человек, разве у тебя, взрослого человека, способного рассуждать и размышлять, не возникала в голове мысль о том, что, воистину, даже в этом мире накапливающие плохую карму подвергаются таким суровым наказаниям, и что, более того, подобное возможно и в следующей жизни, и что стоит вести практику добродетели телом, речью и мыслями?"

Человек этот отвечает так: "Я не мог, правитель. Я был ленив, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, ты не вел практику добродетели из-за того, что был ленив. Итак, человек, ты будешь наказан за свою лень. Воистину, такую плохую карму не накапливали не твоя мать, ни твой отец, ни твой брат, ни твоя сестра, ни твои друзья, ни твои родственники, ни шраманы, ни боги. Ты сам накопил эту плохую карму. Ты получишь по заслугам."

Монахи! После того, как правитель Яма заканчивает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о четвертом небесном посланнике, он начинает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о пятом небесном посланнике: "Человек, разве ты не видел появление пятого небесного посланника?"

Он отвечает так: "Никогда не видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, разве ты не видел в мире людей умерших мужчину или женщину, тело которых через один, два или три дня опухало, становилось темно-синим, покрывалось гноем и язвами?"

Тот отвечает так: "Видел, правитель."

Монахи! Правитель Яма дает ему такой ответ: "Человек, разве у тебя, взрослого человека, способного рассуждать и размышлять, не возникала в голове мысль о том, что и ты подвластен закону смерти и не превзошел смерть и что стоит вести практику добродетели телом, речью и мыслями?"

Человек этот отвечает так: "Я не мог, правитель. Я был ленив, правитель."

Монахи! Правитель Яма так говорит ему: "Человек, ты не вел практику добродетели из-за того, что был ленив. Итак, человек, ты будешь наказан за свою лень. Воистину, такую плохую карму не накапливали не твоя мать, ни твой отец, ни твой брат, ни твоя сестра, ни твои друзья, ни твои родственники, ни шраманы, ни боги. Ты сам накопил эту плохую карму. Ты получишь по заслугам."

Монахи! После того, как правитель Яма заканчивает задавать вопросы, приводить описания, поучать и выдвигать обвинения, говоря о пятом небесном посланнике, он умолкает.

Монахи! Затем правитель Яма, задает вопросы о пяти небесных посланниках, приводит описания, поучает, выдвигает обвинения и не позволяет возражать.

Монахи! Яккхи подвергают его наказанию, которое называется "пять лотосов". Сначала они вонзают ему раскаленный докрасна железный кол в одну руку, вонзают ему раскаленный докрасна железный кол в другую руку, вонзают ему раскаленный докрасна железный кол в одну ногу, вонзают ему раскаленный докрасна железный кол в другую ногу, и наконец, вонзают ему раскаленный докрасна железный кол посередине его груди. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Вот яккхи несут его и рубят его топором. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Еще яккхи подвешивают его ногами вверх, головой вниз и режут его тело острым лезвием. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Еще яккхи надевают на него ярмо от телеги и катаются на нем туда и обратно по раскаленной пылающей земле. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Еще яккхи заставляют его взбираться вверх и спускаться вниз по высокой горе из пылающего древесного угля. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Еще яккхи хватают его ногами вверх и швыряют в котел, наполненный красной раскаленной расплавленной медью. Там он варится. Он варится, перемещаемый и вверх и вниз, и в сторону. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! И еще яккхи бросают его в Великий Ад. Монахи, Великий Ад устроен так: четыре угла, четыре входа одинаково удалены друг от друга и окружены железной стеной. Земля там железная, и на ней - пылающее пламя. Он высотой и шириной - сто йоджан, и существует вечно. Монахи, огонь пылает на восточной стене, он раскаляет западную стену. Огонь пылает на западной стене, он раскаляет восточную стену. Огонь пылает на северной стене, он раскаляет южную стену. Огонь пылает на южной стене, он раскаляет северную стену. Огонь пылает на земле, распространяясь до самого верха, огонь пылает наверху, распространяясь до земли. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Бывает, что по прошествии большого количества времени, восточный вход Великого Ада открывается. И он бежит туда изо всех сил. Поскольку он бежит изо всех сил, его кожа горит, его подкожный слой горит, его мясо горит, его мускулы горят, его кости горят. И он действительно пребывает в смятении. Монахи, когда он, наконец, достигает конца, вход закрывается. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Бывает, что по прошествии большого количества времени, западный вход Великого Ада открывается. И он бежит туда изо всех сил. Поскольку он бежит изо всех сил, его кожа горит, его подкожный слой горит, его мясо горит, его мускулы горят, его кости горят. И он действительно пребывает в смятении. Монахи, когда он, наконец, достигает конца, вход закрывается. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Бывает, что по прошествии большого количества времени, северный вход Великого Ада открывается. И он бежит туда изо всех сил. Поскольку он бежит изо всех сил, его кожа горит, его подкожный слой горит, его мясо горит, его мускулы горят, его кости горят. И он действительно пребывает в смятении. Монахи, когда он, наконец, достигает конца, вход закрывается. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Бывает, что по прошествии большого количества времени, южный вход Великого Ада открывается. И он бежит туда изо всех сил. Поскольку он бежит изо всех сил, его кожа горит, его подкожный слой горит, его мясо горит, его мускулы горят, его кости горят. И он действительно пребывает в смятении. Монахи, когда он, наконец, достигает конца, вход закрывается. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! Бывает, что по прошествии большого количества времени, западный вход Великого Ада открывается. И он бежит туда изо всех сил. Поскольку он бежит изо всех сил, его кожа горит, его подкожный слой горит, его мясо горит, его мускулы горят, его кости горят. И он действительно пребывает в смятении. И прорывается через вход.

Монахи! Однако почти сразу за Великим Адом следует Ад Грязи Из Нечистот. Он падает туда. Монахи, в Аду Грязи Из Нечистот обитает существо с пастью, полной игл. Оно рвет его кожу. Когда разорвана кожа, оно рвет подкожный слой. Когда разорван подкожный слой, оно рвет мясо. Когда разорвано мясо, оно рвет мускулы. Когда разорваны мускулы, оно рвет кости. Когда разорваны кости, оно поедает косный мозг. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! И почти сразу за Адом Грязи Из Нечистот следует Ад Горячей Золы. Он падает туда. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! И почти сразу за Адом Горячей Золы следует лес высотой в одну йоджану из больших раскаленных докрасна деревьев с листьями из игл длиной в шестнадцать пальцев. Яккхи заставляют его взбираться вверх и спускаться вниз. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! И почти сразу за лесом из больших деревьев с листьями из игл следует лес с листьями-мечами. Он падает туда. Листья, раскачиваемые ветром, отрезают ему руки, отрезают ему ноги, отрезают ему руки и ноги, отрезают ему уши, отрезают ему нос, отрезают ему уши и нос. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! И почти сразу за лесом с листьями-мечами, следует Ад реки с едкой водой. Он падает туда. Здесь его таскает вдоль по течению и против течения, вверх по течению и вниз по течению. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! И яккхи вылавливают его багром, ставят на землю и говорят: "Ну что, хочешь ли ты чего-нибудь?". Он так им отвечает: "Извините, но я страдаю от голода." Монахи, тогда яккхи горячими раскаленными докрасна стальными щипцами открывают ему рот и закидывают туда горячий раскаленный докрасна стальной шар. Он сжигает ему губы, сжигает ему рот, сжигает ему горло, сжигает ему грудь, захватывает его толстую кишку и тонкую кишку и выходит снизу. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи! И яккхи вылавливают его багром, ставят на землю и говорят: "Ну что, хочешь ли ты чего-нибудь?". Он так им отвечает: "Извините, но я страдаю от жажды." Монахи, тогда яккхи горячими раскаленными докрасна стальными щипцами открывают ему рот и заливают ему в рот горячую красную расплавленную кипящую медь. Он сжигает ему губы, сжигает ему рот, сжигает ему горло, сжигает ему грудь, захватывает его толстую кишку и тонкую кишку и выходит снизу. В это время он испытывает ужасную боль. Однако до тех пор, пока его плохая карма не будет исчерпана, его жизнь не закончится.

Монахи, яккхи затем снова бросают его в Великий Ад.

Монахи, давным-давно правитель Яма подумал так: "Те, кто накапливает плохую карму, подвергаются таким наказаниям. О! Я действительно хочу перевоплотиться в мире людей. И я хочу, чтобы в этом мире появился Достойный, Совершенно Самопробужденный Татхагата. Там я буду поклоняться этому Будде. И Будда будет проповедовать мне Дхарму. Тогда я смогу осознать Дхарму Будды."

Монахи, я не говорю это вам со слов других монахов или священников. Я проповедую только то, что сам познал, сам видел и сам осознал".

Так сказал Благословенный. Затем Счастливый, Учитель добавил:

"Даже если их и побуждают небесные посланники,
Праздные молодые люди долгое время страдают
И охвачены горем,
Находясь на низком уровне.
Однако есть мудрецы,

Которых побуждали небесные посланники.
И они не становились на позиции праздности,
Основываясь на верной Дхарме.
Они опасались Захваченности и, не имея ее,
Достигли Освобождения Посреди причин,
Порождающих жизнь и смерть.
И если жизнь и смерть уничтожены,
Эти мудрецы обретают покой и радость.
Они достигают разрушения желаний,
Преодолевают всю зависть, страх и страдания
И уходят от них".

Маджджхима Никая 146

Нандаковада сутта

Наставление Нандаки

Перевод с пали Д. А. Ивахненко

Так я слышал: однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в лесу Джеты, в парке Анатхапиндики. И вот Махападжапати Готами в сопровождении пятисот монахинь подошла к Благословенному; подойдя и выразив почтение Благословенному, она стала сбоку. Стоя сбоку, Махападжапати Готами так сказала Благословенному: – Господин, пусть Благословенный наставит монахинь; господин, пусть Благословенный научит монахинь; господин, пусть Благословенный проведет с монахинями диалог о Дхамме.

В то время старейшины наставляли монахов и монахинь притчами. Почтенный Нандака не желал наставлять монахинь притчами. Тогда Благословенный обратился к почтенному Ананде: – Чья же, Ананда, сегодня очередь наставлять монахинь притчами? – Господин, все по очереди уже наставили монахинь притчами. Вот только почтенный Нандака не желает наставлять монахинь притчами.

Тогда Благословенный обратился к почтенному Нандаке:

– Наставь, Нандака, монахинь; научи, Нандака, монахинь; проведи, брахман, с монахинями диалог о Дхамме.
– Да, господин, - согласился Нандака. Утром, одевшись, взяв чашу и накидку, он пошел в Саваттхи для сбора подаяния. Возвратившись со сбора подаяния в Саваттхи, после еды он без сопровождающих подошел к Царскому парку. Те монахини издали увидели приближающегося почтенного Нандаку. Увидев его, они разостлали сидение и приготовили воду для ног. И вот почтенный Нандака сел на разостланном сидении. Сев, он омыл ноги. А монахини, выразив почтение почтенному Нандаке, сели сбоку. И когда те монахини сели сбоку, почтенный Нандака сказал следующее:

– Сестры, будет диалог с вопросами (pa.tipucchakatha). Когда понимаете, о чем речь, вы должны говорить: "Понимаем", когда не понимаете, должны говорить: "Не понимаем". При какой-либо неуверенности или растерянности вы должны меня спрашивать: "Господин, вот высказывание; каков его смысл?"

– Господин, мы так рады и довольны тому, что уважаемый Нандака выполняет нашу просьбу.

– Как по вашему мнению, сестры, глаз неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, ухо неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

- А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
- Конечно, нет, господин.
- Как по вашему мнению, сестры, нос неизменен или изменчив?
- Изменчив, господин.
- А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
- Мучительно, господин.
- А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
- Конечно, нет, господин.
- Как по вашему мнению, сестры, язык неизменен или изменчив?
- Изменчив, господин.
- А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
- Мучительно, господин.
- А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
- Конечно, нет, господин.
- Как по вашему мнению, сестры, тело неизменно или изменчиво?
- Изменчиво, господин.
- А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
- Мучительно, господин.
- А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
- Конечно, нет, господин.
- Как по вашему мнению, сестры, интеллект неизменен или изменчив?
- Изменчив, господин.
- А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
- Мучительно, господин.
- А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
- Конечно, нет, господин.
- Почему?
- Господин, мы уже вполне увидели как есть с помощью совершенной мудрости: "Эти шесть внутренних сфер изменчивы".
- Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.
- Как по вашему мнению, сестры, видимая форма неизменна или изменчива?
- Изменчива, господин.
- А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
- Мучительно, господин.
- А раз она изменчива, мучительна, подвержена превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
- Конечно, нет, господин.
- Как по вашему мнению, сестры, звук неизменен или изменчив?
- Изменчив, господин.
- А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
- Мучительно, господин.
- А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
- Конечно, нет, господин.
- Как по вашему мнению, сестры, запах неизменен или изменчив?
- Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, вкус неизменен или изменчив?
– Изменчив, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, прикосновение неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, идея неизменна или изменчива?
– Изменчива, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз она изменчива, мучительна, подвержена превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Почему?
– Господин, мы уже вполне увидели как есть с помощью совершенной мудрости: "Эти шесть внешних сфер изменчивы".
– Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание глаза неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание уха неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание носа неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание языка неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание тела неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание интеллекта неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Почему?
– Господин, мы уже вполне увидели как есть с помощью совершенной мудрости: "Эти шесть типов сознания изменчивы".
– Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

– Это, сестры, подобно тому, как у горящей масляной лампы масло изменчиво и подвержено превратностям, фитиль изменчив и подвержен превратностям, пламя изменчиво и подвержено превратностям, свечение изменчиво и подвержено превратностям. Если бы, сестры, кто-то сказал: "У той горящей масляной лампы масло изменчиво и подвержено превратностям, фитиль изменчив и подвержен превратностям, пламя изменчиво и подвержено превратностям; но её свечение неизменно, устойчиво, вечно, не подвержено превратностям"; разве верно бы он это сказал?

– Конечно, нет, господин.

– Почему?

– Ведь у той горящей масляной лампы масло изменчиво и подвержено превратностям, фитиль изменчив и подвержен превратностям, пламя изменчиво и подвержено превратностям; тем более свечение изменчиво и подвержено превратностям.

– Аналогично, сестры, если бы кто-то сказал: "Эти шесть внутренних сфер изменчивы; но испытываемые на основе шести внутренних сфер счастье, или мучение, или ни счастье, ни мучение неизменны, устойчивы, вечны, не подвержены превратностям"; разве верно бы он это сказал?

– Конечно, нет, господин.

– Почему?

– Господин, на основе соответствующих предпосылок возникают соответствующие чувства. С прекращением соответствующих предпосылок прекращаются соответствующие чувства.

– Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

– Это, сестры, подобно тому, как у стоящего большого и крепкого дерева корень изменчив и подвержен превратностям, ствол изменчив и подвержен превратностям, ветви и листва изменчивы и подвержены превратностям, тень изменчива и подвержена превратностям. Если бы, сестры, кто-то сказал: "У того стоящего большого и крепкого дерева корень изменчив и подвержен превратностям, ствол изменчив и подвержен превратностям, ветви и листва изменчивы и подвержены превратностям; но его тень неизменна, устойчива, вечна, не подвержена превратностям"; разве верно бы он это сказал?

– Конечно, нет, господин.

– Почему?

– Ведь у того стоящего большого и крепкого дерева корень изменчив и подвержен превратностям, ствол

изменчив и подвержен превратностям, ветви и листва изменчивы и подвержены превратностям; тем более его тень изменчива и подвержена превратностям.

– Аналогично, сестры, если бы кто-то сказал: "Эти шесть внешних сфер изменчивы; но испытываемые на основе шести внешних сфер счастье, или мучение, или ни счастье, ни мучение неизменны, устойчивы, вечны, не подвержены превратностям"; разве верно бы он это сказал?

– Конечно, нет, господин.

– Почему?

– Господин, на основе соответствующих предпосылок возникают соответствующие чувства. С прекращением соответствующих предпосылок прекращаются соответствующие чувства.

– Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

– Это, сестры, подобно тому, как умелый мясник или его подмастерье, забив корову, острым резакom разрезал бы её, не повредив плоть внутри и не повредив кожу снаружи, и отделил, разрезал, надрезал и обрезал бы все соединительные ткани, сухожилия и связки между плотью и кожей. Если бы, отделив, разрезав, надрезав и обрезав их, сняв наружную кожу, надел её на ту корову, он сказал бы: "Вот эта корова на самом деле соединена с этой кожей"; разве верно, сестры, бы он это сказал?

– Конечно, нет, господин.

– Почему?

– Ведь тот умелый мясник или его подмастерье, забив корову, острым резакom разрезал бы её, не повредив плоть внутри и не повредив кожу снаружи, и отделил, разрезал, надрезал и обрезал бы все соединительные ткани, сухожилия и связки между плотью и кожей. Отделив, разрезав, надрезав и обрезав их, сняв наружную кожу, надел её на ту корову, хоть он и говорил бы: "Вот эта корова на самом деле соединена с этой кожей"; всё же эта корова отделена от этой кожи.

– Эта притча, сестры, приведена мной для разъяснения. Вот её смысл: "плоть внутри" представляет собой шесть внутренних сфер; "кожа снаружи" представляет собой шесть внешних сфер; "соединительная ткань, сухожилия и связки между плотью и кожей" представляют собой восторженную страсть; "острый резак" представляет собой благородную мудрость, которая отделяет, разрезает, надрезает и обрезает все пороки, путы и узы между внутренними и внешними сферами.

– Сестры, есть семь факторов Пробуждения, развив и доведя которые до совершенства, монах, устранив влечения (asava), познав и увидев своими глазами наблюдаемую Дхамму, достигнув лишнего влечений освобождения разума и освобождения мудрости, пребывает в нём.

Какие именно семь?

При этом, сестры, монах развивает памятование (sati) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает исследование умственных качеств (dhammavicaya) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает настойчивость (viriya) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает восторг (pīti) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает расслабление (passadhi) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает сосредоточение (samadhi) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает безмятежное наблюдение (upekkha) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению.

Вот каковы, сестры, семь факторов Пробуждения, развив и доведя которые до совершенства, монах, устранив влечения, познав и увидев своими глазами наблюдаемую Дхамму, достигнув лишнего влечений освобождения разума и освобождения мудрости, пребывает в нём.

Тогда почтенный Нандака, наставив этим наставлением тех монахинь, отослал их: "Идите, сестры; пора". И вот те монахини, обрадованные и удовлетворенные сказанным почтенным Нандакой, встав с сидений, выразив почтение и обойдя слева направо почтенного Нандаку, подошли к Благословенному; подойдя и выразив почтение Благословенному, они стали сбоку. Тем стоящим сбоку монахиням Благословенный сказал: "Идите, монахини; пора". Тогда те монахини, выразив почтение и обойдя слева направо Благословенного, ушли.

Как только монахини ушли, Благословенный обратился к монахам:

– Подобно тому, монахи, как в четырнадцатый лунный день у большинства людей нет никаких сомнений и колебаний в том, неполная ли луна или полная, ведь луна неполная; точно так же, монахи, эти монахини

обрадованы наставлением Нандаки по Дхамме, но их намерение не исполнено.

Тогда Благословенный обратился к почтенному Нандаке:

– Так что, Нандака, завтра наставь монахинь тем же наставлением.

– Да, господин, - ответил Благословенному почтенный Нандака.

И вот почтенный Нандака, когда прошла ночь, утром, одевшись, взяв чашу и накидку, пошел в Саваттхи для сбора подаяния. Возвратившись со сбора подаяния в Саваттхи, после еды он без сопровождающих подошел к Царскому парку. Те монахини издали увидели приближающегося почтенного Нандаку. Увидев его, они разостлали сидение и приготовили воду для ног. И вот почтенный Нандака сел на разостланном сидении. Сев, он омыл ноги. А монахини, выразив почтение почтенному Нандаке, сели сбоку. И когда те монахини сели сбоку, почтенный Нандака сказал следующее:

– Сестры, будет диалог с вопросами (pa.tipusachakatha). Когда понимаете, о чем речь, вы должны говорить: "Понимаем", когда не понимаете, должны говорить: "Не понимаем". При какой-либо неуверенности или растерянности вы должны меня спрашивать: "Господин, вот высказывание; каков его смысл?"

– Господин, мы так рады и довольны тому, что уважаемый Нандака выполняет нашу просьбу.

– Как по вашему мнению, сестры, глаз неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, ухо неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, нос неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, язык неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, тело неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, интеллект неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

является мной"?

— Конечно, нет, господин.

— Почему?

— Господин, мы уже вполне увидели как есть с помощью совершенной мудрости: "Эти шесть внутренних сфер изменчивы".

— Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

— Как по вашему мнению, сестры, видимая форма неизменна или изменчива?

— Изменчива, господин.

— А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

— Мучительно, господин.

— А раз она изменчива, мучительна, подвержена превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

— Конечно, нет, господин.

— Как по вашему мнению, сестры, звук неизменен или изменчив?

— Изменчив, господин.

— А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

— Мучительно, господин.

— А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

— Конечно, нет, господин.

— Как по вашему мнению, сестры, запах неизменен или изменчив?

— Изменчив, господин.

— А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

— Мучительно, господин.

— А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

— Конечно, нет, господин.

— Как по вашему мнению, сестры, вкус неизменен или изменчив?

— Изменчив, господин.

— А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

— Мучительно, господин.

— А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

— Конечно, нет, господин.

— Как по вашему мнению, сестры, прикосновение неизменно или изменчиво?

— Изменчиво, господин.

— А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

— Мучительно, господин.

— А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

— Конечно, нет, господин.

— Как по вашему мнению, сестры, идея неизменна или изменчива?

— Изменчива, господин.

— А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

— Мучительно, господин.

— А раз она изменчива, мучительна, подвержена превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

— Конечно, нет, господин.

— Почему?

— Господин, мы уже вполне увидели как есть с помощью совершенной мудрости: "Эти шесть внешних сфер изменчивы".

– Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание глаза неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание уха неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание носа неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание языка неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание тела неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по вашему мнению, сестры, сознание интеллекта неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Почему?

– Господин, мы уже вполне увидели как есть с помощью совершенной мудрости: "Эти шесть типов сознания изменчивы".

– Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

– Это, сестры, подобно тому, как у горящей масляной лампы масло изменчиво и подвержено превратностям, фитиль изменчив и подвержен превратностям, пламя изменчиво и подвержено превратностям, свечение изменчиво и подвержено превратностям. Если бы, сестры, кто-то сказал: "У той горящей масляной лампы масло

изменчиво и подвержено превратностям, фитиль изменчив и подвержен превратностям, пламя изменчиво и подвержено превратностям; но её свечение неизменно, устойчиво, вечно, не подвержено превратностям"; разве верно бы он это сказал?

— Конечно, нет, господин.

— Почему?

— Ведь у той горящей масляной лампы масло изменчиво и подвержено превратностям, фитиль изменчив и подвержен превратностям, пламя изменчиво и подвержено превратностям; тем более свечение изменчиво и подвержено превратностям.

— Аналогично, сестры, если бы кто-то сказал: "Эти шесть внутренних сфер изменчивы; но испытываемые на основе шести внутренних сфер счастье, или мучение, или ни счастье, ни мучение неизменны, устойчивы, вечны, не подвержены превратностям"; разве верно бы он это сказал?

— Конечно, нет, господин.

— Почему?

— Господин, на основе соответствующих предпосылок возникают соответствующие чувства. С прекращением соответствующих предпосылок прекращаются соответствующие чувства.

— Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

— Это, сестры, подобно тому, как у стоящего большого и крепкого дерева корень изменчив и подвержен превратностям, ствол изменчив и подвержен превратностям, ветви и листва изменчивы и подвержены превратностям, тень изменчива и подвержена превратностям. Если бы, сестры, кто-то сказал: "У того стоящего большого и крепкого дерева корень изменчив и подвержен превратностям, ствол изменчив и подвержен превратностям, ветви и листва изменчивы и подвержены превратностям; но его тень неизменна, устойчива, вечна, не подвержена превратностям"; разве верно бы он это сказал?

— Конечно, нет, господин.

— Почему?

— Ведь у того стоящего большого и крепкого дерева корень изменчив и подвержен превратностям, ствол изменчив и подвержен превратностям, ветви и листва изменчивы и подвержены превратностям; тем более его тень изменчива и подвержена превратностям.

— Аналогично, сестры, если бы кто-то сказал: "Эти шесть внешних сфер изменчивы; но испытываемые на основе шести внешних сфер счастье, или мучение, или ни счастье, ни мучение неизменны, устойчивы, вечны, не подвержены превратностям"; разве верно бы он это сказал?

— Конечно, нет, господин.

— Почему?

— Господин, на основе соответствующих предпосылок возникают соответствующие чувства. С прекращением соответствующих предпосылок прекращаются соответствующие чувства.

— Прекрасно, прекрасно, сестры! Именно так, сестры, благородный ученик видит это как есть с помощью совершенной мудрости.

— Это, сестры, подобно тому, как умелый мясник или его подмастерье, забив корову, острым резакom разрезал бы её, не повредив плоть внутри и не повредив кожу снаружи, и отделил, разрезал, надрезал и обрезал бы все соединительные ткани, сухожилия и связки между плотью и кожей. Если бы, отделив, разрезав, надрезав и обрезав их, сняв наружную кожу, надев её на ту корову, он сказал бы: "Вот эта корова на самом деле соединена с этой кожей"; разве верно, сестры, бы он это сказал?

— Конечно, нет, господин.

— Почему?

— Ведь тот умелый мясник или его подмастерье, забив корову, острым резакom разрезал бы её, не повредив плоть внутри и не повредив кожу снаружи, и отделил, разрезал, надрезал и обрезал бы все соединительные ткани, сухожилия и связки между плотью и кожей. Отделив, разрезав, надрезав и обрезав их, сняв наружную кожу, надев её на ту корову, хоть он и говорил бы: "Вот эта корова на самом деле соединена с этой кожей"; всё же эта корова отделена от этой кожи.

— Эта притча, сестры, приведена мной для разъяснения. Вот её смысл: "плоть внутри" представляет собой шесть внутренних сфер; "кожа снаружи" представляет собой шесть внешних сфер; "соединительная ткань, сухожилия и связки между плотью и кожей" представляют собой восторженную страсть; "острый резак" представляет собой благородную мудрость, которая отделяет, разрезает, надрезает и обрезает все пороки, путы и узы между внутренними и внешними сферами.

— Сестры, есть семь факторов Пробуждения, развив и доведя которые до совершенства, монах, устранив влечения (asava), познав и увидев своими глазами наблюдаемую Дхамму, достигнув лишнего влечений освобождения разума и освобождения мудрости, пребывает в нём.

Какие именно семь?

При этом, сестры, монах развивает памятование (sati) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает исследование умственных качеств (dhammavicaya) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает настойчивость (viriya) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает восторг (pīti) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает расслабление (passadhi) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает сосредоточение (samadhi) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению;

развивает безмятежное наблюдение (upekkha) как фактор пробуждения, с помощью различения, бесстрастия и прекращения приходя к оставлению.

Вот каковы, сестры, семь факторов Пробуждения, развить и доведя которые до совершенства, монах, устранив влечения, познав и увидев своими глазами наблюдаемую Дхамму, достигнув лишнего влечений освобождения разума и освобождения мудрости, пребывает в нем.

Тогда почтенный Нандака, наставив этим наставлением тех монахинь, отослал их: "Идите, сестры; пора". И вот те монахини, обрадованные и удовлетворенные сказанным почтенным Нандакой, встав с сидений, выразив почтение и обойдя слева направо почтенного Нандаку, подошли к Благословенному; подойдя и выразив почтение Благословенному, они стали сбоку. Тем стоящим сбоку монахиням Благословенный сказал: "Идите, монахини; пора". Тогда те монахини, выразив почтение и обойдя слева направо Благословенного, ушли.

Как только монахини ушли, Благословенный обратился к монахам:

— Подобно тому, монахи, как в пятнадцатый лунный день у большинства людей нет никаких сомнений и колебаний в том, неполная ли луна или полная, ведь луна полная; точно так же, монахи, эти монахини обрадованы наставлением Нандаки по Дхамме, и их намерение исполнено. Монахи, даже самая последняя из этих пятисот монахинь - вошедшая в поток (sotapanna), не подверженная попаданию в чистилище, определенно достигающая Пробуждения.

Так сказал Благословенный. Радостные, монахи восхитились сказанному Благословенным.

Маджджхима Никая 147

Чуларахуловада сутта

Малое наставление Рахуле

Перевод с пали Д. А. Ивахненко

Так я слышал: однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в лесу Джеты, в парке Анатхапиндики. В то время, когда Благословенный уединился, отстранился от мира, ему на ум пришла такая мысль: "У Рахулы созрели способствующие освобождению качества. Что, если я обучу Рахулу высшему прекращению влечений?" Тогда утром, одевшись, взяв чашу и накидку, он пошел в Саваттхи для сбора подаяния. Возвратившись со сбора подаяния в Саваттхи, после еды он обратился к почтенному Рахуле:

— Рахула, бери сидение; пойдем на время дневного отдыха в темный лес.

— Да, господин, - ответил Рахула, взял сидение и пошел вслед за Благословенным.

Тогда за Благословенным последовали многие тысячи божеств: "Сегодня Благословенный обучит Рахулу высшему прекращению влечений (asava)". И вот Благословенный, войдя в темный лес, сел на разостланное сидение у подножия дерева. А почтенный Рахула, выразив почтение Благословенному, сел сбоку. Сидевшему сбоку почтенному Рахуле Благословенный сказал так:

— Как по твоему мнению, Рахула, глаз неизменен или изменчив?

— Изменчив, господин.

— А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

— Мучительно, господин.

— А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, видимая форма неизменна или изменчива?
– Изменчива, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз она изменчива, мучительна, подвержена превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, сознание глаза неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, контакт глаза неизменен или изменчив?
– Изменчив, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, то, что возникает на основе контакта глаза, относящееся к чувствам (vedana), восприятиям (sanna), намерениям (sa'nkhara) или сознаниям (vinna.na), неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, ухо неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, звук неизменен или изменчив?
– Изменчив, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, сознание уха неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, контакт уха неизменен или изменчив?
– Изменчив, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, то, что возникает на основе контакта уха, относящееся к чувствам,

восприятиям, намерениям или сознаниям, неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, нос неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, запах неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, сознание носа неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, контакт носа неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, то, что возникает на основе контакта носа, относящееся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям, неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, язык неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, вкус неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, сознание языка неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, контакт языка неизменен или изменчив?
– Изменчив, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, то, что возникает на основе контакта языка, относящееся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям, неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, тело неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, прикосновение неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, сознание тела неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, контакт тела неизменен или изменчив?
– Изменчив, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.
– Как по твоему мнению, Рахула, то, что возникает на основе контакта тела, относящееся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям, неизменно или изменчиво?
– Изменчиво, господин.
– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?
– Мучительно, господин.
– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?
– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, интеллект неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, идея неизменна или изменчива?

– Изменчива, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз она изменчива, мучительна, подвержена превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, сознание интеллекта неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, контакт интеллекта неизменен или изменчив?

– Изменчив, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз он изменчив, мучителен, подвержен превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Как по твоему мнению, Рахула, то, что возникает на основе контакта интеллекта, относящееся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям, неизменно или изменчиво?

– Изменчиво, господин.

– А то, что изменчиво, мучительно или приятно?

– Мучительно, господин.

– А раз оно изменчиво, мучительно, подвержено превратностям, разумно ли считать: "Это моё, я являюсь этим, это является мной"?

– Конечно, нет, господин.

– Так видя, Рахула, обученный благородный ученик пресыщается глазом, пресыщается видимой формой, пресыщается сознанием глаза, пресыщается контактом глаза, пресыщается тем, что возникает на основе контакта глаза, относящимся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям.

Он пресыщается ухом, пресыщается звуком, пресыщается сознанием уха, пресыщается контактом уха, пресыщается тем, что возникает на основе контакта уха, относящимся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям.

Он пресыщается носом, пресыщается запахом, пресыщается сознанием носа, пресыщается контактом носа, пресыщается тем, что возникает на основе контакта носа, относящимся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям.

Он пресыщается языком, пресыщается вкусом, пресыщается сознанием языка, пресыщается контактом языка, пресыщается тем, что возникает на основе контакта языка, относящимся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям.

Он пресыщается телом, пресыщается прикосновением, пресыщается сознанием тела, пресыщается контактом тела, пресыщается тем, что возникает на основе контакта тела, относящимся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям.

Он пресыщается интеллектом, пресыщается идеей, пресыщается сознанием интеллекта, пресыщается контактом интеллекта, пресыщается тем, что возникает на основе контакта интеллекта, относящимся к чувствам, восприятиям, намерениям или сознаниям.

Пресыщенный, он становится бесстрастным, благодаря бесстрастию освобождается. Освободившись, он знает: "Освобожден". Он познает: "Прекращено перерождение, доведена до совершенства праведная жизнь, выполнено подлежащее выполнению, больше не последует здешнее существование".

Так сказал Благословенный. Радостный, Рахула восхитился сказанному Благословенным. А во время изложения этого разъяснения ум почтенного Рахулы, не испытывая привязанности, освободился от влечений. И у тех

многих тысяч божеств возникло безупречное, незапятнанное Око Дхаммы: "Всё, что подвержено возникновению, подвержено прекращению".

Маджджхима Никая 148

Чхачхакка сутта

Шесть шестерок

Перевод с пали Д. А. Ивахненко

Так я слышал: однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в лесу Джеты, в парке Анатхапиндики. И вот Благословенный обратился там к монахам:

– Монахи!

– Господин! – ответили ему монахи.

Благословенный сказал:

– Монахи, я преподам вам учение, прекрасное в начале, прекрасное в середине, прекрасное в конце, и дух его, и букву, разьясню вам выполненную в совершенстве чистую праведную жизнь, а именно "шесть шестерок".

Слушайте внимательно: я буду говорить.

– Да, господин! – ответили ему монахи.

Благословенный сказал:

– Следует познать шесть внутренних сфер,

следует познать шесть внешних сфер,

следует познать шесть видов сознания,

следует познать шесть разновидностей

впечатления,

следует познать шесть разновидностей чувства, следует познать шесть разновидностей жажды.

– Сказано: "Следует познать шесть внутренних сфер". В отношении чего так сказано?

Сфера глаза,

сфера уха,

сфера носа,

сфера языка,

сфера тела,

сфера интеллекта,

– вот в отношении чего сказано: "Следует познать шесть внутренних сфер". Такова первая шестерка.

– Сказано: "Следует познать шесть внешних сфер". В отношении чего так сказано?

Сфера видимых форм,

сфера звуков,

сфера запахов,

сфера вкусов,

сфера тактильных ощущений,

сфера идей,

– вот в отношении чего сказано: "Следует познать шесть внешних сфер". Такова вторая шестерка.

– Сказано: "Следует познать шесть разновидностей сознания". В отношении чего так сказано?

При условии глаза и видимых форм возникает сознание глаза,

при условии уха и звуков возникает сознание уха,

при условии носа и запахов возникает сознание носа,

при условии языка и вкусов возникает сознание языка,

при условии тела и тактильных ощущений возникает сознание тела,

при условии интеллекта и идей возникает сознание интеллекта,

– вот в отношении чего сказано "Следует познать шесть разновидностей сознания". Такова третья шестерка.

– Сказано: "Следует познать шесть разновидностей впечатления". В отношении чего так сказано?

Если кто-то говорит: "Я – жажда", это не соответствует действительности. Можно распознать возникновение и исчезновение жажды. Поскольку можно распознать возникновение и исчезновение жажды, то у него получается, что: "Моё "Я" возникает и исчезает". Поэтому, если кто-то говорит: "Я – жажда", это не соответствует действительности. Таким образом, интеллект безличен, идеи безличны, сознание интеллекта безлично, впечатление интеллекта безлично, чувство безлично, жажда безлична.

[illegible]

– Вот, монахи, путь, ведущий к исчезновению самоотожествления, – рассматривать глаз как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать видимые формы как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать сознание глаза как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать впечатление глаза как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать чувство как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать жажду как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать ухо как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать звуки как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать сознание уха как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать впечатление уха как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать чувство как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать жажду как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать нос как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной"; рассматривать запахи как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";

рассматривать сознание носа как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать впечатление носа как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать чувство как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать жажду как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать язык как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать вкусы как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать сознание языка как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать впечатление языка как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать чувство как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать жажду как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать тело как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать тактильные ощущения как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать сознание тела как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать впечатление тела как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать чувство как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать жажду как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать интеллект как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать идеи как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать сознание интеллекта как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать впечатление интеллекта как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать чувство как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной";
 рассматривать жажду как: "Это не моё, я не являюсь этим, это не является мной".

Монахи, при условии глаза и видимых форм возникает сознание глаза, сочетание их трех – впечатление, при условии впечатления возникает то, что чувствуется как счастье, или страдание, или ни страдание, ни счастье. Кто, будучи под впечатлением чувства счастья, восторгается, приветствует это, погрязает в этом, – в том залегает предрасположенность к страсти. Кто, будучи под впечатлением чувства страдания, печалится, изнуруется, стонет, хлопает себя ладонью по груди, кричит, впадает в безрассудство, – в том залегает предрасположенность к возмущению. Кто, будучи под впечатлением чувства ни страдания, ни счастья, не распознает как есть возникновения, исчезновения, услады, недостатков и способа избавления от этого чувства, – в том залегает предрасположенность к неведению.

И, монахи, невозможно, чтобы тот, кто не оставил предрасположенность к страсти по отношению к чувству счастья, кто не рассеял предрасположенность к возмущению по отношению к чувству страдания, кто не упразднил предрасположенности к неведению по отношению к чувству ни страдания, ни счастья, не оставил неведения и не породил знания, уже в этой жизни положил конец страданию.

Монахи, при условии уха и звуков возникает сознание уха, сочетание их трех – впечатление, при условии впечатления возникает то, что чувствуется как счастье, или страдание, или ни страдание, ни счастье. Кто, будучи под впечатлением чувства счастья, восторгается, приветствует это, погрязает в этом, – в том залегает predisposition к страсти. Кто, будучи под впечатлением чувства страдания, печалится, изнуруется, стонет, хлопает себя ладонью по груди, кричит, впадает в безрассудство, – в том залегает predisposition к возмущению. Кто, будучи под впечатлением чувства ни страдания, ни счастья, не распознает как есть возникновения, исчезновения, улады, недостатков и способа избавления от этого чувства, – в том залегает predisposition к неведению.

И, монахи, невозможно, чтобы тот, кто не оставил предрасположенность к страсти по отношению к чувству счастья, кто не рассеял предрасположенность к возмущению по отношению к чувству страдания, кто не упразднил предрасположенности к неведению по отношению к чувству ни страдания, ни счастья, не оставил неведения и не породил знания, уже в этой жизни положил конец страданию.

Монахи, при условии носа и запахов возникает сознание носа, сочетание их трех – впечатление, при условии впечатления возникает то, что чувствуется как счастье, или страдание, или ни страдание, ни счастье. Кто, будучи под впечатлением чувства счастья, восторгается, приветствует это, погрязает в этом, – в том залегает предрасположенность к страсти. Кто, будучи под впечатлением чувства страдания, печалится, изнуруется, стенает, хлопает себя ладонью по груди, кричит, впадает в безрассудство, – в том залегает предрасположенность к возмущению. Кто, будучи под впечатлением чувства ни страдания, ни счастья, не распознает как есть возникновения, исчезновения, услады, недостатков и способа избавления от этого чувства, – в том залегает предрасположенность к неведению.

И, монахи, невозможно, чтобы тот, кто не оставил предрасположенность к страсти по отношению к чувству

залегают предрасположенность к возмущению. Кто, будучи под впечатлением чувства ни страдания, ни счастья, распознает как есть возникновение, исчезновение, усладу, недостатки и способ избавления от этого чувства, – в том не залегают предрасположенность к неведению.

И, монахи, возможно, что тот, кто оставил предрасположенность к страсти по отношению к чувству счастья, кто рассеял предрасположенность к возмущению по отношению к чувству страдания, кто упразднил предрасположенность к неведению по отношению к чувству ни страдания, ни счастья, оставил неведение и породил знание, уже в этой жизни положит конец страданию.

Монахи, видящий это образованный благородный ученик

пресыщается глазом,

пресыщается видимыми формами,

пресыщается сознанием глаза,

пресыщается впечатлением глаза,

пресыщается чувством,

пресыщается жаждой.

Пресыщается ухом,

пресыщается звуками,

пресыщается сознанием уха,

пресыщается впечатлением уха,

пресыщается чувством,

пресыщается жаждой.

Пресыщается носом,

пресыщается запахами,

пресыщается сознанием носа,

пресыщается впечатлением носа,

пресыщается чувством,

пресыщается жаждой.

Пресыщается языком,

пресыщается вкусами,

пресыщается сознанием языка,

пресыщается впечатлением языка,

пресыщается чувством,

пресыщается жаждой.

Пресыщается телом,

пресыщается тактильными ощущениями,

пресыщается сознанием тела,

пресыщается впечатлением тела,

пресыщается чувством,

пресыщается жаждой.

Пресыщается интеллектом,

пресыщается идеями,

пресыщается сознанием интеллекта,

пресыщается впечатлением интеллекта,

пресыщается чувством,

пресыщается жаждой.

Пресыщенный, он становится бесстрастен. Бесстрастный, он освобождается. Освобожденный, он знает, что освобожден. Он распознает: "Исчерпано перерождение, доведена до совершенства праведная жизнь, сделано то, что надлежало сделать, больше не последует здешнее существование".

Так сказал Благословенный. Радостные, монахи восхитились сказанному им. И в то время, как излагалось это разъяснение, умы шестидесяти монахов, избавившись от влечений, освободились.

Закончена сутта "Шесть шестерок"

Маджджхима Никая 152

Индриябхавана сутта

Сутта о развитии чувств

(Перевод с пали и предисловие Д.А. Ивахненко)

Предисловие переводчика

Перед Вами сутта, в которой Будда раскрывает одну из ключевых граней практики, – развитие чувств. Эта грань вкратце освещена в разделе Сатипаттхана сутты, посвященном сферам чувств. Здесь она объяснена в деталях. Благодаря повторениям в тексте эту сутту можно применять при чтении, для работы со всеми каналами восприятия.

Эта работа построена по последовательности семи факторов Пробуждения: первым идет фактор "памятования" (сати), то есть практикующий распознает происходящее в определенном классе процессов и обозначает его, в данном случае, – возникшую приязнь, неприязнь или их смесь по отношению к полученному впечатлению. Вторым идет фактор "различения умственных качеств" (дхамма-вичая), то есть практикующий соотносит распознанное со шкалой от нежелательного до желательного, в данном случае от "конструированного, грубого, обусловленно-возникшего" до "умиротворенного и возвышенного", и различает неумелые и умелые качества. Третьим идет фактор "усердия" (вирия), то есть практикующий стыдится неумелых качеств и прилагает усилия по зарождению и развитию умелых качеств, уменьшению и предотвращению неумелых, перенастраивая соответствующим образом свое внимание. Развитие четвертого, пятого и шестого факторов, связанных с медитативным погружением (джхана) и сосредоточением (самадхи), в данной сутте не описано. Седьмым идет фактор "безмятежного наблюдения" (упеккха), то есть практикующий перестает машинально реагировать на стимулы, и безмятежно наблюдает их.

Для того, у кого чувства еще не развиты, изменять качества восприятия трудно, а для человека с развитыми чувствами это настолько же легко, как моргнуть или щелкнуть пальцами. Начинающие могут выбирать предмет восприятия, способный вызывать приязнь, неприязнь или нейтральную реакцию (см. Салаятана-вибханга сутту), и многократно отслеживать реакцию на этот предмет, добиваясь того, чтобы вызывающие страсть (рага) предметы не вызывали страсти, вызывающие злобу (доса) предметы не вызывали злости, а вызывающие заблуждение (моха) предметы не вызывали заблуждения (см. Тикандаки сутту АН 3.169). При этом можно отслеживать реакции и на идеи, вспоминая их, читая или воспринимая на слух. При использовании некоторых предметов, например, основных цветов или контакта с воздухом, можно благодаря раз-распознаванию достичь медитативного погружения (джхана). Со временем способность управлять качествами восприятия улучшается. А достигшие Архатства способны произвольно управлять восприятием, сохраняя по желанию избирательное распознавание (саннья) привлекательного, непривлекательного, или безмятежное наблюдение по отношению к предметам восприятия. Из всех сверхспособностей (иддхи), включая парение в воздухе и хождение по воде, именно эта способность произвольного управления избирательным распознаванием названа в Сампасадания сутте (ДН 28) "Благородной сверхспособностью" (ария-иддхи).

Согласно Патисамбхидамге (2.212), практикующий достигает избирательного распознавания привлекательного, настраиваясь на дружелюбие (метта) или на созерцание агрегатных состояний (дхату). Избирательное распознавание непривлекательного может быть достигнута благодаря настройке на отсутствие привлекательности (асубха) или изменчивость (аничча).

Так я слышал: однажды Благословенный пребывал в Гаджангале, в бамбуковом лесу. И вот юноша Уттара, ученик Парасивии, подошел к Благословенному; подойдя, он поздоровался. Поздоровавшись, обменявшись любезностями, он сел сбоку. И севшему сбоку юноше Утаре, ученику Парасивии, Благословенный сказал так:

– Обучает ли, Уттара, брахман Парасивия учеников развитию чувств?

– Да, господин Готама, брахман Парасивия обучает учеников развитию чувств.

– И как же, Уттара, брахман Парасивия обучает учеников развитию чувств?

– При этом, господин Готама, не видишь глазом видимых форм, не слышишь ухом звуков, – вот как, досточтимый Готама, брахман Парасивия обучает учеников развитию чувств.

– В таком случае, Уттара, в соответствии со словами брахмана Парасивии, у слепого были бы развиты чувства, у

глухого были бы развиты чувства. Ведь слепой, Уттара, не видит глазом видимых форм, а глухой не слышит ухом звуков.

При таких словах юноша Уттара, ученик Парасивии, замолк, смутился, поник плечами, опустил голову, опечаленный, и сидел, не зная, что ответить.

И увидев это, Благословенный обратился к досточтимому Ананде:

– Одно дело то, как брахман Парасивия обучает учеников развитию чувств, а другое, – как по Кодексу Благородных происходит несравненное развитие чувств.

– Сейчас, Благословенный, подходящее время, сейчас, Достигший Блага, подходящий случай для того, чтобы Благословенный обучил несравненному развитию чувств по Кодексу Благородных. Услышав от Благословенного, монахи запомнят это.

– Тогда слушай внимательно, Ананда; я расскажу.

– Да, досточтимый, – ответил Ананда.

Благословенный сказал:

– Каким же образом, Ананда, происходит несравненное развитие чувств по Кодексу Благородных?

При этом, Ананда, у монаха, когда он видит глазом форму, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он распознает это так: "Вот возникшая у меня приязнь, вот возникшая неприязнь, вот возникшая приязнь вместе с неприязнью. И это конструированное, грубое, обусловленно-возникшее. Вот что умиротворенное, вот что возвышенное, – безмятежное наблюдение". У него прекращается та возникшая приязнь, та возникшая неприязнь, та возникшая приязнь вместе с неприязнью. Подобно тому, Ананда, как имеющий глаза человек, открыв глаза, может их закрыть, или закрыв глаза, может их открыть, – аналогично, Ананда, настолько же быстро, скоро и легко какая угодно возникшая приязнь, или возникшая неприязнь, или возникшая приязнь вместе с неприязнью, прекращается, и устанавливается безмятежное наблюдение. Вот что, Ананда, называется по Кодексу Благородных несравненным развитием чувств по отношению к видимым формам, сознаваемым глазом.

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он слышит ухом звук, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он распознает это так: "Вот возникшая у меня приязнь, вот возникшая неприязнь, вот возникшая приязнь вместе с неприязнью. И это конструированное, грубое, обусловленно-возникшее. Вот что умиротворенное, вот что возвышенное, – безмятежное наблюдение". У него прекращается та возникшая приязнь, та возникшая неприязнь, та возникшая приязнь вместе с неприязнью. Подобно тому, Ананда, как сильный человек может без труда щелкнуть пальцами, – аналогично, Ананда, настолько же быстро, скоро и легко какая угодно возникшая приязнь, или возникшая неприязнь, или возникшая приязнь вместе с неприязнью, прекращается, и устанавливается безмятежное наблюдение. Вот что, Ананда, называется по Кодексу Благородных несравненным развитием чувств по отношению к звукам, слышимым ухом.

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он обоняет носом запах, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он распознает это так: "Вот возникшая у меня приязнь, вот возникшая неприязнь, вот возникшая приязнь вместе с неприязнью. И это конструированное, грубое, обусловленно-возникшее. Вот что умиротворенное, вот что возвышенное, – безмятежное наблюдение". У него прекращается та возникшая приязнь, та возникшая неприязнь, та возникшая приязнь вместе с неприязнью. Подобно тому, Ананда, как со слегка наклоненного листа лотоса скатываются, не оставаясь, капли воды, – аналогично, Ананда, настолько же быстро, скоро и легко какая угодно возникшая приязнь, или возникшая неприязнь, или возникшая приязнь вместе с неприязнью, прекращается, и устанавливается безмятежное наблюдение. Вот что, Ананда, называется по Кодексу Благородных несравненным развитием чувств по отношению к запахам, обоняемым носом.

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он чувствует языком вкус, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он распознает это так: "Вот возникшая у меня приязнь, вот возникшая неприязнь, вот возникшая приязнь вместе с неприязнью. И это конструированное, грубое, обусловленно-возникшее. Вот что умиротворенное, вот что возвышенное, – безмятежное наблюдение". У него прекращается та возникшая приязнь, та возникшая неприязнь, та возникшая приязнь вместе с неприязнью. Подобно тому, Ананда, как сильный человек может, скопив на кончике языка шарик слюны, без труда выплюнуть его, – аналогично,

Ананда, настолько же быстро, скоро и легко какая угодно возникшая приязнь, или возникшая неприязнь, или возникшая приязнь вместе с неприязнью, прекращается, и устанавливается безмятежное наблюдение. Вот что, Ананда, называется по Кодексу Благородных несравненным развитием чувств по отношению к вкусам, чувствуемым языком.

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он чувствует телом тактильное ощущение, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он распознает это так: "Вот возникшая у меня приязнь, вот возникшая неприязнь, вот возникшая приязнь вместе с неприязнью. И это конструированное, грубое, обусловленно-возникшее. Вот что умиротворенное, вот что возвышенное, – безмятежное наблюдение". У него прекращается та возникшая приязнь, та возникшая неприязнь, та возникшая приязнь вместе с неприязнью. Подобно тому, Ананда, как сильный человек может вытянуть вперед согнутую руку, или согнуть вытянутую, – аналогично, Ананда, настолько же быстро, скоро и легко какая угодно возникшая приязнь, или возникшая неприязнь, или возникшая приязнь вместе с неприязнью, прекращается, и устанавливается безмятежное наблюдение. Вот что, Ананда, называется по Кодексу Благородных несравненным развитием чувств по отношению к тактильным ощущениям, чувствуемым телом.

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он сознает интеллектом идею, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он распознает это так: "Вот возникшая у меня приязнь, вот возникшая неприязнь, вот возникшая приязнь вместе с неприязнью. И это конструированное, грубое, обусловленно-возникшее. Вот что умиротворенное, вот что возвышенное, – безмятежное наблюдение". У него прекращается та возникшая приязнь, та возникшая неприязнь, та возникшая приязнь вместе с неприязнью. Подобно тому, Ананда, как если бы сильный человек бросил бы на раскаленную за день железную сковородку две-три капли воды. Медленно, Ананда, упали бы эти капли, но мгновенно исчезли бы и израсходовались, – аналогично, Ананда, настолько же быстро, скоро и легко какая угодно возникшая приязнь, или возникшая неприязнь, или возникшая приязнь вместе с неприязнью, прекращается, и устанавливается безмятежное наблюдение. Вот что, Ананда, называется по Кодексу Благородных несравненным развитием чувств по отношению к идеям, сознаваемым интеллектом.

Вот как, Ананда, происходит несравненное развитие чувств по Кодексу Благородных.

И каким образом, Ананда, ведет себя учащийся, вступивший на Путь?

При этом, Ананда, у монаха, когда он видит глазом форму, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он расстраивается, стыдится и смущается возникшей приязни, возникшей неприязни, возникшей приязни вместе с неприязнью.

Когда он слышит ухом звук, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он расстраивается, стыдится и смущается возникшей приязни, возникшей неприязни, возникшей приязни вместе с неприязнью.

Когда он обоняет носом запах, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он расстраивается, стыдится и смущается возникшей приязни, возникшей неприязни, возникшей приязни вместе с неприязнью.

Когда он чувствует языком вкус, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он расстраивается, стыдится и смущается возникшей приязни, возникшей неприязни, возникшей приязни вместе с неприязнью.

Когда он чувствует телом тактильное ощущение, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он расстраивается, стыдится и смущается возникшей приязни, возникшей неприязни, возникшей приязни вместе с неприязнью.

Когда он сознает интеллектом идею, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью. Он расстраивается, стыдится и смущается возникшей приязни, возникшей неприязни, возникшей приязни вместе с неприязнью.

Вот каким образом, Ананда, ведет себя учащийся, вступивший на Путь.

А каким образом, Ананда, ведет себя Благородный с развитыми чувствами?

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он чувствует языком вкус, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью.

Он, если пожелает: "Буду сохранять распознавание привлекательного по отношению к непривлекательному", сохраняет распознавание привлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание непривлекательного по отношению к привлекательному", сохраняет распознавание непривлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание привлекательного по отношению к непривлекательному и привлекательному", сохраняет распознавание привлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание непривлекательного по отношению к привлекательному и непривлекательному", сохраняет распознавание непривлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Отбросив как непривлекательное, так и привлекательное, буду сохранять безмятежное наблюдение, памятование и осознанность", сохраняет безмятежное наблюдение, памятование и осознанность по отношению к этому.

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он чувствует телом тактильное ощущение, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью.

Он, если пожелает: "Буду сохранять распознавание привлекательного по отношению к непривлекательному", сохраняет распознавание привлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание непривлекательного по отношению к привлекательному", сохраняет распознавание непривлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание привлекательного по отношению к непривлекательному и привлекательному", сохраняет распознавание привлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание непривлекательного по отношению к привлекательному и непривлекательному", сохраняет распознавание непривлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Отбросив как непривлекательное, так и привлекательное, буду сохранять безмятежное наблюдение, памятование и осознанность", сохраняет безмятежное наблюдение, памятование и осознанность по отношению к этому.

Кроме того, Ананда, у монаха, когда он сознает интеллектом идею, возникает приязнь, возникает неприязнь, возникает приязнь вместе с неприязнью.

Он, если пожелает: "Буду сохранять распознавание привлекательного по отношению к непривлекательному", сохраняет распознавание привлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание непривлекательного по отношению к привлекательному", сохраняет распознавание непривлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание привлекательного по отношению к непривлекательному и привлекательному", сохраняет распознавание привлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Буду сохранять распознавание непривлекательного по отношению к привлекательному и непривлекательному", сохраняет распознавание непривлекательного по отношению к этому.

Если пожелает: "Отбросив как непривлекательное, так и привлекательное, буду сохранять безмятежное наблюдение, памятование и осознанность", сохраняет безмятежное наблюдение, памятование и осознанность по отношению к этому.

Вот каким образом, Ананда, ведет себя Благородный с развитыми чувствами.

Итак, Ананда, преподано мной несравненное развитие чувств по Кодексу Благородных, преподано поведение учащегося, вступившего на Путь, преподано поведение Благородного с развитыми чувствами. Что должен был сделать сострадательный учитель, желающий добра ученикам, из сочувствия к ним, – то я сделал для вас. Вот, Ананда, подножия деревьев, вот пустующие дома. Созерцайте, Ананда, не будьте беспечны, чтобы вы потом не

пожалели об этом. Таков вам наш наказ.

Так сказал Благословенный. Удовлетворенный, Ананда восхитился сказанным Благословенным.

Мадджхима Никая 20

Витаккасантхана сутта

Расслабление мыслей

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Так я слышал.

Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в роще Джеты, монастыре Анатхапиндики. Там он обратился к монахам:

– Монахи!

– Да, господин, – ответили монахи.

Благословенный сказал:

– Когда монах намеревается привести ум в более высокое состояние, есть пять видов перцептивных образов (нимитта), на которые он должен обращать внимание в соответствующих случаях. Какие именно пять?

Бывает, что порочные, неумелые мысли – связанные с желанием, отвращением, или заблуждением – возникают у монаха, в то время как он рассматривает и обращает внимание на какой-то перцептивный образ (нимитта). Он должен обратить внимание на другой перцептивный образ, помимо этого, связанный с тем, что умело. Когда он обращает внимание на этот другой перцептивный образ ..., порочные, неумелые мысли ... отбрасываются и стихают. С их уходом, он уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его. Точно так же, как умелый плотник или его ученик использовал бы маленький клин, чтобы выбить, вытащить, и вынуть большой; аналогично ... он уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его.

Если порочные, неумелые мысли – связанные с желанием, отвращением, или заблуждением – все еще возникают у монаха, в то время как он обращает внимание на этот другой перцептивный образ, связанный с тем, что умело, он должен тщательно исследовать недостатки этих мыслей: "Действительно, эти мои мысли – неумелы ... заслуживают порицания ... эти мои мысли приводят к страданию". И когда он тщательно исследует их недостатки ..., порочные, неумелые мысли ... отбрасываются и стихают. С их уходом, он уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его. Точно также, как молодая женщина – или молодой человек – любящие украшения, пришли бы в ужас, были бы оскорблены, и испытали бы отвращение, если скелет змеи, собаки или человека был бы повешен им на шею; таким же образом ... монах уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его.

Если порочные, неумелые мысли – связанные с желанием, отвращением или заблуждением – все еще возникают у монаха, в то время как он тщательно исследует недостатки таких мыслей, он не должен занимать ими свой ум и не уделять никакого внимания таким мыслям. Поскольку он не занимает ими свой ум и не уделяет им никакого внимания ... эти порочные, неумелые мысли отбрасываются и стихают. С их уходом, он уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его. Точно также, как человек с хорошим зрением, не желая видеть формы, которые вошли в его поле зрения, закрывает глаза или смотрит в сторону; аналогично ... монах уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его.

Если порочные, неумелые мысли – связанные с желанием, отвращением или заблуждением – все еще возникают у монаха, в то время как он не занимает ими свой ум и не уделяет им никакого внимания, он должен обратить внимание на расслабление мысле-конструирования, связанного с такими мыслями. И когда он обращает внимание на расслабление мысле-конструирования, связанного с такими мыслями, ... эти порочные, неумелые мысли отбрасываются и стихают. С их уходом, он уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его. Точно так же, как к быстро идущему человеку приходит мысль: "Почему я иду быстро? Почему бы мне не идти медленно?", и он начинает идти медленно. К нему приходит мысль: "Почему я иду медленно? Почему бы мне не стоять?", так что он останавливается. К нему приходит мысль: "Почему я стою? Почему бы мне не сесть?", так что он садится. К нему приходит мысль: "Почему я сижу? Почему бы мне не лечь?", так что он ложится. Таким образом, он переходит из более грубой позы в более тонкую. Аналогично ... монах уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его.

Если порочные, неумелые мысли – связанные с желанием, отвращением или заблуждением – все еще возникают

у монаха, в то время как он обращает внимание на расслабление мысле-конструирования (санкхара), связанного с такими мыслями, то - стиснув зубы и прижав язык к нёбу – он сдавливает, сдерживает, и сминает свой ум с помощью своего осознания. Когда, стиснув зубы и прижав язык к нёбу – он сдавливает, сдерживает, и сминает свой ум с помощью своего осознания ... эти порочные, неумелые мысли отбрасываются и стихают. С их уходом, он уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его. Точно так же, как сильный человек, схватив более слабого человека за голову, горло или плечи, сдавливает, сдерживает и сминает его; аналогично ... монах уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его.

И вот когда монах ... обращая внимание на другой перцептивный образ ... тщательно исследуя недостатки таких мыслей ... не занимая ум и не уделяя никакого внимания таким мыслям ... обращая внимание на расслабление мысле-конструирования, связанного с такими мыслями ... сдавливая, сдерживая и сминая ум с помощью своего осознания ... уравнивает свой ум изнутри, успокаивает его, объединяет его, и сосредотачивает его: тогда его называют монахом, владеющим мастерством цепочек мысли. Он думает ту мысль, которую хочет, и не думает ту мысль, которую не хочет. Он отсекает пристрастие (танха), отбросил оковы (санйоджана), и с помощью правильного проникновения в суть самомнения, – положил конец страданию.

Так сказал Благословенный. Радостные сердцем, монахи восхитились его словам.

Мадджхима Никая 22

Алагагадупама сутта

Притча о змее (фрагмент)

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
на основе перевода с пали Тханиссаро Бхикху)

-- Монахи, я покажу вам, в чем Дхарма похожа на плот, служа для цели пересечения, а не для удерживания. Слушайте и обращайтесь внимание на то, что я скажу:

Предположим, что человек, идя по дороге, пришел к широкой глади воды, ближний берег которой ненадежен и опасен, а дальний берег надежен и безопасен, но нет паромов или моста с этого берега на другой. К нему может прийти мысль: "Вот эта широкая гладь воды, ближний берег которой ненадежен и опасен, а дальний берег надежен и безопасен, но нет паромов или моста с этого берега на другой. Что, если я соберу траву, хворост, ветки и листья, и связав их вместе в плот, с помощью плота, прилагая усилия руками и ногами, безопасно переберусь на дальний берег". И тогда этот человек, собрав траву, хворост, ветки, и листья, и связав их вместе в плот, с помощью плота, прилагая усилия руками и ногами, безопасно переберется на дальний берег. Когда он переберется на дальний берег, он может подумать так: "Как мне пригодился этот плот! Ведь с его помощью я, прилагая усилия руками и ногами, безопасно перебрался на дальний берег. Что, если я подниму его себе на голову или нагужу на спину, и тогда пойду туда, куда хочу". Монахи, как вы думаете? Сделав так, сделает ли этот человек то, что нужно сделать с этим плотом?

-- Нет, господин.

-- А как ему поступить, чтобы сделать то, что нужно, с этим плотом? При этом, монахи, человек, перебравшись на дальний берег, может подумать так: "Как мне пригодился этот плот! Ведь с его помощью я, прилагая усилия руками и ногами, безопасно перебрался на дальний берег. Что, если я вытяну его на сушу или отпущу его плавать по воде, а затем пойду туда, куда хочу". И поступив так, этот человек сделает то, что нужно сделать с плотом. Этим самым, монахи, я показал вам, в чем Дхарма похожа на плот, служа для цели пересечения, а не для удерживания. Монахи, зная, что Дхарма похожа на плот, оставляйте даже (умелые) качества (дхаммы), не говоря уже об остальных.

Мадджхима Никая 61

Амбалаттхирахуловада сутта

Советы Рахуле в Амбалаттхике

(Перевод с английского и пали Д.А. Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Я слышал, что однажды Благословенный жил в Раджагахе, в Бамбуковой роще, Беличем заповеднике. В то время досточтимый Рахула [1] жил в Амбалаттхике (Манговой Косточке). Тогда Благословенный, выйдя из послеполуденного уединения, пошел в то место, где досточтимый Рахула жил в Амбалаттхике. Почтенный Рахула издали увидел его приближение, и увидев его, подготовил сидение и воду для обмывания ног. Благословенный сел на подготовленное сидение, и сев, омыл свои ноги. Почтенный Рахула, поклонившись Благословенному, сел рядом.

Тогда Благословенный, у которого в ковшике осталось немного воды, сказал досточтимому Рахуле:

– Рахула, ты видишь этот небольшой остаток воды в ковшике?

– Да, господин.

– Вот так мало от аскета (самана) остается в том, кто без стыда говорит умышленную ложь.

Вылив небольшой остаток воды, Благословенный сказал досточтимому Рахуле:

– Рахула, ты видишь, как вылился этот небольшой остаток воды?

– Да, господин.

– Все, что осталось от аскета в том, кто без стыда говорит умышленную ложь, выливается точно так же.

Перевернув ковшик вверх дном, Благословенный сказал досточтимому Рахуле:

– Рахула, ты видишь, как этот ковшик для воды перевернулся вверх дном?

– Да, господин.

– Все, что остается от аскета в том, кто без стыда говорит умышленную ложь, переворачивается точно так же.

Перевернув ковшик для воды вверх дном, Благословенный сказал досточтимому Рахуле:

– Рахула, ты видишь, насколько пуст и опорожнен этот ковшик для воды?

– Да, господин.

– Все, что остается от аскета в том, кто без стыда говорит умышленную ложь, настолько же пусто и опорожнено.

Рахула, это похоже на царского слона: огромный, породистый, привыкший к битвам, с бивнями, как дышла колесницы. Войдя в битву, он использует свои передние ноги и задние ноги, свой перед и зад, свою голову, уши, бивни и хвост, но просто отводит свой хобот. Дрессировщик слонов замечает это и думает: "Этот царский слон не посвятил свою жизнь царю". Но когда царский слон ... войдя в битву, использует свои передние ноги и задние ноги, свой перед и зад, свою голову, уши, бивни, хвост и хобот, дрессировщик замечает это и думает: "Этот царский слон посвятил свою жизнь царю. Нет ничего, чего бы он бы не сделал".

То же относится к тому, кто без стыда говорит умышленную ложь: нет ничего плохого, я говорю тебе, чего он не сделает. Поэтому, Рахула, ты должен тренировать себя: "Я не скажу умышленной лжи даже в шутку".

– Как ты думаешь, Рахула, для чего нужно зеркало?

– Для отражения (рефлексии), господин.

– Аналогично, Рахула, действия тела, действия речи, и действия интеллекта (мано) нужно выполнять, снова и снова рефлексирова.

Когда ты хочешь выполнить телесное действие, тебе нужно рефлексировать: "Это телесное действие, которое я хочу выполнить – причинит ли оно вред мне самому, вред другим, или и мне, и другим? Может, это неумелое телесное действие, с болезненными последствиями, болезненными результатами?" Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причинило бы вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; что это было бы неумелое телесное действие с болезненными последствиями, болезненными результатами, то любое такое телесное действие совершенно не подобает тебе. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причинит вреда ... что это было бы умелое телесное действие со счастливыми последствиями, счастливыми результатами, то любое такое телесное действие подобает тебе.

Когда ты выполняешь телесное действие, тебе нужно рефлексировать: "Это телесное действие, которое я выполняю, – причиняет ли оно вред мне самому, вред другим, или и мне, и другим? Может, это неумелое телесное действие, с болезненными последствиями, болезненными результатами?" Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причиняет вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; ... то тебе нужно отказаться от него. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причиняет вреда ... то ты можешь продолжать его.

Когда ты выполнил телесное действие, тебе нужно рефлексировать: ... Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причинило вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; что это было неумелое телесное действие с болезненными последствиями, болезненными результатами, то тебе нужно признаться в нем, рассказать о нем, открыть его учителю или знающему товарищу по праведной жизни. Признавшись в нем ... ты должен воздерживаться от него в будущем. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причинило вреда ... что это было умелое телесное действие со счастливыми последствиями, счастливыми результатами, то ты должен оставаться умственно свежим и радостным, день и ночь тренируя умелые качества.

Когда ты хочешь выполнить речевое действие, тебе нужно рефлексировать: "Это речевое действие, которое я хочу выполнить – причинит ли оно вред мне самому, вред другим, или и мне, и другим? Может, это неумелое

речевое действие, с болезненными последствиями, болезненными результатами?" Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причинило бы вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; что это было бы неумелое речевое действие с болезненными последствиями, болезненными результатами, то любое такое речевое действие совершенно не подобает тебе. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причинит вреда ... что это было бы умелое речевое действие со счастливыми последствиями, счастливыми результатами, то любое такое речевое действие подобает тебе.

Когда ты выполняешь речевое действие, тебе нужно рефлексировать: "Это речевое действие, которое я выполняю, – причиняет ли оно вред мне самому, вред другим, или и мне, и другим? Может, это неумелое речевое действие, с болезненными последствиями, болезненными результатами?" Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причиняет вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; ... то тебе нужно отказаться от него. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причиняет вреда ... то ты можешь продолжать его.

Когда ты выполнил речевое действие, тебе нужно рефлексировать: ... Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причинило вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; что это было неумелое речевое действие с болезненными последствиями, болезненными результатами, то тебе нужно признаться в нем, рассказать о нем, открыть его учителю или знающему товарищу по праведной жизни. Признавшись в нем ... ты должен воздерживаться от него в будущем. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причинило вреда ... что это было умелое речевое действие со счастливыми последствиями, счастливыми результатами, то ты должен оставаться умственно свежим и радостным, день и ночь тренируя умелые качества.

Когда ты хочешь выполнить действие интеллекта, тебе нужно рефлексировать: "Это действие интеллекта, которое я хочу выполнить – причинит ли оно вред мне самому, вред другим, или и мне, и другим? Может, это неумелое действие интеллекта, с болезненными последствиями, болезненными результатами?" Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причинило бы вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; что это было бы неумелое действие интеллекта с болезненными последствиями, болезненными результатами, то любое такое действие интеллекта совершенно не подобает тебе. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причинит вреда ... это было бы умелое действие интеллекта со счастливыми последствиями, счастливыми результатами, то любое такое действие интеллекта подобает тебе.

Когда ты выполняешь действие интеллекта, тебе нужно рефлексировать: "Это действие интеллекта, которое я выполняю, – причиняет ли оно вред мне самому, вред другим, или и мне, и другим? Может, это неумелое действие интеллекта, с болезненными последствиями, болезненными результатами?" Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причиняет вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; ... то тебе нужно отказаться от него. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причиняет вреда ... то ты можешь продолжать его.

Когда ты выполнил действие интеллекта, тебе нужно рефлексировать: ... Если, после рефлексии, ты знаешь, что оно причинило вред тебе самому, вред другим, или и тебе, и другим; что это было неумелое действие интеллекта с болезненными последствиями, болезненными результатами, то тебе нужно испытывать огорчение, стыд и недовольство в связи с этим. Чувствуя огорчение ... ты должен воздерживаться от него в будущем. Но если после рефлексии ты знаешь, что оно не причинило вреда ... что это было умелое действие интеллекта со счастливыми последствиями, счастливыми результатами, то ты должен оставаться умственно свежим и радостным, день и ночь тренируя умелые качества.

Рахула, все те брахманы и аскеты (самана) в прошлом, которые очистили свои действия тела, действия речи, и действия интеллекта, сделали это с помощью именно такой многократной рефлексии по своим действиям тела, действиям речи, и действиям интеллекта.

Все те брахманы и аскеты в будущем, которые будут очищать свои действия тела, действия речи, и действия интеллекта, будут делать это с помощью именно такой многократной рефлексии по своим действиям тела, действиям речи, и действиям интеллекта.

Все те брахманы и аскеты настоящего, которые очищают свои действия тела, действия речи, и действия интеллекта, делают это с помощью именно такой многократной рефлексии по своим действиям тела, действиям речи, и действиям интеллекта.

Поэтому, Рахула, ты должен тренироваться так: "Снова и снова рефлексирую, я очищу действия тела, снова и снова рефлексирую, я очищу действия речи, снова и снова рефлексирую, я очищу действия интеллекта (мано)". Вот что сказал Благословенный. Радостный, досточтимый Рахула восхитился его словам.

Примечания

1. Рахула: сын Будды, которому в соответствии с Комментарием было семь лет, когда эта сутта была ему сказана. [Обратно]

Так я слышал. Однажды Благословенный (Будда) находился в роще Джеты – в монастыре Анатхапиндики. И вот тхере, сыну Малункьи, находившемуся в уединении, в сосредоточении, пришла в голову такая мысль:

"Есть вопросы из области мнений, которые Благословенный оставил без ответа, не разъяснил, отклонил: вечен мир или не вечен; имеет мир границу или не имеет; одно ли и тоже душа и тело, или тело – одно, а душа – другое; существует ли Татхагата после смерти или не существует; или ни существует, ни не существует. На все это Благословенный не отвечал. И не нравится это мне, не устраивает это меня, что Благословенный не отвечает на эти вопросы. Пойду-ка я к Благословенному и спрошу об этом. Если Бхагаван ответит мне на них, то буду я учиться у Благословенного брахманскому житию. А если не ответит, то оставлю ученичество и вернусь к худшему".

И вот к вечеру достопочтенный сын Малункьи вышел из сосредоточения, пришел к Благословенному, приветствовал и сел возле. И сидя возле Благословенного, достопочтенный сын Малункьи рассказал ему, о чем думал в уединении. "Если Благословенный знает ответы на эти вопросы, то пусть он их мне скажет. А если не знает, то что же? Для того, кто не знает, лучше будет и говорить прямо: не знаю, мол, не вижу".

"А говорил я разве тебе, сын Малункьи: пошли, мол, сын Малункьи, учись у меня брахманскому житию, а я тебе объясню: вечен мир или не вечен; имеет мир границу или не имеет; одно ли и тоже душа и тело, или тело – одно, а душа – другое; существует ли Татхагата после смерти или не существует; или ни существует, ни не существует".

"Не было этого, почтенный".

"Или, может, ты мне говорил: я, почтенный, стану учиться у Благословенного брахманскому житию, а Благословенный мне объяснит: вечен мир или не вечен; имеет мир границу или не имеет; одно ли и тоже душа и тело, или тело – одно, а душа – другое; существует ли Татхагата после смерти или не существует; или ни существует, ни не существует".

"Не было, почтенный".

"Итак, ты согласен, сын Малункьи, что ни я тебе не говорил об этом, ни ты мне не говорил об этом. А если так, никчемный ты человек, с чего ты вздумал оставлять ученичество?"

Представь, сын Малункьи, что кто-то скажет: "До тех пор не стану учиться у Благословенного брахманскому житию, пока Благословенный не объяснит мне: вечен мир или не вечен; имеет мир границу или не имеет; одно ли и тоже душа и тело, или тело – одно, а душа – другое; существует ли Татхагата после смерти или не существует; или ни существует, ни не существует". Не успеет Татхагата объяснить ему это, как человек этот умрет.

Представь, сын Малункьи, что человека ранило пропитанной ядом стрелой и друзья-знакомые, кровные родственники привели к нему врача, хирурга. А человек этот скажет: "Не дам я до тех пор вынуть эту стрелу, пока не узнаю, что за человек меня ранил: кшатрий ли он, брахман ли, вайшья ли, шудра ли; пока не узнаю как его имя, кто он родом, пока не узнаю, чернокожий ли он, смуглокожий ли или с кожей золотистого цвета; пока не узнаю, из какого меня ранили лука – простого или самострела; пока не узнаю, что за тетива на луке – из дерева ли арка, тростниковая ли, пеньковая ли, жильная ли, из молочайного ли дерева; пока не узнаю, какое у стрелы древко – вставное или накладное; пока не узнаю, что за оперение у стрелы – из перьев ли коршуна, или цапли, или сокола, или павлина, или мягкоклювой птицы; пока не узнаю какой жилой оно примотано – воловьей ли, буйволиной ли, оленьей ли, обезьяньей ли; пока не узнаю, что за наконечник – игольный ли, бритвенный ли, расплющенный ли, каленный ли, "телячий зуб" ли, "олеандровый лист" ли. Не успеет человек все это узнать, как умрет он.

Вот так же, сын Малункьи, и с этими вопросами: не успеет Татхагата все это объяснить, как человек умрет.

Какое бы мнение ни было, сын Малункьи: вечен мир или не вечен; имеет мир границу или не имеет; одно ли и тоже душа и тело, или тело – одно, а душа – другое; существует ли Татхагата после смерти или не существует; или ни существует, ни не существует, а брахманское житие остается. Какое бы мнение ни было, сын Малункьи: вечен мир или не вечен; имеет мир границу или не имеет; одно ли и тоже душа и тело, или тело – одно, а душа – другое; существует ли Татхагата после смерти или не существует; или ни существует, ни не существует – есть рождение, есть старость, есть смерть, есть печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние, и их уничтожение, очевидное уже в этой жизни, я и указую.

Потому, сын Малункьи, не разъясненное и знайте как неразъясненное, разъясненное мною знайте как разъясненное. Вот что, сын Малункьи, мной не разъяснено: вечен мир или не вечен; имеет мир границу или не имеет; одно ли и тоже душа и тело, или тело – одно, а душа – другое; существует ли Татхагата после смерти или не существует; или ни существует, ни не существует.

Почему, сын Малункьи, это мной не разъяснено? В этом нет смысла, это не служит брахманскому житию, отвращению, бесстрастию, пресечению, умировотворению, постижению, просветлению, успокоению, потому это

мною не разъяснено. А вот что, сын Малунки, мною разъяснено: вот страдание, вот причина страдания, вот прекращение страдания, вот путь ведущий к прекращению страдания.

Почему, сын Малунки, это мною разъяснено? В этом есть смысл, это служит брахманскому житию, отвращению, бесстрастию, пресечению, умиротворению, постижению, просветлению, успокоению, потому это разъяснено. Потому, сын Малунки, не разъясненное и знайте как неразъясненное, разъясненное мною знайте как разъясненное".

Так сказал Благословенный. Достопочтенный сын Малунки восхищенно воспринял сказанное им.

Маджджхима Никая 67

Чатума сутта

Так я слышал. Однажды Бхагаван находился в Чатуме в миробалановом лесу. В то время пятьсот монахов, возглавляемые Сарипуттой и Моггаланой, как раз добрались до Чатумы, чтобы повидать Бхагавана. Местные монахи здоровались с пришлыми монахами, указывали им места ночлега, показывали им места, куда положить верхнюю одежду и миски, и все при этом очень шумели и галдели.

Тут Бхагаван окликнул Ананду: "Что за шум, что за галдеж, Ананда? Рыбаки, что ли, сеть вытащили?"

Ананда ответил: "Это пятьсот монахов пришли вместе с Сарипуттой и Моггаланой, для того, чтобы повидать Бхагавана".

Будда сказал: "Созови ко мне этих монахов, Ананда".

Когда монахи собрались, Бхагаван вновь спросил их: "Что за шум, что за галдеж? Рыбаки, что ли, сеть вытащили?"

Монахи объяснили: "Это пятьсот монахов пришли вместе с Шарипутрой и Моггаланой, для того, чтобы повидать Бхагавана".

Будда сказал: "Ступайте, монахи, я вас отпускаю. Вы не можете более жить при мне".

– "Да, почтенный", – отвечали эти монахи Бхагавану, встали, попрощались с Бхагаваном, обошли его с правой стороны, свернули постели, взяли верхнюю одежду и миски и ушли.

А в то время чатумские сакьи находились по какому-то своему делу в доме собраний. Увидели чатумские сакьи этих монахов издали еще; завидев их, они подошли к ним и спросили: "Куда же это вы идете, почтенные?"

– "Распустил Бхагаван общину монахов, любезные".

– "Да вы, почтенные, посидите здесь, вдруг нам удастся умиловить Бхагавана".

– "Да, любезные".

И чатумские сакьи направились к Бхагавану. Придя, они приветствовали Бхагавана и сели подле. И, сидя возле Бхагавана, чатумские сакьи сказали ему: "Почтенный! Пусть будет Бхагаван благосклонен к общине монахов, пусть наставляет Бхагаван общину монахов. Как прежде, почтенный, Бхагаван сердечно относился к общине монахов, так пусть и теперь Бхагаван сердечно относится к общине монахов. Ведь есть, почтенный, монахи, принявшие постриг недавно, только что пришедшие к этому учению-наставлению. Если не будут они видеть Бхагавана, переменятся они, захиреют. Как молодые всходы, не получая воды, переменятся и захиреют, так и те монахи переменятся и захиреют. Или как малый теленок, не видя матери, переменится и захиреет, так и те монахи переменятся и захиреют. Поэтому, почтенный, как прежде, почтенный, Бхагаван сердечно относился к общине монахов, так пусть и теперь Бхагаван сердечно относится к общине монахов".

А Брахма, владыка мира, узнав своею мыслью помышления Бхагавана, исчез из мира Брахмы и так же быстро, как сильный мужчина прямую руку согнет или согнутую выпрямит, внезапно появился перед Бхагаваном. Он обнажил правое плечо, почтительно сложил ладони и обратился к Бхагавану: "Почтенный! Пусть будет Бхагаван благосклонен к общине монахов, пусть наставляет Бхагаван общину монахов. Как прежде, почтенный, Бхагаван сердечно относился к общине монахов, так пусть и теперь Бхагаван сердечно относится к общине монахов. Ведь есть, почтенный, монахи, принявшие постриг недавно, только что пришедшие к этому учению-наставлению. Если не будут они видеть Бхагавана, переменятся они, захиреют. Как молодые всходы, не получая воды, переменятся и захиреют, так и те монахи переменятся и захиреют. Или как малый теленок, не видя матери, переменится и захиреет, так и те монахи переменятся и захиреют. Поэтому, почтенный, как прежде, почтенный, Бхагаван сердечно относился к общине монахов, так пусть и теперь Бхагаван сердечно относится к общине монахов".

И чатумским сакьям с Брахмой, владыкой мира, удалось умиловить Бхагавана притчами о всходах и малом теленке. Тут достопочтенный Моггала окликнул монахов: "Вставайте, любезные, берите свои верхние одежды и миски. Умиливали Бхагавана чатумские сакьи и Брахма, владыка мира, притчами о всходах и малом теленке".

– "Да, любезный".

И монахи пришли к Бхагавану. И Бхагаван спросил Сарипутту, сидевшего возле него: "О чем ты думал, Сарипутта, когда я распустил общину?"

– "Я тогда подумал, почтенный: теперь Бхагаван будет беззаботно пребывать в счастливом состоянии, очевидном уже в этой жизни, и мы тоже".

– "Остерегись, Сарипутта, остерегись, Сарипутта! Не следует тебе впредь иметь таких мыслей".

И Бхагаван окликнул достопочтенного великого Моггалану: "О чем ты думал, Моггалана, когда я распустил общину?"

– "Я тогда подумал, почтенный: теперь Бхагаван будет беззаботно пребывать в счастливом состоянии, очевидном уже в этой жизни, а мы с достопочтенным Сарипуттой будем опекать общину".

– "Хорошо, хорошо, Моггалана! Или я могу опекать общину, или Сарипутта с Моггаланой".

И Бхагаван обратился к монахам: "Есть, о монахи, четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто входит в воду. Вот они: это опасность от волн, от крокодилов, от водоворотов, от аллигаторов. Так же, о монахи, есть четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто последовал этому учению-наставлению, принял постриг и ушел из дому в бездомность. Вот они: это опасность от волн, от крокодилов, от водоворотов и от аллигаторов.

Вот что такое опасность от волн: уходит некий отпрыск (известного) рода, верующей семьи из дому в бездомность, принимает постриг (и думает): "Выбрался я из рождений, старости, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния; выбрался, одолеваемый тяготами, из тягот. Видится уже конец всему этому множеству тягот". И вот такого монаха товарищи его по брахманскому житию начинают учить и наставлять: "Подходить надо так-то, отходить надо так-то, смотреть надо так-то, глядеть надо так-то, сгибаться надо так-то, выпрямляться надо так-то, постель, верхнюю одежду, миску содержать так-то". Начинает он думать: "Пока я жил в доме, я сам других учил и наставлял. Они мне, по-моему, в сыновья и во внуки годятся, а еще думают, что им можно меня учить и наставлять". Оставляет он ученичество и возвращается к худшему. Опасностью от волн, монахи, называется гнев и возмущение.

Вот что такое опасность от крокодилов: уходит некий отпрыск (известного) рода, верующей семьи из дому в бездомность, принимает постриг (и думает): "Выбрался я из рождений, старости, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния; выбрался, одолеваемый тяготами, из тягот. Видится уже конец всему этому множеству тягот". И вот такого монаха товарищи его по брахманскому житию начинают учить и наставлять: Эту твердую пищу тебе можно есть, эту твердую пищу тебе нельзя есть, эту мягкую пищу тебе можно есть, эту мягкую пищу тебе нельзя есть, эту жидкую пищу тебе можно есть, эту жидкую пищу тебе нельзя есть; это питье тебе можно пить, этого питья тебе нельзя пить. Разрешенную твердую пищу тебе можно есть, неразрешенную твердую пищу тебе нельзя есть, разрешенную мягкую пищу тебе можно есть, неразрешенную мягкую пищу тебе нельзя есть, разрешенную жидкую пищу тебе можно есть, неразрешенную жидкую пищу тебе нельзя есть; разрешенное питье тебе можно пить, неразрешенное тебе нельзя пить. Вовремя можно твердую пищу есть, не вовремя нельзя твердую пищу есть, вовремя можно мягкую пищу есть, не вовремя нельзя мягкую пищу есть, вовремя можно жидкую пищу есть, не вовремя нельзя жидкую пищу есть; вовремя можно питье пить, не вовремя нельзя питье пить". Начинает он думать: "Пока я жил в доме, я из твердой пищи что хотел то и ел, чего не хотел того и не ел, из мягкой пищи что хотел то и ел, чего не хотел того и не ел, из жидкой пищи что хотел то и ел, чего не хотел того и не ел; что хотел то и пил, чего не хотел того и не пил. Когда хотел твердую пищу, тогда и ел, когда не хотел твердую пищу, тогда и не ел, когда хотел мягкую пищу, тогда и ел, когда не хотел мягкую пищу, тогда и не ел, когда хотел жидкую пищу, тогда и ел, когда не хотел жидкую пищу, тогда и не ел, когда хотел пить, тогда и пил, когда не хотел пить, тогда не пил. Разрешенную твердую пищу ел, и не разрешенную твердую пищу ел, разрешенную мягкую пищу ел, и не разрешенную мягкую пищу ел, разрешенную жидкую пищу ел, и не разрешенную жидкую пищу ел, разрешенное пил, и не разрешенное пил. Верующие миряне подают мне днем, но не вовремя прекрасную твердую и мягкую еду, а эти мне, похоже, рот затыкают". Оставляет он ученичество и возвращается к худшему. Это, монахи, называется: испугался человек крокодилов, оставил ученичество и вернулся к худшему. Опасностью от крокодилов, монахи, называется чревоугодие.

Вот что такое опасность от водоворотов: уходит некий отпрыск (известного) рода, верующей семьи из дому в бездомность, принимает постриг (и думает): "Выбрался я из рождений, старости, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния; выбрался, одолеваемый тяготами, из тягот. Видится уже конец всему этому множеству тягот". И вот такой монах встает рано поутру, надевает верхнюю одежду, берет в руку миску и входит за подаванием в деревню или торжок, не оберегая тело, не оберегая речь, не поставив памятование, не обуздав органы чувств. Видит он там хозяина дома или сына хозяина дома, удовлетворяющего и тешащего все свои чувства пятью уладами. Начинает думать: "Пока я жил в доме, я ведь тоже удовлетворял и тешил все свои чувства пятью уладами. Есть наслаждение в мирской жизни; можно и наслаждаться, и творить благие дела". Оставляет он ученичество и возвращается к худшему. Это, монахи, называется: испугался человек водоворотов, оставил ученичество и вернулся к худшему. Опасностью от водоворотов, монахи, называется чувственные улады.

Вот что такое опасность от водоворотов: уходит некий отпрыск (известного) рода, верующей семьи из дому в бездомность, принимает постриг (и думает): "Выбрался я из рождений, старости, смерти, печали, стенаний, боли, уныния, отчаяния; выбрался, одолеваемый тяготами, из тягот. Видится уже конец всему этому множеству тягот". И вот такой монах встает рано поутру, надевает верхнюю одежду, берет в руку миску и входит за

подаванием в деревню или торжок, не оберегая тело, не оберегая речь, не поставив памятование, не обуздав органы чувств. Видит он там женщину, плохо прикрытую, полуодетую. От видения этой плохо прикрытой, полуодетой женщины страсть сотрясает его мысли, и он с мыслями, сотрясенными страстью, оставляет он ученичество и возвращается к худшему. Это, монахи, называется: испугался человек аллигаторов, оставил ученичество и вернулся к худшему. Опасностью от аллигаторов, монахи, называется женщина.

Таковы, о монахи, четыре опасности, которых следует остерегаться тому, кто последовал этому учению-наставлению, принял постриг и ушел из дому в бездомность".

Так сказал Бхагаван. Монахи восхищенно восприняли сказанное им.

Виная, Махавагга I.14

Sariputta-moggallana-pabbajja katha

Рассказ о посвящении Сарипутты и Моггаланы (отрывок)

В то время в Раджагахе жил странник Санджая с большой общиной странников – которых было 250. И тогда Сарипутта и Моггалана практиковали святую жизнь под руководством Санджаи. Они пообещали друг другу: "Кто из нас первым достигнет "Бессмертного", расскажет о том другому".

Почтенный Ассаджи, встав рано утром, надев свою накидку и взяв чашу для подаяний, вошел в Раджагаху, собирая подаяние. Наполненный достоинством в том, как он приближался и удалялся, смотрел прямо и назад, сгибал и вытягивал свою руку, он шел, опустив глаза, и каждое его движение было безупречно. Странник Сарипутта увидел, как почтенный Ассаджи вошел в Раджагаху, собирая подаяние. Наполненный достоинством, ... опустив глаза, и каждое его движение было безупречно. Когда он увидел его, к нему пришла мысль: "Очевидно, что это один из тех людей на земле, кто достиг архатства или встал на путь архатства. Что, если я подойду к нему и спрошу его: "Чьим путем ты следуешь, отказавшись от мира? Кто твой учитель? Чье учение тебя радует?".

Но тогда странник Сарипутта подумал: "Это неподходящее время, чтобы задавать ему вопросы. Он идет за подаянием в город. Что, если я последую за этим монахом, который нашел путь для тех, кто ищет?"

Тогда почтенный Ассаджи, пройдя по Раджагахе в поисках подаяния, ушел, собрав полученное подаяние. Странник Сарипутта подошел к нему, обменялся дружественными приветствиями, и завязал вежливый разговор, стоя сбоку от него. Стоя там, он спросил: "Твой ум светел, мой друг, ты выглядишь чистым и свежим. "Чьим путем ты следуешь, отказавшись от мира? Кто твой учитель? Чье учение тебя радует?".

"Есть, мой друг, великий мудрец, Сакьямуни, вышедший из рода Сакья. Я следую путем этого Благословенного. Он – мой учитель. Учение Благословенного меня радует".

"А в чем состоит учение твоего учителя? Что он провозглашает?"

"Я новичок, мой друг, недавно посвященный, я только в последнее время пришел к этому учению и дисциплине. Я не могу подробно объяснить это учение, могу лишь вкратце объяснить суть".

Тогда странник Сарипутта сказал почтенному Ассаджи:

"Ты можешь говорить много или мало,

но расскажи мне именно суть.

Именно суть мне и нужна.

Какой смысл в лишнем красноречии?"

Тогда почтенный Ассаджи дал такое объяснение Дхаммы страннику Сарипутте:

"Тех явлений, которые порождены причиной, рассказал Татхагата причину, А также каково их прекращение, – вот что исповедует великий аскет".

Когда странник Сарипутта услышал это объяснение Дхаммы, к нему пришло безукоризненное, безупречное видение Дхаммы: "Все, что подвержено возникновению, подвержено прекращению".

"Если даже это вся Дхамма,

то ты постиг

беспечальное (асока) состояние,

незамеченное, упускаемое (нами)

несметное число эр".

Тогда странник Сарипутта пошел туда, где находился странник Моггалана. Странник Моггалана увидел, как он приближается издали, и увидев его, сказал: "Друг мой, твой ум светел; ты выглядишь чистым и свежим. Может быть, ты достиг 'Бессмертного'?"

"Да, мой друг, я достиг 'Бессмертного'".

"Но как, мой друг, ты достиг 'Бессмертного'?"

Только что, друг, я увидел, как почтенный Ассаджи вошел в Раджагаху, собирая подаяние. Наполненный достоинством в том, как он приближался и удалялся, смотрел прямо и назад, сгибал и вытягивал свою руку, он шел, опустив глаза, и каждое его движение было безупречно. Когда я увидел его, ко мне пришла мысль:

"Очевидно, что это один из тех людей на земле, кто достиг архатства или встал на путь архатства. Что, если я подойду к нему и спрошу его: 'Чьим путем ты следуешь, отказавшись от мира? Кто твой учитель? Чье учение тебя радует?'".

Но тогда я подумал: "Это неподходящее время, чтобы задавать ему вопросы. Он идет за подаянием в город. Что, если я последую за этим монахом, который нашел путь для тех, кто ищет?"

Тогда почтенный Ассаджи, пройдя по Раджагахе в поисках подаяния, ушел, собрав полученное подаяние. Я подошел к нему, обменялся дружественными приветствиями, и завязал вежливый разговор, стоя сбоку от него. Стоя там, я спросил: "Твой ум светел, мой друг, ты выглядишь чистым и свежим. 'Чьим путем ты следуешь, отказавшись от мира? Кто твой учитель? Чье учение тебя радует?'".

"Есть, мой друг, великий мудрец, Сакьямуни, вышедший из рода Сакья. Я следую путем этого Благословенного. Он – мой учитель. Учение Благословенного меня радует".

"А в чем состоит учение твоего учителя? Что он провозглашает?"

"Я новичок, мой друг, недавно посвященный, я только в последнее время пришел к этому учению и дисциплине. Я не могу подробно объяснить это учение, могу лишь вкратце объяснить суть".

"Ты можешь говорить много или мало,

но расскажи мне именно суть.

Именно суть мне и нужна.

Какой смысл в лишнем красноречии?"

Тогда почтенный Ассаджи дал мне такое объяснение Дхаммы:

"Тех явлений, которые порождены причиной, рассказал Татхагата причину, А также каково их прекращение, – вот что исповедует великий аскет".

Когда странник Моггалана услышал это объяснение Дхаммы, к нему пришло безукоризненное, безупречное видение Дхаммы: "Все, что подвержено возникновению, подвержено прекращению".

"Если даже это вся Дхамма,

то ты постиг

беспечальное (асока) состояние,

незамеченное, упускаемое (нами)

несметное число эр".

Самьютта Никая 11.3

Дхаджага сутта

Верх знамени

Так я слышал: однажды Благословенный находился недалеко от Шравасты, в роще Джеты, в монастыре Анатхапиндики. Там он обратился к монахам: "Монахи!"

"Да, господин!" - ответили монахи.

Благословенный сказал: "Когда-то, монахи, назревала битва между богами и асурами. И вот, монахи, глава богов Шакра обратился к Тридцати трем богам: "Друзья! Если найдет на богов во время сражения страх, столбняк, мороз по коже, взгляните тогда на верх моего знамени. Как взглянете на верх моего знамени, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят.

А не взглянете на верх моего знамени - взгляните на верх знамени Праджапати. Как взглянете вы на верх знамени Праджапати, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят.

Не взглянете на верх знамени Праджапати - взгляните на верх знамени Варуны. Как взглянете на верх знамени

Варуны так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдет на вас, вас отпустят.

Не взгляните на верх знамени Варуны - взгляните на верх знамени Ишаны. Как взглянете вы на верх знамени Ишаны, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдет на вас, вас отпустят.

Но когда, о монахи, смотрели те боги на верх знамени Шакры, или на верх знамени Праджапати, или на верх знамени Варуны, или на верх знамени Ишаны, то тот страх, столбняк, мороз по коже, что находили на них, иной раз их отпускали, иной раз не отпускали. Почему это так? Потому, монахи, что глава богов Шакра сам не свободен от страсти, сам не свободен от ненависти, не свободен от заблуждения, сам иногда робок, боязлив, труслив и склонен удрать.

Я же вам, монахи, так говорю: если на вас в лесу, или под деревом, или в пустом жилище найдет так тот страх, столбняк, мороз по коже, вспомните тогда обо мне, вот так: "Действительно, Благословенный - достойный, истинно само-пробужденный, совершенный в знании и поведении, хорошо ушедший, знаток мира, непревзойденный укротитель буйных мужей, учитель богов и людей, просветленный, благословенный". Потому что когда вы вспомните обо мне, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят.

А не вспомните обо мне, так вспомните о Дхарме (учении): "Подробно объясненная Буддой Дхарма, - зримая здесь и сейчас, вечная, ко всем обращенная, притягательная, уместная, внутренне познаваемая понятливыми". Потому что когда вы вспомните о Дхарме, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят.

А не вспомните об Учении - так вспомните о Сангхе (общине): "Община учеников Будды, успешно практикующих, прямо практикующих, методично практикующих, умело практикующих - четыре пары, все восемь типов благородных личностей. Достойна она подарков, достойна гостеприимства, достойна пожертвований, достойна уважения. Она для мира - высшее поле заслуг". Потому что когда вы вспомните об общине, так тот страх, столбняк, мороз по коже, что найдут на вас, вас отпустят.

Почему это так? Потому, монахи, что Татхагата - достойный, истинно само-пробужденный, свободен от страсти, свободен от отвращения, свободен от заблуждения, не робок, не боязлив, не труслив, не склонен удрать".

Так сказал Будда. Сказав это, "Хорошо ушедший", учитель, дополнил:

В лесу, монахи, под кроной дерева, или в пустом жилище,

Вспоминайте Будду: ваш страх исчезнет.

Если не вспомните Будду - лучшего в мире, быка из людей,

То вспомните Дхарму, ведущую вовне, хорошо объясненную.

Если не вспомните Дхарму - ведущую вовне, хорошо объясненную -

То вспомните Сангху, непревзойденное поле заслуг.

У тех, кто таким образом вспомнит Будду, Дхарму и Сангху, монахи,

Не будет ни страха, ни столбняка, ни мороза по коже.

Самьютта Никая 35.115

Марапаса сутта

Силки Мары

Перевод с пали Степпенвольфа и Д.А. Ивахненко

Есть, монахи, образы, создаваемые глазом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах восторгается ими, приветствует их и погрязает в них, то такой монах называется опутанным образами, создаваемыми глазом, перешедшим в обитель Мары, оказавшимся под властью Мары, связанным силками Мары. Он опутан путами Мары, Зловредный может делать с ним все, что угодно.

Есть звуки, создаваемые ухом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах восторгается ими, приветствует их и погрязает в них, то такой монах называется опутанным звуками, создаваемыми ухом, перешедшим в обитель Мары, оказавшимся под властью Мары, связанным силками Мары. Он опутан путами Мары, Зловредный может делать с ним все, что угодно.

Есть запахи, создаваемые носом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах восторгается ими, приветствует их и погрязает в них, то

такой монах называется опутанным запахами, сознаваемыми носом, перешедшим в обитель Мары, оказавшимся под властью Мары, связанным силками Мары. Он опутан путами Мары, Зловредный может делать с ним все, что угодно.

Есть вкусы, сознаваемые языком - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах восторгается ими, приветствует их и погрязает в них, то такой монах называется опутанным вкусами, сознаваемыми языком, перешедшим в обитель Мары, оказавшимся под властью Мары, связанным силками Мары. Он опутан путами Мары, Зловредный может делать с ним все, что угодно.

Есть прикосновения, сознаваемые телом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах восторгается ими, приветствует их и погрязает в них, то такой монах называется опутанным прикосновениями, сознаваемыми телом, перешедшим в обитель Мары, оказавшимся под властью Мары, связанным силками Мары. Он опутан путами Мары, Зловредный может делать с ним все, что угодно.

Есть идеи, сознаваемые интеллектом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах восторгается ими, приветствует их и погрязает в них, то такой монах называется опутанным идеями, сознаваемыми интеллектом, перешедшим в обитель Мары, оказавшимся под властью Мары, связанным силками Мары. Он опутан путами Мары, Зловредный может делать с ним все, что угодно.

И есть образы, сознаваемые глазом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах не восторгается ими, не приветствует их и не погрязает в них, то такой монах называется освободившимся от образов, сознаваемых глазом, не перешедшим в обитель Мары, не оказавшимся под властью Мары, выпутавшимся из силков Мары. Он освободился от пут Мары, Зловредный не может делать с ним все, что угодно.

Есть звуки, сознаваемые ухом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах не восторгается ими, не приветствует их и не погрязает в них, то такой монах называется освободившимся от звуков, сознаваемых ухом, не перешедшим в обитель Мары, не оказавшимся под властью Мары, выпутавшимся из силков Мары. Он освободился от пут Мары, Зловредный не может делать с ним все, что угодно.

Есть запахи, сознаваемые носом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах не восторгается ими, не приветствует их и не погрязает в них, то такой монах называется освободившимся от запахов, сознаваемых носом, не перешедшим в обитель Мары, не оказавшимся под властью Мары, выпутавшимся из силков Мары. Он освободился от пут Мары, Зловредный не может делать с ним все, что угодно.

Есть вкусы, сознаваемые языком - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах не восторгается ими, не приветствует их и не погрязает в них, то такой монах называется освободившимся от вкусов, сознаваемых языком, не перешедшим в обитель Мары, не оказавшимся под властью Мары, выпутавшимся из силков Мары. Он освободился от пут Мары, Зловредный не может делать с ним все, что угодно.

Есть прикосновения, сознаваемые телом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах не восторгается ими, не приветствует их и не погрязает в них, то такой монах называется освободившимся от прикосновений, сознаваемых телом, не перешедшим в обитель Мары, не оказавшимся под властью Мары, выпутавшимся из силков Мары. Он освободился от пут Мары, Зловредный не может делать с ним все, что угодно.

Есть идеи, сознаваемые интеллектом - желанные, привлекательные, чарующие, кажущиеся приятными, возбуждающие страсть, соблазнительные. Если монах не восторгается ими, не приветствует их и не погрязает в них, то такой монах называется освободившимся от идей, сознаваемых интеллектом, не перешедшим в обитель Мары, не оказавшимся под властью Мары, выпутавшимся из силков Мары. Он освободился от пут Мары, Зловредный не может делать с ним все, что угодно.

Самьютта Никая 35.199

Куммопама сутта

Притча о черепахе

Перевод с пали Степпенвольфа и Д.А. Ивахненко

Однажды вечером, монахи, покрытая прочным панцирем черепаха искала себе пищу на берегу озера. И шакал в тот вечер искал себе пищу на берегу того озера. Черепаха издали увидела ищущего пищу шакала, втянула свои четыре лапы и шею внутрь панциря и стала совершенно тихой и неподвижной. Но и шакал издали увидел ищущую пищу черепаху, подошел к ней, и подойдя, стал кружиться вокруг нее: "Вот высунет черепаха какую-то из своих четырех лап или шею наружу, тут-то я и схвачу её, оторву её и съем её". Но когда черепаха так и не высунула ни одну из своих четырех лап, ни шею, то шакал, не получив возможности добраться до черепахи, потерял к ней интерес и ушел прочь.

Точно так же, монахи, и Мара постоянно, непрерывно кружит вокруг вас: "Возможно, я найду лазейку через глаз. Возможно, я найду лазейку через ухо ... нос ... язык ... тело. Возможно, я найду лазейку через интеллект (mano)". Поэтому, монахи, вам следует постоянно хорошо охранять двери чувств.

Видя образ (рупа) глазом, не влекитесь ни к какому перцептивному образу (нимитта), ни к деталям (анубхайанджана), из-за которых, – если не сдерживать постоянно способность (индрия) глаза, – могут проникнуть пагубные, неумелые качества ума (дхаммы), жадность и уныние. Так что постоянно сдерживайте способность глаза, охраняйте ее, достигните контроля над способностью глаза.

Слыша звук ухом, не влекитесь ни к какому перцептивному образу, ни к деталям, из-за которых, – если не сдерживать постоянно способность уха, – могут проникнуть пагубные, неумелые качества ума, жадность и уныние. Так что постоянно сдерживайте способность уха, охраняйте ее, достигните контроля над способностью уха.

Обоняя запах носом, не влекитесь ни к какому перцептивному образу, ни к деталям, из-за которых, – если не сдерживать постоянно способность носа, – могут проникнуть пагубные, неумелые качества ума, жадность и уныние. Так что постоянно сдерживайте способность носа, охраняйте ее, достигните контроля над способностью носа.

Чувствуя вкус языком, не влекитесь ни к какому перцептивному образу, ни к деталям, из-за которых, – если не сдерживать постоянно способность языка, – могут проникнуть пагубные, неумелые качества ума, жадность и уныние. Так что постоянно сдерживайте способность языка, охраняйте ее, достигните контроля над способностью языка.

Осязая прикосновением телом, не влекитесь ни к какому перцептивному образу, ни к деталям, из-за которых, – если не сдерживать постоянно способность тела, – могут проникнуть пагубные, неумелые качества ума, жадность и уныние. Так что постоянно сдерживайте способность тела, охраняйте ее, достигните контроля над способностью тела.

Распознавая идею интеллектом, не влекитесь ни к какому перцептивному образу, ни к деталям, из-за которых, – если не сдерживать постоянно способность интеллекта, – могут проникнуть пагубные, неумелые качества ума, жадность и уныние. Так что постоянно сдерживайте способность интеллекта, охраняйте ее, достигните контроля над способностью интеллекта.

Когда вы будете постоянно хорошо охранять двери чувств, то Мара, не находя лазейки, потеряет к вам интерес и уйдет прочь, как тот шакал, который ушел прочь от черепахи.

Как черепаха конечности в панцирь,

Монах рассуждения интеллекта (mano-витака) собирает внутрь.

Не завидуя и не притесняя других,

Полностью освобожденный, никого не ругает.

Самьютта Никая 35.28

Адитта-парияя сутта

Огненная проповедь

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Я слышал, что однажды Благословенный находился в Гайе, с тысячей монахов. Там он обратился к монахам: Монахи, все пылает. Что именно все пылает? Глаз пылает. Формы пылают. Сознание зрения пылает. Зрительный контакт пылает. И все, что возникает на основе зрительного контакта, переживаемое как наслаждение, боль, или ни наслаждение, ни боль, тоже пылает. Пылает в каком огне? Пылает в огне страсти, в огне отвращения, в огне заблуждения. Пылает, я говорю вам, в огне рождения, старения и смерти, в огне печали, плача, боли, горя и отчаяния.

Ухо пылает. Звуки пылают....

Нос пылает. Запахи пылают....

Язык пылает. Вкусы пылают....

Тело пылает. Ощущения пылают....

Интеллект пылает. Идеи пылают. Сознание интеллекта пылает. Контакт интеллекта пылает. И все, что возникает на основе контакта интеллекта, переживаемое как наслаждение, боль, или ни наслаждение, ни боль, тоже пылает. Пылает в каком огне? Пылает в огне страсти, в огне отвращения, огне заблуждения. Пылает, я говорю вам, в огне рождения, старения и смерти, в огне печали, плача, боли, горя и отчаяния.

Видя это, обученный благородный ученик разочаровывается в глазе, разочаровывается в формах, разочаровывается в глазе, разочаровывается в контакте глаза. И что бы ни возникало на основе контакта глаза, переживаемое как наслаждение, боль, или ни наслаждение, ни боль, в нем он тоже разочаровывается.

Он разочаровывается в ухе ...

Он разочаровывается в носе ...

Он разочаровывается в языке ...

Он разочаровывается в теле ...

Он разочаровывается в интеллекте, разочаровывается в идеях, разочаровывается в сознании интеллекта, разочаровывается в контакте интеллекта. И что бы ни возникало на основе контакта интеллекта, переживаемое как наслаждение, боль, или ни наслаждение, ни боль, в нем он тоже разочаровывается. Разочарованный, он становится беспристрастным. С помощью беспристрастия он полностью освобождается. Полностью освободившись, он знает, что "Полностью освобожден". Он распознает, что "Рождения исчерпаны, святая жизнь завершена, задача выполнена. Больше ничего не нужно для этого мира".

Вот что сказал Благословенный. Удовлетворенные, монахи восхитились его словам. И когда давалось это объяснение, сердца (читта) тысячи монахов, через непривязанность, полностью освободились от влечений (асава).

Самьютта Никая 35.63

Мигаджала сутта

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

В Саваттхи. Тогда досточтимый Мигаджала пошел к Благословенному, и подойдя, поклонившись, сел в стороне. И сидя в стороне, он сказал Благословенному:

– Господин, вот говорят: 'Живущий в уединении, живущий в уединении'. В каком смысле, господин, монах живет в уединении, и в каком смысле он живет в обществе?

– Мигаджала, есть формы, воспринимаемые глазом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним. Когда он прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним, возникает наслаждение. При наслаждении, в нем есть страсть. Когда в нем есть страсть, он связан оковами. И монаха, связанного оковами наслаждения, называют живущим в обществе.

– Мигаджала, есть звуки, воспринимаемые ухом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним. Когда он прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним, возникает наслаждение. При наслаждении, в нем есть страсть. Когда в нем есть страсть, он связан оковами. И монаха, связанного оковами наслаждения, называют живущим в обществе.

– Мигаджала, есть запахи, воспринимаемые носом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним. Когда он прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним, возникает наслаждение. При наслаждении, в нем есть страсть. Когда в нем есть страсть, он связан оковами. И монаха, связанного оковами наслаждения, называют живущим в обществе.

– Мигаджала, есть вкусы, воспринимаемые языком – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним. Когда он прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним, возникает наслаждение. При наслаждении, в нем есть страсть. Когда в нем есть страсть, он связан оковами. И монаха, связанного оковами наслаждения, называют живущим в обществе.

– Мигаджала, есть тактильные ощущения, воспринимаемые телом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах прельщается ими, стремится

к ним, и привязывается к ним. Когда он прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним, возникает наслаждение. При наслаждении, в нем есть страсть. Когда в нем есть страсть, он связан оковами. И монаха, связанного оковами наслаждения, называют живущим в обществе.

– Мигаджала, есть идеи, воспринимаемые интеллектом, – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним. Когда он прельщается ими, стремится к ним, и привязывается к ним, возникает наслаждение. При наслаждении, в нем есть страсть. Когда в нем есть страсть, он связан оковами. И монаха, связанного оковами наслаждения, называют живущим в обществе.

– Мигаджала, монах, живущий таким образом, – даже если он уходит в далекие дикие лесные жилища, тихие и спокойные, удаленные от людей, подходящие для уединения, – всё равно называется живущим в обществе. Почему? Он не покинул своего спутника, пристрастие. Поэтому его называют живущим в обществе.

– Мигаджала, есть формы, воспринимаемые глазом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним. Когда он не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним, наслаждение прекращается. Когда нет наслаждения, он бесстрастен. Когда он бесстрастен, он свободен от оков. Монаха, свободного от оков наслаждения, называют живущим в уединении.

– Мигаджала, есть звуки, воспринимаемые ухом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним. Когда он не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним, наслаждение прекращается. Когда нет наслаждения, он бесстрастен. Когда он бесстрастен, он свободен от оков. Монаха, свободного от оков наслаждения, называют живущим в уединении.

– Мигаджала, есть запахи, воспринимаемые носом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним. Когда он не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним, наслаждение прекращается. Когда нет наслаждения, он бесстрастен. Когда он бесстрастен, он свободен от оков. Монаха, свободного от оков наслаждения, называют живущим в уединении.

– Мигаджала, есть вкусы, воспринимаемые языком – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним. Когда он не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним, наслаждение прекращается. Когда нет наслаждения, он бесстрастен. Когда он бесстрастен, он свободен от оков. Монаха, свободного от оков наслаждения, называют живущим в уединении.

– Мигаджала, есть тактильные ощущения, воспринимаемые телом – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним. Когда он не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним, наслаждение прекращается. Когда нет наслаждения, он бесстрастен. Когда он бесстрастен, он свободен от оков. Монаха, свободного от оков наслаждения, называют живущим в уединении.

– Мигаджала, есть идеи, воспринимаемые интеллектом, – приятные, доставляющие удовольствие, очаровывающие, привлекающие, вызывающие желание, соблазнительные, – и монах не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним. Когда он не прельщается ими, не стремится к ним, и не привязывается к ним, наслаждение прекращается. Когда нет наслаждения, он бесстрастен. Когда он бесстрастен, он свободен от оков. Монаха, свободного от оков наслаждения, называют живущим в уединении.

– Мигаджала, монах, живущий таким образом, – даже если он живет вблизи деревни, общаясь с монахами и монахинями, мирянами и мирянками, с царем и его советниками, с сектантами и их учениками, – всё равно называется живущим в уединении. Почему? Он покинул своего спутника, пристрастие. Поэтому его называют живущим в уединении.

Самьютта Никая 46.51

Ахара сутта

Пища

(Перевод с пали и предисловие Д.А. Ивахненко)

Предисловие переводчика

"Подобно тому, монахи, как это тело поддерживается пищей, сохраняется благодаря пище, и не сохраняется без

пищи; аналогично, монахи, и пять помех ... и семь факторов Пробуждения поддерживаются пищей, сохраняются благодаря пище, и не сохраняются без пищи"

Кая сутта (Самьютта Никая 46.2)

Во многих буддийских текстах говорится о преодолении "пяти помех" и о развитии "семи факторов Пробуждения". В Ахара сутте раскрывается секрет того, каким же образом это осуществляется, – с помощью основательного внимания (йонисо манасикара). С другой стороны, неосновательное внимание ведет к разрастанию помех и мешает развитию факторов пробуждения.

Внимание избирательно направляется таким образом, чтобы управлять процессом классификации и обозначения непосредственных впечатлений – распознаванием (саннья).

"Вся (саннья) имеет характеристику распознавания; её функцией является создание перцептивного образа (нимитта), который служит предпосылкой последующего распознавания: "Это та же самая вещь" – как плотники и т.п. делают с деревом, и т.д.; её проявлением является порождение уверенности благодаря соответствующим образом уловленному перцептивному образу – как слепой, воспринимающий слона (Удана 6-4); её основой служит любой приблизившийся объект – как распознавание "люди" возникает у молодых животных в отношении пугал."

Висуддхимагга (глава 14 §130)

Каким же образом развивается основательное внимание? При этом внимание направляется на те перцептивные образы (нимитта), которые способствуют развитию распознавания, соответствующего умелым умственным качествам. Возьмем для примера перцептивный образ привлекательности (субха-нимитта), который первым упоминается в данной сутте. В сутте говорится, что практика неосновательного внимания по отношению к перцептивному образу привлекательности приводит к возникновению и увеличению чувственного желания. Это происходит, когда человек избирательно замечает в наблюдаемом объекте те качества, которые вызывают у него приятные ассоциации. Вовлекаясь в эти приятные ассоциации, развивая избирательное распознавание привлекательности (субха-саннья), человек начинает испытывать страсть по отношению к данному объекту.

Далее в сутте говорится, что для того, чтобы перестать подпитывать чувственное желание, нужно обратить основательное внимание на перцептивный образ отсутствия привлекательности (асубха-нимитта). Обратите внимание, что здесь имеется в виду не перцептивный образ привлекательности со знаком минус, раздражения и возмущения (патигха-нимитта), уделение внимания которому вызывает недоброжелательность, а именно перцептивный образ отсутствия привлекательности как таковой, остановка восприятия лишь на том, что непосредственно воспринимается, без излишних ассоциативных наслоений.

Яркий пример такой практики приводится в первой главе Висуддхимагги (§55). Старейшина Махатисса, живший в Четияпаббате, практиковал одну из разновидностей избирательного распознавания отсутствия привлекательности (асубха-саннья), – избирательное распознавание костей тела. Утром он пошел за подаванием в Анурадхапуру. Навстречу ему из Анарудхапуры шла женщина, поссорившаяся со своим мужем и направлявшаяся к своим родственникам. Разодетая и разукрашенная, как небесная дева, женщина, увидев старейшину на дороге, из низких помыслов громко рассмеялась. Услышав это, старейшина поднял взгляд и заметил именно кости зубов, открывшихся в улыбке. Отправившись дальше по дороге, старейшина встретил мужа этой женщины. Муж спросил его, не видел ли он случайно женщины. Старейшина ответил, что заметил по дороге лишь некую совокупность костей, и не обратил внимания на то, мужчина ли это или женщина. Таким образом, старейшина Махатисса, управляя своим вниманием, настроился исключительно на избирательное распознавание костей, и не замечал других качеств. За счет этого он получил возможность прекратить ассоциативные наслоения, касающиеся привлекательности.

Далее в данной сутте для развития фактора сосредоточения рекомендуется перцептивный образ спокойствия (саматха-нимитта) и перцептивный образ собранности (абьягга-нимитта).

Смысл перцептивного образа спокойствия объясняется в Мохавиччхедани (Муа: .161):

Перцептивный образ спокойствия – это перцептивный образ для повторного вызова спокойствия после улавливания внешнего вида (акара) спокойствия.

Таким образом, уловив однажды характерные признаки спокойствия, практикующий может, настроившись на этот перцептивный образ, вновь достичь спокойствия. Например, уловив перцептивный образ достижения медитативного погружения (джхана), практикующий может вновь его достичь, настроившись на этот образ.

В Поттхапада сутте (ДН 9) описывается, как при медитативном погружении одни виды избирательного распознавания сменяются другими, – например, при вхождении в первую джхану распознавание чувственных удовольствий сменяется распознаванием восторга и счастья. За счет прекращения мыслительных ассоциативных наслоений на воспринимаемую опору сосредоточения высвобождаются ассоциируемые с данной опорой восторг и счастье. Расширяя перцептивный образ опоры сосредоточения, например, одного из четырех основных цветов (бирюзовый, лиловый, желтый, белый) или четырех первоэлементов (твердое, жидкое, газообразное и плазменное

состояние), практикующий расширяет в пространстве и соответствующее избирательное распознавание. Например, как описывается в Вимуттимаге (стр. 159), расширяя перцептивный образ сосредоточения на дыхании в область кончика носа, межбровья, лба, практикующий чувствует себя так, как будто его голова наполнена воздухом. При этом соответствующие области тела в первой джхане наполняются восторгом и счастьем.

На этих двух примерах видны две ключевых области применения перцептивных образов, – во-первых, для управления избирательным распознаванием и прекращения иллюзорных наслоений, и во-вторых, для повторного вхождения в достигнутые медитативные погружения, и их углубление. В целом направленность внимания на те или иные перцептивные образы играет определяющую роль в развитии как неумелых, так и умелых умственных качеств.

Savatthinidana.m.

В Саваттхи.

"Pancannanca, bhikkhave, nivara.nana.m sattannanca bojha'ngana.m aharanca anaharanca desessami; ta.m su.natha.
"Монахи, я обучу вас подпитыванию и лишению пищи пяти помех и семи факторов Пробуждения. Слушайте:

(Подпитывание пяти помех)

Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va kamacchandassa uppadaya, uppannassa va kamacchandassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, subhanimitta.m. Tattha ayonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va kamacchandassa uppadaya, uppannassa va kamacchandassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что же служит пищей для возникновения ещё не возникшего чувственного желания, или для увеличения и разрастания уже возникшего чувственного желания? Есть, монахи, перцептивный образ привлекательности (субха-нимитта). Уделять ему неосновательное внимание, – вот пища для возникновения ещё не возникшего чувственного желания, или для увеличения и разрастания уже возникшего чувственного желания.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va byapadassa uppadaya, uppannassa va byapadassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, pa.tighanimitta.m. Tattha ayonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va byapadassa uppadaya, uppannassa va byapadassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит пищей для возникновения ещё не возникшей недоброжелательности, или для увеличения и разрастания уже возникшей недоброжелательности? Есть перцептивный образ возмущения (патигха-нимитта). Уделять ему неосновательное внимание, – вот пища для возникновения ещё не возникшей недоброжелательности, или для увеличения и разрастания уже возникшей недоброжелательности.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va thinamiddhassa uppadaya, uppannassa va thinamiddhassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, arati tandi vijambhita bhattasammado cetaso ca linatta.m. Tattha ayonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va thinamiddhassa uppadaya, uppannassa va thinamiddhassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит пищей для возникновения ещё не возникших лени и сонливости, или для увеличения и разрастания уже возникших лени и сонливости? Есть уныние, вялость, зевота, опьяненность едой, и медлительность ума. Уделять им неосновательное внимание, – вот пища для возникновения ещё не возникших лени и сонливости, или для увеличения и разрастания уже возникших лени и сонливости.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va uddhaccakukkuccassa uppadaya, uppannassa va uddhaccakukkuccassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, cetaso avupasamo. Tattha ayonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va uddhaccakukkuccassa uppadaya, uppannassa va uddhaccakukkuccassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит пищей для возникновения ещё не возникших неугомонности и беспокойства, или для увеличения и разрастания уже возникших неугомонности и беспокойства? Есть беспокойствие разума. Уделять ему неосновательное внимание, – вот пища для возникновения ещё не возникших неугомонности и беспокойства, или для увеличения и разрастания уже возникших неугомонности и беспокойства.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannaya va vicikicchaya uppadaya, uppannaya va vicikicchayabhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, vicikiccha.t.thaniya dhamma. Tattha ayonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannaya va vicikicchaya uppadaya, uppannaya va vicikicchaya bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит пищей для возникновения ещё не возникшей неуверенности, или для увеличения и разрастания уже возникшей неуверенности? Есть умственные качества, которые выступают в качестве основы неуверенности. Уделять им неосновательное внимание, – вот пища для возникновения ещё не возникшей неуверенности, или для

увеличения и разрастания уже возникшей неуверенности.

(Подпитывание факторов Пробуждения)

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va satisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va satisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, satisambojjha'nga.t.thaniya dhamma. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va satisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va satisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

А что служит пищей для возникновения ещё невозникшего памятования как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего памятования как фактора Пробуждения? Есть умственные качества, которые выступают в качестве основы памятования как фактора Пробуждения. Уделять им основательное внимание, – вот пища для возникновения ещё невозникшего памятования как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего памятования как фактора Пробуждения.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, kusalakusala dhamma savajjanavajja dhamma hinapa.nita dhamma ka.nhasukkasappa.tibhaga dhamma. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит пищей для возникновения ещё невозникшего различения умственных качеств как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего различения умственных качеств? Есть умственные качества умелые и неумелые, порицаемые и безупречные, низменные и возвышенные, сопричастные злу и добру. Уделять им основательное внимание, – вот пища для возникновения ещё невозникшего различения умственных качеств как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего различения умственных качеств.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va viriyasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va viriyasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, arambhadhatu nikkamadhatu parakkamadhatu. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va viriyasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va viriyasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит пищей для возникновения ещё невозникшего усердия как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего усердия? Есть элемент энтузиазма, элемент старания, элемент решительности. Уделять им основательное внимание, – вот пища для возникновения ещё невозникшего усердия как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего усердия.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va pitisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va pitisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, pitisambojjha'nga.t.thaniya dhamma. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va pitisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va pitisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит пищей для возникновения ещё невозникшего восторга как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего восторга? Есть умственные качества, которые выступают в качестве основы для восторга как фактора Пробуждения. Уделять им основательное внимание, – вот пища для возникновения ещё невозникшего восторга как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего восторга.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va passaddhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va passaddhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, kayappassaddhi cittappassaddhi. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va passaddhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va passaddhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит пищей для возникновения ещё невозникшего расслабления как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего расслабления? Есть физическое расслабление и есть умственное расслабление. Уделять им основательное внимание, – вот пища для возникновения ещё невозникшего расслабления как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего расслабления.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va samadhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va samadhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, samathanimitta.m abyagganimitta.m. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va samadhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va samadhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит пищей для возникновения ещё невозникшего сосредоточения как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего сосредоточения? Есть перцептивный образ спокойствия (саматха-нимитта), перцептивный образ собранности (абьягга-нимитта). Уделять им основательное внимание, – вот пища для возникновения ещё невозникшего сосредоточения как фактора Пробуждения, или для развития и

совершенствования уже возникшего сосредоточения.

"Ko ca, bhikkhave, aharo anuppannassa va upekkhasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va upekkhasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, upekkhasambojjha'nga.t.thaniya dhamma. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamaharo anuppannassa va upekkhasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va upekkhasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит пищей для возникновения ещё невозникшего безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего безмятежного наблюдения? Есть умственные качества, которые выступают в качестве основы безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения. Уделять им основательное внимание, – вот пища для возникновения ещё невозникшего безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения.

(Лишение пищи пяти помех)

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va kamacchandassa uppadaya, uppannassa va kamacchandassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, asubhanimitta.m. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va kamacchandassa uppadaya, uppannassa va kamacchandassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё невозникшего чувственного желания, или для увеличения и разрастания уже возникшего чувственного желания? Есть тема отсутствия привлекательности. Уделять ей основательное внимание, – вот недостаток пищи для возникновения ещё невозникшего чувственного желания, или для увеличения и разрастания уже возникшего чувственного желания.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va byapadassa uppadaya, uppannassa va byapadassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, mettacetovimutti. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va byapadassa uppadaya, uppannassa va byapadassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё невозникшей недоброжелательности, или для увеличения и разрастания уже возникшей недоброжелательности? Есть освобождение разума с помощью дружелюбия. Уделять ему основательное внимание, – вот недостаток пищи для возникновения ещё невозникшей недоброжелательности, или для увеличения и разрастания уже возникшей недоброжелательности.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va thinamiddhassa uppadaya, uppannassa va thinamiddhassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, arambhadhatu nikkamadhātu parakkamadhātu. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va thinamiddhassa uppadaya, uppannassa va thinamiddhassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё невозникших лени и сонливости, или для увеличения и разрастания уже возникших лени и сонливости? Есть элемент энтузиазма, элемент старания, элемент решительности. Уделять им основательное внимание, – вот недостаток пищи для возникновения ещё невозникших лени и сонливости, или для увеличения и разрастания уже возникших лени и сонливости.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va uddhaccakukkuccassa uppadaya, uppannassa va uddhaccakukkuccassa bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, cetaso vupasamo. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va uddhaccakukkuccassa uppadaya, uppannassa va uddhaccakukkuccassa bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё невозникших неугомонности и беспокойства, или для увеличения и разрастания уже возникших неугомонности и беспокойства? Есть спокойствие разума. Уделять ему основательное внимание, – вот недостаток пищи для возникновения ещё невозникших неугомонности и беспокойства, или для увеличения и разрастания уже возникших неугомонности и беспокойства.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannaya va vicikicchaya uppadaya, uppannaya va vicikicchaya bhiyyobhavaya vepullaya? Atthi, bhikkhave, kusalakusala dhamma savajjanavajja dhamma hinapa.nita dhamma ka.nhasukkasappa.tibhaga dhamma. Tattha yonisomanasikarabahulikaro – ayamanaharo anuppannaya va vicikicchaya uppadaya, uppannaya va vicikicchaya bhiyyobhavaya vepullaya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё невозникшей неуверенности, или для увеличения и разрастания уже возникшей неуверенности? Есть умственные качества умелые и неумелые, порицаемые и безупречные, низменные и возвышенные, сопричастные злу и добру. Уделять им основательное внимание, – вот недостаток пищи для возникновения ещё невозникшей неуверенности, или для увеличения и разрастания уже возникшей неуверенности.

(Лишение пищи Факторов Пробуждения)

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va satisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va satisambojjha'ngassa

bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, satisambojjha'nga.t.thaniya dhamma. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va satisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va satisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

А что служит недостатком пищи для возникновения ещё не возникшего памятования как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего памятования как фактора Пробуждения? Есть умственные качества, которые выступают в качестве основы для памятования как фактора Пробуждения. Не уделять им внимания, – вот недостаток пищи для возникновения ещё не возникшего памятования как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего памятования как фактора Пробуждения.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, kusalakusala dhamma savajjanavajja dhamma hinapa.nita dhamma ka.nhasukkasappa.tibhaga dhamma. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va dhammavicayasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё не возникшего различения умственных качеств как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего различения умственных качеств? Есть умственные качества умелые и неумелые, порицаемые и безупречные, низменные и возвышенные, сопричастные злу и добру. Не уделять им внимания, – вот недостаток пищи для возникновения ещё не возникшего различения умственных качеств как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего различения умственных качеств.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va viriyasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va viriyasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, arambhadhatu nikkamadhātu parakkamadhātu. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va viriyasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va viriyasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё не возникшего усердия как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего усердия? Есть элемент энтузиазма, элемент старания, элемент решительности. Не уделять им внимания, – вот недостаток пищи для возникновения ещё не возникшего усердия как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего усердия.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va pitisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va pitisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, pitisambojjha'nga.t.thaniya dhamma. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va pitisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va pitisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё не возникшего восторга как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего восторга? Есть умственные качества, которые выступают в качестве основы для восторга как фактора Пробуждения. Не уделять им внимания, – вот недостаток пищи для возникновения ещё не возникшего восторга как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего восторга.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va passaddhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va passaddhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, kayappassaddhi cittappassaddhi. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va passaddhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va passaddhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё не возникшего расслабления как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего расслабления? Есть физическое расслабление и есть умственное расслабление. Не уделять им внимания, – вот недостаток пищи для возникновения ещё не возникшего расслабления как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего расслабления.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va samadhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va samadhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, samathanimitta.m abyaggaṇimitta.m. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va samadhisannassa va samadhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, samathanimitta.m abyaggaṇimitta.m. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va samadhisambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va samadhisambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё не возникшего сосредоточения как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего сосредоточения? Есть перцептивный образ спокойствия (саматха-нимитта), перцептивный образ собранности (абьягга-нимитта). Не уделять им внимания, – вот недостаток пищи для возникновения ещё не возникшего сосредоточения как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего сосредоточения.

"Ko ca, bhikkhave, anaharo anuppannassa va upekkhasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va upekkhasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya? Atthi, bhikkhave, upekkhasambojjha'nga.t.thaniya dhamma. Tattha amanasikarahulikaro – ayamanaharo anuppannassa va upekkhasambojjha'ngassa uppadaya, uppannassa va upekkhasambojjha'ngassa bhavanaya paripuriya"ti.

И что служит недостатком пищи для возникновения ещё невошедшего безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения? Есть умственные качества, которые выступают в качестве основы для безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения. Не уделять им внимания, – вот недостаток пищи для возникновения ещё невошедшего безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения, или для развития и совершенствования уже возникшего безмятежного наблюдения как фактора Пробуждения".

Самьютта Никая 56.11

Дхамма-чакка-паваттана сутта

Сутта запуска колеса Дхаммы

Звуковой файл

Eva.m me suta.m, eka.m samaya.m bhagava bara.nasiya.m viharati isipatane migadaye. Tatra kho bhagava pancavaggiye bhikkhu amantesi:

Так я слышал. Однажды Благословенный находился в Баранаси, в роще Исипатана. И там Благословенный обратился к группе пятерых монахов:

"Dve me bhikkhave, anta pabbajitena na sevitabba.

"Есть, о монахи, две крайности, в которые пусть не вдается подвижник.

Yocaya.m kamesu kamasukhallikanuyogo hino gammo pothujjaniko anariyo anattassa.mhito, yo caya.m attakilamathanuyogo dukkho anariyo anattassa.mhito, ete te bhikkhave, ubho ante anupagamma majjhima pa.tipada tathagatena abhisambuddha cakkhukara.ni na.nakara.ni upasamaya abhinna sambodhaya nibbanaya sa.mvattati.

Одна – это склонность к чувственным удовольствиям по отношению к чувственным объектам: низкая, пошлая, обывательская, невежественная, не приносящая пользы. Другая – это склонность себя изнурять, тяжкая, невежественная, не приносящая пользы. Но ни к той, ни к другой крайности не клонится срединный путь, что до конца постигнут Татхагатой; видение дарующий, знание дарующий, к умиротворению, к постижению, к пробуждению, к Освобождению ведет.

Katama ca sa bhikkhave, majjhima pa.tipada tathagatena abhisambuddha cakkhukara.ni na.nakara.ni upasamaya abhinna sambodhaya nibbanaya sa.mvattati: ayameva ariyo a.t.tha'ngiko maggo seyyathida.m: sammadi.t.thi sammasa'nkappo sammasacca sammakammanto samma ajivo sammasammasa sammasati sammamasamadi.

Каков же, монахи, этот верный срединный путь, что до конца постигнут Татхагатой и, видение дарующий, знание дарующий,

к умиротворению, к постижению, к пробуждению, к Освобождению ведет?

Это – благородный восьмеричный путь, а именно: правильное понимание, правильная решимость, правильная речь, правильные поступки, правильные средства к существованию, правильное усилие, правильная осознанность, правильное сосредоточение.

Aya.m kho sa bhikkhave, majjhima pa.tipada tathagatena abhisambuddha cakkhukara.ni na.nakara.ni upasamaya abhinna sambodhaya nibbanaya sa.mvattati.

Это и есть, монахи, верный срединный путь, что до конца постигнут Татхагатой и, видение дарующий, знание дарующий, к умиротворению, к постижению, к пробуждению, к Освобождению ведет.

Ida.m kho pana bhikkhave, dukkha.m ariyasacca.m: jatipi dukkha jarapi dukkha mara.nampi dukkha.m soka'parideva'dukkha'domanassa'upayasa'pi dukkha appiyehi sampayogo dukkho piyehi vippayogo dukkho yampiccha.m na labhati tampi dukkha.m sa'nkhattena pancupadanakkhandha dukkha".[1]

А в чем состоит благородная истина о страдании?[2]

и рождение страдание, и старость страдание, и смерть страдание, и печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние – страдание.

С нелюбимым связь – страдание, с любимым разлука – страдание,

и не получать то, чего хочется – страдание.

Короче говоря, пять групп привязанности (упадана кхандха) – страдание.

Ida.m kho pana bhikkhave, dukkhasamudayo ariyasacca.m: "yaya.m ta.nha ponobhavika nandiragasahagata tatra tatrabhinandini, seyyathida.m: kamata.nha bhavata.nha vibhavata.nha".

А в чем состоит благородная истина о происхождении страдания?

Пристрастие (танха), которое вызывает дальнейшее становление (бхава), – сопровождаемое страстью и наслаждением, ищущее удовольствий то здесь, то там, – то есть пристрастие к чувственным удовольствиям, пристрастие к становлению, пристрастие к не-становлению.

Ida.m kho pana bhikkhave, dukkhanirodho ariyasacca.m: yo tassayeva ta.nhaya asesaviraganirodho cago pa.tinissaggo mutti analayo.

А в чем состоит благородная истина о прекращении страдания?

Окончательное затухание и прекращение, отречение, отбрасывание, освобождение, и оставление именно этого пристрастия (танха).

Ida.m kho pana bhikkhave, dukkhanirodhagamini pa.tipada ariyasacca.m: ayameva ariyo a.t.tha'ngiko maggo, seyyathida.m: sammadi.t.thi sammasa'nkappo samnavaca sammakammanto samma ajivo samnavayamo sammassati sammassamadhi.

А в чем состоит благородная истина о пути практики, ведущем к прекращению страданий?

Именно этот благородный восьмеричный путь: правильное понимание (диттхи), правильная решимость (санкаппа), правильная речь (вача), правильное действие (камманта), правильные средства к существованию (аджива), правильное усилие (ваяма), правильная осознанность (сати), правильное сосредоточение (самадхи).

"Ida.m dukkha.m ariyasaccanti" me bhikkhave pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Это благородная истина о страдании" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkha.m ariyasacca.m parinneyyanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Эту благородную истину о страдании нужно понять" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkha.m ariyasacca.m parinnatanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Эта благородная истина о страдании мной понята" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

"Ida.m dukkhasamudayo ariyasaccanti" me bhikkhave pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Это благородная истина об источнике страдания" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkhasamudayo ariyasacca.m pahatabbanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Этот источник страдания нужно отбросить"[3] – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkhasamudayo ariyasacca.m pahinanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Этот источник страдания мной отброшен" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

"Ida.m dukkhanirodho ariyasaccanti" me bhikkhave pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Это благородная истина о прекращении страдания" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkhanirodho ariyasacca.m sacchikatabbanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Это прекращение страдания нужно непосредственно пережить" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkhanirodho ariyasacca.m sacchikatanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Это прекращение страдания мной непосредственно пережито" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

"Ida.m dukkhanirodhagamini pa.tipada ariyasaccanti" me bhikkhave pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Это благородная истина о пути практики, ведущем к прекращению страдания" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkhanirodhagamini pa.tipada ariyasacca.m bhavetabbanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Этот путь практики, ведущий к прекращению страдания, нужно пройти" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Ta.m kho panida.m dukkhanirodhagamini pa.tipada ariyasacca.m bhavitanti me bhikkhave, pubbe ananussutesu dhammesu cakkhu.m udapadi na.na.m udapadi panna udapadi vijja udapadi aloko udapadi.

"Этот путь практики, ведущий к прекращению страдания, мной пройден" – так, о монахи, мне неслыханных прежде вещей видение открылось, знание открылось, мудрость открылась, ведение открылось, ясность открылась.

Yavakivanca me bhikkhave, imesu catusu ariyasaccesu eva.m tipariva.t.ta.m dvadasakara.m yathabhuta.m na.nadassana.m na suvisuddha.m ahosi, neva tavaha.m bhikkhave, sadevake loke samarake sabrahmake sassama.nabrahma.niya pajaya sadevamanussaya anuttara.m sammāsambodhi.m abhisambuddho paccannasi.m.

И пока, монахи, не стало вполне чистым это мое знание и видение четырех благородных истин, как они есть, о трех оборотах, о двенадцати видах – до тех пор, монахи, не заявлял я, что прямо пробудился правильным пробуждением, непревзойденном во вселенной с ее богами, Марами и Брахмами, с отшельниками и брахманами, царями и простыми людьми.[4]

Yato ca kho me bhikkhave, imesu catusu ariyasaccesu eva.m tipariva.t.ta.m dvadasakara.m yathabhuta.m na.nadassana.m suvisuddha.m ahosi, athaha.m bhikkhave, sadevake loke samarake sabrahmake sassama.nabrahma.niya pajaya sadevamanussaya anuttara.m sammāsambodhi.m abhisambuddho paccannasi.m.

Но как только стало вполне чистым это мое знание и видение четырех благородных истин, как они есть, о трех оборотах, о двенадцати видах – тогда заявил я, что прямо пробудился правильным пробуждением, непревзойденном во вселенной с ее богами, Марами и Брахмами, с отшельниками и брахманами, царями и простыми людьми.

Na.nanca pana me dassana.m udapadi akuppa me cetovimutti, ayamantima jati natthidani punabbhavoti.

И открылось мне знание и видение: "Безусловно мое освобождение, это – последнее рождение, нет становления больше".

Idamavoca bhagava attamana pancavaggiya bhikkhu bhagavato bhasita.m abhinanduntī.

Так сказал Благословенный. Пятеро монахов восхищенно восприняли сказанное им.

Imasaminca pana veyyakara.nasmi.m bhannamane ayasmato ko.n.dannassa viraja.m vitamala.m dhammacakkhu.m udapadi: "ya.m kinci samudayadhamma.m sabbanta.m nirodhadhammanti".

И от слушания этой проповеди достопочтенному Конданье незапыленное, незагрязненное видение Дхаммы открылось: "Все, что подвержено возникновению, подвержено прекращению".

Pavattite ca pana bhagavata dhammacakke bhumma deva saddamanussavesu: "eta.m bhagavata bara.nasiya.m isipatane migadaye anuttara.m dhammacakka.m pavattita.m appativattiya.m sama.nena va brahma.nena va devena va marena va brahmuna va kenaci va lokasminti".

Так запущено было Татхагатой Колесо Дхаммы.

И земные боги вслед возгласили: "Ныне в Баранаси, в роще Исипатана, запущено Татхагатой Колесо Благородной Дхаммы, которого не остановить ни отшельнику, ни брахману, ни богу, ни Маре, ни Брахме и никому во вселенной".

Bhummana.m devana.m sadda.m sutva catummaharajika deva saddamanussavesu.m...

Услышав глас земных богов, четыре бога-царя вслед возгласили: ...

Catummaharajikana.m devana.m sadda.m sutva tavati.msa deva saddamanussavesu.m...

Услышав глас четырёх богов-царей, боги обители Тридцати Трёх вслед возгласили ...

Tavati.msana.m devana.m sadda.m sutva yama deva saddamanussavesu.m...

Услышав глас богов обители Тридцати Трёх, боги небес Ямы вслед возгласили ...

Yamana.m devana.m sadda.m sutva tusita deva saddamanussavesu.m...

Услышав глас богов небес Ямы, "Блаженствующие" боги вслед возгласили ...

Tusitana.m devana.m sadda.m sutva nimma.narati deva saddamanussavesu.m ...

Услышав глас "Блаженствующих" (тусита) богов, "Радующиеся творению" боги вслед возгласили ...

Nimma.naratina.m devana.m sadda.m sutva paranimmitvasavatti deva saddamanussavesu.m ...

Услышав глас "Радующихся творению" (нимманарати) богов, "Обладающие властью, данной другими" боги вслед возгласили ...

Paranimmitvasavattina.m devana.m sadda.m sutva brahmakayika deva saddamanussavesu.m: "eta.m bhagavata bara.nasiya.m isipatane migadaye anuttara.m dhammacakka.m pavattita.m appativattiya.m sama.nena va brahma.nena va devena va marena va brahmuna va kenaci va lokasminti".

Услышав глас "Обладающих властью, данной другими" (паранимитта-васа-ватти) богов, боги сонма Брахмы вслед возгласили: "Ныне в Баранаси, в роще Исипатана, запущено Татхагатой Колесо Благородной Дхаммы, которого не остановить ни отшельнику, ни брахману, ни богу, ни Маре, ни Брахме и никому во вселенной".

Itiha tena kha.nena tena muhuttana yava brahmaloka saddo abbhugganchi.

Так в то мгновение, в ту пору, в тот час до сонма Брахмы глас вознесся.

Ayanca dasasahassi lokadhatu sa'nkampi sampakampi sampavedhi.

И десяти тысячная сфера миров задрожала, заколебалась и сотряслась.

Appama.no ca u.laro obhaso loke paturahosi: atikkamma devana.m devanubhavanti.

И мир озарился беспредельным сиянием и светом, в котором поблекло великолепие богов.

Atha kho bhagava udana.m udanesi: "annasi vata bho ko.n.danno, annasi vata bho ko.n.dannoti".

И Благословенный возгласил клич: "Так ты действительно понял, Конданья? Так ты действительно понял?"

Itihida.m ayasmato ko.n.dannassa annako.n.dannottheva nama.m ahositi.

Так достопочтенный Конданья получил имя Конданья-понявший.

1. Текст первой благородной истины приведён здесь в соответствии с тем, что декламируется в "звуковом файле". Однако в Типитаке этот фрагмент немного отличается. В переводе на русский он выглядит следующим образом: "А в чем состоит благородная истина о страдании? и рождение страдание, и старость страдание, и болезнь страдание, и смерть страдание, и печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние – страдание". [Назад]

2. С точки зрения грамматики, палийский текст четырёх благородных истин является аномалией. На этом основании некоторые исследователи заявляют, что сам термин "благородная истина" был позже кем-то добавлен в текст. Некоторые даже считают, что и само содержание благородных истин было вставлено таким же образом. В обоих случаях они основываются на недоказанном утверждении, что язык, на котором говорил Будда был организованным с точки зрения грамматической структуры, а все отклонения являются признаками чьего-то вмешательства в текст. Однако эти исследователи не учитывают, что языки во времена Будды были устными диалектами, неупорядоченность которых являлась нормальным явлением. Нормы в грамматике языка обычно устанавливаются в то время, когда его начинают использовать для управления большими странами или для написания большого количества литературы. Можно привести в пример итальянский язык, который был совокупностью устных диалектов без строго определённых грамматических норм вплоть до момента, когда

Данте придал ему должную форму для использования в своей поэзии. Поэтому грамматические отклонения не могут быть основанием для определения времени возникновения этого учения. [Назад]

3. Некоторые находят здесь ещё один аргумент в пользу того, что термин "благородная истина" появился позже, поскольку истина (правильное утверждение о совокупности фактов) не является тем, что нужно отбрасывать. В случае со второй благородной истиной, нужно отбросить жажду, а не истину о жажде. Однако как в ведическом санскрите, так и в других языках (русский, английский) слово "истина" может означать и факт и правильное утверждение о факте. Поэтому здесь слово "истина" указывает именно на сам факт, а не на утверждение о нём, что не даёт оснований для заявления о позднем возникновении термина. [Назад]

4. В этих абзацах по отношению к каждой благородной истине даётся три аспекта знания: 1. Знание о том, что это истина (sacca-paṇa).

2. Знание о том, что по отношению к этой истине нужно выполнить определённое действие (kicca-paṇa).

3. Знание, что необходимое действие по отношению к этой истине было выполнено (kata-paṇa).

"Двенадцать видов" получается, если применить эти три вида знания к каждой благородной истине. В философской и юридической традиции древней Индии такой способ изложения называется колесом. Эта часть сутты и является "Колесом Дхаммы", от которого она берёт своё название. [Назад]

Сутта Нипата 1.8

Карания метта сутта

Дружелюбие

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Kara'niyam'attha kusalena,
Вот что должен делать тот, кто умело ставит цели,

Ya.m ta.m santa.m pada.m abhisamecca;
Кто хочет добиться состояния покоя, Ниббаны:

Sakko ujū ca suhujū ca,
Будьте способным, честным, и откровенным,

Suvaco cassa mudu anatimaṇi.
Легко обучаемым, добрым, и не высокомерным,

Santussako ca subhara ca,
Удовлетворенным и нетребовательным,

Appakicco ca sallahukavutti;
С немногими обязанностями, живя легко,

Santindriyo ca nipako ca,
Со спокойным умом, умелым,

Appagabbho kulesu ananugiddho.
Скромным, и не жадая сторонников.

Na ca khudda.m samacare kinci,
Да не делает он ни малейшей вещи,

Yena vinna pare upavadeyyu.m;
Которую мудрые бы осудили.

Sukhino va khemino hontu,
Счастливые, в покое,

Sabbe satta bhavantu sukhitatta:
Пусть все существа будут счастливы сердцем.

Ye keci pa.nabhut'atthi,
Какие бы ни были существа,

Tasa va thavara va'anavasesa,
Слабые или сильные, все без исключения,

Digha va ye mahanta va,
Длинные, большие,

Majjhima rassaka a'nukathula.
Средние, коротенькие, мелкие, крупные,

Di.t.tha va ye va adi.t.tha,
Видимые и невидимые,

Ye ca dure vasanti avidure;
Близко и далеко,

Bhuta va sanbhavesi va,
Рожденные и стремящиеся к рождению:

Sabbe satta bhavantu sukhitatta.
Пусть все существа будут счастливы.

Na paro para.m nikubbetha,
Пусть никто не обманывает друг друга,

Natimannetha katthaci na.m kanci;
И не презирает кого бы то ни было где бы то ни было,

Byarosana pa.tighasanna,
Пусть из-за возмущения или раздражения

Nannamannassa dukkhamiccheyya.
Не желает другим страдания.

Mata yatha niya.m putta.m,
Как мать готова рисковать жизнью

Ayusa eka'puttam'anurakkhe;
Защищая своего ребенка, единственного ребенка,

Evampi sabbabhutesu,
Так по отношению ко всем существам

Manasa.m bhavaye aparima.na.m.
Нужно развивать безграничное сердце.

Mettanca sabbalokasmi,
С доброй волей ко всей вселенной,

Manasa.m bhavaye aparima.na.m;
Развивайте безграничное сердце:

Uddha.m adho ca tiriyanca,
Вверху, внизу, и повсюду вокруг,

Asambadha.m avera.m asapatta.m.
Без ограничений, враждебности или ненависти.

Ti.t.tha.m cara.m nisinno va,
Стоя, при ходьбе, сидя или лежа,

Sayano va yavatassa vigatamiddho;
Пока бодрствуешь,

Eta.m sati.m adhi.t.theyya,
Нужно с решимостью об этом помнить.

Brahmam-eta.m vihara.m idha-mahu.
Это называется высшим пребыванием здесь и теперь.

Di.t.thinca anupagamma,
Непредубежденный во взглядах,

Silava dassanena sampanno;
добродетельный и одаренный прозрением,

Kamesu vineyya gedha.m,
Подчинив желание чувственных удовольствий,

Na hi jatu gabbhaseyya punar'eti'ti.
Больше никогда не окажешься в утробе.

Сутта Нипата 2.4

Махамангала сутта

Высочайшая защита

Звуковой файл

(Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Тханиссаро Бхикху)

Я слышал, что в однажды Благословенный пребывал в Шравасте в роще Джеты, парке Анатхапиндики. Тогда одно божество, глубокой ночью, осветив своим необычайным сиянием всю рощу Джеты, приблизилось к Благословенному. Приблизившись, поклонившись Благословенному, оно стало в стороне. Стоя в стороне, оно обратилось к нему стихами.

Bahu deva manussa ca,
"Много божеств и людей

ma'ngalani acintayu.m;
Думают о защите,

aka'nkhamana sotthana.m,
Желая благополучия.

bruhi ma'ngalamuttama.m".
Так скажите о высочайшей защите".

Будда:

Asevana ca balana.m,
"Не общаться с глупыми,

pa.n.ditananca sevana;
Общаться с мудрыми,

puja ca pujaṇeṇa.m,
Оказывать уважение достойным уважения:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Это – самая высокая защита.

Patirupadesavaso ca,
Жить в цивилизованной земле,

pubbe ca katapunnata;
Совершив заслуги в прошлом,

attasammapa.nidhi ca,
Правильно себя направляя:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Bahusaccanca sirpanca,
Глубокие знания, умения,

vinayo ca susikkhito;
Хорошая дисциплина,

subhasita ca ya vaca,
Вежливые слова:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Matapitu upa.t.thana.m,
Поддержка своих родителей,

puttadarassa sa'ngaho;
Помощь своей жене и детям,

anakula ca kammanta,
Настойчивость в работе:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Danansa dhammacariya ca,
Щедрость, нравственная жизнь,

natakananca sa'ngaho;
Помощь родственникам,

anavajjani kammani,
Безупречные дела:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Arati virati para,
Избегание, воздержание от порока;

majjapana ca sa.myamo;
Воздержание от опьяняющих веществ,

appamado ca dhammesu,
Внимательность к качествам ума:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Garavo ca nivato ca,
Уважение, смирение,

santu.t.thi ca katannuta;
Удовлетворенность, благодарность,

kalena dhammassavana.m,
Слушание Дхармы в подходящих случаях:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Khanti ca sovacassata,
Терпение, самообладание,

sama.nanancā dassana.m;
Общение с отшельниками,

kalena dhammasakaccha,
Обсуждение Дхармы в подходящих случаях:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Tapo ca brahmacariyanca,
Самоограничение, безбрачие,

ariyasaccana dassana.m;
Знание Благородных Истин,

nibbanasacchikiriya ca,
Осуществление Освобождения:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Phu.t.thassa lokadhammehi,
Ум, который при соприкосновении

citta.m yassa na kampati;
С обычаями мира, непоколебим,

asoka.m viraja.m khema.m,
Беспечален, безукоризнен, спокоен:

eta.m ma'ngalamuttama.m.
Вот высочайшая защита.

Etadisani katvana,
Всюду непобедимы

sabbatthamaparajita;
При таком образе действий,

sabbattha sotthi.m gacchanti,
Люди всюду живут в благополучии:

ta.m tesa.m ma'ngalamuttaman"ti.
Вот их высочайшая защита.

Сутта Нипата III.2

Падхана сутта

Сутта о решимости

Перевод с пали Т. Елизаренковой

Когда я, полный решимости,
На берегу Неранджары,
Все силы собрав, размышлял
О том, как достичь покоя,
Ко мне подошел Намучи (1)
С жалостливыми речами:
"Ты исхудал, ты бледен,
Близка твоя смерть, несчастный!
Тысяча частей у смерти
И только одна – у жизни.
Зачем умирать? Жить лучше!
Живым обретешь заслуги (2).
Живя, как живут брахманы,
В огонь принося жертвы,
Много заслуг накопишь.
Что пользы в борьбе с собою?
Путь борьбы с собою тернист,
Мучителен, полон лишений".
Говоря эти гатхи, Мара
Вплотную приблизился к Будде.
Так говорившему Мару
Вот что ответил Блаженный:
"Родич беспечных, грешник,
Пришел сюда зачем ты?
Нет для меня в заслугах
И самой ничтожной пользы!
Кому до заслуг дело,
С тем и беседуй, Мара!
У меня есть вера и мужество,
И еще у меня есть мудрость.
Так зачем устремленному к цели
Ты мне толкуешь о жизни?
Даже речные потоки
Может высушить этот ветер.
Разве он не высушит кровь
У меня, устремленного к цели?
Когда высыхает кровь,

Высыхают желчь и флегма,
А чем больше ссыхается плоть,
Тем яснее становятся мысли,
Укрепляются память и мудрость,
Сосредоточенность крепнет.
Вот так я живу и обрел
Высшее ощущение.
От услад отвратилась мысль, —
Зри чистоту человека!
Твое первое войско — желанья,
Отвращеньем зовут второе,
Третье войско твоё — голод,
Четвертое — жажда жизни,
Пятое — лень и вялость,
Шестым боязнь называют,
Седьмое войско — сомненья,
Восьмое — притворство и черствость.
Богатство, почести, слава,
Успех, нажитый обманом,
И тот, кто возносит себя,
А всех других презирает, —
Эти, Намучи, войска
За тебя, за Черного, бьются.
Не разбить асуре меня,
Победой не насладиться!
Над жизнью этой дрожать?
Да пусть она сгинет вовсе!
По мне умереть в бою
Лучше, чем жить побежденным!
Погрязшие в здешнем иные
Шраманы (3) и брахманы
Не видят того пути,
Которым следуют праведники.
Я вижу: война кругом,
Впереди на слоне — Мара.
Я принимаю бой!
Отступить меня не заставишь!
Твои полчища, что одолеть
Не дано ни богам, ни людям,
Мудростью в прах разобью,
Как горшок разбивают камнем.
Мысли свои обуздав,
Хорошо утвердив память,
Я буду учить людей,
Блуждая из царства в царство.
И серьезные, неуклонно
Выполняя мои наставленья,
Придут они к нежеланью,
Туда, где не страдают".
"Я за Блаженным хожу
По пятам семь долгих лет (4).
Хода к нему не найду —
Просветленный, он в памяти тверд.
Обошла ворона камень,
Цветом на жир похожий, —
Вдруг он окажется мягким,
Вдруг сладким он будет?
Но сладости в нем не найдя,
Улетела оттуда ворона.
Как ворона, на камень напав,

Я отступаюсь от Готама".
Печаль охватила Мару,
Из-под мышки выпала вина (5),
И тот злоумный якша (6)
Тотчас исчез оттуда.

Примечания:

1. Намучи – здесь имя Мары.
2. Имеются в виду религиозные заслуги, обретаемые совершением благочестивых дел (даяний и др.) и обеспечивающие благополучие в будущей жизни.
3. Шрамана – странник, отшельник. Шраманами, противопоставляя их брахманам, называли последователей неортодоксальных религиозных учений, в том числе и буддистов.
4. Из этой реплики как будто следует, что Мара пытался совратить Будду и до решающего сражения у Неранджары. Будда достиг просветления через семь лет после ухода из дома. Все это время было заполнено мучительными поисками своего пути (Будда посещал знаменитых учителей своего времени, беседовал с мудрецами, предавался суровой аскезе и т.д.)
5. Вина – древний струнный инструмент, вид лютни.
6. Якша – здесь Мара.

Сутта Нипата III.8

Салла сутта

Стрела

Перевод с английского Дмитрия Ивахненко
по переводу с пали Джона Айрленда

"Не указан и неизвестен срок жизни тех, кто подвержен смерти. Жизнь сложна, непродолжительна и связана со страданиями. Для тех, кто рожден, нет способа избежать смерти. При достижении старости наступает смерть. Это естественный ход событий для живых существ. Когда плоды спелые, есть постоянная опасность, что они упадут. Так и те, кто рожден и подвержен смерти, находятся в постоянной опасности смерти. Точно так же, как все горшки, сделанные гончаром, рано или поздно разбиваются, так и жизнь (разбивается) смертью.

Молодых и старых, глупых и мудрых, всех останавливает сила смерти, все они в итоге приходят к смерти. Ни отец, ни родные, ни близкие не спасут того, кого поразила смерть, кто вступает в иной мир. Смотрите! Пока близкие смотрят и скорбят, один за другим смертные уходят, как быки на бойню.

Так мир подвержен смерти и разрушению. Но мудрые не печалятся, познав природу мира. Напрасно плачешь о том человеке, чьи пути не знаешь: и откуда он пришел, и куда ушел, – не видны концы этого пути. Если бы плач приносил бы пользу, то и мудрые бы плакали, – но нет, только глупец вредит самому себе. Ведь с помощью рыданий и печали ум не успокаивается, а создается еще больше страдания, наносится вред телу, и человек становится изможденным и бледным, только вреда самому себе. Таким способом невозможно защитить ушедшего (пета). Печалиться бесполезно.

Кто не расстается с печалью, тот лишь испытывает все больше страданий. Оплакивая мертвого, оно попадает под власть печали. Посмотрите, как другие люди отходят в соответствии со своими поступками! Поэтому существа дрожат от страха, попадая под власть смерти. Что бы они ни представляли себе, это оказывается совсем иначе. Поэтому обманываются их ожидания. Посмотрите на природу мира! Даже если человек живет сто лет, или даже больше, в конце концов он разлучается с близкими и оставляет жизнь. Поэтому, выслушав Благородного (Будду), оставь свои печали. Видя мертвое тело, нужно знать: "Я его больше не встречу". Как огонь в горящем доме тушится водой, так и мудрый, распознающий, обученный и разумный человек должен быстро разогнать возникшую печаль, как ветер кусочек ваты. Тот, кто стремится к счастью, должен извлечь стрелу: свой собственный плач, тоску и печаль.

Вынув стрелу, непривязанный, он достигнет спокойствия ума; а когда вся печаль преодолена, он свободен от горя и достиг Нирваны".

Сутта Нипата

Содержание

Перевел с пали В. Фаусбёлль

Перевел с английского Н. И. Герасимов

Книга первая Урагавагга "Змеиная" *

- 1.1 Урага сутта "Змея" **
- 1.2 Дханья сутта "Пастух Дханья" **
- 1.3 Кхаггависана сутта "Рог носорога" **
- 1.4 Касибхарадваджа сутта "Брахман Касибхарадваджа" **
- 1.5 Чунда сутта "Кузнец Чунда" **
- 1.6 Парабхава сутта "Потеря" **
- 1.7 Васала сутта "Презренный" **
- 1.8 Метта сутта "Дружелюбие" **
- 1.9 Хемавата сутта "Якша Гемавата" **
- 1.10 Алавака сутта "Якша Алавака" **
- 1.11 Виджая сутта "Победа" **
- 1.12 Муни сутта "Мудрый" *

Книга вторая Чулавагга "Меньшая" *

- 2.1 Ратана сутта "Сокровища" **
- 2.2 Амагандха сутта "Оскверняющее" **
- 2.3 Хири сутта "Смирение" **
- 2.4 Мангала сутта "Наивысшая защита" **
- 2.5 Сучилома сутта "Якша Сучилома" **
- 2.6 Дхаммачария сутта "Благочестивая жизнь" **
- 2.7 Брахмана-дхаммика сутта "Обычаи брахманов" **
- 2.8 Нава сутта "Судно" **
- 2.9 Кимсила сутта "Какой добродетелью" **
- 2.10 Уттхана сутта "Встаньте!" **
- 2.11 Рахула сутта "К Рахуле" **
- 2.12 Нигродхакаппа сутта "Учитель Нигродхакаппа" **
- 2.13 Саммапариббаджания сутта "Праведный путь для нищенствующего" **
- 2.14 Дхаммика сутта "Мирянин Дхаммика" *

Книга третья Махавагга "Большая" *

- 3.1 Паббадджжа сутта "Скитальчество" **
- 3.2 Падхана сутта "Стойкость" **
- 3.3 Субхасита сутта "Хорошо сказанное" **
- 3.4 Сундарикабхарадваджа сутта "Брахман Сундарикабхарадваджа" **
- 3.5 Магха сутта "Юноша Магха" **
- 3.6 Сабхия сутта "Нищенствующий странник Сабхья" **
- 3.7 Села сутта "Брахман Селя" **
- 3.8 Салла сутта "Стрела" **
- 3.9 Васеттха сутта "Юноша Васеттха" **
- 3.10 Кокалика сутта "Монах Кокалика" **
- 3.11 Налака сутта "К Налаке" **
- 3.12 Дваятанупассана сутта "Двойное видение-как-есть" *

Книга четвертая Аттхакавагга "Восьмеричная" *

- 4.1 Кама сутта "Чувственное удовольствие" **
- 4.2 Гухаттхака сутта "Пребывающий в пещере" **
- 4.3 Дуттхаттхака сутта "Пребывающий в зле" **
- 4.4 Суддхаттхака сутта "Пребывающий в чистоте" **
- 4.5 Параматтхака сутта "Пребывающий в превосходстве" **
- 4.6 Джара сутта "Старость" **
- 4.7 Тисса Меттейя сутта "К Тиссе Меттейе" **
- 4.8 Пасура сутта "К Пасуре" **
- 4.9 Магандия сутта "К Магандие" **
- 4.10 Пурабхеда сутта "Прежде чем разрушилось тело" **
- 4.11 Калахавивада сутта "Дальнейшие вопросы" **
- 4.12 Чула-Вьюха сутта "Меньшая область" **
- 4.13 Маха-Вьюха сутта "Большая область" **
- 4.14 Туватака сутта "Быстро" **

4.15 Аттаданда сутта "Взятый в руку жезл" **
4.16 Сарипутта сутта "К Сарипутте" *
Книга пятая Параянавагга "О пути к дальнему берегу" *
Ваттхугатха "Пролог" **
5.1 Аджитта-манава-пуччха "Вопросы Аджиты" **
5.2 Тисса-меттейя-манава-пуччха "Вопросы Тисса-Меттейи" **
5.3 Панньяка-манава-пуччха "Вопросы Панньяки" **
5.4 Меттагу-манава-пуччха "Вопросы Меттагу" **
5.5 Дхотака-манава-пуччха "Вопросы Дхотаки" **
5.6 Упасива-манава-пуччха "Вопросы Упасивы" **
5.7 Нанда-манава-пуччха "Вопросы Нанды" **
5.8 Хемака-манава-пуччха "Вопросы Хемаки" **
5.9 Тоддейя-манава-пуччха "Вопросы Тоддейи" **
5.10 Каппа-манава-пуччха "Вопросы Каппы" **
5.11 Джатуканни-манава-пуччха "Вопросы Джатуканнина" **
5.12 Бхадравудха-манава-пуччха "Вопросы Бхадравудхи" **
5.13 Удайя-манава-пуччха "Вопросы Удайи" **
5.14 Посала-манава-пуччха "Вопросы Посалы" **
5.15 Могхараджа-манава-пуччха "Вопросы Могхараджи" **
5.16 Пингия-манава-пуччха "Вопросы Пингии" **
Параянаттхутигатха "Послесловие" *

Книга первая
Урагавагга "Змеяная"

1.1 Урага сутта
"Змея"

1. Кто сдерживает свой возникающий гнев, как врач останавливает силу яда, проникшего в тело, – тот монах покинет оба берега, как змея сбрасывает с себя изношенную кожу.
2. Кто всецело отринул от себя страсти, как, ныряя в воду, срывают лотос, тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую кожу.
3. Кто отогнал от себя всякое желание, неудержимо подступающее, стремительное, кто погубил его, иссушив его, – тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую кожу.
4. Кто разрушил в себе надменность, как прилив сокрушает тростниковый мостик, – тот монах покинет оба берега, как змея оставляет свою отжившую кожу.
5. Кто постиг, что нет неизменной сущности в этом бывании, как нет цветов на фиговой пальме, тот монах забудет оба берега, как змея навсегда бросает свою изношенную кожу.
6. В чьей груди уже нет чувства страха, кто победил все возникающее возрождение, тот монах покидает оба берега, как змея сбрасывает свою отжившую кожу.
7. Кто развеял свои сомнения, кто отсек их от себя вполне и искренно, – тот монах расстается с тем и с этим берегом, как змея со своею отжившею шкуркой.
8. Кто не рвался вперед, но и не оставался позади, кто победил оба эти мира заблуждения, тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую кожу.
9. Кто не рвался вперед, но и не оставался позади, кто понял, как все обманчиво в этом мире, тот монах покидает оба берега, как змея свою изношенную кожу.
10. Кто не стремился вперед, кто не оставался и позади, кого не поработила себе жадность, тот, познавший

призрачность этого мира, покидает оба берега, как змея свою изношенную кожу.

11. Кто не стремился вперед, кто не оставался и позади, свободный от страстей, сознавший обманчивость всего в этом мире, тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую кожу.

12. Кто не рвался вперед, кто не оставался и позади, не побежденный ненавистью, издевавший обманчивость всего в этом мире, тот монах покидает оба берега, как змея свою отжившую кожу.

13. Кто не стремился вперед, кто не оставался и позади, свободный от мечтаний, ясно постигший призрачность всего в этом мире, тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую кожу.

14. Кто все влечения погасил в себе и всякое желание вырвал с корнем, тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую кожу.

15. В ком не возникнет вновь чувство страха, кого не возвратит оно опять к этому берегу, тот монах навсегда оставляет оба берега, как змея свою отжившую кожу.

16. В ком не возникнет вновь чувство желания, кого не привяжет оно опять к существованию, тот монах покидает оба берега, как змея покидает свою изношенную кожу.

17. Кто разрушил пять преград, свободный от страдания, победивший сомнения, недоступный печали, тот монах покидает оба берега, как змея свою отжившую кожу.

1.2 Дханья сутта "Пастух Дханья"

18. – Я сварил свой рис, я подоил коров, – так говорил пастух Дханья, – вместе с товарищами живу я на отмели реки Маги; мой дом плотно закрыт, и огонь зажжен: теперь ты можешь дожидаться, о небо!

19. – Я свободен от гнева, я свободен от гордости, – так говорил Совершенный, – эту ночь провел я на отмели реки Маги; мое жилище не покрыто крышей, и огонь мой потух: ты можешь дожидаться, о небо!

20. – Я укрылся от оводов, – так говорил пастух Дханья, – на лугах, обильных травой, пасутся мои коровы, дождь не повредит им: теперь ты можешь дожидаться, о небо!

21. – Крепко снарядил я свою ладью, – так говорил Совершенный, – я приплыл к вечному берегу, я достиг той отмели, преодолев потоки страстей; теперь та ладья не нужна мне более: ты можешь дожидаться, о небо!

22. – Не сварлива моя жена, всегда послушна, – так говорил пастух Дханья, – долгое время она прожила со мной неразлучно; она миловидна, ничего дурного я никогда не слышу от нее: ты можешь дожидаться, о небо!

23. – Мне послушен мой ум, он свободен вполне, – так говорил Совершенный, – долгое время я обуздывал свой дух, совершенствовал его, – и нет в нем теперь ничего злого: ты можешь дожидаться, о небо!

24. Я кормлюсь своим трудом, – так говорил пастух Дханья, – и мои дети всегда со мною, они здоровы; ничего злого я никогда не слышу от них: ты можешь дожидаться, о небо!

25. Ни одного слуги нет у меня, – так говорил Совершенный, – что сам я добыл себе, с тем и прохожу чрез весь мир, нет мне нужды в помощниках: ты можешь дожидаться, о небо!

26. У меня есть коровы, и телята есть у меня, – так говорил пастух Дханья, – у меня есть также и бык: он господин над коровами: ты можешь дожидаться, о небо!

27. Нет у меня коров и телят, – так говорил Совершенный, – нет у меня и быка, господина над ними: ты можешь дожидаться, о небо!

28. Надежно врыты столбы, их нельзя раскачать, – так говорил пастух Дханья, – крепки веревки, новы и искусно свиты, коровы не порвут их: теперь ты можешь дожидаться, о небо!

29. Как бык, порвал я все узы, как слон, я прорвался сквозь чащу ползучих растений, – так говорил

Совершенный, – я не войду вновь в утробу рождений: ты можешь дожидаться, о небо! Внезапно разразился ливень, заливая землю, наполняя озера. Слыша, что полился дождь, сказал Дханья:

30. Не малая прибыль притекла к нам с тех пор, как мы узрели Совершенного; мы прибегаем к тебе, о ты, одаренный мудростью, – будь нашим наставником, о великий пустынник!

31. И я и жена моя, мы оба послушны; благослови нас на добрую жизнь, – мы победим рождение и смерть, мы достигнем конца страданий!

32. Кто имеет сынов, тот имеет радость от сынов, – так говорил лукавый Мара, – кто имеет стада, тот имеет радость от стад, ибо звенья бытия – радости людей, и тот, у кого их нет, не имеет и радостей.

33. Но так сказал Совершенный: Кто имеет сынов, тот имеет и заботу от сынов; кто имеет стада, тот имеет и заботу от стад, ибо звенья бытия – причина людских забот; у кого нет их, у того нет и заботы.

1.3 Кхаггависана сутта "Рог носорога"

34. Отбросив в сторону свое прежнее насилие против всех существ и не вреда никому из них, пусть не жаждет никто ни сынов, ни друзей, пусть он грядет одиноко, подобно носорогу.

35. Из близости к людям возникают страсти и печаль возникает, всегда идущая за страстями: поняв, что в страстях коренятся страдания, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

36. Кто близкою дружбой связан с людьми, тот лишается своей прибыли, ибо дух его закован в цепи; видя опасности дружбы, ты иди одиноко, подобно носорогу.

37. Все запуталось в своих ветвях бамбуковое дерево, – весь опутан человек заботами о сынах и женах; но как молодые бамбуковые побеги не прилепляются ни к чему, так и ты иди своим путем в одиночестве, подобно носорогу.

38. Как отвязанный скот, пущенный в лес, пасется там на свободе, привольно, так пусть и мудрый, разумея сознанную цель, идет одиноко, подобно носорогу.

39. Постоянно зовут на пиршества, зовут на прогулки, на игры, – но пусть тот, кто ищет свободы от ига желаний и принял великое решение, грядет одиноко, подобно носорогу.

40. Есть веселье и удовольствие с товарищами, есть радости и среди детей; но хотя и не легко разлучение с близкими, все же лучше, подобно носорогу, в одиночестве держать верный путь свой.

41. Для кого равны все четыре сферы, кто не враждебен ни одной из них, довольный и тою и иною, пусть тот, как носорог, грядет одиноко, побеждая безбоязненно все опасности.

42. Есть и отшельники, недовольные своей жизнью, есть и миряне, живущие в доме, но которых также не радует их жизнь; ты же иди своим путем одиноко, подобно носорогу.

43. Отстранив здесь всякие стремления, любезные мирянам, как отряхнется дерево от своих увядших листьев, ты гряди одиноко, подобно носорогу, доблестно порвавшие все прежние узы.

44. Если встретил ты разумного спутника, товарища могущественного и мудрого, ты иди с ним в раздумье и радости, преодолевая опасности;

45. если же не найдешь ты себе разумного друга, спутника праведного и мудрого, лучше иди ты, как царь, покинувший побежденную страну, иди одиноко, подобно носорогу.

46. Мы должны искать друзей, равных себе или лучших себя, и радоваться, найдя их; если же не обрел ты подобных друзей, лучше иди один, радуясь в своем одиночестве, иди одиноко, подобно носорогу.

47. Посмотри, как бьются друг о друга на твоей руке эти запястья, золотые, искусно выкованные, – пойми же то и лучше иди одиноко, подобно носорогу.

48. "Близко связанный с другим, я не избегаю ни ссор, ни проклятий", – размышляя об этой опасности, ты иди одиноко, подобно носорогу.

49. Разнообразны плотские наслаждения, они сладки и пленительны, то в том, то в другом виде они колеблют наш дух; видя горе, возникающее из радостей тела, ты гряди лучше одиноко, подобно носорогу.

50. "Эти наслаждения – мое несчастье, в них скрыто семя потери, неудач, горькой муки, опасностей", – так провидя опасности, растущие из радостей тела, ты гряди в одиночестве, подобно носорогу.

51. Избегая холода и жары, жажды и голода, ветра и палящего солнца, ядовитых мух и змей, избегая всего этого, ты подобно носорогу в одиночестве держи путь свой.

52. Как слон, крепкий и могучий, покинув табун, гуляет в лесу, на приволье, так и ты в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу.

53. Кто ищет радостей в связях с другими, того не влечет к себе дума об успокоении; ты же, внимая словам Будды, иди одиноко, подобно носорогу.

54. "Я прошел чрез строгости учений, я обрел самоподчинение и вступил на путь, ведущий к совершенству; я обладаю верным знанием, я не буду водим никем", – так говоря, ты иди одиноко, подобно носорогу.

55. Не увлекаемый, не обольщаемый, ничего не жаждущий, никого не поносящий, свободный от страстей и мечтаний, не подчиненный никаким влечениям, не связанный ими ни в одном из миров, – ты гряди одиноко, подобно носорогу.

56. Избегай дурного товарищества: оно научает дурному, оно приводит к неправому; не входи в дружбу с теми, кто отдался похоти и гибнет в ней, – как носорог, ты иди своим путем в одиночестве.

57. Дорожи дружбою тех, кому ведомо должное, кто сведущ, великодушен и мудр; ведая значение всякой вещи и побеждая сомнения, – как носорог, ты иди своим путем в одиночестве.

58. Не украшаясь, не стремясь к веселью и удовольствиям, этим обычным радостям мира, – нет, гнушаясь роскошества жизни, вещая истину, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

59. Оставь жену и сына, отца и мать, богатства и жито, оставь все, что порождает желания, и иди своим путем одиноко, подобно носорогу.

60. "Все это – узы, во всем этом так мало счастья, так мало радости; это – источник страданий, это – коварный крючок на уде", – в таком понимании ты иди, раздумывая, ты иди одиноко, подобно носорогу.

61. Сорви все узы, разорви все сети, как рыба, запутавшаяся в тенетах, разрывает их; будь ты подобен огню, никогда не возвращающемуся на сожженное место, и в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу.

62. С опущенными взорами, с утихшими чувствами, с духом, не тронутым никакой страстью, не пылая влечением, – ты гряди одиноко, подобно носорогу.

63. Облекшись в свое желтое платье, ты отряхни с себя все заботы о доме, как дерево стряхивает свои увядшие листья, и гряди одиноко, подобно носорогу.

64. Не стремись к приятным вещам, не будь неустойчив; не заботься о пропитании других, но сам иди, прося подаяния, от жилища к жилищу, с духом, не скованным никакою заботой, – ты гряди одиноко, подобно носорогу.

65. Отбросив пять преград духа, затушив в себе все дурное, независимый, нетревожимый, не желающий, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

66. Отбросив телесные наслаждения и печали, отбросив и все душевные радости и страдания, ты, обретший спокойствие, чистоту и мир, гряди одиноко, подобно носорогу.

67. Ревностный в достижении высшего блага, с духом, свободным от всякой привязанности, усердный и добрый,

одаренный мощью духа и тела, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

68. Не отклоняясь от уединения и размышления, уверенно шествуя стезею Дхармы, ясно видя все горе жизни, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

69. Жаждающий только угашения всех желаний, ревностный и размышляющий, обузданный и решительный, богатый знанием и трудами, – ты гряди одиноко, подобно носорогу.

70. Лев не страшится шума, ветра не уловишь сетями, лосось не окропится водою: ты же гряди одиноко, подобно носорогу.

71. Вот – лев с могучими лапами, победивший всех зверей, гордо идет он, победитель, властелин над всеми зверями; и ты в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу.

72. Благоклонный в должное время, покойный и сострадательный, свободный и радостный, ты, не затемненный целым миром, в одиночестве держи путь свой, подобно носорогу,

73. Отринув страсти и ненависть, отбросив все мечтания, сорвав с себя все оковы, не содрогаясь пред мыслью о смерти, ты гряди подобно носорогу.

74. Люди ищут сближения, служат другим ради собственной выгоды, трудно найти друзей, искренно преданных, несвоекорыстных; нет, своей только выгодой озабочены люди, они нечисты; лучше в одиночестве иди ты своею дорогою, подобно носорогу.

1.4 Касибхарадваджа сутта "Брахман Касибхарадваджа"

Вот, что я слышал:

Однажды Совершенный обитал в Магадхе, в деревушке. В то время пятьсот плугов брахмана Касибхарадваджи были запряжены, так как наступило время сеяния. Рано утром оделся Совершенный и, взяв свою чашу, пошел к тому месту, где трудился брахман Касибхарадваджа. В это время брахман разделял корм. Совершенный пошел на то место, где брахман делил корм, и, подойдя, стал поодаль. Брахман, увидев, что стоит Совершенный, как бы прося подаяния, сказал ему:

– Я, о странник, пашу и сею, и вспахав и посеяв, я питаюсь; и тебе также, о странник, надлежало бы пахать и сеять, и вспахав и посеяв, питаться.

– О брахман, я пашу и сею, и вспахав и посеяв, я питаюсь.

– Однако мы не видим ни ярма, ни плуга достопочтенного Готама, не видим мы ни его волов, ни сошника. И опять достопочтенный Готама сказал ему:

– О брахман, я и пашу и сею, и вспахав и посеяв, я питаюсь. Тогда с такими словами обратился брахман к Совершенному:

75. Ты назвал себя пахарем, но никто не видел тебя пахущим; спрошенный о том, скажи нам в чем твоя пахотьба; разъясни нам это, чтобы твоя пахотьба стала понятна нам. И отвечал Совершенный:

76. Вера есть семя, покаяние – дождь, мудрость – мой плуг и мое ярмо, смирение – дышло моего плуга, разум – гужи, глубокое размышление – мой сошник.

77. Я охраняю себя в телесности, я блюду себя в слове, я умерен в пище, я ведаю истину и ею выпалываю плевелы. Любовь – мое избавление;

78. подвижничество – мое вьючное животное; оно несет меня к Ниббанае, несет, не возвращаясь вспять, не печалась о покинутом месте.

79. Когда вспахана моя пашня, она приносит плоды бессмертия; вспахав эту пашню, ты избавишься от страдания.

Тогда брахман Касибхарадваджа нацедил рисового молока в золотую чашу и, подав ее Совершенному, так сказал:

– Пусть Совершенный изопьет рисового молока; достопочтенный – пахарь, ибо славный Готама пашет ту пашню, которая приносит плоды бессмертия.

80. Тогда сказал Совершенный:

– Что добыто здесь в поучении, тем не питаюсь я: это, о брахман, уже не устав для того, кто видит ясно; Будда отвергает ранее добытое, – таково от века правило Будд.

81. Кто есть совершенный мудрец, чьи страсти развеяны, в чьих деяниях навеки угасло все дурное, тому ты должен служить иною пищею и иным питьем – вот верное поприще тому, кто ищет добрых дел.

– Кому же, о Готама, предложу я теперь это рисовое молоко? – так сказал Касибхарадваджа.

– Я никого не вижу, о брахман, ни в мире богов и людей, ни среди брахманов и отшельников, кто бы мог принять это рисовое молоко, кроме Совершенного или ученика Совершенного. Посему, о брахман, ты должен вылить это рисовое молоко где-нибудь, где мало травы, или вылить в реку, где нет червей, – так сказал Совершенный.

Тогда брахман вылил рисовое молоко в чистую воду. Тогда рисовое молоко, вылитое в воду, забрызгало, зашипело, задымилось клубами. Как разогретый дневною работою сошник, будучи опущен в воду, брызгает, шипит и дымит клубами, так брызгало, шипело и дымило клубами рисовое молоко, вылитое в воду.

Тогда брахман, испуганный и пораженный, приблизился к Совершенному и, приблизившись к нему и припав головою к его ногам, так сказал Совершенному:

– Как чудесно это, о славный Готама! Как чудесно это, о славный Готама! Как поднимают то, что было опрокинуто, как обнаруживают то, что было скрыто, как указывают путь заблудившемуся, как вносят лампаду во тьму, чтобы зрячие могли видеть, так и славный Готама разъяснил истину многими путями. Я прибегаю к славному Готаме и его Дхарме и к Сангхе монахов; я хочу оставить мир, хочу получить от славного Готамы одеяние и правила пустынной жизни.

И тогда брахман Касибхарадваджа получил от Совершенного разрешение на странничество и получил также одеяние и правила; и вот досточтимый Бхарадваджа, ставши странником и ведя уединенную, смиренную, ревностную, усердную жизнь подвижника, в короткое время постиг и усвоил то высочайшее совершенство, ради которого люди знатных семей покидают свои дома. "Разрушено возрождение, достигнуто совершенство духовной жизни; что должно было свершить, то свершено, и не осталось ничего из надлежащего быть свершенным здесь", – так сознавал он, и вот досточтимый Бхарадваджа стал блаженствующим.

1.5 Чунда сутта "Кузнец Чунда"

82. – Я прошу у Мудрого великого понимания, – так сказал Чунда, кузнец, – Будда, господин Дхармы, ты, свободный от желаний, лучший из людей, великолепнейший из возникших, – сколько странников есть на свете, открой мне, прошу тебя!

83. – Четыре есть странника, о Чунда, и нет пятого, – так сказал Благословенный, – спрошенный тобою, я открываю тебе: есть "побеждающий путь" и есть "поучающий пути", есть "идуший праведным путем" и есть "оскверняющий путь".

84. – Кого же нарекают Будды "побеждающим путь"? – так сказал Чунда кузнец, – и как узнать мне "поучающего пути"? Спрошенный мною, укажи мне "живущего на праведном пути" и укажи "оскверняющего путь".

85. – Кто отринул сомнения, – так сказал Благословенный, – кто не страдает более, но блаженствует в Ниббанае, свободный от жадности, водитель мира людей и богов, того именуют Будды "победоносно свершающим свой путь".

86. Кто уже в этом мире постиг, что лучшее есть Ниббана, кто излагает и объясняет Вечную Дхарму, того, мудрого, рассекающего сомнения, того, недоступного желаниям, – второго из странников, нарекают Будды "поучающим пути",

87. Кто живет по Дхарме, ясно постигши Дхарму, кто укротил себя и внемлет, кто вещает лишь непостыдное слово, – того третьего из странников они нарекают "живущим праведным путем".

88. Кто же, подделываясь под вид добродетельного, бесчестит семейства, бесстыден и лжив, необуздан и лицемерен, тот назовется "оскверняющим путь".

89. И вот, кто постиг четырех странников, кто – хозяин дому, богатый разумом, ученик достопочтенных и мудрый, – понял, что все они таковы, у того не иссякнет вера, – ибо он всегда различит неиспорченного от испорченного и не сравнивает нечистого с чистым.

1.6 Парабхава сутта "Потеря"

Так я слышал:

Однажды ночью некое божество, прекрасное видом, осветившее собою всю окрестность, снизошло к Совершенному и, приветствовав его, отошло к стороне; и стоя в стороне, обратилось к Совершенному с такими словами:

90. – Мы вопрошаем тебя, Готама, о человеке, страдающем от потери; я пришел спросить тебя, – скажи нам, в чем причина потери для теряющего.

91. – Легко узнаешь выигрывающего, не труднее заметить и теряющего; кто возлюбил Дхарму, тот выигрывающий, кто возненавидел его, тот теряющий.

92. – Это так, это первый теряющий: о втором теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

93. – Злые люди дороги тому, кто не делает ничего из любезного доброму, кто восхваляет пути нечестия, – вот причина потери для теряющего.

94. – Это так, это второй теряющий; о третьем теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

95. – Сонливость, леность, преданность гневу, любовь к пиршествам, неуверенность, – вот причина потери для теряющего.

96. – Это так, это третий теряющий; о четвертом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

97. – Кто, будучи богат, не заботится ни об отце, ни о матери, не заботится о них, постаревших, навсегда потерявших былые силы, – вот причина потери для теряющего.

98. – Это так, это четвертый теряющий; о пятом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

99. – Кто ложью и лицемерием достигает степени мудрого или отшельника или другой степени из монашествующих, – вот причина потери для теряющего.

100. – Это так, это пятый теряющий; о шестом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

101. – Многими богатствами владеет человек, много у него золота и яств, и ни с кем не поделится он, – вот причина потери для теряющего.

102. – Это так, это шестой теряющий; о седьмом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

103. – Своим происхождением, богатствами, своею родословною гордится человек, он презирает ближних, – вот причина потери для теряющего.

104. – Это так, это седьмой теряющий; о восьмом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

105. – Все приобретенное им расточает человек похотливый, друг хмельных напитков, игрок в кости, – в том причина потери для теряющего.

106. – Это так, это восьмой теряющий: о девятом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

107. – Кто не довольствуется своею женой и влечется к женам других, – в том причина потери для теряющего.

108. – Это так, это девятый теряющий: о десятом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

109. – Когда человек, достигший преклонного возраста, вводит в дом свой жену с прекрасными персями и всю ночь не может сомкнуть очей, встревоженный ревностью, – вот причина потери для теряющего.

110. – Это так, это десятый теряющий: об одиннадцатом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

111. – Кто во главе хозяйства в доме ставит женщину или мужчину, наклонных к пьянству и расточительству, – вот причина потери для теряющего.

112. – Это так, это одиннадцатый теряющий; о двенадцатом теперь ты поведай нам, о Совершенный, – в чем причина потери для теряющего.

113. – Кто жаден, завистлив к чужим богатствам, кто, будучи рожден в семье воинов, жаждет владычества над целым светом, – вот причина потери для теряющего.

114. Раздумывая о тех причинах потери в этом мире, мудрый, достойный человек, одаренный видением-как-есть, достигнет счастливого места богов.

1.7 Васала сутта "Презренный"

Так я слышал:

Рано утром, одевшись и взяв свою чашу, вышел Совершенный, чтобы просить подаяния. В то время пылал очаг в жилище брахмана Аггикабхарадваджи, и у порога были выставлены приношения. Совершенный, прося подаяния и ходя от дома к дому, подошел к жилищу брахман. Брахман, заметив его, сказал ему:

– Остановись здесь, о постриженник! Остановись здесь, о нищий странник! Остановись здесь, о презренный!

Услышав это, Совершенный сказал брахману:

– Разве ведомы тебе презренные, о брахман, и разве ведомо тебе, что делает человека презренным?

– Нет, о славный Готама, мне неизвестно, кто – презренный, и неизвестно, что делает человека презренным: пусть Достопочтенный Готама научит меня, чтобы я познал, кто презренный и что делает человека презренным.

– Послушай же, о брахман, послушай внимательно, что я скажу тебе.

– Пусть будет так, о Достопочтенный! – отвечал брахман. Тогда начал говорить Совершенный.

115. – Кто зол и несет в себе ненависть, кто лицемерен и дурен, кто предан ложному мнению, кто склонен ко лживости, – в нем ты признай презренного.

116. Кто в этом мире вредит живым существам, один раз или дважды рожденным, в ком нет к ним сострадания, – в том ты признай презренного.

117. Кто осаждаёт города и посёлки, кто разрушает их, в ком все видят врага и боятся его, – в нём ты признай презренного.

118. Кто крадёт чужое добро, будь то в лесу или в селении, кто завладевает тем, что не дано ему, – в нём признай ты презренного.

119. Кто, будучи должен, уклоняется от уплаты, когда наступает срок, говоря: "Я вовсе и не должен тебе", – в нём признай ты презренного.

120. Кто в похвальбе своим удалством убивает человека, мирно идущего своею дорогой, – в нём признай ты презренного.

121. Кто, как свидетель, будучи спрошен, лжёт ради своей выгоды, или ради выгоды другого, или ради подкупа, – в нём признай ты презренного.

122. Кто увлекает жен друзей или близких, и они охотой или неволей идут к нему, – в нём признай ты презренного.

123. Кто, будучи богат, не поддерживает ни отца, ни матери, постаревших, потерявших былые силы, – в нём признай ты презренного.

124. Кто оскорбляет мать, отца или брата, сестру и свекровь, кто поносит их, – в нём признай ты презренного.

125. Кто, просимый научить доброму, поучает дурному, кто советует другим лживость и изворотливость, – в нём, кто бы он ни был, ты признай презренного.

126. Кто лицемерен, кто, свершив дурное дело, надеется про себя: "Ведь никто не узнает о том", – в том признай ты презренного.

127. Кто любит от других принимать угощения, но сам не отплачивает им тем же, – в нём признай ты презренного.

128. Кто, вероломный, обманывает брахмана и странника, обманывает и других монашествующих, – в нём признай ты презренного.

129. Кто докучает брахману и пустыннику, кто ничего не даёт им в обеденное время, – в нём признай ты презренного.

130. Кто, весь окутанный невежеством, прорицает несбыточное, кто домогается здесь пустого и ничтожного, – в нём признай ты презренного.

131. Кто восхваляет себя и унижает других, – да, кто в своей надменности доходит и до этой низости, – в нём признай ты презренного.

132. Кто корыстен и поощряет дурное, кто полон грешных желаний, не страшится греховного, кто поработён завистью, злом и бесстыдством, – в нём признай ты презренного.

133. Кто поносит Будду или ученика его, будь то нищенствующий монах или мирянин, – в нём признай ты презренного.

134. Кто, не будучи благословенным, тщится представить из себя благословенного, тот есть только тать во всех мирах и в мире Брахмы: тот – самый гнусный из всех презренных; всех тех, о ком говорил я здесь, считай ты презренными!

135. Итак, не рождением становится человек презренным, не рождением он становится и брахманом; нет, за свои дела заслуживают презрения и за свои дела прославляются брахманом.

136. Знай же ты, что это – правда. Вот, что я расскажу тебе: жил один презираемый, по имени Матанга.

137. Матанга достиг высочайшей славы, достигаемой здесь лишь немногими, – и брахманы и воины приходили служить ему.

138. Он воссел на колесницу богов и вступил на ту высочайшую дорогу, на которой нет земной пыли; отринув всякое плотское желание, он вошел в царство Брахмы.

139. А ведь его происхождение не сулило ему возрождения в царстве Брахмы... С другой стороны, есть брахманы, рожденные в семьях наставников, друзей гимнов.

140. Но они увязли в своих грехах и достойны только презрения в этом мире, а в будущем их ждет преисподняя: ни от порицания, ни от мрачного места не спасет их происхождение.

141. Итак, не рождением становится человек презренным, не рождением он становится и брахманом; нет, за свои дела заслуживают презрения и за свои дела прославляются брахманом.

Когда кончил свою речь Совершенный, то брахман обратился к нему с такими словами:

– Чудесно, о славный Готама! Чудесно, о славный Готама! Как тот, кто, о славный Готама, находит потерянное, обнаруживает скрытое, указывает пути заблудшему, вносит свет во тьму, чтобы имеющие очи могли видеть, так и ты, о славный Готама, различными путями разъяснил истину! У тебя я ищу прибежища теперь, о славный Готама, в твоём учении и семье нищенствующих. Прими меня, о Готама, как последователя; отныне всю жизнь я буду находить в тебе убежище!

1.8 Метта сутта "Дружелюбие"

142. Вот, что следует исполнить тому, кто ищет здесь доброго, кто жаждет своему духу покоя: пусть будет он прямодушен и бодр, совестлив и кроток в речи, уступчив, не горд.

143. Пусть он идет своим путем, успокоенный, не отягощенный заботами, с утихшими чувствами, с окрепшею мудростью, не надменный, не жадный.

144. Пусть он никогда даже и не подумает что-либо такое, за что бы могли упрекнуть его мудрые... Да будут счастливы все существа, да живут все они в радости и довольстве!

145. Все живые существа, которые только есть на свете, и слабые и сильные, и длинные и короткие, и большие и средние, и великие и малые,

146. видимые и невидимые, живущие близко и далеко, рожденные или только носимые в утробе – все они да будут счастливы!

147. Пусть никто не обманывает других, пусть никто и никогда не обижает других, пусть никто ни гневом, ни злобою не вредит другим.

148. Как неусыпно мать охраняет свое единственное дитя, как дорожит он его жизнью, так пусть каждый объемлет своим благоволением все существа.

149. Пусть он простирает свое благоволение сквозь все миры, пусть обнимает он их своим благосклонным духом и вдаль, и вглубь, и ввысь, без вражды, без тревоги, без ненависти.

150. Стоя или лежа, сидя или ходя, в каждую минуту бодрствования пусть он предаётся осознанию этого, – этот путь жизни самый лучший на свете.

151. Добродетельный, одаренный совершенною мудростью, потушивший в себе жажду плотских наслаждений, никогда не вступит вновь на путь рождений и смертей.

1.9 Хемавата сутта "Якша Гемавата"

152. – Сегодня пятнадцатый день, постный день сегодня; вот наступила прекрасная ночь, – так сказал злой дух

Сатагира, – пойдем, посмотрим славного Учителя Готаму!

153. – Разве дух его расположен ко всем существам? – так сказал злой дух Гемавата, – разве укрощены его помыслы и о вещах желаемых и о вещах нежелаемых?

154. – Его дух благосклонен ко всем существам, дух его, – так сказал злой дух Сатагира, – и его мысли укрощены как в вещах желаемых, так и в вещах нежелаемых.

155. – Не свершает ли он чего, что не дано ему совершить? – так сказал злой дух Гемавата, – руководит ли он собою в своих отношениях к живым существам? Отдалился ли он от нерадивости? Не забыл ли он путь размышления?

156. – Нет, он не совершает ничего, что не дано ему совершить, – так сказал злой дух Сатагира, – он сам ведет себя среди живых существ, он далек от нерадивости; нет, Будда не небрежет размышлением.

157. – И он никогда не говорит лживо? – так сказал злой дух Гемавата, – и он никогда не говорит сурово и не клеветает, нет неправды в его словах?

158. – Он не говорит лживо, – так сказал злой дух Сатагира, – жестокие слова неизвестны ему, он не клеветает, в его суждениях всегда благой смысл.

159. – И он не предан похотям? – так сказал злой дух Гемавата, – и его дух не встревожен, он победил неведение, и все пути видит он ясно?

160. – Он далек от плотских наслаждений, – так сказал злой дух Сатагира, – не смущен его дух, неведение навсегда побеждено им; ясно все пути видит Будда.

161. – И он одарен мудростью? – так сказал злой дух Гемавата, – и всегда непорочны его действия? И загасли в нем все влечения? И путь возрождений уже не предстоит ему?

162. – Он одарен мудростью, – так сказал злой дух Сатагира, – чиста его жизнь, и потухло все страстное в его духе; возрождение уже не наступит для него.

163. Дух Мудрого совершен и в деянии и в слове; Готаму. совершенного в знании и жизни, – пойдем и посмотрим его.

164. Пойдем и посмотрим на него, Готаму, чьи ноги подобны ногам антилопы, посмотрим на него, мудрого, исхудалого, нежелающего, – этого учителя, в уединенном лесу погрузившегося в размышления.

165. И придя к нему, подобному льву среди тех, кто странствует, все покинувши, к нему, не увлеченному телесной радостью, – и придя к нему, мы спросим его об освобождении от сетей смерти.

166. Спросим Готаму, учителя, проникшего в суть всех вещей, спросим его, толкователя, Будду, победившего ненависть и опасения...

167. – В чем зачался мир? – так сказал злой дух Гемавата, – с чем связан мир? Чем измучен мир, после того как возлюбил то?

168. – В шести зачался мир, о Гемавата, – так сказал Совершенный, – с шестью связан мир, шестью мучится мир, с теми шестью связанный влечением.

169. – Что есть влечение, которое внесло в мир страдание? – так сказал злой дух Гемавата, – спрошенный о спасении, скажи мне, как освободиться от мук.

170. – Пять радостей чувств есть на свете, – сказал Совершенный, – и радость духа – шестая; совлеки с себя всякое желание этих радостей, ты освободишься от страдания.

171. Этот путь спасения был возвещен мною ясно, и вот вновь я возвещаю его теперь: тем путем ты освободишься от страдания.

172. – Кто в этом мире преодолет течение? – так сказал злой дух Гемавата, – кто пересечет это море? Кто не погрузится в пучину, где не на чем укрепиться, где не за что удержаться?

173. – Кто одарен добродетелью, обладает мудростью и вполне обуздан собой, тот преодолет это течение, это течение бурное, трудноодолимое.

174. Кто отрекся от всех похотей, кто сорвал с себя все оковы и разрушил пустое веселье, тот никогда не погрузится в пучину.

175. Тогда воскликнул Гемавата:

– На него, озаренного глубокою думою, на него, разгадавшего лукавое, ничего не присвоившего, не связанного похотью, – вот, взирайте на него, со всех сторон освобожденного, великого Мудреца, шествующего славною стезею!

176. На него, достойного великого имени, разгадавшего лукавое, одаренного пониманием, не увлеченного страстями, – взирайте на него, всеведущего, великого Мудреца, шествующего божественною стезею!..

177. Благое видение встретили мы сегодня, благой рассвет, прекрасное возвышение! – узрели мы Совершеннопросвещенного, пересекшего течение, свободного от страстей!..

178. И вот, тысяча злых духов, обладателей сверхъестественной силы и славы, – они прибегают к тебе со мною: будь ты нашим несравненным наставником!

179. Мы пойдем от селенья к селенью, мы пойдем от горы к горе, прославляя Совершеннопросвещенного, прославляя совершенство Вечной Дхармы!

1.10 Алавака сутта "Якша Алавака"

Вот, что я слышал:

Однажды злой дух Алавака пришел на то место, где обитал Совершенный, и, придя туда, так сказал Совершенному:

– Выйди, о странник!

– Пусть будет так, о друг! – и, говоря так, Совершенный вышел.

– Войди, о странник!

– Пусть будет так, о друг! – и, говоря так, Совершенный вошел. Во второй раз злой дух Алавака сказал Совершенному:

– Выйди, о странник!

– Пусть будет так, о друг! – и, говоря так, Совершенный вышел.

– Войди, о странник!

– Пусть будет так, о друг! – и, говоря это, Совершенный вошел. И в третий раз злой дух Алавака сказал Совершенному:

– Выйди, о странник!

– Пусть будет так, о друг! – и, говоря так, Совершенный вышел.

– Войди, о странник!

– Пусть будет так, о друг! – и, говоря это, Совершенный вошел. И в четвертый раз злой дух Алавака сказал Совершенному:

– Выйди, о странник!

– Я не выйду к тебе более, о друг: делай, что замыслил!

– Один вопрос я задам тебе, о странник, и если не сможешь ты ответить мне, я или развею твои мысли, или расколю твое сердце, или, взяв тебя за пяту, переброшу на ту сторону Ганга.

– Никого нет на свете, о друг, никого нет ни в мире Брахмы и Мары, ни среди живых существ, включая богов и людей, отшельников и брахманов, кто бы мог развеять мои мысли, кто бы мог расколоть мое сердце, или, взяв меня за пятку, перебросить на ту сторону Ганга; итак, о друг, вопрошай, о чем хочешь!
Тогда злой дух Алавака обратился с такими словами к Совершенному:

180. – Где в этом мире высшее сокровище для человека? Что, будучи дано, приносит счастье? Что – сладчайшее из всех сладостей? Какую жизнь назовешь ты благою?

181. Отвечал Совершенный:

– Лучшее сокровище в этом мире – вера: Вечная Дхарма, раз постигнутая, приносит здесь счастье: Истина – сладчайшее в этом мире; и та жизнь назовется лучшею, которая прожита в понимании.

182. Вновь вопросил Алавака:

– Как пересечь это течение? Как переплыть это море? Как победить это страдание? Чем можно очиститься здесь?

183. – Верою преодолеешь течение, ревностью пересечешь море, страдание победишь подвигами и достигнешь чистоты мудростью .

184. – Как достичь понимания? Как приобрести сокровище? Как возвеличиться в славе? Чем привязать к себе друзей? Как избежать печали, странствуя из жизни в жизнь?

185. – Кто постиг, что учение, возглашенное славным, есть возвешение Ниббаны, тот в ревности и глубокой мудрости достигнет ясной мудрости .

186. Сверхая должное, кротко надевая свое ярмо, обуздывая себя, обретешь ты верное сокровище: ведая истину, ты прославишься и милосердием привяжешь к себе друзей.

187. Неколебимый, непобедимый сомнением, обладатель четырех добродетелей: истины и справедливости, постоянства и щедрости, – не горюет вовсе, навсегда покидая это место жизни.

188. Пойди и спроси странников и духовных, близких и далеких, всех спроси ты: есть ли в мире что выше правды и милости, выше смирения и кротости.

189. И сказал Алавака:

– Зачем мне идти и вопрошать странников и духовных, далеких и близких! Отныне мне ясно мое благое будущее.

190. Ибо на мое счастье поселился здесь Будда; теперь я знаю, кем принесенный мне дар принесет благой плод.

191. Я пойду от селенья к селенью, я пойду из города в город, прославляя Совершеннопросвещенного, прославляя совершенство Вечной истины!

1.11 Виджая сутта

"Победа"

192. Если кто, сидя или ходя, стоя или лежа, сокращает или растягивает свое тело, это и есть движение его тела.

193. Тело связано костями и жилами, слеплено из мяса и перепонки, покрыто кожей, – но не верь, что оно действительно есть.

194. Внутри оно наполнено желудком и печенью, сердцем и легкими, селезенкой и почками,

195. слюной и слизью, потом и лимфой, кровью и желчью, его суставы смочены жиром.

196. Девять нечистых струй постоянно истекают из него: из глаз слизь, из ушей сера,

197. слизь из носа, изо рта по временам желчь, по временам мокрота, изо всего тела исходит пот и грязь.

198. Пустота черепа заполнена мозгом... Глупец, водимый невежеством, думает про тело: какая это прекрасная вещь!

199. И когда оно лежит мертвое, распухшее, посиневшее, свезенное на кладбище, близкие не заботятся о нем.

200. Псы и шакалы пожирают его, волки и черви, вороны и ястреба и другие хищники...

201. Нищенствующий монах, обладатель мудрости, вникая в смысл Дхармы Будды, верно знает это тело, ибо он сознает его таким, каково оно в действительности.

202. И это живое тело таково, каково и то мертвое, – каково то, таково и это будет; пусть же никто не увлекается телом, ни его внутренним, ни его внешним!

203. Нищенствующий монах, обладатель мудрости, отвергая все желания и привязанности, достигнет бессмертного покоя, неизменного состояния Ниббаны.

204. Как нечисто это тело, поставленное на две ноги: оно дурно пахнет и тут и там струится.

205. И вот, с таким то телом иной мечтает превозноситься над другим или презирает других, – что же это иное, как не ослепление?..

1.12 Муни сутта "Мудрый"

206. Из близости к людям возникают опасности, из домашней жизни происходит осквернение; бездомность, свобода от цепей дружбы, – вот заветная дума Мудрого.

207. Кто вырвал из своего сердца всякое нечестивое влечение, кто не дает ему укорениться вновь, заградив все пути к его возвращению, тот, своим путем уединенно идущий, наречется здесь Мудрым; он блаженствует в неизменном покое.

208. Ведая, в чем начало греха, умертви его семя, навсегда разрушь все пути к его возвращению; тот Мудрец, покинувший всякое сомнение, верно направивший путь свой к концу смерти и рождения, не войдет уже вновь в эту обитель существования.

209. Мудрец, свободный от влечений, свободный от жадности, духом постигший все обители счастья этого мира и не жаждущий более никакой из них, и не влечется к ним вовсе: он приплыл к иному, лучшему берегу.

210. Победивший всякую вещь, знающий значение всякой вещи, обладатель великого постижения, ничем не оскверненный, все отринувший, выведший дух свой на волю, разрушив эту темницу желания, – величается Мудрецом, несравненным.

211. Кто обладает мощью разума (аннья), одарен добродетелью и славен доброю жизнью, кто сбросил с себя все цепкие узы (асава), загасил в себе страсти и злобу, тот, радостный в мудрости, в блаженстве раздумья и вникновения, величается доблестным Мудрым.

212. Как лев не боится шума, как ветер не уловится сетью, как лотос не окропится водою, так и Мудрый, шествующий своим путем мысли и подвига, не поколеблется ни хвалою, ни осуждением; других ведущих, но никем не ведомый, величается он доблестным Мудрым.

213. Угасивший все свои страсти, укротивший все свои чувства, воспривыкший власть поучения, непоколебимый, как столбы у купели, величается доблестным Мудрым.

214. Охранивший себя от всего дурного, крепкий, как челн, оснащенный на славу, ведающий правое и неправое, величается доблестным Мудрым.

215. Кто сам ведет себя, далекий от всего злого и неправого, кто никого не гневит и ни на кого не гневается, тот – юный ли или мужественный – величается доблестным Мудрым.

216. Кто, живя людскими подаяниями, получая лучший рис из середины горшка, не восхваляет дающего, но и не

хулит его, получая остатки риса, тот величается Мудрым.

217. Кто свершает свой земной путь в целомудрии, кто не связан здесь никакими цепями еще с юности, – тот, свободный от безумия гордости и спасенный, величается Мудрым.

218. Кто проник в сущность этой жизни, кто постиг высочайшую истину и переплыл этот бурный поток существования, кто сорвал с себя все оковы и стоит независимый и свободный, тот величается Мудрым.

219. Вот двое на земле, чей род жизни и обычаи всегда различны и ничуть не равны: мирянин, озабоченный домом, и достойный муж разума, не связанный никаким влечением; к убиению живых существ склонен мирянин, будучи необуздан, – но всякое живое существо охраняет и любит Мудрый, всегда обузданный.

220. Как попугай, эта хохлатая птица с голубым клювом, не сравняется быстротою с лебедем, – так и владетель домов никогда не сравняется с Мудрым, счастливым нищим, в уединенном лесу погружившимся в размышление.

Книга вторая Чулавагга "Меньшая"

2.1 Ратана сутта "Сокровища"

221. Все духи, пришедшие сюда, вы, привязанные к земле и витающие в воздухе, – будьте все вы счастливы и внемлите сказанным словам.

222. Внемлите, о духи! – будьте милосердны к людскому роду, и днем и в ночи приносящему свои жертвы, ревностно охраняйте людей!

223. Никакое сокровище ни здесь, ни в ином мире, никакие драгоценности небес не сравняются с Совершенным. Великое сокровище обрели мы в Будде! Истиной, им возвешенною, воцарится блаженство!

224. Разрушение страстей, свобода от них и то дивное бессмертие, которого достиг Шакьямуни, – нет ничего равного этой истине! Великое сокровище обрели мы в Дхарме, ее правдою воцаряется блаженство!

225. Чистота, прославленная величайшим из Будд, непрерывное размышление, – вот великая бесподобная истина. Дивное сокровище обрели мы в Дхарме, ее истиной достигается блаженство!

226. Восемь их, прославленных Праведным, восемь их, учеников Благословенного, достойных жертвоприношения: что даровано им, то принесет благие плоды. Великое сокровище обрели мы в Сангхе, ее правдою воцаряется блаженство!

227. Кто приникнет к словам Готама, свободный духом, не встревоженный желаниями, – тот получает высочайшую награду, погружившись в бессмертное, блаженствуя в нем, не купленном никакою ценою. Великое сокровище обрели мы в Дхарме, ее истиною возвещается спасение!

228. Не потрясаемы четырьмя ветрами, стоят столбы городских порот, крепко врытые в землю: ничто не поколеблет праведного, постигшего благородные истины, ясно постигшего их. Великое сокровище обрели мы в Сангхе, ее истиной достигается исцеление!

229. Кто постиг священные истины, благостно возвешенные Мудрым, тот не примет вновь возрождения. Великое сокровище обрели мы в Сангхе, – тою истиной зачинается блаженство.

230. Он, принявший блаженное знание, навсегда победил здесь три чаши: мечтания, сомнения и все то, что мог бы стяжать себе своею добродетелью и своими святыми делами, из четырех темниц сам себя вывел он на свободу, шесть смертных грехов до конца сокрушены им. Великое сокровище обрели мы в Будде, его истиной достигается блаженство.

231. Ни телом, ни словом, ни мыслью он не мог бы свершить греховного дела, да не мог бы даже сокровенно подумать о нем: разве возможно то испытавшему состояние блаженства? Верное сокровище обрели мы в Сангхе, ее правдою воцаряется блаженство!

232. Под теплыми лучами зацвели деревья, высоко к небу подняли они свои верхушки, все в цвету: дивные пути создал здесь Будда, те пути, что ведут к Ниббанае, превеликому счастью. Верное сокровище обрели мы в Будде, истиной, им возвещенною, воцарится блаженство!

233. Дивную истину возвестил он нам. Несравненный, он – узревший прекрасное, он – дающий прекрасное, он – несущий прекрасное! Великое сокровище обрели мы в Будде, истиной, им возвещенною, воцарится блаженство!

234. Разрушено прежнее, не возникнет новое: мудрые, презревшие будущее, навсегда покинули это место пребывания; как эта лампада, угасают они, сокрушившие желание. Великое сокровище обрели мы в Сангхе, ее истиной воцарится блаженство!

235. Все вы, духи, пришедшие сюда, духи земные и надземные, – прославьте всесовершенного Будду, прославьте его, чтимого людьми и богами: да наступит блаженство!

236. Все вы, духи, пришедшие сюда, духи, витающие в воздухе и привязанные к земле, – прославьте всесовершенную Дхарму, чтимую людьми и богами; да наступит блаженство!

237. Все вы, духи, пришедшие сюда, духи земли и духи воздуха! Прославим всесовершенную Сангху, чтимую людьми и богами, – да наступит блаженство!

2.2 Амагандха сутта "Оскверняющее"

238. Кто питается плодами и корнями, праведным путем полученными от праведных, тот никогда не лжет, никогда не жаждет телесных радостей.

239. Кто ест затейливые кушанья, вкусно состряпанные, поданные другими, кто любит рисовую пищу, – тот ест, о Кассапа, то, что оскверняет.

240. – Это запрещение скверного не приму я, – так ты сказал, о брахман, любящий рисовую пищу, вкусно приправленную птичьим мясом... Тебя я спрашиваю, о Будда, как ты учишь, каков твой устав об оскверняющем?

241. – Разрушение жизни живых существ, убийство и заклание, удушение и похищение, ложные речи, обман и обольщение, недостойное слово и прелюбодеяние, – вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

242. Необузданность в плотских наслаждениях, жадность к сладостям жизни, близкие связи с нечистыми, несправедливость и неуверенность, – вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

243. Жестокость и грубость, клевета и предательство, безжалостность и надменность, оставление других людей без помощи, – вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

244. Гордость, пустосвятство и пьянство, лесть, зависть и высокомерие, несправедливость, спесь и надменность, – вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

245. Зло и недобросовестность, лживость и двуличие, душевная низость и греховность, – вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

246. Необузданность в отношениях к другим существам, оскорбление благодетелей, злоба и хитрость, жестокость и непочтительность, – вот что оскверняет человека, а не скромная пища.

247. Зависть, враждебность, поношение, – вот что оскверняет человека, вот что оскверняет его, привязанного здесь к греху и после смерти идущего во тьму, вниз головою летящего в бездну.

248. Ни нагота, ни бритые головы, ни грязь, ни нечистота тела, ни пост, ни рыбная пища, ни заплетение волос в косы, ни обильные приношения, ни возжигания жертвенных огней, ни многое покаяние, ни наблюдение за временами года – не очистят смертного, не постигшего Вечной Дхармы.

249. Чистый в чувствах, охраненный во впечатлениях, твердо опираясь на Дхарму, шествует Мудрый, радуясь тому, что прекрасно и праведно: разрушив все узы (асава), далеко за собой оставив всякое страдание, он никогда

не привяжется вновь ни к чему видимому и слышимому.

250. Так поучал Благословенный, и брахман, сведущий в гимнах, понял его: Мудрый, далекий от скверны, неуловимый, независимый, – разнообразными путями разъяснил ему истину.

251. Прослушав дивное слово Будды, – его, свободного от всего нечистого, предавшего забвению всякие скорби, умиленный брахман прославил Совершенного и принял его Дхарму.

2.3 Хири сутта "Смирение"

252. Кто нарушает завет смирения, кто, говоря: "Я – друг тебе", – не поступает так, чтобы дружба его стала явной, – так ты думай о нем: "Он не друг мне".

253. Чьи слова к другим всегда ласковы, но не таковы поступки, – в том разумный признает человека, на словах только доброго, но не на деле.

254. Не друг тот, кто всегда готов на раздоры, кто в своих друзьях ищет только ошибок; но с кем сладко живется тебе, как ребенку на груди родной матери, – тот только твой верный друг, которого ничто не отторгнет от тебя.

255. Чьи дела несут другим радости, тот славен в этом мире, покуда стоит людской род!

256. Вкусив радости уединения и спокойствия, ты, почерпая в Дхарме, освободишься от страха и навсегда отделишься от зла.

2.4 Мангала сутта "Наивысшая защита"

Так я слышал:

Наступила ночь, и божество, прекрасное видом, озарив собою всю окрестность, приблизилось к Совершенному и, приблизившись и поклонившись ему, стало подле: и, стоя подле, то божество обратилось к Совершенному с такими словами:

257. – Жаждающие счастья, многие боги и люди поучали о защите; ты поведай мне, – в чем наивысшая защита!

258. Сказал Будда:

– Не входить в дружбу с безумцами, но дружить с разумными, прославляя тех, кто должны быть прославлены, – вот наивысшая защита.

259. Жить в прекрасной стране, нести с собою добрые дела прежней жизни, ревностно охранять свой дух, – вот наивысшая защита.

260. Великое научение и познание, верное разумение Устава, благое слово, – вот наивысшая защита.

261. Прислуживать отцу и матери, защищать жену и ребенка, заниматься честным трудом, – вот наивысшая защита,

262. Подавать просящему, жить благочестивою жизнью, заботиться о ближних, свершать лишь одно непостыдное, – вот наивысшая защита.

263. Отвращаться от всего греховного, не любить хмельных напитков, верно следовать Дхарме, – вот наивысшая защита.

264. Благоговение и покорность, спокойствие и признательность, поучение Дхарме в благоприятное время, – вот наивысшая защита.

265. Добрая речь и терпение, близость с мудрыми, благочестивые с ними беседы, – вот наивысшая защита.

266. Покаяние и целомудрие, внимание к Благородным Истинам, непорочная любовь к бессмертному, – вот наивысшая защита.

267. Не волноваться желанием, прикасаясь к земным вещам, не допускать к себе оскверняющего, быть недоступным печали и верить Истине, – вот наивысшая защита.

268. Верно держать путь свой, с несмущенным духом, свершая благое, – вот наивысшая защита.

2.5 Сучилома сутта

"Якша Сучилома"

Так я слышал:

Однажды злой дух Кхара и злой дух Сучилома проходили неподалеку от Благословенного. И вот злой дух Кхара спросил злого духа Сучилому, пустынный ли был тот человек. Сучилома ответил:

– Нет, он не пустынный, он – лицемер: все же пойду удостоверюсь, верный ли он пустынный, или же только лицемер.

Тогда злой дух Сучилома подошел к Благословенному и, подойдя к нему, тронул его. Благословенный отстранился от него. Тогда злой дух Сучилома сказал Благословенному:

– О пустынный, разве ты сердишься на меня? Благословенный ответил:

– Нет, друг, я не сержусь на тебя, но твое прикосновение ко мне греховно. Сучилома сказал:

– Я задам тебе вопрос, о пустынный: если не сможешь ты ответить мне, я или развею твои мысли, или расколю твое сердце, или, взяв тебя за пятую, переброшу на ту сторону Ганга. Совершенный ответил:

– Нет никого, о друг, ни в этом мире, ни в мире Див, Брахмы и Мары, нет никого среди брахман и пустынных, нет никого в сферах людей и богов, кто бы мог развеять мои мысли, кто бы мог расколоть мое сердце или, взяв меня за пятую, перебросить на ту сторону Ганга. Все же, вопрошай меня, друг, о чем задумал.

Тогда злой дух Сучилома с такими словами обратился к Совершенному:

269. – В чем начало страстей и ненависти, отвращения, страха и восхищения? Откуда возникают они? Почему сомнения, возникая, беспокоят разум, как мальчики беспокоят петуха?

270. Будда отвечал:

– Страсти и ненависть коренятся в плоти: плотью же рождаются и отвращение, и страх, и наслаждение; возникая от плоти, сомнения смущают дух, как шалуны досаждают петуху.

271. Страсти коренятся в плоти, они возникают в самом тебе, как в самом дереве зарождаются его ветви, и похотью к далекому и близкому они связывают человека, как повилика сплетает лесные деревья.

272. Кто знает, где коренятся они, тот сумеет и вырвать их, и – внеми, о злой дух! – тот переплывет этот поток, труднопреодолимый, никем не переплываемый доныне, – он переплывет его в великом решении не вступить вновь на этот путь возрождения.

2.6 Дхаммачария сутта

"Благочестивая жизнь"

273. Справедливая жизнь, благочестивая жизнь, – вот, в чем видит тот лучшее здесь сокровище, кто покидает родной кров ради пустынножительства.

274. Если же он жесток и, как зверь, только радуется, вредя другим, – жизнь его весьма зла, и каждый шаг его – только новое осквернение.

275. Монах, наклонный к раздорам, как саваном окутанный безумием, – нет, тот вовсе не постиг Вечной Дхармы, которая возведена была Буддой.

276. Вредя своему духу, водимый невежеством, он никогда не сознает, что грех – это путь, ведущий в преисподнюю.

277. Обреченный на бедствия, вновь идя из утробы в утробу, изо тьмы во тьму, тот монах, покидая земную жизнь, идет на муки.

278. Как мусорной яме, наполнявшейся многими годами, трудно очиститься тому, кто всего себя напичкал грехами.

279. Кого вы признаете таким, о монахи, в ком вы увидите человека, привязанного к жилищу, одержимого злыми мыслями и желаниями, богатого грешными делами,

280. того избегайте вы в общем согласии: вы стряхивайте его, как пыль, отбрасывайте его, как сор;

281. отвеивайте его, как мякину, кто не отшельник, но заботится лишь о самом себе: вы отстраняйте того, кто одержим злыми желаниями, кто весь напичкался греховным.

282. Будьте чисты и живите в непорочности все вы, любите свои глубокие думы: согласные в мудрости, вы придете к концу всех страданий.

2.7 Брахмана-дхаммика сутта "Обычаи брахманов"

Вот, что я слышал:

Однажды Благословенный обитал в Саваттхи, в лесу. И вот, многие зажиточные брахманы, почетные старейшины, и пожилые, и достигшие преклонного возраста, пришли к Благословенному и, придя к нему, любезно говорили с ним; и, поговорив с ним любезно и занимательно, сели в стороне. Севши в стороне, зажиточные брахманы сказали Благословенному:

– О, достопочтенный Готама. исполняют ли нынешние брахманы обычаи древних брахман? Совершенный ответил:

– Нет, старейшины, теперешние брахманы не исполняют обычаев древних брахман. Тогда сказали брахманы:

– Пусть же достопочтенный Готама разъяснит нам обычаи древних брахман, если то будет угодно достопочтенному Готаме. Совершенный сказал:

– Итак, послушайте меня, о брахманы, приникните в великом внимании к тому, что я поведаю вам.

– Пусть будет так, – и с теми словами стали брахманы слушать Совершенного. И вот, что поведал Совершенный:

283. – Древние мудрецы отличались терпением и покорностью: все отринув, к чему пять чувств зовут человека, они бодрствовали в размышлении о своем неотъемлемом благе.

284. Не было скота у брахман, и ни золота, ни жита не было у них, – было одно только благо мудрости, и верно хранили они свое лучшее сокровище.

285. Что другими было приготовлено для них и, как питание, поставлено при дверях, только то, доставленное благочестием, и брали себе они.

286. Приходили к ним благосклонные люди, и из дальних стран и местные жители, приходили в разноцветных одеждах, с палатками и постелями, и прославляли брахман.

287. Неколебимы были те брахманы, непобедимы; Истина покровительствовала им; когда останавливались они при дверях жилищ, никто не мог противиться им.

288. До сорока восьми лет юношеское целомудрие хранили они: в примерной жизни и в искании мудрости свершали брахманы верный здесь путь свой.

289. Не женились брахманы на женщинах другой касты и никогда не покупали себе жен: вступая в брак, они вели добрую жизнь в любви и взаимной верности.

290. Они никогда не оскверняли жен своих, всегда соблюдая с ними должное время.

291. Они восхваляли целомудрие, восхваляли смирение и сострадание, добродетель и честность, покаяние и терпение.

292. Самые лучшие из них, строгие брахманы, даже и в сонном видении не испытывали сладострастия.

293. Подражая их обычаям, и из светских людей многие прославляли целомудрие и терпение.

294. Прося риса, постели, одеяния и масла и собирая все это справедливостью, они из собранного уделяли на жертвоприношения, и коров не убивали они.

295. Как мать и отец, братья и другие близкие, так и коровы – наши лучшие друзья, дарующие нам целебные снадобья.

296. Они питают и укрепляют нас, они дают нам крепкое телосложение и счастье; зная действительное назначение их, никогда брахманы не закалывали коров.

297. Те брахманы были красивы и статны, кротки и славны, брахманы по природе, усердные в своих различных трудах; все время земной жизни преуспевал род их.

298. Но со временем изменились брахманы: все смотрели они на богатства царей, на их разукрашенных жен,

299. на их чудные колесницы, везомые благородными конями, на богатые их цветные ковры, на дворцы и палаты с многочисленными покоем,

300. на все то великое благосостояние со стадами коров, с целой толпой женщин чудной красоты, – и стали брахманы жадны.

301. Движимые жадностью, пошли они, слагатели гимнов, к царю и сказали:

– Многими сокровищами и житом владеешь ты, – принеси в жертву богатства, принеси в жертву сокровища!

302. И вот царь, господин колесниц, наученный брахманами, принес им в жертву коней и людей и сокровища, отдал, не сожалея о том, и, принеся эти щедрые жертвы, он даровал брахманам еще многие богатства:

303. и коров, и ложи, и платья, и украшенных женщин чудной красоты, и прекрасные колесницы, везомые благородными конями, и ковры роскошных цветов и рисунков;

304. и дворцы с многочисленными покоем, и житницы, наполнив их отборным зерном; вот, какие богатства подарил царь брахманам.

305. Но еще более только возросла жадность в брахманах, получивших такие сокровища; и тогда они, певцы гимнов, пошли к царю и сказал:

306. – Как вода и земля, жито и золото, – также и коровы созданы для людей, ибо все это – дань мира живущим; принеси в жертву свое обильное богатство, принеси в жертву свое обильное добро!

307. И тогда царь, властелин колесниц, наученный брахманами, подарил им много сотен тысяч коров, чтобы были они убиты для жертвы!..

308. Тех коров, всегда кротких, щедро дарующих людям полные чаши молока, тех коров, которые, как и козы, никому не вредят ни рогами, ни копытом своим, повелел царь, схватив за рога, убить их оружием!..

309. Боги и праотцы, Индра и Асуры, и все духи воскликнули:

– Это несправедливость! – когда оружие вонзилось в коров...

310. Прежде было три бедствия: желание, голод, погибель, – со времени убийства коров стало их девятью.

311. Свершилась несправедливость насилия, убиты невинные коровы, жрецы отпали от Дхаммы!

312. Посрамлено Мудрым это дряхлое и низкое учение, – и на тех, кто следует этому обычаю, ты смотри, как на оскверняющих пламя жертвенника.

313. С той поры, как нарушена была Дхамма, наступила вражда между кастами и жены стали пренебрегать мужьями.

314. Воины и брахманы, и другие кастовые разбрелись в пререканиях и спорах и подпали грешной силе плотских наслаждений.

Когда сказаны были эти слова, зажиточные брахманы сказали Совершенному:

– Как прекрасно это, о славный Готама! Как прекрасно это, о славный Готама! Как поднимают оброненное, как открывают опрокинутое, как указывают путь заблудившемуся, как вносят светоч во тьму, чтобы те, кто имеет очи, могли видеть, так и славный Готама разнообразными путями разъяснил нам истину: мы прибегаем к славному Готаме, к его Дхарме и к семье монахов: пусть славный Готама примет нас, как последователей, отныне навсегда находящих в нем убежище!

2.8 Нава сутта "Судно"

315. Славьте того, от кого поучаетесь Дхарме, как боги восхваляют Индру, – великое слово возвещает он вам, мудрый, достойный, прославленный.

316. В глубоком раздумье вникнув в Дхарму, разумный и в жизни своей следует правилам, согласным с ним: он становится сведущим, опытным, горячо привязанным к своему наставнику.

317. Кто учится у низкого учителя, безумца, не познавшего правды, завистливого, тот идет путем смерти, тот не победит неведения, не постигнет Дхармы.

318. Если человек вступил в быструю реку, вдаль понесется он, подхваченный ее шумными волнами, – разве поможет он другим тогда переплыть ее?

319. Так же и тот, кто не постиг Дхармы, не вник в разъяснения сведущих в нем и сам не уразумел его, побежденный сомнением, не поможет другим познать Дхарму.

320. Но как тот, кто, войдя на борт крепкого судна, снабженного рулем и веслами, перевозит и многих других через реку, ибо верный путь ведает он, разумный и опытный.

321. так и совершенный в мудрости, неустрашимый и сведущий, поможет и другим познать Дхарму, познать ее в прилежании и внимании.

322. Прилепляйтесь к доброму, разумному, сведущему: ведя правильную жизнь, поняв благое, близкие к смыслу Дхармы, вы достигнете счастья.

2.9 Кимсила сутта "Какой добродетелью"

323. Какою добродетелью, каким подвигом жизни, какими делами достигнет человек совершенства, упьется он высочайшим счастьем?

324. Пусть почитает он старост, искореняет всякую зависть в себе, в должное время приходит к наставникам, в благочестивой беседе прилежно вникая в смысл их доброго поучения.

325. Пусть он в должное время посещает наставников, будет смиренным, забывшим всякую настойчивость, пусть помнит благое, следует ему в своей жизни, верный Дхарме, покорный и целомудренный.

326. Пусть Дхарма будет его радостью, его восхищением, его опорой, пусть не вдается он в споры, оскверняющие Дхарму, пусть его слово всегда будет чисто и благостно.

327. Отринув все пустые речи и жалобы, лицемерие и похотливость, высокомерие и зависть, грубость и жестокость, разврат и безумие, – пусть живет он в радости могучего разума, пусть живет он в свободе от похотей.

328. Всегда благостно слово того, кто постиг верный смысл его; понятое слушателем, оно западает в его сердце, как семя размышления; понимание нерадивых, беспечных не возрастет никогда.

329. Кто радуется Дхарме, возвешенной Благородными, тот непревзойден в речи, в деле и в разуме, тот отдыхает здесь в мире, спокойствии (шаматха) и сосредоточении, с духом, радостным в сознании Истины.

2.10 Уттхана сутта "Встаньте!"

330. Встаньте, встаньте! Что вы дремлете? Что за сон недужным, отравленным ядом страдания, тоскующим!..

331. Встаньте, встаньте! Учитесь жизни, ведущей к миру, дабы властелин смерти не воспользовался вашей беспечностью и, обольстив, не подчинил бы вас своей силе.

332. Победите то желание, которым связаны боги и люди, которого так жаждут они; не теряйте решительной минуты жизни: кто не удержит ее, кто даст ускользнуть ей, тот обрекает себя на гибель...

333. Ты оскверняешь себя постоянной беспечностью; только бдительностью, размышлением ты вырвешь из себя ту стрелу отравления.

2.11 Рахула сутта "К Рахуле"

334. Сарипутта сказал:

– Не небрежешь ли ты Мудрым, постоянно проживая с ним? Чтишь ли ты его, для блага людского рода высоко поднявшего зажженный свой факел?

335. Отвечал Рахула:

– Я не небрежу Мудрым, постоянно проживая с ним; он, высоко поднявший зажженный свой факел на благо рода людского, всегда верно почитается мной.

336. Продолжал Совершенный:

– Не подвластный тому, к чему пять чувств влекут человека, к манящему, восхитительному, в великом решении покинув дом свой, ты обретешь конец всем страданиям.

337. Любимый доблестными, любезный живущим в уединении, тихо и смиренно ты иди своей кроткой поступью.

338. Бди, чтобы в сердце твоём не зародилась жажда ни к милостыни и одеянию, ни к приношениям и обители, чтобы вновь та жажда не принесла тебя к покинутому миру.

339. Будь ревнив в житии по уставу, бодрствуй над пятью чувствами. Практикуй осознанность тела и постоянно развивай (к нему) беспристрастие.

340. Избегай темы красивого (субха-нимитта), связанной со страстью; медитируя на непривлекательном (асубха), развивай сосредоточенный и собранный ум.

341. Медитируй на отсутствии темы (анимитта), оставь навсегда склонность к горделивости (мана); сокрушив

ее, ты пойдешь своим путем одиноким, умиротворенный, успокоенный.

2.12 Нигродхакаппа сутта "Учитель Нигродхакаппа"

Так я слышал:

Учитель славного Вангисы, по имени Нигродхакаппа, отошел в Нирвану. И стало достопочтенного Вангису беспокоить сомнение, когда он пребывал в уединенном раздумье:

– Может быть, достиг блаженства мой учитель, может быть, не достиг.

Тогда достопочтенный Вангиса, покинув в вечернее время свою уединенную обитель, пошел к Совершенному и, придя к нему, сел в стороне, поклонившись ему; сидя в стороне, достопочтенный Вангиса обратился к Совершенному с такими словами:

– Господин, когда я уединяюсь в размышлении, раздумье берет меня: обрел ли мой учитель блаженство или же не обрел.

Тут достопочтенный Вангиса, поднявшись со своего сиденья, перебрал верхний плащ на одно плечо и, простирая к Совершенному свои стиснутые руки, воскликнул:

342. – Мы просим у Наставника великого понимания! Умер тот, кто в этом мире сбросил сомнение, умер монах знаменитый и славный, кроткий и успокоенный.

343. Имя Нигродхакаппа было тобою дано ему, о Благословенный; он шел своей стезею, прославляя тебя, свободный разумом и могучий, провидевший Ниббану.

344. О Мудрец, ты всевидящий, мы жаждем получить от тебя наставление; наши уши ждут слова от тебя, ты – учитель наш несравненный!

345. Разреши наши сомнения, скажи нам о нем, теперь блаженствующем, о ты, муж великого понимания! Говори о нем среди нас, о всевидящий!

346. Все цепи жизни, влекущие на путь безумия, и неведение – седалище сомнения – гаснут пред Совершенным, ибо он – благое око для всех людей.

347. Если тьму греха не разогнал человек, как ветер разгоняет на небе тучи, весь мир окутан мраком перед ним, и даже светлые из людей не будут светить ему.

348. Мудрецы светочи мира; ты – один из них, о Мудрый, – так я понимаю тебя; мы притекли к тебе, светлому в размышлении, поведай о Каппе нам, здесь собравшимся.

349. О восстань, несравненный! Дивен твой голос, как голос лебеда, когда со сладкою песнью покидает он родное гнездо; мы приникнем к словам твоим.

350. О, молю тебя, победившего смерть и рождение, сокрушившего грех: возвести желанную истину, – только ты один, Совершенный, можешь возвестить ее.

351. Ты не отринешь мою просьбу к тебе, не отстранишь эти руки, протянутые к тебе, просящие; о, ты, озаренный вышнею мудростью, ведающий нынешний путь Каппы, – не обмани надежду мою.

352. О ты, Славный, в совершенстве познавший Вечную Дхарму, не обмани нас, обладающий непревосходимою силою, мудрый; как в жаркую пору жаждут воды, так и я жажду слова от тебя, – увлажни меня росой поучения!

353. Та жизнь благочестия, которую вел здесь наш Каппа, была ли в помощь ему, совершенно ли угас он, или не все мирское померкло в нем, – вот что мы жаждем слышать от тебя!

354. – Уже в этом мире он вырвал из своего сердца влечение к виду и имени, – навсегда выплыл он из этого потока жизни и смерти, – так сказал Благословенный.

355. – Я радуюсь, слыша слово твое, о лучший из Мудрых: не напрасно я вопрошал тебя, – нет, брахман не обманул надежду мою.

356. Как говорил, так и поступал он, был верным учеником Пробужденного, он прорвался сквозь сети, всюду раскинутые лукавой смертью.

357. О Совершенный! Каппа постиг источник привязанностей, он прошел сквозь обитель смерти, прошел нетронутый ею, так трудно победимую!

2.13 Саммапариббаджания сутта "Праведный путь для нищенствующего"

358. – Мы просим у Мудрого великого понимания, мы просим его у Благословенного, выплывшего на иной берег, совершенного в мудрости: какой путь в этом мире – праведный путь для нищего, покинувшего дом свой, забывшего все желания?

359. – Кто отбросил все мнения о воздушных явлениях и предзнаменованиях, о приметах и сновидениях, – сказал Совершенный, – тот монах, отринувший все нечестивое, верным путем шествует в этом мире.

360. Пусть он загасит в себе страсть к земным и небесным радостям, – тогда, победивши жизнь, познавши Истину, он пойдет здесь верною дорогою.

361. Отбросив клевету и гневливость, победивши скупость, он вступит на верный путь, не связанный здесь ни враждою, ни ненавистью.

362. Кто сокрушил и приятное, и неприятное этого мира, тот вступает на верный путь, ни к чему не привязанный, ни от чего не зависимый, освобожденный от всяких уз.

363. Кто в этих звеньях существующего не признает никакой сущности, тот вступает на верный путь, победивши желания и привязанности, независимый, никем не водимый.

364. Кто не враждует ни с кем ни словом, ни мыслью, ни действием, кто познал в совершенстве Вечную Дхарму и жаждет только блаженства угашения. тот идет здесь верною дорогою.

365. Кому не льстит людское поклонение, кто забывает обман и обиды, кто отвращается от хмельных напитков, хотя бы и подносимых в подаянии, тот идет здесь верною дорогою.

366. Монах, покинувший всякую привязанность к жизни, с отвращением взирающий на насилия и притеснения, не омраченный скорбью, победивший сомнения, идет здесь верною дорогою.

367. Охраняя свое верное знание, никому не вредя в этом мире, вникая усердно в Дхарму, монах шествует здесь верною дорогою.

368. Кто угасил в себе всякую страсть, кто с корнем вырвал все греховные влечения, тот вступает на верный путь, свободный от желания, ничего здесь не жаждущий.

369. Чьи развеяны страсти, кто свободен от гордости, кто покинул эту дорогу похотей, тот идет здесь верною стезею, идет укрощенный и в мудрости, угасивший все земное в себе для высших радостей.

370. Обладатель верного знания, ясно видящий светлый путь угашения, отстранившийся от последователей всех шестидесяти двух школ, мудростью победивший и гнев и влечения, идет здесь верною дорогою.

371. Кто, охраняемый Дхармой, приплыл к иному берегу, преодолев все желания, кто, чистый и доблестный, смело сорвал покрывало, окутавшее собою весь мир, кто в великой мудрости ведает путь победы над его обманчивыми призраками, тот идет здесь верною дорогою.

372. Кто победил время и в прошлом и в будущем, чьи мысли исполнились чудною чистотою, чей дух не влечется ни к одному здесь пристанищу, тот шествует верною дорогою.

373. Кто не забудет четыре святые истины, кто, разумея пути Дхармы, идет по ним, угашая страсти, разрушая

звенья этой жизни в себе, тот идет здесь верною дорогою.

374. – Это так, о Совершенный, это истинно! Путь тот один только верен, и монах, шествуя им, срывает с себя все оковы!

2.14 Дхаммика сутта
"Мирянин Дхаммика"

Вот что я слышал:

Однажды последователь Дхаммика, вместе с пятьюстами последователей, пришел к Благословенному и, придя к Благословенному и приветствовав его, сел подле; и севши подле него, с такими словами обратился Дхаммика к Благословенному:

375. – Я прошу тебя, о Готама, о великом понимании: кто – благой ученик – и из тех, кто, следуя тебе, покидает дом отцов для пустынной жизни, – и из тех, кто следует твоему учению, не расставаясь со своим жилищем?

376. Ибо все пути жизни людей и богов открылись твоему взору, и только ты один видишь венец всего: никто, как ты один, ведаешь тайный смысл вещей, – ты, величаемый дивным Буддою.

377. Каждую истину ведаешь ты, взором проникший в вечную Дхамму, – ты, все живое обнявший своею любовью! Ты совлек покрывало с этого мира, ты, Непорочный, светишь во всех мирах!

378. Властитель слонов Еравана узнал, что живешь ты, Победитель, и пришел к тебе послушать тебя, и после беседы с тобою возвращался он в восхищении, говоря:
– О, какое мне счастье!

379. И другой царь приходил к тебе и вопрошал о Дхарме: и с ним ты беседовал, о Мудрый, и он покинул тебя, восхищенный тобой.

380. Никто из брахман не сравняется с тобой в мудрости, как привязанный к месту не уловит быстро идущего.

381. Все искусные брахманы, все их старейшины, самые ученые собеседователи, – все они стоят пред тобою, как связанные, пораженные твоей мыслию.

382. Ту сокровенную и сладкую правду, которую ты возвестил, о Благословенный, – ее мы теперь жаждем слышать от тебя; открой нам, о ты, совершеннейший из Будд, открой ее, спрошенный.

383. Пусть все монахи, все последователи, присевшие здесь послушать тебя, услышать истину, возглашенную Безгрешным, как благостным словам Индры внимают все боги!

384. – Послушайте меня, о монахи, я поведаю вам истину, которою разрушается зло: вникните в слово мое, все вы! Пусть тот размышляющий, кто ищет здесь благого, ведет жизнь, достойную подвижника.

385. Пусть никто не вступает в странствие в недолжное время, пусть всякий, прося подаяния, только в надлежащее время посещает селения: идущего в неблагоприятное время уловляют сети, – вот почему и Будды приходят лишь тогда, когда надлежит им прийти.

386. Вид, звуки и вкус, запах и прикосновение опьяняют людей; победив к ним всякое влечение, пусть за подаянием только в должное время идет нищенствующий.

387. Получивши пищу в благоприятное время и возвратившись, пусть он сидит в одиночестве, раздумывая, не обращаясь своим духом ко внешнему, но пусть углубляется в себя.

388. Когда беседует он с учениками или с другими нищенствующими, пусть речь его клонится только к изъяснению прекрасной Дхармы, и никакое постыдное, бранное слово не оскверняет ее,

389. ибо иные речи восстанавливают друг против друга людей; таких пустых, недостойных не похваляю я: только крепче завязываются узы на них, и они попусту растеривают свои мысли в этих раздорах.

390. Пусть ученик великолепного Будды, вникнув в Дхарму Совершенного, принимает в дар и жилище и пищу, и постель и сидение, и воду, чтобы омыть грязь с одеяния;

391. но как капля воды не держится на листке лотоса, так пусть и нищенствующий не прилепляется жаждою к этим вещам: ни к жилищу и постели, ни к пище и сиденью, ни к воде, поданной отмыть грязь с одеяния.

392. Также и обязанности мирянина я разъясню вам, – как, ставши учеником, должен жить он, чтобы благим сделаться здесь. Кто занят земными делами, тот не может вместить полный устав монашествующих.

393. Пусть он не убивает и не причиняет смерти живым существам, пусть не одобряет он тех, кто совершает убийство, всех на земле защищая от вреда – и слабых, и сильных.

394. Пусть ученик никогда не берет того, что не дано ему, зная, что другим принадлежит оно; пусть не одобряет и не поощряет он тех, кто поступает так, – пусть избегает он всех этих трех видов покражи.

395. Как кучи горячих углей, пусть разумный избегает развратной жизни; если не может вместить жизнь непорочности, пусть не грешит он с чужими женщинами.

296. Пусть никто не говорит лживо ни в судилище, ни на собрании, пусть никто не поощряет других поступать так и не одобряет их, – пусть избегает он всех этих трех видов неправды.

397. Пусть мирянин, живущий по Уставу, не предаётся питью хмельных напитков; пусть он не поощряет и не одобряет пьянства других, зная, что конец пьянства – помешательство,

398. ибо опьяненный глупец делает много греховного и стремится напоить других: пусть каждый избегает этого источника греха, этого безумия, этого помешательства, приятного одним лишь глупцам.

399. Итак, он не должен ни убивать живых существ, ни присваивать неданного, ни говорить лживо, ни пить хмельного, воздерживаться от прелюбодеяния, ни есть ночью в неуказанное время.

400. Пусть он не носит венков, не умащается благовонными маслами и ложе свое расстилает прямо на землю. Вот восьмеричное воздержание, поведенное Буддою, победившим страдание.

401. В верном решении приняв пост (упосатха) на четырнадцатый, пятнадцатый и восьмой день полумесяца, а также в особый праздник половины месяца, и приняв вполне восьмеричное уложение,

402. по утрам, выдержав воздержание, пусть он порадует общину нищенствующих питьем и пищею, раздавая подаяния по мере возможности.

403. Пусть он, сознавая свои обязанности, питает родителей, занимается непостыдным промыслом. Мирянин, во всем верно следуя тому уложению, будет близок к сфере "сияющих" богов.

Книга третья
Махавагга "Большая"

3.1 Паббадджжа сутта
"Скитальчество"

404. Я восхваляю пустынную жизнь, ту жизнь, которую вел Вернозрящий, которую он прославил.

405. – Домашняя жизнь – страдание, обитель нечистоты; скитальчество – жизнь в чистой выси воздуха, – так помышляя, он принял подвиг пустынножительства.

406. Ведя жизнь пустытника, он избег своему телу грешных действий и, отринув все нечистое в речи, он очистил свою жизнь в совершенстве.

407. Будда проходил по Магадхе, прося подаяния, прекрасный видом.

408. Царь Бимбисара стоял в своих чертогах и увидел его; и, увидя его, прекрасного видом, так сказал:
409. – Приметьте того человека, он – кроток, велик и чист, он человек благой жизни, он не смотрит вперед далее двух шагов;
410. с опущенными очами, задумчивый, он не походит на низких родом; пусть царские посланцы пойдут и спросят: куда нищенствующий монах держит путь свой.
411. Царские посланцы пошли и спросили у народа: где лежат пути странника, где его обитель.
412. – Прося подаяния от дома к дому, зорко охраняя врата своего тела, самосдержанный, быстро наполнил он чашу свою, мудрый, задумчивый;
413. блуждая по свету, прося подаяния, город покинул Мудрец, направляясь к горе Пандава, – там, верно, его обитель теперь.
414. Узнав, что ушел странник в горы, посланцы сели, а один посланец возвратился и возвестил царю:
415. – Тот монах, о великий царь, обитает на востоке горы Пандава; как тигр, как лев, сидит он там в горной пещере.
416. Услышав слова посланца, царь поспешил к горе в великолепной колеснице своей.
417. Выйдя из колесницы, царь приблизился пешком и, подойдя, воссел.
418. Севши, царь обменялся с ним любезным приветствием и, после любезных слов, сказал ему:
419. – Ты молод, прекрасен, юноша ранней юности, чудного телосложения, как высокорожденный царевич.
420. Я уберу для тебя воинское жилище, я поставлю тебя во главе предводителей, я дарую тебе сокровища; радуйся, ты и, спрошенный, открой мне свое происхождение!
421. – Тут, подле горы, о царь, живет народ, обладающий силою богатств, – обитатели Косалы;
422. по имени Аддика, по роду Шакья; из той семьи ушел я, не жаждущий телесных радостей;
423. провидя горести в радостях тела, помышляя о счастье забвения света, я пойду, предаваясь подвигам, – в том радость моего сердца!
- 3.2 Падхана сутта
"Стойкость"
424. Ко мне, чей дух склонялся к подвигу, кто отдался раздумью о путях к Ниббанае,
425. ко мне приблизился Мара, говоря слова сожаления:
– Ты изнурен и бледен, смерть близка к тебе;
426. тысяча частей тебя – добыча смерти, и только одна часть принадлежит еще жизни; лучше живая жизнь, о ты, достославный; живой, ты можешь творить доброе дело;
427. если благочестивую жизнь проживешь ты, питая жертвенное пламя, много благих дел будет связано с тобой: но чего же ждешь ты от своих подвигов?
428. О, тяжел путь подвижничества, мучителен тот трудно проходимый путь! – так говоря, стал Мара подле Пробужденного.
429. Маре, говорящему так, сказал Совершенный:
– О ты, друг лени, ты нечестивый, с какою целью ты посетил это место?
430. Нет и меньшего из добрых дел, не свершенного мной: и какие бы добрые дела мог возвестить мне Мара?

431. Я обладаю верой и настойчивостью, и мудрость обитает во мне; и меня, живущего в подвигах, к какой же жизни призывает ты?..

432. Эти раскаленные ветры иссушили здесь даже струи реки, – как же было не иссохнуть моей крови, когда я предавался подвигам?..

433. Исыхала моя кровь, иссыхали и соки и желчь моя; но когда истощается тело, дух умиротворяется, расцветает осознанность, мудрость и сосредоточение;

434. и когда я живу так, покинув все внешние чувства, мой дух уже не жаждет плотских наслаждений: воззри ж ты теперь на чистоту человека!

435. Похоть – имя твоей первой рати, недовольство – второй, голод и жажда – третьей, пристрастие – четвертой,

436. леность и дремливость – пятой, трусость – шестой, сомнение – седьмой, лицемерие и бесчувственность,

437. торгашество, тщеславие, славолюбие, известность, добытая неправедными путями, надменность и глумливость – восьмой.

438. Вот твое воинство, о Мара, его ты ведешь в бой, о темный! Никто не поборет того воинства, кроме Победителя, и, победивши, он обретет радость.

439. Горе жизни в этом мире! Смерть в битве лучше для меня, нежели жизнь побежденного.

440. Погрузившись во мраки этого мира, брахманы и отшельники не видят ясно, – увь! – они не знают пути, которым пройдет Победитель.

441. Видя со всех сторон снаряженное воинство и во главе предводителя Мару, воссевшего на слона, я вышел на битву, дабы не допустить, чтобы он поборол меня.

442. Это воинство твое, не побежденное ни людьми, ни богами, – я разобью его мудростью : как камень – горшок, так я легко разобью его!

443. Подчинив себе свои помыслы, укрепив внимание мое, осознанность, я пойду из царства в царство, привлекая учеников к себе.

444. Они будут бдительны и ревностны, исполняя мои правила, – правила того, кто свободен от похотей; и такое место обретут они на пути своем, где не прольется уже ни одна слеза человека!

445. – Целых семь лет, шаг за шагом, за Совершенным следил я, – и никаких недостатков я не нашел в нем, совершенно просвещенном, непревзойденном в мудрости.

446. Вот петух прыгает вокруг камня, похожего на кусок жира: нет ли в нем чего мягкого, нет ли сладкого?

447. Но, не найдя в нем ничего сладкого, петух отходит от камня. Как тот петух от камня, так и я отхожу от Готамы.

448. Медленно и печально ослабла тетива его лука, побежденная, – и злой дух покинул то место.

3.3 Субхасита сутта "Хорошо сказанное"

– О монахи, речь, снабженная четырьмя достоинствами, речь, во благо сказанная, не греховно сказанная, не ошибочна она и непостыдна для Мудрого.

– Каковы же те четыре достоинства?

– О монахи! Всегда благодатна речь монаха, не греховна, – он говорит праведное, а не неправедное, – он говорит

доброе, а не злое, – он говорит правдиво, а не лживо. О монахи! Речь, снабженная теми четырьмя достоинствами, – речь благая, а не нечестивая, и не ошибочна она, не постыдна для Мудрого. После того сказал Учитель:

449. – Доброе слово – первая лучшая вещь, так понимают мудрые; пусть твоя речь будет праведна, а не неправедна, – это вторая; пусть твоя речь будет приятна, а не неприятна, – это третья: пусть твоя речь будет правдива, а не лжива, – это четвертая.

Тогда достойный Вангиса, поднявшись со своего сидения и перебросив плащ свой через плечо, простирая руки к Совершенному, сказал ему:

– Я начинаю понимать это, о Благословенный!

– Пойми же это, о Вангиса! – сказал Благословенный. Тогда славный Вангиса, стоя перед Совершенным, восхвалил его в таких словах:

450. – Пусть говорится только такое слово, которое не приносит горя ни тому, кто говорит, ни тому, кто слушает; такое слово, поистине, благостно.

451. Пусть говорится только приятное слово, радостью текущее к сердцу слушателя, – то слово, в котором не таится греховного семени, которое несет непостыдную сладость внимлющим.

452. "Истина есть бессмертное слово", – вот верное изречение, и в истине, благе и правде утвердился ты. Совершенный!

453. Верную весть об угашении скорби приносит нам слово Пробужденного, и нет ничего выше того дивного слова!

3.4 Сундарикабхарадваджа сутта "Брахман Сундарикабхарадваджа"

Вот что я слышал:

Однажды Благословенный обитал в Косале, на отмели реки Сундарики. В то время брахман Сундарикабхарадваджа приносил жертвы огню и прославлял огонь. Окончив жертвоприношение и воспев огонь, брахман встал и, окинув взором все четыре стороны, сказал:

– Кому бы вкусить от остатков этого приношения? Тут брахман заметил Совершенного, сидевшего на корнях деревьев; закутав свое тело и голову, взяв в левую руку остатки приношения, а в правую чашу с водою, к Совершенному направился брахман. Совершенный, услышав шаги брахмана, обнажил голову. Тут подумал брахман: "Голова того человека обрита, – он постриженник", – и хотел уйти прочь. Но тут опять подумал брахман: "Однако, есть и брахманы, бреющие голову: лучше я пойду к нему и спрошу о его происхождении".

Тогда брахман подошел к Совершенному и, подойдя к нему, спросил:

– Какого ты рода? Совершенный ответил:

454. – Не брахман я, не царевич, не воин; близко зная людские обычаи, я иду по миру в раздумье, ничем не обладающий.

455. Накинув свой плащ, я иду, бездомный, с отрезанными волосами, с утихшими чувствами, иду, не смешиваясь с людскою толпой. Праздный вопрос о моем роде предложил ты мне, о брахман!

456. – Брахманы всегда откровенны с брахманами, господин мой, – брахман ли ты?

– Если ты говоришь, я брахман, и не называешь меня брахманом, то я спрошу тебя о гимне Савитри, составленном из трех стихов и двадцати четырех слогов.

457. – Зачем мудрецы и простые люди, воины и брахманы приносят в этом мире обильные жертвы? – вновь спросил брахман.

– Кому, безупречному во время жертвоприношения, внимает тот или другой из богов, тот преуспевает, говорю я, – отвечал Совершенный.

458. – О, добрый плод принесет жертва, верю я, – сказал брахман, – ибо мы встретили совершеннопросвещенного; если бы мы не встретили тебя, кто-либо иной вкусил бы от приношения.

459. – Итак, о брахман, – сказал Совершенный, – как ты подошел спросить что-то, то спрашивай; верь, – ты встретил того, кто тих, в ком нет гордости, кто свободен от страдания и свободен от жадности, кто обладает благим разумением.

460. – Я люблю время жертв, о Готама, и с радостью приношу я свои жертвы, но не обладаю познанием их; научи меня, – поведай мне, когда жертва бывает благоприятна.

461. – Итак, внимли, о брахман, я поведаю тебе истину.

462. Не спрашивай о происхождении, но спрашивай о жизни; из простого дерева рождается благодатное пламя; мудрец, рожденный простыми людьми, становится великим, терпением очистив себя от всего нечистого.

463. Кто укротил себя, ведающий истину, совершенный и благостный, – тому, одаренному кротостью, должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, жаждущий добрых дел, свершает приношения.

464. Кто забыл все плотские радости и странствует бездомный, кто нерушим, как крепкая ладья, тому должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, жаждущий добрых дел, совершает приношения.

465. Чьи угасли все страсти, чьи затихли все чувства, кто достиг освобождения, тому должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, жаждущий добрых дел, свершает приношения.

466. Кто проходит через этот мир, ни к чему не прикасаясь своею жаждою, проходит в глубоком и смирении, тому должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, ищущий добрых дел, творит приношения.

467. Кто не осквернен никакою тревогою, идет этим миром, как победитель, ведая начало и конец смерти и рождения, тому Благословенному, тому тихому, как глубокое озеро, надлежат приношения.

468. Далека Совершенный от всякой несправедливости, он всегда праведен; нет нигде границ его мысли; Совершенному, во всех мирах непорочному, надлежат приношения.

469. В ком никогда не возникнут ни печали, ни ненависть, кто свободен от жадности и самолюбия, кто навсегда изгнал из себя и гордость и желания, – тому Совершенному, не омраченному никакою скорбью, надлежат приношения.

470. Чей дух забыл все места здешнего отдохновения, кто не влечется ни к чему в этом мире, ничего не жаждет ни в нем, ни в следующем, – тому Совершенному надлежат приношения.

471. Кто переплыл этот поток возрождения, кто высоким помыслом обратился к Вечной Дхарме, кто развеял все свои страсти и навсегда успокоился, кто несет здесь свое последнее тело, тому Совершенному надлежат приношения.

472. Кто покинул всякую страсть к существованию и забыл всякую жестокость, в ком уже нет и не будет их, – тому преисполненному, тому Совершенному надлежат приношения.

473. Кто сорвал с себя все оковы, кого вновь не свяжут здесь никакие цепи, кто среди надменных радуется в смирении, кто победил это могучее царство страдания, тому Совершенному надлежат приношения.

474. Кто, не тревожимый никакими желаниями, провидит Ниббану, кто возвысился над всем, чему поучают учителя, кто навсегда угасил в себе все влечения, тому Совершенному надлежат приношения.

475. Кто отбросил все прежние обычаи, разгадавши их, для кого они все погибли и не возвратятся вновь, кто утих, разрушив все былые привязанности, тому Совершенному надлежат приношения.

476. Кто ведает путь победы над смертью, кто миновал горький путь похотей, тому, непорочному, чистому, тому безупречному Совершенному надлежат приношения.

477. Кто собою не измеряет себя, прямодушен и стоек, свободный от жестокости и желания, тому, не поколебленному сомнением, тому Совершенному надлежат приношения.

478. В ком не возрастет вновь былое неведение, кто своей дивной мыслью возвысился до путей вечного, кто несет здесь свое последнее тело, – тот, всесовершенный в познании, достоин имени Светлого!

479. – Да будет праведна моя жертва, – сказал брахман, – ибо я встретил Совершенного, Брахма свидетель мне! Пусть Совершенный примет от меня приношение.

480. – Что добыто мною в поучении, того не приму я, – таково правило Яснозрящего, о брахман! Будды отклоняют добытое поучением, – пока стоит мир, такова Дхарма Будд.

481. Иною пищею и иным питьем должен ты служить тому, кто есть всесовершенный, великий Мудрец, чьи страсти разрушены, в ком все дурное угаšlo, – вот верное поприще для тех, кто ищет дел благочестия!

482. – Прекрасно, о Совершенный! Но скажи, кто же примет дар от подобного мне, к кому я, приняв твое наставление, должен обратиться с приношением?

483. – Кто ни с кем не враждует, чей дух не встревожен, кто вырвал все похоти, кто не подчинился беспечности,

484. кто победил все греховное, знает смерть и рождение, озаренный премудростью, – того, притекшего к жертвеннику,

485. должно, восхваляя, почтить питьем и пищею: благоуспешно будет всегда то даяние!

486. – Ты, о Будда, достоин приношения, ты – лучшее поприще для добрых дел; все миры несут тебе приношение: великие плоды вырастают из приношений тебе! После того сказал брахман:

– Чудесно, о славный Готама! Чудесно, о славный Готама! Как поднимают оброненное, как обнаруживают скрытое, как выводят на дорогу заблудившегося, как вносят свечок во тьму, чтобы зрячие могли видеть, так и славным Готамою разъяснена истина различными путями; я ищу убежища в славном Готаме, и в Дхарме, и в семье нищенствующих; я жажду получить от славного Готамы платье и правила!

Брахман получил от Совершенного платье и правила, после чего он вел уединенную, усердную, ревностную жизнь пустынника; в короткое время мудростью и усердием он достиг того совершенства духовной жизни, ради которого многие из славных родов покидают родной кров для пустынножительства. "Разрушено рождение, жизнь проведена в благочестии, свершено все, что должно было быть свершенным, не осталось ничего незаконченного в этой жизни", – так помышлял он и достиг блаженства.

3.5 Магха сутта "Юноша Магха"

Так я слышал:

К Совершенному пришел один юноша и, придя к нему, вступил с ним в любезную беседу; и, любезно и почтительно побеседовав с ним, он сел к стороне; и, сидя к стороне, с такими словами обратился юноша к Совершенному:

– О достопочтенный Готама, я – щедрый податель, благодетель, доступный просящим; справедливым путем я добываю богатства и, добывая справедливо, я из добытого отдаю и тому, и другому, и третьему, и четвертому, и пятому, и шестому, и седьмому, и восьмому, и девятому, и десятому, и двадцатому, и тридцатому, и сороковому, и пятидесятому, и сотому и даже более. О славный Готама, я жажду узнать, доброе ли дело я делаю, раздавая так, жертвуя?

– Ты творишь доброе дело, о юноша!

487. – Я вопрошаю славного Готаму, благодетеля, скитальца без крова, надевшего желтое платье: если домовладелец, щедрый даятель, возлюбив благое, раздает добро, подавая другим и питье и еду, благоуспешна ли

жертва его?

488. – Кто, домовладелец, щедрый даятель. – сказал Совершенный, – возлюбив благое, раздает добро, подавая другим и питье и пищу, тот благоденствует с теми, кто достоин приношения.

489. Если кто, домовладелец, щедрый даятель, ищущий благого, хотел бы раздавать добро, подавая и питье и пищу, – скажи же мне, о Совершенный, кто достоин приношения?

490. – Кто проходит этим миром, ни к чему не привязанный, ничем не владеющий, совершенный, утешенный, – тому в должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахман, ищущий благих дел, делает приношения.

491. Кто сорвал с себя все оковы и себя подчинил себе, тому, ничего не жаждущему, исцеленному, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий благих дел, делает приношения.

492. Кто вырвался из этих тисков жизни и смерти, тому, безболезненному, неувлеченному, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий благих дел, делает приношения.

493. Кто развеял здесь все свои сомнения, кто не встревожен ни страстью, ни ненавистью, кто не омрачен здесь неведением, тому мужу благочестия должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, делает приношения.

494. В ком нет ни гнева, ни высокомерия, кто свободен от жадности и желаний, тому, терпеливому, кроткому, должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, ищущий добрых дел, делает приношения.

495. Не погибшему в похоти, не загубленному пучиной желания, грядущему в смирении должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

496. Ни с чем не связанному, не жаждущему вновь возродиться в этом или в иных мирах должны люди в должное время делать приношения; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

497. Отбросившему все плотские улады, бездомному страннику, крепкому, как хорошо снаряженный челн, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

498. Чьи утихли все чувства, чьи угасли все страстные влечения, тому в должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, делает свои приношения.

499. Усмиренному, развеявшему все сомнения, покорному, не вовлеченному в поток возрождения, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

500. Отрекшемуся от смерти и рождения, победившему неуверенность, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

501. Кто проходит сквозь этот мир, своею мудростью освещая путь себе, – тому, ничем не обладающему, со всех сторон освобожденному, должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

502. Кто в ясном знании скажет: "Это было мое последнее рождение, – вот наступил конец возрождения", – тому в должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

503. Совершенному, Благословенному в мудрости, озаренному безграничными думами, – тому прибежищу многих должны люди в должное время приносить дары свои; пусть брахман, ищущий добрых дел, приносит свои приношения.

504. – Не напрасно я вопрошал его, – Совершенный указал мне достойных приношения; истинно говоришь ты, ибо ведомы тебе пути Вечной Дхармы!..

505. Кто домохозяин, щедрый даятель, желая благого, раздает добро, подавая пищу и питье многим, – скажи

мне, одному из них, о Совершенный, о блаженстве даяния.

506. – Подавая, укрощай свой дух во всех вещах; дело дающего – милостыня; утвердившись на том, ты никогда не испытаешь ненависти.

507. Кто угасит в себе страсти, тот вырвет с корнем и ненависть, – не связанный дух его разовьется в любви; и днем и ночью ревнуя о ней, все миры обнимет он безграничным благоволением.

508. – Кто благоденствует? Кто освобожден и кто связан? Каким путем можно провести себя в царство Брахмы? Спрошенный мною, скажи мне, не постигшему этого, о Мудрый! Брахму узрели мы ныне, ибо ты равен ему, это правда; каким путем можно пройти в царство Брахмы, о ты, Несравненный!

509. – Кто подает с благословением жертвы, – сказал Благословенный, – тот преуспевает вкупе с достойными приношения; и он, подающий, тем верным путем достигнет царства Брахмы. Так говорю я.

Выслушав слова Благословенного, юноша обратился к нему с такими словами:

– Прекрасно, о славный Готама! Прекрасно, о славный Готама! Как подымают оброненное, как открывают скрытое, как выводят на дорогу заблудшего, как вносят лампаду во тьму, чтобы зрячие могли видеть, – так и истина разъяснена славным Готамою различными путями; я прибегаю к славному Готаме, к его Дхарме и Сангхе монахов. Пусть славный Готама примет меня, как последователя, – всю свою жизнь отныне я буду находить в нем убежище!

3.6 Сабхия сутта

"Нищенствующий странник Сабхья"

Так я слышал:

Однажды Сабхье, нищему страннику, были поведаны вопросы одним старым благосклонным духом:

– И кто, о Сабхья, спрошенный тобою, будет ли он брахман или отшельник, разрешит тебе те вопросы, останься с ним: ты проживешь тогда благочестивую жизнь.

Тогда Сабхья, нищий странник, пошел к брахманам, которые имели в том месте собрание и были известные наставники, славные руководители, прославляемые людьми. Он пошел к ним и, придя, спросил их. Спрошенные Сабхьею, нищим странником, они не могли разрешить его вопросов и, не разрешив его вопросов, они пришли в ярость, обнаружили ненависть и досаду и, в свою очередь, стали донимать Сабхью вопросами.

Тогда запало на ум Сабхье, нищему страннику:

– Если брахманы и пустытники, проживающие здесь, имеющие круг своих последователей, славные наставники, мудрые водители, почитаемые толпой, спрошенные мною, не могли мне ответить и, не смоги ответить, стали гневаться, досадовать и злиться и сами стали донимать меня вопросами, – то лучше я возвращусь, откуда пришел, и предамся радостям телесных наслаждений. Но тут другая мысль пришла на ум Сабхье, нищему страннику:

– Тот пустытник Готама также имеет общину нищенствующих монахов и окружен последователями; он – славный наставник, мудрый водитель, восхваляемый людьми; лучше я пойду к пустытнику Готаме и ему предложу те вопросы. Но тут опять усомнился Сабхья, нищий странник:

– Если уж брахманы и пустытники, обветшалые и древние, и пожилые, и достигшие преклонного возраста, мужи опыта, многоученые старейшины, имеющие собрания и последователей, славные учителя, опытные наставники, почитаемые толпой, не могли ответить на мои вопросы и, не смоги ответить, пришли в ярость, обнаружили досаду и ненависть, и сами стали донимать меня вопросами, – то может ли пустытник Готама, будучи спрошен мною, разрешить мне те вопросы: ведь пустытник Готама юн годами и неопытен в подвижнической жизни,

Но тут так подумал Сабхья, нищий странник:

– Нельзя пренебрегать пустытником Готамою потому, что он молод; хотя и молод пустытник Готама, но он могуч и обладает силою мудрости; лучше я пойду к пустытнику Готаме и предложу ему свои вопросы.

Тогда Сабхья, нищий странник, пошел к Благословенному и, придя к нему, вступил с ним в любезную беседу, –

и, побеседовав с ним любезно и занимательно, сел поодаль и, севши поодаль, обратился к Благословенному с такими словами:

510. – В страхе и сомнении я пришел сюда; я жажду спросить тебя. Положи конец моим сомнениям, – спрошенный мною, разъясни мне мои вопросы в должном порядке.

511. – Издалека ты пришел, о Сабхья, – сказал Благословенный, – ты жаждешь спросить меня; я положу конец твоим сомнениям; спрошенный, я разъясню тебе вопросы в должном порядке.

512. Предлагай же мне твои вопросы, о Сабхья; о чем бы ты ни спросил меня, я разъясню тебе, – я разрешу твои сомнения. Тут подумал Сабхья, нищий странник:

– Чудесно, непонятно! Ни брахманы, ни саманы не приняли меня, как Готама, – и, так помышляя, он в радости, веселье и великой гордости спросил Благословенного:

513. – Что должен совершать человек, чтобы назваться Нищенствующим? За что почтется он именем Сострадательного? За что – именем Обузданного? Чем заслужит он имени Просвещенного? Спрошенный мною, разъясни мне то, о Благословенный, прошу тебя!

514. – Кто притек к совершенному счастью, о Сабхья, притек к нему, сам на своем пути ведя себя, тот, победивший сомнения, не имеющий ни добра, ни прибывка, разрушивший возрождение, и есть Нищенствующий.

515. Всегда безропотный и внемлющий, никому не вредит на свете пустынный, пересекший течение, не помраченный: если угасли в нем все желания, он искренне сострадателен.

516. Чьи умиротворены чувства, чувства внутренние и внешние, кто ни к чему не влечется ни в одном из миров, тот, угашающий телесное, достоин имени Укрощенного.

517. Кто разгадал этот путь гибели и восстановления, кто свободен от страстного и греховного, тот, разрушивший зарождение, незапятнанный, величается Буддою.

Тогда Сабхья, услышав слова Будды и порадовавшись им, радостный, восхищенный и в великой гордости, спросил Благословенного:

518. – Что должен творить человек, чтобы его величали Брахманом? За что назовется он Отшельником? За что Очищенным? За что назовется Безгрешным? Спрошенный мною, разъясни мне то, о Благословенный!

519. – Кто, о Сабхья, отбросил все греховное, непорочен и чист, кто смело покинул этот путь обманчивых блужданий, тот, совершенный, независимый, мудрый, назовется Брахманом.

520. Умиротворенный, забывший доброе и злое этого мира, ничем не связанный, понимающий, победивший смерть и рождение, по достоинству назовется Отшельником.

521. Кто, отмыв все грехи, грехи внутренние и внешние, не войдет вновь в эту обитель времени, – в это царство людей и богов, тот назовется Очищенным.

522. Кто далек от всего преступного, кто сбросил с себя все узы (асава) и цепи и ничем не связан здесь, тот, вполне освобожденный, достоин имени Безгрешного.

Тогда Сабхья, нищий странник, выслушав слова Будды и порадовавшись им, в радости, восторге и великой гордости спросил Благословенного:

523. – Кого Будды называют Победившим все миры и кого Счастливым? Кого называют они Разумным и кого Мудрым? Спрошенный мною, разъясни мне, о Совершенный!

524. – Кто во все миры проник своей мыслью, о Сабхья, – и в мир богов и людей, и в мир Брахмы, и вот не увлечен ни одним из них, тот назовется Победителем, ибо все миры победил он.

525. Кто своей верною мыслью обозрел все людские сокровища и все сокровища духов и Брахмы и не влечется ни к одному из них, тот назовется Счастливым, ибо воистину счастлив он.

526. Кто своей верною мыслью проник в суть всех чувств, и внешних и внутренних, и победил добро и зло этого

мира, тот назовется Мудрым, ибо верным путем идет его мудрость .

527. Кто своей верною мыслью постиг вечную Дхарму о правде и неправде, внешней и внутренней, тот, прорвавшийся сквозь сети смерти, достойный хвалы от людей и богов, назовется Разумным.

Тогда Сабхья, нищий странник, услышав слова Благословенного и порадовавшись им, в радости, восторге и великой гордости спросил Благословенного:

528. – За что наречется человек Превозмогшим чувства и за что Вернозрящим? За что Крепким и за что рожденным для высшего?

529. – Кто победил в себе силу всех чувств, о Сабхья, всех чувств, побеждающих и брахман и пустынников, кто навсегда пресек в себе все пути к их возникновению, тот назовется Превозмогшим чувства, ибо он преодолел их.

530. Кто разгадал обольщение "именем-и-формой", и в себе и вне себя, кто понял, где – корень недугов и навсегда очистился от них, тот назовется Вернознающим, ибо истинна его мудрость .

531. Кто гнушается всякого греха этого мира, кто окреп в победах над страданиями, обрел новую силу и могущество, тот назовется здесь Крепким.

532. Кто сорвал с себя все связующие цепи, эти узы (асава), привязавшие дух человека ко внешнему и ко внутреннему, кто оторвался здесь навсегда от корня привязанностей, тот назовется Рожденным для высшего.

Тогда Сабхья, нищий странник, услышав слова Благословенного и порадовавшись им, в радости, восторге и великой гордости спросил Благословенного:

533. – Кто удостоится имени Познавшего сокровенное и кто – имени Благородного? За что наречется человек Совершенным в наблюдении и за что Странствующим Нищим? Спрошенный о том, о Благословенный, разъясни мне!

534. – Кто, познав и приняв Дхарму, знает, о Сабхья, что есть позорное и что непостыдное, – тот победитель, свободный от сомнения, со всех сторон освобожденный от страдания, назовется Познавшим сокровенное.

535. Кто, угасивши в себе все страстное, вновь не войдет в утробу рождения, кто вырвался из тины похотей и не вовлечется вновь в поток времени, тот достоин имени Благородного.

536. Если опытный в наблюдениях постиг высшее среди знамений, – постиг Вечную Дхарму, в нем не зародятся ни страсти, ни желания, он назовется Совершенным в наблюдениях.

537. Чьи поступки никому не приносят страдания, ни вверху, ни внизу, ни вдали, ни в середине, кто, изведав конец гневу и жадности, спеси и гордости, виду и имени, шествует в размышлении, тот назовется Странствующим Нищим, счастливым в высочайшей премудрости.

Слыша те слова Благословенного, Сабхья, нищий странник, радовался им, и в радости, восторге и великой гордости он поднялся с сиденья, перебросил плащ на одно плечо и, простирая свои сжатые руки к Благословенному и прославляя его, стал с ним лицом к лицу.

538. – Все шестьдесят три учения философов, толкуемых духовными, ты победил! Как луч света, ты блеснул сквозь мраки этого мира.

539. Ты пришел к концу возрождению, святой, совершенно просвещенный! В тебе вижу я одного из тех, кто развеял все свои страсти! Ты – славный, мудрый, ты – учитель великого понимания! Ты возвестил конец страданиям, ты и приведешь меня к тому вожделенному концу.

540. Видя меня пришедшего, жаждущего, ты положил конец моим сомнениям; будь благословен ты, о мудрец, достигший высочайшей мудрости, ты – сострадательный!

541. То сомнение, в котором я пришел к тебе, ты отmel от меня, о Вернозрящий! Поистине, ты – Мудрец, совершенный в знании, и никаких недостатков уже нет в тебе.

542. Все темное отброшено тобой, ты – кроток и тих, верен и стоек.

543. Слову твоему радуются все боги и мудрые, ты – Победитель, глава безгрешных.

544. Тебе надлежит поклонение, о благородный, лучший из всех людей; ни в мире людей, ни в мире богов нет никого, равного тебе.

545. Ты – Будда, Учитель, Мудрец, победивший Мару; разрушивши все желания, бурный поток жизни смело пересек ты.

546. Ты разбил все звенья жизни, ты развеял все страсти, могучий, как лев, свободный от желания, отбросивший все страхи и опасения.

547. Как капля росы спадает с прекрасного цветка лотоса, так отпадает от тебя все злое и греховное; о Победитель, Сабхья припадает к ногам твоим!

Тут Сабхья, нищий странник, припав головою к ногам Благословенного, воскликнул:

– Как чудесно это, о славный Готама! Как чудесно это, о славный Готама! Как подымают опрокинутое, как открывают скрытое, как выводят на дорогу сбившегося с пути, как вносят свет во тьму, чтобы зрячие могли видеть, так и истина многообразными путями разъяснена славным Готамой; я прибегаю к славному Готаме, и к его Дхарме, и к Сангхе монахов; я жажду получить платье и правила от славного Готамы!

– Кто прежде, о Сабхья, принадлежал к другому учению и теперь желает вступить в семью Нищенствующих, желает получить платье и правила, тот прежде всего должен послужить четыре месяца; по истечении четырех месяцев нищенствующие монахи, умиротворившие свои чувства, дадут ему платье и правила, чтобы стать ему нищенствующим: такое различие делаю я между обращенными.

– Если, о Славный, тот, кто прежде принадлежал к другому учению и теперь желает быть принятым, получить платье и правила, должен послужить четыре месяца и, по истечении четырех месяцев, монахи, умиротворившие свои чувства, дадут ему платье и правила, чтобы стать ему нищенствующим, – то и я также хочу послужить четыре месяца, и пусть по истечении четырех месяцев нищенствующие монахи, укротившие свои чувства, дадут мне платье и правила, чтобы стать мне нищенствующим.

Сабхья, нищий странник, получив платье и правила, вел впоследствии жизнь уединения, размышления и усердия и в короткое время своим усердием и пониманием достиг того совершенства духовной жизни, ради которого многие люди знатных родов покидают жилища, возлюбив жизнь отшельника. "Разрушено рождение, прожита благочестивая жизнь, свершено все из должного быть свершенным здесь, и ничего не осталось не свершенного в этой жизни", – так помышлял он, и вот почтенный Сабхья достиг Нирваны.

3.7 Села сутта "Брахман Селя"

Вот что я слышал:

Однажды Совершенный, странствуя с большой общиной нищенствующих, около тысячи двухсот пятидесяти человек, пришел в город Акану.

И вот что услышал Кенья-аскет с заплетенными волосами:

– Пустынный, славный Готама, сын Шакья, с тысячей двумястами пятьюдесятью нищенствующих пришел в Акану, и вот какие хвалы сопровождают его: Благословенный, славный, в совершенстве просвещенный, одаренный знаниями и благими подвигами, счастливый, знающий мир, несравненный, водитель людей, учитель, озаренный: его учению внимает мир людей и богов, мир Брахмы и Мары, и все существа, включая брахман и пустытников, богов и людей, – все, кто бы ни встретился с ним лицом к лицу; он учит Дхарме, и благая та Дхарма в начале, и в конце, и в середине, невосполнима в мудрости, неизменима в слове, совершенна; он учит благочестивой жизни, и дивен вид того Благословенного.

Тогда Кенья-аскет пришел к тому месту, где находился Благословенный, и, придя туда, вступил с ним в любезную беседу, и, побеседовав с ним любезно и занимательно, сел в стороне; и Благословенный в благочестивой беседе поучал его, пробуждал и радовал; тогда Кенья-аскет, наученный и восхищенный благими речами Благословенного, сказал ему:

– Пусть славный Готама примет от меня на завтра пищу вместе с общиной нищенствующих.

Когда были сказаны те слова. Благословенный сказал Кенья:

– Велика, о Кенья, община монахов, – их тысяча двести пятьдесят человек, и ты верный друг брахман. И во второй раз сказал Кенья-аскет:

– Хотя и велика, о славный Готама, община монахов, – их тысяча двести пятьдесят человек, и я верный друг брахман, все же пусть славный Готама примет от меня завтра пищу вместе с общиной нищенствующих.

И во второй раз ответил Благословенный:

– Велика, о Кенья, наша община, – тысяча двести пятьдесят человек, и ты задушевный друг брахман. И в третий раз Кенья-аскет сказал Благословенному:

– Хотя и велика, о славный Готама, твоя община и я – задушевный друг брахман, все же пусть славный Готама придет завтра ко мне вкусить пищи с семьею нищенствующих. Тогда Благословенный согласился в молчании.

Тогда Кенья-аскет, встав со своего сиденья, пошел в обитель и, придя туда, обратился к своим друзьям и слугам, близким и родственникам:

– Пусть мои славные друзья и родственники, прислужники и близкие послушают меня: отшельник Готама приглашен мною на завтра вкусить пищи вместе со своею общиной, – сослужите мне верную службу!

– Да будет так, о Славный! – так говоря, друзья и прислужники, близкие и родственники Кенья-аскета, угождая его просьбе, принялись за работу: одни очищали место для огня, другие рубили дрова для очага, третьи мыли котлы, ставили горшки с водою, приготавливали сиденья. Сам Кенья по другую сторону раскидывал круглый шатер.

В то же время жил в Апане брахман Селя, совершенный в знании трех Вед, обучавший гимнам трехсот юношей. В то время Кенья-аскет был дружен с брахманом Селей. Брахман Селя, окруженный тремястами юношами, пришел к обители Кеньи и увидел, что одни там готовят место для очага, другие рубят дрова, третьи моют котлы, ставят чаши с водою, готовят сиденья, а сам Кенья-аскет с заплетенными волосами ставит палатку; увидя Кенью-аскета, брахман сказал ему:

– Разве славный Кенья справляет свадьбу сына или дочери, или задумал принести великую жертву, или царь Бимбисара, обладатель великого воинства, приглашен им завтра на обед со своими воинами?

– Нет, я не справляю свадьбы ни сына, ни дочери, и Бимбисара, вождь великого воинства, не приглашен мною со своими воинами, но великое приношение предстоит мне. Пустынник Готама, сын Шакья, с общиной нищенствующих, – кого прославляют в таких словах: он – Благословенный, славный, совершенно просвещенный, одаренный славными знаниями и делами, счастливый, водитель мира, несравненный наставник, озаренный среди людей и богов, – он придет ко мне завтра вкусить пищи вместе с общиной нищенствующих.

– Ты сказал, что он – Будда, о славный Кенья?

– Да, я говорю это: он – Будда, о славный Селя!

– Ты сказал, что он – Будда, о славный Кенья?

– Да, я говорю это: он – Будда, о славный Селя! Тогда подумал брахман Селя:

– Редко это имя: Будда, но в наших гимнах находятся тридцать два признака великого человека, и для великого человека, отмеченного ими, есть два пути и не более. Если он обитает в жилище, то он – царь, всемирный правитель, благочестивый, победоносный, чтимый народом и обладающий семью сокровищами, – вот его семь сокровищ: сокровище колесниц, сокровище слонов, сокровище коней, сокровище алмазов, сокровище жен, сокровище добра, сокровище военачальников; у него более тысячи сынов, доблестных, обладающих силою, разбивающих вражеские полки; он победит землю, опоясанную океаном, победит ее без жезла и оружия, но справедливость. Если же он покидает дом для пустынножительства, он будет святым, в совершенстве просвещенным, сорвавшим покрывало с мира. И где же теперь, о Кенья, обитает Готама, Благословенный, в совершенстве просвещенный?

Когда были сказаны те слова. Кенья-аскет, протягивая вперед руку, сказал брахману Селе:

– Вот там, о славный Селя, где синеется лес.

Тогда брахман Селя вместе с тремястами юношами пошел на то место, где обитал Совершенный, говоря юношам такие слова:

– Идите, не шумите, о славные юноши, идите шаг за шагом, ибо труднодоступны Благословенные, блуждающие подобно льву; а когда я буду говорить с пустынником Готамой, вы не прерывайте меня, но ждите, славные, конца нашей беседы.

Тогда брахман Селя пришел к тому месту, где обитал Совершенный, и, придя туда, вступил с ним в любезную беседу, и, побеседовав с ним любезно и занимательно, он стал восхвалять его в таких словах:

548. – Прекрасно тело твое, ты – блистательный, рожденный для высшего; золотист цвет твоей кожи, зубы твои белы, ты строен.

549. Все признаки великого назначения есть на твоём теле, все приметы возвышенной судьбы.

550. Ясны твои очи, нежно тело, ты могуч и прекрасен, подобно солнцу ты светишь среди пустынных.

551. Вид твой прекрасен, кожа подобна золоту; о, зачем ты, озаренный дивною красотою, ведешь жизнь пустытника?

552. Царем бы быть тебе, властителем мира, водителем четырехгранной земли, победителем, властителем Индии.

553. Воины и военачальники преклонятся перед тобой: правь, о Готама, как царь царей, руководящий народами!

554. – Я царь, о Селя, – так сказал Благословенный, – Царь несравненный, я – Царь Благочестия! Правдою я повернул колесо, то колесо неодолимое.

555. – Ты нарек себя великим именем, ты величал себя Царем, несравненным, – Царем Благочестия; "правдою я повернул колесо", – так ты сказал, о Готама!

556. Кто же ученик твой, кто твой последователь, кто после тебя двинет колесо, тобою праведно двинутое?

557. – То колесо, то несравненное Колесо Дхармы, которое я двинул, – так сказал Благословенный, – Сарипутта повернет после меня, он, верный ученик Совершенного.

558. Должное быть познанным – познано мной, должное быть развитым – развито мной, должное быть оставленным – оставлено мной: поэтому я и Будда, о брахман!

559. Победи свое сомнение во мне, имею веру в меня, о брахман: не постоянно видите Будду.

560. Я из тех, о брахман, чье пришествие редко, я – совершенно просвещенный, я – несравненный целитель,

561. я – победитель полчищ Мары, славнейший, бесподобный: сокрушив всех врагов, я радуюсь, защищенный со всех сторон.

562. – О славные, внимайте словам моим: он возвестил нам истину, он – Будда, целитель, победоносный победитель, его голос подобен голосу льва в лесу.

563. Кто бы не укротился, увидев его, преславного, бесподобного, сокрушителя полчищ Мары, будь он хоть темного рода!

564. Кто из вас, юноши, любит меня, тот последует мне, кто не любит, тот пусть удалится от меня; я приму обет в присутствии его, мужа дивной мудрости. Но последователи Сели сказали ему:

565. – Если ты возлюбил Дхарму Совершеннопросвещенного, то и мы, ученики твои, примем правила от него, Будды.

566. Посвяти нас в жизнь благочестия, о Благословенный! – так триста брахман просили Благословенного,

простирая к нему руки.

567. – Благая жизнь возвещена мною, о Селя, – так сказал Совершенный, – в этой быстро текущей жизни не щетно принять подвижничество, вступить на путь уединения.

Тогда брахман Селя вместе со своими учениками получил платье и правила в присутствии Совершенного.

Тогда Кенья-аскет, на исходе ночи, приготовив в своей обители вкусные яства, послал к Совершенному напомнить о времени обеда:

– Время, о славный Готама, обед приготовлен. Тогда Совершенный утром, надевши свой плащ и взяв чашу, пошел в обитель Кеньи-аскета и, придя туда, сел на приготовленное сиденье, во главе общины нищенствующих. Кенья-аскет своими руками служил общине нищенствующих во главе с Буддою, подавая вкусные кушанья. Когда Благословенный окончил обед, тогда Кенья-аскет подошел к нему и, взяв низкое сиденье, сел подле Совершенного, и когда он сидел так, Совершенный порадовал его такими словами:

568. – Главное же в жертве – священное пламя; первый среди всех гимнов – гимн Савитри; царь выше всех людей; море больше всех вод;

569. месяц краше всех звезд; солнце горячее всего; для тех, кто ищет благого дела, приношение общине – лучшее.

Тогда Благословенный, порадовав Кенью-аскета теми словами, поднялся со своего сиденья и покинул обитель.

Тогда славный Селя вместе со своею общиною, ведя уединенную, усердную, ревностную жизнь, в короткое время своей мудростью и усердием достиг того совершенства духовной жизни, ради которого многие из знатных родов покидают дом отцов для пустынножительства. "Разрушено рождение, достигнуто благочестие, все должное свершено здесь, и ничего не осталось не свершенного в этом существовании", – так размышлял он, – и вот славный Селя вместе со своими учениками достиг Благословенной жизни.

Тогда славный Селя пошел к Совершенному и, придя к нему, он накинул свое верхнее одеяние на одно плечо и, простирая руки к Совершенному, говорил так:

570. – Мы прибегаем к тебе, о ты, Яснозрящий, прибегаем к тебе на восьмой день; семь ночей, о Совершенный, мы ходили в твоём учении.

571. Ты – Будда, ты – Учитель, Мудрец, сокрушивший Мару; отбросив все страсти, ты преодолел это течение и других ты перенес чрез него.

572. Ты столкнул все подмостки жизни, ты развеял все страсти, ты как лев не влечешься ни к чему и отбросил все страхи и опасения!..

573. Эти триста нищенствующих стоят здесь пред тобою с простертыми руками. О Победитель, дозволь им. Безгрешный, припасть к ноге твоей!

3.8 Салла сутта
"Стрела"

574. Непонятна, неизведанна жизнь смертных в этом мире, сумрачная и краткая, проникнутая страданием.

575. Нет средств, которыми родившиеся могли бы избегнуть смерти; приходит старость – близка и смерть: такова участь всего живущего.

575. Как спелые плоды висят на ветвях, готовые каждую минуту сорваться, так и смертные, едва родившись, находятся в постоянной опасности смерти.

577. Глиняный сосуд, сделанный горшечником, рано или поздно непременно разобьется, – такова же судьба всех смертных.

578. И юные, и старые, и мудрые, и неразумные, – все подчинены силе смерти, – надо всеми людьми она царит

безраздельно!..

579. Ни отец, ни родные, ни близкие не спасут того, кого поразила смерть, кто вступает в иной мир.

580. Заметь! – близкие смотрят и скорбят безутешно, а смерть одного за другим уводит отсюда людей, как быков уводят на бойню!..

581. Увы, со смертью и разрушением связан этот мир, – и мудрые, познавшие начала этого мира, не горюют о том.

582. Тщетно скорбишь за того, чьих путей ты не знаешь: и когда он приходит, и когда он уходит, – не ведая концов этого пути...

583. Если бы тот, кто печалится, выигрывал от того, тогда пусть бы и мудрый поступал так, – но нет, скорбящий только сам мучит себя.

584. Ни в слезах, ни в скорби никто не обретет успокоения, нет, от печали только все возрастают страдания и слабеет тело.

585. Он все бледнеет и худеет, а умершие – увы! – не возвращаются, и его скорбь не спасает их!..

586. Кто не расстается со своею скорбью, все глубже и глубже тот погружается в страдание: сетуя о мертвых, он подпадает силе тоски.

587. Смотри на отошедших, как на идущих в то место, которое они заслужили своими делами; всегда здесь робели они перед смертью, и вот все же взяты ею теперь.

588. Чем разнообразнее мнения людей о будущем, тем сильнее разрастаются несогласия, тем горше обманутое ожидание, – заметь: такова судьба мира!

589. Если бы даже и сотни лет прожил человек, и даже более, – все же в конце концов он покинет близких и оставит жизнь в этом мире.

590. Поймите же и, внимая словам Святого, оставьте свои печали: видя умершего, пусть всякий подумает только:

– Я уже нигде более не найду его.

591. Загоревшийся дом заливается водою, ветер подхватывает и уносит кусочек хлопка, – пусть так и мудрый отгоняет свою возникающую печаль размышлением.

592. Кто ищет неизменной радости, тот вырвет ту стрелу из своей раны: эту скорбь, эти вопли, эти сетования.

593. Извлеки ту стрелу, независимый, ничем не связанный, обретет он мир своему духу; кто превозможет печаль, тот в конце угасит ее, тот успокоится в Нирване.

3.9 Васеттха сутта

"Юноша Васеттха"

Вот что я слышал:

Однажды между юношами Васеттхой и Бхарадваджой возник спор:

– Каким путем становится человек брахманом? Юноша Бхарадваджа говорил:

– Кто благороден по рождению с обеих сторон, и со стороны отца и со стороны матери, чист по зачатию восходя до седьмого колена предков и рожден безупречно, тот становится брахманом. Юноша Васеттха говорил:

– Кто добродетелен и славен святыми делами, то и есть брахман. Ни юноша Васеттха не мог убедить юношу Бхарадваджу, ни юноша Бхарадваджа не мог убедить юношу Васеттху. Тогда юноша Васеттха сказал юноше Бхарадвадже:

– О Бхарадваджа, неподалеку в лесу живет отшельник Готама из рода Шакьев. и вот какие хвалебные слова

повсюду слышатся о нем: он – Совершенный, славный, просветленный, достойный. Пойдем, о Бхарадваджа, на то место, где обитает Совершенный, и, придя туда, спросим его, и что он ответит нам, то мы и примем, как верное.

– Прекрасно, о достопочтенный! – так юноша Бхарадваджа ответил юноше Васеттхе.

Тогда юноши Бхарадваджа и Васеттха пошли на то место, где обитал Совершенный, и, придя туда, вступили с ним в любезную беседу, и, побеседовав с ним любезно и занимательно, они сели поодаль. Сидя поодаль, юноша Васеттха обратился к Совершенному:

594. – "Мы хорошо изучили три Веды: я – ученик Поккхарасати, этот юноша – ученик Тарукхи.

595. Мы усовершенствовались в знании, преподанном теми, кто изучил три Веды; в толковании сказаний мы равны своим наставникам.

596. У нас возник спор о происхождении, о Готама! Бхарадваджа говорит, – по рождению становятся брахманом, я же говорю – своею жизнью; узнай о том, о ты, Яснозрящий.

597. Мы не можем убедить друг друга, и вот мы пришли к тебе спросить тебя, – тебя, в совершенстве просвещенного.

598. Как чтущие полный месяц молятся ему, простирая стиснутые руки, так и тебя, о Готама, мы молим с простертыми руками.

599. Мы вопрошаем Готаму, Око Вселенной: рождением ли становятся брахманом, или делами? О том поведай ты нам, неразумевшим, чтобы мы поняли, кто есть брахман.

600. – Я разъясню вам, о Васеттха, – сказал Благословенный, – я разъясню в должном порядке верное значение всех живых существ, согласно их видам, ибо эти виды их многочисленны.

601. Знайте, есть травы и деревья, и есть в них признаки, которые разделяют их на виды, и те виды их многочисленны.

602. Знайте, есть черви и бабочки, и разные породы муравьев, и есть в них признаки, которые делят их на виды, и те виды их многочисленны.

603. Знайте, есть четвероногие, и большие и малые, и есть в них признаки, которые разделяют их на виды, и те виды их многочисленны.

604. Знайте, есть змеи, и есть в них признаки, по которым разделяются они на виды, и те виды их многочисленны.

605. Знайте, есть рыбы, – они бродят в воде, и в них есть признаки, различающие их виды, и те виды их многочисленны.

606. Знайте, есть птицы, – они, распростершись на крыльях, рассекают воздух, и в них есть признаки, которыми делятся они на виды, и те виды их многочисленны.

607. Но насколько обильны признаки видов тех живых существ, настолько же необильны они в человеке.

608. Но не только в отношении волос, головы, глаз и ушей, рта, носа, бровей,

609. не только в отношении плеч и шеи, живота и спины, груди и других членов,

610. не только в отношении рук и ног, ногтей и ладони, бедер, икр и голоса, цвета кожи, как в других существах, есть в людях различающие признаки.

611. Все это, однако, различие только между телами людей, но сами люди различаются между собою иными, а не этими признаками.

612. Кто между людьми живет скотоводством, тот мирянин, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.

613. Кто между людьми живет ручным трудом, тот ремесленник, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.
614. Кто между людьми живет торговлей, тот купец, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.
615. Кто между людьми живет, прислуживая другим, тот слуга, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.
616. Кто среди людей живет разбоем, тот грабитель, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.
617. Кто среди людей живет стрельбой из лука, тот воин, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.
618. Кто между людьми живет, свершая домашние священные обряды, тот жрец, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.
619. Кто между людьми владеет многими землями и селениями, тот царь, а не брахман, – знай же то, о Васеттха.
620. Не назову я брахманом и того человека, который носит это имя по своему роду, или по происхождению от особенной матери; пусть он будет богат и чтим людьми, но не его я почту именем брахман; только того назову я брахманом, кто ничем не владеет и ничего не жаждет.
621. Кто сорвал с себя все оковы, кто стряхнул с себя все узы и не страшится, освобожденный, – того назову я брахманом.
622. Кто загасил в себе вражду и влечения, кто победил неуверенность, разрушил все призраки, навеянные прежним неведением, того Озаренного назову я брахманом.
623. Кто, ни в чем не повинный, терпеливо переносит и упреки, и узы, и надругательства, у кого только одна есть сила – терпение и только одно оружие – кротость, того назову я брахманом.
624. Кто, освобожденный от гордости, идет здесь стезею святости, неся свое последнее тело, – того доблестного, бесстрастного, подчиненного себе назову я брахманом.
625. К чьему сердцу не привяжутся плотские наслаждения, как вода не удержится на листке лотоса, как горчичное зернышко не устоит на острие иголки, того назову я брахманом.
626. Кто ведает путь смерти и страдания, сбросил с себя бремя жизни, того, ничем не порабощенного, назову я брахманом.
627. Кто не расстается со своими глубокими думами, кто постиг верный путь и путь ложный, кто близок к высшему благу, – того назову я брахманом.
628. Кто, не тревожимый никаким влечением, не смешивается с толпой мирян, но, странствуя бездомный, далек и от бродячей толпы, – того назову я брахманом.
629. Кто, охраняя жизнь всех существ, и тех, которые робки, и тех, которые смелы и сильны, не убивает и не поощряет убийства, того назову я брахманом.
630. Кто кроток среди враждующих, кто тих среди бушующих, кто бескорыстен среди изнывающих в корысти, того назову я брахманом.
631. В чьем сердце не держатся ни ненависть и страсти, ни двуличье и надменность, как на острие иглы не стоит горчичное зернышко, того назову я брахманом.
632. Чьи разумны все речи, чье каждое слово – правда, у кого нет слов обиды и жестокости, – того назову я брахманом.
633. Кто здесь ничего не берет себе, что бы ни было дано ему, будь то длинное или короткое, большое или малое, дурное или доброе, того назову я брахманом.
634. Кого не влечет к себе ни этот мир, ни следующий, кто не подвластен никакому желанию, того назову я брахманом.

635. Кто ничего не жаждет, свободный от всяких сомнений, кто погрузился в чистые глубины бессмертия, того назову я брахманом.

636. Кто победил в этом мире все дурное в нем и хорошее, кто освободился от печали и отчаяния, того непорочного назову я брахманом.

637. Кто чист и покоен, нерушим и смиренен, разбил все пустые здесь радости, того незапятнанного, подобного месяцу, назову я брахманом.

638. Кто перешел через трясины опасностей, вырвался из обители возрождения, в мире и размышлении достиг желанного берега, – того, не увлекаемого, не тревожимого ни жаждой, ни сомнением, назову я брахманом.

639. Кто забыл все телесные наслаждения, кто разрушил в себе самое семя их и грядет по свету, не имея здесь никакого пристанища, того назову я брахманом.

640. Кто отверг всякое возникающее желание, кто погубил в себе самое семя и грядет по свету, ни в чем не усматривая здесь пристанища, – того назову я брахманом.

641. Кто презрел все прежние связи свои с людьми и богами, кто отверг всякую былую привязанность, того, навсегда освобожденного, назову я брахманом.

642. Кто расстался с уладами этого мира и забыл все его тернии, кто затих, оторвав себя от звеньев цепи существующего, – того, доблестно победившего все миры, назову я брахманом.

643. От кого не укрылось это исчезание и восстановление существующего, кто не увлекся тою обманчивой игрою, – того счастливого, озаренного назову я брахманом.

644. Чьи разрушены все влечения, чьих путей вновь не узрят ни люди, ни боги, – того Благословенного назову я брахманом.

645. Кто не связан ни с прошлым, ни с будущим, ни со срединою, кто ничем не владеет и ни к чему не влечется, – того назову я брахманом.

646. Кто – неустрашимый, как буйвол, бесстрастный и непорочный, просветленный, утешенный, кто – великий мудрец, возвышенный победитель, того назову я брахманом.

647. Кто разгадал все то, в чем в былое время дух его искал успокоения, кто изведal и выси и бездны и притек к концу возрождения, – того назову я брахманом!..

648. То, что здесь получило название "имени-и-формы", есть одно лишь именование, но не так оно было принято в общем согласии.

649. Долгим временем утвердились здесь мысли невежд, – и вот невежды поучают нас, что брахманом становятся по рождению.

650. Но не рождением становится человек брахманом и не рождением не становится им; нет, своими делами становится человек брахманом и своими делами не становится им.

651. По роду своих занятий землепашец зовется землепашцем, ремесленник – ремесленником, купец – купцом, слуга – слугою,

652. разбойник – разбойником, воин – воином, жрец – жрецом, властитель – властителем.

653. Мудрый, ясно видя причины вещей, верно оценивая то, что исходит из делания, знает смысл и значение происходящего.

654. Деланием существует Вселенная, деланием живет людской род: как колесо на оси, все существа утвердились на делании.

655. Терпением, благочестием, смирением и покорностью – вот чем становится человек брахманом, вот за что величается он именем лучшего из людей.

656. Умиротворенный, ведающий три святыне истины, сокрушивший возрождение, – знай, о Васеттха, – близок к Брахме и Индре!

Когда окончил свою речь Благословенный, оба юноши, Васеттха и Бхарадваджа, обратились к нему с такими словами:

– Как чудесно, о славный Готама. как чудесно, о славный Готама! Как поднимают то, что было опрокинуто, как находят то, что было скрыто, как выводят на путь заблудившегося, как вносят во тьму лампаду, чтобы зрячие могли видеть, так и истина разъяснена славным Готамой различными путями. Мы прибегаем к славному Готаме, его Дхарме и к Сангхе монахов; пусть славный Готама примет нас в число своих последователей, – мы отныне видим в нем свое убежище!

3.10 Кокалика сутта "Монах Кокалика"

Вот что я слышал:

Однажды к Совершенному приблизился монах Кокаля и, приблизившись к нему и приветствовав его, сел к стороне; и, сидя в стороне, с такими словами обратился монах Кокаля к Совершенному:

– О Славный! Сарипутта и Моггалана подчинились грешным желаниям, они подпали силе злых желаний! На эти слова Совершенный ответил:

– Не говори так, Кокаля! Не говори так, Кокаля! Усмири, Кокаля, свои мысли о Сарипутте и Моггалане, – они любезны мне. Но во второй раз Кокаля сказал Совершенному:

– Хотя ты, о Совершенный, и говоришь слова утешения и не усомнился в Сарипутте и Моггалане, – все же я скажу, что в них проявились злые влечения, что они подчинились силе грешных желаний. И во второй раз Совершенный сказал ему:

– Не говори так, Кокаля! Не говори так, Кокаля! Усмири, Кокаля, свои мысли о Сарипутте и Моггалане, – оба они безупречны. И в третий раз монах Кокаля сказал Совершенному:

– Хотя ты, о Совершенный, и не усомнился в них и говоришь слова утешения, все же я скажу тебе, что Сарипутта и Моггалана склонны к дурным влечениям, что они подпали силе грешных желаний. И в третий раз Совершенный сказал монаху Кокалье:

– Не говори так, Кокаля! Не говори так, Кокаля! Пусть утихнут твои мысли о Сарипутте и Моггалане, – оба они по-прежнему любезны.

Тогда монах Кокаля, встав со своего сиденья, поклонился Совершенному и, обойдя вокруг него, вышел вон. Спустя короткое время после того, как он вышел, все его тело покрылось чирьями величиной с горчичное зернышко; бывши величиною с горчичное зернышко, потом они стали величиною с боб; бывши величиною с боб, потом они стали величиною с крупный горох; бывши величиною с горох, потом они стали величиною с яйцо; бывши величиною с яйцо, потом они стали величиною с ягоду; бывши величиною с ягоду, потом они стали величиною с плод мирры; бывши величиною с плод мирры, потом они стали величиною с крупные плоды, – после того они лопнули, и из них полилась кровь и гной. Тут и умер Кокаля от этой болезни и, умерев, ниспал в бездну он, обнаруживший свою враждебность к Сарипутте и Моггалане.

Наступила ночь, и божество дивного вида, озарив собою всю окрестность, приблизилось к Благословенному, и, приблизившись к Благословенному и приветствовав его, стало к стороне, и, стоя в стороне, сказала Благословенному:

– О Славный, Кокаля, нищенствующий, умер, и, умерев, ниспал в бездну он, обнаруживший свою враждебность к Сарипутте и Моггалане!

Сказавши это, божество поклонилось Благословенному и, обойдя его справа, исчезло.

На исходе ночи Благословенный сказал нищенствующим:

– Прошлую ночь, о монахи, приблизилось ко мне божество чудного вида, осветив собою всю окрестность, и, приблизившись с приветствием, оно сказала мне:

– О Славный, Кокалья умер и, умерев, ниспал в бездну он, обнаруживший свою враждебность к Сарипутте и Моггалане.

Вот что сказала мне божество, и, сказав то и поклонившись мне, оно обошло меня справа и исчезло.

Когда это было сказано, один монах спросил Благословенного:

– Как велика жизнь в бездне?

– Долга, о монахи, жизнь в бездне, – нельзя исчислить ее ни годами, ни многими сотнями лет, ни тысячами, ни сотнями тысяч! После того сказал Учитель:

657. – У всякого человека, родившегося на свет, есть секира во рту, и ею безумец, говоря злые речи, казнит сам себя.

658. Кто восхваляет достойное посрамления и хулит достойное похвалы, тот в своей гортани скопляет зло, и никогда он не обретет себе за то радости.

659. Мотовство, растрата добра игрою в карты – грех; возмущение против Святого – величайший из грехов:

660. кто хулит Святого, ниспадает в бездну тот, во зло употребивший свою речь и разум.

661. Творящий злое ниспадает в бездну, и в бездну же ниспадает тот, кто стремится отрицать свою виновность, – равна их судьба по смерти, оба они за свои дела получают равное воздаяние.

662. Кто обижает незащитного человека, чистого, безгрешного, тот безумец сеет зло на свою голову: оно падает на него же, как прах, разносимый вихрем.

663. Преданный жадности, осуждающий других, неуверенный и грубый, жестокий и жадный, склонен весьма порицать других.

664. О ты, человек с оскверненной гортанью, лживый и низкий, злой и порочный, презренный и грешный, вредный для всех людей, – не спесивься: ты – будущий жилец преисподней!

665. Ты изрыгаешь скверну на горе ближних, ты поносишь справедливых, – натворив здесь много греховного, ты низвергнешься в пучину бездны на долгие времена.

666. Не потеряны дела, свершенные здесь человеком, – вновь с ними некогда встретится он: безумец, здесь творящий греховное, готовит себе в другом мире страдания.

667. Он ниспадает на острые колья, пронзенный железными прутьями: его пища там – докрасна раскаленные железные ядра.

668. Вот мучатся с искривленными лицами те, кто забывал здесь слова кротости и сердечности; они не могут укрыться от страданий, они мучатся на раскаленных углях, и огненные языки пылающих костров лижут их.

669. Железные молоты избивают их, закутанных в сети, и густой мрак расстилается окрест.

670. Потом они попадают в железные котлы, окруженные пылающими кострами, и долгое, долгое время варятся в них, корчась в пламени, –

671. они, здесь творившие злое, варятся там в смеси крови и гноя, истлевающая в них;

672. здесь творившие греховное варятся в воде, кишасей червями, и нельзя всплыть им вон.

673. Зацепив за языки крючьями, слуги бездны избивают их;

674. их влачат по острым зубьям и низвергают вниз;

675. там черные тучи воронья клюют их, горько плачущих, там терзают их псы и шакалы, коршуны, ястребы и соколы...

676. О, горька та жизнь в преисподней, которую готовят себе грешники! Немного еще дней жизни здесь остается каждому, – пусть же всякий будет ревностен то последнее короткое время.

677-678. Как не устанут люди называть те страдания мучительными, так не окончатся и муки в преисподней; сознавая то, добрые, чистые и сердечные всегда ревниво оберегают себя в речи и разуме.

3.11 Налака сутта "К Налаке"

679. Мудрый Асита встретил толпы богов, восхищенных и ликующих, в светлых одеяниях, прославлявших Индру и в восторге махавших флагами.

680. Видя ту безмерную радость богов, он спросил их с благоговением:
– Чем так обрадованы боги, отчего они в восхищении машут флагами?

681. Когда был раздор между богами и демонами и победили боги, разбив полчища демонов – и тогда не было такой радости. Что же чудесное встретили боги, что так восхитило их,

682. что они поют и ликуют, играют и пляшут, бросая оружие; я вопрошаю вас, обитателей вершин горы Меру, сорвите с меня сомнение, о славные!

683. – Бодхисатта, чудная жемчужина, несравненный, родился на благо и счастье людей в городе Шакьев в местности Лумбини! Вот отчего мы ликуем и радуемся!

684. Прекраснейший среди всех существ, первый из людей, телец среди них, великолепнейший из всех творений, – он повернет Колесо (Дхармы), и в лесах соберет мудрых он, подобный ревущему льву, суровому царю животных.

685. Услышав ту весть, он пошел ко дворцу Судходаны и, севши, спросил Шакьев:
– Где царевич? Я хочу видеть его.

686. Тогда Шакьи показали мудрому Асите царевича, подобного сияющему золоту, пылающему в горниле искусного мастера, – дитя, озаренное славою, прекрасное.

687. Видя царевича, светлого, как благодатное пламя, как созвездье Тельца, как пылкое осеннее солнце на безоблачном небе, мудрый Асита пришел в восхищение.

688. В небесах боги раскинули зонт с тысячью кругов и многочисленными ветвями, и опахала на золотых тростях веяли над ним, но кто держал тот зонт и те опахала, были невидимы.

689. Мудрый Асита с заплетенными волосами, видя веявшие над головою младенца желтые завесы, подобные золотым клиньям, и белое опахало, веявшее над ним, принял младенца на руки в счастье и восхищении.

690. И вот он, принявши того Тельца из рук Шакьев, он, желавший воспринять его, ведающий гимны и знамения, возрадовавшись, громко воскликнул:
– Нет ему высшего, он – прекраснейший из людей!

691. Тут о своей скорой кончине вспомнил мудрец и, заскорбев, прослезился: видя его плачущим, спросили Шакьи, не провидит ли он что темное на пути царевича.

692. Видя, что опечалились Шакьи, мудрец сказал им:
– Нет, ничего мрачного я не вижу на пути царевича, ничего дурного не предстоит ему, ибо он не из низших людей. Не бойтесь!

693. Царевич достигнет окончательного само-пробуждения, он повернет колесо Дхаммы, он узрит несравненную Чистоту, благо людское всегда будет заботой его, и слово его широко разнесется по свету.

694. Скоро, скоро придет к концу жизнь моя на земле, – как только расцветет он, придет ко мне смерть; увы мне, несчастному! – я не услышу Несравненного!.. Вот что сокрушает меня и печалит!..

695. Оставив Шакьев в их великой радости, он ушел из города, возвратился к своей жизни подвижника; но из любви к своему племяннику, он побуждал его принять Дхарму Несравненного.

696. – Если ты услышишь от других имя "Будда" или: "Он, достигший совершенства в просвещении, идет стезею Дхармы", – ты иди туда и, узнав о подробностях, веди жизнь благочестия близ того Благословенного.

697. Так наученный мудрецом, благосклонным, провидевшим будущую несравненную Чистоту, проживал с ним Налака, с умиротворенными чувствами, накапливая благие дела, ожидая Будду.

698. Услышавши о том, что Победитель повернул Колесо Истины, и пойдя, и увидя того Тельца среди мудрых, он, обратившись, вопрошал возвышенного Мудреца о лучшей мудрости, когда пришло время исполнить завещание Аситы.

699. – Истинны были слова Аситы, вижу я; и вот я прибегаю к тебе, о Готама, ты, совершеннейший во всех истинах!

700. О Мудрец, мне, бездомному, ищущему принять жизнь Странника, спрошенный, объясни высочайшее состояние, – то состояние мудрости!

701. – Я разьясню тебе состояние мудрости, – мудрости, трудно достижимой людьми, несомой в подвигах. Приди, я научу тебя, – мужайся, крепись!

702. Пусть блюдет человек душевное спокойствие; пусть бодрствует он, бдит, чтобы ничто не встревожило дух его, – ничто, ни хвалимое, ни порицаемое в селениях. Пусть проживает он в тиши, без гордости.

703. Все исчезает здесь, как угасают, мерцая, лесные огни; жены искушают мудрого, – но да не соблазнится он!

704. Пусть гнушается он сладости слияния, отбросит всякое сладострастие! Пусть будет он бесстрастен, безвреден для всех существ, и слабых, и сильных на этом свете.

705. – Каков я, таковы и они; каковы они, таков и я, – так видя в них себя и себя в них, пусть он не убивает и не поощряет убийства.

706. Отбросивши всякое желание и привязчивость, пусть поступает он, как зрячий среди слепых, спотыкающихся, пусть вырвется он из пучины.

707. Пусть он будет воздержен к пище, никому не завидует, ничего не жаждет, – тогда дух его, не смущенный желанием, насладится в радости.

708. Пусть мудрый, обойдя поселки, прося милостыни, – возвращается на опушку леса, сидит у корней деревьев.

709. Призывая себя к дхьяне, будучи мудрым, пусть обретает он счастье в уединении своем на лесной опушке, пусть практикует дхьяну, сидя при корнях деревьев!..

710. Когда пройдет ночь, пусть идет он к окраинам селения, не восхищаясь приглашениями, не восторгаясь о полученном.

711. Обходя поселки, прося подаяния, пусть не спешит он стремительно от жилища к жилищу, пусть воздерживается от многословия, не вступает в пустые беседы.

712. И когда он подумает: "Вот сегодня я получил хорошее", – и когда подумает: "Ничего то доброго мне не подали сегодня", – и в том и в другом случае пусть возвращается он к своим деревьям ни в чем не изменившимся.

713. Как будто немой, с видом безмолвия, с нищенскою чашей в руке, пусть не стыдится он малого даяния, не порицает дающего.

714. Есть высокие и низкие практики, провозглашенные созерцающим. Они не направляются дважды к дальнему берегу. Оно (Освобождение) ощущается не однажды.

715. Для монаха, пересекшего поток существования, — для него, не смущенного никакими желаниями, забывшего все мирские заботы, уже нет более страдания...

716. Я разъясню тебе состояние мудрости; пусть будет он подобен лезвию бритвы, пусть будет умерен он в пище, прижимая язык к небу.

717. Пусть дух его будет свободен от всякой привязанности, пусть не заботится он ни о чем в этом мире, пусть, не оскверненный и независимый, он посвятит свою жизнь благочестию.

718. Пусть поучается он уединению, подвигам пустынножительства: мудрость возрастает в уединении, в одиночестве обретаешь себе лучшие радости.

719. Как луч света, тогда он проникнет чрез все десять сфер. Послушные слову Мудрого, те, кто практикует дхьяну, отринув все телесные радости, пусть мои последователи живут в смирении и уверенности.

720. Поучитесь от вод в глубинах морей и в горных ущельях: шумно бегут ручейки, но безбрежное море безмолвно, едва колеблется.

721. Много шумит мелкое, но спокойно преисполненное; глупцы подобны неполным чашам, мудрый — как полная чаша.

722. Многое говорит Отшельник, поучая многих Дхарме, указуя Истину многим;

723. но кто узнал чрез него Истину, кто увидел ее, тот смыкает уста в великом молчании, — он не говорит много, затворившись в мудрости, охраняя в себе видение Истины!..

3.12 Дваятанупассана сутта "Двойное видение-как-есть"

Так я слышал:

В пятнадцатый день, в полнолуние, вечером сидел Благословенный на открытом воздухе, окруженный собравшимися к нему нищенствующими монахами. Тогда Благословенный, окинув взором монахов, сидевших в молчании, сказал им:

— "Пусть те истины, о монахи, будут прекрасны, благородны, пусть освобождают дух, ведут к совершенству просветления, но зачем внимаете вы тем истинам, прекрасным, благородным, освобождающим, ведущим к совершенству просветления?" — если кто, о монахи, спросит вас так, вы ответьте: "Да, для видения-как-есть Двойкой Истины". — "Какой же двойкой?" — спросят вас. "Вот — страдание, вот — начало страдания", — это первая истина, "вот разрушение страдания, вот — путь к разрушению страдания" — это вторая истина; тот, о монахи, кто верно мыслит о той Двойкой Истине, ревностен, решителен, усерден, — может надеяться, что из двух плодов для него возрастет один: совершенство познания в этом мире, или, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь.

Так сказал Совершенный и, сказав это, прибавил:

724. — Не постигшие страдания и его начала и того, чем везде и навсегда загашается страдание, не ведающее пути, который ведет к пресечению страдания.

725. те, отрешенные от свободы разума и от свободы познания, не победят этой обители возрождения и разрушения, будут и впредь влачиться в ней.

726. Но кто постиг страдание, и его начало, и то, чем навсегда и везде загашается страдание, кто знает путь, ведущий к угашению страдания,

727. те, одаренные свободой разума, свободой познания, победят эту обитель возрождения и разрушения, никогда вновь не вовлекутся в нее.

– "Есть ли совершенное рассуждение о Двоякой Истине в другом виде?" – если так спросят вас, о монахи, вы ответьте, что есть, и когда спросят: "Каково же оно?" – ответьте: "Какое бы страдание ни возникло, оно всегда возникает вследствие начал существования (упадхи)" – вот одно рассуждение: "но чрез полное разрушение начал существования, чрез отсутствие страстей нет зачатков страдания" – это второе размышление: для того же, о монахи, кто совершенно рассуждает так о Двоякой, усердный, решительный, ревностный, из тех двух плодов созреет один плод: совершенство познания в этом мире, или же, если некоторые из пяти качеств остались еще, состояние того, кто не возвращается.

Сказавши так, Совершенный изрек:

728. – Какое бы ни возникло страдание в этом мире, всегда причина его: начала существования: кто, ослепленный, сам созидает те звенья существующего, тот подпадает страданию: итак, будучи мудры, не сотворяйте звеньев существующего, ведая, что есть рождение и где – семя страдания.

– "Имеет ли совершенное рассуждение о Двойственности иную форму?" – если, о монахи, кто спросит вас так, вы ответьте: "Имеет", – и на вопрос: "Какую же?" – ответьте: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие неведения (авиджджа)" – вот первое рассуждение; "но чрез совершенное разрушение неведения уничтожается самый корень страдания" – вот второе рассуждение; кто, о монахи, правильно так рассуждает о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастет один: совершенство познания в этом мире, или, если еще остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь.

Сказавши так, Совершенный изрек:

729. – Кто вновь и вновь входит в эту обитель смерти и рождения, то в том, то в ином виде склоняясь к существованию, тот обретаётся здесь в состоянии неведения.

730. То состояние неведения есть великое безумие, ослепление, в котором долгое время проходили путь существования; но кто прибегает к познанию, тот не войдет вновь в эту обитель возрождения.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если, о монахи, спросят вас так, вы ответьте, что есть, и если спросят: "Какая же?" – вы скажите: "Какое бы страдание ни возникло в этом мире, оно возникает вследствие конструкций (санкхара)" – вот первое рассуждение; "но чрез совершенное сокрушение конструкций (санкхара) сокрушается самое семя страдания" – это второе рассуждение; кто, о монахи, верно так понимает ту Двойственность, горячий, ревностный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире, или, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние не возвращающегося вновь.

Сказавши так, Совершенный изрек:

731. – Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие конструкций (санкхара); победою над конструкциями уничтожается самое семя страдания.

732. Взвизывая на страдания, как на несчастья, возникающие из конструкций (санкхара), – сокрушением конструкций, полным сокрушением восприятия (саннья) достигается разрушение страдания, чьи пути возникновения верно так поняты мудрым;

733. и мудрые, обладающие верным тем знанием, совершенные, постигшие связь и начало вещей, победивши источник обольщения, не войдут вновь в обитель возрождения.

– "Есть ли еще иной вид совершенного рассуждения о Двойственности?" – если, о монахи, спросят вас так, вы ответьте: "Есть", – и спросят: "Какой же?" – вы скажите: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие сознания (виньяна)" – это первое рассуждение; "но чрез полное разрушение сознания, чрез угашение страстей уничтожается самое семя страдания" – вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойственности, горячий, ревностный, решительный, для того из двух плодов вырастет один: совершенство познания в этом мире, если же остались в нем некоторые из пяти качеств, достижение состояния не возвращающегося вновь. Сказавши так, Совершенный изрек:

734. – Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие сознания (виньяна); разрушением сознания

(винныяна) уничтожается самое семя страдания.

735. Как на несчастье, взирая на страдания, возникающие из сознания (винныяна), – нищенствующий разрушит сознание и свободный от желаний, станет счастливым в совершенстве.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если спросят вас так, о монахи, вы ответьте, что есть, и когда спросят: "Какая же?" – вы скажите: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие контакта (пхасса)" – вот первое рассуждение; "но совершенным уничтожением контакта уничтожается самое семя страдания" – вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире, или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние не возвращающегося вновь. Сказавши те слова, Совершенный изрек:

736. – Погубленные контактом, несомые шумным потоком жизни, избравшие себе пути зла, никогда не освободятся от уз;

737. понявшие опасность контакта, избравшие радости Нирваны, выходят из той области контакта, свободные от желания, в совершенстве счастливые.

– "Есть ли еще иной вид совершенного рассуждения о Двойственности?" – если так спросят вас, о монахи, вы ответьте: "Да, есть", – и когда спросят: "Какой же?" – вы скажите: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие чувствования (ведана)" – это первое рассуждение; "но полным уничтожением чувствования, угашением страстей уничтожается самый корень страдания" – вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире, или, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь. Сказавши те слова. Совершенный изрек:

738. – И на радости, и на печали, и на стремления к ним, к тем радостям и печалям, внешним и внутренним,

739. смотря как на страдание, изведавши все это хрупкое, обреченное на гибель, видя всеобщее разрушения, – от них отвращается нищенствующий, гибелью чувств освобождаясь от желания, обретая состояние совершенного счастья.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если, о монахи, вас спросят так люди, вы ответьте, что есть, и когда спросят: "Какая же?" – вы ответьте: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие пристрастия (танха)" – вот первое рассуждение; "но чрез уничтожение пристрастия, чрез полное угашение страстей уничтожается самый корень страдания" – вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так размышляет о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов есть надежда на один: совершенство познания в этом мире, или, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь. Когда были сказаны те слова. Учитель сказал:

740. – Если с человеком неразлучны пристрастия, он долгие времена, вновь и вновь, тем или иным путем все переходит от жизни к жизни, – нет, он не вырвется из потока перерождения;

741. как на несчастья, взирая на те страдания, что неизбежно возникают из пристрастия, пусть нищенствующий освобождается от пристрастия и идет своим путем в дхьяне, ни с чем не связанный.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если спросят вас так, о монахи, вы ответьте: "Да, есть", – и если спросят: "Какая же?" – вы ответьте: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает из привязанности (упадана)" – вот первое рассуждение; "но полным отрешением от пристрастия, угашением страстей уничтожается самый корень страдания" – вот второе рассуждение: кто верно так размышляет о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, тот, о монахи, из двух плодов может ожидать себе один: совершенство познания в этом мире, или, если остались в нем некоторые из пяти атрибутов, состояние того, кто не возвращается вновь.

742. – Существование оперлось здесь на привязанность; кто вошел в эту область существования, тот пришел сюда на страдание, кто был рожден, тот умрет: вот начала страдания.

743. Мудростью разрушивший привязанность, в совершенстве знания постигший силу уничтожения возрождения, вновь не войдет в ту обитель смерти и рождения.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если спросят вас так, о монахи, вы ответьте: "Да, есть", – и на вопрос: "Какая же?" – ответьте: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие становления (арамбха)" – это первое рассуждение; "но полным разрешением становления (арамбха), отсутствием страстей уничтожается почва для возникновения страдания" – это второе рассуждение; кто, о монахи, верно так размышляет о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире, или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, достижение степени не возвращающегося вновь. Когда были сказаны те слова. Учитель сказал:

744. – Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие становления (арамбха); если же уничтожено становление, то нет путей более и возникновению страдания.

745. Взирая на страдание, как на несчастье, корнящееся в становлении, и отринувши всякое становление (арамбха),

746. нищенствующий монах пересечет этот поток рождения и смерти, он пересечет его, свободный от привязанности, сорвавший с себя всякую жажду жизни, умиротворенный, – и возрождение не наступит для него более.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если спросят вас так, вы скажите: "Да, есть", – и когда спросят: "Какая же?" – вы скажите так: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие похоти к питанию (ахара)" – это первое рассуждение; "но совершенным уничтожением похоти к питанию, полным разрушением страстей уничтожаются пути к возникновению страдания" – это второе рассуждение; кто, о монахи, верно рассуждает о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов возрастает один: совершенство познания в этом мире, или же, если в нем остались некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь. После этих слов сказал Учитель:

747. – Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие похоти питания: разрушением похоти питания уничтожаются все пути к возникновению страдания.

748. Как на несчастья, взирая на страдания, что возникают из похоти питания, ясно видя, что готовит эта похоть человеку,

749. узревший, что разрушение желаний ведет с собою исцеление, не прилепится никогда вновь к похоти питания; различая оба пути, опираясь на Истину, нищенствующий совершенен, как бы не существует вовсе.

– "Есть ли еще иной вид совершенного рассуждения о Двойственности?" – если спросят вас так, о монахи, вы ответьте: "Да, есть", – и на вопрос: "Какой же?" – ответьте: "Какое бы страдание ни возникло, оно возникает вследствие волнений (иньджита)" – это первое рассуждение; "но чрез совершенное прекращение волнения, чрез полное угашение страстей уничтожаются все пути к возникновению страдания" – это второе рассуждение: кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире, или же, если остались в нем некоторые из пяти атрибутов, состояние того, кто не возвращается вновь. После тех слов сказал Учитель:

750. – Какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие волнений; разрушением волнений уничтожаются все пути к возникновению страдания.

751. Как на несчастья, взирая на страдания, что возникают вследствие волнений, и откинув всякое волнение, вырвавшись из звеньев все возникающей цепи жизней, пусть нищенствующий идет своим путем, свободный от желаний, ни к чему не привязанный.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если спросят вас так, о монахи, вы ответьте: "Да, есть", – и когда спросят вас: "Какая?" – вы скажите так: "От зависимости возникает колебание" – это первое рассуждение; "независимый не колеблется" – это второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойственности, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире, или, если остались некоторые из пяти атрибутов, состояние того, кто не возвращается вновь. После тех слов Учитель сказал:

752. Независимый не колеблется, а зависимый, ухватившийся за звенья стремительно несущейся цепи жизни, не победит никогда этой сени бывания;

753. как на бедствия, взирая на опасности, которые скрыты в вещах, от которых зависят люди, пусть нищенствующий идет своим путем, независимый, не хватаясь ни за что, пребывая в размышлении.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если, о монахи, вас спросят так, вы ответьте: "Да, есть", – и на вопрос: "Какая же?" – вы ответьте так: "Безвидные существа умиротвореннее тех, кто обладает видом" – это первое рассуждение; "угашение тише безвидности" – вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так рассуждает о Двойственности, ревностный, усердный, решительный, для того из двух плодов вырастает один: совершенство познания в этом мире, или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь. Сказавши те слова, Совершенный сказал:

754. – И те существа, которые обладают видом, и те, которые проживают в безвидном мире, если не ведают они угашения, вновь и вновь возвращаются к возрождению.

755. Тот же, кто, вполне понявши все формы, неколеблемо утвердился в мире безвидного, высвободив дух свой из цепи становления, тот навсегда покидает смерть.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" – если вас спросят так, о монахи, вы ответьте: "Да, есть", – и когда спросят вас: "Какая же?" – вы скажите: "Принятое за истину в мире людей и богов, Мары и Брахмы, среди брахман и пустынников – благородными, в их всесовершенной мудрости понято как ложь" – вот первое рассуждение; "что было принято как ложь в мире людей и богов. Мары и Брахмы, среди брахман и пустынников, в том благородные, прозревшие духом, совершенные в познании, увидели истину" – вот второе рассуждение. Кто, о монахи, ревностный, усердный, решительный, верно так рассуждает о Двойственности, тот может ожидать, что из двух плодов возрастет один: совершенство познания в этом мире, или, если остались некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь. Сказавши это. Учитель сказал:

756. Видя действительное в недействительном, мир людей и богов, обитающий в виде и имени, думал про то: вот – истина.

757. Но не так это; это – ложь, а ложь ведет за собою погибель.

758. Если же благородные постигли правду в том, что не ложно: постигли ее в Ниббанае, – они, объяввшие духом Истину, в совершенстве счастливы.

– "Есть ли еще иная форма совершенного рассуждения о Двойственности?" если так спросят вас, о монахи, вы ответьте: "Да, есть", – и на вопрос: "Какова же она?" – вы ответьте так: "В чем люди и боги, Мара и Брахма, странники и духовные видели радость, в том благородные, совершенные в знании, увидели горе" – это первое рассуждение: "в чем люди и боги, Мара и Брахма, отшельники и брахманы видели горе, в том благородные, совершенные в мудрости, увидели верную радость" – вот второе рассуждение; кто, о монахи, верно так понимает совершенное рассуждение о Двойственности, ревностный, решительный, усердный, для того из двух плодов возрастет один: совершенство познания в этом мире, или же, если остались в нем некоторые из пяти качеств, состояние того, кто не возвращается вновь. После тех слов Учитель изрек:

759. – Вида, звука и вкуса, запаха и прикосновения, – вот чего жаждут здесь люди, очарованные, прельщенные.

760. Мир людей и богов видит в них счастье, и когда нет их, то скорбит сильно.

761. Но благородные только в прекращении телесного существования видят наслаждение – вот в чем мудрый возвышается над всеми мирами.

762. Что безумцы зовут радостью, то благородные называют страданием, – чего избегают безумцы, как страдания, в том благородные обретают радости – вот пред чем в недоумении стоят неведающие, вот чем так смущены они.

763. Кто закрылся, тот не видит, кто слеп, для того все темно, но благому есть благое возвешение, зрячему – свет; ослепленные неведением, даже ходя около Дхармы, ничего не различают в нем.

764. Кто побежден земными страстями, кого несут волны течения жизни, кто пребывает в области Мары, тот никогда не постигнет в совершенстве Вечной Дхармы.

763. Только благородный удостоится великой мудрости. В совершенстве познавший счастье Ниббаны освобождается от страстей, навсегда угасает здесь.

Так поучал Благословенный, и радостные монахи восхищались словами его. Слово за словом преподавал он прекрасную Дхарму, и с каждым словом освобождался дух монахов.

Книга четвертая
Аттхакавагга "Восьмеричная"

4.1 Кама сутта
"Чувственное удовольствие"

766. Если удастся достичь телесных радостей тому, кто жаждет их, он становится радостным, найдя любезное смертным;

767. если же не удастся ему достичь тех радостей, он мучится, как пронзенный стрелой.

768. Кто избегает телесных радостей, как на головку змеи бояться наступить босою ступней, тот осознанностью навсегда отгонит от себя эту жажду радостей.

769. Кто жаждет тех радостей, жаждет полей и добра, коней и коров, слуг, и близких, и жен,

770. того побеждает грех, того сокрушают несчастья, и в его сердце волеются страдания, как вода сквозь щель в челноке.

771. Итак, осознанностью изгоняйте плотские радости; освободившись от них, легко переплыть это море; вычерпайте всю воду из ладьи своей, – легко и весело к иному берегу тогда она понесется.

4.2 Гухаттхака сутта
"Пребывающий в пещере"

772. Человек, привязанный к телу, покрытый корою греха, обольщенный, не радуется в уединении, не очищается от плотских наслаждений.

773. Кого водят здесь страсти и похоти, кого научают желания радостей, – трудно освободиться тому, прилепленному к бывшему и будущему, мечтающему о новых радостях, сладко вспоминающему прошедшие.

774. Скупцы, обольщенные плотскими утехами, занемогшие жадностью, мучаются и плачут: "Что же будет с нами, когда мы умрем?.."

775. Пусть не забывает человек, что есть зло в этом мире, пусть ни для себя, ни для других он не творит зла, – жизнь коротка, говорят мудрые.

776. Вижу я в этом мире боязливую породу, порабощенную жаждою жизни, – это несчастные люди, тоскующие в пасти смерти, поглощенные потоком возрождения.

777. Взгляни на этих людей: как рыбка трепещет в иссохшем ручейке, так и они дрожат в постоянном беспокойстве и заботе о "себе"; ты же, видя это, живи без "своего", без привязанности к состояниям становления.

778. Погасив в себе жажду к обоим крайностям жизни, постигнув чувственный контакт, не истомленный жадностью, не делающий того, что сам называет позорным, мудрый не привязывается здесь ни к чему видимому и слышимому.

779. Зная, что такое "имя и форма", мудрый рассекает эту волну жизни; не ослабленный никакими желаниями, он вырывает из себя стрелу отравления; он, ревностный скиталец, не жаждет более ни одного из миров.

4.3 Дуттхаттхака сутта
"Пребывающий в зле"

780. Правда, легко вовлекаются в пререкания и злые и справедливые люди; но когда возникают споры, мудрый не вступает в них, — оттого он всегда доволен.

781. Как может тот, кого ведут его страсти, кого одолели влечения, отказаться от своих ошибок? Пусть же делает свое дело, пусть говорит согласно степени своей мудрости.

782. Кто, никем не просимый, всем и каждому восхваляет свои практики, свои правила, того благие назовут только хвастуном, низким человеком.

783. Монах, умиротворенный, радостный в духе, никогда не восхваляет своих добродетелей; благородным величают его добрые, ничего и нигде не желающим.

784. Кто в себе видит верного решителя, у того, лишённого руководства разума, всего легче складываются воззрения неясные, смешанные.

785. Нелегко победить учения философов; то одно, то другое из них кажется предпочтительнее, и человек склоняется то к одному из них, то к другому.

786. Но кто очистился, у того не бывает предрассудков; тот, очистившийся, отбросивший надменность и мечтания, не зависим ни от чего и нигде.

787. Не обретший независимости легко вовлекается в споры между учениями. Но каким именем назовётся тот независимый, который и не принимает ни одного из них и ни одного не оспаривает, — он, свободный от обаяния всякого учения?

4.4 Суддхаттхака сутта "Пребывающий в чистоте"

788. "Вот вижу я здесь чистого человека, полностью исцелённого; смотря на него, можно достичь чистоты!"

С таким убеждением, считая его "высшим", он считает, что познает, созерцая "непорочного".

789. Но если бы человек мог очиститься, наблюдая, или если бы с помощью такого знания он мог бы отбросить страдание, то недостигший мог бы очиститься, наблюдая другого человека. Однако это только мнение тех, кто так утверждает.

790. Брахман не очищается ни другим человеком, ни видимым, ни слышимым, ни воспринимаемым, ни соблюдением ритуалов. Он не загрязняется заслугами или проступками.

791. Оставивши прежних своих наставников, люди идут к другим; увлечённые похотью, они не раскуют цепи, сковавшие их; они то хватаются за Дхарму, то бросают его для другого, как обезьяны, перебрасываясь с сучка на сучок, то хватают, то бросают их.

792. То дела благочестия делают они, то, побуждённые похотью, увлекаются суетными делами; но муж великой мудрости, на опыте постигший Дхарму, не разбрасывается на все стороны.

793. Безразличный ко всем дхаммам, ко всему, что видимо, слышимо или познаваемо, он видит их такими, какими они есть в действительности, и живет с ясностью (ума). Что его может поколебать?

794. Он не составляет учений, не предпочитает то или иное из них, не говорит никогда: "Я безгранично чист". Разорвав узел привязанностей, ничего более не жаждет он в мире.

795. Он — брахман, победитель греха; ничем не овладевает он из всего того, что видит и о чем знает; никакая страсть не волнует его; ни в чем не увидит он в ослеплении "высшего в этом мире".

4.5 Параматтхака сутта "Пребывающий в превосходстве"

796. Что человек, привязанный к определенным убеждениям (диттхи), говоря: "Они самые лучшие", — считает

их высшими в мире, со всех сторон отличными от того, что он считает дурным, – в том открывается для него обильный источник пререканий.

797. Видя в самом себе верного судью всего видимого, слышанного или узнанного, судью добродетелей и дел благочестия, он смотрит на все другое, не признанное им, как на дурное.

798. Тот знаток называет правдою те узы, будучи зависим от которых, он и смотрит на все остальное, как на дурное! Умелые говорят, что (убеждение становится) ограничением, если опираясь на него, человек считает все остальное низшим. Пусть же нищенствующий освободится от зависимости от всего видимого, слышимого, осознаваемого, от обычных добродетелей и дел благочестия.

799. Пусть не создает он учений ни путем знаний, ни путем добродетели и дел благочестия, пусть он не выставляет себя ни равным другим, ни низшим среди них, ни отличным от них.

800. Отбросив все привлекавшее прежде, ни к чему не привязываясь, он не зависит ни от чего в познании. Он и не входит в близкие сношения с теми, которые поработены тем или иным учением, он не возвращается к толкованиям философов.

801. Кто не влечется ни к одной, ни к другой крайности, кого не манит возрождение в существовании ни в этом, ни в том мире, тот не ищет фиксированной точки зрения в исследовании тех или иных учений.

802. Кто не имеет предвзятых воззрений относительно видимого, слышимого и измышленного, – каким же путем и кто бы мог поколебать того брахмана, кому равно безразличны все убеждения (диттхи)?

803. Он не составляет учений, не отдает предпочтения тому или иному из них, его не восхищают те добродетели и благочестивая жизнь, которые так прославляются здесь: отплыв к иному берегу, он уже никогда не возвратится сюда.

4.6 Джара сутта "Старость"

804. Быстро проходит эта жизнь: не прожив даже и ста лет, человек умирает, и если проживет он больше, все же умрет, согбенный годами.

805. Люди печалются о том, что считают "своим", так как в каждое имущество непостоянно, нет ничего, что имело бы постоянно. Видя это разделение просто таким, как есть, навсегда оставь свое жилище!

806. То, чем дорожит человек, о чем думает: "Вот это мое", – разве удержит он у себя, умирая?.. Пойми это и, следуя по моим стопам, не задумывайся более о покинутом мире.

807. Как пробудившийся не видит того, с кем он встретился в сновидении, так и милых ему умерших человек уже никогда не увидит.

808. Люди носят здесь имя, их видят и слышат; но по смерти от них остается всего только имя их!..

809. У жадных себялюбивых не иссякает печаль, сетования и жадность; Мудрый же, покинувший жадность, уходит в скитания, провидя радости успокоения.

810. Монах, шествующей несвязанный, с духом, затворенным от внешнего, – не увидит себя вновь на этом пути существования,

811. Никогда не услаждается здесь Мудрец, никогда не горюет; печаль и жадность не вливаются в его сердце, как вода на листок лотоса.

812. Нет, никогда капля воды не удержится на листке лотоса, никогда Мудрый не прилепится ни к чему из того, что видимо, что слышимо и что ощущается.

813. Кто стряхнул с себя все греховное, тот ничего не воспримет в жадности из видимого, слышимого и ощущаемого: он не ищет очищения посредством другого, ибо ничто, идущее извне, не радует и не огорчает его.

4.7 Тисса Меттейя сутта "К Тиссе Меттейе"

814. – Скажи мне, о Славный! – так говорил достойный Тисса Метейя, – о падении того, кто предался похоти; слыша твое наставление, мы поучимся уединению.

815. – Тому, кто предан похоти, о Метейя, тщетны все поучения, он сам вредит себе в жизни, – вот что в нем низко.

816. Кто прежде в одиночестве шел своим верным путем и вот теперь ниспал до похотей, тот не остановится уже, как покотившаяся колесница; пусть же несет он имя низкого человека!

817. Его бывшая слава и честь навсегда потеряны для него. Видя то, пусть человек навсегда оставит похотливые вожделения.

818. Кто, не управляющий сам своею мыслию, скупится на размышления, тот, слыша от других посрамляющее слово, впадает в недовольство.

819. Он добывает тогда себе оружие, скованное учениями других, становится весьма жаден и попадает на путь неправды.

820. С именем "мудрого" вступив на путь уединенной жизни, вот он вновь подпадает обаянию похоти и вновь страждет, как прежде, безумец!

821. Сознывая это бедствие, пусть мудрец от начала до конца крепко соблюдает свою жизнь уединения, пусть он не предается похоти.

822. Пусть затворится он в себе, – это лучшая участь для благородного; но никогда, даже приблизившись к Ниббанае, пусть он не думает о себе, как о лучшем из людей.

823. Все существа, закованные в цепи похотей, завидуют Мудрому, шествующему в пустоте от желаний, не привязанному к похоти, пересекающему течение.

4.8 Пасура сутта "К Пасуре"

824. "Только в этом есть чистота" – так говорят они; "Все другие учения нечисты" – говорят они. К чему склонны учителя, то они называют добрым, и усердно настаивают на утверждаемых ими положениях.

825. Ищущие ученых пререканий, собравшиеся кучей, считая друг друга глупцами, возбуждают споры, жаждут похвал и считают себя знатоками.

826. Вот он среди собрания жаждет похвал и мечется во все стороны; когда отразят его возражения, он становится недовольным, гневается на других за их замечания, – он, сам в них искавший ошибок.

827. Когда же те, кто следят за беседою, говорят, что он проиграл в споре, что отражены все его возражения, он сетует и печалится, побежденный в споре: "Он победил меня", – так говоря, он скорбит.

828. Эти споры возникли среди отшельников, в них рассеваются обиды и распри; сознавая то, ты оставь всякие споры, ибо это не что иное, как путь возможности получать восхваления.

829. Если же ему удастся выяснить предмет спора, – и его восхваляют, тогда он смеется и радуется, кичится своим разумом.

830. Но что принесло тот восторг ему, говорящему теперь так гордо и заносчиво, то же будет потом и полем его поражения; сознавая то, пусть никто не вступает в собеседные споры, ибо не приносят они очищения, – вот как мыслят о том мудрые, сведущие.

831. Как силач, напитанный царской пищею, идет, вопя, жаждущий встретить себе противника: "Где ты? Выходи сюда, силач!" – так и тут вызывают на борьбу в ученых диспутах.

832. Кто, защищая то или иное учение, спорит и повторяет: "Вот – единственная истина", – тому ты скажи, когда возникнет спор: "Здесь нет для тебя противника".

833. Кто шествует, затворившись в своем духе, не избирая между убеждениями, – какое же ты в нем можешь встретить сопротивление, в нем, который в этом мире ничего не считает за лучшее.

834. И вот ты приходишь, строя догадки, твой ум рассуждает о точках зрения. Ты разошелся с Чистым, и не можешь продвигаться дальше.

4.9 Магандия сутта "К Магандие"

835. – Даже видя прекрасных дочерей Мары, я не чувствовал в себе похотливых влечений, – говорил Будда, – что же мне в теле твоей дочери, наполненном водой и выделениями?.. Я не попру его даже своею ногой!..

836. – Ты отвергаешь такую жемчужину, – эту женщину, которую жаждут даже многие цари?!.. Какое же учение исповедуешь ты, какие проповедуешь добродетели, дела благочестия?

837. – Так говорю: я испытал все учения, и нет ни одного из них, достойного, чтобы я принял его; видя ничтожество всех учений, не предпочитая ни одного из них, взыскав истину, я узрел "внутренний мир".

838. – Ты испытал все решения, ранее составленные, и не предпочел ни одного из них! Но как же объясняешь ты, Мудрый, тот "внутренний мир", о котором упомянул ты?

839. – Ни решением философов, ни преданием, ни знанием, ни добродетелью и благочестием никто не познал, что чистота существует, – но и не отсутствием решения, не отсутствием предания или знания, не отсутствием добродетели и благочестия; отринувши это и не предпочитая ничего иного, пусть человек освободится от зависимости и успокоится, – пусть не жаждет он более существования.

840. – Если ты говоришь: "Ни решением философов, ни преданием, ни добродетелью и благочестием никто не узрел, что чистота существует, но с другой стороны никто не достиг того и отсутствием философских решений, отсутствием предания и научения, добродетелей и подвигов благочестия, – то я считаю твое учение безумным, ибо ведомо мне, что многие достигают чистоты путем философских учений.

841. – Спрашивая меня относительно философских мнений, ты уже впал в пристрастие к тому, что раз было принято тобой, а о "внутреннем мире" ты не составил себе даже малейшего понятия, – оттого то ты и назвал ту мысль безумною.

842. Кто думает о себе, что он равен другим, или различен от них, или ниже их, тот то на том, то на другом основании все вступает в споры; но кто неизменчив среди трех тех условий, для того не существует мысли ни о "равном", ни о "различном".

843. Разве тот брахман, для которого не существует понятия "равного" или "различного", скажет: "Это верно", – или будет он оспаривать других, говоря: "Нет, это ложно"?.. Да и с кем же он вступит в пререкания?..

844. Покинув свое жилище, скитаясь без крова, ни с кем не дружась по поселкам, в свободе от жажды, не желая будущих существования, пусть Мудрый ни с кем из людей не вступает ни в споры, ни в пререкания.

845. Пусть возвышенный человек не вступает в философские споры, узнавши учения, отличные от того, в котором он ходил доселе; как к иглисту лотосу не пристанет ни вода, ни тина, так и Мудрый, исповедник успокоения, свободный от жадности, не влечется ни к миру, ни к усладам плоти, обычным в нем.

846. Совершенный человек не спесивится ни своими мыслями, ни своим учением, – он не из тех людей, чьим обычаям это свойственно; ни благочестие, ни предание не поведут его, не приведут ни к одному из здешних мест обычного отдохновения разума.

847. Кто свободен от целей, для того нет цепей, кто освободил свой дух разумением, для того нет земных мечтаний; но те, кто увлечены целями и философскими учениями, бродят по свету, только докучая другим.

4.10 Пурабхеда сутта "Прежде чем разрушилось тело"

848. – За какие добродетели, за какие помышления почтется человек именем Тихого? Спрошенный о лучшем из людей, объясни мне то, о Готама!

849. – В ком еще до разрушения тела разрушены все желания, кто не связан здесь ни с концом, ни с началом и не затерялся в середине, тот ничего более не предпочитает здесь.

850. Свободный от гнева, свободный от страха, свободный от кичливости, свободный от низких поступков, с речью мудрою и скромною проживает мудрец, укротившей себя совершенно в речи.

851. Не желающий будущего, он не влечется и к памяти прошлого, – он затворился в себе от всяких прикосновений, и никакие учения школ не поведут его.

852. Он не привязчив, не лжив, не завистлив, не жаден, не надменен и не предан злословию.

853. Не жаждущий приятных вещей, не преданный мечтаниям, милосердный и кроткий, не легковерный, разумный, ничем не огорчается он здесь.

854. Любовью к прибыли не ведется он, не горюет, не гневается при потере; не смущенный желаниями, он не стремится жадно к приятным предметам.

855. Всегда ровный, размышляющий, он не считает себя ни ниже другого, ни одинаковым с ним, ни отличным от него: ибо нет для него никаких здесь желаний.

856. Человек, для которого нет ничего обольщающего, который обрел свободу в познании Дхаммы, для которого нет ни желания вновь возвратиться к существованию, ни желания расстаться с жизнью,

857. того назову я умиротворенным, не ищущим плотских наслаждений: никаких цепей здесь уже нет для него, и желание навсегда сокрушено им.

858. Ни сыновей, ни скота, ни полей, ни богатств не существует для него, и не найдешь в нем никакого отвращения и никакого влечения.

859. Тех ошибок, за которые упрекают его отшельники и брахманы и простые люди, нет у него, и оттого те мнения его не смущают.

860. Свободный от привязанностей, не жадный, мудрый не споткнется здесь ни о равное, ни о низшее, ни о различное, он не входит во время, он освобожден от него.

861. Для кого нет ничего во всем мире, что он назвал бы своим, кто не печалится о том, чего уже нет более, кто не следует правилам, любезным людским похотям, тот назовется Умиротворенным.

4.11 Калахавивада сутта "Дальнейшие вопросы"

862. – Скажи, откуда идут споры и соревнования, печали и сетования вкупе с завистью, и гнев и мечтание вместе со злословием; откуда исходят они, скажи мне, прошу тебя.

863. – От милых предметов возникают соревнования, споры и сетования и печаль вместе с завистью, и гнев, и мечты, и злословие; пререкания и споры связаны с завистью, и клевета легко зарождается в них.

864. – Откуда исходят в мире дорогие предметы? И откуда жадность, владычица мира? И желание и исполнение откуда возникают здесь?

865. – Из жадности возникают дорогие предметы в мире и жадность, владычица мира; в ней же зарождаются желания и исполнения.

866. – Как зародилась та жажда в мире? И те решения, которые питают желание? Страх, и ошибки, и сомнения?

И откуда возникла та Дхарма, которую возвестил нам Пустынник?

867. – Что названо было сладким и горьким, то породило здесь жажду; увидевши разрушение и возникновение в телах, человек составил решения в этом мире;

868. страх, сомнения и ошибки – все это связано вместе; пусть сомневающийся потрудится на пути мудрости, приникнет к истинам, возвещенным Пустынником.

869. – Откуда идут те сладости и горечи мира, и жаждой чего они возникают? И откуда рождается то понятие "зарождения и разрушения", о котором упомянул ты?

870. – Сладость и горечь возникают в чувственном контакте, – где нет чувственного контакта, там ни горечи, ни сладости никогда не бывает. Тут же лежит и начало "разрушения и зарождения", о котором упомянул ты, – вот что я говорю.

871. – Как возникает чувственный контакт в этом мире? Откуда вырастает влечение? Желанием чего угашается здесь любовь к себе и чем сокрушается жажда чувственного контакта?

872. – С именем-и-формой (нама-рупа) связан чувственный контакт, и в желании коренится влечение; угашением желаний уничтожается любовь к себе, уничтожением формы (рупа) уничтожается и чувственный контакт.

873. – Каков же должен быть тогда человек, чтобы форма (рупа) перестала существовать для него? Как могут заглухнуть здесь радости и страдания? Скажи мне, как же все это может перестать быть, – скажи, чтобы мы могли ясно познавать себя.

874. – Если не будет человек: ни с обычным восприятием (саннья), но и не с отсутствием восприятия безумного, ни без восприятия, ни с исчезнувшим восприятием, – тогда форма (рупа) перестанет существовать для него, ибо обольщение формой коренится в восприятии.

875. – О чем мы вопрошали тебя, то ты объяснил среди нас, теперь мы о другом спросим тебя, – ответь нам: не говорят ли некоторые, почитаемые здесь мудрыми, что главная вещь – очищение духа, но не утверждают ли также и различного этому?

876. – Некоторые из прославленных здесь мудрыми, говорят, что главная вещь – очищение духа; другие же говорят, – исчезновение: эти мудрые, сведущие знают, что высшая чистота есть отсутствие всех пяти качеств.

877. Зная, как легко возникает зависимость, зная вещи, от которых зависят здесь люди, зная путь освобождения от зависимости, испытующий Мудрец не вступает в словопрения, – он никогда и ни к чему не возвращается вспять.

4.12 Чула-Вьюха сутта "Меньшая область"

878. Закосневшие в принятых воззрениях, многие люди, вступая в собеседные пререкания, провозглашают сами себя знатоками, говоря:

"Кто так понимает, тот знает Дхарму, кто же противится тому пониманию, тот несовершенен".

879. Вступая в пререкания, они восклицают: "Мой противник – глупец, невежда", – вот что говорят они... В каком же из учений – истина, ибо ведь каждый из спорщиков заявляет себя единственно сведущим?

880. – Кто не признает нашего толкования, тот глупец, подобен животному, человек скудоумный, – все они, остальные, глупцы, малоумные, все они закоsnели в своих взглядах;

881. мы же, путем своего учения, достигли верного очищения, мы – люди чистого понимания, сведущие; глубока наша мысль, нет никого среди нас людей малого разума, наши понятия совершенны!

882. Я не говорю: "Это верно", – про то, чем глупцы взаимно пятнают друг друга; свои собственные воззрения они приняли за непреложную истину, и оттого всех остальных называют глупцами!..

883. Что одни называют истиной, действительностью, – то другие зовут пустотою и ложью; отсюда возникают их споры, начинаются словопрения. Отчего же саманы не утверждают одного и того же, как истину?

884. Ибо есть только одна истина, нет двух истин, – и для разумного человека никогда не будет причин к пререканиям с другим разумным; если же каждый из саман восхваляет то одно, то другое, как истину, – тогда они и не могут утверждать одного и того же.

885. Отчего же те спорщики, что объявили каждый себя знатоками, возглашают различные истины? Оттого ли, что много различных истин есть на свете, оттого ли, что каждый из них верит слепо только своему пониманию?

886. Нет многих различных истин в мире, нет вечных, кроме Единой. Но, рассуждая о разных философских учениях, они возгласили Двойную Дхамму: ложь и истину.

887. В суждениях о видимом и слышимом, о добродетелях и делах благочестия, о мыслях и учениях других людей, – они, смотря на других с презрением и будто обрадовавшись тому решению, упрямо установились на своем понимании, говоря: "Наши противники – все глупцы и невежды".

888. Кто других называет глупцами, тот самого себя всегда называет знатоком и думает про себя, что только он один говорит правду, а других порицает.

889. Переполненный философскими учениями в безумстве гордости мнит себя всесовершенным, свои воззрения – непревосходимыми и себя особенно одаренным.

890. Если он, согласно молве, низок, – тогда и других он называет людьми низкого понимания; если же его восхваляют, как мудрого, совершенного, то и среди тех восхваляющих он не видит уже ни одного глупца.

891. – Кто преподаст учение, не согласное с нашим, тот скоро отпадает от чистоты, тот – несовершенный, – так не устают повторять они, страстно привязанные к своему учению.

892. В одних учениях упоминается чистота, в других же не допускается вовсе. Вот одни утверждают, что пути, которым поучают они, непоколебимы.

893. и говоря, что непреложны пути, возведенные их учением, те спорщики называют своих соперников глупцами, и вот, называя своих соперников глупцами и нечистыми, они начинают раздоры.

894. Кто уперся в своих решениях, кто только себя считает верным мерилom, несравненным наставником, тот все более и более затягивается в словопрениях; кто отбросил все те решения, тот никогда не вовлечется ни в какие споры на свете.

4.13 Маха-Вьюха сутта "Большая область"

895. Кто, закосневши в своих воззрениях, вступает в спор, говоря:
"Вот – истина", – тот то возбуждает порицания, то заслуживает похвалы.

896. Этого мало, этого недостаточно, чтобы достичь тишины и спокойствия; я говорю, что те пререкания принесут два плода... Сознывая то, пусть никто не вступает в споры, провидя Ниббану, – то место, где не возникнет никакое соревнование...

897. Мудрый не примет тех мнений, которые выросли среди людской толпы: он независим. Ничто слышимое, ничто видимое не прельщает его – и он ли поработит себя той или иной зависимости?

898. Те, кто в добродетели видят высшее, говорят, что чистота соединена с самоограничением; они подвизаются, принявши дела благочестия. Посмотрим же, какова чистота в этом учении. Жаждающие существования, они сами себя объявляют знатоками.

899. Отпадая от добродетели и благочестивой жизни, он дрожит, нарушив принятое на себя; он сетует, он молит о чистоте в этом мире, как тот, кто потерял свой караван или заблудился вдали от дома.

900. Если же оставил он добродетель и дела благочестия, дурное и непорочное дело, то не прося ни чистоты, ни

нечистоты, он идет, потерявши и чистое, и нечистое, не обретши успокоения.

901. Посредством покаяния или отвращения к чему-либо из видимого, слышимого и сознаваемого, — восходя, они плачут о чистоте, не будучи свободны от жажды и повторного существования.

902. Кто одержим желаниями, в том не угасает влечение, и к его намерениям всегда примешивается страх; но кому не грозит ни смерть, ни возрождение, — как может зародиться в том влечение, как может зародиться в том страх?

903. Что одни называют величайшей истиной, то другие называют неправдой на земле; где же здесь правда, скажи — ведь и те, и другие называют себя единственными знатоками.

904. Их учение — совершенно, учение других — ложь и зло; и вот, когда всякий считает только свое мнение подлинным, неминуемо возникают тогда раздоры.

905. Если одно учение низменно, по словам других, то тогда в этом отношении нет никакого различия между учениями: ибо в каждом из них утверждается, что учение других низменно, но в своем каждый видит безусловно верное.

906. О, велик восхваляющий свое собственное учение, — он велик, как велико восхваление им своих путей, в этом равны все учения, ибо чистота, возвещаемая ими, основывается на их противоречивых мнениях.

907. Но нет ничего, что подчинило бы себе верного брахмана, нет тех учений, которые он принял бы, испытавши их; он возвысился над всеми спорами, и ни в чем не увидит он истины, кроме лучшей Единой!

908. — Я понимаю, я это верно знаю, — с такими словами иной обращается к чистоте в своих философских воззрениях. Если же он увидел чистоту, то что же было пред взглядами других? — ведь он победитель тех, которые утверждают, что для них с их воззрениями существует чистота!..

909. Зрячий увидит имя-и-форму и, увидевши, сознает их; но — пусть видит его ясно или тускло! Кто верно знает, тот знает и то, что не именем-и-формой создается чистота.

910. Догматик — не водитель к чистоте, — он сам ведется предвзятыми мнениями, когда говорит, что добро — в том, что он преподавал и что чистота такова, каковою он ее понимает.

911. Мудрец не подчиняется времени и не входит в число существующих, он — не последователь философских учений и не друг поучениям; проникши в суть мнений, возникших в людской толпе, он равнодушен к учениям, побеждающим других.

912. Мудрый, забывший все цепи этого мира, не участник обычных здесь словопрений, так легко возникающих всегда; успокоенный среди беспокойных, он не хватается за учения, которые принимают другие, — все они безразличны ему.

913. Отбросивши все былые страсти, не принимая и новых, не водимый на своем пути желаниями, не будучи приверженцем философских воззрений, но — мудрым, он ни с чем не связан здесь и не посягает себя.

914. Заключившись в себе среди всех учений, что основаны на виденном, или слышанном, или сознанием, — тот Мудрец сбросил с себя прежнее бремя и свободен, не привязанный к учению времени, не умерший, ничего не жаждущий. Вот как учил Благословенный.

4.14 Туватака сутта "Быстро"

915. — Я вопрошаю тебя, великого Мудреца, об уединении в духе — о том состоянии покоя. Как премудрый монах угасает, ни к чему не привлекаясь более в мире?

916. — Пусть он с помощью мудрости полностью вырвет тот корень разделения-классификации "Я есть" — так сказал Благословенный, — но пусть в непрерывной осознанности тренируется укрощать все возникающие в его сердце желания.

917. Какую бы истину он ни узнал, внутри или снаружи, пусть он не гордится тем, — тою гордостью он отдалится от Нирваны, поведенной Мудрым.

918. Пусть не думает о себе, что он равен другим, или ниже других, или что он отличен от них; вопрошаемый многими, пусть не превозносится он.

919. Пусть в духе своем умиротворится нищенствующий и не думает, что покой придет к нему извне; чей дух затаен, того ничто не привлекает более, ничто не отталкивает.

920. Как в глубине моря не рождаются волны, но все пребывает в покое, так и монах пусть будет покоен, никогда ничего не жаждет, ничего не желает.

921. — Глубоко ты разъяснил нам истину, которая преодолевает все опасности, о Прозревший; поведай теперь о правилах сосредоточения в мудрости.

922. — Не имейте жажды к тому, что видите, закройте уши от людских разговоров; пусть никто не влечется к сладким вещам, пусть ничего в этом мире он не считает "своим".

923. Если коснется его чувственный контакт, пусть нищенствующий не сетует, пусть не жаждет он никакой жизни и не страшится опасностей.

924. Получая вареный рис и питье, пищу и платье, пусть он не накапливает, получая много, и не сетует, когда соберет мало.

925. Не вмешиваясь в людские распри, пусть пребывает он в глубокой дхьяне, пусть оберегает себя от всего дурного, не будет беспечен, — пусть уединенно проживает нищенствующей в своей тихой обители.

926. Пусть не спит он много, ревниво призывая себя к бодрствованию, пусть откинет он леность и обман, смех и игры, прелюбодеяния и украшения.

927. Пусть мой последователь не посвящает себя ни гаданью по снам и приметам, ни предсказаниям по звездам, ни толкованию крика птиц, ни помощи в оплодотворении и ни иному какому врачеванию.

928. Пусть нищенствующий не боится порицания и не возносится, когда его хвалят; пусть сорвет с себя всякую жадность и скупость, страхи и злословие.

929. Пусть он не вовлекается ни в продажу, ни в куплю, никогда не порицает никого, проходя по селению, не вступает в раздоры и не поучает людей ради прибытка.

930. Пусть он никогда не хвалится, не вступает в пустые беседы: пусть не подает примера горделивости, никогда не говорит бранных слов.

931. Пусть не вступает он на путь лжи и ошибок, никогда не творит ничего дурного; пусть никогда он не небрежет другими из-за их жизни, мудрости, правил и практик.

932. Слыша многие речи от многоречивых саман, пусть он не раздражается, на их речи не отвечает грубою речью: благие никогда не перечат другим.

933. Пусть осознанно тренируется нищенствующий в понимании благого учения; поняв, что Нирвана — в умиротворенности, пусть он не забывает велений Готамы, —

934. его, без научения и предания, своими очами узревшего Дхарму, — его, победителя, никем не побежденного; пусть ревностно исполняет последователь все завещанное Благословенным и прославляет его.

4.15 Аттаданда сутта "Взятый в руку жезл"

935. Кто в руки взял жезл, тот нагоняет страх. Взгляни на людей, избивающих друг друга; я хочу говорить о печали, как я изведал ее.

936. Когда я увидел: вот мечутся люди, как рыба в садке, где мало воды, вот они ставят помехи в жизни друг другу, – на меня напал страх.

937. Не тверд, не устойчив этот мир, и все его звенья потрясены вконец; ища себе обители, я не нашел ни одной незанятой.

938. И когда я увидел, как встревожены здесь все существа, я огорчился глубоко; тогда я увидел в мире стрелу, никем не зримую, вонзенную в сердце.

939. Кто пронзен тою стрелой, тот бежит во все стороны; кто извлек из себя стрелу, тот не бежит и не тонет.

940. Много учений прошло через мир, но – кто сам закован в цепи, того не зови ты расковать себя; побеждая до конца желания, учись подвигу угашения (Нирваны).

941. Пусть мудрец будет правдив, смиренен, не коварен, свободен от клеветы и гнева, побеждает скупость,

942. Пусть тот, кто обратился духом к Ниббане, побеждает сонливость, беспечность и леность; пусть не живет он в дремоте, не отдается мечтаниям.

943. Пусть не вовлекается он в ошибки, не увлекается формой (рупа); пусть сразит он надменность и идет в кротости, гнушаясь насилия.

944. Пусть не восторгается древним, пусть не увлекается новым, не скорбит о потерянном, не предаётся желаниям.

945. Те желания называю я жадностью, водоворотом, омраченным, стремительным, трудно проходимую трясину похотей.

946. Мудрый, не отпавший от Истины, твердо стоит на твердой основе; тот брахман, все оставивший в этом мире, назовется Умиротворенным.

947. Он – мудрый, он – совершенный, познавший Дхарму, независимый; верным путем идет он на этом свете, никому не завидуя.

948. Победивши жажду, – эту жажду, трудно победимую в мире, он не печалится и не жаждет, пересекши течение, избегнувши всяких уз.

949. Что лежит пред тобою, то отстрани ты; ничего не оставляй и позади себя; не прилепляясь к тому, что в середине, ты пойдешь своим путем успокоенный.

950. Кто ни с формой (рупа), ни с именем (нама) не связан здесь жаждою, кто не грустит о прошедшем, тот вышел из области смерти.

951. Кто не думает: "Вот это – мое", – и не думает: "И у других есть тут нечто", – тот, не связанный любовью к себе, ничего не имеющий, никогда не скорбит.

952. Кому не ведома ни жестокость, ни жадность, кто ничего не желает, всегда неизменен, – тот неустрашимый притек здесь к благому концу.

953. Кто освободился от желания, для того, различающего, более нет конструкций (санкхар), воздержавшись от стремлений, он обретает счастье.

954. Мудрый не полагает себя ни среди равных, ни среди низших, ни среди различных; будучи умиротворенным и свободным от жадности, он ни к чему не привязан здесь, он ничего и не презирает.

4.16 Сарипутта сутта "К Сарипутте"

955. – Никогда прежде я не видел подобного, – так говорил славный Сарипутта, – и никто никогда ни слышал о подобном вещателю прекрасного слова, наставнику, снисшедшему к людским немочам.

956. Разогнавши все мраки, он, ясно зрящий, явился миру людей и богов, – и вот среди людей проходит он, одинокий.

957. К тому нищенствующему, независимому, неизменному, непорочному, я прихожу с мольбою, вопрошая о людях, связанных в этом мире, –

958. к тому нищенствующему, отдалившемуся от мира и его страстей, избравшему уединение, обитающему при корнях дерева, или на кладбище, или в горных ущельях!

959. Сколько опасностей в тех убежищах, которые избрал себе Нищенствующий, но он не страшится их, умиротворенный!..

960. Сколько опасностей в этом мире тому, кто шествует к бессмертной обители, – но он победил их все в своем смиренном убежище!..

961. Каковы слова, каковы вещи в этом мире, каковы добродетели и святые дела, которые надлежат здесь усердному нищему?

962. Каково то учение, предавшись которому, он очистит себя от всего нечистого, как кузнец отчищает грязь с серебра, – очистится в мудрости, видя всегда пред собою великую цель?

963. – Что любезно тому, о Сарипутта, – сказал Благословенный, – кто отвратился от смерти и рождения, кто сокрылся в уединенной обители, возлюбив совершенство просветления в согласии с Истиной, – о том тебе поведаю я.

964. Пусть нищенствующий, в мудрости и раздумье скитаясь по миру, не боится пяти опасностей: оводов, мух и змей, соприкосновения со злыми людьми и четвероногих животных.

965. Пусть он не боится противников, даже видя от них много опасностей; все опасности, которые встретит он на пути своем, он поборет, если искренно ищет благостного.

966. Тревожимый болезнью и голодом, пусть он спокойно выдерживает и чрезмерный жар, и стужу: пусть он, тяготимый ими в том или ином виде, будучи бездомным, укрепляется в строгом воздержании.

967. Пусть он не крадет, не говорит лживо, пусть только дружбою прикасается ко всему слабому и сильному, а в чем признает он волнение духа, то пусть отбросит, ведая, что близок тут Мара.

968. Пусть не подчинится он силе гнева и надменности; вырвавши корень их, пусть проживает, побеждая все приятное и неприятное здесь.

969. Ведомый мудростью, радуясь благу, пусть развеет он все опасности, победив недовольство, сократив все четыре причины печали.

970. – Что же я буду есть? Где же я буду есть? Дурно провел я прошлую ночь! Где же эту ночь придется провести мне? – пусть ученик, странствующий без крова, поборет эти сомнения и печали.

971. Приняв в должное время пищу и одеяние, пусть он соблюдает умеренность ради верного счастья на свете; охраненный в соблазне от этих вещей, в строгом воздержании проходя по селению, пусть на злые слова он никогда не отвечает злобою.

972. Пусть проходит он селением с опущенными взорами, не упрасывая, в сосредоточении и осознанности; близясь к успокоению, пусть он укрощением духа разрушит в нем седалище сомнения и дурного дела.

973. Просимый словами наставников, пусть в дхьяне он радуется той просьбе; пусть в своих учениках разрушает он всякую настойчивость; пусть его слово всегда будет своевременным и никогда – неуместным; пусть даже в мыслях своих он никого никогда не поносит.

974. Вот пять нечистот на свете, – победе над ними должен в дхьяне поучаться нищенствующий: страсть к образу, звуку и вкусу, к запаху и прикосновению.

975. Пусть нищенствующий победит в себе влечение к ним, пусть помышляет только о Вечной Истине. К ней лишь, единой, обратившись освобожденным духом своим, он рассеет все мраки. Так поучал Благословенный.

Книга пятая
Параянавагга
"О пути к дальнему берегу"

Ваттхугатха
"Пролог"

976. Из прекрасного города Косалы вышел брахман, певец чудных гимнов, ничего не жаждущий.

977. На отмелях реки Годхавари остановился он, собирая подаяния,

978. где неподалеку лежало богатое селение; собравши великие дары, он принес обильную жертву.

979. Принеся великую жертву, он уединился в своем убежище. Тут пришел к нему другой брахман,

980. с распухшими ногами, дрожащий, покрытый грязью, с запыленными волосами. И, придя к брахману, он попросил у него пятьсот монет.

981. Бавари, встретив его, усадил и спрашивал, доволен ли он, счастлив ли. Потом сказал ему:

982. – Все дары, которые были у меня, я раздал уже; прости меня, о брахман, у меня нет пятисот монет.

983. – Если ты не даешь мне, просящему, пусть голова твоя расколется на седьмой день на семь частей!

984. Так произнес тот нечестивец свое страшное проклятие!.. Услышав слова его, впал в тоску брахман Бавари.

985. Не принимая пищи, стал он худеть, пронзенный стрелою печали; только дух его услаждался сосредоточением.

986. Видя, что тоскует Бавари, страшится, благосклонный дух приблизился к нему и сказал:

987. – Не бойся, это – низкий лицемер, жаждущий чужого добра; он бессилен в проклятье на твою голову, он не обладает силою заклясть ее.

988. – Если ведомо то славному духу, пусть он, спрошенный, поведает мне о власти проклятия на голову, – мы вникнем в слова его.

989. – Нет, это неведомо мне, – только Буддам открыто то знание.

990. – Кому же теперь здесь, на земной поверхности, ведомо то, – поведай мне, дух!

991. – Некогда вышел из Капилаваттху великий Рулевой мира, отрасль царского рода, сын Шакья, несущий свет;

992. он, о брахман, совершенный Озаренный; он достиг силы всех знаний, непревзойденный; все открыто очам его; он разрушил все звенья жизни и радуется, свободный, в Ниббанае;

993. он – Будда, он Благословенный на свете, проникший в суть всех вещей, поучает Дхарме; к нему пойдя ты, его вопросы, – он один только все может изъяснить тебе.

994. Услышавши слово "Озаренный", Бавари возрадовался, улеглась его скорбь, и загорелась в нем радость.

995. В радости и в восхищении спросил Бавари:

– Где же живет он, глава мира, в каком селении, в каком городе, в какой местности, чтобы могли мы пойти и почтить Озаренного, первого из людей?

996. – В Саваттхи живет Победитель, муж великой мудрости, обладатель безграничного знания, – он, сын Шакья, не вошедший в ярмо этой жизни, не связанный страстью.

997. Тогда Бавари сказал ученикам своим, брахманам, совершенным в гимнах:

– Придите, прислушайтесь к словам моим:

998. тот, кто так редко является в мир, – он родился теперь; велика слава его. Озаренного; спешите в путь посмотреть лучшего из людей!

999. – Как же мы узнаем, увидев его, что он – Будда, брахмана? Нам, не знающим его, скажи ты, как узнать его?

1000. В гимнах указаны знаки, отметившие великого человека, и всего их тридцать два, число в число.

1001. – На чем теле есть знаки великого человека, пред тем лежат два пути и нет третьего.

1002. Если живет он в жилище, он без жезла и меча подчинит себе землю и справедливостью будет владычествовать над ней.

1003. Если ж покинет он родной кров ради пустынножительства, он становится Благословенным, несравненным Буддою, Озаренным, сорвавшим покрывало с лица мира.

1004. Вы про себя вопрошайте его о моем рожденье и роде, о знаках на моем теле, о гимнах, и других моих знаниях, и о проклятии на голову;

1005. если он верный Будда, кому все открыто, он словами ответит на то, о чем вы в уме вопросите его.

1006-1008. Услышав слова Бавари, шестнадцать учеников его, каждый со своими учениками,

1009. все они, славные мыслители, радостные в медитациях, мудрые, благоухающие добродетелью,

1010. поклонившись Бавари и обойдя вокруг него, все с заплетенными волосами, неся шкуры, отправились в путь лицом к северу.

1011-1014. Как жаждущий спешит к воде, как купец гонится за прибылью, как изнемогший от жары рвется к тени, так поспешно взошли они на гору.

1015. В то время Благословенный, окруженный учениками своими, поучал их Дхарме; голос его был подобен голосу льва в лесу.

1016. Первый из учеников Бавари увидел в нем как бы солнце без лучей, полный месяц на пятнадцатый день.

1017. Оглядев его члены и заметив все знаки в полноте, он, стоя в стороне, обрадованный, спросил его в уме своем:

1018. – Скажи мне о рождении моего учителя, о его роде, о знаках на его членах, об его совершенстве в гимнах и сколько раз повторял он их.

1019. Совершенный сказал:

– Имя его Бавари, ему сто двадцать лет от роду; два знака есть на его теле, и в трех Ведах совершенен он:

1020. пятьсот раз передавал он их, и в толковании своем достиг совершенства.

1021. Тут подумал первый ученик:

– Объясни полнее знаки Бавари, о ты, лучший из людей, сорвавший все желания; пусть ни в чем мы не усомнимся в тебе.

1022. – Все лицо свое покрывает он языком, полукругом волос соединены его брови, – знай то, о юноша.

1023. Не слыша ничьих вопросов, слыша только ответы, окружавшие их воскликнули в восхищении, всплеснувши руками:

1024. – Кто вопрошал его, – Брахма ли, боги ли, или Индра, и кому отвечал он?

1025. – Спрошенный мною о проклятии на голову Бавари, ответь, о Благословенный, развеяй наши сомнения, о Мудрец!

1026. – Голова – это неведение, знай ты: познание раздробляет голову, разбивает ее уверенностью, глубокою мыслью, медитацией, решимостью и усердием.

1027. Тогда, успокоенный и обрадованный, юноша набросил шкуру на одно плечо, упал к ногам Совершенного и, поклонившись ему до земли, сказал:

1028. – О Достославный! О Яснозрящий! Брахман Бавари припадает к ногам твоим в восторге и радости!

1029. – Пусть радуется Бавари с учениками своими, – сказал Совершенный, – и ты радуйся также, о юноша!

1030. Ибо во всех вас – и в тебе, и в Бавари, и в учениках его – много сомнения: вот вам благоприятное время: вопрошайте, о чем задумали!

1031. Получивши разрешение от Благословенного, ученики Бавари, каждый по очереди, сидя со сложенными руками, вопрошали Благословенного.

5.1 Аджита-манава-пучча "Вопросы Аджиты"

1032. – Какая туча закутала мир? Отчего он не светится? Что оскверняет его? В чем его великая опасность?

1033. – Тучей неведения омрачился мир, от жадности он не светится: желание оскверняет мир; великая опасность его – страдание.

1034. – Вот повсюду несутся потоки желания; что же укротит их стремление, что остановит их бурный напор, чем прекратятся потоки?

1035. – Какие бы потоки ни неслись по свету – осознанность остановит их, осознанность укротит, и мудростью прекратятся они.

1036. – Чем уничтожатся имя-и-форма – ответь мне, о Славный, прошу тебя!

1037. – О том я поведаю, я разъясню тебе, чем уничтожатся имя-и-форма – угашением сознания (винньяна) они уничтожатся.

1038. – О мудрый, славный человек, объясни, как должны жить постигшие истину – и ученики, и простые люди.

1039. – С ясным умом, без стремлений к телесным радостям, умелые во всех качествах ума (дхаммах), пусть осознанно идут познавшие истину.

5.2 Тисса-меттейя-манава-пучча "Вопросы Тисса-Меттейи"

1040. – Кто доволен в этом мире? Кого ничто не волнует? Кто, познавший обе стороны, не запнется на середине, касаясь ее пониманием? Кого назовешь ты великим человеком, кто в силах победить здесь желание?

1041. – Монах, отринувший все плотские радости, свободный от желаний и всегда осознающий, не волнуется; и в середине не запнется он, коснувшись ее пониманием, ибо обе стороны ведомы ему; его назову я великим человеком; он победит желания в этом мире.

5.3 Панньяка-манава-пучча "Вопросы Панньяки"

1042. – Я вопрошаю того, кто проживает без желания, кто увидел корень (всего), – я вопрошаю его с мольбою: с какою целью мудрецы и простые люди, брахманы и воины приносят жертвы богам, обильным в мире? Спрошенный о том, о Благословенный, ответь мне!

1043. – Все те мудрые и простые люди, все брахманы и воины потому приносят жертвы богам, обильным в мире, что, достигши преклонного возраста, они жаждут пребыть в прежнем состоянии.

1044. – Все те мудрые и простые люди, все те брахманы и воины, что щедро приносят здесь жертвы богам, обильным в мире, – о брахмана, открой мне: они, не устающие в приношениях, пройдут ли сквозь старость и рождение? Прошу тебя, о Благословенный, ответь мне!

1045. – Они, славословя, только жаждут и ищут обильных радостей телу; и вот, умирая с тою же страстью к жизни, они не пересекут рождения и старости, – так говорю я.

1046. Но если уж и они, щедрые в приношениях, все же путем тех жертв не пересекут рождения и старости, то скажи мне, о славный человек, кто же в этом мире из людей и богов пересечет старость и рождение? Спрошенный мною, о Благословенный, ответь мне!

1047. – Озаренный мудростью, ничем не потрясенный на свете, умиротворенный, не тоскующий, не опьяненный курувом страсти, ничего не жаждущий, пересечет здесь старость и рождение: так говорю я.

5.4 Меттагу-манава-пучча "Вопросы Меттагу"

1048. – О Благословенный, я вопрошаю тебя: скажи мне, всесовершенный, воспрянувший духом, – откуда возникли в мире разнообразные формы страдания?

1049. – Да, ты можешь вопрошать меня о начале страдания, я разъясню тебе, ибо это ведомо мне. Коренясь в звеньях существующего, возникают страдания:

1050. на чье неведение опираются звенья существующего, кто сам кует новые для той нескончаемой цепи, тот малодушный вновь и вновь подпадает страданиям; и так, пусть мудрый не поддерживает те звенья, пусть знает, что они вынашивают страдание.

1051. – Каким путем пересечет мудрый поток старости и рождения, печали и плача? Разъясни мне то сокровенное знание, – ибо вечная Дхарма всего ведома тебе.

1052. – Я разъясню тебе ту Дхарму, – и если человек, житель видимого мира, освободивши свой разум от мыслей обычного научения, поймет ту Дхарму и изберет себе верный путь, он, живя осознанно, победит все желания в этом мире.

1053. – Радость провижу я в ней, в той прекрасной Дхарме, о великий Мудрец: да, познавши ее, человек верною мыслью направит пути свои и победит все желания в этом мире.

1054. – Не влекись к тому в восхищении, что наверху и внизу, что вдали и что в середине, ни к чему не прилепляйся ни там и ни здесь, – пусть дух твой вовсе не обитает в мире.

1055. В осознанности и бдительности пойдешь ты тогда, нищенствующий, победив самолюбие, старость и рождение, скорбь и сетования, – облекшись в мудрость, ты откинешь всякое страдание.

1056. – Радуюсь слову твоему, о великий Мудрец, глубока та истина, которую изъяснил ты, о Готама, истина о путях сокрушения звеньев цепи существования. Близкий к Вечной Дхарме, никогда не восстраждет Благословенный;

1057. и те забудут все скорби, кто постоянно вблизи тебя, кого ты поучаешь; и я, пришедший сюда, преклоняюсь пред тобой: о водитель, просвети меня!

1058. – Ничем не владеющий, ничего не желающий в этом мире желания, совершенный брахмана переплывет поток, преодолеет его стремительность; неколеблемый, успокоенный, он причалит к иному берегу;

1059. в совершенной мудрости, не скорбящий, не жаждущий, не захваченный цепью возрождения, и старость и рождение пересечет он: так говорю я.

5.5 Дхотака-манава-пучча "Вопросы Дхотаки"

1060. – Я прошу тебя, о Благословенный, я жажду слова твоего, о великий Мудрец, пусть, вникая в твоё поучение, я изведу путь угашения (Нирваны).

1061. – Мужайся, иди сквозь мир в видении-как-есть и осознанности, вникая в слово мое, – ты увидишь пути угашения.

1062. Вот вижу я: этим миром людей и богов проходит брахман, лишь один ничего не жаждущий; о ты, все узревший, пред тобою склоняюсь я, – освободи мой дух от сомнения!

1063. – Никого в мире, Дхотака, я не могу освободить от сомнений; познай великую Дхарму, – и ты сам пересечешь то течение.

1064. – О брахман, имей сострадание ко мне, научи меня пути уединения, чтобы, поняв тот путь, я прошел чрез мир, умиротворенный, не побежденный им.

1065. – Путь к неизменному покою я поведаю тебе; поняв его, ты пройдеши этим миром в осознанности, победив все желания.

1066. – Радуюсь тому пути покоя, возвешенному тобой, великий Мудрец; поняв его, человек пойдет в осознанности, побеждая каждое желание.

1067. – Пойми же, что все в этом мире, и что вверху и внизу, и что вдали и в середине, – все только оковы, и тогда жажда возвращения к миру вновь не загорится в тебе.

5.6 Упасива-манава-пучча "Вопросы Упасивы"

1068. – Одиноким, беспомощным, – увы! – я не пересеку того великого потока; о Всевидящий, с чьей же помощью я преодолею его волны?

1069. – Осознанно сосредоточившись на теме отсутствия, опираясь на то, что "Ничего нет", ты пересечешь тот поток; отбросив чувственные удовольствия, воздерживаясь от разговоров, днем и ночью следи за прекращением пристрастия (танха).

1070. – Тот, от кого отпали все страсти к чувственным удовольствиям, кто опирается на тему отсутствия, сознавши радость возвышенной свободы покоя, – замирает ли он в своей жизни, или же продолжается впредь?

1071. – В ком угасли все к чувственным удовольствиям, кто опирается на тему отсутствия, тот, погруженный в радости возвышенной свободы, вовсе здесь не продолжается впредь?

1072. – Если же он остается, не продолжаясь впредь на множество лет, если он становится спокойным и освобожденным вполне, остается ли его сознание?

1073. – Как пламя, затушенное порывом ветра, не существует уж более, так и мудрец, освобожденный от тела, исчезает, и нельзя сказать, чтобы тот мудрец все еще был где-то.

1074. – Исчез ли он только отсюда, или вовсе его нет нигде, или же он только навсегда освободился от страданий? Поведай же мне, о Мудрый, то глубокое знание, ибо Вечная Дхарма ведома тебе!

1075. – Кто отошел, у того нет критерия (памана), по которому можно было бы это сказать – для него такого критерия не существует. Когда уничтожены все явления, уничтожены и все способы описания.

5.7 Нанда-манава-пучча

"Вопросы Нанды"

1076. – Есть на свете мудрые, – так говорят люди. Как ты мыслишь о том? Того ли должно называть мудрым, кто обладает знаниями, того ли, кто овладел своей жизнью?

1077. – Ни по учености, ни по преданию, ни по знаниям не назовется человек мудрым; только того, кто шествует без печали, свободный от желаний, затворившийся в себе в уединенном раздумье, – назову я мудрым.

1078. – Все те брахманы и отшельники, которые говорят, что чистота достигается путем учений философов, по преданию, добродетелью, делами благочестия и другими путями, живя так, как живут, пересекут ли они старость и рождение, о славный человек? Прошу тебя, о Благословенный, скажи мне о том.

1079. – Пусть говорят все те брахманы и отшельники, что чистота достигается путем учений философов, или по преданию, или добродетелями и святыми делами, и другими многими путями, – однако они, живя, как живут, не пересекут того потока рождений и старости, – так говорю я.

1080. – Если же все те брахманы и отшельники, которые говорят, что чистота достигается путем учений философов, по преданию, добродетелью и святыми делами и другими путями, – если же все они, о Мудрый, не переплывут через тот поток, как говоришь ты, кто же тогда среди людей и богов пересечет тот поток рожденья и старости, о славный человек? Я вопрошаю тебя, о Благословенный, ответь мне!

1081. – Яне сказал того, что все брахманы и отшельники побеждены рождением и старостью; нет, кто из них покинул все видимое и слышимое в этом мире, всякое в нем мечтание, и все здешние дела, принятые за святые, – тех, победивших желания, свободных от страсти, назову я людьми, пересекшими поток старости и рождения.

1082. – Радуюсь слову великого Мудреца; о Готама, глубоко разъяснена тобою Ниббана; кто покинул здесь все узнанное, все услышанное, всякое здесь мечтание и все, что названо было здесь добродетелью и святыми делами, тот, победивший желания и свободный от страсти, переплывет поток старости и рождения!

5.8 Хемака-манава-пучча "Вопросы Хемаки"

1083. – Все, что говорили мне прежде об учении Готамы: "Так это было, и вот так это будет", – все это было одно только устное предание, – и только укреплялось мое сомнение.

1084. Я ничего не принимал из тех пересказов в радости; но ты поведай мне теперь Истину, сокрушающую желания, – ту Истину, познавши которую, человек пойдет в размышлении, отсекая всякое желание!

1085. – Многое видит, многое слышит здесь человек, о многом мечтает; разрушение же тех желаний и страстных влечений к вещам, дорогим человеку, – вот это и есть неизменное состояние Ниббаны.

1086. Кто постиг это, тот утихнет, исполнившись чудного раздумья, – ибо Истину увидел он, Истину неизменную, божественную, всякое желание тогда в этом мире легко сокрушит он.

5.9 Тоддейя-манава-пучча "Вопросы Тоддейи"

1087. – Тот, в ком не обитают похоти, в ком нет желания, кто преодолел всякое сомнение, к какому еще избавлению мог бы стремиться он?

1088. – В ком нет уже никаких похотей, в ком все угасли желания, кто победил всякое сомнение, для того нет никакого иного избавления.

1089. – Отдыхает ли он, или нет ему отдохновения, обладает ли он ясной мудростью, или же сам созидает понимание? Разъясни мне, о ты, Яснозрящий, чтобы мог постичь я мудрое учение, о Будда!

1090. – Он не отдыхает, нет ему отдохновения: он обладает мудростью, но сам не составляет понятий. Познай же: таков Мудрец, ничем не владеющий, не привязанный ни к жизни, ни к похоти.

5.10 Каппа-манава-пучча

"Вопросы Каппы"

1091. – Кто, – как человек, бурным течением занесенный в глуби реки, – захвачен здесь смертью и разрушением, есть ли остров для него, о Славный, скажи мне, – есть ли то прибежище, куда не дохлынет до него никакое страдание?

1092. – Для того, кто, как занесенный бурным течением на средину реки, захвачен здесь смертью и разрушением, – все же есть остров спасения, и о нем я поведаю тебе:

1093. тот несравненный остров, где ничем не владеют, где ничего не жаждут, я называю Ниббаной, разрушением смерти и гибели;

1094. кто постиг это, тот замолкнет в раздумье и восхищении, он утихнет, узревши Истину, никогда не подчинится он обольщениям Мары, никогда не отдастся его водительству.

5.11 Джатуканни-манава-пучча "Вопросы Джатуканнина"

1095. – Услышав о Победителе, свободном от жажды, пересекшем, течение, я пришел спросить его: "Укажи мне место покоя, о ты, одаренный оком мудрости, поведай мне Истину, о Благословенный!"

1096. Жажду здесь победил ты. Благословенный, как горячее солнце своими лучами побеждает землю; поведай мне Истину, – мне, так мало знающему, о ты, муж великого понимания, дабы я познал путь победы над смертью и рождением в этом мире.

1097. – Победи влечение к телесным радостям, пойми, что забыть этот мир – счастье, ни к чему не стремись в нем, все отвергая.

1098. Откинь, что лежит пред тобою; не оглядывайся с сожалением на оставленное; не привязывайся к тому, что всегда тут около тебя, – тогда только будет путь твой и тих и покоен.

1099. О брахман, нет никакой силы, которая вновь могла бы подчинить тебя смерти, когда совершенно исчезнет в тебе стремление к виду и имени, когда угаснет в тебе все земное, все страстное!..

5.12 Бхадравудха-манава-пучча "Вопросы Бхадравудхи"

1100. – Я умоляю Мудрого, бездомного, – его, отринувшего все желания, свободного от волнений, презревшего все улады, переплывшего поток, отбросившего время! Послушав слова Господина, те люди пойдут прочь, успокоенные,

1101. те люди, которые издалека пришли сюда послушать тебя, о Победитель! Изъясни нам в глубоком поучении Истину, ибо она тебе ведома в совершенстве.

1102. – Победите жажду к тому, что вверху и внизу, что вдали и что в середине, – ибо за всякую вещь, которая манит человека к обладанию, притаился Мара.

1103. Познавши то, пусть размышляет монах, пусть не стремится он к обладанию, зная, что всякая вещь – порождение желания, пустившего корни глубоко в этой обители смерти.

5.13 Уда-манава-пучча "Вопросы Удаи"

1104. – К Будде, сидящему в размышлении, бесстрастному, исполнившему все должное, совершенному во всех истинах, – к нему пришел я, вопрошая: "Скажи мне об исцелении путем познания, скажи мне о сокрушении неведения.

1105. – Оно состоит в победе над похотью, в победе над желанием и печалью всякого рода, в забвенье нерадивости, в преоборении греховной жизни.

1106. Очистившись в раздумье и успокоении, размышляя о Вечной Истине, ты достигнешь исцеления, тем путем познания раздобишь бывшее неведение.

1107. – Что сковало мир, каковы его навыки? Что оставляя, обретают Ниббану?

1108. – Наслаждением скован мир, его навыки-взгляды; оставляя желания, ты обретешь Ниббану.

1109. – Как останавливается в том сознание, кто шествует в размышлении? Мы пришли послушать благое слово твое, преподай нам твое мудрое поучение!

1110. – Кто не наслаждается в чувствах внешних и внутренних, у того, шествующего в размышлении, останавливается сознание (виньяна).

5.14 Посала-манава-пучча "Вопросы Посалы"

1111. – К нему, все отринувшему, не жаждущему, сорвавшему всякое сомнение, – к нему, совершенному во всех истинах, я несу с мольбою свое вопрошение.

1112. О Будда, я вопрошаю о том, кто освободился от прежних обликов, кто отсек всякую телесную форму, кто видит внутри и снаружи: "Ничего нет", – куда ему следовать дальше?

1113. – Совершенный, ведая все уровни сознания (виньяна-тхиттия), ведает и освобождение для того, кто пребывает в них, и ведущие к этому шаги.

1114. Познав, что отсутствие чего-либо (акинчана) порождается узами наслаждений, он ничем не будет побежден в том познании, доступном лишь совершенному брахману, невосполнимому в мудрости.

5.15 Могхараджа-манава-пучча "Вопросы Могхараджи"

1115. – Дважды я вопрошал Будду, но Яснозрящий не обратил ко мне слово свое; если в третий раз вопрошают божественного Мудреца, он отвечает тогда, – так я слышал.

1116. Есть кроме этого мира и еще миры, мир Брахмы и мир богов: как ты учишь о том, славный Готама?

1117. К тебе, знающему благое, пришел я, умоляющий, вопрошая тебя: "Как я должен смотреть на мир, чтобы владыка смерти не узрел меня?"

1118. – Как на пустой, взирай ты на этот мир: разрушив обычное понимание "себя", ты поборешь и смерть; владыка смерти не узрит того, кто так смотрит на мир.

5.16 Пингия-манава-пучча "Вопросы Пингии"

1119. – Я постарел, отцвел, изнемог: потускнели мои глаза, ослаб слух; чтобы не погиб я, как глупец, на пути, научи меня Дхарме, чтобы познал я победу над смертью и рождением в этом мире.

1120. – Взгляни, как люди связаны своим телом, взгляни, как они, беспомощные, страдают его страданием; не будь же беззащитен, забудь свое тело, чтобы вновь не возвратиться тебе на путь существования.

1121. – Есть четыре сферы и четыре посредствующие сферы, есть верх и низ, – вот всего десять сфер; и нет в них ничего, что бы не было видимо, слышимо, что не обнял бы ты своею думою, что не было бы постигнуто тобой!.. Поведай мне истину, чтобы мог я познать путь победы над смертью и рождением в этом мире.

1122. – Всмотрись в этих людей: как впилося в них желание, как их мучит и сокрушает смерть!.. Будь осторожен и оставь всякое желание, чтобы вновь никогда не придти тебе к существованию.

Параянатхутигатха "Послесловие"

Вот как поучал Благословенный. Изысканный шестнадцатью брахманами, учениками Бавари, и спрошенный каждым из них по очереди, он отвечал на их вопросы. Кто, понявши мысль и значение каждого вопроса, живет согласно с Дхармой, тот достигнет того берега смерти и разрушения, ибо те истины ведут к другому берегу, и посему тот порядок учения именуется "путем к другому берегу".

1123-1125. Вот шестнадцать брахман пошли к Будде, Мудрецу великой жизни; к великому Будде пришли они спросить его о важных предметах.

1126. Будда, спрошенный, истиной отвечал на те их вопросы, радуя брахман своим поучением.

1127. И они, восхищенные яснозрящим Буддою, посвятили себя жизни благочестия вблизи того человека дивного понимания.

1128. И тот, кто жил согласно с тем, чему поучал Будда, отвечая истиной на важные вопрошения, перешел от этого берега к другому, лучшему.

1129. В радости переходил он с этого берега на иной, шествуя дивным путем; тот путь ведет к иному берегу и именуется "путем к иному берегу".

1130. – Я восхваляю путь к другому берегу; как он увидел его, так и говорил о нем, – он, безупречный, мудрый, бесстрастный, нежелающий, с какою бы целью говорил он неправду?..

1131. Я восхваляю дивный голос Будды, – его, незапятнанного, премудрого, отбросившего надменность и лицемерие!

1132. Будда, разгоняющий мраки, всевидящий, глубоко понявший мир, победивший существование, свободный от страстей, отбросивший страхи, – он, о брахман, посетил меня.

1133. Как птица, выпорхнувшая из кустов, летит в лес, обильный плодами, так и я, покинув людей мелкого понимания, достиг великого моря.

1134. Все, что прежде мне говорили об учении Готама: так это было, а вот так это будет, – все это было только устное предание, и только укреплялись мои сомнения.

1135. Один только и есть жилец в этом мире, развеявший мраки, тот рожденный для высшего, блеск миру, Готама великого понимания, Готама безграничной мудрости,

1136. который изъяснил мне бесподобную Истину, мгновенную, непосредственную, – изъяснил путь разрушения желаний, путь освобождения от печали.

1137. Бавари:

– Можешь ли ты хотя на мгновение отдалиться от него, от Готама великого разума, от Готама безграничной мудрости,

1138. который возвестил тебе бесподобную Истину, непосредственную, мгновенную, научил тебя пути победы над желаниями, освобождения от печали?

1139. – Даже на мгновение я не отдаляюсь от него, от Готама великого понимания, от Готама великой мудрости,

1140. возвестившего мне Истину, мгновенную, непосредственную, бесподобную, научившего меня пути победы над желаниями, освобождения от печали;

1141. и днем и ночью я вижу его пред собой, о брахман, всю ночь бодрствую, поклоняясь ему, – нет, не верю, чтобы я отклонился от него.

1142. Веря, радуясь, размышляя, дух мой влечется к учению Готама; на какой бы путь ни вступил Премудрый, туда и дух мой стремится к нему.

1143. Я изнемог и ослабел, я уже не могу идти следом за ним, но духом своим, о брахман, я не покидаю его, ибо дух мой привязан к нему.

1144. Некогда, увязавший в трясине похотей, корчась, я метался с островка на островок; но вот я узрел Совершенно просвещенного, пересекающего течение, свободного от страстей.

1145. Благословенный:

– Уверенность освободит тебя, и ты выйдешь на иной берег из этой обители смерти.

1146. – Радуюсь, внимая словам Мудрого; Совершенно просвещенный сорвал покрывало с мира, благ он, милосерд и премудр.

1147. Он проник в суть всех вещей и здесь, и в сферах богов, и нет ничего, не изведенного им: всем вопросам сомнения положил Учитель конец.

1148. Вот, я отхожу теперь к неодолимому, неизменному, чему нет ни в чем подобия; никакого сомнения не останется для меня в Ниббанае, для меня, от всего отрешенного в духе.

Удана III.2

Нанда сутта

Сутта о Нанде

Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, в парке Джеты, монастыре Анатхапиндики. В это время достопочтенный Нанда – брат Благословенного, сын его тети по матери – во всеуслышание сказал многим монахам: "Не удовлетворен я, друзья, святой жизнью. Не могу я вынести святой жизни. Оставляю я ученичество, вернусь к обычной жизни".

Некий монах пошел к Благословенному, и придя, сел сбоку. Сидя там, он сказал Благословенному: "Господин, достопочтенный Нанда – брат Благословенного, сын его тети по матери – во всеуслышание сказал многим монахам: "Не удовлетворен я, друзья, святой жизнью. Не могу я вынести святой жизни. Оставляю я ученичество, вернусь к обычной жизни".

Тогда Благословенный сказал этому монаху: "Пойди, монах, и моим именем позови Нанду, сказав: "Учитель зовет тебя, мой друг".

"Как скажете, господин", – ответил монах, и придя к достопочтенному Нанде, сказал: "Учитель зовет тебя, мой друг".

"Как скажете, мой друг", – ответил Нанда. Тогда он пошел к Благословенному, и придя и поклонившись, сел сбоку. Когда он сел, Благословенный спросил его: "Правда, что ты, Нанда, во всеуслышание сказал многим монахам: "Не удовлетворен я, друзья, святой жизнью. Не могу я вынести святой жизни. Оставляю я ученичество, вернусь к обычной жизни".

"Да, почтенный".

"Но почему, Нанда, ты не удовлетворен святой жизнью?"

"Когда я уходил из дома, почтенный, девушка из рода Шакья, красавица всей округи, взглянула на меня, расчесывая свои волосы, и сказала: "Поскорее возвращайся, мой господин". Вспоминая это, я не удовлетворен святой жизнью. Не могу я вынести святой жизни. Оставляю я ученичество, вернусь к обычной жизни".

И тут Благословенный обхватил достопочтенного Нанду рукою и так же быстро, как сильный мужчина согнутую руку выпрямит или прямую согнет, исчез из рощи Джеты и мгновенно перенесся в обитель Тридцати Трех. А там в то время примерно пятьсот апсар с ногами голубок пришли к Шакре, предводителю богов. И вот Благословенный обратился к Нанде: "Видишь ты, Нанда, этих апсар с ногами голубок?"

"Да, почтенный".

"Как ты полагаешь, Нанда: кто красивее, кто прекраснее, кто очаровательнее – девушка из рода Шакья, красавица всей округи, или эти пятьсот апсар с ногами голубок?" – "По сравнению с ними девушка из рода Шакья, красавица всей округи, почтенный, все равно, что подпаленная обезьяна, безносая безухая; она и в счет не идет, и в сравнение не идет, и части малой их не стоит, настолько эти пятьсот апсар ее красивее, прекраснее,

очаровательнее".

"Радуйся, Нанда, радуйся, Нанда! Ручаюсь тебе, твои будут эти пятьсот апсар с ногами голубок".

"Если Благословенный сам мне ручается, я буду удовлетворен вести святую жизнь под руководством Благословенного".

И вот Благословенный обхватил Нанду рукой и так же быстро, как сильный мужчина согнутую руку выпрямит или прямую согнет, исчез из обители Тридцати Трех и мгновенно перенесся в рощу Джеты. Монахи услышали: "Говорят, что достопочтенный Нанда, – брат Благословенного, сын его тети по матери, – ведет святую жизнь ради апсар. Говорят, что Благословенный поручился, что Нанда получит 500 апсар с ногами голубок".

Тогда монахи, которые были друзьями достопочтенного Нанды, стали звать его наемным и продажным:

"Говорят, что достопочтенный Нанда, – брат Благословенного, сын его тети по матери, – ведет святую жизнь ради апсар. Говорят, что Благословенный поручился, что Нанда получит 500 апсар с ногами голубок".

И достопочтенный Нанда, унижаемый, мучимый и терзаемый тем, что монахи, которые были его друзьями, стали звать его наемным и продажным, – отправился в уединение и был вдумчив, ревностен, старателен. Вскоре он вошел и остался в высшей цели святой жизни, ради которой его собратья справедливо уходят из дома в бездомность, узнав и осуществив это для себя здесь и сейчас. Он узнал, что "Рождения исчерпаны, святая жизнь завершена, задача выполнена. Больше ничего не нужно для этого мира". И таким образом Нанда стал еще одним из архатов.

Тогда некое божество, глубокой ночью, освещая своим огромным сиянием весь парк Джеты, приблизилось к Благословенному. Придя и поклонившись ему, оно стало сбоку от него. И стоя там, оно сказал Благословенному: "Господин, достопочтенный Нанда, – брат Благословенного, сын его тети по матери, – через прекращение влечений (асава), вошел и остался в незапятнанной свободе осознания, свободе распознавания, узнав и осуществив это для себя в здесь и теперь".

Затем, когда ночь прошла, достопочтенный Нанда пришел к Благословенному, и придя, поклонился и сел сбоку от него. Сидя там, он сказал Благословенному: "Господин, что касается поручительства Благословенного в том, что я получу пятьсот апсар с ногами голубок, то я сейчас освобождаю Благословенного от этого обещания".

"Нанда, постигнув твое осознание моим осознанием, я понял, что 'Нанда через прекращение влечений (асава), вошел и остался в незапятнанной (анасава) свободе осознания, свободе распознавания, узнав и осуществив это для себя в здесь и теперь'. И одно божество сообщило мне, что 'Достопочтенный Нанда через прекращение влечений (асава), вошел и остался в незапятнанной (анасава) свободе осознания, свободе распознавания, узнав и осуществив это для себя в здесь и теперь'. Когда твой ум, через отсутствие пристрастия, был освобожден от влечений (асава), я был тем самым освобожден от обещания".

Осознав смысл этого, Благословенный воскликнул:

Тот, кто перебрался через трясину,

сломал тернии чувственности,

достиг прекращения заблуждений,

такого монаха не беспокоят блаженство и боль.